

III / 208
m. 1

III
208

L

154 $\frac{01}{11}$

III / 208
m. 1

154 $\frac{01}{11}$

ДРЕВНОСТИ
БОСФОРА КИММЕРІЙСКАГО

ANTIQUITÉS

BOSPHORI C IMMÉRIEN.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

TOME PREMIER.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

ДРЕВНОСТИ БОСФОРА КИММЕРІЙСКАГО.

ANTIQUITÉS DU BOSPHORE CIMMÉRIEN.

ДРЕВНОСТИ
БОСФОРА КИММЕРІЙСКАГО

ХРАНЯЩІЯСЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МУЗЕѢ ЭРМИТАЖА.

ИЗДАНЫ

ПО

ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

MDCCCLIV.

ANTIQUITÉS
DU BOSPHORE CIMMÉRIEN

CONSERVÉES

AU MUSÉE IMPÉRIAL DE L'ERMITAGE.

OUVRAGE PUBLIÉ PAR ORDRE

DE

SA MAJESTÉ L'EMPEREUR.

TOME PREMIER.

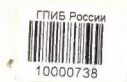
ST-PÉTERSBOURG

IMPRIMERIE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

MDCCCLIV.

СОЧИНЕНИЕ ЭТО НАПЕЧАТАНО ВЪ ДВУХЪ СТАХЪ ЭКЗЕМПЛЯРАХЪ.

OUVRAGE TIRÉ A DEUX CENTS EXEMPLAIRES.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

PRÉFACE.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочинеше, которое мы издаемъ по Высочайшему повелѣнію, начато за десять лѣтъ предъ симъ. Оно написано для людей свѣтскихъ и для ученыхъ, съ цѣлю познакомить ихъ съ памятниками древняго искусства, вырытыми, по большей части въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, изъ кургановъ обоихъ береговъ Босфора Киммерійскаго, и преимущественно въ окрестности древней Пантикапей.

Между памятниками, которые намъ поручено было издать, многіе уже извѣстны изъ сочиненія Дюбуа де Монпере. Въ разныхъ другихъ сочиненіяхъ, особенно же Гг. Алика и Сабатье и статьяхъ, прежде и послѣ изданія ихъ книгъ появившихся въ ученыхъ журналахъ, о которыхъ мы упоминаемъ въ нашемъ сочиненіи, сообщаемы были любителямъ археологій свѣдѣнія о сихъ драгоценныхъ остаткахъ древности.

Вполнѣ признавая достоинство сихъ трудовъ, въ археологическомъ отношеніи, мы не можемъ однако не замѣтить, что сопровождающіе ихъ рисунки неудовле-

PRÉFACE.

L'ouvrage que nous publions par ordre SUPRÊME a été commencé il y a dix ans. Il s'adresse aux hommes du monde aussi bien qu'aux savants; il est destiné à faire connaître les trésors de l'art antique que, dans le laps surtout des vingt-cinq dernières années, les fouilles exécutées dans les tumulus des deux rives du Bosphore Cimmérien, mais principalement dans ceux des environs de l'ancienne Panticapée, ont mis successivement au jour.

L'ouvrage de DUBOIS DE MONTPÉREUX a déjà fait connaître l'existence de plusieurs des monuments que nous avons été chargé de reproduire. Différentes publications, celles particulièrement de Mr. ASCHIK et de Mr. SABATIER, et beaucoup d'articles insérés, avant et après l'apparition de leurs ouvrages, dans divers journaux scientifiques que nous aurons l'occasion de mentionner, sont venus tour à tour entretenir les amateurs de l'archéologie de ces restes précieux de l'antiquité.

Tout en rendant la plus grande justice au mérite de ces publications, au point de vue archéologique, nous devons dire néanmoins que la manière dont les

творительны, и должно сознаться, что они, по большей части, только слегка означают, а не воспроизводят предметы. Наши читатели, особенно тѣ, которые видѣли самые предметы въ Музеѣ Эрмитажа, легко въ томъ убѣдятся, сравнивъ рисунки упомянутыхъ изданій, напр. Атласы Дюбуа и Ашика съ нашимъ, и признають, что эти драгоцѣнные предметы, принадлежащіе къ числу изящнѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства, перенесеннаго Іонійскими колоніями на берега Понта Евксинскаго, издаются въ первый разъ.

Только щедроты Монарха могли дать средства къ изданію рисунковъ, составляющихъ нашъ Атласъ.

Изготовленіе его, по необходимости, должно было подвигаться медленно, ибо надобно было дать художникамъ потребное на то время.

Въ исполненіи сихъ рисунковъ мы постоянно имѣли въ виду главное условіе, требуемое археологами и всѣми тѣми, кто постигаетъ искусство, именно: вѣрное представленіе характера изображаемыхъ предметовъ, наиболѣе служащаго къ опредѣленію значенія и времени древнихъ памятниковъ.

Въ семъ стремленіи мы имѣли сильными сподборниками Гг. художниковъ Родольфа Пикара и Академика Ѳ. Е. Солнцева, съ величайшею вѣрностію и умѣніемъ передавшихъ въ рисункахъ предметы, которые описывать недостаточно, а надобно видѣть, дабы оцѣнить по достоинству. Первому принадлежатъ рисунки, сдѣланные контуромъ, съ металлическихъ вещей и обломковъ лиры, которые украшены чрезвычайно изящными изображеніями, вырѣзанными на деревѣ. Все болѣе совершенствуясь въ своемъ искусствѣ, Г. Пикаръ изобрѣлъ способъ рисовать и гравировать прямо на мѣди, и такимъ образомъ исполнилъ послѣдніе свои рисунки. Г. Академикъ Солнцевъ сдѣлалъ акварельные рисунки съ раскрашенныхъ вазъ, вещей изъ глины и стекла и большой части деревянныхъ и бронзовыхъ предметовъ.

Равной съ сими художниками признательности заслуживаютъ питомцы и члены нашей Академіи Гг. Аѳанасьевъ, Чесскій, Андрузскій и Съмечкинъ, за отличное выполненіе тѣхъ рисунковъ на мѣди и камнѣ.

objets y ont été figurés par le dessin, laisse tant à désirer sous le rapport de l'exécution, qu'il faut reconnaître qu'ils ont été en général plutôt indiqués que reproduits. On s'en convaincra, ceux de nos lecteurs principalement qui ont vu les objets en question au Musée de l'Ermitage, en comparant surtout les planches de l'Atlas de DUBOIS et celles de Mr. ASCHIK avec les nôtres, et l'on s'assurera que ces objets précieux, dont la plupart sont au nombre des monuments les plus exquis de l'art grec apporté par les colonies de l'Ionie sur les bords du Pont-Euxin, voient le jour pour la première fois.

La munificence de l'EMPEREUR pouvait seule faire les frais de la publication des planches qu'offre notre Atlas.

Il fallait nécessairement procéder avec lenteur dans cette oeuvre, et laisser aux artistes habiles qui y ont travaillé le temps dont ils avaient besoin.

Nous avons eu constamment en vue dans l'exécution de ces planches ce que les archéologues et tous ceux qui comprennent l'art demandent avant tout: la reproduction fidèle du caractère de l'objet, chose de la dernière importance, pour déterminer la signification et l'époque des monuments antiques.

Sous ce rapport, le dessin sûr, exact et intelligent de Mr. RODOLPHE PICCARD et de Mr. SOLNTZEFF, membre de notre Académie des Beaux-Arts, nous est venu puissamment en aide en reproduisant, avec une fidélité qui ne saurait être surpassée, des objets qui demandent à être vus plutôt que décrits pour être appréciés. Le premier a exécuté au trait les objets en métal et les débris de la lyre qui offrent des dessins à la pointe, d'une délicatesse exquise. Son habileté d'exécution grandissant avec l'oeuvre, il a fini par trouver le moyen de dessiner directement et de graver sur cuivre les dernières planches qui lui étaient confiées. Le second a dessiné en couleur les vases peints, les objets en argile et en verre et la plupart des objets en bronze et en bois.

Dans le témoignage que nous rendons à ces deux artistes nous leur associerons MM. AFANASSIEFF, TCHESKY, ANDROUZKY et SEMETSCHKIN, élèves et membres de notre Académie des Beaux-Arts, qui ont si bien reproduit leurs dessins.

Руководствомъ при составленіи обѣихъ картъ нашего Атласа послужили послѣднія съемки Военнопографическаго Депо. Сему ученому учрежденію мы одолжены всѣми пособіями, которыя были нужны при начертаніи сихъ картъ.

Историческія данныя о раскопкахъ и раскрытіи памятниковъ древности, извлечены изъ рукописей Дюбрюкса и подробныхъ рапортовъ Гг. Ашика, Карейши, Бѣгичева и другихъ лицъ, находившихся на мѣстѣ и производившихъ расканыванія классической почвы, которая обогатила Музей Эрмитажа столькими драгоценностями. Мы находимся съ этими свѣдущими изслѣдователями въ постоянныхъ сношеніяхъ съ 1842-го года и дали въ нашемъ сочиненіи, плодъ ихъ трудовъ, добросовѣстный отчетъ въ ихъ разысканіяхъ.

Редакція важнаго отдѣла «Надписи» принадлежитъ исключительно Г. Стефани, бывшему Профессору Дерптскаго Университета, выбранному въ 1850-мъ году Академію Наукъ въ число своихъ ординарныхъ членовъ и состоящему съ того времени при Эрмитажѣ хранителемъ древностей и греческихъ и римскихъ медалей. Этотъ ученый археологъ, кромѣ того, составилъ описаніе Заглавнаго листа и рисунковъ Атласа съ № XXXIX по XLIII, XLV по LXXX, LXXXV и LXXXVI.

Надписи, помѣщенные съ № I по LXIX, по большей части уже изданы въ *Corpus Inscriptionum Graecarum* и въ сочиненіи Дюбуа де Монпере; но при всемъ достоинствѣ сего послѣдняго сочиненія, многія надписи отпечатаны въ немъ весьма невѣрно. Посему надлежало возстановить ихъ съ надлежащею точностію; что Г. Стефани и сдѣлалъ. Имена же и отдѣльныя буквы, не разобранныя по причинѣ порчи камня, съ точностію означены въ его объясненіи надписей.

Открытые при разрываніи кургановъ на обѣихъ берегахъ Босфора предметы, по Высочайшему повелѣнію, окончательно назначены Эрмитажному Музею, а въ Керченскомъ приказано оставить только двойные экземпляры ихъ и тѣ вещи, которыя не могутъ быть перевозимы. На основаніи сего повелѣнія всѣ археологическія драгоценности, вырытыя съ 1821-го года, нынѣ собраны въ нашемъ Музѣ.

Les deux cartes de notre Atlas ont été dressées d'après les derniers travaux du Dépôt Topographique de la Guerre; et nous avons trouvé dans ce savant établissement toutes les ressources dont nous avions besoin.

Les documents sur l'histoire des fouilles et sur la découverte des monuments qu'elles ont fournis ont été tirés des manuscrits de DUBRUX et des rapports circonstanciés de MM. ASCHIK, KAREISCHA, BEGUITCHEFF et autres explorateurs, établis sur les lieux pour fouiller la terre classique qui a enrichi de tant de trésors le Musée de l'Ermitage. Constamment en rapports avec ces hommes intelligents, depuis l'année 1842, nous rendrons compte fidèlement de leurs recherches dans le cours de cet ouvrage, qui offre le résultat de leurs travaux.

Le chapitre important des Inscriptions a été exclusivement traité par Mr. STEPHANI, que notre Académie des Sciences a appelé en 1850 de l'université de Dorpat, en lui conférant le titre d'académicien ordinaire, et qui est depuis cette époque conservateur des antiques et des médailles grecques et romaines de l'Ermitage. Ce savant archéologue a rédigé en outre le texte du Frontispice et des planches N° XXXIX à XLIII, XLV à LXXX, LXXXV et LXXXVI de l'Atlas.

Les Inscriptions N° I à LXIX ont été publiées pour la plupart dans le Corpus Inscriptionum Graecarum et par DUBOIS DE MONTFÉREUX; mais chez cet auteur, malgré tout le mérite de son oeuvre, elles offrent souvent une assez grande inexactitude. Il était donc urgent de rétablir ces inscriptions avec la rigueur voulue; c'est ce que Mr. STEPHANI a fait; et lorsque le mauvais état de la pierre ne permettait pas de déchiffrer avec sûreté soit un nom, soit une lettre, les explications du texte l'indiquent toujours avec fidélité.

Par ordre Suprême, le produit des fouilles sur les deux rives du Bosphore était destiné en définitive au Musée de l'Ermitage Impérial; celui de Kertch ne devait garder que les doubles et les monuments qu'il ne serait pas possible de transporter. En exécution de cet ordre, les richesses archéologiques extraites des tumulus explorés depuis 1821 sont venues successivement s'accumuler dans notre musée.

Въ 1851-мъ году щедролюбіемъ Государя послѣдовало открытіе роскошнаго зданія Новаго Эрмитажа, возведеннаго въ десять лѣтъ по планамъ Г. Кленце.

Наставленный Государемъ Императоромъ о планѣ общаго состава Музея, и зная сочувствіе Его Величества къ драгоценностямъ, составляющимъ предметъ нашего изданія, этотъ искусный зодчій не забылъ удѣлять для нихъ приличное помѣщеніе въ новомъ зданіи и приспособилъ къ тому роскошный залъ въ нижнемъ этажѣ его, именующійся Керченскимъ; въ немъ и Кабинетъ Ея Величества Государыни Императрицы, въ верхнемъ этажѣ, расположены нынѣ древности Босфора Киммерійскаго.

Въ названномъ Кабинетѣ помѣщены: восемнадцать вѣнковъ и четыре погребальныя діадемы, въ стеклянныхъ обеліскахъ, вмѣстѣ съ золотою маскою Царицы; драгоценныя вещи изъ Куль-Обскаго склена; другія, найденныя въ послѣднее время близъ Феодосіи; ожерелья, серьги, подвѣски, запястья, застежки, кольца, по большей части украшенные рѣзными камнями, булавки, бляхи, служившія украшеніемъ одежды, и пр.; всѣ сіи вещи расположены подъ стекломъ, на бархатѣ, общее же число всѣхъ древностей въ семъ Кабинетѣ доходитъ до тысячи пяти сотъ золотыхъ предметовъ.

Въ нижнемъ залѣ, кромѣ остальныхъ золотыхъ вещей, хранятся: вазы и разная утварь изъ серебра и бронзы; оружіе, мелкіе бронзовые предметы, глиняныя раскрашенныя и простыя вазы; амфоры, вещи изъ сжееной глины; ожерелья, запястья, амулеты и пр. изъ цвѣтной стеклянной пасты; вещи изъ стекла и дерева; камни съ надписями и надгробныя; большой мраморный саркофагъ; статуя, обломки отъ скульптурныхъ предметовъ и пр.

Общій составъ нашего собранія простирается до двухъ тысячъ пяти сотъ предметовъ, а число нумеровъ, подъ которыми они размѣщены, до тысячи пяти сотъ.

Музей Эрмитажа порученъ заведыванію Е. С. г. Оберъ-Готмаршала Двора Его Величества, Графа А. П. Шувалова, и состоитъ подъ главнымъ управленіемъ Е. С. г. Министра Императорскаго Двора, Графа В. Ѳ. Адлерберга; Музей этотъ составляетъ предметъ ихъ особенныхъ попеченій, объемлющихъ все, что можетъ послужить къ преусиженію сего богатаго древлехранилища.

En 1851 la munificence de l'EMPEREUR a inauguré le splendide édifice du Nouvel Ermitage, construit, dans l'espace de dix années, sur les plans de Mr. de KLENZE.

Cet habile architecte à qui notre AUGUSTE SOUVERAIN avait daigné communiquer Sa pensée sur l'ensemble de ce musée, et qui connaissait Son goût pour les trésors que cet ouvrage est destiné à faire connaître, n'avait garde d'oublier la place qu'ils devaient y occuper; et la belle salle dite de Kertch a été disposée en conséquence dans le rez-de-chaussée du nouvel édifice. Cette salle renferme les Antiquités du Bosphore Cimmérien, conjointement avec le cabinet dit de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE, situé à l'étage supérieur.

Ce cabinet contient dix-huit couronnes et quatre diadèmes funéraires disposés avec le masque d'or de la reine, dans des obélisques en verre; les objets précieux du Koul-Oba; ceux de Théodosie nouvellement découverts; les colliers, anneaux d'oreilles, pendeloques, bracelets, agrafes, bagues enrichies la plupart d'intailles, épingles, plaques d'ornements d'habits, etc. exposés sous verre et sur velours, en tout près de quinze cents objets en or.

La salle du rez-de-chaussée contient le reste des objets en or; les vases et les ustensiles en argent et en bronze; les armes et les petits bronzes; les vases peints et autres en argile; les amphores, les terres-cuites; les colliers, bracelets, amulettes, etc. en pâte de couleur; les objets en verre; les objets en bois; les pierres à inscriptions, les pierres funéraires; le grand sarcophage en marbre; les statues et fragments de sculpture, etc.

L'ensemble des richesses de toute la collection comprend environ deux mille cinq cents objets, classés sous près de quinze cents numéros.

Le Musée de l'Ermitage est confié à la direction de S. E. Monsieur le Comte SCHOUVALOFF, Grand-Maréchal de la Cour, sous la direction supérieure de S. E. Monsieur le Comte d'ADLERBERG, Ministre de la Maison de SA MAJESTÉ L'EMPEREUR, et forme l'objet de leur sollicitude éclairée, qu'ils étendent à tout ce qui peut augmenter l'importance de ce riche trésor.

Да будетъ намъ дозволено принесть здѣсь дань признательности къ памяти Его Свѣтлости покойнаго Князя П. М. Волконскаго. Воплиѣ оцѣнивая важность издаваемаго нами сочиненія, онъ въ 1843 году подносилъ планъ его на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе, и съ тѣмъ сочувствіемъ ко всему прекрасному и полезному, которое было удѣломъ сего памятнаго мужа, всегда поддерживалъ насъ въ нашемъ предпріятіи.

Съ особеннымъ удовольствіемъ считаемъ себя въ правѣ упомянуть и о Е. С. Графѣ Л. А. Перовскомъ, завѣдыванію котораго поручены нынѣ всѣ археологическія разысканія, дѣлаемыя въ Россіи. Эрмитажный Музей уже обязанъ его просвѣщенной заботливости значительнымъ приращеніемъ своихъ драгоценностей, частью возвращенныхъ въ казну отъ частныхъ людей, частью добытыхъ при новыхъ разысканіяхъ, которыя были произведены подъ личнымъ надзоромъ Его Сіятельства или по его указаніямъ. Одушевленный любовью къ памятникамъ древняго искусства и питая особенный интересъ къ сего рода богатствамъ, скрывающимся въ почвѣ нашей благословенной и обширной Россіи, сей государственный мужъ все болѣе и болѣе находитъ средства отыскивать ихъ, становясь такимъ образомъ исполнителемъ воли Августѣйшаго Монарха, который въ созерцаніи изящнаго въ искусствѣ, этомъ благородномъ удѣлѣ Вѣнцесцевъ, любитъ находить отдохновеніе отъ славныхъ дѣлъ Своего царствованія.

Май 1854го года.

Ф. Жиль

Дѣйствительной статскій совѣтникъ, Библіотекеръ Ихъ Императорскихъ Величествъ и Е. И. В. Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, Начальникъ 1 го Отдѣленія Музея Эрмитажа.

Qu'il nous soit permis de payer ici le pieux tribut de notre gratitude à la mémoire de feu S. A. le PRINCE PIERRE VOLKONSKY, qui comprenant toute l'importance de l'oeuvre que nous publions, en présenta le plan à SA MAJESTÉ, en 1843, et avec ce vif sentiment du beau et de l'utile qui caractérisait cet homme regretté, nous a constamment soutenu dans notre tâche.

Nous sommes heureux aussi d'avoir à citer S. E. Monsieur le COMTE PEROFFSKY à qui est confiée aujourd'hui la direction des fouilles archéologiques dans l'Empire. Sa sollicitude éclairée a enrichi le Musée de l'Ermitage de bon nombre d'objets précieux, restitués par ses soins ou provenant des recherches effectuées sous ses yeux ou par ses ordres. Le goût prononcé de cet homme d'Etat pour les monuments de l'art antique, pour ceux surtout que renferme le sol de notre riche et vaste Russie, lui suggère de plus en plus les idées et les moyens de les produire au jour, et de répondre ainsi à la confiance de notre Auguste Souverain, qui aime à se délasser des travaux glorieux de Son règne par ce culte du beau dans l'art qui est un si noble apanage des têtes Couronnées.

Mai 1854.

Conseiller d'état actuel, Bibliothécaire de Leurs Majestés
Impériales et de S. A. I. Monseigneur le Césarevitch.
Chef de la 1re Section du Musée de l'Ermitage.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

AVIS A NOS LECTEURS.

По систематическому порядку, въ которомъ расположены рисунки нашего Атласа, невозможно было соединить на одномъ и томъ же рисункѣ всѣ предметы вмѣстѣ найденные, а надобно было помѣстить ихъ тамъ, куда они принадлежали по своему роду; но при описаніи означивъ мѣсто, гдѣ были найдены эти предметы, а также показавъ гробницу, годъ раскопки и имя производившаго ее, мы упомянули и о томъ, какіе еще предметы находились въ одной съ нами гробницѣ, дабы такимъ образомъ дать читателю возможность мысленно представить ее себѣ со всѣми открытыми въ ней вещами.

Довольно большое число ихъ уже было описано прежде Дюбуа де Монперье и Ашикомъ, первымъ — въ *Voyage autour du Caucase* (Paris, 1839—1843), вторымъ — въ сочиненіяхъ: *Воспорское Царство* (Одесса 1848) и *Часы досуга* (Одесса 1851).

Въ нижеслѣдующемъ перечнѣ мы указываемъ на тѣ рисунки этихъ сочиненій, на которыхъ изображены помѣщенные въ нашемъ Атласѣ предметы. Въ первомъ столбцѣ показаны наши рисунки. D означаетъ сочиненіе Дюбуа; A — первое, A* — второе изъ упомянутыхъ сочиненій Ашика. Слѣдующія за тѣмъ цифры означаютъ номера рисунковъ и фигуръ. Кроме того Ашикомъ вторично издамы нѣкоторые изъ сихъ предметовъ въ 12-мъ томѣ *Annales de l'Institut de correspondance archéologique*, рис. А. В. С.

Le classement systématique de notre Atlas ne permettait pas de réunir sur la même planche les différents objets trouvés dans un même tombeau, et ils sont naturellement disséminés dans nos planches, suivant la catégorie à laquelle ils appartiennent; mais en indiquant dans notre texte la localité et la nature du tombeau, le nom de l'explorateur et l'année de la fouille, nous avons eu soin, en même temps, d'énumérer les divers objets trouvés ensemble, et de les indiquer par des renvois qui mettront le lecteur en état de reconstituer par la pensée la sépulture avec ce qu'elle renfermait.

DUBOIS DE MONTPÉREUX et ASHIK ont publié un assez grand nombre des objets qui figurent dans notre Atlas; le premier dans son *Voyage autour du Caucase* (Paris 1839—1843); le second dans ses deux ouvrages: *Воспорское Царство* (Odessa 1848) et *Часы досуга* (Odessa 1851).

Dans l'Index qui suit nous établissons entre nos planches, désignées par des chiffres romains, et celles des trois ouvrages ci-dessus où figurent les objets en question, une exacte concordance. D désigne l'ouvrage de DUBOIS; A indique le premier et A* le second des ouvrages d'ASHIK. Les chiffres qui suivent ces initiales désignent les planches et les numéros des objets. ASHIK a en outre fait paraître dans les planches A. B. C. du tome 12 des *Annales de l'Institut de correspondance archéologique* la répétition d'une partie de ses dessins.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ. FRONTISPICE.

No. 6.	D.	26.	3.	No. 9.	D.	26.	2.	No. 12.	A.	III.	99.
	A.	I.	7.		A.	III.	119 ^a .	14.	D.	17.	1.
7.	A [*] .	E.	25.	9 ^a .	D.	26.	1.		A.	III.	102.
8.	A [*] .	E.	24.		A.	III.	118.	15.	A.	III.	108.

ПЛАНЫ. PLANS.

A.	D.	18.	4.	5.	A.	I.	6.	A ^b .	к.	A.	II.	1.		
	A.	II.	2.		A ^b .	д.	A.	II.	1 ^ю .	B.	г.	A.	I.	5.
A ^a .	ш.	D.	18.	1.										

РИСУНКИ. PLANCHES.

I.	A*.	E.	2 ^a .	XVIII.	16.	A.	III.	193.	XXII.	19.	A.	III.	134 ^c .	
II.	1.	D.	20.	1.		1.	D.	20.	3.	XXIII.	4.	A.	III.	169.
	A*.	C.	8.				A.	III.	121.		8.	A.	III.	164. 165.
	2.	D.	20.	2.		4.	A.	III.	122 ^a .	XXIV.	13.	A*.	F.	20.
	A*.	C.	9.			5.	A.	III.	122 ^b .		14.	A.	III.	167.
	3.	A*.	C.	7.		6.	A.	III.	133.		18.	A.	III.	162 ^b .
III.	1.	A.	III.	147.	XX.	1.	A.	III.	136.		19.	A.	III.	168. 170.
	3.	A.	III.	145.		2.	A.	III.	140.		25.	A*.	D.	12.
IV.	3	A.	III.	144.		3.	A.	III.	139.	XXV.	8.	D.	21.	1.
VII.	1.	A.	III.	177.		4.	A.	III.	127.	XXVI.	1.	D.	22.	5.
	5.	A*.	F.	19.		5.	D.	24.	5.		2.	D.	24.	4.
	12.	A.	III.	173.			A.	III.	144.	XXVII.	10.	D.	20.	7.
	17.	A.	III.	183 ^b .		6.	D.	24.	7.		11.	D.	22.	8.
	18.	A.	III.	172.			A.	III.	128.	XXIX.	1.	A.	III.	209 ^b .
	21.	A.	III.	183 ^a .		7.	A.	III.	131.		2.	A.	III.	209 ^d .
VIII.	1.	D.	21.	3.		8.	A.	III.	142.		3.	A.	III.	209 ^c .
	A*.	B.	6.			9.	D.	24.	8.		7.	A.	III.	209 ^a .
	2.	A*.	B.	5.			A.	III.	129 ^c .	XXX.	1.	A.	III.	219.
XII.	3.	A.	III.	154.		12.	A.	III.	135.		10.	D.	20.	5.
XIII.	1.	D.	20.	4.		13.	A.	III.	137.		11.	A*.	D.	11.
	A.	III.	123.			15.	A.	III.	138.	XXXI.	1.	A.	III.	214.
XIV.	4.	A*.	D.	14.	XXXI.	15.	A.	III.	161.		3.3 ^a .	A*.	E.	1.
XV.	2.	A.	III.	197.		17.	A.	III.	125.		7.	D.	22.	4.
	15.	A.	III.	184.	XXXII.	7.	A.	III.	205 ^c .		9.	A.	III.	183 ^c .
XVIII.	10.	A.	III.	188.		8.	A.	III.	205 ^c .	XXXII.	1.	D.	21.	5.

XXXII.	1. A. III. 76.	XLIV.	11. D. 22. 7.	LXV.	3. D. 16. 1
	3. 4. A. III. 205 ^a .		13. D. 22. 6.		A. III. 79
	40. D. 24. 4.		14. A. III. 245.	LXVI.	2. A. III. 53.
	A. III. 75.		15. A*. D. 40.		3. A. III. 80.
	12. A. III. 431.	XLVIII.	1. 2. 3. D. 40. 1.	LXVII.	2. A. III. 62.
XXXIII.	1. D. 22. 1.		A. III. 4.	LXVIII.	1. A. III. 67.
	A. III. 120.	L.	D. 44.	LXIX.	4. A. III. 59.
	2. D. 24. 1.		A. III. 54 ^b .	LXXI.	1. 2. A. III. 36.
	A. III. 120.	LI.	A. III. 43.		3. A. III. 70.
XXXIV.	1. D. 23. 1.	LII.	A. III. 45.		1. A. III. 9
	2. D. 24. 3.	LIII.	A. III. 44.		6. A. III. 226.
	A*. E. 3 ^b .	LIV.	A. III. 39.	LXXII.	5. A. III. 88.
	3. D. 23. 5.	LV.	A. III. 25.		8. A. III. 85.
	4. D. 24. 2.	LIX.	3. 4. D. 40. 2.		9. A. III. 86.
XXXV.	6. D. 23. 6.		A. III. 26.		10. A. III. 89.
XXXVI.	4. D. 22. 2.	LXI.	3. 4. A. III. 3.	LXXIII.	4. A. III. 61.
	5. D. 22. 3.		7. 8. D. 45. 1.		3. A. III. 68.
XXXVII.	4. D. 23. 3.		A. III. 5.		7. A. III. 87.
	A*. E. 3 ^a .	LXII.	A. III. 2.	LXXIV.	1. A. III. 93.
	4 ^a . D. 23. 2.	LXIII.	1. 2. 3. A. III. 6.		2. A. III. 92.
	A*. E. 3 ^a .		4. 5. D. 43.		3. A. III. 91.
	5. A. III. 49.	LXIV.	1. A. III. 74.		8. A. III. 81.
XXXVIII.	1. A. III. 46.		2. D. 47. 4.	LXXXI.	6. A. III. 242.
	3. A. III. 45.		3. D. 47. 5.	LXXXII.	1. A. III. 242.
	5. 6. A. III. 44.		A. III. 78.	LXXXIII.	D. 25.
XLIII.	A. III. 1.		8. A. III. 63.		A. III. 244.
XLIV.	2. A*. 3ara 1. Front	LXV.	1. D. 46. 3.	LXXXIV.	1 ^a . D. 25 ^b .
	4. A. III. 225.		A. III. 77.		

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА.

INDEX DU TOME PREMIER.

	стр.
Введение (историческая часть).....	II
— Топография.....	XCVI
— Объяснительныя вѣдѣнія къ планамъ.....	CXVI
Заглавный листъ.....	2

	page
Introduction (Partie historique).....	III
— Topographie.....	XCVI
— Légendes des plans.....	CXVI
Frontispice.....	3

Рисунки.

Planches.

Золотыя вещи. Женская маска.....	10	I	Objets en or. Masque de femme.....	11
Золотыя и серебряныя вещи. Шанна, дѣ- дима и скипетръ Царя и Царицы, похороненныхъ въ Куль-Обскомъ курганѣ.....	16	II	Objets en or et en argent. Mitre et bandeau du Koul-Oba. Sceptre.....	17
Золотыя вещи. Погребальныя вѣзки и повязки.....	20	III	Objets en or. Couronnes et bandeaux funéraires.....	21
— Погребальная повязка и вѣзки.....	30	IV	— Bandeau funéraire et couronnes.....	31
— Связка волосъ. Вѣнки.....	38	V	— Bouquet d'épis. Couronnes.....	39
— Женскія головныя повязки.....	42	VI	— Bandeaux.....	43
— Серьги.....	48	VII	— Boucles et pendants d'oreilles.....	49
— Ожерелье Царя и Царицы, похоро- ненныхъ въ Куль-Обскомъ кург.....	58	VIII	— Colliers du roi et de la reine du Koul-Oba.....	59
— Ожерелья.....	62	IX	— Colliers.....	63
— Ожерелья.....	68	X	— Colliers.....	69
— Ожерелья.....	70	XI	— Colliers.....	71
— Ожерелья.....	74	XII	— Colliers.....	75
— Разныя драгоценныя вещи. Дополн. рисунокъ.....	76	XII ^a	— Bijoux divers. Planche supplémen- taire.....	77
— Запастыя Царя и Царицы, похоронен- ныхъ въ Куль-Обскомъ курганѣ.....	84	XIII	— Bracelets du Koul-Oba.....	85
— и стеклянныя вещи. Запастыя.....	90	XIV	— et en verre. Bracelets.....	91

Рисунки.
Planches.

стр

page

Золотыя вещи съ драгоценными камнями.

Перстни.....94	XV	Objets en or avec pierres fines. Anneaux...95
— Разные камни, валяны и пр.....114	XVI	— Cylindres etc.....115
— Кольца и т. п.....122	XVII	— Anneaux etc.....123
— и бронзовыя вещи. Перстни.....128	XVIII	— et en bronze. Anneaux.....129
— Медальоны и подвеска изъ Куль-Обской гробницы.....136	XIX	— Médallons du Koul-Oba et autres bijoux.....137
— Бляхи, служившия украшеніемъ одежды.....142	XX	— Plagues pour ornements d'habits...143
— Тоже.....148	XXI	— Idem.....149
— Тоже.....152	XXII	— Idem.....153
— Разныя украшения.....158	XXIII	— Bijoux et objets divers.....159
— Тоже.....162	XXIV	— Idem.....163
— Украшеніе щита Царя, схороненнаго въ Куль-Обской гробницѣ.....170	XXV	— Ornement du bouclier du roi du Koul-Oba.....171
— изъ Куль-Обскаго кургана.....174	XXVI	— du tombeau du Koul-Oba.....173
— серебряныя, бронзовыя и желѣзныя вещи. Оружіе.....178	XXVII	— en argent, en bronze et en fer. Armes.....179
— — — Оружіе.....190	XXVIII	— — — Armes.....191
— и бронзовыя вещи. Конская сбруя.....200	XXIX	— et en bronze. Harnais.....201
— серебряныя и изъ слоновой кости. Орудія и домашняя утварь.....204	XXX	— en argent et en ivoire. Ustensiles et instruments.....205
— серебряныя, бронзовыя и изъ слоновой кости. Орудія и домашняя утварь.....212	XXXI	— en argent, en bronze et en ivoire. Instruments et ustensiles.....213
— Статуи, маски и разныя другія вещи.....216	XXXII	— Bijoux et objets divers.....217
Вещи изъ электрума. Сосудъ, найденный въ Куль-Обской гробницѣ.....222	XXXIII	Objets en electrum. Vase du tombeau du Koul-Oba.....223
Серебряныя вещи. Вазы, найденныя въ Куль-Обской гробницѣ.....228	XXXIV	Objets en argent. Vases du tombeau du Koul-Oba.....229
— Вазы.....232	XXXV	— Vases.....233
— Вазы.....236	XXXVI	— Vases.....237
— Вазы.....248	XXXVII	— Vases.....249
— Вазы.....254	XXXVIII	— Vases.....255
— Ваза.....260	XXXIX	— Vase.....261
— Ваза.....266	{ XL XLI XLII }	— Vase.....267
Бронзовыя вещи. Медальонъ.....270	XLIII	Objets en bronze. Médaillon.....271
— Разная утварь.....272	XLIV	— Instruments et ustensiles.....273

ОБЪЯСНЕНИЕ ВИНЬЕТОВЪ.

Они вырѣзаны на деревѣ съ подлинныхъ рисунковъ Г. Бѣгичева.

Видъ Керчи отъ Солиной Пристанн.....II

На склонахъ Митридатовой горы видѣнъ Керченскій Музей, а на вершинѣ памятникъ, воздвигнутый Стемпковскому.

Видъ Керчи отъ Нового Карантина.....III

Видна часть Митридатовой горы съ тѣми же Музеемъ и памятникомъ.

Памятникъ Стемпковскому.....XII

Взали Керченскій рейдъ.

Видъ Керчи отъ Павловской батареи.....XCVI

Взору представляется Митридатова гора во всемъ ея протяженіи, весь рейдъ и часть города.

Видъ Керчи отъ Золотого кургана.....XCVII

Онъ открываетъ въ перспективѣ весь хребетъ Митридатовой горы, часть города, все протяженіе рейда и весь берегъ до Еникале, за которыми различить можно Азіатскій берегъ и Босфорскій проливъ. Нѣсколько вѣѣво отъ вершины Митридатовой горы, на самомъ горизонтѣ, возвышается надъ проливомъ Еникальскій маякъ.

Митридатово кресло.....CL

Искусственное углубленіе въ скалѣ подлѣ

Митридатова кресла.....CLI

Мраморная плита, привошеніе Трифона, найдена въ Недяговѣ.....278

Обломокъ надгробнаго камня, присланный изъ Керченскаго Музея.....279

EXPLICATION DES VIGNETTES,

gravées sur bois d'après les dessins originaux de Mr. Bégitcheff.

Kertch. Vue prise du Débarcadère du Sal....II

On distingue sur le penchant du Mont Mithridate le Musée de Kertch et sur le sommet le monument de Stempkovsky.

Kertch. Vue prise de la Nouvelle Quarantaine.....III

On distingue une partie du Mont Mithridate, le musée et le monument ci-dessus désignés.

Monument de Stempkovsky.....XII

On découvre au-delà la rade de Kertch.

Kertch. Vue prise de la batterie Pavlovskata.XCVI

On distingue toute l'étendue du Mont Mithridate et de la rade de Kertch avec une partie de la ville.

Kertch. Vue prise du Mont d'Or.....XCVII

On a en perspective la croupe du Mont Mithridate, une partie de la ville, toute l'étendue de la rade et de la rive jusqu'à Iénikalé au delà duquel on distingue la côte d'Asie et le détroit du Bosphore, sur lequel s'élève le phare de Iénikalé que l'on aperçoit à l'horizon, un peu à gauche du point culminant du Mont Mithridate.

Fauteuil de Mithridate.....CL

Niche voisine du Fauteuil de Mithridate.....CLI

Don votif de Tryphon, trouvé à Nedvigorka..278

Fragment d'un monument sépulcral provenant du Musée de Kertch.....279

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.

INTRODUCTION HISTORIQUE.

Видъ г. Керчи, снятый съ Солнцой Пристанн.

Kerich. Vue prise du Débarcadere du Sol.

ВВЕДЕНИЕ.

Классическая страна, на которую въ наше время обращено вниманіе ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, въ началѣ нынѣшняго вѣка была еще весьма мало известна.

При всемъ томъ мы считаемъ нужнымъ, прежде чѣмъ приступимъ къ нашему предмету, познакомить читателя съ тѣми довольно неопредѣлительными свѣдѣніями, какія сообщали о сей странѣ нѣкоторые ученые прошедшаго столѣтія.

Ла-Мотре, въ своемъ путешествіи, упоминаетъ о Керчи, называемой имъ въ текстѣ *Guerchey*, а на картѣ (Т. I. В) *Kierke*, какъ о мѣстечкѣ, въ которомъ онъ остановился на минуту въ проѣздѣ свой изъ мѣстечка *Callati*, древняго *Nymphaium*, въ турецкій городъ *Iegnicale* (Еникале); по словамъ Ла-Мотре сей городъ занимаетъ мѣсто *Bosphorium Panticapaeum* древнихъ и *Pontico* Генуэзцевъ. Ла-Мотре покупаетъ кое-гдѣ на пути предлагаемая ему древнія медали; изъ нихъ издано имъ нѣсколько Пантикапейскихъ. Описывая переѣздъ свой изъ Тамани въ Темрюкъ и турецкую крѣпость Адасъ, онъ основательно замѣчаетъ о значительныхъ развалинахъ, видѣнныхъ имъ на пути (вѣроятно около станицъ Сѣвной, мимо которой онъ долженъ былъ проѣхать): «что онъ находятся, какъ кажется, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ древнія времена была Фанагорія, если только не слѣдуетъ искать сію послѣднюю тамъ, гдѣ нынѣ находится Тамань.»¹

На картѣ, приложенной къ англійскому изданію известнаго сочиненія Штраленберга² о Россіи, Керчь названа *Kirtz*, Таманскаго Залива не означено, но рѣка Кубань изображена въ видѣ нѣсколькихъ рукавовъ, раздѣляющихъ страну на острова.

¹ Voyages du S. A. de La Motraye etc. La Haye. 1727. Т. II. стр. 56. 61.

² P. J. STRALLENBERG: Description of the North and Eastern parts of Europe and Asia etc. written originally in High German and translated into English. London. 1738. in 4°.

Видъ г. Керчи, снятый съ Нового Карантина.

Kertch. Vue prise de la Nouvelle Quarantaine.

INTRODUCTION.

La terre classique sur laquelle aujourd'hui l'attention des savants et des hommes éclairés est si vivement attirée, était bien peu connue au commencement de ce siècle.

Avant de procéder à notre oeuvre, nous croyons devoir rappeler ce que quelques érudits du siècle dernier avaient dit assez vaguement sur ce sujet.

Pour le voyageur LA MOTRAYE, Kertsch, qu'il nomme *Guerchey* dans son texte et *Kierke* sur sa carte (To. I. B.), est un bourg où il s'arrête un moment, après avoir traversé un premier bourg du nom de Callati, qu'il désigne comme le *Nymphaeum* (Nymphée des anciens), avant d'arriver à *Iegnicalé* (Ienikale), la ville turque, dont il dit que la situation est dans le lieu où les anciens avaient mis leur *Bosporium Panticapaeum* et les Génois leur *Pontico*. LA MOTRAYE achète ça et là les médailles antiques qu'on lui offre; il en publie plusieurs de Panticapée. En se rendant de Taman à Temrouk et à la forteresse turque d'Adass, il dit avec sagacité, en parlant des ruines assez considérables qu'il rencontre (probablement celles de la station de Sennaia qui était sur son chemin): «leur situation me parut être celle de la *Phanagoria* des anciens, supposé que celle-ci n'ait pas été placée dans l'endroit où est Taman»¹.

Dans la carte de l'ouvrage de STRAHLENBERG², Kertch est nommé *Kirtz*; le golfe de Taman n'existe pas; mais le Kouban y est figuré par plusieurs bras divisant le pays en îles.

¹ Voyages du S^r. A. de LA MOTRAYE etc. La Haye. 1727. To. II. p. 56. 61.

² P^r. J. STRAHLENBERG: Description of the North and Eastern parts of Europe and Asia etc. written originally in High German and translated into English. London. 1738. in 4°.

Палласъ, путешествовавший по Россіи въ 1793—1794 гг., издалъ замѣчательную надпись, найденную въ окрестностяхъ Очакова и относящуюся до Ольвии (Воескн С. I. 2072), нѣсколько Херсонисскихъ и Пантикапейскихъ медалей, а также нѣсколько надписей и надгробныхъ камней сего послѣдняго города. Это было хорошее начало.¹ Мы скажемъ о путешественникѣ Клааркѣ по поводу Золотого кургана.

Въ 1802 году Гютри издалъ много Босфорскихъ медалей и прелестную женскую головку изъ сжонной глины (Р. 17. стр. 17), близко подходящую къ изображенной на нашемъ Р. LXVIII 4; уже одна эта головка показывала, что въ этомъ краѣ надо искать памятниковъ греческаго искусства.² (Головка эта изображена также у Паллааса, Т. II, Выш. II, стр. 316).

Ваксель издалъ въ 1803 г. надписи, надгробные камни и т. п., найденные въ Ольви, Херсонисѣ, Феодосіи, Пантикапее и др. м.³

По эти первыя данныя, относящіяся къ прошедшему столѣтію и началу нынѣшняго, были еще весьма неопредѣлительны, и посему Келлеръ, въ Письмѣ⁴ о нѣсколькихъ медаляхъ Европейской Сармаціи и Херсониса Таврическаго, найденныхъ большею частью въ Ольви и Феодосіи, совершенно справедливо могъ спросить: «сколько же греческихъ городовъ на берегу Понта Евксинскаго, знаменитыхъ по ихъ торговлѣ и роскоши, можемъ мы съ точностію означить древнее мѣстоположеніе?»

Милленъ, въ своемъ описаніи медалей, приложенномъ въ сочиненію Рельи⁵, выразился почти въ томъ же смыслѣ, говоря: «*Медали Таврическаго Херсониса и Европейской Сармаціи еще мало известны.... Тѣ, которыя Рельи приобрѣлъ въ бытность свою въ Крыму, почти все еще неизданы; изъ этого можно заключить: какъ велика польза и интересъ, неразрывные съ изслѣдованіемъ этихъ медалей.*»

Вотъ почти все, что извѣстно было объ этой классической землѣ, въ археологическомъ отношеніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ 1805 году Келлеръ издалъ свою: *Dissertation sur le monument de la Reine Comosarge*. Это замѣчательное сочиненіе о памятникѣ, въ высшей степени любопытномъ и нынѣ потерянномъ, и его же: *Mémoire sur quatre médailles du Bosphore Cimmérien, 1808*, содержали въ себѣ важныя открытія о Босфорскихъ городахъ, которые изъ послѣдующихъ сочиненій сего ученаго автора все болѣе и болѣе дѣлались извѣстными.⁶

Нѣсколько древнихъ предметовъ, какъ-то: раскрашенныхъ вазъ, перстней, ожерельевъ и другихъ золотыхъ вещей, случайно найденныхъ въ курганахъ близъ Керчи, обнаружили тутъ существованіе памятниковъ времени Гречовъ и Римлянъ и возбудили вниманіе просвѣщеннаго класса людей, знавшихъ

¹ Pallas: Bemerkungen auf einer Reise etc. Т. II. Р. 5. 17. 18.

² GUTHRIE: A Tour, performed in the years 1795—6, through the Taurida, etc.

³ WAXSEL: Recueil de quelques antiquités etc. Berlin. 1803. 4°.

⁴ Nova acta Acad. scient. Imp. Petrop. Т. XIV. стр. 99.

⁵ RYLLI: Voyage en Crimée, etc.

⁶ См. его: Serapis, 1822, содержащій въ себѣ нѣсколько диссертаций о монетахъ Херсониса и другихъ греческихъ городовъ Тавриды.

— Du château royal du Bosphore et de la ville de Gargaza dans la Chersonèse Taurique, въ: Mémoires de l'Académie Impériale, Ve Série. Т. IX. 1824.

— Mémoire sur les îles et la Course consacrées à Achille dans le Pont Euxin. Тамъ же Т. X. 1826.

— Tarichos ou Recherches sur l'histoire et sur les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale. Тамъ же. VIe Série. Т. I. 1832.

INTRODUCTION.

V

PALLAS qui exécuta son voyage en 1793—94, publia l'inscription intéressante sur Olbia trouvée dans les environs d'Oczakow (БОЕЧКА C. I. 2072), quelques médailles de Chersonesus et de Panticapée et diverses inscriptions et pierres tumulaires de cette dernière ville¹. C'étaient de bons premiers indices.

Nous mentionnerons plus tard au sujet du Mont d'Or, le nom du voyageur CLARKE.

GUTHRIE, en 1802, publia beaucoup de médailles du Bosphore et (Pl. 17. page 17.) une charmante tête de femme, en terre cuite, très semblable à celle de notre Plaque LXVIII. 4. qui était à elle seule une révélation de l'art grec dans ces contrées² (Elle se trouve également dans le Tome II. de PALLAS, Vign. II. p. 316).

WAXEL publia, en 1803, des inscriptions, des pierres tumulaires, des médailles, etc. appartenant à Olbia, Chersonesus, Théodosie, Panticapée, etc.³

Mais ces premières données du siècle dernier et du commencement du nôtre étaient encore bien vagues; et dans une Lettre sur plusieurs médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique, provenant surtout d'Olbia et de Théodosie,⁴ KÜHLER avait raison de dire: «*De combien de villes grecques situées aux bords du Pont-Euxin, célèbres par leur commerce et par leur opulence, sait-on indiquer l'ancien site avec précision?*»

Dans la note numismatique qui accompagne l'ouvrage de REUILLY,⁵ MILLIN s'exprimait à peu près de même: «*les médailles de la Chersonèse Taurique et de la Sarmatie Européenne sont encore peu connues; celles que M. REUILLY s'est procurées pendant son séjour en Crimée sont presque toutes inédites; ce qui prouve combien la recherche de ces médailles pourrait présenter d'utilité et d'intérêt.*»

Ce que l'on savait en fait d'archéologie sur cette terre classique, au commencement de ce siècle, peut se résumer en ce que nous venons de rappeler.

En 1805, KÜHLER publia sa Dissertation sur le monument de la Reine Comosarpe. Ce remarquable ouvrage sur un monument du plus haut intérêt, aujourd'hui disparu, et son Mémoire sur quatre médailles du Bosphore Cimmérien, 1808, étaient déjà des indices éloquentes sur les villes du Bosphore que les écrits subséquents de ce savant auteur devaient, de plus en plus, faire connaître.⁶

La découverte fortuite de divers objets antiques, comme vases peints, anneaux, colliers et autres bijoux en or, dans des tumulus des environs de Kertch, vint révéler des monuments qui appartenaient

¹ PALLAS: Bemerkungen auf einer Reise, etc. To. II. Pl. 5. 17. 18.

² GUTHRIE: A Tour, performed in the years 1795—6. through the Taurida, etc.

³ WAXEL: Recueil de quelques antiquités, etc. Berlin. 1803. 4°.

⁴ Nova Acta Acad. Scient. Imp. Petrop. To. XIV. p. 99.

⁵ Voyage en Crimée, etc.

⁶ Voyez Scirapis, 1822, qui contient plusieurs dissertations sur des monnaies de Chersonesus, et d'autres villes grecques de la Tauride.

— Du château royal du Bosphore et de la ville de Gargaza dans la Chersonèse Taurique. Mém. de l'Acad. Imp. Ve Série. To. IX. 1824.

— Mémoire sur les îles et la Courbe consacrées à Achille dans le Pont-Euxin. Ibid. To. X. 1826.

— Tarichos ou Recherches sur l'histoire et sur les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale. Ibid. VIe Série. To. I. 1832.

изъ сочинений древнихъ писателей, что на этихъ отдаленныхъ берегахъ Понта Евксинскаго некогда были греческія колоніи.

Независимо отъ важныхъ указаній объ Ольвіи, содержащихся въ трудахъ Келера о медаляхъ сего города, известно было, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находился этотъ знаменитый въ древности городъ, найдено нѣсколько золотыхъ вещей превосходной работы, и между прочими сѣрьга, представляющая фигуру Сперсы (см. р. VII, 44), подаренная въ 1802 г. Императору Александру I Генераломъ Титовымъ.

Въ 1816 и 1817 гг. Дюбрюксъ, французскій выходецъ, бывшій въ русской службѣ, и объ ученыхъ трудахъ котораго сказано будетъ ниже, предпринялъ на свой счетъ нѣсколько раскопокъ въ окрестностяхъ Керчи. Государственный Канцлеръ Графъ Румянцовъ, имя котораго неразрывно связано съ исторіею просвѣщенія въ Россіи, далъ Дюбрюксу средства для продолженія его разысканій. Найдя въ курганахъ Митридатовой горы и вдоль шоссе, ведущаго къ Новому Карытину (см. карту № 1), нѣсколько медальей и раскрашенныхъ вазъ, онъ послалъ ихъ къ Графу Румянцову.

За тѣмъ, продолжая раскопки на собственный счетъ, Дюбрюксъ нашелъ нѣсколько древнихъ вещей, которыя поднесъ Ея Величеству покойной Императрицы Маріи Феодоровны. Предметы сии хранятся во дворцѣ города Павловска¹. Онъ производилъ также разысканія, какъ полагаютъ должно, по порученію Графа Оппермана и Генерала Бетанкура; въ это время, между прочими предметами, найдена была раскрашенная ваза, въ которой находилось превосходное золотое ожерелье.

Въ 1824 году, по распоряженію начальника Керченской Гребной Флотиліи, Г. Платинотти, производились земляныя работы на Митридатовой горѣ; здѣсь, въ курганѣ, на разстояніи версты къ СЗ. отъ Золотого кургана, случайно найдено большое количество древнихъ вещей, между которыми находились: глиняная амфора съ надписью: *ΣΥΡΧΟ ΑΡΙΣΤΩΝ*, бронзовая ваза, статуя скинскаго воина² изъ электрума, большое шейное кольцо (*στέφανος περισχυβός*) изъ того же металла, украшенное на концахъ лавинными головками и надѣвавшееся какъ ожерелье, два золотыхъ запястья (*στέφανος περισχυβός*), множество наконечниковъ стрѣлъ и наконечъ медалей, въ томъ числѣ Пантипанейскія, изъ коихъ одна Левка. Вещи эти представлены были тогдашнему Новороссійскому Генералъ-Губернатору Графу Ланжерону и описаны Благрамбергомъ³. Курганъ, извѣстный подъ именемъ кургана Платинотти былъ совершенно срытъ, но отъ него еще остался слѣдъ (см. карту № 1).

Въ это время уже извѣстно было, что многіе владѣльцы дѣлали на земляхъ своихъ въ окрестностяхъ Керчи раскопки и открыли множество древнихъ предметовъ, разошедшихся по рукамъ любителей древностей. Французскій Консулъ въ Одессѣ, Г. Кузиниери, составилъ около 1817 года довольно многочисленное собраніе Воефорскихъ медальей⁴.

Слѣдствіемъ разысканій, произведенныхъ въ 1817 году на Тамани, было открытіе двухъ гробницъ; въ нихъ найдены: оставъ мужчины, бронзовыя и глиняныя вазы, золотой перстень и золотая же пряжка отъ пояса, медали и нѣсколько другихъ древнихъ вещей.

¹ См. описаніе сихъ предметовъ въ брошюрѣ Г. Мзрабья: *Antiquités de Pavloffsk.*

² Благрамбергъ называетъ эту статушку *Скинскимъ Геркулесомъ*.

³ Благрамбергъ: *Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus etc. Paris. 1822.*

Кромѣ разныхъ статей, помѣщенныхъ Г. Благрамбергомъ въ: *Journal d'Odessa*, имъ издано нѣсколько другихъ археологическихъ сочиненій, изъ коихъ назовемъ вышедшее подъ наглавиемъ: *De la position des trois forteresses Taurico-Scythiques dont parle Strabon, avec carte, plans etc. Odessa. 1831.* Сочинитель скончался въ томъ же году.

⁴ См. Мюльмт. Т. II. стр. 354. 366. 369. 372. 380. 386. Suppl. T. IV. стр. 497. 500. 504.

aux temps grecs et romains, et éveiller l'attention des hommes éclairés qui connaissaient par les auteurs classiques l'existence de colonies grecques sur ces bords reculés du Pont-Euxin.

Outre les précieux renseignements que renferment les travaux de KÖHLER sur les médailles d'Olbia, on savait que l'emplacement de cette ville célèbre avait déjà fourni quelques objets en or d'un travail exquis, comme le pendant d'oreille offrant la figure d'une Sirène (Pl. VII. 14.) qui est un hommage du général TITOFF à L'EMPEREUR ALEXANDRE, en 1802.

En 1816—1817, M. DUBRUX, émigré français au service de Russie, dont nous mentionnerons plus loin les travaux, avait entrepris, à ses frais, quelques fouilles dans les environs de Kertch. Le COMTE ROUMIANTZOW, chancelier de l'Empire, dont le nom est inséparable des idées qui se rattachent à la science et à l'art, lui assigna quelques fonds, pour continuer ses recherches. DUBRUX découvrit dans des tumulus du Mont Mithridate et le long de la chaussée qui mène à la Nouvelle Quarantaine (voir la carte No. 1) quelques médailles et des vases peints qui furent envoyés au COMTE ROUMIANTZOW.

Plus tard, en continuant à fouiller pour son propre compte, DUBRUX découvrit divers objets antiques dont il fit hommage à S. M. L'IMPÉRATRICE MARIE FÉDOROVNA. Ces objets sont conservés au château de Pavlovsk¹. Sur l'invitation, à ce qu'il paraît, du COMTE OPPERMANN et du général de BÉTHENCOURT, il exécuta aussi des fouilles qui produisirent, entre autres objets, un vase peint renfermant un très-beau collier d'or.

En 1821, M. PATINIOTTI, chef de la flottille de Kertch, faisait exécuter quelques travaux d'excavation sur le Mont Mithridate. Dans un tumulus situé à une verste au N. O. de celui du Mont d'Or, on découvrit fortuitement une assez grande quantité d'objets antiques, parmi lesquels une amphore en terre cuite portant l'inscription ΕΥΡΥΧΟ ΑΡΙΣΤΩΝ, un vase en bronze, une figurine en electrum représentant un guerrier scythe², un grand anneau de cou (σπερτός περικλυμένος) se portant comme un collier, également en electrum et orné de têtes de lion, deux bracelets (σπερτός περικάρπιος) en or, des pointes de flèches en grand nombre, enfin des médailles parmi lesquelles plusieurs de Panticapée, dont une de Leucon. Ces objets furent envoyés au COMTE LANGERON, gouverneur général de la Nouvelle Russie. Ils ont été décrits par M. DE BLARAMBERG³. Le tumulus, qui conserve le nom de PATINIOTTI, a été complètement effondré, mais il en existe encore des traces (voir la carte No. 1).

A cette époque, il était déjà de notoriété publique que plusieurs propriétaires avaient fait sur leurs terres, dans les environs de Kertch, des fouilles qui avaient eu pour résultat la découverte d'un assez grand nombre d'objets antiques qui avaient passé dans les mains des amateurs. M. COUSINÉRY, consul de France à Odessa vers 1817, avait réuni une assez riche collection de médailles du Bosphore⁴.

Des fouilles exécutées à Taman, en 1817, avaient mis au jour deux tombeaux renfermant un squelette d'homme, des vases en bronze et en terre cuite, une bagne et une boucle de ceinture en or, des médailles et quelques autres objets antiques.

¹ M. le Dr. E. MURALT a publié sous le titre: Antiquités de Pavlovsk, un opuscule où ces objets sont décrits.

² M. DE BLARAMBERG dit: *l'Hercule scythique*.

³ BLARAMBERG: Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus, etc. Paris. 1822. Outre les articles publiés par lui dans le Journal d'Odessa, M. DE BLARAMBERG est l'auteur de différents autres travaux archéologiques, notamment d'un opuscule intitulé: De la position des trois forteresses tauro-scythes dont parle Strabon, avec carte, plans, etc. Odessa. 1831. Cet ouvrage parut l'année même de sa mort.

⁴ Voyez: MIONNET. To. II. p. 354. 366. 369. 372. 380. 386. Suppl. To. IV. p. 497. 500. 504.

Все эти случаи неминуемо должны были обратить на себя в высшей степени внимание Правительства и повести к тем учреждениям, которых и должно было ожидать от просвещенной заботливости тогдашнего Новороссийского Генерал-Губернатора Графа Воронцова, ныне Князя и Наместника Его Величества на Кавказ и в Закавказском Крае. В Керчи и в Одессе учреждены были в 1823 году Музеи по предварительному, как полагают должно, предложению отставного полковника Степиковского, впоследствии Керченского Градоначальника. Имя этого замечательного человека слишком известно, чтобы входить о нем здесь в дальнейшие подробности, в том же оно увековечено памятником, воздвигнутым в честь Степиковского на Митридатовой горе (см. вконец), с которой открывается вид на город и страну, составлявшие предмет постоянной его заботливости.

Денежная сумма, потребная на учреждение обоих Музеев, назначены были по ходатайству Графа Воронцова от казны и в 1824 году Г. Балаамбергъ, уже стяжавший себе имя археолога, определен был директором их и занимал эту должность до своей кончины, последовавшей в 1831 году.

Г. Балаамбергъ производил раскопки в окрестностях Керчи, на почве, отчасти уже изведанной Дюбрюкомъ, на местонахождении Нового Карантина (древнего Мирмекіона?) и в других местах. Результатом сих раскопок было открытие многих золотых вещей, как-то: запястьев, серег с Амурами и т. п., все это сложено было в Керченском Музее.

Становилось все более и более несомненным, что в курганах, во множестве разсыпанных на классической почве Пантикапеи, скрывались сокровища; но как в других, более значительных в смысле отношении мест, напр. в Аонахъ, Риме, Позззано, Апулии и иных, в которых путешественники, нажаты, осаждают под своими ногами памятники греческого и римского искусства, так и в Керчи недостаточно одних раскопок, хотя бы и не жалки издержек, соединенных с подобными земляными работами, часто остающимися без пользы, — при этих работах необходимы благоприятные обстоятельства, нужно счастье. Такой случай выказался в 1831 году и неожиданное открытие гробницы Куль-Обсана кургана послужило явным доказательством того, что genius древней Греции, с его изобретениями и произведением искусства, столь превосходными по тонкому в них вкусу, не минул сих мест, и что древние бытописатели и народное предание, из века в век повторявшееся, не напрасно рассказывали о греческой цивилизации, получившей осязательность на сих отдаленных берегах Понта Евксинского в кругу Сквирских племен; она была перенесена сюда торговлею городов, которые основаны были на этом классическом прибрежье Милетомъ, названном *матерью ста дочерей*, темъ намекая на множество учрежденных этим городом колоний¹.

Здесь, как и в других местах, открытие было случайное. В 1743 году Герцогъ Эльзевский, памятникъ Правца Евгения Савойского, рыл колодезь на своей виллѣ и открыл Геркуланъ под лавою, покрывающею почву Портичи. Разрывая курганъ Куль-Оба, чтобы достать из него камней на постройки, Дюбрюкс случайно открыл царскую гробницу, которую мы здесь опишемъ.

¹ Бартелеми в своем сочинении: *Voyage du jeune Anacharsis*, на 4 таблицах, посвященной греческим колониям, поименно исчисляет 62, которые либо непосредственно основаны были Милетомъ, либо произошли от учреждений им колоний. Большая часть из них относится к Пропондиде и Понту Евксинскому. Между колониями Понта мы встречаем Тирак, Ольвию, Феодосию, Нинфею, Пантикапею, Мирмекіонъ, Фанагорію, Гермонассу, Кену. О последних шести говорится будто в топографическом описании нашей карты Босфора Киммерийского.

Смотри о сих колонияхъ сочинение Раль-Роммута: *Histoire critique de l'établissement des colonies grecques*, Т. III в разных местах.

² Фанагорія Тавроская колония. Скепсис. Отрмис, 453

Tous ces faits avaient nécessairement éveillé l'attention, au plus haut point, et devaient conduire à ce que la sollicitude éclairée du COMTE VORONTZOV (aujourd'hui PRINCE VORONTZOV, lieutenant de S. M. l'EMPEREUR au Caucase), gouverneur général de la Nouvelle Russie, ne tarda pas à faire instituer: la fondation des Musées de Kertch et d'Odessa créés, en 1823, sur la proposition préalable, à ce qu'il paraît, de M. DE STEMPOVSKY, alors colonel en retraite, plus tard gouverneur civil de Kertch. Le nom de cet homme remarquable est trop connu pour que nous entrions à son sujet dans aucun détail; il est d'ailleurs consacré par le monument qui a été élevé à sa mémoire sur le mont Mithridate (voir la vignette), d'où la vue plane sur la ville et sur la contrée qui ont été l'objet de sa sollicitude.

Les fonds pour l'établissement de ces deux musées furent assignés par le Gouvernement, sur la demande de M^r. le COMTE VORONTZOV; et, en 1824, M^r. DE BLARBERG, déjà connu comme archéologue, en fut nommé le directeur, fonctions qu'il a exercées jusqu'à sa mort, en 1834.

M^r. DE BLARBERG exerça son activité sur le sol des environs de Kertch, sur le terrain déjà en partie exploré par DUBAUX, sur celui de l'emplacement de la Nouvelle Quarantaine (l'ancienne Myrmecium?) et ailleurs. Il trouva beaucoup d'objets en or, comme bracelets, boucles d'oreilles avec figures d'Amours, etc. qui furent déposés au musée de Kertch.

Il devenait de plus en plus évident que le sol classique de Panticapée recelait des trésors dans ses nombreux tumulus; mais là, comme dans d'autres contrées plus fameuses, comme sur le sol d'Athènes et de Rome antique, comme au Pausilippe, comme dans la Pouille et ailleurs, où l'on se sent marcher sur les monuments de l'art grec et romain, il ne suffit pas de fouiller seulement, même en ne reculant pas devant l'idée des dépenses énormes, souvent en pure perte, que le remuement du sol entraîne, il faut des circonstances heureuses, il faut de la chance. Cette chance se trouva en 1831; et la découverte inopinée du tombeau du Koul-Oba vint offrir la preuve la plus manifeste que le génie grec, avec ses fables mythologiques, avec les produits parfois de son goût et de sa délicatesse, avait passé par là; et que ce n'était pas en vain que les historiens anciens et que la tradition, perpétuée d'âge en âge, mentionnaient sur ces bords reculés du Pont-Euxin l'existence de la civilisation grecque, apportée par le commerce et établie, au milieu des peuplades Scythes, sur les villes que Milet, la mère aux cent filles, (allusion charmante à ses nombreuses colonies), avait fondées sur ce littoral classique¹.

Ici, comme ailleurs, la découverte fut toute fortuite. En faisant creuser un puits dans sa villa, en 1743, le DUC D'ELBÉUF, neveu du PRINCE HENRI DE SAVOIE, trouva Herculaneum enfoui sous la lave qui recouvre le sol de Portici. En creusant le Koul-Oba, pour en extraire des pierres de construction, DUBAUX trouva inopinément le tombeau royal dont on va lire la description.

Dans la quatrième table de son Anagchasis, consacrée aux colonies grecques, BARTHÉLEMY donne les noms des soixante-deux colonies (directes ou dérivées) fondées par Milet, la plupart dans la Propontide et le Pont-Euxin. Parmi celles-ci figurent Tyras, Olbia, Théodosie, Nymphée, Panticapée, Myrmecium, Phanagorie*, Hermonassa, Capi. Nous aurons à mentionner les six dernières dans la topographie de notre carte du Bosphore Cimmérien.

Voyez sur ces dernières colonies de Milet le bel ouvrage de RAOUL-ROCHETTE: Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. To. III passim.

* Phanagorie est une colonie de Teos. SCYTH. FRAGM. 453

ОТКРЫТИЕ КУЛЬ-ОБСКОЙ ГРОБНИЦЫ.

Куль-Оба есть огромного размера курганъ, на разстояніи около шести верстъ къ Западу отъ Керчи, расположенный въ ряду холмовъ, упирающихся въ Митридатову гору (см. карту № 4). Онъ ссызданъ былъ навѣстнъ подъ этимъ названіемъ, которое въ буквальный смыслъ означаетъ «Гора пепла» и такимъ образомъ, кажется, сохранилось тайное преданіе о событіи, памятники котораго скрывались въ курганѣ.

Наше описаніе открытія Куль-Обской гробницы основано на собственноручномъ рапортѣ Дюбрюкса, къ коему приложены рисунки и планы. Хотя Г. Дюбрюксъ и утверждаетъ, что онъ заимствовалъ свое описаніе изъ рукописнаго разсказа Дюбрюкса, но какъ во время бытности Дюбрюкса въ Крыму, рапортъ Дюбрюкса находился въ Архивѣ Министерствъ Императорскаго Двора, то вѣрнѣе можно предположить, что Дюбрюксъ пользовался только сокращенною копіею съ этого рапорта. Мы заключаемъ это еще и изъ того, что у Дюбрюкса пропущены некоторыя подробности, а также и нѣко-важныя отступленія отъ подлинныхъ словъ рапорта, котораго держаться въ точности мы считаемъ нужнымъ.

Но какъ кажется, что прежде всего мы должны исполнить долгъ, требуемый справедливостію, въ отношеніи къ памяти человѣка, имя котораго не было произнесено съ тѣмъ почетомъ, какому оно заслуживало за труды, принесшіе пользу не ему, а другимъ, и который умеръ въ 1835 году не бывъ награжденъ и съ полнымъ убѣжденіемъ, что не былъ оцененъ по достоинству.

Поль Дюбрюксъ, Французскій выходецъ, кавалеръ ордена Св. Людовика, вступилъ въ русскую службу въ 1797 г. съ чиномъ капитана. Оставивъ въ 1800 г. военную службу, онъ принялъ былъ въ гражданскую, и въ 1812 году, въ то время, когда въ Новороссійскомъ Краѣ свирѣпствовала чума, исполнялъ въ Еникаевѣ должность комиссара по медицинской части. За тѣмъ Дюбрюксъ опредѣлился въ Керченскую Таможню, а потомъ былъ начальникомъ соляныхъ промысловъ. Дюбрюксъ не былъ человѣкомъ ученымъ, но болѣе: — человѣкомъ прозорливымъ, проникнутымъ душою археологическихъ изслѣдованій, переходившихъ въ страсть. Дюбрюксъ предполагалъ составить сочиненіе о остаткахъ древнихъ поселеній по Босфору Киммерійскому подъ заглавіемъ: «*Описаніе остатковъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и поселеній, существовавшихъ въ древности на Европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, начиная отъ устья въ проливъ, близъ Еникаевскаго маяка, до горы Опузъ включительно*». Рукопись этого сочиненія, которая у насъ передъ глазами, содержитъ въ себѣ замѣтки, собранныя авторомъ при изслѣдованіи мѣстностей: въ окрестностяхъ горы Опузъ, около Павловской батареи, вокругъ вала Пантикпейскаго Акрополя, у Новаго Карантина, на Золотой горѣ, въ Кермисъ-Келечикъ, Куурдакъ и вдоль берега у Еникаевскаго маяка (см. карты №. I и II). Къ нимъ замѣтаетъ приложить планы разваливъ древнихъ построекъ, весьма подробно имъ изслѣдованныхъ. «*Я выбиралъ (писалъ онъ) для своихъ разысканій такое время года, когда легче находить слѣды и фундаменты строеній, т. е. когда земля еще не покрыта травою, или когда трава еще не велика*». Тутъ же находимъ мы записки о гробницахъ и катакомбахъ, разрытыхъ имъ въ окрестностяхъ Керчи. Планы слѣдовъ древнихъ построекъ, найденныхъ имъ въ Кермисъ-Келечикъ, въ Куурдакъ и близъ Еникаевскаго маяка, гдѣ онъ полагаетъ древній Паросіонъ, находятся на лицѣ при рукописи; прочіехъ плановъ нѣтъ, и не смотря на всѣ наши розыскы, мы не можемъ опредѣлительно сказать:

DÉCOUVERTE DU KOUL-OBA.

Le Koul-Oba est un immense tumulus, situé à environ six verstes à l'Ouest de Kertch, sur la chaîne de collines qui aboutit au mont Mithridate (voir la carte No. I). Il était connu depuis longtemps sous ce nom tatar qui signifie littéralement «*Mont des cendres*» et qui semblait conserver mystérieusement la tradition du fait dont il recelait les monuments.

Nous avons sous les yeux le rapport original de la main de DUBRUX sur la découverte de ce tombeau; il est accompagné de dessins et de plans, et il est la base de notre travail. Mr. DUBOIS dit dans son ouvrage¹ que sa description est empruntée à la relation manuscrite de DUBRUX. Comme à l'époque où Mr. DUBOIS se trouvait sur les lieux, le rapport de DUBRUX était déjà dans les archives du Ministère de la Maison de L'EMPEREUR à St-Petersbourg, nous sommes porté à croire qu'il n'a eu connaissance que d'une copie abrégée de ce rapport. Ce qui nous le fait supposer, c'est l'omission de quelques détails, ainsi que quelques différences dans les termes mêmes du rapport que nous croyons devoir reproduire dans toute son intégrité.

Mais avant toute chose, il nous paraît que nous avons un devoir à remplir que l'équité commande vis-à-vis de la mémoire d'un homme dont le nom n'a pas été prononcé comme il méritait de l'être, dont les travaux ont profité à d'autres qu'à lui, et qui est mort en 1835, sans avoir été récompensé et avec le sentiment de se voir méconnu:

Mr. PAUL DUBRUX, émigré français, chevalier de St-Louis, entra au service de Russie, comme capitaine, en 1797. Il quitta la carrière militaire en 1800, fut admis au service civil, et, en 1842, à l'époque de la peste qui désolait le pays, fut employé à Ienicalé en qualité de Commissaire de la Santé. Il fut attaché ensuite à la douane de Kertch, puis devint chef des salines. Ce n'était pas un savant, c'était mieux que cela, c'était un homme sage; pénétré de cet esprit de recherche archéologique qui devient comme une passion. Il avait conçu le plan d'un ouvrage dont nous avons sous les yeux le manuscrit ou plutôt les notes, sous le titre: «*Description des vestiges et des traces des anciennes villes et bourgs qui existaient autrefois sur le Bosphore Cimmérien (rive d'Europe), depuis l'entrée dans le détroit près du phare de Ienicalé jusques et y compris la montagne d'Opouk*». Ce manuscrit embrasse les notes recueillies par lui en explorant les lieux aux environs de la montagne d'Opouk, à la batterie Pavloffskaïa, autour de l'enceinte de l'acropole de Pantéapée, à la Nouvelle Quarantaine, au Mont d'or, à Kermiche-Kélétchik, à Kouourdak et sur le rivage du phare de Ienicalé (voir les cartes No. I et II). Ses recherches sont accompagnées du plan des vestiges d'anciennes constructions qu'il avait explorés patiemment. «*J'ai choisi (disait-il) pour travailler le temps où il n'y avait point ou presque point d'herbe sur la terre, afin de mieux retrouver les vestiges et fondements.*» Ce manuscrit renferme aussi des notes sur les différents tombeaux et sur les catacombes qu'il avait fouillés aux environs de Kertch. Les plans des vestiges trouvés à Kermiche-Kélétchik, à Kouourdak, au phare de Ienicalé, l'ancien Parthenium suivant lui, accompagnent ces notes. Les autres plans ont disparu; et, malgré toutes nos recherches, nous ne pouvons dire ce qu'ils sont devenus, étant réduit sur ce point à des conjectures. Nous devons à l'obligeance de Mr. MURZAKEVITCH,

¹ Voyage autour du Caucase. To. V. pag. 195.

куда они дѣлались, а потому остаются при однихъ догадкахъ. Прочитать дѣло предѣльности Г. Мухоморова, Секретарю Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, за обязательное сообщеніе нѣсколькихъ отрывковъ рукописей Дюверюя, которыми исполнены нѣкоторыя промежутки.

Замѣтки Дюверюя послужили намъ къ предложенію нѣсколькихъ вопросовъ, которые, съ утвержденіемъ Его Свѣтлости, покойнаго Министра Императорскаго Двора Князя П. М. Волконскаго, представлены были намъ, въ Апрель 1852 года, съ разными приложеніями бывшему въ то время Министру Внутреннихъ Дѣлъ Его Свѣтлости Графу Л. А. Пуховскому. Вопросъ о томъ, Высочайшему повелѣнію, назначено было разсмотрѣть на дѣлѣ архитекторамъ и топографамъ. Если вопросы сами пойдутъ къ изслѣдователямъ, которые будутъ имѣть успѣхъ и обнаружатъ намъ нѣкую важную для археологіи факты, то снормное желаніе Дюверюя исполнится послѣ его смерти. Въ трудныхъ, разсѣянныхъ и при недостаткѣ необходимыхъ средствъ его поддерживала, какъ они сами говорятъ, мысль: *«что послѣ его смерти, труды его придутъ ученымъ, которые употребятъ ихъ на пользу археологической истинны»*. Въ концѣ записокъ своихъ Дюверюя съ нѣкоторою грустью, присовокупляетъ: *«Меня предупреждаютъ въ томъ, что я входилъ въ изданныя мелочи въ описаніи славянскихъ городовъ и мѣстечекъ, концы сняты мною планы; — все эти планы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе слабеютъ. Если я опять въ ошибку, повторю нѣсколько разъ одно и то же, что это произошло отъ того, что у меня отъ старости ослабла память; къ тому же какъ я уже скажу, я не писатель, не ученый, а только хотѣлъ показать свое почтительное усердіе къ дѣлу; это побужденіе дало мнѣ настойчивость и терпѣніе, которыя были необходимы, чтобы окончить трудъ, превышавшій мои силы»*.

Памятникъ Степниовскаго.

Прибавивъ къ сему еще одну черту, чтобы дать полное понятіе о Дюверюя, а именно его сердечную признательность. Степниовскій былъ его благодѣтелемъ; говоря о могилѣ его на Митрида-

secrétaire de la Société d'Histoire et d'Antiquités d'Odessa, la communication de plusieurs fragments des manuscrits de DUBRUX qui ont rempli quelques lacunes.

Nous avons tiré de ces notes la matière de plusieurs questions qu'avec l'autorisation de feu S. A. le PRINCE P. VOLKONSKY, nous avons soumises, en avril 1852, avec divers documents, à S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY, alors ministre de l'Intérieur. Par ordre Suprême ces questions doivent être examinées sur les lieux mêmes par des architectes et des topographes. Si les recherches qu'elles vont occasionner sont couronnées de succès et viennent à mettre au jour quelques faits importants pour l'archéologie, le vœu modeste de DUBRUX aura été rempli après sa mort. Il dit en effet qu'il a été soutenu dans de laborieuses recherches, manquant presque toujours des moyens nécessaires et surtout d'argent, par cette idée *«qu'après lui ses recherches serviraient à des savants qui en tireraient parti dans le but de la vérité archéologique.»* Il ajoute avec une certaine mélancolie à la fin de son manuscrit: *«l'on me reproche d'avoir été trop minutieux dans les détails des descriptions des vestiges des villes et bourgs dont j'ai levé les plans — toutes ces traces disparaissent tous les jours. — Si j'ai fait la faute de me répéter plusieurs fois, ceci tient à ma mémoire affaiblie par l'âge; et puis, comme je l'ai dit, je ne suis ni auteur, ni savant; j'ai seulement voulu prouver mon zèle respectueux; c'est ce motif qui m'a donné la force et la patience nécessaire pour finir une entreprise au dessus de mes forces.»*

Monument de STENPROVSKY.

Un dernier trait enfin qui achève de peindre DUBRUX: il avait la reconnaissance du cœur. Mr. de STENPROVSKY avait été son protecteur. En parlant de son tombeau sur le mont Mithridate, DUBRUX

fatras.

IV

товой горѣ, Дюбрюксъ выражается такъ: *Здѣсь покоятся останки заслуженнаго и добраго Стемпковскаго, человека благодѣтельна безъ хвастовства, ученаго безъ тщеславія, служившаго украшеніемъ человечества и положительнаго основаніе Керчи, которая одолжена ему своимъ училыцемъ, публичнымъ садомъ, мытнями, пятьюдесятью тысячами, предоставленными ежегодно на ея украшенія и общественными зданіями; все это онъ истощалъ отъ щедротъ Монарха своими представленіями къ высшему начальству. Да простятъ меня въ томъ, что я мимоходомъ бросаю цвѣтокъ на его могилу; двадцатидвухлѣтняя тѣсная связь послужить мнѣ въ трѣхъ извиненіяхъ.*

Представляю теперь разсказъ Дюбрюкса, изъ котораго мы исключили только нѣкоторыя подробности и лишнія повторенія.

«Описаніе гробницы, найденной 19 Сентября 1831 года въ шести верстахъ отъ Керчи, и вскрытой въ присутствіи и подъ руководствомъ Градоначальника Стемпковскаго 22 числа того же мѣсяца.

По распоряженію высшаго начальства, въ первыя числа Сентября, назначено было доставить въ Керчь отъ 300 до 400 сажень камня¹, для сооруженія казармъ отставныхъ матросовъ, которыхъ предложено было перевести въ Керчь изъ Севастополя.

Около 10 или 12 Сентября Г. Стемпковскій предложилъ мнѣ сопутствовать ему на мѣсто ломки, гдѣ дѣлсти человекъ нижнихъ чиновъ расположеннаго въ Керчи пѣхотнаго полка занимались добываніемъ камня съ двухъ холмовъ, находившихся на Восточной сторонѣ горы (см. планъ А).

Разсматривая видъ холма, возвышавшагося на самой вершинѣ горы (т. е. извѣстнаго нѣкогда Восточное положеніе), я убѣдился, что тутъ должна быть гробница. Занимаясь болѣе 14 лѣтъ раскапываніемъ кургановъ въ окрестностяхъ Керчи, я былъ уверенъ въ томъ, что не ошибся, и сообщилъ мое замѣчаніе Г. Стемпковскому. Г. Стемпковскій приказалъ капитану, командовавшему работниками, усилить число ихъ на Свѣрной сторонѣ, гдѣ, судя по виду кургана, я полагалъ входить въ гробницу. 19 числа донесли Г. Градоначальнику, что на этомъ мѣстѣ открыли строеніе изъ тесаннаго камня; мы тотчасъ отправились на мѣсто работъ и ясно увидѣли узкій проходъ въ склепъ, въ концѣ котораго виднѣлась дверь. Но какъ тройной рядъ огромной величины камней, изъ которыхъ составлялся сводъ

¹ Въ Керчи вообще мало плиты; дома строятся тамъ большею частію изъ раковиннаго известняка, подобнаго тому, который находится около Одессы; посему въ Керчи охотно прибѣгаютъ къ матеріалу древнихъ строеній; курганы же, покрытые плитнякомъ, представляютъ какъ бы готовые каменоломни, изъ которыхъ и не преминули заимствовать камень; этому то недостатку въ камнѣ вѣроятно и одолжены мы открытіемъ Куль Обской гробницы. Вдоль шоссе, ведущаго къ Новому Карантину, дѣйствительно есть слой хорошаго камня на глубинѣ четверти или половинны аршина; есть также каменоломни въ шибѣн Гурьева близъ Чурубаша (древней Нишфей), которыми и разрабатываются; но до сего времени еще не достаточно извѣстно: откуда взять камень для кургановъ: Куль-Оба, Царскаго, Золотого и другихъ въ окрестности Керчи.

s'exprime ainsi: «C'est là que reposent les restes du digne et bon Stempkovsky, homme bienfaisant sans faste et savant sans orgueil, homme qui faisait honneur à l'humanité, qui a commencé la fondation de Kertch, laquelle lui doit son école, son jardin public, des privilèges, cinquante mille roubles par an pour son embellissement et ses constructions publiques, toutes choses qu'il a obtenues de la munificence du Souverain par ses représentations à l'autorité supérieure..... Que l'on me pardonne d'avoir jeté en passant une fleur sur son tombeau; une liaison intime de vingt-deux ans est mon excuse.»

Nous allons maintenant copier DUBAUX, en supprimant de son manuscrit quelques longueurs et quelques redites inutiles.

«Description du tombeau découvert à six verstes de Kertch, le 19 septembre 1831, et ouvert en présence et sous la direction de Mr. de Stempkovsky, gouverneur de cette ville, le 22 du même mois.

L'autorité supérieure avait ordonné, dans les premiers jours de septembre, de faire transporter à Kertch trois à quatre cents saignées de pierres¹, pour servir à la construction des casernes destinées aux matelots hors de service qui devaient être envoyés de Sébastopol à Kertch.

Vers le 10 ou le 12, Mr. de Stempkovsky m'engagea à l'accompagner sur le lieu où deux cents soldats d'infanterie du régiment en garnison à Kertch étaient employés à extraire ces pierres du sommet des deux mamelons qui couronnent la cime de la montagne du côté de l'est. (Voir le Plan A).

En examinant la forme du mamelon qui se trouvait entièrement à la pointe (c'est-à-dire le plus à l'est), je reconnus qu'il renfermait un tombeau. Employé pendant quatorze ans à faire des fouilles dans les tertres, aux environs de Kertch, et assuré de ne pas me tromper, je fis part de mes remarques à Mr. de Stempkovsky. Il ordonna au capitaine qui commandait les ouvriers d'en placer un plus grand nombre vers le côté du nord où je présumais que devait être l'entrée, d'après la forme du tumulus. Le 19, on vint rendre compte au gouverneur qu'en cet endroit on avait découvert une construction en pierres taillées; et nous y étant rendus sur le champ, nous avons facilement reconnu l'entrée ou le corridor d'un caveau dont on apercevait la porte dans le fond; mais comme les trois assises d'énormes pierres qui couvraient cette espèce de vestibule

¹ Les pierres de taille manquant à Kertch dont toutes les constructions sont généralement en coquiller, dit de Kertch, semblable à celui du sol d'Odessa, on est heureux de pouvoir utiliser d'anciens matériaux; et les tumulus revêtus de pierres sont des carrières toutes trouvées où l'on ne se fait pas faute de puiser. C'est à cette absence de pierres de taille que l'on est peut-être redevable de la découverte du Kout-Oba. Le long de la chaussée qui mène à la Nouvelle Quarantaine, il existe bien, à un quart ou à une demi-archine de profondeur sous le sol, une couche de bonne pierre. De bons gisements existent aussi dans la propriété de Mr. Gouriéff près de Tchouroubache (l'ancienne Nymphée), et ils sont l'objet d'une exploitation; mais on n'est pas bien sûr d'avoir trouvé la carrière qui a fourni les pierres du Kout-Oba, du Tsarskii Kourgane ou Tombeau royal, du Mont d'Or et autres tumulus des environs de Kertch.

этого рода стѣпъ, подпирался одними, вполнѣ истлѣнными бревнами, камни же свода какъ бы нависли и не имѣли другой поддержки, кромѣ связи ихъ между собою, то приказано было разобрать сводъ, и 22 числа, въ 4 часа по полудни, можно было проникнуть въ склепъ чрезъ отверстіе, сделанное вверху дверей, и въ для этого вынута было нѣсколько камней, коими входъ былъ заложень».

Прежде описанія склепа, найденныхъ въ немъ предметовъ и расположенія ихъ, не излишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о горѣ, въ которой онъ былъ устроенъ. Гора эта, называемая Татарами Куль-Оба (холмъ непа) идетъ на разстояніи четверти версты къ Югу, но параллельно съ возвышенностію, которая, начинаясь у Керчи и будучи известна подъ именемъ Митридатовой горы, имѣетъ на своей вершинѣ такъ называемое Митридатово сѣдалище, Золотой и множество другихъ надгробныхъ кургановъ, и которая продолжается отъ Востока къ Западу на протяженіи около шести съ половиною верстъ, почти до татарскаго селенія Біели¹.

Куль-Оба образуетъ довольно крутое возвышеніе, особенно съ Юга. Длина его отъ Востока къ Западу составляетъ 84 сажени, ширина отъ 18 до 29 сажень. Высота его, еще въ самой глубокой древности, увеличилась нанесенными на него во множествѣ камнями разной величины, которыми онъ покрытъ совершенно. Глубина этого слоя камней еще не изслѣдована, но ихъ тутъ нѣсколько тысячъ кубическихъ сажень. На Восточной оконечности находились двѣ насыпи изъ камней же безъ всякихъ слѣдовъ растительности и покрытыхъ друмли, въ орѣзъ величиною, камнями, но совсѣмъ почернѣвшими отъ времени, что дѣлало эти двѣ насыпи похожими скорѣе на вулканическія возвышенія, чѣмъ на погребальные курганы, и только послѣ десяти-дневной работы, когда отсюда уже взято было отъ 30 до 40 кубическихъ сажень камня, обнаружались признаки, знаніе которыхъ пріобрѣтается только навыкомъ, заставлявшие подозрѣвать присутствіе гробницы на этомъ мѣстѣ. Какъ бы то ни было, но эти двѣ насыпи расположены были на одной линіи и касались другъ друга своими основаніями, имѣвшими около двадцати-пяти сажень въ поперечникѣ. Склепъ находился въ Восточной насыпи и центръ его занималъ самую середину ея.

На Западной оконечности кургана Куль-Оба фундаментъ нѣсколькихъ круглыхъ стѣпъ, оставшихся нетронутыми, доказываетъ, что и тутъ прежде были насыпи или холмы, подобные тѣмъ, которые находились на Восточной части горы, но уже давно разобраны и послужили впрямую на построеніе селенія Біели».

Курганъ Куль-Оба въ настоящее время до того изрытъ, что его почти нельзя узнать. По этому надо перенестись въ 1831 годъ и обратиться въ описанію Дюбрюкса, какъ единственному достовѣрному источнику для утвержденія фактовъ и частностей. См. планъ А, составленный по его чертежамъ, а въ отношеніи къ предметамъ, найденнымъ въ гробницѣ, рисунки нашего Атласа, на которые мы будемъ ссылаться.

«Звонъ, раздавшійся въ двухъ мѣстахъ отъ ударовъ желѣзнымъ ломомъ въ гору, обнаружилъ въ ней пустоту; я приказалъ рыть, и точно, — на глубинѣ аршина найдены

¹ Селеніе сіе, въ которомъ около 40 домовъ, находится отъ Куль-Оба на разстояніи около версты и расположено на землѣ, принадлежащей вѣнъ Испанскому Генеральному Консулу Г. Бегеру. (См. карту No. II).

n'étaient soutenues que par des poutres de bois réduites en poussière, et que ces pierres, comme suspendues, n'avaient d'autre appui que celui qu'elles se prêtaient mutuellement, il fut ordonné de découvrir ce corridor, et, le lundi 22, à quatre heures, on put pénétrer dans le caveau par une ouverture faite au haut de la porte, en déplaçant quelques unes des pierres qui la fermaient.

Avant de donner la description du caveau et celle des objets qu'il contenait, ainsi que de la manière dont ces objets se trouvaient placés, il n'est pas sans intérêt de décrire la montagne sur laquelle ce caveau était construit. Cette montagne, que les Tatars nomment Koul-Oba (Terre des cendres), est située à un quart de verste au midi et parallèlement à celle qui commençant à Kertch, est connue sous le nom de Mont Mithridate, sur le sommet de laquelle se trouvent ce que l'on nomme le Fauteuil de Mithridate, le Mont d'Or et une grande quantité de tumulus mortuaires, et qui se prolonge de l'est à l'ouest environ six verstes et demie, jusque près du village tatar de Biéli¹.

Le Koul-Oba est une colline assez roide, surtout du côté du midi. Sa longueur de l'est à l'ouest est de 84 sagènes, sur une largeur qui varie de 18 à 29 sagènes. Sa hauteur a été augmentée dans les temps les plus reculés par une quantité énorme de pierres de toute grandeur qu'on y a transportées et dont on l'a entièrement recouverte. L'épaisseur de cette couche de pierres est encore inconnue; mais il y en a des milliers de sagènes cubiques. À la pointe de l'est il y avait deux tertres, aussi formés de pierres, sans aucune apparence de végétation par dessus, et recouverts entièrement d'autres pierres, grosses comme des noix, plus ou moins, et devenues toutes noires par le temps, ce qui donnait à ces deux mamelons plutôt l'air d'anciennes roches volcaniques que de tumulus mortuaires; et ce ne fut qu'au bout de dix jours et après que l'on en eut enlevé trente ou quarante sagènes cubiques de pierres, que des indiens, que l'habitude seule de ce travail peut faire reconnaître, ont pu faire soupçonner l'existence d'un tombeau en cet endroit. Quoiqu'il en soit, ces deux tertres, placés sur la même ligne, se touchaient par leur base dont le diamètre était d'environ vingt-cinq sagènes. C'est sous celui de l'est qu'était le caveau dont le centre était absolument au milieu du tumulus.

Sur la pointe ouest du Koul-Oba, plusieurs fondements d'enceintes circulaires, qui existent encore intactes, prouvent qu'il y a eu sur ce point d'autres tertres semblables à ceux de l'est, mais enlevés depuis longtemps, apparemment pour bâtir les maisons du village de Biéli.

Le Koul-Oba, tout bouleversé aujourd'hui, n'est presque plus à reconnaître. Il faut donc se reporter à l'année 1834 et à la relation textuelle de DUBREUX, la seule autorité authentique des faits et des détails. Voyez le plan A dressé d'après ses dessins, et, pour la désignation des objets que renfermait le tombeau, les planches de notre atlas que nous indiquerons au fur et à mesure de notre récit.

« En frappant fortement avec le pic de fer dans deux endroits de la montagne, le son que rendaient les coups annonçait un vide. Je fis creuser; et, effectivement, on trouva, à une archine

¹ Ce village, composé d'une quarantaine de maisons, à environ une verste du Koul-Oba, est une terre appartenant aujourd'hui à Mr. Bagger, consul-général d'Espagne (voir la carte No. II).

были деп пробиты из тесаннаго камня, въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины, въ аршинъ ширины и столько же глубины. Въ каждой из них находились кости нѣсколькихъ покойниковъ, множество битыхъ глиняныхъ вазъ, грубыхъ и простой формы.

Склепъ, находившійся подъ Восточною насыпью, имѣлъ видъ почти правильнаго четырехугольника въ $6\frac{1}{2}$ аршинъ длины отъ Востока къ Западу и въ 6 аршинъ ширины отъ Сѣвера къ Югу. Вышина отъ каменнаго пола до верхняго камня, замыкавшаго сводъ, составляла $7\frac{1}{2}$ аршинъ. Стѣны возвышались отъ пола и состояли изъ пяти рядовъ камней, имѣвшихъ $3\frac{1}{2}$ аршина вышины. Первый рядъ надъ этими пятью рядами камней выдавался вглубь на три вершка на всѣхъ четырехъ сторонахъ склепа; верхнее отверстіе суживалось до одного квадратнаго аршина и было прикрыто цѣльнымъ камнемъ. Такимъ образомъ всѣхъ рядовъ, считая и этотъ послѣдній камень, было тринадцать. На вышинѣ около 5 аршинъ отъ пола былъ потолокъ, обрушившійся, когда снесли подпиравшія его бревна. Это лѣние видно на планѣ и разрьзѣ, гдѣ означены мною мѣста этихъ бревенъ и пяти болышихъ колодей, которые были вбиты въ Южную стѣну, на высоту $3\frac{1}{4}$ аршинъ отъ пола. Разрушенныя доски и бревна, изломанный катафалкъ, впрямую служившіи ложемъ труну погребенной здѣсь женщины, поврежденіе стѣны, частію уже обрушившихся, частію удерживавшихъ наденіемъ, все это заставляло меня сказать Г. Стемпковскому, оставшемуся на верху, тогда какъ я съ рабочими сошелъ въ склепъ, что онъ уже обысканъ. Дверь, какъ я уже сказалъ, находилась на Сѣверной сторонѣ; она имѣла $2\frac{1}{4}$ аршина ширины и $3\frac{1}{2}$ вышины. Она не была въ серединѣ, а расположена такъ, что отъ каменнаго косяка до правого угла склепа было расстояние только одинъ аршинъ, тогда какъ на лѣвой сторонѣ, отъ двернаго косяка до угла было $3\frac{1}{4}$ аршина. До половины своей вышины дверь была заложена болышими тесаными камнями и за тѣмъ камнями средней величины безъ смазки. Перемычка состояла не изъ свода, а изъ двухъ огромной величины тесаныхъ камней, прежде поддерживавшихся толстыми бревнами, но теперь, когда эти бревна сняли и превратились въ пыль, дверная перемычка держалась только на камняхъ, которыми дверь была заложена и отъ того входъ въ склепъ былъ крайне труденъ и опасенъ. Я уже упомянула о свѣтлѣ, предшествовавшей входу; онъ занималъ квадратную сажень пространства и четыре аршина вышины.

Въ правую руку отъ входа, вдоль Западной стѣны, стояли четыре небольшихъ глиняныхъ амфоръ. (Планъ А. Г.) половину засыпанная землею и наполненная ею. На ручкѣ одной изъ нихъ находится надпись ΘΑΣΙ , а пониже ΑΡΕΤΩΝ; по серединѣ изображена рыба.

Близъ дверей стояла, касаясь Сѣверной стѣны, продолговатая бронзовая ваза о двухъ ручкахъ, г, (Р. XLIV. 11), до половины засыпанная землею и наполненная водою и овечьими костями. Далѣе, вдоль Западной стѣны, находилась серебряная позолоченная лохань, б, въ десять съ половиною вершковъ въ поперечникѣ. (Эта лохань или подносъ, равно какъ и другая, о которой сказано будетъ ниже, потеряны.) Въ ней помѣщались четыре серебряныхъ, довольно хорошо сохранившихся сосуда: круглая ваза безъ ручекъ, гладкая чарка, или чашка, и два небольшихъ рога, служившіе древнимъ вмѣсто стакана; — одинъ изъ сихъ рожекъ оканчивается головою овна хорошей работы (это два ритона, изображенныя на Р. XXXVI. 4. 5.).

de profondeur, deux tombeaux en pierre de taille qui avaient deux archines et demie de longueur, sur une archine de largeur et autant de profondeur. Ils contenaient chacun les ossements de plusieurs cadavres et une assez grande quantité de débris de vases d'argile, grossiers et de forme commune.

Le caveau qui était sous le tertre de l'est, avait presque la forme d'un carré parfait, de six archines et demie de longueur intérieure de l'est à l'ouest et de six archines de largeur du nord au midi. Il avait sept archines et demie de hauteur du pavé jusqu'à la dernière pierre qui fermait la voûte. Les murailles étaient d'abord perpendiculairement élevées et formaient cinq assises de pierres donnant une hauteur de trois archines et demie. Le premier rang au-dessus de ces cinq assises avançait en-dedans tout autour de trois verchoks; l'ouverture du haut se trouvait réduite à une archine carrée, formée par une seule pierre. Ainsi, le nombre des assises, cette dernière comprise, était de treize. A environ cinq archines du pavé avait existé un plancher (DUBROUX veut dire un plafond) qui était tombé, lorsque les poutres qui le soutenaient furent pourries. Cela se comprendra mieux en examinant le plan et la coupe où j'ai marqué la place de ces poutres, ainsi que celle de cinq grands clous qui se trouvaient enfoncés dans la muraille du midi, à trois archines et un quart du pavé. Les débris de planches et de poutres, ceux du catafalque sur lequel avait dû reposer le corps de la femme, le mauvais état des murailles, déjà écroulées dans plusieurs endroits, et menaçant de tomber dans d'autres, tout cela me fit dire d'abord à Mr. de Stempkovsky, resté en haut pendant que j'étais descendu accompagné d'un ouvrier, que le caveau avait été fouillé. La porte se trouvait, comme je l'ai dit, du côté du nord. Sa largeur était de deux archines et un quart et sa hauteur de trois archines et demie. Elle n'était pas placée au milieu, mais de manière que du chambrante en pierre au coin de droite, il n'y avait qu'une archine, tandis que du côté gauche depuis le chambrante jusqu'au coin, il y avait trois archines et un quart. La porte était fermée par le bas jusqu'à moitié (hauteur), par de grosses pierres de taille, et par le haut par d'autres (pierres) de grandeur moyenne, mais placées sans chaux ni ciment. Le dessus n'était pas en voûte mais formé par deux énormes pierres taillées qui avaient été soutenues par de grosses poutres lesquelles s'étant réduites en poussière par le temps, le dessus de cette porte n'était soutenu que par les pierres qui la fermaient, ce qui rendait l'entrée et la sortie du caveau difficile et dangereuse. J'ai déjà parlé du vestibule qui était en avant de la porte et qui avait une sagène carrée sur quatre archines de hauteur.

En entrant, dans le coin à droite, le long de la muraille de l'ouest, il y avait placées debout quatre amphores en argile (Plan. A. f.), de petite dimension, à demi enfoncées et remplies de terre. Sur l'anse de l'une de ces vases on lit $\Theta\Lambda\Xi$. . . et au dessous $\Lambda\text{P}\text{E}\text{T}\text{O}\text{N}$. Au milieu on voit un poisson.

Près de la porte, et touchant au mur du nord, il y avait, à demi enfoui, un vase oblong, à deux anses, en bronze, g. (Pl. XLIV. 11.) rempli d'eau et d'ossements de mouton. Plus loin, toujours le long de la muraille de l'ouest, était un bassin en argent doré, h. de dix verchoks et demi de diamètre (ce bassin ou plateau et le suivant se sont égarés). Il contenait quatre pièces en argent assez bien conservées. La première était un vase rond, sans anses, la seconde une coupe ou tasse unie; les deux autres pièces sont des cornets dans lesquels les anciens buvaient; au bout d'un de ces cornets il y a une tête de bétier d'un beau travail (ce sont les deux rhylons de notre planche XXXVI. 4. 5.). Un peu plus loin se trouvait un autre bassin, du même métal que le premier,

Несколько даьше находилась другая лотань (поднось) из того же металла, как и предыдущая, с двумя ручками красной формы; в поперечник эта лотань имела одиннадцать вершков с половиною. В ней помещались: серебряная ваза с позолоченными на ней барельефами, изображающими водяных птиц, двенадцать рыб (см. прелестный сосуд на Р. XXXV. 5); такой же формы и того же металла ваза с барельефом, представляющим бой льва с кабаною, грифа с оленем и пр. (Р. XXXIV. 3); подобная же ваза и так же с рельефными изображениями, смысл которых я не могу разбить потому, что когда она была у меня в руках, земля еще не была счищена (Р. XXXIV. 1); наконец серебряная чаша с такою же крышкою и надписью ЕРМЕД по краю (Р. XXXVII. 4.). За эту вторую лотанью в двенадцати вершках от Западной стѣны сложены были два наконечника стрѣлы, s, в девять вершков длиною.

Скелет был весь выложен плитовыми камнями, толщиной от 6 до 8 вершков, довольно неплотно сложенными. На Южной сторонѣ, в правой улу, полъ этот, на пространствѣ квадратнаго аршина былъ полуаршиномъ ниже остальнаго пространства. В этомъ углубленіи, i, находились лошадиныя кости, два бронзовыя подобія сапоговъ безъ шиповъ, но съ наконечниками и съ изображеніемъ ножныхъ мускуловъ, (эти бронзовыя поножи, сходныя съ изображенными на Р. XXVIII. 8, но хуже ихъ сохранившіяся, находятся въ Фригійѣ). Тутъ же была какая-то каска изъ того же металла какъ и поножи.

Близъ этого углубленія лежалъ поперекъ его, вдоль Южной стѣны, оставъ большого челоука, k, который можно принять за оставъ царскаго конюшаго, такъ какъ онъ находился близъ лошадиныхъ костей. Вокругъ него разбросано было множество фигуръ и украшеній изъ золотыхъ листовъ толщиной в четверть линіи (это бляхи, Р. XX, Р. XXI, 2. 4. 8. 10—13. 24—23. Р. XXII. 2. 5 7. 9. 10. 11. 15, служившія украшеніемъ одежды, изъ которыхъ слѣдуетъ быть уяснить).

Противъ дверей находились кости женщины небольшого роста, l, обращенной головою къ Югу, ногами къ Северу. На томъ мѣстѣ, гдѣ приходилась голова, отъ которой ничего не осталось кромѣ праха, была діадема изъ электрума, шириною в 6 вершковъ, съ финифтяными розетками по одному краю;—она была украшена рельефными изображеніями четырехъ сидящихъ женщинъ съ грифами между ними! (Р. II. 3.). Нѣсколько ниже, близъ шеи, находилось ожерелье сканной работы изъ самаго чистаго золота, сплетенное съ большими искусствомъ. Оно украшено небольшими продолговатыми вазочками изъ того же металла, прилепленными къ лему на небольшихъ сканнхъ же чепочкахъ (ожерелье сіе близко подходитъ къ Р. IX. № 1.). Тутъ же былъ большой прутъ изъ чистаго золота, согнутый въ кольцо, въ родѣ тѣла, которая царскія особы носили на шеѣ, надвѣвая черезъ голову. На концахъ прута этотъ былъ украшенъ изображеніями львовъ превосходной работы (Р. VIII. 1.). Близъ пояса находились два медальона съ прекрасными золотами Минервы (Р. XIX. 1.) и три другіе меньшіе, украшенные цѣпями (Р. XIX. 4. 5.). Къ этимъ медальонамъ прилеплены были, какъ и къ ожерелью, продолговатыя вазочки, но большаго размѣра, чѣмъ первыя.

! Описание Дверюжки не точно; см. текстъ къ Р. II. 3

ayant deux anses d'une jolie forme; son diamètre est de onze verchoks et demi. Ce bassin contenait un vase d'argent avec des bas-reliefs dorés autour (c'est la charmante coupe Pl. XXXV. 5.), représentant des oiseaux aquatiques mangeant des poissons; un vase de la même forme et du même métal dont le bas-relief qui règne autour représente un lion terrassant un sanglier, un griffon étranglant un cerf, etc. (coupe à ornements repoussés Pl. XXXIV. 3.), un autre vase semblable avec des reliefs que je n'ai pu déchiffrer n'étant pas nettoyé lorsque je l'ai eu en main (coupe Pl. XXXIV. 1.); enfin une coupe avec son couvercle le tout en argent (Pl. XXXVII. 4.); sur le bord de la coupe est gravé le mot ΕΡΜΕΩ. Au delà du dernier bassin, à douze verchoks de la muraille de l'ouest, étaient déposés les fers de deux lances, s. de neuf verchoks de longueur.

Le caveau était entièrement pavé avec des pierres taillées, épaisses de six à huit verchoks et assez mal jointes. Dans le fond, du côté du midi, au coin à droite, une archine carrée de ce pavé était plus basse que le reste de plus d'une demi-archine. Dans cet enfoncement, i. il y avait les ossements d'un cheval, deux espèces de bottes en bronze ou argent doré, sans pieds mais avec les genouillères et d'un tel travail que les muscles des jambes y ont leurs empreintes (ces enérides en bronze, semblables à celles de la Pl. XXVIII. 8., mais moins bien conservées, sont à l'Ermitage) Il y avait aussi déposé en cet endroit une espèce de casque, du même métal que les jambards.

Près de ce trou, à gauche, était placé en travers, le long de la muraille, du côté du midi, les ossements d'un grand cadavre, k. qui se trouvant près de ceux du cheval, donnent lieu de croire que ce sont ceux de l'éuyer du roi. Autour de lui (était) un assez grand nombre de figures et d'ornements en feuilles d'or, de l'épaisseur d'un quart de ligne (les plaques d'ornements d'habits qui parsemaient le caveau Pl. XX. Pl. XXI. 2. 4. 8. 10—13. 24—23. Pl. XXII. 2. 5. 7. 9 10. 11. 15.).

En face de la porte étaient les ossements d'une femme de petite taille, l. la tête vers le midi et les pieds vers le nord. Sur la tête dont le crâne était réduit en poussière, il y avait un diadème, large d'un verchok, dont un des bords est orné tout autour de petites rosettes émaillées. Il y a en relief sur ce bandeau quatre figures de femmes assises et entr'elles des figures de griffons¹ (Pl. II. 3.). Ce diadème est en électrum. Un peu plus bas, vers la place du col, il y avait un collier en filigrane d'or le plus fin, très artistement tressé. Il est orné de petits vases oblongs du même métal, qui y sont suspendus par de petites chaînettes aussi en filigrane (ce collier est à peu près semblable au No. 1 de la Pl. IX). Il se trouvait aussi en cet endroit un grand cercle d'or fin que les personnes royales portaient au col en le passant par dessus la tête. Cet anneau qui est ouvert, est orné aux deux bouts par des lions figurés, d'un beau travail (Pl. VIII. 1.). Vers le milieu du corps il y avait deux médaillons représentant des têtes de Minerve, d'un très beau travail (Pl. XIX. 1.), et trois autres plus petits, ornés de fleurs (Pl. XIX. 4. 5.). A ces médaillons étaient aussi suspendus, comme au collier, des vases oblongs, mais d'une plus grande dimension que les premiers.

¹ Il y a ici une inexactitude dans la description de cette pièce. Voir le texte de la Pl. II. 3.

Ниже находилась, почти совершенно засыпанная землею, ваза т. изв. электрума, круглой формы, около трети съ половиною вершков вышиною, треть вершков въ поперечникъ по серединѣ и неполныхъ двухъ вершковъ въ торцы. Она украшена рельефными фигурами Скифовъ, составляющихъ четыре группы (Р. XXXIII).

По сторонамъ остава было два золотыхъ запястья съ двойнымъ рядомъ рельефныхъ изображеній, представляющихъ группу льва, терзающаго оленя, три раза повторенную въ каждомъ ряду (Р. XIII. 2).

Оставъ женщины и тотъ, который лежалъ поперегъ выше ея головы, равно какъ и ея описанные здѣсь предметы, были расположены на каменномъ полу и покрыты на два или на три вершка слоемъ черной, весьма мелкой земли.

Между головою женщины и костями мужчины, лежавшими вдоль Южной стѣны, находилось шесть ножей съ рукоятками изъ слоновой кости и съ кривымъ лезвиемъ, придававшимъ ножамъ видъ хирургическихъ инструментовъ¹ (Р. XXX. 9.). У седьмого ножа, тутъ же лежаваго, была обложенная золотомъ рукоятка, съ барельефами, изображавшими прифовъ (Р. XXX. 10).

Надъ оставомъ женщины возмывался катафалкъ, совершенно разбиившійся въ то время, когда обрушился потолокъ. Катафалкъ этотъ состоялъ изъ четырехъ круглыхъ точеныхъ ножекъ, длиною въ аршинъ. Боковыя доски имѣли больше трети аршина длины; тѣ же, которыя были у изголовья и у ногъ, аршинъ съ четвертью. Доски сѣи были украшены живописью хорошаго рисунка, но до того истертою, что трудно разобрать въ ней кое-какія очертанія фигуръ. На концѣ одной изъ боковыхъ досокъ видна четырехконная колесница, управляемая Поблдою. (Дюбрюксъ входитъ за сѣнь въ самое мелочное описаніе живописи досокъ, которое мы пропускаемъ. Читатель найдетъ на нашихъ Р. LXXXIII и LXXXIV. 1. а — г. изображение этихъ драгоценныхъ остатковъ древности, которые до 1851 года оставались въ Керчи, а теперь сохраняются въ Эрмитажномъ Музѣ подъ стекляннымъ колпакомъ. Дюбрюксъ публикуетъ только нѣкоторыя изъ сѣихъ живописныхъ изображеній, которыя въ нашемъ изданіи представлены во всей ихъ полнотѣ).

Всѣ предметы, которые я здѣсь описалъ, занимали только треть склепа; два остальныхъ трети наполнены были большими ящиками п. изъ кипарисоваго или можжевельнаго дерева. Ящики этотъ поставлены были на каменный полъ дномъ и не имѣли ножекъ; онъ былъ четырехугольной формы и широкъ въ четыре аршина на каждой сторонѣ, а въ вышину имѣлъ шесть вершковъ. Ящики сдѣланы были изъ четырехъ толстыхъ бревенъ, по два у ногъ и по два у изголовья, которое, какъ и голова женщины, обращено было къ полдню. Въ бревна врызаны были внизу, вверху и по бокамъ по три доски въ вершокъ толщиною. Сторона, обращенная къ женщине, была открыта. Когда были сняты верхнія доски, то открылся оставъ Царя, о. Онъ лежалъ головою къ полдню, ногами къ дверн, а руки находились вдоль тѣла. На черепъ, отъ котораго оставалось только нѣсколько костей, была

¹ Изъ сѣихъ ножей два доставлены въ Эрмитажъ. Заботливостію Его Святѣйства Графа Л. А. Певровскаго о собраніи утерявшихся изъ числа вырытыхъ въ Крыму древностей, приславъ въ Музей Эрмитажа (въ Іюнѣ 1853) еще третій ножъ, лезвие котораго еще вѣсто, чѣмъ два пера, являетъ эту кривизну, о которой упоминаетъ Дюбрюксъ.

Plus bas, il y avait, presque enterré, un vase en electrum, m. de forme ronde, ayant environ trois verchoks et demi de hauteur, trois verchoks de diamètre au centre, et moins de deux à l'entrée. Sur ce vase se trouvent en bas-reliefs quatre groupes de figures Scythes (Pl. XXXIII.).

Aux côtés du cadavre étaient deux bracelets d'or, avec des reliefs sur deux rangs représentant un cerf terrassé par un lion, groupe répété trois fois sur chaque rang (Pl. XIII. 2.).

Le corps de la femme, celui qui était en travers au-dessus de la tête et toutes les choses décrites ci-dessus étaient posés sur le pavé et recouverts de deux ou trois verchoks de terre noire très fine.

Entre la tête de la femme et les ossements de l'homme qui était le long de la muraille du midi, il y avait six couteaux, à manche d'ivoire, dont la lame par sa forme recourbée du côté du tranchant, ressemblait à celle d'un instrument de chirurgie¹ (Pl. XXX. 9.). Un septième couteau placé au même endroit, avait le manche revêtu en or, avec des bas-reliefs représentant des griffons (Pl. XXX. 10.).

Il y avait au-dessus du corps de la femme un catafalque qui avait été brisé entièrement lors de la chute du plancher du haut (c'est-à-dire du plafond). Il était formé de quatre pieds ronds et tournés, longs d'une archine. Les planches de côté ont plus de trois archines de longueur; celles des pieds et de la tête une archine et un quart. Ces planches étaient ornées de peintures d'un bon dessin, mais tellement effacées que l'on a peine à retrouver sur quelques-unes les contours des figures. Sur une des planches de côté il y a, au bout, un quadrigé conduit par une Victoire (Suit la description minutieuse des peintures que nous supprimons. Les Pl. LXXXIII et LXXXIV. 1. a—g. offrent ces précieux débris, restés jusqu'en 1851 au Musée de Kertch et conservés aujourd'hui, dans une armoire en glaces, au Musée de l'Ermitage. Du Bois n'a publié qu'une partie de ces objets que nous donnons dans toute leur intégrité).

« Toutes les choses que j'ai décrites jusqu'ici occupaient le tiers du caveau; les deux autres tiers étaient remplis par une grande caisse, n. faite en bois de cyprès ou de genévrier. Le fond de cette caisse était posé sur le pavé sans aucun pied; elle était carrée et avait quatre archines en tout sens, sur six verchoks de hauteur. Elle était formée de quatre grosses poutres, deux aux pieds et deux à la tête qui était, comme celle de la femme, du côté du midi. Dans ces poutres, dessus, dessous et par trois des côtés, étaient engagées dans des rainures des planches, d'un verchok d'épaisseur. Le côté vers la place occupée par la femme était ouvert. Après avoir ôté les planches des rainures, les restes du cadavre du roi, o. se sont trouvés à découvert. Il était étendu, les bras le long du corps, la tête au midi et les pieds vers le côté de la porte. Sur son crâne dont il ne restait que des fragments, était placé le diadème formé de deux pièces (Pl. II. 1. 2.);

¹ Deux de ces couteaux avaient été envoyés à l'Ermitage. S. E. Mr. le COMTE PROFFSKY dont la sollicitude poursuit la restitution des objets dispersés provenant des fouilles de la Crimée, a envoyé au Musée (Juin 1853) un troisième couteau dont la lame offre, mieux que les deux premiers, cette forme recourbée dont parle DUBOIS.

диадыма из электрума, составленная из двух частей (Р. II. 1. 2.); нижняя часть имела такую же форму, как диадыма женщины, но вместо розетки, на ней вытиснут был мелкий выпуклый рисунок такого вида: (тут в рапортъ Дюбрюкса сдѣланъ рисунокъ, украшенный фестономъ каймы этой части царскаго вѣнца). Другая, верхняя, часть диадымы, шириною въ два вершка, была сдѣлана въ видѣ воронки, такъ что верхнее отверстіе сокращалось до полутора вершковъ въ поперечникъ, а шапка, на которой нашиты были обѣ части диадымы, имѣла видъ Персидской. Вещество, изъ котораго была сдѣлана эта шапка, сохранилось только въ кое-какихъ обрывкахъ; судя по толщинѣ ихъ, должно полагать, что шапка была валяная.—Отъ одежды также нашлось только нѣсколько лоскутковъ.

На шеѣ былъ большой прутъ, согнутый въ кольцо; на концахъ его изображены два скачущіе Скива. . . (Р. VIII. 1.). Кольцо это изъ лучшаго золота и превосходной работы.

На правой рукѣ надъ плечомъ было выше локтя золотое кольцо, въ 1 дюймъ шириною, украшенное барельефами. (Р. XIII. 3.). Ниже локтя, на обѣихъ рукахъ, было по гладкому кольцу изъ электрума, шириною около вершка. (Р. XXVI. 3.).

Ниже, на кистяхъ, были открытыя запястья, съ сфинксами на концахъ, держащими въ когтяхъ толстую золотую прядь. (Р. XIII. 4.).

Вълево отъ Царя, т. е. на той сторонѣ, гдѣ ящикъ былъ открытъ, находилась доска р, во всю длину ея, которая была поставлена (краемъ) на дно ящика и утверждена у изголовья и въ ногахъ (прямо въ пощамъ). За этою доскою, имѣвшею въ ширину (въ вышину) только три вершка, къ сторонѣ, гдѣ лежала женщина, сложены были: 1) Мечъ Царя; лезвее сего меча, длиною въ семнадцать съ половиною вершковъ, сильно изыдѣно ржавчиною, такъ что уже не имѣетъ первоначальной своей ширины; но тамъ, гдѣ еще видна вся ширина меча, она составляетъ около двухъ вершковъ. Рукоятка была покрыта золотыми листомъ съ рельефными изображеніями. (Р. XXVII. 10.); 2) Кожаная плетъ, совершенно стиснутая и опутанная гладкою тонкою золотою лентою. (Рука этой плети хранится въ вѣтрѣнѣ вмѣстѣ съ золотыми вещами, найденными въ курганѣ Куль-Оба; она сдѣлана изъ тонкаго золотого листа, обернутаго въ видѣ спирали около деревянной палки, отъ которой сохранилась еще нѣсколько кусковъ въ этой золотой оболочкѣ); 3) Небольшой щитъ, который носилъ на правомъ плечѣ. (Р. XXV); 4) Возлѣ щита чехолъ (пазучъ) на деревянный, совершенно стиснутый лукъ. Пазучъ этотъ былъ покрытъ пластомъ изъ электрума, украшеннымъ барельефами (сдѣдуетъ ихъ описаніе). (Р. XXVI. 2.).

Тутъ же находились: сапоги или поножи изъ бронзы или вызолоченнаго серебра (другія же поножи лежали справа отъ покойника) и круглый и весьма твердый камень зеленого цвѣта, служившій для остренія оружія; ручка камня была оправлена въ хорошее золото съ барельефами, и на всѣхъ ихъ находился грифъ, гербъ горада Пантикапеи. (Р. XXX. 7.).

Выше головы Царя, за доскою, замыкашею ящикъ съ этой стороны, сложены были пять статуекъ изъ электрума; четыре изъ нихъ (Р. XXXII. 1.) Г. Стемковскій призналъ за совершенно сходныя съ тѣми, которыя Г. Бларамбергъ называлъ статушками Скивскаго Геркулеса (здесь говорится о статуяхъ, найденной въ курганѣ, разрытомъ Г. Пантикюти въ 1821 г.

celle du bas de la même forme que celui de la femme, excepté qu'au lieu de rosettes, il y avait sur la partie inférieure, frappé en bosse, un petit dessin comme ceci (DUBRUX figure ici dans son rapport la bordure festonnée de cette pièce de la tiare du roi). La seconde partie du diadème, celle du haut, était large de deux verchoks, faite en forme d'entonnoir qui réduisait l'ouverture supérieure à un verchok et demi de diamètre, et donnait au bonnet sur lequel ces deux pièces, qui sont en electrum, étaient attachées, la forme d'un bonnet persan. Il restait à peine quelques vestiges de l'étoffe de ce bonnet qui, à en juger par son épaisseur, devait être un feutre. — A peine aussi retrouvait-on quelques légers restes des habits.

Au col était passé un grand anneau ouvert. Aux deux bouts il y a deux Scythes à cheval fournissant une course, etc. (Pl. VIII. 1.). La pièce que je viens de décrire est de l'or le plus fin et d'un travail admirable.

Au bras droit, au-dessus du coude, était passé un cercle en or, large d'un pouce, avec des bas-reliefs (Pl. XIII. 3.). Au-dessous du coude, il y avait, à chaque bras, deux cercles en electrum, unis, larges d'environ un verchok (Pl. XXVI. 3.).

Plus bas, aux poignets, il y avait des bracelets non fermés, terminés par des figures de sphinx dont les griffes tiennent un gros fil d'or (Pl. XIII. 1.).

A gauche du roi, c'est-à-dire vers le côté où la caisse était ouverte, il y avait une petite planche, p. qui posée sur le fond était de toute la longueur et affermie à la tête et au pied (probablement aux deux bouts). Au-delà de cette planche qui n'avait que trois verchoks de large, vers le côté de la femme, on avait déposé 1) le glaive du roi dont le fer a dix-sept verchoks et demi de long. Quoique l'oxide ne laisse plus la largeur entière, néanmoins, en quelques endroits conservée, cette largeur est de près de deux verchoks; la poignée était revêtue en feuille d'or, avec des bas-reliefs (Pl. XXVII. 10); 2) le fouet (plète) dont le cuir réduit en poussière, était tortillé avec une petite bande de feuille d'or mince et unie (le manche de ce fouet est conservé dans la vitrine des objets en or du Koulo-Oba; il se compose d'une feuille d'or mince, roulée en spirale autour d'un morceau de bois dont quelques fragments existent encore dans la spirale); 3) un petit bouclier qui s'attachait à l'épaule droite pour la couvrir et la défendre (Pl. XXV.); 4) près de ce bouclier une pièce qui était l'élu de l'arc en bois qui était réduit en poussière. Cet élu était recouvert d'une lame d'electrum sur laquelle il y avait des bas-reliefs (DUBRUX les décrit) (Pl. XXVI. 2.).

Il y avait en cet endroit une botte ou jambard en bronze ou argent doré, la seconde était déposée à droite du cadavre, et une pierre, de couleur verte, ronde, très dure, qui servait à aiguiser les armes; le bout était garni en bon or avec des reliefs, et sur tous ces reliefs, le griffon, armes de la ville de Panticapée (Pl. XXX. 7.).

Au-dessous de la tête du roi, au-delà de la planche qui fermait la caisse de ce côté, étaient déposées cinq petites statues en electrum; quatre (Pl. XXXII. 1.) ont été reconnues par Mr. de Stempkovsky pour être entièrement semblables à celles que Mr. de Blaramberg a dit être des statues de l'Hercule Scythe (il est question de la figurine trouvée dans le tumulus Patimioti, en 1821;

См. выше); *платяная статуэтка* представляет группу *двух* обнявшихся Скифов с чашею в руках. (Р. XXXII. 10).

У ног Царя, вня лица, у Северной стѣны, стояли три большія бронзовыя вазы, одна круглая, вышиною въ десять вершковъ, две другія продолговатыя, различной величины. (Р. XLIV. 7. 12. 13.). Две изъ этихъ вазъ были наполнены овечьими костями.

У порога дверей стояла бронзовая тарелка, г. имѣвшая пять вершковъ въ поперечникѣ.

Кромѣ этихъ предметовъ, по всему склепу разбросано было множество пластинокъ изъ золота и электрума, разной величины и разнаго вида, но все съ выпуклыми фигурами, служившихъ украшеніемъ одежды, на которую вѣроятно нашивались. На нихъ изображены были: головы божествъ, жевничи и Медузы, также животныя, какъ то: рыбы, зайцы, утки. (Р. XX. Р. XXI. 2. 4. 8. 10—13. 21—23. Р. XXII. 2. 3. 7. 9. 10. 11. 15).

Тутъ было также нѣсколько золотыхъ фляжесъ со ступками, пнуицы съ финифтью и съ головою Пана, довольно много другихъ гладкихъ и выпуклыхъ, треугольныхъ и розетокъ различной величины, нѣсколько сотъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, до того твердыхъ, что изъ нихъ было распиливать лучшею пилою (Р. XXVII. 14.), и желѣзные копій и дромиковъ, сильно заржавленные; но кромѣ царскаго, другаго меча не было. (Тутъ слѣдуетъ мнѣніе Дюбрюкса объ этой гробницѣ: могилѣ Сивасака Царя, похороненнаго съ любимымъ женою, конюшникъ, повѣсь, оружіемъ и всѣми вещами, которыя онъ употреблялъ при жизни).

Замѣчательнее всего то, что на сосудѣ изъ электрума, въ одной группѣ изображены человѣкъ, которому кажется режутся зубы, и что въ нижней челюсти Царя недостало двухъ коренныхъ зубовъ, а третій, возлѣ нихъ, былъ болѣе, отчего челюсть въ этомъ мѣстѣ напухла; этотъ послѣдній зубъ лежитъ гораздо глубже остальныхъ, которые очень хороши, совершенно здоровы и принадлежали человѣку отъ тридцати до сорока лѣтъ. Черезъ необыкновенно толстыя. Все кости обличаютъ человѣка высокаго роста; въ бедренной кости $10\frac{1}{2}$ вершковъ длины; (это размѣръ бедра человѣка ростомъ въ 6 Англическихъ футовъ и четыре дюйма).

Въ сожалѣнію, склепъ не могъ быть сохраненъ. Уже 24 числа (Сентября) огромные камни отделились отъ свода, Южная стѣна осыпалась, и я чуть было не сдѣлался жертвою моей страсти къ древностямъ и точности въ исполненіи порученія Г. Стемковского, приказавшаго изслѣдовать склепъ и снять съ него планъ. 27 числа Северная стѣна обрушилась и рухнула въ нору двухъ любопытныхъ, вошедшихъ въ склепъ не съ тѣмъ, чтобы подивиться древнему строенію, но поискать золота, ускользнушаго отъ нашего вниманія.

Приписка Г. Стемковского.

При простѣвкѣ земли, покрывавшей оставы, найдено было нѣсколько весьма тонкихъ кусковъ буксана дерева (обыкновенно называемаго пальмовымъ), сильно попорченныя, принадлежавшихъ, какъ кажется, музыкальному инструменту. На нѣкоторыхъ кускахъ были рисунки прелестнѣйшей работы, сдѣланный пилою; на немъ видны: четырехконная колесница, женщина съ какою въ рукѣ, дитя, которое поитъ лошадей изъ большаго сосуда, сидящая женщина и т. п. Одежда лицъ греческая. (Р. LXXIX. LXXX).

voir plus haut); la cinquième statue est un groupe de deux Scythes qui se tiennent embrassés et ont une coupe à la main (Pl. XXXII. 10.).

Aux pieds du roi, hors de la caisse, et contre la muraille du nord, il y avait trois grands vases en bronze, q. l'un rond, de la hauteur de dix verchoks, les deux autres oblongs de différente grandeur (Pl. XLIV. 7. 12. 13.). Deux de ces vases étaient remplis d'os de mouton.

Près du seuil de la porte il y avait une assiette en bronze, r. du diamètre de cinq verchoks.

Outre ces choses, il y avait répandue par tout le caveau, une grande quantité d'objets en or et en electrum, tous frappés en reliefs, de différente grandeur et de diverses formes, qui avaient dû être attachés et servir d'ornements à des habits. Ces objets représentaient des têtes de femmes, de divinités, ~~de~~ Méduse, des animaux, comme Pégase, lion, griffon, lièvre, canard (Pl. XX. Pl. XXI. 2. 4. 8. 10—13. 21—23. Pl. XXII. 2. 5. 7. 9. 10. 11. 15.).

Il y avait aussi quelques petits flacons en or avec leur bouchon, des boutons émaillés, d'autres avec des têtes de Pan, d'autres encore en assez grand nombre, unis et convexes, des triangles et des rosettes, de différente grandeur, et quelques centaines de bouts de flèche en bronze, très durs et sur lesquels la meilleure lime ne mord pas (Pl. XXVII. 11.), des piques et des dards en fer très oxydés, mais un seul glaive, celui du roi. (Suit l'opinion de DUBRUX sur ce tombeau, la sépulture d'un roi scythé, enterré avec sa femme favorite, son écuyer, son cheval, ses armes, tous les objets dont il s'était servi).

«Ce qu'il y a de plus remarquable, c'est que sur le vase en electrum, un des groupes représente un personnage à qui on semble arracher une dent, et que dans l'os de la mâchoire inférieure du roi il manque deux dents machelières et que la troisième à côté était atteinte d'une maladie qui, en cet endroit, avait fait enfler la mâchoire; et cette dernière dent est beaucoup plus enfoncée que les autres qui sont très belles, bien conservées, et sont celles d'un homme de trente à quarante ans. Le crâne est extrêmement épais. Tous les ossements sont ceux d'un homme de la plus grande taille; ceux de la cuisse ont dix verchoks et demi de longueur (c'est la dimension des fémurs d'un homme de six pieds quatre pouces anglais).

Ce qu'il y a de fâcheux, c'est que nous n'ayons pu conserver le caveau. Déjà le 24 (septembre), de grosses pierres se sont détachées de la voûte, la muraille du midi s'est affaissée, et peu s'en est fallu que je ne devinsse victime de ma passion pour l'antiquité et de ma ponctualité à exécuter les ordres que m'avait donnés Mr. de Stempkovsky de faire l'exploration et de prendre le plan du caveau. — Déjà le 27, la muraille du côté du nord s'est écroulée et a blessé aux jambes deux des curieux qui y étaient entrés, non pour admirer la construction antique, mais bien pour trouver l'or échappé à nos recherches.

Ajouté par Mr. de Stempkovsky.

En passant (au crible) la terre qui recouvrait les cadavres, on a trouvé plusieurs morceaux très fins de bois de buis, fortement maltraités, qui appartenaient, à ce qu'il paraît, à quelque instrument de musique. Plusieurs de ces morceaux offrent des dessins faits à la pointe, d'un travail admirable; on y voit un quadrigé, une femme tenant un casque à la main, un enfant avec un grand vase à la main offrant à boire à un cheval, des femmes assises, etc. les costumes sont grecs. (Pl. LXXIX. LXXX.).

Продолженіе описанія, составленное въ Февралѣ 1832 г.

На третій день обыска, т. е. 24 Сентября, при закатѣ солнца, я вышелъ изъ склепа, хотя вдоль всей Южной стѣны и половины Восточной еще оставалось пространство въ одинъ аршинъ ширины, которое не было изслѣдовано потому, что въ сѣнѣ мѣстахъ лежали куски тесаннаго камня, упавшіе со стѣны. Если же я захотѣлъ бы убрать сіи камни, то долженъ бы былъ опасаться, что весь склеп обрушится, противъ чего было только одно средство, состоявшее въ томъ, чтобы подставками, — а ихъ-то у насъ и не было, — подпереть сводъ и части стѣны, которые, почти уже отдѣлившись, держались какъ-бы на воздухѣ и въ послѣдніе два дня угрожали развалить меня и работниковъ. Я былъ вполне уверенъ, что никто не рѣшится войти въ склепъ ночью, потому что зрители видѣли какъ осыпалась часть Южной стѣны, когда я приказалъ отнять отъ нея бревно, упавшее съ потолка и которое, опираясь на куски камня, также соединившееся со стѣною, мешало мнѣ работать. Этѣхъ любопытныхъ собралось тутъ нѣсколько сотъ челоуѣкъ, и они видѣли съ какимъ страхомъ работники, оставая меня одного въ склепѣ, бросались къ дверямъ, толкали другъ друга, чтобы скорѣе выйти.

Они же были свидѣтелями того, какъ, около 4-хъ часовъ по полудни, огромный камень, отдѣлившись отъ свода изъ втораго или третьяго ряда, упалъ на то мѣсто, гдѣ я находился съ двумя работниками нѣсколько минутъ предъ тѣмъ и которое было мною оставлено по случаю жаркаго жора съ офицерами, заравнившими свѣтъ, чтобы самому лучше видѣть, и такими образами спасшимъ намъ жизнь. За вѣсьмъ тѣмъ я приказалъ завалить входъ большими камнями; когда же полицейскій чиновникъ, которому съ двумя служителями поручено было смотреть, чтобы никто не входилъ ночью въ гробницу, объявлялъ мнѣ, что ночи весьма холодно и сторожа остаются безъ пищи и т. п., то я на это отвѣчалъ, что не въ правѣ ни назначать караула, ни снимать его, и чтобы они обратились за приказаніемъ къ Г. Градоначальнику.

Вечеромъ, во время пріема рапортовъ, когда спрашивали: надлежитъ ли оставить этотъ караулъ или снять, — то сознаюсь, я сказалъ Г. Градоначальнику на вопросъ его, что не думаю, чтобы кто нибудь осмѣлился войти въ склепъ, особенно ночью, послѣ того, что случилось въ этотъ день; но я говорилъ это въ 8 часовъ вечера, а въ послѣдствіи узналъ, что караульные отведены были тотчасъ по уходѣ моемъ отъ кургана, и что въ то время, когда Г. Градоначальникъ принималъ рапорты, филомаламы (такъ выразился Дюбрюксъ въ этомъ мѣстѣ) уже дѣйствовали.

Прійдя на слѣдующее утро съ работниками къ склепу для принятія мѣръ, дабы окончить обыскъ его и просвѣщеніе земли, мы къ крайнему моему неудовольствію нашли, что камни, которыми я приказалъ завалить входъ, сняты и не только очищена Южная стѣна и часть Восточной, которая еще не была обыскана, но что съ опасностію жизни отваленъ весь камень, которые угрожали паденіемъ, расширенъ входъ съ опасностію быть задавленными обоими огромными камнями, изъ которыхъ состояла дверная перемичка, и совершенно вывороченъ каменный полъ, хотя онъ состоялъ изъ пятихъ въ полѣ-сажени длины, около аршина ширины и отъ шести до осьми вершковъ толщины.

Suite de la description écrite en février 1832.

Le troisième jour de l'exploration, c'est-à-dire le 24 septembre, au coucher du soleil, quoiqu'il restât une archine en largeur le long de la muraille du midi qui n'était pas encore fouillée, ainsi que le même espace le long de la moitié de celle de l'est, par la raison qu'il y avait dans ces deux endroits des blocs de pierre de taille qui étaient tombés des murs, et que l'on ne pouvait ôter, sans craindre de voir s'écrouler le caveau, à moins de s'assurer par une grande quantité d'élançons dont nous étions dépourvus, contre la chute de la voûte et des parties des parois qui déjà détachées, et comme suspendues, avaient menacé de nous écraser moi et les ouvriers pendant les deux jours de mon travail; je sortis du caveau, bien persuadé que personne n'oserait y pénétrer la nuit, les spectateurs ayant été témoins de l'affaissement d'une partie de la muraille du midi, lorsque j'avais ordonné d'ôter du pied de cette muraille une poutre tombée du plafond et qui, étant appuyée à des blocs de pierre aussi tombés du mur, gênait mon travail. Ces curieux qui étaient au nombre de quelques centaines, avaient vu la frayeur des ouvriers qui s'étaient alors précipités vers l'entrée et, se pressant les uns les autres pour sortir, m'avaient laissé seul dans le caveau.

Ces mêmes curieux avaient été témoins vers les quatre heures du soir, qu'une énorme pierre détachée du second ou troisième rang supérieur (assise) de la voûte, était tombée à la place que j'occupais quelques minutes auparavant avec deux ouvriers, et qu'une dispute assez vive avec un officier qui pour voir nous dérobaît la lumière, m'avait fait quitter ainsi que ces gens, et nous avait ainsi sauvé la vie. Néanmoins, je fis fermer l'entrée avec de grosses pierres; et sur ce que l'officier de police chargé de veiller avec deux soldats à ce que personne n'entrât dans le tombeau, me dit que les nuits étaient très froides, que les gardiens étaient sans nourriture, etc. je lui répondis que je n'avais le droit ni de mettre une garde, ni de la lever; qu'il devait prendre les ordres du gouverneur.

Le soir, au rapport, lorsque la demande fut faite si cette garde devait rester ou être levée, je dois dire que sur l'interrogation que me fit à ce sujet Mr. le Gouverneur, ma réponse fut: que je ne croyais pas que personne osât entrer, surtout la nuit, dans le caveau, d'après ce qui était arrivé ce jour là; mais il était alors huit heures du soir, et j'ai appris depuis que la garde avait été levée immédiatement après mon départ du tumulus, et qu'au moment du rapport, les philomalams (nous transcrivons littéralement cette expression de DUBRUX) étaient déjà au travail.

Le lendemain, ayant été le matin avec les ouvriers pour prendre les mesures de sûreté nécessaires, afin de pouvoir achever l'exploration et le criblage de la terre, nous trouvâmes, à mon grand déboire, qu'après avoir ôté les pierres avec lesquelles j'avais fait fermer l'entrée, l'on avait non seulement déblayé la muraille du midi et la partie de celle de l'est non nettoyée; mais que même, au risque de la vie, l'on avait fait tomber toutes les pierres qui menaçaient ruine, augmenté l'ouverture par où l'on entraît, au risque d'être écrasé par les deux énormes blocs qui formaient le haut de la porte, et que le pavé avait été entièrement bouleversé, quoiqu'il fût formé de pierres d'une demi-sagène de long, de plus d'une archine de largeur, sur six à huit vertchoks d'épaisseur.

Перестановка камней Южной стлны, бывших до того времени только перевороченными на занимаемом ими въ стлн мѣстѣ и на которыхъ держались верхніе ряды камней, — все это предвѣщало, что склепъ въ скоромъ времени совершенно разрушится.

Когда я донесъ Г. Градоначальнику о случившемся, тогда даны были строжайшія приказанія для огражденія входа въ гробницу; на-день опять приставленъ былъ къ ней караулъ, ночью же назначенъ конный патруль.

Не смотря на эти мѣры предосторожности и на то, что въ склепъ стали уже находить только кое-какіе мелкіе предметы, какъ напр. треугольники, пуговицы и т. п., болѣею частію изъ электрума, замышавшіеся между сорокъ отъ обрушившихся стлны и пола, жажда къ добычѣ золота превозмогла страхъ тюрьмы, а тѣмъ болѣе смерти, и каждую ночь пять или шесть челоѣкъ отправлялись къ склепу, ставили караульнаго, и когда приближался патруль, прятались за юрою. Это продолжалось до 28 Сентября, когда Северная стлна при паденіи сильно ранила въ ногу двухъ изъ нихъ и всѣ они подверглись величайшей опасности лишиться жизни; тогда перестали посѣщать склепъ, представлявшій уже только груды камней.

Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что въ городѣ тайно продаютъ мелкія золотыя вещи

Не ралье змы, и то съ обѣщаніемъ сохранить тайну, мнѣ удалось увидѣть у скупищиковъ большую часть того, что было расхищено; но я могъ узнать имѣя только одно изъ тѣхъ, которые входили въ склепъ въ первую ночь. Такъ какъ этотъ челоѣкъ былъ мнѣ кое-чѣмъ обязанъ, то я успѣлъ уговорить его выдать Г. Градоначальнику цѣльный предметъ изъ электрума вѣсомъ слишкомъ въ $\frac{3}{4}$ фунта. Кусокъ этотъ представляетъ оленя, терзаемаго собакою, которая схватила его за юрло. На оленя изображены четыре фигуры животныхъ и между прочимъ грифъ. (Р. XXVI. 1).

Вотъ, что разсказалъ мнѣ этотъ челоѣкъ: 24 числа, вскорѣ послѣ того, какъ я съ работниками оставилъ курганъ, караулъ былъ снятъ, и лишь только стемнѣло, восемь или десять челоѣкъ обывателей города, Греки или крестьяне, разобравъ камни, которыми, по моему приказанію, заваленъ былъ входъ въ склепъ, сбросили съ Южной стлны и съ части Восточной огромные камни, уже вполосину отдѣлившіеся, подвергая себя явной опасности быть задавленными; за тѣмъ, выдвинувъ на середину склепа какъ эти камни, такъ и тѣ, которыми, какъ я уже сказалъ, былъ зароможденъ полъ вдоль этихъ двухъ стлн, они нанли на семь мѣстъ несмѣтное число тисненыхъ фигуръ или листочковъ изъ золота и электрума, такихъ же, какъ и тѣ, которые мы находили въ предшествовавшіе два дня и которые вѣроятно нашиты были на одежду, висѣвшей на пяти большихъ гвоздяхъ, вбитыхъ въ этой стлн (см. планъ А. I.) подъ потолокомъ и. . . . Не удовольствовавшись этою находкою и замышля въ щеляхъ каменнаго пола нѣсколько такихъ же мелкихъ пластинокъ, которыя либо случайно туда упали, либо замѣнены были туда нами при чисткѣ пола или просяваніи земли, они съ опасностію похоронили себя подъ развалинами склепа, принялись переворачивать каменный полъ, начавъ направо отъ дверей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли большая ваза и обѣ логаны. (g. h.)

Le déplacement des pierres de la muraille du midi qui auparavant étaient seulement renversées sur la place qu'elles avaient occupée dans les murailles et sur lesquelles, avant ceci, s'appuyaient encore les pierres supérieures (nous copions littéralement), tout annonçait que bientôt le caveau serait entièrement renversé.

Lorsque j'eus rendu compte à Mr. le Gouverneur de l'état des choses, les ordres les plus sévères furent donnés pour défendre l'entrée du tombeau; le jour, des gardes y furent de nouveau placés, et des patrouilles à cheval furent employées à veiller la nuit.

Nonobstant ces précautions, et quoique l'on ne trouvât plus que quelques pièces, comme triangles, boulons, etc. en electrum pour la plupart, qui s'étaient mêlées à la terre des parois écroulées et du pavé, la soif de l'or l'emportant sur la crainte de la prison et plus encore sur celle de la mort, cinq ou six hommes s'y rendaient la nuit, plaçaient une sentinelle et, à l'approche des patrouilles, se cachaient derrière la montagne. Cela dura jusqu'au 28 septembre que la muraille du nord en tombant en ayant blessé deux grièvement aux jambes, et tous ayant été dans le plus grand danger de perdre la vie, on cessa d'entrer dans le caveau qui n'était plus qu'un tas de ruines.

Bientôt un bruit sourd se répandit que l'on vendait secrètement dans la ville de petits objets en or

Ce ne fut que l'hiver, et avec promesse du secret, que je parvins à voir chez les acheteurs la plus grande partie de ce qui avait été spolié; mais je ne pus savoir le nom que d'un seul de ceux qui y avaient été la première nuit; et comme cet homme m'avait quelques obligations, je parvins à l'engager à remettre à Mr. le Gouverneur une pièce entière pesant plus de trois quarts de livre. Cette pièce représente un cerf terrassé par un chien qui le tient à la gorge. Il y a sur ce cerf plusieurs figures d'animaux, entr'autres celle d'un griffon. Cette pièce est en electrum (Pl. XXVI. 1.).

Voici ce que j'appris de cet homme. Le 24, peu de temps après que j'eus quitté le tumulus avec les ouvriers, la garde fut levée, et, à peine la nuit close, huit à dix hommes habitants de la ville, grecs ou paysans, après avoir ôté les pierres avec lesquelles j'avais fait fermer le trou, sont entrés dans le caveau et, au risque d'être écrasés, ont fait tomber les grandes pierres qui étaient déjà à moitié détachées à la muraille du midi et à une partie de celle de l'est; et, après avoir tiré au milieu du caveau et ces pierres et celles qui, comme je l'ai dit précédemment, couvraient le pavé de toute leur largeur le long de ces deux murailles, ils ont trouvé en cet endroit une énorme quantité de ces figures ou feuilles d'or et d'electrum frappées qui sont des répétitions de celles que nous avions trouvées les deux jours précédents et qui ont probablement été attachées à des habits suspendus aux cinq grands clous enfoncés dans cette muraille (Plan A. 1.) au-dessous du plancher (c'est-à-dire du plafond) Non contents de cette trouvaille, ayant aperçu dans les déjoins (interstices) des pierres du pavé quelques petites plaques de ces mêmes figures qui y étaient tombées d'elles-mêmes ou que nous y avions fait entrer en balayant ce pavé ou en passant la terre à travers les cribles, ils se mirent à enlever le pavé, au risque de s'ensevelir sous les ruines du caveau, ayant commencé près de la porte à droite, dans l'endroit où étaient placés le grand vase et les deux bassins (g. h.).

Тутъ они открыли могилу, вырытую въ почвѣ горы, состоявшей изъ желтой глины. Могилъ эта, не окруженная камнями, была наполнена самою мелкою и чернаго цвѣта землею и имѣла приличн. глубины, почти столько же ширины, а въ длину была, сколько я могъ понять, болѣе трехъ аршинъ. (На нашемъ планѣ А означено буквами а. а. мѣсто, которое занимала эта гробница, скрывавшаяся потаенно подъ пологомъ селени). Голова остана прилежала къ Западной стѣнѣ, кости же почти распались въ прахъ. Въ землѣ, наполнявшей могилу, находилось нѣсколько вещей изъ золота и электрума. Замѣчательнѣйшими предметами были большой прутъ, согнутый въ кольцо и надѣвавшійся на шею. Онъ былъ сходенъ съ двумя вышеописанными (Р. VIII. 1. 2.); концы были украшены лѣпными головами съ синюю и красною финифтью; онъ имѣлъ видъ витого каната и былъ одною третью толще первыхъ, но изъ бронзы и покрытъ тонкими золотыми листами. Значительный етек сего кольца былъ причиною его истребленія: онъ былъ найденъ тремя лицами, которые ухватясь за него и думая, что онъ золотой, согласились раздѣлить находку между собою и разрубили ее топороми.

Въ Эрмитажн. Музеѣ есть двѣ золотыя лѣпныя головы съ эмалью, подходящія къ описанію Дювержеса и кажется суть наконечники этого большого шейнаго кольца. Очевидно, что головы эти отдѣлены были отъ мѣднаго кольца, на которомъ онѣ находились и отъ котораго еще замѣтны въ нихъ слѣды мѣди. На нашемъ Р. VIII. 3. изображена лучше сохранившаяся одна изъ этихъ головъ; она вымѣнена у Г. Саватье, который также издалъ ее въ своемъ сочиненіи¹.

Мнѣ показывали также нѣсколько кусковъ изъ электрума съ барельефами превосходной работы. Куски эти, вѣроятно, были отъ колчана или налуча, сходнаго съ найденными въ остана Царя и раздробленнаго, вѣроятно, по вѣнченію той же мысли, которая заставила разрубить кольцо.

Г. Саватье² издалъ описаніе части золотого листа, который, кажется, есть одинъ изъ кусковъ электрума, упоминаемыхъ Дювержесомъ. Это, вѣроятно, тотъ же отломокъ, который Дюбуа видѣлъ еще прежде Саватье и подѣле публиковалъ въ своемъ Атласѣ³.

Тутъ же была найдена вышеупомянутая мною вещь изъ электрума, представляющая оленя, терзаемаго собакою и кромѣ того здѣсь находилось большое количество наконечниковъ стрѣлъ и копѣйныхъ жезловъ.

Когда я осматривалъ склепъ послѣ его разрушенія, то замѣтили въ углу, налѣво отъ дверей, насыпь изъ небольшихъ камней отъ двухъ до четырехъ вершковъ величиною, простиравшуюся въ діагональномъ направленіи по серединѣ склепа, имѣвшую аршинъ ширины, около сажени длины и, какъ мнѣ казалось, довольно глубокую. Я намѣревался, съ согласія Г. Стемпковскаго, приказать разобрать эту насыпь, чтобы удостовѣриться, не положены ли тутъ другой остана; но какъ сводъ съ каждымъ днемъ все болѣе разру-

¹ SAVAÏER: Souvenirs de Kertsch et chronologie du Royaume de Bosphore. P. IV. 6.

² Тамъ же, P. V. 9.

³ Atlas. IVe Série. P. XXI. 2.

« Ils ont trouvé un tombeau creusé dans la terre de la montagne qui est de glaise jaune. Ce tombeau qui n'était point revêtu en pierres, était rempli de terre noire très fine. Sa profondeur était d'une archine, sa largeur à peu près la même, et sa longueur, d'après ce que j'ai pu comprendre, de plus de trois archines. (Nous avons figuré dans notre plan A par a. a. la place de cette sépulture mystérieusement cachée sous le pavé du caveau). La tête (du cadavre) était contre la muraille de l'ouest et les ossements presque réduits en poussière. Il y avait, mêlés avec la terre noire, divers objets en or et en electrum. La pièce la plus remarquable était un grand cercle ouvert qui devait être placé au col. Il ressemblait aux deux premiers (ceux de la Pl. VIII. 1. 2.); les bouts étaient ornés de têtes de lion et d'émail bleu et rouge; il était d'un tiers plus épais que les autres et tordu en corde à puits; mais il était en bronze recouvert d'une feuille mince d'or fin. Le poids de ce cercle a été la cause de sa destruction; le croyant d'or massif, et trois (de ces hommes) s'en étant saisis à la fois en fouillant la terre noire qui couvrait le cadavre, ils sont convenus de le partager, ce qu'ils ont exécuté en le coupant avec une hache. »

Le Musée de l'Ermitage possède deux têtes de lion en or émaillé qui correspondent à cette description de DUBRUX et paraissent avoir formé les extrémités du grand cercle ou anneau de col dont il est question. Ces têtes ont évidemment été séparées par un procédé violent, du cercle en cuivre auquel elles étaient fixées, car on distingue dans leur gorge cylindrique des restes de ce dernier métal. Nous publions Pl. VIII. 3. celle qui est la mieux conservée. Elle a été acquise par échange de Mr. SABATIER qui l'a reproduite dans son ouvrage¹.

« J'ai vu aussi plusieurs morceaux d'electrum avec des bas-reliefs d'un beau travail. Ces morceaux devaient être des pièces d'un carquois ou d'un fourreau d'arc semblable à celui trouvé près du roi, et qui a probablement été partagé par la même raison que le cercle »

Mr. SABATIER a publié une feuille d'or fragmentée² qui paraît être un de ces morceaux d'electrum dont parle DUBRUX. C'est, il semble, la même pièce que DUBOIS avait déjà vue et dont il a donné un dessin plus complet dans son atlas³.

« Là aussi a été trouvée la pièce d'electrum représentant le cerf terrassé par un chien dont j'ai parlé plus haut. Il y avait aussi en cet endroit beaucoup de bouts de flèches et des fers de piques. »

Lorsque j'ai été voir le caveau après la destruction du pavé, j'ai remarqué dans le coin à gauche de la porte, dans la longueur d'environ une sagène sur une archine de large, et en direction diagonale, de petites pierres depuis deux jusqu'à quatre verchoks de grosseur, entassées les unes sur les autres, à une assez grande profondeur, à ce qu'il m'a paru. J'avais eu le projet, avec l'agrément de Mr. de Stempkovsky, de faire déblayer ces pierres, pour voir si l'on n'avait pas déposé là un autre cadavre; mais la voûte s'écroulant journellement par partie et entraînant

¹ Souvenirs de Kertsch et chronologie du Royaume de Bosphore. Pl. IV. 6.

² Ibid. Pl. V. 9.

³ Atlas. IVe Série Pl. XXI. 2.

шался и наполнял склеп развалинами, то я принужден был отказаться отъ намеренія, которое уже начиналъ приводить въ исполненіе.»

За сими слѣдуютъ доводы Дюбрюкса для утвержденья его мнѣнія, что въ гробницѣ, найденной въ курганѣ Куль-Оба, погребенъ былъ Скифскій Царь и т. д.

Таковъ рапортъ, составленный Дюбрюксомъ на мѣстѣ открытія и точнаго изслѣдованія Куль-Обской гробницы. Рапортъ этотъ въ такой мѣрѣ носитъ на себѣ печать истины, что, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ подробностей, нами выпущенныхъ, мы сочли нужнымъ передать его вполнѣ, со всѣми повтореніями и во всей простотѣ, но вмѣстѣ съ тою опредѣлительностію и ясностію, болѣе которыхъ и желать невозможно.

Въ описаніи открытія Куль-Обской гробницы, помѣщенномъ въ сочиненіи Дюбуа (Т. V, стр. 199) сказано: «У ногъ замѣчено было множество небольшихъ кремней, совершенно острыхъ и сыпавшихся въ кучу (Дюбуа изобразилъ ихъ въ кучѣ въ царскомъ гробу. Atlas, IVe Série. P. XVIII. 5). Скифы, въ скорби по усопшимъ, имѣли обыкновеніе разрывавъ себѣ лице и другія части тела этими острыми камнями и т. д.» Мы не знаемъ, откуда Дюбуа взять эти кремни, о которыхъ Дюбрюксъ вовсе не упоминаетъ: можно предположить, что онъ введетъ быть въ ошибку слоевъ небольшихъ камней, отъ двухъ до четырехъ вершинъ толщиною, найденныхъ Дюбрюксомъ въ разоренномъ склепѣ, въ лѣвомъ углу его. (См. выше).

Вскажемъ здѣсь впередъ наше мнѣніе о важности расхищенія, происходившаго въ ночь съ 24 на 25 Сентября. Всѣ предметы, о которыхъ говоритъ Дюбрюксъ, что они находились въ склепѣ, нашедъ, за исключеніемъ обихихъ лоханей (подносовъ), въ которыхъ помѣщались серебряныя вазы, двухъ изъ этихъ вазъ, нѣкотораго оружія, небольшихъ золотыхъ фляжекъ со втулками, луговницъ съ головою Пана (можетъ быть это были небольшія маски, сходныя съ помѣщенной на Р. XXXII. 9, но худшей работы, привѣшенныя на цѣпочкахъ къ ожерелью и о которыхъ не известно гдѣ онѣ были найдены) и наконецъ того неслыханнаго множества тысячныхъ золотыхъ бляхъ, служившихъ украшеніемъ одежды и которыя захвачены были ночными изслѣдователями вдоль Южной стѣны, именно той, въ которой еще держались пять большихъ гвоздей, вѣроятно служившихъ для развѣшанія одежды, въ послѣдствіи истлѣвшей и осыпанной (Плавъ А. I.) и вдоль Восточной стѣны, которую Дюбрюксъ не успѣлъ осмотрѣть.

Что касается до тысячныхъ бляхъ, то въ Эрмитажномъ Музѣ хранится ихъ болѣе 600. Малое число бляхъ, въ немъ недостающее и которыя, по указанію Г. Саватье, (Р. IV. 2. 19. (обломки) и 20; Р. V. 5. 6. 7. 10; обѣ № 9 уже говорено выше) находятся въ рукахъ частныхъ любителей, не составляютъ большой важности. Въ нашу поездку за границу въ 1843—1844 годахъ, мы посетили большую часть Европейскихъ Музеевъ, гдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ Медунинныхъ головъ, подобныхъ изображеннымъ на Р. XXI. 10, 11 и находящихся въ Парикѣ, мы не нашли золотыхъ вещей, которыя, по нашему мнѣнію, могли бы принадлежать Куль-Обскому или другимъ курганамъ окрестностей Керчи.

Усердная заботливость Графа Л. А. Перовскаго о собраніи разошедшихся по разнымъ рукамъ вещей, добытыхъ изъ Крымскихъ кургановъ, внушила Его Сіятельству вѣрныя мѣры къ достиженію сей цѣли и благодаря его распоряженіямъ Эрмитажный Музей обогатился значительнымъ числомъ драгоценныхъ предметовъ, приобретенныхъ отъ любителей древностей въ Керчи и другихъ мѣстахъ и достав-

avec elle une grande quantité de décombres, force me fut de renoncer à mon projet que j'avais déjà commencé à mettre à exécution.»

Vient ensuite le raisonnement de DUBRUX pour établir que le tombeau du Koul-Oba était probablement celui d'un roi Scythe, etc.

Tel est le rapport que DUBRUX avait fait sur les lieux de la découverte et de l'exploration minutieuse du tombeau du Koul-Oba. Il porte si évidemment le cachet de la vérité que, sauf quelques longueurs que nous avons supprimées, nous avons cru devoir le reproduire en son entier avec ses redites et sa naïveté, mais, en même temps, avec une précision et une clarté qui ne laissent rien à désirer.

Dans la relation que DUBOIS en a donnée, il dit (tome V. page 199): «*Au pied du roi on remarqua une multitude de petites pierres à feu, toutes tranchantes et entassées* (il les a dessinées en monceau dans le cercueil du roi. Atlas. IVe Série Pl. XVIII. 5.). *Dans les dents Scythes il était d'usage de se déchirer le visage et le reste du corps avec ces petits cailloux tranchants; etc.*» Nous ne savons où DUBOIS a pris l'idée de ces pierres à feu que DUBRUX ne mentionne nullement; il faut croire qu'il a été induit en erreur par ces petites pierres, depuis deux jusqu'à quatre verchoks de grosseur, que DUBRUX, après la destruction du pavé du caveau, trouva dans le coin à gauche (voir plus haut).

Avant de passer outre, nous exprimerons notre opinion sur la valeur de la spoliation de la nuit du 24 septembre. Tous les objets que DUBRUX décrit comme existants dans le caveau, se sont retrouvés, à l'exception des deux bassins contenant les vases en argent, de deux de ces vases, de quelques unes des armes, des petits flacons en or avec bouchon, des boutons à tête de Pan (qui pourraient bien être de petits masques semblables à celui de la Pl. XXXII. 9. mais un peu moins fins d'exécution, disposés au bout de chaînettes comme pendeloques de collier, que le Musée de l'Ermitage possède, sans indication exacte de leur provenance), et de cette *énorme* quantité de plaques d'or repoussées, ornements d'habits, que les explorateurs nocturnes ramassèrent le long de la muraille du midi, celle précisément où étaient encore fixés les cinq grands clous qui avaient servi probablement à suspendre les vêtements tombés en poussière (Plan A. t.) et au bas de celle de l'est que DUBRUX n'avait pas eu le temps d'examiner.

Quant aux plaques repoussées le Musée de l'Ermitage en possède au delà de six cents. Le petit nombre de celles que nous n'y retrouvons pas et qui existent chez divers amateurs, suivant l'indication de l'ouvrage de Mr. SABATIER (Pl. IV. 2. 19. (qui n'est qu'un fragment). 20. Pl. V. 5. 6. 7. 40. (le grand fragment 9 ayant déjà été signalé plus haut) ne sont pas d'une importance majeure. Pendant le voyage que nous avons fait en 1843—1844, nous avons eu l'occasion de visiter la plupart des musées de l'Europe. A l'exception de quelques têtes de Méduse, semblables à celles de notre planche XXI. 10. 11. qui sont à Paris, nous n'y avons pas découvert d'objets en or qui nous aient paru avoir appartenu soit au Koul-Oba soit aux autres tumulus de la contrée.

La vive sollicitude de S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY, qui s'applique à restituer tous les objets dispersés provenant des fouilles de la Crimée, a suggéré à cet homme d'état les moyens qui pouvaient lui faire atteindre son but; et, grâce à ses mesures prudentes, le Musée de l'Ermitage est entré en possession de bon nombre d'objets précieux, recueillis chez des amateurs, à Kertch et ailleurs, dont nous avons été

ленныхъ еще вовремя для пополненія рисунковъ нашего изданія. Мы скажемъ о сихъ предметахъ въ своемъ мѣстѣ.

Что касается до загадочной гробницы (Планъ А. а. а.) срыванной подъ каменнымъ поломъ склепа, то спрашивается: можно ли предположить, что въ ней схоронено лицо равнаго сама съ тѣмъ, которое погребено было въ самомъ склепѣ, со всеми знаками Царскаго достоинства? Выше упомянуто было о большомъ нейномъ кольцѣ, которое похитители разрубили на части и раздѣляли между собою, также о золотомъ украшеніи (Р. XXVI. 1), возвращенномъ въ казну стараниями Дюбрюкса. Утверждали, что тутъ же находился скипетръ или жезлъ, должно *есть ружье съ надѣтымъ на него итыкомъ*, золотой, либо обложенный листомъ золота, съ изображенными на немъ лицами въ одеждахъ; слышно было также, — это мы знаемъ отъ Г. Каренни, — будто бы около этого жезла *обивались три лмы до самого верха, и въ головы ихъ расходились*. Обломокъ, изданный въ сочиненіи Дюбуа (IVe Série. Р. XXI. 2) и Г. Саватье (Р. V. 9), который мы скорѣе принимаемъ за часть полчана, подобнаго изображенному на нашемъ Р. XXVI. 2, чѣмъ за щитъ, указываетъ на то, что здѣсь находилось золотое оружіе. Если это действительно такъ было и если въ этой потаенной гробницѣ схороненъ былъ трупъ Царской особы, родителя или другаго предка Царя, повѣннаго въ склепѣ, то сдѣланное здѣсь похищеніе действительно можетъ быть такъ значительно, какъ полагаемъ; тогда слухъ о томъ, что тутъ похищенъ былъ золотыя вещи и затѣмъ сплавлены и что въ нихъ было нѣсколько фунтовъ вѣса, слухъ, которому до сихъ поръ вѣрятъ на мѣстѣ, оказался бы основательнымъ. Тогда здѣсь, какъ случалось и въ другихъ мѣстахъ, низкою корыстію людей были бы навсегда истреблены драгоцѣнныя для исторіи памятники.

Можно предположить, что Кулъ-Обскій курганъ былъ семейною гробницею. Въ Западной холмѣ была такая же стѣна, какъ та, которая заграждала входъ въ Восточный (см. планъ А и объяснительныя къ нему надписи), а на Западной оконечности кургана Дюбрюксъ нашелъ развалины круглыхъ стѣнъ, принадлежавшихъ, можетъ быть, погребальнымъ склепамъ. И такъ можно допустить, что склепъ а. былъ закрытъ, а потомъ опять вскрытъ для погребенія въ немъ тѣхъ лицъ, останки которыхъ мы описали.

Обратимъ теперь къ системѣ построенія гробницы. Планъ А представляетъ видъ кургана; С—D планъ и разрѣзъ склепа и стѣны, по направленію отъ Сѣвера къ Югу, Е—F разрѣзъ отъ Востока къ Западу. Мы еще все списываемъ изъ Дюбрюкса, чертежу котораго только придали болѣе правильный архитектурный видъ. Подъ буквою G мы присовокупили планъ снизу: стѣны и египетскаго свода склепа. Слѣдуя Дюбуа, мы употребили названіе *египетскаго свода*¹, для означенія построенія каменными *радами*, возвышающимися выступами въ нѣсколько вершковъ и образующими тантъмъ образомъ какъ бы выдолбленную пирамиду; все болѣе сближаясь, эти ряды камней наконецъ образуютъ на вершинѣ отверстіе въ квадратный аршинъ величиною, упоминаемое Дюбрюксомъ и которое закрывалось плитою.

Это тотъ же родъ постройки, о которомъ говоритъ Павзаній; онъ называетъ верхній камень какъ бы замкомъ свода, образующимъ *архивъ* этого рода постройки уступами, нѣсколько образцовъ которой мы встречаемъ у древнихъ. Упомянувъ о *Казнохранилищѣ Миніи* въ Орхоменѣ, Павзаній говоритъ:

¹ Правильнѣе было бы назвать его *пеллагическимъ сводомъ*; но наименованіе египетскій сводъ все же выражаетъ пошлѣе, сопряженное съ постройкою этого рода. Къ тому же сводъ горизонтальными рядами камней встречается и въ Египтѣ въ памятникахъ Озиридіа и Менмоніума. См. Savign. Archit. Egiziana. Отд. I. Р. XIII. 3. 4.

encore à temps d'enrichir les planches de notre ouvrage, et qu'il faut classer parmi les choses restituées. Nous en parlerons en leur lieu et place.

Il reste maintenant la question de la sépulture mystérieusement cachée sous le pavé du caveau (Plan A. a. a). Est-il à supposer qu'elle recelât la dépouille d'un personnage d'un rang égal à celui qui était ostensiblement couché dans son cercueil, entouré de tous les attributs d'un roi? Nous avons parlé du grand anneau de cou que les spoliateurs se partagèrent en le divisant en tronçons, et de l'ornement massif en or (Pl. XXVI. 1.) restitué par les soins de DUBRUX. On a parlé d'un sceptre ou bâton de commandement, *long comme un fusil muni de sa bayonnette*, en or ou recouvert d'une feuille d'or sur laquelle étaient figurés des personnages costumés, et autour duquel, suivant la rumeur recueillie par Mr. KARREISCH qui nous l'a transmise, *trois serpents étaient roulés en spirale jusqu'au sommet, d'où leurs têtes faisaient saillie, en se projetant en dehors*. Le fragment publié par DUBOIS (IVe Série. Pl. XXI. 2.) et par Mr. SABATIER (Pl. V. 9) nous paraît avoir appartenu plutôt à un corymbe, comme celui de notre planche XXVI. 2. qu'à un bouclier, et serait l'indice de l'existence d'armes en or. S'il en est ainsi, et si cette sépulture cachée renfermait les restes d'un personnage souverain, du père ou de l'ancêtre du roi qui reposait dans le caveau, la valeur de la spoliation pourrait être aussi grande qu'on l'a évaluée; et la rumeur d'objets d'or enlevés puis fondus et ayant produit un nombre considérable de livres pesant de métal, accréditée encore de nos jours sur les lieux, serait basée sur la vérité. Alors, ici, comme ailleurs, une hideuse cupidité aurait fait disparaître irrévocablement des monuments précieux pour l'histoire.

Il n'est pas inadmissible que le Koul-Oba ait été une sépulture de famille. Le tertre de l'ouest renfermait encore une muraille semblable à celle qui fermait l'accès de celui de l'est (voir le Plan A et les légendes); et à l'extrémité occidentale du tumulus, DUBRUX avait constaté les restes d'encintes circulaires qui pouvaient avoir appartenu à des caveaux funéraires. On peut donc admettre que le caveau a. avait été fermé une première fois, puis ouvert pour recevoir les personnages dont nous avons décrit la dépouille.

Nous allons maintenant examiner la structure du tombeau. Le plan A offre la vue du Koul-Oba; C—D le plan et la coupe du caveau et de son vestibule, du nord au midi, E—F la coupe, de l'est à l'ouest. Nous ne faisons jusqu'ici que copier DUBRUX dont nous avons seulement rectifié le travail d'une manière plus rigoureusement architectonique. Nous avons ajouté en G le plan renversé du vestibule et de la voûte égyptienne du caveau. Nous nous servons, comme DUBOIS l'a fait, de l'expression *voûte égyptienne*¹, pour indiquer une construction *par assises de pierres* avançant de quelques verchoks l'une sur l'autre, de manière à offrir une espèce de pyramide creuse; ces assises finissant par se rapprocher assez au sommet pour ne plus laisser que cet espace carré d'une archine dont parle Dubrux, et qui était fermé par une dalle.

Ce genre de construction est celui mentionné par PAUSANIAS qui désigne cette pierre comme une clé de voûte, formant l'*ἀγκυρά* de cette construction par assises dont l'antiquité nous offre plusieurs exemples. Il s'agit du *Trésor de Minyas* à Orchomène:

¹ On devrait plutôt dire *voûte pélasgique*; mais voûte égyptienne rend mieux l'idée que l'on doit attacher à ce genre de construction. D'ailleurs la voûte en assises horizontales se retrouve en Egypte dans le monument d'Osymandias et au Memnonium. Voyez: CANINA: *Archit. Egiziana* S. I. Tav. XIII. 3. 4.

«Что касается до Казнохранилища Миний, то это одно изъ греческихъ чудесъ; зданіе, которое великолѣпіемъ не уступаетъ ни какому другому въ свѣтѣ. Оно все изъ мрамора и образуетъ родъ ротонды, сводъ которой къ верху незамыслимымъ образомъ заостривается, и говорятъ, что верхній камень приводитъ въ гармонію все зданіе¹».

Между существующими до нынѣ строениями сего рода назовемъ, какъ замѣчательнѣйшій образецъ, знаменитое зданіе въ Аргосѣ, извѣстное подъ названіемъ *Атреева Казнохранилища*. Оно изображено въ сочиненіи Джемса². Это такого же рода строеніе какъ и Куль-Обскій склепъ, но въ большемъ размѣрѣ; вершина свода замыкается однимъ камнемъ, названнымъ Павзаніемъ, какъ мы сказали, именемъ *ἀφραία*³. Этотъ камень со всѣхъ сторонъ обтесанъ такъ, что по срединѣ образовался выступъ, точно рассчитанный по величинѣ отверстія, оставленнаго на верху между сближающимися рядами и входящими въ это отверстіе, которое онъ замыкалъ совершенно плотно⁴.

Полагаютъ, что это казнохранилище, образующее огромный склепъ, въ древности служило Греческимъ Царямъ складочнымъ мѣстомъ для драгоценныхъ вещей, какъ то: оружія, вазъ, слитковъ золота и серебра, одежды, дорогихъ тканей и проч.

Другіе образцы этого рода постройки встрѣчаются въ Италіи; мы находимъ рисунки съ нихъ въ сочиненіяхъ Кавини о Тускулумѣ и древней Вѣв. Въ Тускулумѣ⁵ такимъ образомъ построены резервуаръ водопровода, въ Вѣв⁶ — входъ въ гробницу.

Въ Сардинскихъ Нурагахъ⁷) замѣчается также система въ постройкѣ свода, какая видна и въ Атреевомъ Казнохранилищѣ.

Приведенные нами примѣры сего рода постройки суть самыя примѣчательныя изъ всѣхъ, до нынѣ извѣстныхъ. Ее обыкновенно именуютъ *пелазгическою* или *циклопическою* и такимъ образомъ относятъ ее: въ Греціи — къ древнѣйшимъ временамъ, а въ Италіи и Сардиніи — къ эпохѣ, предшествовавшей основанію Рима.

Очевидно, что эта система постройки была перенесена на берега Понта Евксинскаго жителями греческихъ поселеній. Примѣромъ тому служить не одинъ Куль-Обскій курганъ. Огромный курганъ, извѣстный подъ именемъ Парсаго, находящійся на разстояніи около 5 верстъ къ СВ. отъ Керчи (см. карту No. 1) представляетъ образецъ такого же рода сооруженія, но въ гораздо большихъ размѣрахъ;

¹ Павзаній: Историческое путешествіе по Греціи. Книга IX. Глава 38. 2.

² Gell: Argolis. P. 4 5. 6.

³ Техническое названіе этого камня по-гречески *ἀφραίος* или *σφῆν*.

⁴ Мы обязаны ученому другу нашему Г. А. Кавини указаніемъ на вышесказанное выше мѣсто изъ Павзанія и некоторыми другими свѣдѣніями, относящимися къ этой системѣ постройки.

⁵ Savina: Descrizione dell'antico Tuscolo. Roma, 1841. P. XIV.

⁶ Savina: Descrizione dell'antica Città de Veii. Roma, 1847. P. XXIX.

⁷ Rattit-Rabek: Notice sur les Nuraghes de la Sardaigne etc. Paris, 1826. P. III. IV. и

Сомте Альберт де ла Мармора: Voyage en Sardaigne. Paris, 1840. На V и XIII рисункахъ прекраснаго Атласа къ сему сочиненію изображены виды, планы и разрывы этихъ загадочныхъ памятниковъ, которые вѣроятно были гробницами.

«Quant au trésor de Minyas, c'est une des merveilles de la Grèce, et un édifice aussi superbe qu'il y en ait dans tout le reste du monde. Il est tout en marbre; c'est une espèce de rotonde dont la voûte se termine insensiblement en pointe, et l'on dit que la pierre la plus exaucée de l'édifice est celle qui en règle toute l'harmonie»¹.

Comme exemple le plus remarquable existant, nous citerons la célèbre construction dite *Trésor d'Atrée*, à Argos. GELL en a publié les dessins². On y distingue, comme dans le caveau du Koul-Oba, mais sur une plus grande échelle, une construction dont le système est parfaitement semblable; le sommet de la voûte est fermé par une seule pierre à laquelle, comme nous venons de le dire, Pausanias applique le nom d'*ἀγκυρά*³. Cette pierre est taillée tout autour, de manière que le milieu formant une saillie carrée, calculée exactement sur la dimension de l'ouverture laissée par le rapprochement des assises, s'y adaptait comme un couvercle et la fermait hermétiquement⁴.

On suppose que ce trésor formant un immense caveau, était un magasin de sûreté où les rois grecs, dans les temps reculés, conservaient leurs objets précieux, comme armes, vases, lingots d'or et d'argent, vêtements et étoffes riches, etc.

D'autres exemples de ce genre de construction se retrouvent en Italie; et CANINA nous en offre les dessins dans ses ouvrages sur Tusculum et sur l'ancienne Veies. À Tusculum⁵, c'est un réservoir d'aqueduc; à Veies⁶, c'est la porte d'un tombeau.

Les Nuraghes⁷ de la Sardaigne offrent un système de voûte pareille à celle du Trésor d'Atrée.

Les exemples que nous venons de citer sont les plus remarquables que l'on connaisse de ce système de construction que l'on est convenu généralement de désigner sous l'épithète de *pélasgique* ou *cyclopéen*, qui nous fait remonter pour la Grèce jusqu'aux temps les plus anciens; et pour l'Italie et la Sardaigne, à une époque antérieure probablement à la fondation de Rome.

Ce système de construction fut évidemment introduit sur les rives du Pont-Euxin par les habitants des colonies grecques. Le Koul-Oba n'en est pas le seul exemple. Le vaste tombeau connu sous le nom de Tsarskii kourgane (tombeau royal), à cinq verstes environ au N. E. de Kertch (voir la carte No. 1), est une construction pareille sur une plus grande échelle; il en est de même des caveaux du Mont d'or,

¹ PAUSANIAS: Voyage historique de la Grèce. Livre IX. chap. 38. 2.

² GELL: Argolis. Pl. 4. 5. 6.

³ Le nom technique de cette pierre en grec est ἀγκυράς ou σφήν.

⁴ C'est à notre savant ami Mr. L. DE KIENZÉ que nous devons la communication du passage de PAUSANIAS que nous avons rapporté et plusieurs des notes relatives à ce système de construction.

⁵ CANINA: Descrizione dell' antico Tuscolo. Roma. 1841. Tav. XIV.

⁶ CANINA: Descrizione dell' antica Città di Veii. Roma. 1847. Tav. XXIX.

⁷ PETIT-RADEL: Notice sur les Nuraghes de la Sardaigne. Paris. 1826. Pl. III IV. et

CONTE ALBERT DE LA MARMORA: Voyage en Sardaigne. Paris. 1840. Les planches V à XIII du bel atlas de cet ouvrage offrent les vues, plans et coupes de ces monuments mystérieux qui sont très probablement des tombeaux.

тоже должно сказать о склепах Золотого кургана, гробницы Митридатовой горы, известной под названием гробницы Австова и Пигмеев¹, и о той, которую Ашнэз открыл в 1839 г. на землях Мирзи-Кескузиджа, в цепи холмов, простирающейся к Юго-Западу от Керчи (см. карту № 4). Об этой гробнице говорено будет при описании рисунка IV нашего Атласа. У Дюбуа представлен еще другой примѣръ этого рода постройки².

По удостовѣренію Князя Сивирскаго, въ стѣнѣ Анавы есть большая гробница³, сходная съ Царскимъ курганомъ. Но археологическія разысканія еще не распространяются на эту мѣстность; — надо надѣяться, что со временемъ приняты будутъ мѣры, которыя позволятъ антикваріямъ заняться здѣсь археологическими изслѣдованіями.

Планъ А послужитъ къ объясненію постройки Куль-Обской гробницы.

Напередъ выведены были стѣны склена и стѣны изъ тесаныхъ камней, вложенныхъ пятью рядами, отъѣсно возвышающимися одинъ надъ другимъ. За тѣмъ выведенъ сводъ 4, изъ семи рядовъ камней, положенныхъ такъ, что выступая одинъ передъ другимъ, они по немногу сближались до плиты V (составляющей *архона* Пазванія), которая кругомъ обтесана такимъ образомъ, чтобы входила какъ крышка въ верхнее отверстіе, мѣрою въ квадратный аршинъ, и плотно оное закрывала. Три же ряда камней свода стѣны кладены такъ, что они совпадали съ соответствующими имъ рядами склепного свода.

Бревна — подпорки z, найденныя Дюбрюксомъ уже сгнившими, встрѣчаемъ мы и въ склепѣ Золотого кургана, разрытого Г. Карейшею, который положительно насъ убѣдилъ, что между камнями свода египетской постройки въ шесть рядовъ, возвышающагося надъ десяти-саженнымъ въ длину ходомъ въ погребальный склепъ, еще оставались слѣды деревянныхъ брусевъ, вложенныхъ тутъ въ систематическомъ порядкѣ, въ равномъ отъ другаго разстояніи и служившихъ подпорками. Спрашивается: составляли-ль эти подпорки существенную принадлежность сего рода постройки и должно ли признавать углубленія, находящіяся въ стѣнахъ Атреева Казнохранилища въ Микенахъ, (см. рисунки, приложенные въ сочиненію (Джелля) также за слѣды подобнаго устройства или за слѣды обшивки досками?

Когда склепъ былъ выстроенъ, то его покрыли насыпью изъ булыжнаго камня с. с. о которомъ упоминаетъ Дюбрюксъ и становившагося въ верху все мельче и мельче, такъ что на вершинѣ кургана камень этотъ, по выраженію Дюбрюкса, былъ величиною не больше какъ въ орѣхъ. Стѣна b. b. найденная Дюбрюксомъ въ толщѣ кургана, закрывала какъ завѣсъ входъ въ гробницу.

Г. Карейша также упоминаетъ о насypi изъ булыжнаго камня въ стѣнѣ одного изъ квадратныхъ склеповъ Золотого кургана, которую былъ окруженъ склепъ, также какъ и Куль-Обскій. Мы еще будемъ говорить объ этомъ ниже.

¹ Ашнэз въ своемъ сочиненіи «Воспоминаніе Царство» публиковалъ рисунки съ этой гробницы, но они не точны и нуждаются въ болѣе строгой архитектурной поправкѣ. Еще прежде Ашнэз, Дюбуа (Atlas, IVe Série, P. XVIII. 2) издалъ планъ гробницы, списанный съ подлиннаго чертежа, сдѣланнаго Г. Карейшею на скорую руку и находящагося у насъ. Къ сожалѣнію и этотъ рисунокъ не довольно точенъ, между тѣмъ гробница почти совершенно разрушилась и уже не возможно снять съ нея крѣпкаго плана.

² Duvois: Voyage autour du Caucase. Atlas. IVe Série. P. XVIII. 6. 7. 8.

³ Эта гробница вошла нынѣ въ черту городского сада.

du tombeau des Grues et des Pygmées sur le mont Mithridate¹, et du tombeau que Mr. Aschik découvrit, en 1839, à Mirza-Kekouvatzkii, sur la chaîne de collines qui s'étend au S. O. de Kerich (voir la carte No. 1). Nous parlerons de ce tombeau dans le texte de la planche IV de notre atlas. DUBOIS en a publié un autre exemple².

Au dire de Mr. le PRINCE SIBIRSKY, il existe hors des murs d'Anapa, un vaste tombeau³ pareil au Tsarskii Kourgane. Les explorations ne se sont pas encore étendues dans cette contrée. Espérons que des mesures seront prises avec le temps, pour permettre aux archéologues de s'en occuper à loisir.

La structure du tombeau du Koul-Oba nous paraît pouvoir être bien expliquée par notre plan A.

Les murs du caveau et du vestibule furent d'abord formés de pierres taillées, élevées en cinq assises perpendiculaires. Les sept assises de la voûte 1. furent ensuite établies de manière à se rapprocher graduellement, en débordant l'une sur l'autre, jusqu'à la dalle V (formant l'*ἀγκυρά* de PAUSANIAS) qui, taillée tout autour, de façon à entrer comme une couvercle, dans l'ouverture d'une archine carrée du sommet de la voûte, la fermait hermétiquement. Les trois assises du vestibule furent élevées de manière à se rencontrer avec les assises correspondantes de la voûte du caveau.

Les poutres de support z. dont parle DUBRUX, comme étant pourries, sont un fait qui s'est reproduit au caveau du Mont d'or exploré par Mr. KAREISCHA qui nous a positivement assuré qu'entre les pierres formant les six assises de la voûte égyptienne de la galerie de dix sagènes de longueur, qui aboutissait à la chambre funéraire, il existait des restes de solives en bois qui avaient été placées systématiquement, à des distances régulières, pour servir de supports. Ces solives entraînaient-elles dans ce système de construction, et les trous que l'on remarque dans les murs du Trésor d'Atrée à Mycènes (voir les planches de GELL) indiqueraient-ils aussi un ouvrage de soutènement ou seraient-ils les traces d'un revêtement en bois?

L'ouvrage achevé, le caveau fut recouvert de cette immense quantité de pierres brutes c. c. entassées l'une sur l'autre, dont parle DUBRUX, qui allaient en diminuant de volume, jusqu'au sommet du tumulus où, suivant son expression, elles finissaient par être grosses comme des noix. La muraille en pierres b. b. que DUBRUX constata dans le massif du tertre, aurait été comme un rideau masquant l'accès du tombeau.

Mr. KAREISCHA a constaté également en dehors des murs d'un des caveaux carrés du Mont d'or une très grande quantité de pierres brutes servant, comme au Koul-Oba, d'enveloppe au caveau. Nous en reparlerons plus loin.

¹ ASCHIK en a publié les dessins dans son ouvrage: *Воспоминание Партено*; mais ce sont des à peu près qui auraient demandé une rectification architectonique plus rigoureuse. Avant lui, DUBOIS en avait donné le plan (Atlas. IVe Série, Pl. XVIII. 2.), d'après le croquis original de Kareischa qui est en nos mains. Malheureusement ce travail est aussi un à peu près; et ce tombeau étant aujourd'hui presque entièrement détruit, il n'est plus temps d'y revenir.

² Atlas. IVe Série. Pl. XVIII. 6. 7. 8.

³ Il se trouve aujourd'hui renfermé dans l'enceinte d'une promenade nommée le Jardin de la ville.

Из числа лиц, присутствовавших при раскрытии Куль-Обской гробницы, двое еще находятся в живых: Доктор Медицины Статейный Советник Лангъ въ Симферополѣ и Керченскій аптекаръ Титулярный Советникъ Н. Угаровъ. Показанія сихъ лицъ, сообщеніемъ которыхъ мы обязаны Г. М. Бларамбергу, совершенно согласны съ тѣмъ, что сказалъ Дюбрюксъ объ открытіи Куль-Обскаго склепа.

Кто же погребенъ былъ въ этой гробницѣ, въ годовномъ уборѣ, похожемъ на царскій вѣнецъ, съ золотыхъ оружіемъ, богатыми одѣянными, драгоценными вазами, столовою посудой, боевымъ конемъ, конюшникомъ и съ женою или любимѣйшею подругою, похороненною подлѣ него и вѣроятно умерщвленною на его могилѣ?

Прежде всего приходитъ на мысль то, что Геродотъ разсказываетъ о похоронахъ Сивескыхъ Царей¹ и многія другія повѣствованія древнихъ писателей, относящіяся къ обычаю древнихъ народовъ приносить жертвы на могилѣ вождей:

*«Сколько умерщвляется на могилахъ лошадей, наложницъ, еиночерницъ! Сколько одеждъ, уборовъ сожигается или зарывается въ землю вмѣстѣ съ усопшими, какъ будто имъ придется воспользоваться или наслаждаться сими предметами въ странѣ мертвыхъ».*²

*«Fuit enim haec majorum consuetudo, sicut hodieque apud Indos est, ut, quoties reges moriebantur, cum his dilecti equi vel servi et una de uxoribus carior (circa totum occisi) incenderentur. Inter quas de hoc ipso erat magna contentio.»*³

Если бы вопросъ нашъ не оставался неудовлетвореннымъ по неотысканію въ гробницѣ ни имени, ни иной надписи, а нашлась бы въ ней медаль Левка I или одного изъ символовъ его, какъ въ другомъ мѣстѣ открыли медаль Фанатора, основателя Фанаторіи, шапка или тиара котораго совершенно сходна съ шапкою Царя, схороненнаго въ Куль-Обскомъ курганѣ. (См. описаніе Р. II нашего Атласа), то разрылись бы всѣ наши недоумки и мы могли бы съ достовѣрностію признать похороненное въ этомъ курганѣ лице за Царя Левка I, союзника Анианга, царствовавшего сорокъ лѣтъ, съ 393 по 353 годъ до Р. X. Но исторія археологіи не довольствуется предположеніями, и посему должно дать нашимъ разсказаніямъ другое направленіе и изслѣдовать: представляютъ ли найденные въ Куль-Обской гробницѣ памятники стиль того времени, въ которое жилъ этотъ Царь и не отсыкаются ли въ нихъ указанія на извѣстныя событія его царствованія.

Аббатъ Бартеlemi, одинъ изъ проникательнѣйшихъ изслѣдователей древности, приводя изъ греческихъ и римскихъ писателей мѣста, относящіяся къ Левку I, выражается объ немъ тѣмъ образомъ: *«Левкъ уже царствовалъ тамъ (въ Пантикапей) около 30 лѣтъ (въ концѣ I-го года 101 олимпіады или въ 363 г. до Р. X.). Это былъ Государь доблестный и великодушный, уже нѣсколько разъ разбивавшій враговъ и одерживавшій победы своимъ мужествомъ и умомъ. Не задолго предъ тѣмъ Гераклеицы изъ Вивиніи явились съ сильными флотомъ, дабы сдѣлать высадку въ его владѣнія. Левкъ замѣтивъ, что его войска слабо противились напорѣнью непріятеля, поставилъ сзади отрядъ Скивовъ и приказалъ имъ ударить на войска въ случаѣ постыднаго отступленія.»*

¹ Геродотъ. Кн. IV. 71.

² Луццатъ: О печали.

³ Servius: Commentarii in Virgilium. Aeneid. V. 95.

INTRODUCTION.

XI.III

Deux témoins oculaires de l'ouverture du Koul-Oba dont nous avons réussi à nous procurer le témoignage par l'intermédiaire de Mr. M. DE BLARAMBERG, existent encore. Ce sont Mr. LANG, Conseiller d'état, docteur en médecine, propriétaire à Simphéropol, et Mr. N. OUGAROFF, Conseiller titulaire, pharmacien établi à Kertch. Leurs souvenirs coïncident entièrement avec les faits relevés par DUBRUX.

Quel pouvait être le personnage déposé dans ce tombeau avec une coiffure ornée comme d'un bandeau royal, avec ses armes d'or, ses riches vêtements, ses vases précieux et les vases servant à sa table, avec son cheval de guerre, son écuyer et, à ses côtés, son épouse ou la plus aimée de ses favorites, sans doute mis à mort pour lui faire cortège?

On songe tout d'abord à ce qu'HÉRODOTE nous raconte des funérailles des rois Scythes¹ et à tant d'autres passages qui ont rapport à cette coutume des anciens d'immoler des victimes sur la tombe des chefs:

«Combien de chevaux, de concubines, d'échansons n'immole-t-on pas sur les tombeaux! Que de vêtements, de parures, on brûle ou l'on enterre avec les défunts, comme s'ils devaient en user et en jouir dans le séjour des morts!»²

«Fuit enim haec majorum consuetudo, sicut hodieque apud Indos est, ut, quoties reges moriebantur, cum his dilecti equi vel servi et una de uxoribus carior (circa rogam occisi) incenderentur. Inter quas de hoc ipso erat magna contentio»³.

Si au lieu du silence que fait naître l'absence de nom ou d'inscription dans le tombeau, on y eût découvert une médaille au type de Leucon I ou d'un de ses fils, comme on en a trouvé une ailleurs au type de Phanagoras, fondateur de Phanagorie, dont le bonnet ou la tiare a tant de ressemblance avec celle du roi du Koul-Oba (voir ce que nous disons à ce sujet dans le texte de la Pl. II de notre atlas), tous les doutes seraient levés et on n'aurait aucun scrupule à reconnaître dans le personnage de notre tombeau le roi Leucon I, allié des Athéniens, dont le règne embrasse les quarante années de 393 à 353 av. J. C. Mais comme l'histoire de l'archéologie ne s'accommode pas de suppositions, il faut procéder autrement et chercher si dans le style des monuments du Koul-Oba on retrouve celui de l'époque où ce roi a vécu et des allusions aux événements connus de son règne.

Un des explorateurs les plus sagaces de l'antiquité, l'abbé BARTHÉLEMY, rassemblant dans les auteurs grecs et romains les citations qui ont trait à Leucon I, s'exprime ainsi en parlant de ce prince: *«Leucon y régnaît (à Panticapée) depuis environ trente ans (fin de la 4re année de la 104e olympiade ou 363 avant J. C.). C'était un prince magnifique et généreux qui plus d'une fois avait dissipé des conspirations et remporté des victoires par son courage et son habileté. Quelque temps auparavant ceux d'Héraclée en Bithynie s'étaient présentés avec une puissante flotte, pour tenter une descente dans ses états. Leucon s'apercevant que ses troupes s'opposaient faiblement au projet de l'ennemi, plaça derrière elles un corps de Scythes, avec ordre de les charger si elles avaient la lâcheté de reculer.»*

¹ HÉRODOTE. Liv. IV. 71.

² LUCIEN. Œuvres traduites du grec. Paris. 1788. Tome IV. 135. Du Deuil.

³ SERVIUS: Commentarii in Virgilium. Aeneid. V. 95.

«Въ Таврическомъ Херсонесѣ въ изобиліи произрастаетъ хлѣбъ; едва спаханная земля приноситъ тридцатое зерно. Производимая съ сею стракою Греками значительная торговля побудила Царя открыть въ другомъ Босфорскомъ городѣ, Теодосіи¹, гавань, въ которой могли помѣщаться сто кораблей. Азіяскіе купцы во множествѣ привѣзжали съ кораблями въ этотъ городъ и въ Пантикапею. Съ ними не возмалась никакая пошлина, ни съ привозимыхъ, ни съ вывозимыхъ товаровъ, за что Азіяскія Республика изъ благодарности приняла Царя и дѣтей его въ число своихъ гражданъ².»

Украшенія на медальонахъ Царицы (Р. XIX. 4. 4. 5.) исполнены съ такою изысканною извѣстностію, особенно въ частностяхъ, а серебряныя вазы съ рельефными изображеніями (Р. XXXIV) составлены изъ такого широкаго стиля, что нельзя не отнести эти произведенія къ блистательнѣйшему времени греческаго искусства и не предположить, что они были созданы художниками, пришедшими, вѣроятно, изъ Греціи ко двору Царя, который радушно принималъ у себя Азіянцевъ и открывалъ имъ судамъ свои гавани.

Обсудивъ время, къ которому съ правдоподобіемъ надлежитъ отнести предметы, найденные въ Куль-Обской гробницѣ, Дюбуа полагаетъ, что они принадлежали Левку, сыну Сатира, или сыну Левка Перисаду, и основывается въ послѣднемъ случаѣ на указывающей на имя сего Царя монограммѣ ГАΙ, читаемой на загадочномъ предметѣ изъ электрума (Р. XXVI. 1.), найденномъ въ могилѣ подъ поломъ склепа. Изображенную на вазѣхъ (Р. XXXIV) охоту онъ принимаетъ за аллегорію, въ которой подъ видомъ Пантійанскаго грифа и Фавгорійскаго льва, терзающихъ Херсонисскихъ оленей, Кавказскаго дикаго козла и кабана съ береговъ Кубани, представлены побѣды Левконида надъ врагами его на Крымскомъ полуостровѣ и надъ воинственными племенами Кавказа. Не входя въ разборъ этого заключенія, вѣнченнаго Дюбуа собственною его проникательностію, мы только замѣтимъ, что изображенія, почти подобныя вышеозначеннымъ, встрѣчаются также на памятникахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ Тавридѣ³).

Если принять, что лицо, похороненное въ нижней могилѣ, былъ Перисадъ II, и что это былъ отецъ Царя, поконившаго въ самомъ склепѣ, то послѣдній былъ бы Сатиръ II, получившій смертельную

¹ Одни полагаютъ, что городъ названъ по имени супруги Левка, другіе — что онъ названъ по имени сестры сего Царя. Seehol. in Demost. adv. Leptin.

² Анабагарис. Гл. I.

Мы знаемъ изъ Демоскина (adv. Leptin.), что Левкъ ежегодно посылалъ въ Афины 400,000 медимновъ пшеницы.

Справное, Книга VII, говоритъ о плодородіи Херсонеса: «При самой поверхностной вспашкѣ, какими бы то ни было орудіями, почва приноситъ 30-е зерно; потому-то жители этого полуострова являютъ се обитателями Синоды въ Авіи и платили Митридату ежегодную подать въ 180,000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ денегъ. Греки сами въ старину получали хлѣбъ изъ Херсонеса, а соль съ Азовскаго моря. Утверждаютъ, что Левкъ посылалъ въ Афины изъ Теодосіи 2,100,000 медимновъ хлѣба.»

Вывозъ такого огромнаго количества хлѣба, который безъ сомнѣнія превышалъ обыкновенный, послѣдовалъ, можетъ быть, по случаю сильнаго неурожая хлѣба, бывшаго въ 405 Олимпиаду (около 360 лѣтъ до Р. X.). На нашу шіру это количество равнялось бы 520,800 четвертямъ, потому что въ медимнѣ 0,248 четверти.

³ Annali dell' Instituto Archeol. T. IV. P. 57. 58. Vase Francois.

Мисалі: Storia degli antichi popoli d'Italia, P. 74. 98.

INTRODUCTION.

XLV

«La Chersonèse Taurique produit du blé en abondance: la terre à peine effleurée par le soc de la charrue, y rend trente pour un. Les Grecs y font un si grand commerce que le roi s'était vu forcé d'ouvrir à Théodosie¹, autre ville du Bosphore, un port capable de contenir cent vaisseaux. Les marchands athéniens abordaient en foule soit dans cette place, soit dans Panticapée. Ils n'y payaient aucun droit, ni d'entrée, ni de sortie; et la république, par reconnaissance, avait mis ce prince et ses enfants au nombre de ses citoyens².»

Les médaillons d'or de la reine, Pl. XIX., 1. 4. 5. offrent des détails d'ornements d'une si exquise délicatesse, et les vases d'argent à figures repoussées, ceux surtout de la Pl. XXXIV., sont d'un si grand style de composition, qu'il faut nécessairement reconnaître dans ces divers objets la plus belle époque de l'art grec, et admettre sur les lieux la présence d'artistes venus, de la Grèce vraisemblablement, à la cour d'un roi qui accueillait avec empressement les Athéniens et ouvrait ses ports à leurs vaisseaux.

Dubois après avoir discuté les probabilités de l'époque à laquelle les monuments du Koul-Oba appartiennent, les attribue à Leucon, fils de Satyrus, ou à Pairsadès son fils; et il s'appuie pour ce dernier sur le monogramme ΠΑΙ, peut-être celui de ce prince, qui se lit sur la pièce emblématique en électrum trouvée dans la sépulture cachée du caveau (Pl. XXVI. 1.). Il voit dans les scènes de chasse représentées sur les vases, Pl. XXXIV., des sujets allégoriques où le griffon de Panticapée et le lion de Phanagorie terrassant le cerf de Cherson, le bouquetin du Caucase et le sanglier du Kouban, semblent indiquer les victoires remportées par un Louconide sur ses ennemis de la péninsule et sur les peuplades guerrières du Caucase. Sans discuter cette idée que la sagacité de Dubois lui suggère, ajoutons que des représentations à peu près semblables se voient sur des monuments étrangers à la Tauride³.

Si le personnage couché dans la sépulture cachée du Koul-Oba était Pairsadès II, et si c'était le père du roi qui reposait dans le caveau, ce dernier aurait été ou Satyrus II blessé mortellement en assiégeant

¹ Ainsi nommée de sa femme ou selon d'autres de sa soeur. Schoz. in Demost. adv. Leptin

² Anacharsis. Ch. I.

Nous savons par DÉMOSTHÈNES (adv. Leptin.) que Leucon envoyait annuellement aux Athéniens quatre cent mille médimnes de froment.

STRABON dit, Liv. VII. en parlant de la fertilité de la Chersonèse: «Pour peu que l'on remue la terre, n'importe par quel instrument, elle rapporte trente pour un: aussi les habitants de cette presqu'île, avec ceux de la Sindique en Asie, payaient-ils à Mithridate un tribut annuel de cent quatre-vingt mille médimnes de blé (le médimne contenait un peu plus de trois boisseaux et demi de Paris) et 200 talents en argent. Les Grecs mêmes tiraient autrefois leur blé de la Chersonèse, et leurs salaisons du Palus Mécrotide. Ce fut de Théodosie, dit-on, que Leucon envoya aux Athéniens deux millions cent mille médimnes de blé.»

Cette quantité immense et sans doute exceptionnelle, motivée peut-être par la grande disette arrivée dans la 105e olympiade (env. 360 ans av. J. C.) équivaldrait à 520800 tchetverts, le médimne étant le 0,248 d'un tchetvert.

³ Annali dell' Instit. Archeol. To. IV. pl. 57. 58. Vase François.

MICALI: Storia degli antichi popoli d'Italia. Tav. 74. 98

рану, когда онъ осаждал своего брата Емела ¹, или второй сынъ Перисада II, Пританъ, убитый въ сраженіи противъ того же брата ², что указывало бы на 310 или 309 годы до Р. X. Когда же монограмма ΓΑΙ не могла бы быть отнесена ни къ имени вышеозначеннаго Перисада, ни къ другому Перисаду, предшествовавшему первому Левку, коихъ еще не доказанное существованіе отбросило бы насъ назадъ до 5-го столѣтія до Р. X. ³, въ такомъ случаѣ можно будетъ остановиться на томъ предположеніи, что въ славѣ похороненъ Левкъ I, или его отецъ Сатиръ I, который также былъ вѣрнымъ союзникомъ Аоніанъ и убитъ при осадѣ Теодосіи ⁴ въ 393 г. до Р. X.

Мы думаемъ, что Куль-Обская гробница относится къ этому времени, эпохѣ широкаго стиля греческаго искусства (вспомнимъ, что Фидіасъ умеръ въ 421 г. до Р. X.). Предположеніе это подтверждается извѣстностію, найденныхъ въ гробницѣ памятниковъ. Небольшая ваза съ ручкою (Р. XXXVIII. 4.) имѣетъ по краю надпись ΕΡΜΕΩ (это есть іоническая форма родительнаго падежа имени ΕΡΜΗΣ, вмѣсто ΕΡΜΟΥ) для означенія, что эта чаша была посвящена Меркурію ⁵. Очертаніе буквъ, въ особенности Μ, также какъ и форма буквъ Γ монограммы ΓΑΙ указываютъ по крайней мѣрѣ на третіе столѣтіе до Р. X. и могутъ быть отнесены даже къ началу четвертаго столѣтія. Штриховыя украшенія крышки сдѣланы въ іоническомъ вкусѣ. И такъ одна эта небольшая ваза содержитъ въ себѣ весьма важныя указанія для разрѣшенія нашего вопроса.

Если же вѣстѣ съ драгоценными предметами и вазами (о которыхъ мы еще будемъ говорить при описаніи ихъ рисунковъ), явными произведеніями гениальной Греціи, мы въ той же гробницѣ находимъ вещи нѣсколько варварскаго стиля и исполненія, какъ напр. украшенія одежды (Р. XXI. 22. 23; Р. XXII. 2. 5. 7. 9. 10. 11. 15.), рукоятку царскаго меча (Р. XXVII. 10.) и ножъ (Р. XXX. 40.), совершенно другихъ мастеровъ, безъ сомнѣнія варварскихъ, неуспѣшно пытавшихся подражать образцамъ, которые они имѣли передъ собою, то что должно изъ этого заключить? Конечно, такая смѣсь предметовъ представляетъ обожъ народовъ, находившихся въ соприкосновеніи на берегахъ Понта Евксинскаго: туземцевъ, т. е. Скивовъ, принимавшихъ у себя всѣхъ поселенцевъ, промышленниковъ и смѣлыхъ искателей приключеній, выходцевъ изъ Іоніи, населявшихъ города, которые она основывала всюду, куда привлекала ее торговля — и этихъ самыхъ пришельцевъ; т. е. типъ греческій, въ которомъ видна древняя цивилизація, достигнувшая высшей степени совершенства, смѣшанный съ типомъ варварскимъ, но тѣмъ не менѣе достойнымъ вниманія, представляющимъ рождающуюся цивилизацію.

Это смѣшеніе двухъ совершенно разныхъ народностей было необходимымъ послѣдствіемъ самаго появленія греческихъ поселеній на берегахъ Босфора Киммерійскаго и должно было породить новый элементъ, который можно назвать *Греко-Скивскимъ*.

Самъ Геродотъ намъ его указываетъ. Говоря о *Каллиподахъ*, жившихъ близъ Гипаниса, онъ называетъ ихъ *Греко-Скивами* (Ἑλλήνες Σκυθῆαι) ⁶.

¹ Трупъ Сатира II былъ торжественно схороненъ въ Пантикапее. Діодора. XX. 22 и слѣд.

² См. въ сочиненіи Г. Саватъ, хронологію Босфорскихъ Царей, стр. 34 — 37.

³ Саватъ, въ своей хронологіи Босфорскихъ Царей (стр. 34), выражаетъ сомнѣніе на счетъ Царей Перисада и Левка въ первой половинѣ 5-го столѣтія до Р. X.

⁴ Schol. in Demosth. adv. Leptin.

⁵ См. III томъ сочиненій Кларка, стр. 249, примѣчаніе Г. Стюэля и № 455 въ Corpus Inscriptionum Graecarum.

⁶ Геродотъ. IV. 47

son frère Eumelus¹ ou Prytanis second fils de Pairisades II tué en combattant contre ce même frère²; et en ce cas, nous arriverions aux années 310 ou 309 avant J. C. Mais si le monogramme ΠΑΙ ne peut pas désigner le Pairisades ci-dessus ou un Pairisades antérieur à un premier Leucon, dont l'existence encore hypothétique nous reporterait au cinquième siècle av. J. C.³; en ce cas on peut admettre que le personnage couché dans le caveau était Leucon I ou Satyrus I son père qui était aussi un grand allié des Athéniens, et qui fut tué pendant qu'il assiégeait Théodosie⁴, en 393 av. J. C.

Nous croyons que le Koul-Oba est une sépulture datant de cette époque qui est celle du grand style de l'art grec (il faut se rappeler que Phidias mourut l'an 424 av. J. C.). La beauté de nos monuments vient à l'appui de notre opinion. Le petit vase à anses, Pl. XXXVII. 4., porte sur le bord l'inscription ΕΡΜΕΩ, forme ionienne du génitif du nom ΕΡΜΗΣ, au lieu de ΕΡΜΟΥ, indiquant que la coupe était consacrée à Mercure⁵. La forme des lettres, particulièrement du Μ, de même que celle du Γ dans le monogramme ΠΑΙ, désigne au moins le troisième siècle av. J. C. et peut remonter aussi bien jusqu'au commencement du quatrième. Les ornements au trait du couvercle sont dans le goût ionien. Ce petit vase est donc à lui seul une très précieuse indication.

Maintenant si à côté de ces bijoux et de ces vases (aux quels nous reviendrons dans les légendes des planches où ils sont figurés), produits évidents du génie grec, nous trouvons dans le même tombeau des objets d'un style et d'une facture un peu barbares, comme les plaques pour ornements d'habits 22, 23. de la Pl. XXI. 2. 5. 7. 9. 10. 11. 15. de la Pl. XXII., comme la poignée du glaive du roi Pl. XXVII. 10. comme le couteau Pl. XXX. 10. qui sont l'œuvre d'artistes tout différents, sans doute barbares, qui essayaient d'imiter, sans y parvenir qu'imparfaitement, les modèles qu'ils avaient sous les yeux; que faut-il en conclure? si non que ces monuments ainsi confondus représentent les deux peuples qui se trouvaient en contact sur les bords du Pont-Euxin: la nation aborigène, les Scythes, recevant au milieu d'eux tous ces colons industrieux, aventureux et hardis que l'Ionie envoyait peupler les villes qu'elle fondait sur ces rivages, où les besoins du commerce les attiraient, et qui représentaient le peuple étranger, le peuple grec, type admirable de la civilisation antique, arrivée à son état de perfection, mêlé à un type barbare, mais non moins intéressant, représentant une civilisation qui naissait.

Ce mélange de deux nationalités toutes différentes était le résultat nécessaire du fait même de l'établissement des colonies grecques sur les rivages du Bosphore Cimmérien, et il devait y produire un élément nouveau que l'on peut qualifier de *Greco-Scythe*.

Hérodote nous l'indique lui-même. En parlant des *Kallipides*, un des peuples voisins de l'Hypanis, il les appelle *Greco-Scythes* ("Ελληνας Σκύθαι)⁶.

¹ Son corps fut enseveli avec pompe à Panticapée. Diodor. XX. 22 sv.

² Voir la chronologie des rois du Bosphore dans l'ouvrage de Mr. SABATIER pag. 34—37.

³ Dans la chronologie de son ouvrage, Mr. SABATIER (page 34) exprime ses doutes sur l'existence d'un Pairisades et d'un Leucon appartenant à la première moitié du cinquième siècle av. J. C.

⁴ SCHOL. in Demost. adv. Leptin.

⁵ Voir dans le tome III page 249 des Oeuvres de KÖHLER, la remarque de Mr. STEPHANI, et dans le Corpus Inscriptionum Graecarum le No. 155.

⁶ ΗΕΡΟΔΟΤΗ. IV. 17.

Гелланики обозначают Скифов именем *Симманыхъ Еллиновъ* (Μελλινες)¹.

Такимъ смѣшеніемъ испортился греческій языкъ, которымъ говорили въ этихъ поселеніяхъ, какъ доказываютъ Пантикапейскія греческія надписи.

Первый Левонидъ, какъ уже видно по имени, былъ греческій вожь, принявшій, по политическому расчету, одежду и обычаи народа, надъ которымъ онъ утвердилъ свое господство.

Касательно этого привітія чужестранныхъ обычаевъ и одежды, мы находимъ у Овидія многозначущее мѣсто, которое нужнымъ считаемъ здѣсь привести. Овидій въ заточеніи своимъ жалуется на смѣшеніе Грековъ и Варваровъ (извѣстно, какое значеніе имѣло слово варваръ у Грековъ и Римлянъ) и на принятіе ихъ одежды Греками въ слѣдующихъ, конечно, преувеличенныхъ выраженіяхъ:

*Vix ope castelli defendimur; et tamen intus
Mista facit Graiis barbara turba metan:
Quippe simul nobis habitat discrimine nullo
Barbarus, et tecti plus quoque parte tenet.
Quos ut non timeas, possis odisse videndo
Pellibus et longa tempora tecta coma.
Hos quoque, qui genitū Graia creduntur ab urbe,
Pro patrio cultu Persica bracca tegi².*

Посему Куль-Обскую гробницу основательно можно назвать однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности, раскопанныхъ въ новѣйшее время, ибо она знакомитъ насъ съ народомъ, быть котораго, столь выразительно начерченный Геродотомъ, производить на насъ такое же сильное и пылкое впечатлѣніе, какое произвелъ бы Периклесъ въ отрочествѣ; народомъ древнимъ по происхожденію, но еще молодымъ по простотѣ нравовъ, силѣ характера, вѣрности и сѣбѣсти умственныхъ способностей, дружащимся и смѣшивающимся въ мѣстахъ своего жительства съ пришельцами, превосходящими его своимъ гениемъ, по собственному сознанію Скифовъ, представителями народа также древняго, но все еще юнаго, не смотря на высокое свое просвѣщеніе.

Открытіе Куль-Обской гробницы получило громкую славу, какъ и не могло быть иначе, потому что найденныя въ одной сей гробницѣ вещи могли бы наполнить небольшой Музей. Съ усердіемъ принялись за раскопыванія; но, какъ мы уже сказали, недостаточно раскопывать землю, хотя бы и съ большими пожертвованіями, часто остающимися безъ пользы, въ этомъ дѣлѣ нужно счастье. Открытіе Куль-Оба можетъ быть имѣло и свою невыгодную сторону, которая состояла именно въ томъ, что оно слишкомъ исключительно направило желаніе изслѣдователей на отысканіе драгоценныхъ вещей, особенно золотыхъ; всякій хотѣлъ найти другую Куль-Обскую гробницу. Если бы при раскопываніяхъ кургановъ, произведенныхъ послѣ 1834 года, поступали болѣе методически и старались преимущественно удовлетворять вопросамъ археологическимъ и историческимъ, то мы, можетъ быть, достигли бы болѣе рѣшительныхъ выводовъ, тѣмъ тѣ, которые нынѣ въ состояніи представить читателю въ этихъ двухъ отношеніяхъ.

¹ HELLANICUS, apud. Schol. Od. VIII. 294.

² Trist. V. Eleg. X. 27 — 34.

HELLANICUS désigne les Sindes par l'expression de *Hellènes mélangés* (Μεζολλήνης)¹.

La langue grecque parlée dans ces colonies s'altéra par ce mélange, ainsi que le prouvent les inscriptions grecques de Panticapée.

Le premier des Leuconides était, comme le nom même l'indique, un chef grec à qui la politique dut faire adopter le costume et les usages du peuple au milieu duquel il fonda sa domination.

Au sujet de cette adoption de costume et d'usages étrangers, il y a dans OVIDE un passage très significatif que nous croyons devoir rapporter ici. Dans le lieu d'exil qu'il habite, le poète se plaint, avec des expressions exagérées sans doute, du mélange des Grecs et des Barbares (on connaît la portée de cette dernière expression chez les Grecs et les Romains), dont les premiers ont adopté le costume :

Vix ope castelli defendimur; et tamen intus

Mista facit Graiis barbara turba metum:

Quippe simul nobis habitat discrimine nullo

Barbarus, et tecti plus quoque parte tenet.

Quos ut non timeas, possis odisse videndo

Pellibus et longa tempora tecta coma.

Hos quoque, qui genitū Graia creduntur ab urbe, .

Pro patrio cultu Persica bracca tegit.²

Le tombeau du Koul-Oba est donc, avec raison, un des monuments archéologiques les plus remarquables que les explorations modernes aient mis au jour; en ce qu'il nous offre ce peuple Scythe dont la physionomie esquissée vigoureusement par HÉRODOTE, produit sur l'âme une impression si forte, si grande, comme le ferait celle de l'Hercule enfant; peuple ancien par l'existence, mais jeune par sa simplicité, son énergie, sa vigueur, son intelligence; se mêlant sur les rivages qu'il habite aux étrangers qu'il accueille, dont il devine la supériorité du génie, et qui représentent un peuple aussi ancien, mais encore jeune, quoique arrivé à l'apogée de la civilisation.

La découverte du Koul-Oba fit une grande sensation; cela devait être; car, à lui seul, ce tombeau formerait la matière d'un petit musée. Des fouilles furent entreprises avec ardeur; mais, comme nous l'avons dit, il ne suffit pas de remuer la terre, souvent à grands frais et en pure perte, il faut de la chance. Peut-être que cette découverte a eu un mauvais côté: celui de trop porter l'attention sur la recherche des objets précieux, surtout en or; on voulait un second Koul-Oba. En procédant avec plus de méthode dans les fouilles qui ont eu lieu après 1831, et en s'attachant davantage au point de vue archéologique et historique, on aurait peut-être aujourd'hui des résultats plus concluants que ceux que nous pouvons offrir sous ce double rapport.

¹ HELLANICUS, apud Schol. Od. VIII. 294.

² Trist. V. Eleg. X. 27—34.

Послѣ смерти Г. Бламбергга, въ 1831 г., управленіе Керченскаго Музея поручено было Г. Ашингу. Выходя съ тѣмъ на него возложено было продолжать разсысканія въ окрестностяхъ Керчи и подобное же порученіе дано было съ 1833 и Г. Карейшъ, произведшему нѣкоторыя раскопки на противоположномъ берегу Босфора. Одновременными стараніями сихъ лицъ, особенно въ теченіи десятилѣтій, 1833—1843, сдѣланы были удачныя и замѣательныя открытія, результаты которыхъ мы предложимъ въ своемъ мѣстѣ. Потомъ производилъ раскопыванія кургановъ Г. Багичевъ, искусный художникъ, теперь Помощникъ Директора Керченскаго Музея, о трудахъ котораго мы также упоминаемъ.

О ДРЕВНИХЪ ГРОБНИЦАХЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ КУРГАНАХЪ ОКРЕСТНОСТИ КЕРЧИ.

УСТРОЙСТВО ЭТИХЪ КУРГАНОВЪ

И РАСКОПКАХЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ВЪ НИХЪ СЪ 1834 Г

Гробницы съ египетскими сводами, т. е. выведенными рядами камней, идущими уступами, все болѣе сближающимися до отверстія, закрытаго камнемъ *архива*, кажется, должно признать древнѣйшими изъ всѣхъ гробницъ въ окрестностяхъ Керчи, происхожденіе которыхъ можно опредѣлить съ достовѣрностію.

Таковыя гробницы, какъ то: Куль-Обская, гробница открытая Г-мъ Патиниотти, Золотой Курганъ (по-татарски *Алчун-Оба*), гробница Анстовъ и Пигмеевъ, найденная въ 1832 г. на Митридатовой горѣ, Царскій курганъ, гробница, открытая Г. Ашикомъ на землѣ Мирам-Бегуцкаго въ 1839 г. и о которой мы скажемъ ниже, подобная же, открытая имъ въ 1841 г. въ курганѣ, бывшемъ въ Керченскомъ городскомъ саду¹ и большой погребальный склепъ, который по удостовѣренію Князя Сибирскаго находится за Алапою, представляютъ ту же систему постройки, которая, судя по образцамъ ея, вышеуказаннымъ нами въ Греціи, вѣроятно, была заимствована изъ сей страны, и будучи встрѣчена на берегахъ Понта Евксинскаго, наводитъ здѣсь на слѣды греческаго элемента и указываетъ на время основанія Милетскихъ поселеній на сихъ берегахъ въ шестомъ и пятомъ вѣкѣхъ до Р. Х.

Скаты Золотого кургана еще не вполне изслѣдованы. Это дѣло весьма трудное, потому что огромный курганъ весь покрытъ кустарниками и имѣетъ 6 сажень вышины. Мы представляемъ на планѣ В. 4. видъ вершины кургана въ 1832 г., съ Западной стороны, списанный съ рисунка, составленнаго въ томъ году Дюбрюкомъ. Съ того времени съезено съ сего холма такъ много камней, что наружность его значительно измѣнилась.

¹ Воеводское Царство. Т. II. Р. III.

По срединѣ склепа лежалъ совершенно истлѣвшій оскелъ. По обломкамъ дерева можно было предположить, что онъ итѣлою покоялся въ гробу. У головы, отъ которой оставалось только нѣсколько слѣдовъ черепа, найдена прекрасная золотая медаль. (Р. I. XXV. 4.)

INTRODUCTION.

LI

Après la mort de Mr. de BLAMBERG, en 1831, la conservation du Musée de Kertch fut confiée à Mr. ASCHIK. Il fut chargé en même temps de continuer les fouilles dans la localité, conjointement, depuis 1833, avec Mr. KARISCHA qui a fait quelques explorations sur l'autre rive du Bosphore. On doit à leurs recherches simultanées, de 1833 à 1843 principalement, beaucoup de découvertes heureuses et intéressantes dont nous offrirons les résultats dans le cours de cet ouvrage. Après eux vint Mr. BEGUTCHEFF, dessinateur habile, aujourd'hui directeur-adjoint du Musée de Kertch, dont nous mentionnerons également les travaux.

SÉPULTURES ANCIENNES

RECELÉES DANS LES TUMULUS DES ENVIRONS DE KERTCH.

STRUCTURE DE CES TUMULUS

FOUILLES QUI Y ONT ÉTÉ EFFECTUÉES DEPUIS L'ANNÉE 1831

Les tombeaux à voûte égyptienne, c'est-à-dire en assises se rapprochant insensiblement jusqu'à l'ouverture fermée par la pierre de l'*ἀπόκρυφα*, paraissent être les plus anciennes sépultures dont on puisse bien constater l'origine dans les environs de Kertch.

Ainsi le Koul-Oba, le tumulus de PATINIOTTI, le Mont d'Or (*Altoun-Oba* en tatar), le tombeau des Grues et des Pygmées découvert, en 1832, sur le Mont Mithridate, le Tsarskii-Kourgane, le tombeau découvert à Mirza-Kekouvatzkii, en 1839, par Mr. ASCHIK dont nous parlerons plus loin, un tombeau pareil exploré par le même, en 1841, dans un tumulus du Jardin de la ville à Kertch¹ et la vaste sépulture qui, au dire de Mr. le PRINCE SIBIRSKY, existe au delà d'Anapa, offraient le même système de construction, emprunté, il semble, à la Grèce par les exemples que nous en avons cités, et qui pour les bords du Pont-Euxin serait l'indice de la présence de l'élément grec et de l'époque de la fondation des colonies milésiennes sur ces rivages au sixième et au cinquième siècle av. J. C.

Les flancs du Mont d'Or ne sont pas encore entièrement explorés. C'est une opération difficile, car ce vaste tumulus, tout recouvert de pierres, a dix sagènes de hauteur. Nous donnons Plan B. 1., d'après un dessin de DUBRUX, exécuté en 1832, l'aspect de la partie supérieure de ce tumulus du côté de l'ouest, tel qu'il s'offrait alors. Depuis, la quantité de pierres qu'on en a enlevée en a bien changé la physionomie.

¹ Вокрестях Партено. То. II. Пл. III.

Au milieu du caveau était un squelette entièrement détruit, c'est-à-dire en poussière. Des fragments de bois semblaient indiquer l'existence d'un cercueil; à la place occupée par la tête (il restait quelques vestiges du crâne) se trouvait la belle médaille en or. Pl. LXXXV. 1.

Въ ноябѣ 1832 г. Г. Карейна пытался раскапывать Золотой курганъ. Онъ приступилъ къ нему первоначально съ Восточной стороны и открылъ, послѣ долговременныхъ работъ, галерею съ египетскимъ сводомъ и другимъ склепъ, въ видѣ колодезя, съ такимъ же сводомъ. Г. Карейна нашелъ слѣды бревенъ, служившихъ, кажется, ямъ и въ Куль-Обской гробницѣ, подпорами свода галереи, и удостовѣрилъ насъ, что на верхней части склепа еще ясно видны слѣды какой-то обмазки краснаго цвѣта. Послѣ того Г. Карейна сталъ раскапывать курганъ съ Западной стороны. На глубинѣ шести сажень отъ вершины онъ наткнулся на сводъ квадратнаго склепа. Этотъ сводъ состоялъ изъ семи рядовъ камней, съ однимъ верхнимъ камнемъ; стѣны же склепа были изъ тройнаго ряда камней. Въ склепѣ не было дверей, вся вышина его была три сажени, ширина полторы сажени. Г. Карейна спустился въ склепъ чрезъ отверстіе, найденное имъ между верхнимъ камнемъ и шестымъ рядомъ камней свода, которое доказывало, что склепъ уже обысканъ. Онъ дѣйствительно былъ пустъ, т. е. ограбленъ, такъ же какъ и большой склепъ. Мы уже сказали, что Г. Карейна нашелъ вокругъ квадратнаго склепа насыпь изъ булыжнаго камня, подобную находившейся около Куль-Обской гробницы, и что по его мнѣнію въ курганѣ должны скрываться еще другія гробницы. Дювга¹, а слѣдѣ ему и Ашпакъ² издали приблизительно развѣлъ большаго склепа. Мы сознательно говоримъ: приблизительно, потому что, судя по рисунку Г. Карейны и по другому, на скорую руку сдѣланному, оказавшемуся въ бумагахъ Дюврюкса, сводъ большаго склепа образовалъ какъ бы выдолбленную пирамиду въ тринадцать рядовъ камней, не считая верхняго камня, а стѣны состояли только изъ 4-хъ рядовъ. Въ такомъ случаѣ рисунокъ, опубликованный Дювга былъ бы далеко не точенъ, а восстановление истиннаго вида большаго склепа еще надо ожидать въ будущемъ и можетъ быть осуществится заботливостію Его Сіятельства Графа Я. А. Пировскаго, если свѣдѣе точнаго плана съ большаго склепа еще возможно въ разрушенномъ состояніи, въ которомъ находится Золотой курганъ³.

¹ Atlas. IVe Série. P. XVIII. 1.

² Воспоминаніе Царетво. I. P. VI.

³ Эти строки уже были написаны, когда Графъ Я. А. Пировскій (въ Декабрѣ 1853) изволялъ сообщить намъ вѣрные результаты разысканій, произведенныхъ въ Золотомъ курганѣ. Результаты сіи изложены на планѣ А а, содержащемъ планъ, развѣлъ и детали гробницъ, находящихся въ Золотомъ курганѣ. Планъ рисунокъ составленъ съ плановъ и видовъ, приложенныхъ къ рапорту архитектора, который производилъ разысканія на мѣстѣ, но въ меньшемъ противъ нихъ масштабѣ, а объяснительныя надписи основаны на его рапортѣ.

Теперь достоверно извѣстно, что Золотой курганъ, обысканный въ неизвѣстное намъ время, можетъ быть еще въ эпоху владычества на берегахъ Понта Генуэзцевъ, лишился всѣхъ своихъ богатствъ. Найдены слѣды колодезя и какъ бы ямы, проведенныхъ хищниками въ курганѣ для обыскавъ этой большой могилы и даже слѣды огня, разведеннаго нмъ въ склепѣхъ для свѣта, а можетъ быть для варенія пищи во время работы, которая, вѣроятно, продолжалась нѣсколько недѣль. Почти не возможно сомнѣваться въ томъ, что эти разысканія нѣмѣли успѣхъ, и что подъ названіемъ *Алмуно-Оба* (Золотая гора), подъ которымъ этотъ курганъ извѣстенъ въ странѣ, сохранилась память о богатствахъ, вымытыхъ изъ нѣдра его. Можно предположить, что онъ, подобно Куль-Обскому кургану, былъ Царскою гробницею.

Нашъ планъ Золотого кургана служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ подтвержденію всѣхъ данныхъ, содержащихся въ запискахъ правдолюбиваго Дюврюкса и на которыхъ основанъ нашъ планъ А, а также всего передѣланнаго нами Г. Карейниномъ о его раскопкѣ Золотого кургана въ 1832 году. Мы сохраняемъ сказанное уже нами о семъ выше, какъ свидѣтельство, требуемое справедливостію. Читатель убѣдится, что построенъ склеповъ Золотого и Куль-Обскаго кургановъ и окружающихъ ихъ насыпи изъ булыжнаго камня совершенно одинаковы.

A la fin de 1832, Mr. KAREISCHA en tenta l'exploration. Il attaqua d'abord le tertre du côté de l'est, et, après un long travail, y découvrit une galerie, à voûte égyptienne, et un caveau rond en forme de puits, à voûte pareille. Il constata les traces de l'existence de poutres qui semblaient avoir servi de supports aux assises de la galerie, ainsi qu'au Koul-Oba, et il nous a assuré que la partie supérieure du caveau portait encore les traces visibles d'un enduit de couleur rouge. Il attaqua ensuite le tumulus du côté de l'ouest. A six sagènes de profondeur, à partir du sommet, il découvrit la voûte d'un caveau carré. Cette voûte avait sept assises, se terminant par une dalle (celle de l'ἀγρυά), et s'élevait sur les murs formés de trois assises perpendiculaires. Le caveau, sans porte ni issue, avait plus de trois sagènes de hauteur totale sur une sagène et demie de largeur. Mr. KAREISCHA y entra par une ouverture qu'il y trouva pratiquée entre la pierre de l'ἀγρυά et la sixième assise, ce qui indiquait que ce caveau avait été exploré. Il était vide en effet, c'est-à-dire dépouillé, ainsi que le grand caveau. Nous avons déjà dit que Mr. Kareischa avait constaté en dehors des murs de ce caveau carré un revêtement en pierres brutes entassées, comme au Koul-Oba, et qu'il croyait que le tumulus recelait d'autres sépultures. DUBOIS¹ et, d'après lui, Mr. ASCHIK² ont publié la coupe approximative du grand caveau. Nous disons *approximative* avec intention; car, à en juger par un dessin de Mr. KAREISCHA et par un croquis que nous avons retrouvé dans les papiers de DUBOIS, la voûte de ce grand caveau aurait formé une espèce de pyramide creuse de treize assises, sans compter la pierre de l'ἀγρυά, et les murs mêmes du caveau n'auraient eu que quatre assises perpendiculaires. Le plan de DUBOIS serait donc loin de la vérité architectonique qui est encore à établir, et que la sollicitude de Mr. le COMTE PEROFFSKY parviendra peut-être à mettre au jour, si dans l'état de dégradation où le Mont d'Or est arrivé, un travail exact est encore possible³.

¹ Atlas: IVme Série Pl. XVIII. 4.

² Бюропроект Илустр. I. pl. VI.

³ Ces lignes étaient écrites lorsque la sollicitude de Mr. le COMTE PEROFFSKY est venue (en décembre 1853) nous fournir les précieux résultats que nous sommes encore à temps d'offrir à nos lecteurs sur le tumulus du Mont d'Or. Ces résultats sont consignés dans le Plan A. qui donne le plan, la coupe et les détails des tombeaux que renferme ce tumulus. Il est dressé d'après les plans & dessins, sur une échelle plus grande que la nôtre, qui accompagnent le rapport de l'architecte chargé de ce travail par Son Excellence. Ce rapport est la base des légendes de notre plan.

Il est maintenant bien constaté, et c'est une question vidée, que le Mont d'Or fouillé à une époque inconnue, peut-être par les Génois, est vuif de toutes les richesses qu'il renfermait. On a retrouvé les traces du puits et de l'espèce de galerie de mine que les explorateurs avaient percés pour fouiller ce vaste tombeau, et jusqu'à des traces du feu qu'ils avaient allumé dans les caveaux, soit pour s'éclairer, soit pour cuire peut-être leurs aliments, pendant une exploration qui dura vraisemblablement plusieurs semaines. Il est probable que cette exploration fut fructueuse, et le nom tatar d'Altoun-Oba (Mont d'Or), donné dans le pays à ce tumulus, est une dénomination qui conserve, comme une légende, le souvenir des richesses exhumées de ses entrailles. Il est à croire que c'était une sépulture royale semblable à celle du Koul-Oba.

Le plan que nous publions est à la fois et la confirmation de tout ce que le véridique DUBOIS nous a fourni de matériaux pour établir notre Plan A. et celle de ce que Mr. KAREISCHA nous avait raconté sur la fouille qu'il entreprit au Mont d'Or, en 1832. Nous laissons subsister les lignes écrites à ce sujet comme un témoignage que l'équité demande. Nos lecteurs verront que la construction des caveaux du Mont d'Or et de celui du Koul-Oba est identique, et que les revêtements extérieurs en pierres brutes sont les mêmes.

Впрочемъ, изъ гробницъ большихъ кургановъ: Кузь-Обсого, Царскаго и Золотого, должно смотрѣть какъ на исключительныя строения не только по тому, что онѣ, въ стѣнъ своихъ изъ тесаннаго камня, еще были окружены изсыпями изъ булыжника, на устройство которыхъ требовалось большаго труда, но еще и по тому, что доступъ къ нимъ гробницамъ, кажется, былъ кромѣ того загражденъ обводными стѣнами, коихъ ясныя слѣды найдены Дюбрюксомъ въ Кузь-Обсомъ курганѣ, и которыя, идя по направлению къ Золотому, можетъ быть, соединяли оба кургана. (См. планъ А и надпись къ нему).

Камень, служившій къ сооруженію сихъ кургановъ и обводныхъ стѣнъ, кажется, брали не изъ окрестныхъ мѣстъ, грунтъ которыхъ почти всюду состоитъ изъ битнаго раковиннаго известняка, известнаго подъ названіемъ Керченскаго (онъ такой же какъ и Одесскій) и не годящагося на крѣпкія постройки. По этому мѣстные жители прибѣгали къ курганамъ, какъ готовымъ каменолознямъ, по мѣрѣ надобности при строеніи Татарскихъ деревень около Керчи. — (Въ деревнѣ Біелъ дома выстроены, вѣроятно, изъ камня, вазатаго съ Кузь-Обсого кургана). Этимъ обстоятельствомъ объясняется быстрое истребленіе древнихъ развалинъ, находящихся въ сей странѣ.

Мы выходимъ у Ла Мотте ясное объ этомъ свидѣтельство. Говоря о развалинахъ, видѣвшихъ нѣгъ между Таманью и Темрюкомъ, онъ называетъ ихъ значительными, но присовокупляетъ, «*что онѣ со дня на день уменьшаются, потому что жители этихъ двухъ городовъ по немногу свозятъ съ нихъ камни для построенія какого нибудь магазина или фундаментовъ подъ новые дома и т. д.*»¹.

Однако въ курганахъ около Керчи было открыто еще много другихъ гробницъ.

Прежде, чѣмъ мы станемъ говорить объ нихъ, назовемъ, следуя запискамъ Дюбрюкса, гробницъ, вѣроятно, современныхъ Кузь-Обсой. Дюбрюксъ совершенно опредѣлительно говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, что онъ съ 1816 по 1828 г. на горѣ Опукъ и въ особенности на участкѣ земли Джаръ или Джаларъ, близъ Чурубаша, въ разстояніи полу-версты отъ развалинъ древняго города съ Акрополемъ, открытаго нѣмъ въ Керманъ-Келечъ (см. карту № II), *раскапывалъ гробницы, высеченныя въ отальской скалѣ* и открылъ слѣды, по его мнѣнію, стѣнъ, простиравшихся отъ города до этого кладбища. Гробницы эти, входъ въ которыя былъ на С.З., *были высечены въ скалѣ горизонтально*, глубиной въ три аршина и на вышнѣхъ двухъ аршинъ и болѣе отъ земли². По повѣствованію Дюбрюкса тутъ найдены были человѣческія кости и черепки простыхъ глиняныхъ вазъ грубой работы; но ни въ этомъ мѣстѣ, ни на горѣ Опукъ, гдѣ Дюбрюксъ нашелъ подобныя же гробницы, не было кургановъ.

Изъ нашей карты окрестностей Керчи No. I, видно, что самое многочисленное скопленіе кургановъ замѣчается между городомъ и Азовскимъ моремъ, да еще на сѣверѣ отъ города и вдоль шоссе, ведущаго къ Новому Карантину, гдѣ курганы расположены нѣсколькими прямыми рядами, а также отъ Керчи по направлению Митридатовой горы и наконецъ по цѣпи высокихъ холмовъ, протягивающейся отъ Павловской батареи за поселкомъ Мирозъ-Кокучацкаго и въ Югу отъ этой цѣпи къ Амбелани.

¹ La Motte. Т. II, стр. 61.

² Судя по описанію Дюбрюкса намъ кажется, что эти высеченныя въ скалѣ гробницы похожи на тѣ, которыя изслѣдованы Клянкою въ окрестностяхъ древней Вен. См. Санина: *Descrizione dell' antica Città di Veii. Roma. 1847. P. XXXVI.*

Il faut considérer toutefois les vastes tumulus du Koul-Oba, du Tsarskii Kourgane et du Mont d'Or comme des constructions exceptionnelles, non-seulement parce qu'en dehors de leurs caveaux en pierres taillées ils offrent un travail de consolidation en pierres brutes entassées, ce qui constitue une opération énorme, mais parce que l'accès en aurait été fermé, il semble, par des enceintes de murailles extérieures dont DUBRUX avait retrouvé au Koul-Oba des traces visibles qui allaient dans la direction du Mont d'Or, et qui joignaient peut-être ces deux tumulus (voir le Plan A et ses légendes).

Les pierres qui constituent ces tumulus et les murailles qui en défendaient l'accès ne paraissent pas avoir été trouvées sur les lieux. Le sol, qui est presque partout un coquillier tendre, dit de Kertch (le même que celui d'Odessa), n'étant pas favorable aux constructions solides, ces tumulus ont été comme des carrières de pierres dures pour les habitants, à mesure que des villages tatars se sont élevés autour de Kertch (celui de Bieli a été vraisemblablement construit avec des pierres arrachées au Koul-Oba). Cette circonstance peut expliquer la rapide disparition des ruines anciennes qui se trouvent dans ces localités.

Il y a dans l'ouvrage de LA MOTTAÏE un passage significatif à ce sujet, il dit en parlant des ruines qu'il rencontra entre Taman et Temrouk, qu'elles étaient *assez considérables mais qui le devenoient moins de jour à autre par la diminution qu'y apportoient les habitants de ces deux villes, qui en enlèvent de tems en tems quelques parties, pour bâtir quelques magasins ou fondemens de nouvelles maisons, etc.*¹.

Mais les tumulus des environs de Kertch recèlent bien d'autres sépultures.

Avant d'en parler, nous mentionnerons d'après les manuscrits de DUBRUX, des tombeaux qui pourraient bien être d'une époque contemporaine de celle du Koul-Oba. Il dit, d'une manière très explicite, avoir exploré, de 1816 à 1828, à la montagne d'Opouk mais surtout sur la terre de Djare ou Djapare, près de Tchouroubache, à une demi-verste des ruines d'une ancienne ville avec une acropole découvertes par lui à Kerniche-Kéltchik (voir la Carte No. 2), des *tombeaux creusés dans une couche perpendiculaire de rochers* et des vestiges qui semblaient les restes de murailles qui de la ville se seraient étendues jusqu'à ce champ des morts. Ces tombeaux, dont l'ouverture était au N. O., *étaient creusés horizontalement dans le rocher*, à une profondeur de trois archines, à une hauteur de deux archines et plus au dessus du sol. Suivant DUBRUX, où y avait trouvé des ossements humains et des débris de vases d'argile ordinaires, d'un travail grossier; mais ni dans cette localité, ni dans celle d'Opouk, où DUBRUX a constaté l'existence de semblables tombeaux, il n'y avait de tumulus.

En consultant notre carte No. I, on verra que les principales agglomérations de tumulus des environs de Kertch sont: à partir de la ville jusque vers la baie d'Azow; puis au nord même de la ville et le long de la chaussée qui mène à la Nouvelle Quarantaine, où les tumulus semblent former plusieurs files droites; à partir de Kertch ensuite, dans la direction du Mont Méridate et des petites montagnes qui en forment le prolongement; sur la chaîne enfin de collines élevées qui s'étend de la batterie Pavlovskaja jusqu'au-delà de Mirza Kekouvatzkii, et au sud de cette chaîne, vers Ambelaki.

¹ LA MOTTAÏE. To. II. 61.

² Ces tombeaux creusés dans le roc nous paraissent, d'après la description de DUBRUX, offrir de l'analogie avec ceux que CARINA a explorés dans les environs de l'ancienne Veies. Voyez: Descrizione dell' antica Città di Veii. Roma. 1847. Tav. XXXVI.

То, что мы скажем вообще о сих курганах, отчасти извлечено из подробных рапортов Дюрюкса, Г. Ашиа, Батчиева и Карейши, отчасти же основывается на свидѣніях, лично сообщенных намъ двумя послѣдними лицами.

Большая часть этихъ кургановъ сооружена изъ земли, тутъ же валятой, что доказывается углубленіемъ, обыкновенно замѣчаемымъ поврѣху ихъ.

Другіе курганы сдѣланы изъ земли и морской травы, слои которой тверды какъ камень.

Третій родъ кургановъ составляетъ изъ перемѣжающихся слоевъ камней и земли.

Почти всѣ курганы оканчиваются острою вершиною; нѣкоторые же сверху плоски. Вышина ихъ составляетъ отъ двухъ до четырехъ и пяти сажень, и даже болѣе. Поперечникъ и окружность соотвѣствуютъ вышинѣ.

Нѣкоторые курганы окружены у подножия каменными стѣнами.

Какъ бы не были древніе курганъ, а всегда легко указать, гдѣ онъ начинается, разрывъ его до основанія; потому что материкъ всегда рѣзко отличается отъ наносной земли кургана.

Многочисленныя опыты доказали, что есть только одинъ вѣрный способъ раскапыванія кургановъ, чтобы открыть все, что въ немъ содержится, а именно: скрыть его совершенно; работа трудная, долгая и сопряженная съ значительными издержками, особливо когда курганъ великъ. Часто употреблявшійся прежде способъ, по которому выкапывали колодезь отъ вершины кургана до центра, или разрывали курганъ изрѣзъ, дабы обходить бока, оказывался недостаточнымъ. Хотя гробница иногда и находилась въ серединѣ кургана, но она часто помѣщалась и гдѣ нибудь въ окружности; случалось, что вырывъ колодезь или проведя въ курганѣ перекрестные разрывы, искали ничего въ немъ не открывали, — другіе же, болѣе счастливые или свѣдущіе въ дѣлѣ искателей, открывали въ томъ же курганѣ, гдѣ нибудь въ сторонѣ, весьма драгоценныя памятники древности, ускользнувшіе отъ вниманія первыхъ.

Случалось, что въ курганѣ находили одну, а иногда десять и болѣе гробницъ. Повойники обращены были то къ Западу, то къ Югу, то къ Сѣверу.

Въ одномъ и томъ же курганѣ встрѣчались повойники: одни, лежавшіе въ гробахъ, другіе на постылакахъ изъ лавровыхъ дѣствъ, морской травы или даже изъ щепотъ, и наконецъ, находили въ томъ же курганѣ глиняныя урны или раскрашенные вазы съ прахомъ умершихъ.

Нѣкоторые надгробные холмы достигли теперешняго ихъ размѣра постепеннымъ сооруженіемъ. Въ нихъ это постепенное заростаніе ясно видно по слоямъ земли, изъ которыхъ состоятъ курганы и разсматривая ихъ убѣждаемся, что избрасавъ холмъ надъ одною гробницею, устраивали подлѣ нея другую, надъ которою также дѣлали насыпь, за тѣмъ третью и такъ далѣе, пока изъ всѣхъ этихъ холмовъ вмѣстѣ составлялся одинъ огромный курганъ.

Раскапывая курганъ близъ Старо-Титаровскаго куреня, на Сѣверъ отъ устья Кубани (см. карту No II), въ Декабрѣ 1845 г., Г. Карейша нашелъ въ немъ три гробницы, одну надъ другою. Въ верхней и нижней ничего не было, но въ средней, устроенной въ курганѣ уже послѣ его сооруженія, находился оставъ, принадлежавшій воину, судя по найденному въ гробницѣ шлему и по заржавленному мечу, лежавшему направо отъ покойника; кромѣ того были тамъ двѣ бронзовыя вазы, вполнѣ разбитыя,

Ce que nous allons dire sur ces tumulus en général, nous l'avons relevé dans les rapports détaillés de DUBRUX, de M^{ME}S. ASCH, BEGUTCHEFF et KAREISCHA, et dans des entretiens circonstanciés que nous avons eus avec ces deux derniers.

La plupart de ces tumulus sont en terre rapportée prise sur les lieux mêmes, ce que prouve l'enfoncement du terrain que l'on remarque ordinairement autour de ces tertres.

Une seconde espèce de tumulus s'est formée d'un mélange de terre et d'herbes marines dont la dureté approcherait de celle de la pierre.

Une troisième espèce de tumulus offre des couches alternées de pierres et de terre.

Presque tous ces tumulus se terminent en pointe; quelques-uns sont aplatis à leur sommet. Leur hauteur varie depuis deux jusqu'à quatre et cinq sagènes et au-delà. Leur diamètre et leur circonférence sont en proportion de leur élévation.

Parmi ces tumulus il s'en trouve qui sont entourés à leur base de murs en pierres.

Quelle que soit l'antiquité du tumulus, il est facile de se convaincre de son point de départ, lorsque, par des coupures ou des tranchées, l'on arrive au sol primitif que l'on distingue bientôt de la terre rapportée.

Une longue expérience a démontré qu'un seul mode d'exploration est sûr, pour constater ce qu'un tumulus peut receler dans son sein: c'est de le raser entièrement; opération énorme, longue et coûteuse, lorsque le tumulus est de grande dimension. Le système, souvent employé autrefois, qui consiste à percer un puits dans le tumulus pour en explorer le centre, ou à le couper par des tranchées en creux pour en fouiller les côtés, ne suffit pas. La sépulture est quelquefois placée au centre, mais souvent dans un point quelconque de la circonférence, et il est arrivé qu'un tumulus qui avait été percé d'un puits ou coupé par des tranchées, n'avait rien offert aux explorateurs, et que, plus tard, les parties restées intactes autour du puits ou entre ces coupures avaient procuré à d'autres explorateurs, plus habiles ou plus heureux, de précieux monuments enfouis dans une sépulture qui avait échappé aux premières recherches.

Il y a des tumulus qui ne renferment qu'une seule sépulture; mais dans d'autres on en a trouvé jusqu'à dix et plus. Les morts y étaient couchés tantôt du côté de l'ouest, tantôt vers le sud et du côté du nord.

Un même tumulus s'est trouvé renfermer des corps entiers dans des cercueils, d'autres gisant sur des couches de feuilles de laurier, d'herbes marines ou de copeaux, et enfin des urnes en argile ou des vases peints contenant les cendres du mort.

Il y a des tumulus qui ont été formés graduellement jusqu'à leur dimension actuelle. Dans quelques-uns cet accroissement graduel se voit distinctement par les couches de terre dont ces tumulus se composent; et on peut se convaincre qu'après avoir recouvert une première sépulture d'un tertre, on avait établi à côté une autre sépulture, puis une troisième, toujours recouverte d'un nouveau tertre, de telle façon que ces tertres réunis les uns aux autres ont fini par ne former qu'un seul tumulus d'une grande dimension.

En explorant un tumulus près du Vieux Titjovski, au nord de l'embouchure du Kouban (voir la carte No. II), M. KAREISCHA y constata (en décembre 1845) trois étages de sépultures. Dans la supérieure il ne trouva rien ni dans l'inférieure, mais celle du milieu lui offrit un tombeau creusé dans la terre même du tumulus. Il renfermait les restes d'un guerrier, à en juger par un casque et par un glaive

¹ *Kourins* Staro Titjovski, en russe. *Kourins* est le nom que l'on donne dans le pays à des villages de cosaques.

небольшой стеклянный сосуд, застёжка съ рѣзнымъ камнемъ (intaille. Р. XXIV. 10), перстень, украшенный сердцеликомъ и серебряная маска, изображающая Медузину голову. (Эти послѣднія вещи находятся въ Эрмитажѣ).

Довольно часто набрасывали курганы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ устроенъ костеръ, на которомъ сожигали трупъ, облеченный въ одежду и иногда съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ, встреблявшимся огнемъ только аюловяну. Въ Эрмитажѣ есть нѣсколько такихъ, вполонюу сдѣланныхъ вѣнковъ. По сгорѣнню погста ставили на его мѣстѣ вазы и другіе предметы, принадлежавшіе покойному, и надъ всѣмъ этимъ набрасывали холмъ.

Иногда прахъ покрывался гробницею изъ черепицъ, устроеннаго на самомъ кострѣ. Она состоялась то изъ осьми, то изъ шестнадцати черепицъ, которыя располагались особеннымъ образомъ, какъ мы показали на планѣ В 9. 10. съ рисунка Г. Багичева. — Окончивъ гробницу ее засыпали сверху землею ¹.

Въ другихъ курганахъ мы видимъ иное устройство. Вырывъ могилу, ее выкладывали плитамъ мягкаго камня или же вымазывали сѣкимъ известкомъ, для чего напередъ ихъ выжигали, дабы сдѣлать твердыми. Такую могилу плотно закрывали тремя плитами, наладъ ихъ поперѣтъ ся и за тѣмъ засыпали; изъ этой насыпи образовывалась курганъ.

Сказанное намъ Г. Карейшею объ этихъ гробницахъ изъ плитъ и изъ черепицъ во всемъ согласно съ объясненіями, сообщенными Г. Багичевымъ.

По показанію сего послѣдняго ему случалось разрывать курганы, въ которыхъ находились и тѣ и другія гробницы. Основываясь на его же удостовѣреніи и на свидѣльствіи Г. Карейши должно принять, что въ гробницахъ изъ осьми черепицъ поволазъ только *прахъ* умершаго, а гробницы въ 16 черепицъ содержали въ себѣ *мертвое въ деревянномъ гробу*, что объясняется болѣею ихъ вѣстимостію и доказывалось частіями гнилаго дерева, которыя иногда находили въ такихъ гробницахъ.

Черепицы съ загнутымъ краемъ, плотно одна къ другой прилегающія и смазанныя известкомъ, составляли покрывну надъ похороненнымъ усопшимъ, чрезъ которую не могла пробиваться земля кургана, по крайней мѣрѣ въ теченіи извѣстнаго времени, потому что находили и такіа черепичныя гробницы, которыя были совершенно раздавлены тяжестію лежавшей на нихъ земли.

Въ Эрмитажномъ Музѣ есть восемь могилныхъ черепицъ, между коими нѣсколько съ клѣпками (см. детали плана В 11—15. и объяснительныя надписи къ нимъ). Черепицы эти лучшей доброты, такъ что даже изломанныя охотно покупаются на мѣстѣ для устройства печей.

¹ Между памятниками римскаго владычества въ Юркѣ встрѣчаются двѣ черепичныя гробницы, нѣтъ ли большаго сходство съ нашими и которыя любопытно было бы сравнить съ ними. Впрочемъ, по своей малости, Юркскія гробницы могли быть только цепельными могильми. См. Ebnatun or York under the Romans, by C. Walfelouwer. York, 1842. P. XI. 1. 2. Въ этомъ же сочиненіи есть рисунки гробницъ изъ цѣльнаго камня, въ которыхъ находили скелеты. — Въ сочиненіи Штакальберга: Die Gräber der Hellenen. Berlin. 1837. есть нѣсколько рисунковъ гробницъ, сходныхъ съ описанными здѣсь. Подъ № 3. Р. VII, изображена гробница въ три черепицы съ каждой стороны, почти точно такая же какъ № 9 нашего плана В. Черепицы эти съ загнутымъ краемъ какъ и на нашихъ гробницахъ и прилегаются одна къ другой. — Смотри также римскую гробницу изъ черепицъ съ клѣпками, открытую въ окрестностяхъ Страсбурга. Schoefflin: Alsat. illustr. стр. 59 и рисунокъ съ этой гробницы у Милана. Millin: Point. de Vence. П. LXXVIII. 17. (должно быть 19).

oxydé qui était à sa droite, deux vases en bronze à moitié brisés, un petit vase en verre, une agrafe en or avec intaille (Pl. XXIV. 10.), une bague enrichie d'une cornaline, et un masque de Méduse en argent (ces derniers objets sont à l'Ermitage).

Assez souvent le tumulus s'élève sur le lieu même où l'on avait établi le bûcher, pour y brûler le corps revêtu de ses habits et, quelquefois, le front orné d'une couronne d'or que le feu ne détruisait qu'à moitié. Le musée de l'Ermitage en possède plusieurs à demi fondues. Le bûcher consumé, on déposait sur la place des vases et d'autres objets ayant appartenu au défunt, et on élevait par-dessus le tumulus.

Quelquefois les cendres du mort étaient recouvertes d'un tombeau en briques que l'on construisait sur le bûcher même. Ces tombeaux étaient formés de huit briques, parfois de seize briques, disposées comme nous l'indiquons Plan B 9. 10., d'après un dessin de Mr. BEGUTCHEFF. Le tombeau construit, on amoncelait la terre par-dessus.¹

Dans d'autres tumulus on avait procédé différemment. On avait creusé une fosse que l'on revêtait de dalles de pierre tendre ou d'un enduit de chaux, après en avoir durci les parois par l'action du feu. Sur cette fosse on plaçait deux ou trois dalles en largeur qui la fermaient hermétiquement, et on élevait le tumulus par-dessus.

Les détails que nous a fournis Mr. KAREISCHA sur ces tombeaux revêtus de dalles et sur ces tombeaux en briques coïncident parfaitement avec le dire de Mr. BEGUTCHEFF.

Mr. BEGUTCHEFF assure avoir exploré des tumulus qui renfermaient des sépultures de ces deux espèces, et suivant son autorité et celle de Mr. KAREISCHA, les tombeaux simples de huit briques auraient recouvert les cendres d'un mort, et ceux de seize briques auraient plutôt renfermé, ce que leur capacité même indiquait, un corps enseveli dans un cercueil en bois, à en juger par les fragments pourris qu'on y a découverts parfois.

Ces briques à rebord s'ajustant l'une sur l'autre, étaient cimentées avec de la chaux et formaient une sépulture impénétrable à la terre du tumulus, au moins pendant un certain temps, car on a trouvé plusieurs de ces tombeaux écrasés par la pression de la terre qui les recouvrait.

Le Musée de l'Ermitage possède huit de ces briques qui sont quelquefois poinçonnées (voir les détails du Plan B 11—13. et les légendes). Elles sont d'une excellente qualité, tellement qu'on les achète sur les lieux, même brisées, pour en construire des poêles.

¹ Parmi les monuments de la domination romaine à York, nous trouvons deux tombeaux en briques qui offrent beaucoup d'analogie avec les nôtres, et il est intéressant de les mettre en comparaison. Ceux de York seulement ne pouvaient convenir, vu leur petite dimension, qu'à des sépultures cinéraires. — Voyez: *Eboracum or York under the Romans*, by C. WELLBELLOVES. York. 1842. Pl. XI. 1. 2. Le même ouvrage renferme des dessins de tombeaux en pierre, d'un seul bloc, où des squelettes ont été trouvés. Il y a dans l'ouvrage de STACKELBERG: *Die Gräber der Hellenen*. Berlin. 1837, le dessin de quelques tombeaux en briques semblables aux nôtres. Le No. 3 de la Pl. VII offre un tombeau de trois briques sur chaque côté, presque identique avec celui No. 9 de notre Plan B. Les briques sont à rebord s'ajustant l'une sur l'autre, comme chez nous. — Voyez enfin le tombeau romain en briques poinçonnées découvert dans les environs de Strasbourg. SCHÖPFELIN: *Abss.* illustr. p. 59 et le dessin de ce tombeau dans MILLIN: *Peint. de Vases*. H. LXXVIII. 17 (qui doit être 19).

На нашем плане С. 4—4, мы представляем, съ чертежа Г. Багичева, рисунок кургана, раскопанного имъ въ Глиницѣ въ 1846 г. и содержавшаго въ себѣ три гробницы: двѣ изъ нихъ состояли изъ ямы, вырытой просто въ землѣ, а не въ насыпи; стѣны сихъ ямъ, по обожженіи огнемъ, были покрыты: въ одной гробницѣ красною, въ другой, блѣною краскою; въ первой покоился оставъ мужчины, во второй женщины. По удостовѣренію Г. Багичева краски эти еще хорошо сохранились. Найденные въ гробницахъ куски дерева доказывали, что покойники похоронены были въ гробахъ. Каждая гробница была покрыта тремя плитами. Въ мужской гробницѣ найдены: раскрашенная ваза съ изображеніемъ Сатира, женская фигура и Амуръ. Въ женской гробницѣ находились вызолоченная бронзовая серьга, украшенная львиными головками и два вызолоченныхъ перстня, одинъ бронзовый, другой жѣлезный.

Третья гробница была выстлана изъ цѣльнаго камня; примѣры подобныхъ гробницъ довольно рѣдки и Г. Багичевъ помнитъ только двѣ. (Г. Карейша упоминаетъ о нѣсколькихъ такихъ гробницахъ). Крышка этого каменнаго гроба была разбита, кости лежали въ безпорядкѣ и никакой вещи тутъ не найдено; это ясно показываетъ, что курганъ уже прежде былъ вскрытъ, по крайней мѣрѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась эта каменная гробница.

Дабы еще представить образецъ черепичной гробницы, упомянемъ о другой раскопкѣ, произведенной Г. Багичевымъ въ 1847 г. въ курганѣ, находившемся вѣско отъ Новокарантиннаго шоссе, по ту сторону Замосецкаго Карантина. (См. карту No. 1.).

Въ этомъ курганѣ были двѣ гробницы, о 16 черепицахъ каждая. Одна изъ гробницъ, мужская, была весьма тщательно построена, потому что щели между черепицами были смазаны известною, смѣшанною съ битымъ кирпичемъ, дабы плотно закрыть все скажинами. Не смотря на такую предосторожность, большое количество мелкой, какъ будто простѣянной связью сито земли, пробилось въ гробницу, въ которой напихи куски перегниващаго дерева, доказывавшіе, что тутъ нѣкогда стоялъ гробъ. На груди покойника находились: раскрашенная ваза съ изображеніемъ кошней Амазонки, сражающейся съ грифомъ (Р. LVIII. 1. 2.), два сосуда изъ алебаstra и нѣсколько мелкихъ глиняныхъ вазъ, украшенныхъ пальмовыми вѣтвями, (вазы эти находятся въ Эрмитажѣ). Подъ головы лежала бронзовая медаль, совершенно покрытая ониксомъ.

Другая гробница была женская. У ногъ остова находились: простая ваза съ одною рукою изъ красной глины и двѣ половинки раковины, соединенныя бронзовыми кольцами. Онѣ составляли родъ складной коробки; на одной половинкѣ были бѣллы, на другой румяны, хорошо сохранившіяся и потертыя на раковинѣ, какъ красна палитра. На лѣвой рукѣ усопшей было бронзовое кольцо, на шеѣ ожерелье изъ черныхъ пронизокъ съ амулетомъ изъ голубой пасты, изображающимъ лежащаго льва.

Въ черепичныхъ гробницахъ часто находили драгоценныя вещи, такъ — что когда открывали такую гробницу въ курганѣ, то считали это хорошимъ предзнаменованіемъ. Въ Ашпикомѣ найдены были двѣ такіе гробницы въ 1838 и 1844 г. въ курганѣ, не подалеку отъ Карантиннаго шоссе. Въ первой находилась прекрасная амфора, Р. LI, которая содержала въ себѣ сжженные кости и еще слѣдующія вещи: ожерелье, сходное съ Р. XI. 6, золотое кольцо съ рѣзнымъ камнемъ (intaille Р. XV. 24.) и серьги, сходныя съ Р. VII. 1. На одной черепицѣ этой гробницы находились надписи: ЕРМОС. Въ другой гробницѣ найдена расписанная ваза (Р. LI) со сжженными костями.

Перейдемъ теперь къ гробницамъ изъ плитъ, нарезанныхъ изъ мѣлкаго камня (известняка, смѣшаннаго съ раковинами и пескомъ), которыя во множествѣ встрѣчаются въ окрестностяхъ Керчи.

Nous donnons Plan C 1—4., d'après Mr. BECUTCHEFF, le dessin d'un tumulus fouillé par lui, en 1846, à Glinistche, renfermant trois tombeaux, deux se composant chacun d'une fosse creusée simplement dans la terre vierge, mais dont les parois, durcies par le feu, étaient enduites de couleur rouge dans l'un, qui était une sépulture d'homme, et de couleur blanche dans l'autre, qui contenait les restes d'une femme. Mr. BECUTCHEFF assure que cet enduit de couleur était encore en bon état. Des fragments de bois indiquaient que les corps avaient été renfermés dans des cercueils. Chaque tombeau était recouvert de trois dalles. Celui de l'homme renfermait un vase peint offrant un satyre, une figure de femme et un Amour. Celui de la femme renfermait des boucles d'oreilles en bronze doré, ornées de têtes de lion, et deux bagues dorées, l'une en bronze, l'autre en fer.

La troisième sépulture offrait un tombeau creusé dans un seul bloc de pierre, circonstance assez rare dont Mr. BECUTCHEFF ne se rappelait que deux exemples (Mr. KAREISCHA en mentionne plusieurs). Le couvercle de ce cercueil était brisé; les ossements avaient été remués; aucun objet ne s'y trouvait, et il parut évident que, dans cet endroit du moins, le tumulus avait été fouillé autrefois.

Comme exemples de tombeaux en briques, nous citerons encore une fouille exécutée, en 1847, par Mr. BECUTCHEFF, dans un tumulus situé à gauche de la chaussée qui mène à la Nouvelle Quarantaine, au-delà du poste de douane Zamosiskii (voir la carte No. I).

Ce tumulus renfermait deux tombeaux de seize briques. L'un, contenant les restes d'un homme, avait été fermé avec beaucoup de soin, car les intervalles entre les briques étaient cimentés avec de la chaux à laquelle étaient mêlés de petits fragments ou éclats de briques, pour mieux remplir les interstices. Malgré cette précaution, une grande quantité de terre fine, comme si on l'eût passée par le crible, avait pénétré le tombeau qui offrait des fragments de bois pourri, indices d'un cercueil. Sur la poitrine du mort était un vase peint, offrant le combat d'une Amazone à cheval contre un griffon (Pl. LVIII. 1. 2.), deux *alabastrum*, et plusieurs très petits vases en terre ornés de palmettes (ils sont à l'Ermitage). A côté de la tête se trouvait une médaille en bronze, complètement oxydée.

Le second tombeau était celui d'une femme. Aux pieds du squelette étaient un vase à une anse, en argile rouge, très ordinaire, et deux coquilles de pétoncle, réunies par des anneaux en bronze. C'était une espèce de bolto à fard; car sur l'une de ces coquilles était du blanc, et sur l'autre du rouge, parfaitement conservé, qui y était appliqué comme de la couleur sur une palette. On avait placé à la main gauche de la défunte un anneau de bronze, et au cou un collier de perles noires, avec un amulette en pâte bleu-clair, représentant un lion couché.

Ces tombeaux en briques ont souvent fourni des objets précieux, et lorsqu'on venait à en découvrir un dans un tumulus, on en tirait bon augure pour la fouille. Mr. ASCHIX en trouva deux, en 1838 et en 1841, dans des tumulus voisins de la chaussée de la Quarantaine. Dans le premier se trouvait la belle amphore de la Pl. LII. qui contenait des ossements brûlés et les objets suivants: un collier semblable à celui Pl. XI. 6., un anneau d'or avec intaille Pl. XV. 24., et des boucles d'oreilles semblables au No. I de la Pl. VII. L'une des briques de ce tombeau portait l'inscription EPMOC. Le second tombeau renfermait le vase peint de la Pl. LI. avec des ossements brûlés.

Nous parlerons maintenant des tombeaux en dalles sciées de pierre tendre (calcaire mêlé de coquilles et de sable) dont les tumulus des environs de Kerch offrent bon nombre d'exemples.

На планѣ С. 5. представляет рисунокъ гробницы сего рода, открытой Г. Ашикомъ близъ Карантиннаго шоссе и разрытой имъ въ Дюнабурѣ 1834, какъ видно изъ его рапорта въ Г. Керченскому Градоначальнику. Найденная въ этой гробницѣ вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными вещами медаль Лизимаха, представляющая на одной сторонѣ голову Царя, а на другой сидящую Минерву съ Побѣдою на правой рукѣ и надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ¹ даетъ право предполагать, что въ гробницѣ похороненъ былъ прахъ воина, современнаго Перисиду I (348—344 до Р. X.), а можетъ быть и прахъ его жены или дочери и слуги, на что указываютъ тутъ же найденными двѣ урны, исполненныя сожженными востями (см. надпись къ плану).

Подлинный рисунокъ этой гробницы хранится въ дѣлахъ Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора и составленъ Г. Стефанскимъ, отличнымъ художникомъ, состоявшимъ въ то время при Керченскомъ Музее и который, рассмотрѣвъ нашъ планъ С. 5., нанесъ всѣ детали его совершенно вѣрными.

Въ гробницѣхъ изъ плитоваго камня отыскано много драгоцѣнныхъ предметовъ.

Г. Ашикъ открылъ еще шесть такихъ гробницъ въ 1838, 1839 и 1844 годахъ.

Первая находилась въ одномъ изъ кургановъ, во множествѣ разсыпанныхъ на равнинѣ къ Сѣверу отъ Керчи и соседней съ Карантиннымъ шоссе. Въ этой гробницѣ находился оставъ женщины, голова которой была украшена погребальною повязкою (Р. VI. 4.) и серьгами (Р. VII. 13.). На томъ мѣстѣ, гдѣ были руки, найдены запястья (Р. XIV. 6.), до того малыя, что годились бы только ребенку. Во рту была, какъ пишетъ Г. Ашикъ въ своемъ рапортѣ, серебряная медаль, на лицевой сторонѣ которой изображена голова Минервы въ шлемѣ, обращенная вправо; на оборотной: перуны и надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ [Λ]ΕΥΚΩΝ[ΟΣ] (Р. LXXXV. 12.). У ногъ остава находились двѣ преставныя статуи изъ сѣеной глины (Р. LXVIII. 1. 3.); кромѣ того тутъ же найдены: пуговка (Р. XXIII. 13.), застежки (Р. XXIV. 8.) и нѣсколько незначительныхъ золотыхъ вещей.

Другая гробница, открытая въ курганѣ, смежномъ съ вышеозначеннымъ, также заключала въ себѣ оставъ женщины, голова которой была украшена лавровымъ вѣнкомъ (находящимся въ Эрмитажѣ), серьгами (Р. VII. 12.), а шея ожерельемъ (Р. XI. 4. и Р. XII. 3.). На пальцахъ было шесть колецъ: три золотыхъ съ гранатами и три другихъ, изображенныхъ изъ Р. XV. 9. 15. и Р. XVII. 3. По удовольствію Г. Ашика оставъ былъ еще покрытъ шифною одеждою, усаиваюю золотыми украшениями. У ногъ его находились слѣдующія серебряныя вещи: *симпулумъ* (κλεψος) (Р. XXX. 2.), вазы (Р. XXXVII. 5. и Р. XXXVIII. 1. 3. 4. 5.); да кромѣ того небольшая глянцая ваза о двухъ ручкахъ, бронзовыя стрижаль, ложка (Р. XXX. 4.), алебастровый сосудъ и коробка для бѣлзла, (эти послѣднія вещи также находятся въ Эрмитажѣ). Простѣвъ землю нашли золотую медаль Лизимаха (Р. LXXXV. 10.), булавку для прививанія волосъ (XXIV. 6.) и менія туалетныя вещи, (Р. XXXI. 8. 9.).

Третья гробница была открыта Г. Ашикомъ (въ Февралѣ 1839 г.) въ курганѣ, по дорогѣ къ Чурубашу. Гробница сія заключала въ себѣ расправленную вазу, съ изображеніемъ профиля женской головы подлѣ лошадиной; въ этой вазѣ были: двѣ серьги, подобныя помѣщеннымъ изъ Р. VII. 4, різные камни (intailles, Р. XVI. 9. и Р. XVII. 9.), золотое кольцо (Р. XVIII.) и бронзовое (Р. XVIII. 12.).

Донося о сей находкѣ, Г. Ашикъ упоминаетъ о четвертой гробницѣ, въ которой были найдены свинцовыя и глиняныя вазы съ прахомъ и съ надписями. Глиняныя вазы къ намъ не доставлены, свинцовыя

¹ Сравн. Р. LXXXV. 10.

Le Plan C, 5. donne le dessin d'un tombeau de cette espèce que Mr. ASCHIK découvrit près de la chaussée de la Quarantaine, et qu'il fouilla, en décembre 1834, suivant son rapport au gouverneur de Kertch. La médaille d'or de Lysimaque, offrant à l'avvers la tête de ce roi et au revers Minerve assise tenant sur sa droite une Victoire, avec la légende ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ¹⁾, trouvée parmi les objets précieux qui étaient dans ce tombeau, peut faire admettre qu'il contenait les cendres d'un guerrier contemporain de Pairsadès I. (348—341 av. J. C.), et celles peut-être de sa femme ou de sa fille et d'un de ses serviteurs, à en juger par les deux urnes remplies d'ossements brûlés que cette sépulture renfermait (voir les légendes du plan.).

Le dessin original de ce tombeau est dans les archives du Ministère de la Maison de l'EMPEREUR. Il a été exécuté par Mr. STEPHANSKY, dessinateur habile, attaché alors au Musée de Kertch, qui nous a certifié l'exactitude des détails qu'offre notre Plan C, 5.

Ces tombeaux en dalles ont offert une foule d'objets précieux.

Mr. ASCHIK a découvert encore six tombeaux pareils en 1838, 1839, 1841.

Le premier se trouvait dans un des nombreux tumulus qui parsèment la plaine au nord de Kertch, voisine de la chaussée de la Quarantaine. Il renfermait le squelette d'une femme dont la tête était ornée du bandeau funéraire Pl. VI. 4. et des pendants d'oreilles Pl. VII. 13. A la place occupée par les bras étaient les bracelets Pl. XIV. 6. dont la petite dimension ne convient guère qu'à un enfant. Dans la bouche, suivant le rapport de Mr. ASCHIK, se trouvait une médaille d'argent. Avers: tête de Minerve casquée, à droite. Revers: [ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ] Foudre Pl. LXXXV. 12. Aux pieds du squelette étaient les deux charmantes figurines en terre cuite de la Pl. LXVIII. 1. 3. Le bouton, Pl. XXIII. 13., les broches Pl. XXIV. 8., et quelques bijoux en or, de peu d'importance, furent encore découverts dans ce tombeau.

Le second, caché dans un tumulus voisin du premier, renfermait aussi un squelette de femme dont la tête était ornée d'une couronne de laurier en or (elle est à l'Ermitage), des boucles d'oreilles Pl. VII. 12., et le cou des colliers Pl. XI. 4. XII. 3. Aux doigts étaient six anneaux, trois en or, à chaton de grenat, les trois autres Pl. XV. 9. 15. XVII. 3. Le squelette, au dire de Mr. ASCHIK, était encore revêtu d'une robe d'étoffe parsemée d'ornements en or. Aux pieds se trouvaient les objets suivants en argent: *simpulum* (κνίδαρος) Pl. XXX. 2., vases Pl. XXXVII. 5. XXXVIII. 1. 3. 4. 5., et, en outre, un petit vase en terre, à deux anses, avec une strigile en bronze, une cuiller Pl. XXX. 4., un *alabastrum* et une boîte à fard (ces derniers objets sont à l'Ermitage). En tamisant la terre du tombeau, on y trouva une médaille en or, au type de Lysimaque, Pl. LXXXV. 10., l'épingle à cheveux Pl. XXIV. 6., et les petits instruments de toilette Pl. XXXI. 8. 9.

Mr. ASCHIK découvrit le troisième tombeau (février 1839) dans un tumulus, sur le chemin de Tchouroubache. Il renfermait un vase peint, offrant, en profil, une tête de femme accolée à une tête de cheval. Ce vase contenait les objets suivants: deux boucles d'oreilles semblables au No. 1. de la Pl. VII., les intailles Pl. XVI. 9. et Pl. XVII. 9., l'anneau en or Pl. XVIII. 1., et l'anneau en bronze Pl. XVIII. 12.

En rendant compte de cette dernière découverte, Mr. ASCHIK mentionne un quatrième tombeau qui aurait renfermé des vases en plomb et des vases en terre, contenant des cendres, les uns et les autres

¹⁾ Comparez Pl. LXXXV. 10.

же, числом четыре, шпильки формы круглых ступенчатых чаш, находятся въ Эрмитажѣ, и на крышкахъ ихъ читаются слѣдующія имена: ΤΕΙΜΟΒΕ. V; ΑΠΟΛΛΩΝ. ΔΟΥ; ΚΥΡΑΘΩΝΟΣ; ΝΕΙΚΟΠΟΛΕΙΝ. (См. надписи No. LXVII.).

Пятая и шестая гробницы открыты въ 1844 г. въ курганѣ по дорогѣ въ Адж-Мушкѣ (см. карту No. 4.). Первая содержала въ себѣ совершенно разрушенный деревянный гробъ, въ которомъ лежалъ оставъ на постилѣ изъ морской травы. У головы была раскрашенная ваза съ изображеніемъ вакханаліи. Въ другой гробницѣ также находился деревянный гробъ, стоявшій на четырехъ ножкахъ, но распавшійся въ пыль, лишь только до него дотронулись. Въ этомъ гробу лежалъ оставъ женщины на постилѣ изъ лавровыхъ листьевъ; голова была украшена золотымъ вѣнкомъ, ожерельемъ изъ золотыхъ провозовъ съ застѣжкой въ видѣ львиной головы и узда (обѣ эти вещи находятся въ Эрмитажѣ), монистомъ съ коронкою въ видѣ бычачьей головы (Р. XXXII. 12.), и серьгами (Р. VII. 8.). Подъ остава находились: перстень съ рѣзнымъ камнемъ (intaille, Р. XVII. 6.) и раскрашенная ваза съ изображеніемъ Амазонки на вонѣ, сражающейся съ пѣшимъ Грекомъ.

Подобныя же гробницы открыты были и Г. Карейшею въ 1834 г. Одна изъ нихъ, сходная съ изображенною на планѣ С. 5., находилась въ курганѣ по соседству Карантиннаго шоссе. Въ ней былъ найденъ оставъ мужины съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ (Р. IV. 3.). У ногъ были: серебряная ваза, (Р. XXXVIII. 2.), другая серебряная же и разломанная, сито изъ того же металла, медаль (Р. LXXXV. 19.) и сломанная урна, подобная изображенной на Р. XLVII. 4. 5.

Другая гробница, находившаяся изъ томъ же курганѣ вмѣстѣ въ себѣ оставъ жеванымъ, вмѣшавшей на головѣ золотой вѣнокъ въсомъ 36 золотниковъ, почти подобный изображенному на Р. IV. 3. На шеѣ было плоское ожерелье, сплетенное изъ золотыхъ нитокъ, съ подвѣсками въ видѣ овсяныхъ зеренъ, въ такомъ же родѣ какъ помѣщенное на Р. IX. 4. и еще двѣ прелестныя серьги (Р. VII. 9. 9*). На поясъ находилась медальонъ (Р. XIX. 3.), нѣсколько золотыхъ застѣжекъ, кольцо (Р. XV. 21.), сердоликъ, гравированный въглубь и рельефомъ (Р. XVI. 8.), и сломанный скарабей (Р. XVI. 13). Кромѣ сихъ предметовъ находилось въ этой гробницѣ еще нѣсколько мелкихъ золотыхъ вещей, амфора (Р. LVIII. 3. 4.), золотая медаль Филиппа II Македонскаго и бронзовая Цара Евмелы, по которой можно отнести эту гробницу къ началу 3-го столѣтія до Р. X.

Подъ No. 6 плана С. представляеть рисунокъ небольшой гробницы или склепа изъ мягкаго плитоваго камня, открытой Г. Карейшею въ 1832 г. въ курганѣ на Митридатовой горѣ, находившемся близъ того кургана, въ которомъ онъ же открылъ прекрасную гробницу съ изображеніемъ Аистовъ и Пингвинъ, уже упомянутую выше. Г. Карейша нашелъ въ этой гробницѣ (Пл. С. 6.), гробъ изъ можжевеловаго дерева, точный рисунокъ съ котораго, снятый на мѣстѣ Г. Стефанскимъ, далъ намъ возможность представить эту замѣчательную гробницу со всѣми ея деталями. Къ сожалѣнію, гробъ не сохранился. Въ немъ былъ оставъ безъ головы. Г. Карейша подтвердилъ намъ въ 1848 г., что это странное обстоятельство дѣйствительно было и что онъ въ свое время сообщалъ о семъ Г. Степановскому, чему тотъ крайне удивился. И тогто, трудно объяснить себѣ это обстоятельство; припомнимъ, при семъ случаѣ, обезглавленные оставы и оставы съ головами изъ воска, которые находились были въ Кукахъ¹.

¹ См. *Minervini: Bullett. Archeolog. Napol. Nuova Serie. T. I. No. 14. стр. 407.*

«Ninno di quattro scheletri aveva il cranio: ma due di essi, quelli giacenti a sinistra dello ingresso, avevano le intere teste di cera con tutto il collo, gli occhi di vetro.»

Quaranta: Gli Scheletri cerocefali. Napoli. 1853.

chargés d'inscriptions. Les derniers ne nous sont point parvenus; les premiers, au nombre de quatre, de la forme d'une terrine, sont à l'Ermitage, et offrent sur le couvercle les noms suivants: ΤΕΙΜΟΘΕ. V; ΑΠΟΛΛΩΝ. ΔΟΝ; ΚΥΡΑΘΩΝΟΣ, ΝΕΙΚΟΠΟΛΕΙΝ (voyez Inscriptions No. LXVII.).

Le cinquième et le sixième tombeau furent découverts, en 1811, dans un tumulus sur le chemin de Hadji-Mouschkai (voir la carte No. 1.). Le premier contenait, dans un cercueil en bois, tout détruit, un squelette reposant sur une couche d'herbes marines. A la tête se trouvait un vase peint, représentant une bacchanale. Le second renfermait aussi dans un cercueil en bois, posé sur quatre pieds, mais qui tomba en poussière au premier atouchement, un squelette de femme reposant sur des feuilles de laurier, la tête ornée d'une couronne d'or, d'un collier en perles d'or, à agrafes formant têtes de lion et noeud (tous deux sont à l'Ermitage), du fil de perles avec capsule à tête de taureau Pl. XXXII. 12., et des boucles d'oreilles Pl. VII. 8. Un anneau à intaille Pl. XVII. 6., et un vase peint, offrant le combat d'une Amazone à cheval contre un Grec à pied, se trouvaient près du squelette.

M. KARIESCHA a également découvert des tombeaux pareils, en 1834. L'un, semblable à celui de notre Plan C 5., était dans un tumulus voisin du chemin de la Quarantaine. Il renfermait un squelette d'homme dont la tête était ornée de la couronne de laurier en or de la Pl. IV. 3. Aux pieds se trouvaient le vase en argent de la Pl. XXXVIII. 2., un autre vase en argent fragmenté, une passoire du même métal, la médaille d'or Pl. LXXXV. 19., et une urne brisée semblable à celle de la Pl. XLVIII. 4. 5.

L'autre tombeau, qui était dans le même tumulus, renfermait un squelette de femme, la tête ornée d'une couronne de laurier en or, du poids de trente-six zolotniks, presque semblable à celle de la Pl. IV. 3. Au cou était un collier en tresse plate de fil d'or, avec pendeloques en grains d'avoine, dans le genre de celui de la Pl. IX. 1., et les deux magnifiques pendants d'oreilles de la Pl. VII. 9. 9. a. A la ceinture se trouvaient le médaillon Pl. XIX. 3., quelques agrafes en or, l'anneau massif Pl. XV. 21., la cornaline gravée en relief et en creux Pl. XVI. 8., et le scarabée fragmenté Pl. XVI. 13. Ce tombeau renfermait en outre quelques petits objets en or, une amphore Pl. LVIII. 3. i., une médaille d'or de Philippe II de Macédoine, et une médaille en bronze au type du roi Eumèle, ce qui permet de reporter l'époque de ce tombeau au commencement du troisième siècle av. J. C.

Le dessin 6 du Plan C offre la coupe d'un tombeau ou petit caveau, en dalles sciées de pierre tendre, que Mr. KARIESCHA découvrit, en 1832, dans un tumulus du Mont Mithridate, voisin de celui où il venait de trouver le beau tombeau des Grues et des Pygmées dont il a été parlé plus haut. Il renfermait un cercueil en bois de genévrier. Le dessin, qui en a été soigneusement exécuté sur les lieux par Mr. STEPANSKY, nous permet de reproduire dans tous ses détails cette sépulture curieuse. Le cercueil n'a pu malheureusement être conservé. Il contenait un squelette auquel la tête manquait. Mr. KARIESCHA nous a certifié, en 1848, l'exactitude de cette circonstance singulière dont il fit la remarque dans le temps à Mr. de STEMPKOVSKY, alors gouverneur-civil de Kertch, qui s'en étonna. Il est difficile en effet de l'expliquer, et c'est peut-être le cas de mentionner ici les squelettes sans tête et avec des têtes de cire, découverts à Cumès.¹

¹ MISERVINI: Bullott. Archeolog. Napol. Nuova Serie. To. I. No. 14. p. 107.

«Nuno de quattro scheletri aveva il cranio: ma due di essi, quelli giacenti a sinistra dello ingresso, avevano le intere teste di cera con tutto il collo, gli occhi di vetro.»

QUARANTA: Gli Scheletri cercefoli. Napoli. 1853.

Въ гробъ была найдена бляха въ видѣ раковины (Р. XXIV. 26.), составляющая родъ украшеній и серьга, подобная помѣщенной на Р. VII. 20.

По обѣимъ сторонамъ смертнаго одра лежали известковыя изображенія, между коими были и раскрашенные, довольно грубой отдѣлки и *представленія*, говоритъ Г. Карейша въ своемъ рапортѣ, *плачущую женщину, держащую на рукахъ умирающую дочь* и т. д. (Р. LXVII. 4. 5. 6.), *ребенка верхомъ на лебедь* (Р. LXXVI. 7.), *другаго ребенка, сидящаго на дельфинѣ* (Р. LXXVI. 9.), *нѣсколько женскихъ масокъ въ видѣ медальоновъ* (это Медузинъ маски Р. LXXV. 4. 5.) и другія мелкия вещи, которыя, вѣроятно, были сдѣланы по случаю смерти особы, схороненной въ этой гробницѣ; также глиняныя статуи, изображающія: Венеру, Скиа на конѣ, преслѣдующаго зайца (Р. LXIV. 2.), Счастіе, держащее руль, *Цереру съ рогами изобилія* (Р. LXIX. 3.). Въ рапортѣ Г. Карейши прибавлено: «и держащую серпъ»; судя по положенію правой руки можно заключить, что орудіе это отпало, и наконецъ тутъ же найдена лампа. (Другія подробности см. въ описаніи плана С. 6.).

Г. М. Блаرامбергъ, которому во время отсутствія Г. Ашяна поручено было управленіе Керченскаго Музея, сдѣлалъ въ 1843 г. нѣсколько любопытныхъ открытій, о которыхъ будетъ говорено въ нашемъ текствѣ. Здѣсь же упомянемъ о нѣсколькихъ гробницахъ, изслѣдованныхъ имъ въ разныхъ курганахъ, находившихся влѣво отъ Карантиннаго шоссе.

Гробницы сія были или просто ямы, вырытыя въ материкѣ, надъ которыми потомъ насыпались были курганы, или черепичныя гробницы, наполненныя сжатымъ кистомъ и пепломъ, или наконецъ составленныя изъ тесаныхъ плитъ мягкаго камня, какъ показанная на нашемъ планѣ С. 5. Въ этихъ послѣднихъ гробницахъ находились погребенныя трупы, въ томъ числѣ нѣкоторые въ гробахъ изъ кипарисоваго дерева, украшенныхъ штучною работою или выпуклыми фигурами изъ гипса.

Изображенія сія представляли лицъ въ различныхъ положеніяхъ, дѣтей верхомъ на лебедяхъ*, Медузинъ маски и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что эти известковыя фигуры прирѣзанныя были къ гробамъ въ видѣ украшенія.

Въ Эрмитажномъ Музее хранится нѣсколько досокъ отъ гробовъ, на которыхъ еще видны слѣды прилепкой Медузиныхъ масокъ, помѣщенныхъ на Р. LXXV. 2. 4., контуры которыхъ напередъ обводились на доскахъ чертами; ясно, что послѣ наклейки масокъ такъ, гдѣ слѣдуетъ, украшеніе гроба дополняемо было живописью, которою изображали повругъ масокъ испускающіе повѣи волосы Медузъ. Мы помѣстили на Р. LXXIV. 7. и Р. LXXVI. 7. 8. нѣсколько такихъ гипсовыхъ фигуръ, которыхъ въ Эрмитажѣ довольно много.

При рапортѣ Г. Бларамберга приложено нѣсколько рисунковъ съ предметовъ, найденныхъ имъ въ этихъ гробницахъ, какъ напр. съ глиняной чашки подъ глазулю, (Р. LXXVIII. 6.), со статуэткѣ изъ сѣвеной глины, подобной помѣщенной на Р. LXIV. 3. и Р. LXXIII. 2., съ небольшою палатерою, на днѣ которой изображена Медузина голова (Р. LXXIV. 6.), съ красивой стеклянной чашки (Р. LXXVIII. 16.), небольшого пугырца (Р. LXXVII. 11.), золотыхъ вещей (Р. XVIII. 23. и Р. XXIV. 12. 17.), ожерелья изъ пастовыхъ пронизовъ и т. п.

* Въ 1842 г. Г. Карейша нашелъ въ земляныхъ гробницахъ, покрытыхъ палатерою (въ курганѣ близъ Керченскаго публичнаго сада) фигуры такого же рода, которыя, по видимому, служили украшеніемъ дѣтскихъ гробовъ.

On trouva dans le cercueil la plaque d'ornement en forme de pédoncle Pl. XXIV. 26., et un pendant d'oreille semblable à celui de la Pl. VII. 20.

Des deux côtés du lit funéraire gisaient des figures en plâtre, quelques-unes coloriées, assez grossièrement exécutées, représentant, dit le rapport de Mr. KAREISCHA, divers personnages, *une femme tenant dans ses bras sa fille mourante et se lamentant*, etc. Pl. LXVII. 4. 5. 6., *un enfant sur un cygne* Pl. LXXVI. 7., *un autre enfant sur un dauphin* Pl. LXXVI. 9., *quelques masques de femmes en médaillon* (ce sont les masques de Méduse de la Pl. LXXV. 1. 5.), et autres petits objets qui avaient probablement été faits à l'occasion de la mort de la personne ensevelie dans ce tombeau, puis des statuettes en argile: Vénus, un Scythe à cheval poursuivant un lièvre Pl. LXIV. 2., une Fortune tenant le gouvernail, *Cérès avec la corne d'abondance* Pl. LXIX. 3. (le rapport de Mr. KAREISCHA ajoute «*et tenant une faucille*», la position de la main droite peut faire supposer que l'instrument est tombé), enfin une lampe (voir pour les autres détails les légendes du Plan C 6.).

En 1843, Mr. M. DE BLARAMBERG, chargé pendant l'absence de Mr. ASCHIZ de la conservation du Musée de Kertch, fit plusieurs découvertes intéressantes dont nous parlerons dans le cours de cet ouvrage. Pour le moment, nous mentionnerons quelques tombeaux qu'il explora dans divers tumulus situés à gauche du chemin qui mène à la Quigantaine.

Ces tombeaux étaient ou simplement creusés dans la terre vierge, sous le tumulus qui les recouvrait, ou construits en briques, et remplis d'ossements brûlés et de cendres, ou formés de dalles sciées en pierre tendre, comme celui de notre plan C 5. Dans ceux-ci se trouvaient des corps ensevelis, plusieurs dans des cercueils en bois de cyprès, ornés de marqueterie ou de figures de plâtre en relief.

Ces figures offraient des personnages dans des attitudes diverses, des enfants montés sur des cygnes¹, des masques de Méduse, etc. Ces plâtres avaient évidemment été appliqués sur des cercueils et en formaient comme la parure.

Le Musée de l'Ermitage² possède heureusement plusieurs planches de ces cercueils sur lesquelles on retrouve encore les traces de l'application des masques de Méduse de notre Pl. LXXV. 2. 4., dont les contours y avaient d'abord été indiqués au trait, et il est facile de se convaincre que, le masque fixé sur la place qui lui était destinée, on achevait cette ornementation du cercueil par des détails exécutés au pinceau, exprimant sur le bois, autour de ces masques, les extrémités des tresses des cheveux. Nous offrons Pl. LXXIV. 7. et LXXVI. 7. 8. plusieurs de ces figures en plâtre, qui se trouvent en assez bon nombre à l'Ermitage.

¹ Le rapport de Mr. DE BLARAMBERG est accompagné de quelques dessins des objets trouvés dans ces sépultures, comme, par exemple, la coupe en terre émaillée Pl. LXXVII. 6., des figurines en terre cuite semblables à celles des Pl. LXIV. 3. LXXIII. 2., une espèce de petite patère avec tête de Méduse dans le fond Pl. LXXIV. 6., la jolie tasse en verre Pl. LXXVII. 16., la petite phiole Pl. LXXVIII. 11., les bijoux en or Pl. XVIII. 23. et XXIV. 12. 17., un collier de perles en pâte, etc.

² Mr. KAREISCHA a constaté, en 1842, dans des tombeaux creusés dans la terre et recouverts de dalles (tumulus près du Jardin Public, à Kertch), la présence de cette espèce de figurine qui semblait avoir servi de parure à des cercueils d'enfants.

На другомъ рисункѣ Г. Блааамберга изображена гробница изъ мягкаго камня, сходная съ No. 5. плана С, въ которой былъ найденъ оставъ, обернутый въ саванъ и голова котораго покоилась на небольшой постилѣ изъ натуральныхъ лавровыхъ листьевъ. При раскрытіи гробницы оставъ и саванъ казались хорошо сохранившимися, но когда свѣжій воздухъ проникнулъ въ нее, то они распались въ прахъ; остались цѣлыми, какъ удостовѣряетъ Г. Блааамбергъ, только лавровые листья. Въ этой гробницѣ найдено нѣсколько незначительныхъ золотыхъ вещей и двѣ небольшія стилички у ногъ остава.

Судя по найденнымъ въ Керченскихъ курганахъ деревяннымъ гробамъ, ихъ должно быть тамъ довольно много, но они почти всегда оказывались либо сгнившими, либо разломанными. Намъ тѣмъ болѣе пріятно представить читателямъ нѣсколько памятниковъ сего рода, устоявшихъ въ теченіи слѣшкомъ двухъ тысячъ лѣтъ противъ разрушенія и довольно хорошо сохранившихся, особенно одна изъ нихъ, и тѣмъ самымъ служащихъ доказательствомъ того превосходства и той отчетливости работы, какими отличались деревянные подѣлки древнихъ, что впрочемъ уже извѣстно было изъ многихъ показаній классическихъ писателей ¹⁾.

Расшифывая курганъ, находившійся на землѣ чиновника Мирзы-Кевуцакаго ²⁾ (см. карту No. 1.), Г. Аппикъ, въ Январѣ 1839 г., нашелъ склепъ изъ тесаннаго камня съ египетскимъ сводомъ, въ который онъ провиѣлъ съ боку. По срединѣ этого склепа стоялъ большой гробъ изъ кипарисоваго дерева, имѣвшій видъ продолговатаго четырехугольника, гладкія стѣны котораго украшены были на каждой изъ продольныхъ сторонъ доскою, вставленною въ рамку изъ рѣзныхъ и вызолоченныхъ оловъ, и на которой изображены были по красному полю вызолоченныя группы гриффовъ, нападающихъ на разныхъ животныхъ. Доски этого гроба оказались въполнѣ сгнившими, но одна, къ счастью, еще довольно хорошо сохранилась и ее съ крайнею осторожностію успѣли доставить въ яамъ изъ Керчи вмѣстѣ съ частіцами вышесозначенныхъ группъ, сдѣланныхъ какъ будто изъ трута и которыя нынѣ хранятся подъ стекломъ въ залѣ Керченскихъ древностей въ Эрмитажѣ. По стилоу этихъ изваяній и по виду буквъ, начертанныхъ съ тѣмъ искусствомъ и тою силою, которые замѣчаются въ надписяхъ 4 вѣка до Р. Х., должно отнести ихъ къ этому блестящему времени греческаго искусства. (Смотри подробности въ описаніи Р. LXXXIV. 2*. 2*. 2*.)

Гробъ этотъ стоялъ на каменномъ помостѣ и содержалъ въ себѣ останки знаменитаго воина или другаго важнаго лица, что заключить должно изъ великолѣпнаго золотого оловяковаго вѣнка, которымъ было украшено чело (Р. IV. 2.). На указательномъ пальцѣ правой руки находилось прекрасное кольцо изъ цѣльнаго золота, представляющее четырехъ лежащихъ львовъ и помѣщенное на Р. XVIII. 6. Въ каждой рукѣ покойника было по связкѣ стрѣлъ, бронзовые наконечники которыхъ, числомъ свыше трехъ сотъ, совершенно хорошо сохранились. На нѣсколькихъ наконечникахъ и теперь еще видны слѣды позолоты (Р. XXVII. 16. 17., гдѣ показаны и остатки древа). У ногъ помѣщались: наса и бронзовая подошва (Р. XXVIII. 4. 8.), точильный камень и мечъ, лезвие котораго было совершенно заржавлено и разломано; но ручка меча (Р. XXVIII. 9.), покрытая листовъ золота, хорошо сохранилась. Кромѣ того найдена здѣсь глянцая амфора съ написаннымъ на ней именемъ Фазисцевъ, (которое находится также на амфорахъ, бывшихъ въ Кудъ-Обской гробницѣ) и прелестная раскрашенная ваза (Р. LVII.).

¹⁾ Знаменитый ящикъ Кипсеа, описанный Павзаніемъ, былъ изъ кедроваго дерева и украшенъ рельефными фигурами, сдѣланными изъ золота, слоновой кости и кедроваго дерева. Павзаній Ки. V. гл. 17—19.

²⁾ Въ цѣли холмовъ, въ которой найдена упомянутая здѣсь гробница, находится множество кургановъ, по видимому, весьма древнихъ.

Un autre dessin de Mr. DE BLARAMBERG est celui d'un tombeau en pierre tendre, semblable de forme à celui du Plan C 5., dans lequel il trouva un squelette enveloppé dans un linceul, la tête reposant sur une petite couche de lauriers naturels. A l'ouverture du tombeau, ce squelette et ce linceul paraissaient bien conservés; mais au contact de l'air, ils tombèrent en poussière; les feuilles de laurier seules restèrent entières, suivant le dire de Mr. DE BLARAMBERG. Il y avait dans ce tombeau quelques objets en or, de peu d'importance, et, aux pieds du mort, deux petites phioles en verre.

Les tumulus des environs de Kertch renferment beaucoup de cercueils en bois, à en juger par ceux qu'on a découverts; mais, presque toujours, à l'ouverture du tombeau qui les recèle, ils se trouvent ou pourris ou totalement brisés. Nous sommes d'autant plus heureux de pouvoir offrir à nos lecteurs quelques monuments de cette nature, qui ont résisté pendant plus de deux mille ans à la destruction, et qui sont assez bien conservés, l'un surtout, pour donner la preuve de la perfection que les anciens apportaient dans les travaux en bois, ce que nous savions du reste par bon nombre de passages des auteurs classiques¹.

En fouillant un tumulus situé sur la terre d'un employé du nom de Mirza-Kekouvatkhî² (voir la carte No. 1), Mr. ASCHE y découvrit, en janvier 1839, un caveau en pierres de taille, à voûte en assises, où il pénétra par un des côtés. Au milieu de ce caveau était un grand cercueil en bois de cyprès, de la forme d'un carré long, dont les parois unies étaient ornées, sur chacun des grands côtés, d'une planche enchâssée dans des bordures d'oves, sculptés et dorés, et offrant, sur fond rouge, des groupes dorés de griffons attaquant divers animaux. Les planches de ce cercueil étaient à moitié détruites; l'une, heureusement, était encore assez bien conservée, et on a pu, avec de grandes précautions, la faire venir de Kertch avec quelques restes de ces groupes, dont la consistance est presque celle de l'amadou, et qui sont conservés sous verre aujourd'hui dans la salle de Kertch, au Musée de l'Ermitage. Le style de ces sculptures et la forme des lettres, tracées avec la grâce et la vigueur employées au 4me siècle av. J. C., accusent cette belle époque de l'art grec (voir pour les autres détails les légendes de la Pl. LXXXIV. 2. a. b. c.).

Ce cercueil, qui était posé sur une estrade en pierres, renfermait les restes d'un guerrier de marque ou de quelque autre personnage important, à en juger par la magnifique couronne d'olivier en or qui ornait son front (Pl. IV. 2.). A l'index de la main droite était le bel anneau d'or massif, offrant quatre lions couchés, figuré Pl. XVIII. 6. On avait placé dans chaque main du défunt un paquet de flèches dont les pointes en bronze, au nombre de plus de trois cents, étaient parfaitement intactes; plusieurs présentent encore des restes de dorure (Pl. XXVII. 16. 17.), avec fragments du fût. Aux pieds étaient le casque et les enérides en bronze figurés Pl. XXVIII. 4. 8., une pierre à aiguiser, et un glaive dont la lame, tout oxydée, était en morceaux, mais dont la poignée recouverte d'une feuille d'or Pl. XXVII. 9., s'est conservée en bon état. On trouva en outre dans le tombeau une amphore en terre, avec une inscription offrant le nom de Thasos (qui se trouve sur les amphores du tombeau du Kouli-Oba), et le beau vase peint de la Pl. LVII.

¹ Le célèbre coffre de Cypselus, décrit par PAUSANIAS, était en bois de cèdre, et orné de figures en relief, exécutées en or et en ivoire ou en bois de cèdre. PAUSANIAS. Liv. V. chap. 17—19.

² La chaîne de collines sur laquelle se trouve ce tombeau, offre une très grande quantité de tumulus, qui paraissent appartenir tous à une époque fort ancienne.

Прекрасный стиль и совершенство исполнения, которые мы видимъ въ кѣлѣ, кольцѣ, каскѣ, поясахъ и вазахъ, указываютъ на то время, когда греческое искусство достигло высшей степени развитія, и поему мы относимъ всѣ сии предметы въ первую половину 4 вѣка до Р. X. Устройство склепа и его свода подтверждаютъ наше предположеніе. Что касается до самыхъ предметовъ, то трудно рѣшить, произведеніе ли они греческихъ художниковъ, жившихъ въ Пантикапее или были доставлены туда изъ Греціи путемъ торговли, которую сей городъ производилъ съ Аоніями и Малою Азією; но гробъ и украшавшія его изваянія группы никакъ не могли быть иностранными произведеніями. То или другое предположеніе можетъ быть допущено только относительно вѣка, вазы и оружія. Что же касается до ручки меча, то его стиль и нѣсколько варварская работа указываютъ на иное происхожденіе; это явно произведеніе туземнаго мастера и мы считаемъ эту гробницу могилу Греческаго поселенца, значительнаго жителя Пантикапеи, правительственнаго лица и вмѣстѣ съ тѣмъ воина, можетъ быть побѣдившаго княго ибуда Скивскаго вождя, у котораго онъ отнялъ мечъ, сохранившійся у побѣдителя и положенный посреди его смерти въ гробницу, въ видѣ побѣднаго трофея.

Разница, усматриваемая въ работѣ рукоятки меча противъ художественной отделки прочихъ вещей сей гробницы, доказываетъ одновременное существованіе въ одной и той же странѣ двухъ различныхъ народовъ и двухъ различныхъ цивилизацій, какъ это уже было нами замѣчено по поводу предметовъ, найденныхъ въ Куль-Обскомъ курганѣ.

Въ той же цѣпи холмовъ Г. Ашигъ производилъ въ 1839 г. раскопаніе большаго кургана, получившаго названіе Змѣиного, по множеству вѣдающихся тутъ змѣй (см. карту No. 1.) и въ которомъ онъ сдѣлалъ не менѣе важную находку.

Этотъ курганъ почти весь состоитъ изъ каменной, склепанныхъ съ землею и множествомъ черепковъ отъ глиняныхъ амфоръ. Въ немъ заключалась, на глубинѣ трехъ сажень съ половиною, плитовая гробница, въ которой найденъ прекрасный гробъ изъ кипарисоваго и тисоваго дерева; подробный рисунокъ съ него помѣщенъ на Р. LXXXI. 6. 7. и Р. LXXXII. По удостовѣренію Г. Ашига, гробъ распадался при малѣйшемъ прикосновеніи и потому многихъ частей его не достаетъ. Обломки сего гроба были перенесены въ Керченскій Музей, а оттуда съ большою осторожностію доставлены въ 1850 г. въ Эрмитажъ, гдѣ они были вновь собраны и утверждены (Части этого гроба хранятся въ большомъ стеклянномъ шкапу, вмѣстѣ съ гробомъ Царицы, найденнымъ въ Куль-Обскомъ курганѣ и другими драгоцѣнными обломками).

Мы видимъ въ этомъ гробѣ, вѣроятно, древнѣйшій въ свѣтѣ образецъ столярнаго мастерства и истинной деревянной работы, потому что прекрасный стиль украшеній гроба, особенно фигуръ (Р. LXXXII.), позволяетъ отнести его къ произведеніямъ четвертаго вѣка до Р. X., что, впрочемъ, подтверждается и вазою (Р. LXIII. 1. 2. 3.), найденною Г. Ашигомъ у ногъ совершенно истлѣвшаго остава, лежавшаго въ этомъ гробу.

Раскапывая въ 1842 г. курганъ въ осѣдствѣ съ Керченскимъ общественнымъ садомъ, Г. Карейша открылъ гробницу изъ толстыхъ плитъ, въ которой находился весьма малый гробъ изъ кипарисоваго дерева, украшенный столбиками съ алебастровыми подножками и капителями и разною живописью

* По удостовѣренію О. Б. Фишера кипарисъ достигаетъ на Южномъ берегу Крымскаго полуострова вышины отъ 5 до 6 сажень. На Кавказѣ есть нѣсколько родовъ кипарисоваго дерева. Можжевеловыя деревья достигаютъ на Уралѣ высоты отъ 20 до 25 футовъ.

La beauté du style et de l'exécution de la couronne, de l'anneau, du casque, des enénides et du vase peint, indiquent l'époque où l'art grec avait atteint sa perfection, et nous croyons ces objets contemporains de la première moitié du 4me siècle av. J. C. La nature du tombeau et sa construction en voûte par assises nous confirment dans cette opinion. Quant à ces objets, il n'est pas facile de déterminer s'ils sont le produit d'un artiste grec, qui se serait trouvé sur les lieux, ou si, provenant de la Grèce même, ils auraient été apportés par la voie du commerce que Panticapée entretenait avec Athènes et l'Asie-Mineure. Le cercueil, avec ses groupes sculptés, ne saurait être de provenance étrangère. L'une et l'autre hypothèse peuvent être admises pour la couronne, le vase et les armes. Quant à la poignée du glaive, son style et son exécution un peu barbare indiquent une autre origine; c'est l'oeuvre d'un artiste du pays, et nous sommes tenté de voir dans ce tombeau la sépulture d'un colon grec, personnage marquant de Panticapée, magistrat et guerrier, peut-être vainqueur de quelque chef scythe, auquel ce glaive aurait appartenu, et qui aurait été conservé d'abord, puis déposé dans ce tombeau, comme un trophée de victoire.

Dans le contraste qu'offre cette poignée de glaive avec les autres objets du tombeau, nous avons une preuve de l'existence simultanée dans le même pays de deux peuples distincts, de deux civilisations différentes, comme nous l'avons déjà dit à-propos des monuments du Koul-Oba.

C'est sur la même chaîne de collines que Mr. Aschik explorant, en 1839, un très grand tumulus, nommé par les habitants des lieux *Zmeinii Kourgane*, c'est-à-dire *Tumulus des Serpents* (voir la carte No. I), de la quantité de ces reptiles que l'on y trouve, fit une découverte non moins importante.

Le tumulus dont il s'agit est presque tout formé de pierres, mêlées à de la terre et à d'innombrables débris d'amphores en argile. Il renfermait, à une profondeur de trois saènes et demie, un tombeau en dalles qui contenait le magnifique cercueil en bois de cyprès et d'if dont nos planches LXXXI. 6. 7. et LXXXII. offrent l'ensemble et les détails. Beaucoup de pièces y manquent, car, suivant le rapport de Mr. Aschik, il tomba en morceaux au premier attouchement. Les débris en furent transportés au Musée de Kertch d'où, avec de grandes précautions, on a pu les faire arriver en 1850 à l'Ermitage où on les a réunis et consolidés. (Ils sont conservés dans une grande armoire en glaces, avec les débris du cercueil de la reine du Koul-Oba, et d'autres fragments précieux).

Ce cercueil est probablement le plus ancien travail de menuiserie et de marqueterie qui existe en ce genre au monde, car la beauté du style de ses ornements, celle surtout des figures de la planche LXXXII, permet d'en reporter l'époque au quatrième siècle av. J. C., ce que confirme d'ailleurs le vase peint de la planche LXIII. 1. 2. 3. que Mr. Aschik trouva aux pieds du squelette en poussière que renfermait le cercueil.

En fouillant un tumulus voisin du Jardin Public, à Kertch, Mr. Kareischa y découvrit, en 1842, un tombeau construit de grosses dalles, renfermant un très petit cercueil en bois de cyprès orné de petites colonnes, avec base et chapiteau en albâtre, et de dessins variés, peints en couleurs vives. Ce cercueil

* Le cyprès, sur la côte méridionale de la Crimée, atteint la hauteur de cinq à six saènes (30 à 40 pieds), suivant l'autorité de Mr. Fischer. Il y a dans les pays caucasiens plusieurs variétés de cyprès. — Les Monts Ourals offrent des genévriers de vingt à vingt-cinq pieds.

ярных цвѣтовъ. На гробу находился совершенно истлѣвшій покровъ и набросано было множество вызолоченныхъ бронзовыхъ бляхъ въ видѣ полулуній, подковъ и кружковъ. (Эти бляхи находятся въ Эрмитажѣ.)

Передъ гробомъ стоялъ треножникъ изъ кипарисоваго дерева, изображенный на Р. LXXXI, гдѣ подъ No. 4., значится фигура всего треножника, списанная съ рисунка Г. Карейши, а подъ No. 2. 3. 4. 5. тѣ части треножника, которыя донынѣ сохранились въ цѣлости. На этомъ треножникѣ были четыре стеклянныя флажки, находящіеся въ Эрмитажѣ.

Въ гробницѣ найдено, въ разныхъ мѣстахъ, двѣнадцать небольшихъ стеклянокъ темнаго цвѣта, изъ которыхъ проныжки, вѣроятно отъ мониста, небольшой мечъ съ короткимъ, совершенно заржавленнымъ, лезвиемъ; ножны этого меча были украшены золотою бляхою, сдѣланною жолобками и на которой еще сохранились гвозди, концы она была прирѣплена къ ножнамъ; головка же рукоятки была подобна помѣщенной на Р. XXVII. 8. Кроме того найдены тутъ украшения изъ весьма тонкихъ листовъ золота, которыя, кажется, были на перевязи меча. (Всѣ эти вещи находятся въ Эрмитажѣ.)

Г. Карейша удавался малоости этого гробика, разбиръ котораго не позволялъ предполагать, чтобы въ немъ находился человѣческій оставъ.

Недоумѣніе его разрѣшилось когда онъ нашелъ въ гробу подъ фиолетовымъ покровомъ, какъ бы изъ толстой шелковой матеріи, подбитой мехомъ, круглую урну съ серебряною крышкою, въ которой находились скелетныя кости, обернутыя въ шелковую ткань; между костями найдены были два браслета изъ цѣльнаго золота, еще третій золотой же браслетъ (Р. XIV. 2.), шейное кольцо (*sternutator perichthides*), перстень и двѣ поясныя пряжки изъ того же металла. Всѣ эти вещи, а равно урна и шелковая ткань находятся въ Эрмитажѣ, гдѣ сіе послѣднее сохраняется между двумя стеклышками.

Неподалеку отъ этой гробницы Г. Карейша открылъ другую, которая была вырыта въ материкѣ и покрыта плитамъ. Въ ней также былъ деревянный гробъ, довольно похожій на предыдущій, покрытый гипсовыми украшениями и вмѣщавшій въ себѣ оставъ женщины, у которой было на шеѣ ожерелье изъ шариковъ: двадцати одного катарнаго и одного мозаичнаго изъ пасты.* (Ожерелье сіе находится въ Эрмитажѣ). Кроме того здѣсь же найдены: обмывновенная глиняная ваза и бронзовое зеркало. Ни тотъ, ни другой гробъ не могли быть сохранены.

Г. Карейша въ рапортѣ своемъ весьма подробно описалъ эти двѣ гробницы и подтвердилъ намъ, въ 1848 году, всѣ вышеупомянутыя обстоятельства.

Значеніе, придаваемое въ древности кипарису при погребеніяхъ, сохранилось до нашего времени. И нынѣ еще кипарисъ, по его темной зелени, однообразно-пирамидальному росту и печальному виду, считается приличнымъ украшеніемъ кладбищъ. Дерево кипариса держится долго, какъ вообще большая часть смолистыхъ растений. Древніе считали его неподверженнымъ гніебѣ и мысль эта хорошо согласовалась съ понятіями религіи, по видимому допускавшей матеріальную жизнь за гробомъ. Кипарисъ былъ посвященъ богу смерти, потому что дерево это, однажды срубленное, не пускаетъ свѣжихъ отростковъ.

«Diti sacra et ideo funebri signo ad domos posita».

«Cupressi mortuorum domibus ponebantur ideo, quia hujus generis arbor excisa non renascitur, sicut ex mortuo nihil jam est sperandum, quam et ob causam in tueld Ditis patris esse putabatur».

* Плиній Книга XVI. 33.

† Paulus (комментаръ Фестуса). стр. 63 изд. Миллера.

était recouvert d'un drap mortuaire, réduit à l'état de poussière, et semé de plaques de bronze dorées, en forme de croissant, de fer à cheval, et de disque (elles sont à l'Ermitage).

Devant le cercueil se voyait le trépied en bois de cyprès, dont notre planche LXXXI. offre le dessin au pointillé (calqué sur un croquis de Mr. KARISCHA) et les débris qui seuls ont pu être conservés. Sur ce trépied étaient posés quatre flacons en verre, qui sont à l'Ermitage.

Dans divers endroits du tombeau, il y avait douze petites phioles en verre foncé, des perles de calcédoine, qui semblent provenir d'un collier, un petit glaive court, à lame tout oxydée, dont le fourreau était orné d'une plaque d'or cannelée, offrant encore les petits clous qui la fixaient au bord de la chape, et dont le pommeau était semblable à celui de notre planche XXVII. 8., et des ornements, en feuille d'or très mince, paraissant avoir appartenu au ceinturon de ce glaive (tous ces objets se trouvent à l'Ermitage).

La petite dimension de ce cercueil étonnait Mr. KARISCHA, ses proportions ne laissant pas admettre qu'il pût renfermer un squelette.

Sa surprise cessa lorsque, l'ayant ouvert, il y découvrit, sous une enveloppe de couleur violette, qui paraissait être en étoffe de soie épaisse, doublée de fourrure, une urne ronde, à couvercle en argent, qui contenait, dans un tissu d'étoffe de soie, des ossements brûlés, parmi lesquels se trouvaient deux bracelets d'or massif, un troisième bracelet, figuré Pl. XIV. 2., un anneau de cou (*σπερπετός πετραυχένος*), une bague et deux agrafes ou boucles de ceinture, également en or. Ces objets sont à l'Ermitage, ainsi que l'urne et des fragments de l'enveloppe et du tissu d'étoffe en soie; ces derniers sont fixés entre deux verres.

Près de ce tombeau, Mr. KARISCHA en découvrit un second, creusé dans la terre vierge et recouvert de dalles, renfermant un cercueil en bois, assez semblable au précédent, couvert d'ornements en plâtre, et contenant un squelette de femme, ayant au cou un collier de perles, dont vingt-huit d'ambre jaune et une en mosaïque de pâte (elles sont à l'Ermitage), un vase ordinaire en terre et un miroir en bronze. Ces deux cercueils n'ont pu être conservés.

Le rapport de Mr. KARISCHA sur ces deux sépultures est très circonstancié, et il nous en a expliqué tous les détails en 1848.

La signification mortuaire du cyprès est venue jusqu'à nous. Son feuillage sombre, sa forme pyramidale et monotone, son aspect désolé conviennent encore à la parure de nos cimetières. Ce bois est de longue durée, comme celui de la plupart des arbres résineux. Les anciens le croyaient incorruptible, et cette idée allait bien à un culte qui semblait admettre au-delà du tombeau, une vie encore matérielle. Ils l'avaient consacré au dieu des morts, parceque, sa tige une fois coupée, il ne s'en élève plus de nouvelles pousses :

Ditis sacra et ideo funebri signo ad domos posita.¹

Cupressi mortuorum domibus ponebantur ideo, quia hujus generis arbor excisa non renascitur, sicut ex mortuo jam nihil est sperandum; quam et ob causam in tutela Ditis patris esse putabatur.²

¹ PLIN.: lib. XVI. 33.

² PAULUS (compilateur de Festus). p. 63 éd. Müller.

Мы находимъ въ сочиненіяхъ классическихъ писателей много подробностей о значеніи, какое древніе придавали этому дереву. Когда въ домѣ кто нибудь умиралъ, то въ знакъ траура клали на пороги вѣтку кипариса, предвѣря такимъ образомъ, въ особенности жрецовъ, да не осквернятся видомъ мертвого:

«Romani moris fuit propter ceremonias sacrorum, quibus populus Romanus obstrictus erat, ut potissimum cupressus, quae excisa renasci non solet, in vestibulo mortui poneretur, ne quis imprudens funestam domum rem divinam facturum introeat et quasi ataminatus suscepta peragere non possit.»¹

Иракъ героевъ и воиновъ клали въ гробы изъ кипарисоваго дерева, чему мы выше видѣли примѣръ и кисты, на которыхъ сожигались ихъ тѣла, сооружались изъ кипариса.²

Вокругъ костра ставились кипарисовыя вѣтви, образовывавшія какъ бы ограду, что видно изъ Виргилія и слѣдующихъ строкъ Овидія:

*«Funeris ara mihi, ferati cincta cupresso,
Convenit et structis flamma parata rogis.»³*

Кипарисъ, кажется, употреблялся только при погребеніи богатыхъ людей:

«Et non plebeios luctus testata cupressus.»⁴

Мнѣніе о его негнѣніи заставляло древнихъ прибѣгать къ этому дереву еще и для другаго употребленія. Солоновыя законы были начертаны на кипарисовыхъ доскахъ, которыя были поставлены въ Афинскомъ акрополѣ на повертывавшихся столбахъ, дабы всякій могъ ихъ читать.

Въ Римѣ, со времени его существованія, находимъ въ храмѣ близъ Капитолія, статуя Веюса изъ кипарисоваго дерева.⁵

Сочиненія, считавшіяся достойными безсмертія, сохранялись въ ящикахъ изъ кипарисоваго дерева:

*..... speramus carmina fingi
Posse linenda cedro et levi servanda cupresso.»⁶*

Мы довольно подробно говорили о гробницахъ съ египетскимъ сводомъ, о земляныхъ, покрывавшихся плитами, о гробницахъ изъ плитоваго камня, о черепичныхъ и наконецъ о простыхъ пепельныхъ гробницахъ, какія до сего времени открываемы были въ Босфорскихъ курганахъ.

Въ гробницахъ съ египетскимъ сводомъ находили только слѣды схороненныхъ въ нихъ труповъ и, по нашему мнѣнію, гробницы сія должно относить къ періоду времени, объемлющему шестое, пятое и четвертое столѣтія до Р. Х.

Мы мимоходомъ упомянули о гробницахъ, высѣченныхъ въ скалѣ и открытыхъ Дюверксомъ на горѣ Опукъ, недалеко отъ найденныхъ имъ же въ Кермизъ-Келечинѣ развалинъ. Гробницы сія относятся, кажется, къ тому же времени, но должно подождать болѣе подробныхъ свѣдѣній, чтобы сказать о нихъ гробницахъ что нибудь положительное.

¹ Servius ad Virgilium. Aeneid. IV, 507.

² АЕНЕИД. IV. 506 и VI. 214, по поводу похоронъ Мизена.

³ Ovid.: Trist. III. 43. 21.

⁴ ЛУКАН.: Pharsal. III. 442.

⁵ См. планъ древняго Рима Квинны. Область. VIII. 37.

⁶ ОВАТ.: Ars poet. ст. 331. 332.

Les auteurs classiques sont remplis de détails sur la signification que les anciens donnaient à cet arbre. On en plaçait une branche sur le seuil de la maison où se trouvait un mort, en signe de deuil, et pour qu'un pontife, surtout, fût averti de ne point se souiller par la vue d'un cadavre :

«Romani moris fuit propter ceremonias sacrorum, quibus populus Romanus obstrictus erat, ut potissimum cupressus, quae excisa renasci non solet, in vestibulo mortui poneretur, ne quis imprudens funestam domum rem divinam facturum introeat et quasi altarinus suscepta peragere non possit.»¹

Les cendres des héros et des guerriers étaient renfermées dans des cercueils de cyprès; nous en avons constaté un exemple; et les bûchers destinés à consumer leurs corps étaient formés du bois de cet arbre.²

Des branches de cyprès formaient comme une enceinte autour du bûcher; ainsi que nous le voyons dans Virgile et dans un passage d'Ovide :

*«Funeris ara mihi, ferali cincta cupresso,
Convenit et structis flamma parata rogis.»³*

Ce n'était, il semble, que pour les funérailles des gens riches que le cyprès était employé :

«Et non plebeios luctus testata cupressus.»⁴

L'idée d'incorruptibilité attachée par les anciens à ce bois, le faisait encore rechercher pour une autre destination. Ce fut sur des tables de cyprès qu'on grava les lois de Solon; on les plaça dans la citadelle d'Athènes sur des poteaux tournants, afin que chacun pût les lire.

Il y avait à Rome, depuis la fondation de la ville, une statue de Vojovis en bois de cyprès; elle était dans un temple situé près du Capitole.⁵

Les ouvrages dignes de passer à l'immortalité étaient renfermés dans des cassettes de cyprès :

*..... speramus carmina fingi
Posse linenda cedro et levi servanda cupresso.»⁶*

Nous venons de parler, avec assez de détails, des tombeaux à voûte égyptienne ou en assises, des tombeaux creusés en terre et recouverts de dalles, des tombeaux en briques, et même des simples sépultures cinéraires que recèlent les tumulus du Bosphore explorés jusqu'à présent.

Dans les tombeaux à voûte en assises, nous ne voyons que la trace de corps ensevelis, nous croyons que ces sépultures appartiennent à une période qui embrasse les sixième, cinquième et quatrième siècles avant J. C.

Nous avons mentionné en passant des tombeaux creusés dans le roc, dont DUBRUX avait constaté l'existence à Opouk, et non loin des ruines découvertes par lui à Kerniche-Kéltchik, qui pourraient bien être d'une époque contemporaine à ceux en assises; mais il faut attendre d'autres renseignements pour en parler.

¹ SERVILIUS ad Virgilium. Aeneid. IV, 507.

² AENEID. IV. 508. et VI. 214. au sujet des funérailles de Misené.

³ OVID.: Trist. III. 13. 21.

⁴ LUCAN.: Pharsal. III. 442.

⁵ Voyez le Plan de Rome antique par CANINA. Région VIII. 37.

⁶ HORAT.: Ars Poet. v. 331. 332.

Въ земляныхъ, плитовыхъ и черепичныхъ гробницахъ мы встречаемъ въ одно и тоже время два рода погребенія. Въ тѣхъ же гробницахъ находили то пепель, то останы, что указываетъ не на двѣ различныя религіи, но на различныя обряды одной и той же религіи, допускавшей оба способа похоронъ, предоставлявшихся произволу, и изъ коихъ тотъ либо другой устанавливался въ нѣкоторыхъ семействахъ, можетъ быть преданіемъ, какъ это было въ Греціи и Италіи.

Въ семействахъ римскихъ патриціевъ прдерживались того либо другаго обычая погребенія, смотря по преданіямъ объ нихъ, сохранившимся въ семействахъ. Диктаторъ Силла былъ первымъ изъ фамиліи Корнелии, тѣло котораго было сожжено на кострѣ. Можетъ быть хотѣли предохранить оное отъ участи, постигшей останки Маріи, которая была выкопана и предана поруганію? Нельзя совершенно отбросить мысль, что мщеніе, сопряженнаго съ междоусобіемъ, могло имѣть вліяніе на это обстоятельство.

Впрочемъ, какъ и въ другихъ странахъ древняго міра, такъ и на берегахъ Понта Евксинскаго мы видимъ въ гробницахъ выраженіе понятія о другомъ матеріальномъ существованіи за гробомъ. Въ гробницахъ складывали драгоценныя украшенія, вазы, утварь и оружіе, принадлежавшія умершему. Въ Эрмитажѣ есть четыре костяныя трубки съ дырками на бокъ, которыя, можетъ быть, суть части флейты. Онѣ найдены въ 1842 г. Г. Карейшею въ Гавищѣ, въ гробницѣ, покрытой плитамъ и въ которой находились останы и нѣсколько вещей, въ томъ числѣ три хирургическихкихъ инструмента.

Въ дѣтскихъ гробницахъ находили маленькія кольца, носимыя дѣтми на рукѣ, игрушки, служившія имъ забавою и въ коимъ они имѣли большую привязанность. Таковой обычай сохранился въ началѣ и между Христіанами, какъ это доказываютъ многіе памятники.¹

Землянымъ, плитовымъ и черепичнымъ гробницамъ, по нашему мнѣнію, должно отнести къ періоду времени, простирающемуся отъ 4-го вѣка до Р. Х. до 4 вѣка Христіанскаго вѣтосчисленія.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о гробницахъ съ круглымъ сводомъ, обыкновенно называемымъ римскими.

Извѣстно, что изобрѣтеніе круглаго свода приписывается Римлянамъ; они, однако, можетъ быть только заимствовали его у Этрусковъ, если образцы этой постройки, найденныя въ Вольтеррѣ и упоминаемые въ *Museum Etruscum* позволяютъ сдѣлать такое заключеніе.²

Въ Римѣ древнѣйшій круглый сводъ встрѣчается въ *Cloaca maxima* (строеніе гораздо позднѣйшаго времени, чѣмъ тѣ, о которыхъ только-что было говорено); сооруженіе его приписываютъ Этрускимъ задолже въ правленіе Тарквинія Древняго.

По словамъ Сенеки, въ Греціи круглый сводъ изобрѣтенъ былъ Демокритомъ, умершимъ въ 4-й годъ 94-й Олимпіады (т. е. въ концѣ 5 столѣтія до Р. Х.) на 91-мъ году отъ рожденія:

«Democritus dicitur invenisse fornitem ut lapidum curvatura paulatim inclinatorum medio saxo alligaretur.»³

¹ Вольетти: Osservazioni sopra i cineteri de' SS. MM. стр. 496 и 500. Тутъ изданы рисунки разныхъ дѣтскихъ игрушекъ: Гл. XIV. Р. I. №. 1 и 2. Онѣ состоятъ въ купать въ слоеновой костюмъ съ подвижными членами, подобнымъ изображеннымъ на нашемъ Р. LXXIV. 8.

² Gori. Томъ III. Диссерт. 4, Гл. V, § 1. — 6. Р. 4. 5. 6.

³ Sen.: Ep. 90.

Dans les tombeaux en terre, en dalles, et en briques, nous constatons la présence simultanée des deux modes de sépulture. Les mêmes tombeaux recèlent tantôt des cendres, tantôt des squelettes, indices non de deux cultes différents, mais de coutumes différentes d'un même culte qui admettait l'un et l'autre mode de sépulture, facultatifs peut-être et traditionnels dans de certaines familles, comme en Grèce et en Italie.

Les familles de l'aristocratie romaine avaient adopté l'un et l'autre usage, suivant les traditions qu'elles conservaient. Le dictateur Sylla fut le premier membre de la famille Cornelia dont le corps fut réduit en cendres. Avait-on eu peut-être l'idée de soustraire sa dépouille au sort qu'avait eu celle de Marius dont le corps enseveli avait été exhumé et profané? Il n'est pas impossible que les vengeances des guerres civiles aient exercé de l'influence à ce sujet.

Sur les bords du Pont-Euxin du reste, comme ailleurs, les sépultures offrent cette idée de l'existence matérielle au-delà du tombeau. On confie à la terre les ornements précieux, les bijoux, les vases, les ustensiles, les instruments qui ont appartenu au défunt. Il y a à l'Ermitage quatre cylindres ou tuyaux en os ou en ivoire, percés de trous, qui pourraient bien être les débris d'une flûte. Ils ont été trouvés par Mr. KAREISCHA, en 1842, à Ghinistehe, dans un tombeau recouvert de dalles, qui renfermait un squelette et divers objets, parmi lesquels trois instruments de chirurgie.

Dans les sépultures des enfants on retrouve les petits anneaux d'or qu'ils avaient au doigt pendant leur vie, les joujoux qui les avaient amusés et qui leur étaient chers. Cette coutume existait encore aux premiers temps du christianisme; plusieurs monuments le prouvent.¹

Ces tombeaux en terre, en dalles, et en briques, nous paraissent comprendre une période qui va depuis le quatrième siècle av. J. C. jusqu'au premier siècle de l'ère chrétienne.

Nous dirons quelques mots maintenant des tombeaux à voûte cintrée, dite romaine.

La voûte cintrée passe, comme on le sait, pour une combinaison du génie romain, mais qui pourrait bien n'être qu'un emprunt fait aux Etrusques, si les exemples de construction de cette nature à Volterra cités dans le *Museum Etruscum*, sont concluants.²

A Rome, le premier exemple de la voûte cintrée se retrouve dans la *Cloaca maxima* (très postérieure aux constructions ci-dessus), attribuée à Tarquin-l'Ancien qui aurait employé des architectes étrusques.

En Grèce, la voûte cintrée aurait été, suivant un passage de Sénèque, une invention de Democritos, mort à l'âge de quatre-vingt-dix ans, la première année de la 94me olympiade, c'est-à-dire à la fin du cinquième siècle av. J. C.

*Democritus dicitur invenisse fornicem ut lapidum curvatura paulatim inclinatorum medio saxo alligaretur.*³

¹ BOLDETTI: Osservazioni sopra i cimiteri de' SS. MM. pag. 498 et 500, a publié les figures de différents jouets d'enfants. Les No. 1 et 2. de la 1re planche du ch. XIV. sont des figurines ou poupées articulées, en ivoire, semblables à celle de notre Pl. LXXIV. 8.

² GORI. Tom. III. Dissert. I. chap. V. § 1—6. Pl. 4. 5. 6.

³ SER.: Ep. 90.

Хотѣлъ ли Сенека, говоря *invenisse*, сказать, что Демокритъ изобрѣлъ круглый сводъ или же только, что онъ явля въ Грецію эту систему постройки, образчикъ которой мы видимъ въ Азияхъ въ таѣй называемой Башнѣ Ветроу? Этотъ вопросъ рѣшить довольно трудно.

Гробницы съ круглымъ сводомъ, находящіяся на бережьяхъ Босфора, явно принадлежатъ времени римскаго здѣсь владычества. Публикованная Г. Ашикомъ¹ гробница весьма важна въ отношеніи къ сему вопросу, потому что въ ней была найдена погребальная діадыма съ отгиснутымъ бронзовымъ медальономъ, изображающимъ Марка-Аврелія. (См. описаніе Р. III. 1).

Открытая Г. Карейшею въ 1832 г. гробница сего рода (см. надписи къ плану С. 7. 8. 9. 10.) къ сожалѣнію уже была обисана, почему въ нихъ и не найдено доказательствъ, какъ въ предшествующей гробницѣ. Мы, однако, помѣстили ихъ на нашемъ рисункѣ, желая представить образчикъ этого рода гробницъ, замѣтивъ при томъ, что онѣ имѣютъ ту особенность, что вмѣсто деревянныхъ гробовъ, вмѣщавшихся въ открытой Г. Ашикомъ гробницѣ, въ нихъ найдены были каменные гробы.

Намъ остается упомянуть о гробницахъ съ надписями и наконецъ о катаномбахъ.

Въ Эрмитажномъ Музѣе есть болѣе 30-ти надгробныхъ камней, покрытыхъ высѣченными въглубь надписями и рельефными изваяніями. Шесть изъ сихъ надписей уже изданы въ *Congrus Inscriptiophilum Graecarum*, но читатель найдетъ въ нашемъ изданіи 23 надписи, которыя еще не были публикованы въ этотъ ученый сборникъ.

Мы обыкновенно находимъ на надгробномъ камнѣ изображеніе и имя того, кто похороненъ въ могилѣ, обозначавшейся камнемъ. Иногда изображеніе это представляетъ воина верхомъ, съ короткимъ мечемъ у бедра и лугомъ на сѣдлѣ, сопровождаемаго однимъ, либо нѣсколькими служителями (см. на заглавномъ листѣ No. 10.); иногда это отецъ или мать, держаще за руку ребенка, похищеннаго смертію. На иныхъ камняхъ умершій изображенъ сидящимъ на одрѣ въ кругу членовъ семейства и предсѣдательствующимъ на пиру жертвѣхъ (тамъ же No. 11.). Эти изображенія, вообще довольно дурно сдѣланными и допускающія совершенный упадокъ искусства, не смотря на это весьма важны въ томъ отношеніи, что на нихъ видны покроя одежды со всѣми ея подробностями.

Почти всѣ таковыя надгробныя камни состоятъ изъ простой плиты отъ одного до двухъ аршинъ длиною и отъ двухъ до трехъ четвертей аршина шириною, съ изваяніями на верхнемъ концѣ, сдѣланнымъ обыкновенно въ видѣ фронтона небольшого храма. При разсмотрѣніи сихъ камней убѣждаешься, что нѣкоторые изъ нихъ взяты отъ древняго строенія, что также обличаетъ эпоху упадка искусства,—эпоху, въ которую, подобно какъ въ Римѣ при Константинѣ, разрушали древніе памятники, чтобы изъ нихъ строить новыя. Изъ находящихся въ Эрмитажѣ камней, одинъ (No. 27. Керченскаго зала и No. 54. надписей) есть обломокъ фриза Дорическаго ордена, послужившій потомъ для груднаго изображенія женщины; другой (No. 32. зала и No. 29. надписей) обломокъ мраморнаго карниза Ионическаго ордена, на которомъ сохранились дактилы, составлявшие украшеніе карниза.

На сихъ камняхъ нѣтъ ни одной надписи, которая была бы древнѣе третьяго или втораго вѣка послѣ Р. X., большая часть изъ 3-го или 4-го столѣтій. Судя по виду камней, расположенію изваяній и

¹ Воспорское Царство. Т. II. Р. VI.

Le mot *invenisse* dont se sert SÉNÉQUE, signifie-t-il que ce Démocrite était l'inventeur ou seulement l'introducteur de ce système de construction, dont un exemple se rencontre à Athènes dans le monument connu sous le nom de la Tour des Vents? C'est une question qu'il n'est pas facile de résoudre.

Sur les rives du Bosphore, les tombeaux à voûte cintrée sont évidemment de l'époque romaine, et la découverte de celui dont Mr. ASCHIK a publié le dessin¹ est une très précieuse indication, puisque ce tombeau renfermait un diadème funéraire, orné de l'empreinte d'un médaillon en bronze, au type de Marc-Aurèle. (Voir les légendes de notre planche III. 1.).

Les tombeaux de cette espèce que Mr. KARISCHA découvrit en 1832 (voir les légendes de notre Plan C, 7. 8. 9. 10.), s'étant trouvés malheureusement fouillés et dévastés, n'ont pas offert des preuves convaincantes comme celui de Mr. ASCHIK. Nous les publions dans notre oeuvre, pour avoir à offrir un specimen de ce genre de tombeau, en faisant remarquer qu'ils présentent cette différence, qu'au lieu des cercueils en bois que contenait le tombeau publié par Mr. ASCHIK, ils renfermaient des cercueils en pierre.

Il nous reste à parler des tombeaux à inscription et enfin des catacombes.

Le Musée de l'Ermitage possède plus de trente pierres tumulaires, presque toutes chargées d'inscriptions taillées en creux, et de figures sculptées en relief. Six de ces inscriptions ont déjà été publiées dans le Corpus Inscriptionum Graecarum. Nous en mentionnons vingt-trois qui ne le sont pas encore dans ce savant recueil.

Ces pierres offrent, ordinairement, la figure et le nom du personnage dont le corps ou les cendres étaient enfermés dans le tombeau dont la pierre marquait la place. Quelquefois c'est un guerrier à cheval, suivi d'un ou de plusieurs serviteurs (No. 10 de notre Frontispice), son glaive court au côté, son arc et son corymb suspendus à sa selle; un père ou une mère tenant par la main l'enfant qui leur a été ravi par le trépas. Quelquefois le défunt est représenté assis sur un lit, entouré des personnes de sa famille, et présidant au banquet des morts (No. 11 de notre Frontispice). Ces figures, d'une exécution très médiocre en général, et qui accusent la décadence de l'art, sont néanmoins précieuses, en ce qu'elles offrent la coupe et les détails du vêtement du personnage.

La plupart de ces pierres tumulaires sont une simple dalle, de une à deux archines de longueur, sur une demi à trois quarts d'archine de largeur, sculptée à la partie supérieure, qui simule d'ordinaire le fronton d'un petit temple. Il est évident par l'inspection de ces pierres, que l'on en cherchait quelquefois la matière dans un bloc qui n'était qu'un débris d'architecture de quelque monument ancien, autre indice d'une époque de décadence où, comme à Rome, au temps de Constantin, on dépouillait d'anciens monuments, pour en construire de nouveaux. Il y a à l'Ermitage deux de ces pierres dont l'une (No. 27 de la salle de Kertch et No. 54 de nos Inscriptions) est le fragment d'une frise, d'ordre dorique, où l'on a sculpté un buste de femme, et l'autre (c'est le No. 32 de la salle de Kertch et le No. 29 de nos Inscriptions) un fragment de corniche en marbre, d'ordre ionique, offrant encore le larmier denticulaire qui en composait l'ornement.

Ces pierres tumulaires n'offrent pas d'inscription qui remonte au-delà du troisième ou du second siècle après J. C.; la plupart sont du troisième ou du quatrième. Par leur forme et leur disposition, par

¹ Воспёрское Царство. 2^d volume Pl. VI.

надписей и тесному выстupu из нижней их части, ясно, что они утверждались стоймя на пороге гробницы, состоявшем из каменного помоста.¹

Мы видим тутъ совершенно иной родъ гробницъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорили доселѣ. Последнія были скрыты въ курганахъ, возвышавшихся надъ ними, — эти напротивъ того, и по своему устройству и по надписямъ, должны были не скрывать, а обозначать мѣсто, гдѣ повоиасъ усопшій. Посему онѣ принадлежать уже такому времени, когда обычай измѣнился. Правда, что надгробные камни часто находимы были довольно глубоко зарытыми въ курганы; но это только доказываетъ, что въ эпоху, которую опредѣлить мы не можемъ, они были повалены руками нечестивцевъ, можетъ быть, ханниковъ, которые, подобно искателямъ *некрокоринѳей* (см. ниже), разрывали гробницы, дабы извлечь изъ нихъ драгоценности.

Князь Г. Карейшею, такъ и Г. Ашикомъ вырыто довольно много этихъ надгробныхъ камней въ разныхъ мѣстахъ окрестностей Керчи.

Г. Карейша нашелъ въ 1840 году, разрывая курганъ близъ Карантиннаго шоссе, камень съ надписью, изданною въ *Corpus Inscriptionum Graecarum*¹. Онъ говорить въ своемъ рапортѣ: «что камень лежалъ между другими, разбросанными въ беспорядкѣ»; изъ чего видно, что курганъ, на вершинѣ или скатѣ котораго онъ былъ поставленъ, уже былъ обысканъ.

Нодалеко отъ этой гробницы была найдена прелестная серьга, представляющая Петаса (Р. VII. 2.).

Въ 1840 г. онъ же отрылъ въ курганѣ, соедѣненъ съ Карантиннымъ шоссе, камень съ изображеніемъ стоящаго челоуѣка въ мантии и со святомъ въ рукѣ; подлѣ челоуѣка стоитъ ребенокъ. На камнѣ надпись *ΣΑΒΩΝ ΣΤΕΦΑΝΟΥ* и т. д.². Этотъ камень, кажется, принадлежалъ гробницѣ, въ которой были кости. Она также уже была обыскана прежде, какъ и другая гробница, которой принадлежалъ камень съ изображенными на немъ двумя всадниками и слѣдующею надписью, вѣроятно, ошибочно списанною: *ΣΤΕΦΑΝΟΥ ΥΙΕ (можетъ быть ΣΤΕΦΑΝΕ ΥΙΕ) ΤΟΥ ΣΩΣΑΝΔΡΟΥ ΧΑΙΡΕ*. Эта вторая гробница находилась въ курганѣ, бывшемъ близъ Адеи-Мушная и сѣбною съ тѣмъ курганомъ, въ которомъ были найдены прелестныя серьги, помѣщенные на Р. VII. 11. 41*. Стѣла этихъ украшеній, кажется, указываетъ на третіе столѣтіе до Р. X., тогда какъ стѣла надписи на надгробномъ камнѣ, по видимому, относится ко второму или третьему столѣтію по Р. X. Посему можно предположить, что въ курганахъ, въ которыхъ уже находились древнія гробницы, устраивали, по простѣтніи нѣсколькихъ столѣтій, новыя гробницы, носившія на себѣ печать нѣаго времени и совершенно другихъ нравовъ.

Изъ многихъ примѣровъ видно, что одни и тѣже древніе памятники, въ особенности надгробные, употреблялись по нѣсколькы разъ для совершенно разныхъ лицъ, (см. No. 27 нашихъ камней съ надписями)³.

Достоверно, что курганы окрестности Керчи уже прежде были обыскиваемы, и конечно въ давнее время, но когда именно, сказать трудно.

¹ No. 2100. с.

² *Corpus Inscr. Graec.* No. 2113. с.

³ Въ Ашикѣ есть (Stoa, No. 3576.) надгробный памятникъ съ тремя надписями, принадлежавшими разнымъ людямъ и въ которыхъ упоминается о трехъ лицахъ, другъ по имени Антидоръ и одному по имени Аристотель. (Примѣч. Г. Стѣпану).

la saillie taillée qu'elles présentent dans leur partie inférieure, il est bien évident qu'elles étaient posées debout, encastrées dans un pavé en dalles qui formait le seuil du tombeau dont elles marquaient l'entrée.

Le caractère de ces sépultures est tout autre. Celles dont nous avons parlé jusqu'à présent, étaient cachées dans la profondeur du tumulus qui les recouvrait. Celles-ci au contraire, et par le mode de leur construction et par les inscriptions qu'elles présentent, étaient destinées, non à masquer, mais à indiquer le lieu où reposait le mort. Elles appartiennent donc à des temps où les mœurs avaient changé. On retrouve souvent, il est vrai, ces pierres enfouies à une certaine profondeur dans la terre du tumulus; mais cela veut dire qu'à une époque que nous ne saurions déterminer, elles ont été renversées par des mains profanes, peut-être par celles des explorateurs qui, comme les chercheurs de *necrocorinthia* dont nous parlerons un peu plus loin, fouillaient les tombeaux, pour en retirer les objets précieux qu'ils renfermaient.

Mr. KARREISCHA et Mr. ASCHIK ont exhumé un assez grand nombre de ces pierres tumulaires, dans différentes localités des environs de Kertch.

Le premier, en explorant, en 1840, un tumulus près de la chaussée de la Quarantaine, trouva celle qui porte l'inscription publiée dans le *Corpus Inscriptionum Graecarum*¹. Il dit nommément dans son rapport *«qu'elle était parmi quelques pierres jetées pêle-mêle,»* indiquant ainsi une sépulture bouleversée dans un tumulus, au sommet ou sur le penchant duquel cette dalle était posée.

Le charmant pendant d'oreille ayant pour motif un Pégase Pl. VII. 2. a été trouvé non loin de cette sépulture.

La dalle offrant un homme debout, couvert d'un manteau et un rouleau à la main, ayant son enfant auprès de lui, avec l'inscription $\Sigma\text{ΑΒΒΙΩΝ ΣΤΕΦΑΝΟΥ}$, etc.², a été trouvée par le même, en 1840, dans un autre tumulus voisin de la chaussée de la Quarantaine. Elle paraît avoir appartenu à un tombeau qui renfermait des ossements. Ce tombeau avait été exploré, ainsi que celui auquel appartenait une dalle offrant deux hommes à cheval avec l'inscription, mal copiée probablement, $\text{CTΕΘΑΝΝΟΥ ΥΙΕ (peut-être CTΕΦΑΝΕ ΥΙΕ) ΤΟΥ ΣΩΣΑΝΔΡΟΥ ΧΑΙΡΕ}$. Ce dernier tombeau était dans un tumulus situé près de Hadji-Mouschkaï, voisin de celui où les magnifiques pendants d'oreilles de la Planche VII. 11. 11. a. ont été trouvés. Ces bijoux semblent par leur style indiquer le troisième siècle av. J. C.; la pierre tumulaire par le style de l'inscription, paraît se rapporter au second ou au troisième siècle après J. C.; on peut donc admettre que des tumulus recelant des sépultures antiques, auraient été choisis, après bien des siècles d'intervalle, pour placer d'autres sépultures appartenant à des temps et à des mœurs tout différents.

Il y a beaucoup d'exemples de monuments anciens, surtout funéraires, ayant servi plusieurs fois pour des personnages divers (voyez le No. 27 de nos pierres à inscriptions)³.

Il est constaté que les tumulus des environs de Kertch ont été fouillés, à une époque qui est sans doute reculée, mais que l'on ne saurait bien déterminer.

¹ *Corpus Inscr. Graec.* No. 2110. c.

² *Ibid.* No. 2113. c.

³ On voit à Athènes (Stoa No. 3576) un monument funéraire portant trois inscriptions d'époques différentes, mentionnant trois personnages, deux du nom d'Artemidoros, un de celui d'Aristotèles. (Note de Mr. STREPHANI).

Лица, на которых было возложено раскапывание курганов, въ донесениях своих, испытываясь у нять под рукою, часто выражают сомнѣніе и даже досаду, которую они чувствовали, когда случалось, что послѣ нѣсколькихъ дней трудной работы, употребленной на разрываніе кургана, обшарили многое, они находили въ немъ уже обысканную и лишенную всѣхъ своихъ памятниковъ гробницу.

Случай эти были такъ часты, что большую часть Керченскихъ кургановъ должно отнести къ числу обысканныхъ уже въ прежнее время. Нельзя предположить, чтобы это дѣлалось съ археологическою цѣлью, напротивъ того, можно приписать это любопытству;— но чѣму? Въ Керчи, Феодосіи и другихъ мѣстахъ Крыма вообще обвиняють Генуэзцевъ въ разхищеніи гробницъ. Но намъ неизвѣстно на чѣмъ именно основывается такое обвиненіе.

Заблужденность, съ какою древніе притали или правды спривали гробницамъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, уже доказываетъ предосторожность, основанную на недовѣрчивости. Известно, какъ искусно Египтяне скрывали свои гробницы и какъ хитро въ некрополисахъ, какъ напр. въ Омвахъ ¹, доступъ къ гробницамъ былъ заграживаемъ отъ нечестивцевъ. Уже въ самое давнее время обычай зарывать въ землю мѣстѣ съ усопшими драгоценныя вещи, долженъ былъ возбуждать жажду къ стяжанію, и потому уваженіе къ праху умершихъ часто было нарушаемо, особенно въ эпоху войнъ и грабежа.

По взятіи и разрушеніи Римлянами Коринѣа, принявшаго сторону Филиппа и Персея, всѣ памятники этого города были разрушены. При Юліи-Кесарѣ оны были вновь населены вольноотпущенными. Страбонъ рассказываетъ по сему случаю слѣдующее:

Шаръ въ развалинахъ и разрывая гробницы, эти новые поселенцы находили въ нихъ мною глиняныя и бронзовыя вазы, покрытыя рельефными изображеніями. Пораженіе изыщевствомъ этихъ вещей, они, при разысканіяхъ своихъ, не находили ни одной гробницы и набрали большое количество вазъ, которыя продавали всякому дорожному, находили Римъ некрополисами; такъ называли эти извлеченные изъ гробницъ предметы, преимущественно же вещи изъ сжеженной глны ².

Упомянемъ кстати объ одномъ любопытномъ обстоятельстве, которое усмотрѣно было Г. Багичевымъ въ 1847 г. при раскапываніи кургана, находившагося близъ Феодосійской дороги, къ ЮЗ. отъ Митридатовой горы. Этотъ курганъ, имѣвшій 4 сажени вышины, вмѣщалъ въ себя двѣ гробницы съ слѣдами костра. Въ пещѣ найдено нѣсколько сломанныхъ вещей, между прочимъ раскрашенная ваза съ изображеніемъ боя Амазонокъ съ грифомъ (Р. LVIII. 1. 2.). Вокругъ центра кургана Г. Багичевъ открылъ родъ *тоннеля*, имѣвшаго въ ширину $\frac{3}{4}$ сажени, въ вышину $1\frac{1}{2}$ сажени, а въ длину двѣ сажени, шедшаго въ виду какъ галерея мины, и въ которомъ погребены были два человѣчeskіе остава *стола*.

На первомъ оставѣ, находившемся у входа, т. е. въ верхней части этой галереи, былъ у пояса зажатый мечъ, а подлѣ его пятьдесятъ четыре бронзовыя медали Царя Еменелъ, вмѣстѣ скопанные, какъ будто онѣ находились прежде въ мѣшкѣ. У ногъ остава найдены заржавленные заступы. Другой оставъ находился въ нижнемъ концѣ этого прохода, нѣсколько опрокинутымъ назадъ, въ положеніи человека какъ бы раздавленного обрушившеюся землею. У лѣваго бока его найдены короткій мечъ и пряжки отъ пояса, у ногъ лопата; все это было изъѣдено ржавчиною. Полагать должно, что остава сіи принадлежали разрывателямъ гробницъ, которые наступили на смерть при самомъ хищеніи.

¹ Веллонт: Voyages en Egypte et en Nubie. Т. I. стр. 373 и слѣд. Переводъ Дюпинага.

² Страбонъ. Книга VIII.

En consultant les nombreux rapports que nous avons en mains, nous y avons souvent relevé l'expression du désappointement, quelquefois amer, qu'éprouvaient les explorateurs, lorsqu'après plusieurs journées de labeur et de fatigue, dans la fouille d'un tumulus qui promettait, ils finissaient par y découvrir une sépulture déjà visitée et veuve de tout ce qu'elle avait dû renfermer d'objets précieux.

Cette circonstance s'est reproduite si fréquemment, que l'on peut en déduire ce fait que la majeure partie de ces tumulus a été explorée. Il n'est pas à présumer que ce fût dans un but archéologique, et il faut plutôt y voir les traces de la cupidité; — mais de qui? C'est une opinion généralement répandue à Kertch, à Théodosie et ailleurs en Crimée, que les Génois ont spoliés ces sépultures. Nous ignorons sur quel fondement repose cette accusation.

Ce qui est sûr, c'est que le soin même avec lequel on les trouve cachées ou plutôt dissimulées (nous parlons des anciennes), tantôt à une place, tantôt à une autre, indique une précaution dictée par la méfiance. On sait avec quelle habileté les Égyptiens dissimulaient leurs sépultures, et de quelle manière ingénieuse dans leurs nécropoles, à Thèbes par exemple¹, la voie était fermée aux profanateurs. L'usage d'ensevelir des objets précieux avec les morts dut éveiller la cupidité, dès les temps les plus anciens, et le respect pour leurs cendres fut souvent violé, surtout à des époques de conquête et de dévastation.

Corinthe prise et ruinée par les Romains, pour avoir épousé la cause de Philippe et de Persée, vit tous ses monuments dévastés. Sous Jules-César elle fut repeuplée par des affranchis. Strabon raconte ce qui suit à ce sujet:

Ces nouveaux habitants remuant les ruines et creusant des tombeaux, y trouvaient beaucoup de vases de terre cuite et de bronze chargés de reliefs. Frappés de la beauté de ces ouvrages, ils ne laissèrent aucun tombeau sans le fouiller, de sorte qu'ayant rassemblé grand nombre de ces vases, et les vendant fort cher, ils remplirent Rome de necrocorinthia; c'était le nom qu'on donnait à ces ouvrages tirés des tombeaux, surtout à ceux de terre cuite².

Nous rapporterons ici un fait curieux que Mr. BEGUITCHEFF a constaté, en 1847, dans un tumulus situé au S. O. du Mont Mithridate, près de la route de Théodosie. Ce tumulus, de quatre sagènes de hauteur, renfermait deux sépultures avec des traces de bâcher. Plusieurs objets brisés se trouvèrent dans les cendres, entr'autres un vase peint, offrant le combat d'une Amazone contre un griffon Pl. LVIII. 1. 2. Plus près du centre du tumulus, Mr. BEGUITCHEFF rencontra une espèce de tunnel, de deux archines et demie de largeur, d'une et demie de hauteur, sur une longueur de deux sagènes, qui allait en descendant, comme une galerie de mine, et où se trouvaient enfouis deux squelettes *debout*.

Le premier, placé à l'entrée, c'est-à-dire à la partie supérieure de cette galerie, avait à la ceinture un glaive oxydé et, près de lui, cinquante quatre médailles en bronze, formant une masse, comme si elles avaient été contenues dans une poche; elles étaient au type du roi Eumèle. Aux pieds du squelette était une pelle oxydée. Au bas du passage était le second squelette, un peu renversé en arrière, dans l'attitude d'un homme qui aurait fléchi sous la pression d'un éboulement subit. À son côté gauche était un glaive court avec des boucles de ceinturon; à ses pieds se trouvait une bêche; ces objets étaient oxydés. Il est à présumer par leur attitude, que ces squelettes étaient ceux de profanateurs de tombeaux, qui avaient trouvé la mort dans la perpétration de leur oeuvre.

¹ BELZONI: Voyages en Egypte et en Nubie. Tome 1er page 373 et suiv. traduction de DRIPPING.

² STRABON. Livre VIII. page 264 du tome III de la traduction de CORAY.

Другое исключительное обстоятельство встрѣилось Г. Карейшу въ 1846 г. Въ одной гробницѣ, въ окрестности Керчи, онъ нашелъ двухъ покойниковъ: *мужчину*, лежащаго въ томъ положеніи, въ какомъ обыкновенно кладутъ мертвыхъ, и завернутаго въ шерстяную и нитяную одежды, части которыхъ удалось сохранить между двумя стенками (эти части находятся нынѣ въ Эрмитажѣ), и во вторыхъ *женщину*, *лежащую бокомъ на мужчине*, немного поджавши колѣна, какъ-бы уснувшую у него на груди. Остатъ этой женщины былъ завернутъ въ покровъ, совершенно истлѣвшій саванъ. На головахъ обоехъ оставовъ находились лавровые вѣнки, неизменно тонкіе листья которыхъ доказываютъ, что вѣнки были томо погребальными украшениями (Листочки эти хранятся въ Эрмитажѣ вмѣстѣ съ другими тонкими и длинными золотыми листочками и такими же небольшими бляхами, бывшими, кажется, въ видѣ украшенія на одеждѣ мужчинъ). Снаружи гробницы, на порогѣ, найдена совершенно новая глиняная лампада, еще не бывшая въ употребленіи и которая, вѣроятно, была сдѣлана въ похоронахъ этихъ двухъ лицъ. На сей лампѣ, также находящейся въ Эрмитажѣ, рельефо изображена женщина, скорчившаяся на лежащемъ мужчинѣ и обѣ эти фигуры находятся болѣе чѣмъ въ эротическомъ положеніи. Не видимъ ли мы здѣсь любовницу богатаго и могущественнаго человека, умерщвленную на его могилѣ и положенную съ нимъ вмѣстѣ въ гробницу, въ слѣдствіе вѣрованія древнихъ въ продолженіе матеріальной жизни за гробомъ.

До сихъ поръ мы встрѣчали въ сихъ гробницахъ все, кромѣ человека, похороненнаго въ *летаргическомъ* снѣ.

Въ 1843 году Г. Карейша открылъ въ курганѣ близъ Колч-Таша (см. карту No. 2.) гробницу изъ плита, данною въ сажень, шириною и глубиною въ два аршина. Въ ней было три остава: вправо оставъ мужчины, а влѣво женщины, находившіеся въ естественномъ положеніи; третій же, между ними, былъ совершенно скорчившись: бедренныя кости выдернуты выше головы, лѣвая рука протянута надъ первымъ оставомъ, туловище перевернуто; все это указывало на конвульсивныя напряжения. Ясно, что покойникъ очутился въ могилѣ и въ предсмертныхъ движеніяхъ своихъ онъ повалилъ красивую раскрашенную амфору, при чемъ одна ручка отбилась и крышка повалилась въ стѣнѣ гробницы. На рукахъ этого остава были золотыя запястья.

У головы женщины находились двѣ небольшія статуи изъ сжевой глины (Р. LXIX. 9.); у ногъ ея бронзовое зеркало съ деревянною ручкою, нѣсколько патеръ и двѣ небольшія глиняныя раскрашенныя вазы такой же формы, какъ помѣщенная на Р. LVIII. 6. 7., но меньшаго размѣра. (Вазы сии находятся въ Эрмитажѣ).

На правой сторонѣ отъ мужчины найдены: алебастровый сосудъ и небольшая глиняная ваза о двухъ ручкахъ.

У насъ есть подробный рисунокъ этой гробницы и всѣ особенныя обстоятельства, замѣченныя при открытіи ея, объяснены нами Г. Карейшею въ 1848 г.

Единственное предположеніе, какое можно допустить въ отношеніи къ третьему покойнику, есть, какъ намъ кажется, то, что онъ былъ скороненъ въ *летаргическомъ* снѣ. Правда, что мы находимъ въ древности нѣсколько примѣровъ умерщвленія рабовъ и служителей, которыхъ погребали въ гробницѣ

Comme exemple d'une sépulture tout exceptionnelle, nous mentionnerons maintenant la singulière découverte que Mr. KAREISCHA fit, en 1846, dans un tombeau des environs de Kertch, de deux squelettes, le premier d'un *homme*, couché dans l'attitude naturelle donnée aux morts, enveloppé dans des vêtements de laine et de lin dont Mr. KAREISCHA parvint à conserver quelques fragments, en les fixant entre deux morceaux de verre (ces fragments sont au Musée de l'Ermitage); le second d'une *femme, couchée de côté sur l'homme*, les genoux un peu repliés, dans l'attitude d'une personne endormie sur le sein d'une autre. Ce second squelette était enveloppé d'un linceul de cuir qui était tout décomposé. Les deux cadavres avaient la tête ornée de couronnes de laurier en or, dont les feuilles très-minces prouvent que ces couronnes n'étaient que des ornements funéraires (ces feuilles se trouvent à l'Ermitage, ainsi que d'autres feuilles, minces et longues, et de petites plaques d'or qui paraissaient avoir orné les vêtements de l'homme). En dehors, et sur le seuil du tombeau, était une lampe en terre, toute neuve de fabrication, n'ayant jamais servi, et que l'on pouvait croire avoir été fabriquée pour le jour des funérailles des deux personnages que renfermait ce tombeau. Cette lampe, qui est à l'Ermitage, offre en relief la figure d'une femme accroupie sur un homme couché, tous deux dans une attitude plus qu'érotique. — Était-ce, par suite de cette croyance à une vie matérielle au-delà du tombeau, la favorite bien aimée d'un homme riche et puissant, qui avait été mise à mort après le décès de cet homme, et placée dans son tombeau dans l'attitude décrite?

Tout s'est retrouvé dans ces sépultures, jusqu'à l'exemple d'un corps enseveli dans un état de *léthargie*.

En 1843, Mr. KAREISCHA découvrit dans un tumulus, près de Kop-Takil (voir la carte No. 2), un tombeau en dalles, de la longueur d'une sagène, sur deux arches de largeur et autant de profondeur. Ce tombeau renfermait trois squelettes; l'un d'homme, à droite, l'autre de femme, à gauche, étaient dans leur position naturelle; le troisième, au milieu, était dans une attitude toute contractée; les fémurs repliés par dessus la tête, le bras gauche étendu par dessus le premier squelette, la position retournée du corps, tout indiquait une lutte convulsive. Le mort s'était réveillé, et, dans les mouvements de son agonie, avait renversé une jolie amphore peinte dont une anse était cassée, et dont le couvercle avait roulé contre une des parois du tombeau. Ce squelette avait aux bras des bracelets en bronze.

Il y avait à la tête du squelette de la femme, deux figurines assises en terre (cité Pl. LXIX. 9., et aux pieds un miroir en bronze avec un manche en bois, quelques patères et deux petits vases pointus en argile, de la forme de celui de notre planche LVIII. 6. 7., mais plus petits (ils sont à l'Ermitage).

Au côté droit du squelette d'homme, se trouvaient un *alabastrum* et un petit vase en argile, à deux anses.

Nous avons sous les yeux le dessin de ce tombeau, avec l'indication exacte de tous ces détails dont Mr. KAREISCHA nous a expliqué toutes les particularités, en 1848.

La supposition d'un corps enseveli en *léthargie* nous semble la seule qu'on puisse admettre. Il y a bien des exemples dans l'antiquité d'esclaves et de serviteurs que l'on mettait à mort, pour faire cortège dans la tombe à leur maître; et dans l'histoire romaine, il est fait mention de l'usage horrible d'enterrer

ихъ властелина, а въ Римской Исторіи упоминается объ ужасномъ обычаѣ заживо хоронить людей во время нѣкоторыхъ народныхъ бѣдствій¹; но въ настоящемъ случаѣ нельзя предположить ни того, ни другаго обстоятельства.

Мы рассмотримъ такимъ образомъ различные роды Босфорскихъ гробницъ, о которыхъ мы имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія. Повторимъ сказанное вкратцѣ:

Гробницы съ египетскими сводами, въ которыхъ были находимы только ослы, относятся по времени сооруженія къ 4-му, 5-му и 6-му столѣтіямъ до Р. Х.

Гробницы, вырытыя въ землю и закрытыя плитами, гробницы изъ плитъ или черепицы, и тѣ и другія заключающія въ себѣ ослы или пещеры, простыя пещерныя гробницы, означающія мѣсто, гдѣ былъ костеръ, принадлежатъ всѣ промежутку времени между 4-мъ столѣтіемъ до Р. Х. и 4-мъ вѣкомъ Христіанства.

Гробницы съ круглыми или римскими сводами, съ ослами, относятся къ эпохѣ Римскаго владычества и по крайней мѣрѣ до 2-го столѣтія до Р. Х.

Всѣ эти различныя гробницы болѣе или менѣе скрывались отъ глазъ въ курганахъ. Наконецъ за ними слѣдуютъ:

Гробницы съ надгробными камнями, изображеніемъ и надписью, указывающими мѣсто покая мертвыхъ; онѣ не восходятъ, кажется, далѣе втораго или третьяго вѣка послѣ Р. Х., но могутъ относиться и къ послѣдующимъ столѣтіямъ.

Напомнимъ послѣ сего о томъ, что нами сказано было о гробницахъ, вѣсѣнныхъ въ скалы, изслѣдованныхъ Дюбрюкомъ на горѣ Опубъ и въ Керингъ-Келечинѣ, но о которыхъ еще нѣтъ у насъ положительныхъ данныхъ, остается сказать нѣсколько словъ о гробницахъ въ катакомбахъ.

Всѣ раскопатели Керченскихъ кургановъ и первый между ними Дюбрюкъ утверждаютъ о существованіи катакомбъ на Сѣверномъ скатѣ Митридатовой горы. Вдоль склона ея до Золотого кургана протягивается земляное возвышеніе въ видѣ хребта не одинаковой вышины и подъ поверхностію земли проходитъ каменный слой, имѣющій подъ собою толстый слой глины. По удостовѣренію Гг. Карейши и Багичева, воспользовались этимъ естественнымъ хребтомъ, чтобы вырыть въ немъ катакомбы, которыя, проходя подъ каменнымъ слоемъ, образуютъ рядъ потребальныхъ камеръ; почти всѣ онѣ сообщаются между собою ходами, идущими изъ одной камеры въ другую, въ большей части нѣмъ устроены въ естественныхъ углубленіяхъ или нишахъ². Вдоль естественныхъ стѣнъ этихъ камеръ и въ углубленіяхъ стѣнъ разставлены, по удостовѣренію тѣхъ же лицъ, деревянные гробы съ цѣлыми ослами покойниковъ или тѣлами. Эти гробы, при вскрытіи катакомбъ, обыкновенно распадалась отъ прикосновенія наружнаго воздуха. Катакомбы сіи, раздѣляясь на множество гробницъ расположенныхъ группами, можетъ быть, племенныхъ или семейныхъ, образуютъ довольно обширный некрополисъ, который, судя по составленнымъ Г. Багичевымъ планамъ и разбѣсамъ имѣетъ, какъ намъ кажется, большое сходство съ катакомбами древнихъ Справуль.

¹ Когда, въ 536 г. отъ основанія Рима, дѣвѣ Весталки пали въ соблазнъ, то по случаю этого народнаго бѣдствія установлено было нѣсколько чрезвычайныхъ жертвоприношеній. Галлы и Галлыи, Греки и Гречанки были заживо похоронены въ *Бычачемъ Рынкѣ* въ оградѣ изъ тѣсанаго камня, въ которой уже прежде была пролита чашеческая кровь. Титъ-Ливій. Кн. XXII. Гл. 57.

² Совершенно такую же катакомбу нашелъ Г. Багичевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Пуаневыхъ ослы. (См. карту No. 4.).

des hommes vivants, dans de certaines calamités publiques¹; mais ni l'une ni l'autre de ces circonstances ne saurait être admise ici.

Nous venons de passer en revue les différentes espèces de sépultures des rives du Bosphore sur lesquelles nous avons des renseignements assez complets. Nous les récapitulerons :

Tombeaux à voûte en assises, ne renfermant que des squelettes, remontant aux quatrième, cinquième et sixième siècles avant J. C.

Tombeaux creusés en terre, recouverts de dalles; *tombeaux en dalles ou en briques*, renfermant des ossements ou des cendres; *simples sépultures cinéraires* marquant la place du bûcher; appartenant à une époque comprise entre le quatrième siècle avant J. C. et le premier siècle de notre ère.

Tombeaux à voûte cintrée ou romaine, renfermant des squelettes, et nous reportant à l'époque de la domination romaine, jusqu'au second siècle, au moins, après J. C.

Toutes ces différentes sépultures sont plus ou moins dissimulées aux regards dans les tumulus.

Viennent enfin :

Les tombeaux à pierre tumulaire, avec effigie et inscription, indiquant aux yeux le lieu du repos des morts, ne remontant pas, il semble, au-delà du second ou du troisième siècle après J. C. et descendant les siècles suivants.

Après avoir rappelé la mention que nous avons faite des tombeaux creusés dans le roc, examinés par DUBRUX à Opouk et à Kermiche-Kéletchik, mais sur lesquels nous n'avons aucune donnée un peu certaine, il nous reste à dire quelques mots sur les sépultures des catacombes.

Tous les explorateurs des fouilles de Kertch, DUBRUX en tête, ont constaté leur existence sur le versant nord du Mont Mithridate. Le long de la déclivité de cette chaîne, jusqu'au Mont d'Or, règne, comme une brèche, un soulèvement ondulé du terrain, et il existe sous le sol une couche pierreuse qui recouvre une couche profonde de terre argileuse. Suivant MM. KAREISCHA et BEGUTCHEFF, on aurait profité de cette arête naturelle, pour y creuser des catacombes qui formeraient, sous la couche pierreuse, une succession de chambres sépulcrales, communiquant, la plupart, entr'elles par des ouvertures ou passages qui mèneraient de l'une à l'autre, et ayant presque toutes des niches creusées dans les parois². Le long des murs naturels de ces chambres, et dans ces niches, se trouveraient des cercueils en bois contenant des squelettes entiers ou des ossements. D'ordinaire, à l'ouverture de la catacombe, ces cercueils tombent en poussière au contact de l'air extérieur. Ces catacombes, divisées en un grand nombre de groupes de sépultures, de tribus ou de familles peut-être, formeraient une assez vaste nécropole qui nous a paru, par les plans et coupes que Mr. BEGUTCHEFF en a établis, offrir beaucoup de ressemblance avec les catacombes de l'ancienne Syracuse.

¹ L'an 536 de la fondation de Rome, deux vestales s'étant laissé séduire, on ordonna quelques sacrifices extraordinaires à l'occasion de ce malheur public. Un Gaulois et une Gauloise, un Grec et une Grecque furent enterrés vifs sur le *Forum boarium* dans un endroit fermé par une enceinte de pierres de taille, et qui déjà auparavant avait été ensanglanté par des victimes humaines. TITE-LIVE. Liv. XXII. chap. 57.

² Mr. BEGUTCHEFF a trouvé une catacombe tout-à-fait semblable, un peu plus loin que le Jardin Pouliceil (voir la carte No. I.).

Дюва де Монпере въ своемъ сочиненіи слегка коснулся этихъ каткомбъ, которыхъ по удостовѣренію его «высѣчены изъ бѣлаго рудалла, мягкаго какъ Одесскій, но не крошащагося»¹.

На всемъ протяженіи возвышенія отъ Митридатовой горы до Золотого кургана замѣчено множество колодезь, имѣющихъ вверху видъ продолговатыхъ четырехугольниковъ и входъ въ которые легко замѣтить можно по натуральному углубленію, всегда образующемуся на поверхности земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выкапывается яма и опять засыпается землею.

Отверстія этихъ колодезь находятся на Сѣверной покатоости вышеупомянутаго возвышенія, у самой его подошвы. Расчищая отверстіе находили, обыкновенно на глубинѣ около 2-хъ сажень, входъ вышиною около 2-хъ аршинъ, вырытый въ глинистой землѣ и состоящій изъ двери съ круглымъ сводомъ, составленной изъ тесаныхъ камней. Отверстіе двери, по удостовѣренію Г. Багичева, обыкновенно оказывалось закрытымъ стѣною изъ кладенныхъ одинъ на другомъ безъ смазки камней, которые принуждены бывали сваливать каждый разъ когда надобно было войти въ каткомбу, для помѣщенія въ ней новаго гроба и должно предположить, что такимъ же образомъ принуждены бывали каждый разъ расчищать и колодезь когда надобно было опустить въ него свѣжій гробъ, послѣ чего каткомбу закрывали, входъ опять закладывали камнями и колодезь вновь наполняли землею. Это былъ родъ гробницъ, вмѣстѣ доступныхъ и недоступныхъ, и полагать должно, что сохраненіе ихъ и надзоръ, какъ и въ нашихъ семейныхъ гробницахъ, поручался особымъ сторожамъ.

По удостовѣренію Дюва изъ сихъ каткомбахъ находили были стеклянныя слезиницы.

Въ запискѣ, будто бы составленной Дюверьюсомъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ этихъ каткомбахъ въ 1816 и 1817 годахъ, находившейся въ рукахъ Академика П. И. Кеппеля и выписку изъ которой сообщилъ намъ Г. Д-ръ Яд. Муральтъ, значится, что Дюверьюсъ нашелъ въ каткомбахъ остатки деревянныхъ гробовъ, остатки и разныя вещи, какъ то: пряжки, застежки, серебряныя и бронзовыя браслеты, стеклянныя бусы, амулеты изъ пасты, глиняныя чашки и небольшія вазы, статуэтки Фаян-Луны, Фен, золотыя тисненныя бляхи и т. п., и что будто бы двѣ изъ статуэтокъ подвешены были Принцу Гессенъ-Гомбургскому, а нѣкоторыя вещи посланы въ Графу Румянцову и въ Г. Стенниковскому. Въ сихъ же каткомбахъ Дюверьюсъ нашелъ лошадиныя кости и даже нѣсколько медалей, совершенно покрытыхъ окисью. По его мнѣнію, каткомбомъ уже прежде были обмыты.

Всѣ эти данныя еще недостаточны для того, чтобы основать на нихъ какое либо заключеніе; только послѣ болѣе подробныхъ изслѣдованій, можно будетъ съ точностію опредѣлять характеръ сихъ каткомбъ и время, къ которому онѣ относятся, хотя и можно предположить, что онѣ не древнѣ эпохи Римскаго владычества въ сей странѣ.

Любопытно сравнить нѣкоторыя изъ нашихъ золотыхъ вещей съ такими же Бурбонскаго Музея въ Неаполѣ и нѣкоторыхъ частныхъ собраній, какъ напр. Г. Кампани въ Римѣ.

По части ожерельевъ въ Неаполѣ есть равная достоинствомъ съ помѣщенными на нашихъ рисункахъ IX. 1. 2., X. 1. и XI. 2. 7.; плоскія же сканныя золотыя тѣсмы сихъ ожерельевъ совершенно одинаковы съ нашими². Есть тамъ и браслеты въ видѣ спирально свернутыхъ лѣтъ, подобно помѣщенному на Р. XIV. 1. 2.

¹ Devois: Voyage etc. T. V. стр. 484 и 485. См. планъ и разрѣзъ каткомбъ въ Атласѣ въ сему сочиненію, Отдѣл. IV, Р. 19. фиг. 3.

² Museo Borbon. II. Р. XIV.

³ Museo Borbon. VII. Р. XLVI.

DUBOIS DE MONTREÁUX dit quelques mots sur ces catacombes qui seraient, suivant lui, « *taillées dans une marne calcaire blanche, très-tendre, comme la pierre d'Odessa, mais qui ne s'éboule pas* »¹.

Sur toute la distance du Mont Mithridate au Mont d'Or, on a constaté l'existence d'un assez grand nombre de puits, de la forme d'un carré long, dont l'entrée est reconnaissable par l'enfoncement naturel que la dépression du sol établit toujours dans un endroit excavé, puis rempli de terre.

Les ouvertures de ces puits sont au nord, au pied même de l'arête ondulée dont nous avons parlé. En déblayant ces puits on arrive, à la profondeur de deux sagènes, plus ou moins, à une entrée d'environ deux archines de hauteur, creusée dans la terre argileuse, et formant, au moyen d'un encadrement de pierres taillées et superposées, une porte cintrée. La baie de cette porte, suivant Mr. BEGUTCHEFF, se trouve ordinairement fermée par un mur de pierres entassées sans ciment, que l'on déplaçait lorsque l'on voulait pénétrer dans la catacombe, pour y déposer un nouveau cercueil; et il est à présumer nécessairement que chaque fois que l'on avait besoin d'ouvrir la catacombe, on déblayait le puits, pour y descendre le cercueil; puis la catacombe était refermée, les pierres du mur de la porte remplacées et le puits comblé de nouveau. C'était un système de sépulture accessible et inaccessible en même temps, et il faut croire que, ainsi que dans les caveaux de famille de nos jours, la conservation et la surveillance de ces demeures funéraires était confiée à des gardiens.

Suivant Dubois, on a trouvé dans ces catacombes des lacrymatoires en verre.

D'après un mémoire que DUBAUX aurait écrit sur l'exploration faite par lui, en 1816—1817, de quelques-unes de ces catacombes, mémoire qui aurait été dans les mains de Mr. DE KÜPPEN et dont Mr. le Dr. E. MURALT nous a communiqué un extrait, il aurait trouvé dans ces catacombes des débris de cercueils en bois, des squelettes et divers objets, comme boucles, fibules, bracelets en argent et en bronze, perles en verre, amulettes en pâte, coupes et petits vases en argile, figurines en terre cuite (dont deux auraient été données au PRINCE DE HESSE-HOMBOURG), de Diane Luna, de Rhéa, etc. plaques d'or repoussées, etc. Quelques-uns de ces objets auraient été envoyés au COMTE ROUMIANTZOW et à Mr. DE STEMPOVSKY. DUBAUX découvrit encore dans ces catacombes des ossements de cheval et il y trouva même quelques médailles tout oxydées. Il lui parut que ces sépultures avaient déjà été explorées.

Tout cela n'est pas assez concluant, et il faudrait des recherches plus sérieuses, pour déterminer exactement le caractère de ces catacombes et l'époque à laquelle elles appartiennent, quoiqu'il soit à supposer qu'elles ne remontent pas plus haut que l'époque romaine.

Il sera intéressant de comparer quelques-uns de nos objets en or avec ceux qu'offrent le Musée Bourbon et quelques collections particulières, comme celle de Mr. CAMPANA à Rome.

En fait de colliers, les No. 1. 2. de la planche IX., No. 1. de la planche X., No. 2. 7. de la planche XI. ont leurs équivalents à Naples; les tresses plates en fil d'or, avec pendeloques en grains d'avoine surtout, sont identiques². Les bracelets à serpent roulé en spirale Pl. XIV. 1. s'y retrouvent également³.

¹ Voir: DUBOIS. To. V, page 484. 485. et Atlas IVe Série Pl. 49. fig. 3. pour le plan et les coupes de l'une de ces catacombes.

² Museo Borbon. II. tav. XIV.

³ Museo Borbon. VII. tav. XLVI.

Запонка съ изображеніемъ льва (Р. XXIV. 1.), найденная въ Аванѣ, напоминаетъ подобныя же запонки, находящіяся въ Неаполѣ и Римѣ.

Во многихъ нашихъ погребальныхъ начальныхъ повязкахъ или діадмахъ замѣчается сходство работы съ нѣкоторыми Этрусскими повязками собранія Кампаны, но на послѣднихъ иногда изображены ласты плеча, которыхъ нѣтъ ни на одной изъ нашихъ діадмъ; въ центрѣ же, какъ тамъ, такъ и тутъ, вытиснуты медальоны.

Медузины головы (Р. XXI. 15. 17.) близко подходятъ характеромъ къ нѣкоторымъ вещамъ того же собранія.

Но ни въ Римѣ, ни въ Неаполѣ мы не нашли вещей такой превосходной работы, какая видна въ золотыхъ вещахъ, вырытыхъ въ Куль-Обскомъ курганѣ, а именно въ *стрепноскахъ* (Р. VIII. 1. 3.), запястьяхъ (Р. XIII.), медальонахъ (Р. XIX. 1. 4. 5.) и множествѣ разнообразныхъ серегъ, помѣщенныхъ на нашомъ Р. VII, особенно No. 2. 6. 9. — 16. Что касается до вазъ изъ элентрума (Р. XXXIII.) и серебряныхъ вазъ (Р. XXXIV. и XXXV.), то нигдѣ нѣтъ подобныхъ имъ.

Собранію нашихъ золотыхъ перстней съ рѣзными камнями также нигдѣ нѣтъ равнаго, какъ по предметамъ, на нихъ изображеннымъ, такъ въ особенности по его многочисленности.

Изъ числа нашихъ двадцати одного вѣсна, оливковый (Р. IV. 2.) есть вещь, единственная въ свѣтѣ, не говоря даже о совершенствѣ работы.

Тожѣ должно сказать о деревянныхъ изваяніяхъ нашихъ гробовъ и обломкахъ лапы (Р. LXXIX. по LXXXIV.

Навонецъ замѣчается сходство между нѣкоторыми нашими вещами и памятниками, изображенными въ Атласѣ къ сочиненію Штакельберга, о которомъ мы уже упоминали. Объ этомъ поговоримъ при описаніи нашихъ рисунковъ.

Хотя по части раскрашенныхъ вазъ и вещей изъ сжевой глины наше собраніе не отличается такимъ исключительнымъ богатствомъ, какъ по прочимъ отдѣламъ, но онѣ все-таки доказываютъ, что коловій Понта Евксинскаго и въ этомъ родѣ памятниковъ произвели такіе же прекрасныя вещи, какъ Греція и Этрурія; на нашихъ рисункахъ раскрашенныхъ вазъ XLV., XLVI., XLVII., XLIX., LII., LVII., LXII., LXIII*, и вещей изъ сжевой глины LXV., LXVII., LXVIII. и LXX. читатель найдетъ такіе же превосходныя и богатые произведенія, какъ и тѣ, которыя находимы были въ Вулчи, Канино, Руво и Кампани.

Кстати, кажется, будетъ помѣстить здѣсь замѣчаніе по поводу огромнаго количества золотыхъ вещей, найденныхъ въ Пантикапейскихъ курганахъ. Оно, кажется, заставляетъ предполагать, что золотые родники Урала и При-Алтайскихъ странъ уже были извѣстны древнимъ.

Если разсудить, что этотъ драгоценный металлъ встрѣчается самороднымъ въ пескѣ пространныхъ равнинъ Сибири и что стоить только промывать этотъ песокъ, дабы извлечь изъ него золото, то можно заключить, что и въ весьма отдаленное отъ насъ время, когда наука металлургіи находилась еще во младенчествѣ, легко было отыскать и добывать тамъ золото и употреблять его въ пользу.

Страбонъ, говоря объ *Аорзахъ*, племени, вѣроятно, обитавшемъ между Дономъ, Кубанью и Каспійскимъ моремъ, изъясняется такъ: «*Аорзы владычествовали почти на всемъ побережьѣ, идѣ (нѣкогда) жили Каспійцы; они же доставляли на верблюдахъ (къ другимъ народамъ,*

La fibule à motif de lion Pl. XXIV. 1., provenant d'Anapa, rappelle des fibules à motif pareil à Naples et à Rome.

Plusieurs de nos bandeaux ou diadèmes funéraires offrent de la similitude dans le travail avec quelques-uns des bandeaux étrusques de la collection CAMPANA; seulement ceux-ci ont quelquefois pour motif des feuilles de lierre que nous ne retrouvons jamais dans les nôtres; mais au centre il y a des têtes repoussées en médaillon comme chez nous.

Les têtes de Méduse No. 15. 17. de la Pl. XXI. sont d'un type très-ressemblant à celui de quelques bijoux de la collection CAMPANA.

Mais nous n'avons trouvé ni à Rome, ni à Naples, ni ailleurs, des bijoux qui offrent la perfection de ceux du Koul-Oba, notamment des *streptos* No. 1. 3. de la Pl. VIII. des bracelets de la Pl. XIII. des médaillons No. 1. 4. 5. de la Pl. XIX. et de cette quantité de pendants d'oreilles, à motifs si variés, qu'offre notre planche VII. surtout dans les No. 2. 6. 9 à 16. Quant au vase en électrum de la Pl. XXXIII. et à ceux en argent des Pl. XXXIV. et XXXV. nulle part il n'en existe de pareils.

Les anneaux en or, à pierres gravées, de notre collection sont, par le choix des sujets et par le nombre surtout, des objets qu'il faut renoncer à rencontrer ailleurs.

Parmi nos vingt-une couronnes, celle d'olivier, Pl. IV. 2., à part l'exquise délicatesse de son exécution, est une pièce unique.

Il en est de même des débris de notre lyre et des sculptures en bois de nos cercueils Pl. LXXIX à LXXXIV.

Il y a des points de ressemblance enfin entre quelques-uns de nos monuments et ceux qu'offrent plusieurs planches de l'ouvrage de STACKELBERG que nous avons déjà cité. Nous y reviendrons dans les légendes de notre atlas.

Nos vases peints et nos terres cuites sans constituer une richesse aussi exceptionnelle, offrent néanmoins la preuve que les colonies ioniennes du Pont-Euxin ont produit dans ce genre de monuments des objets aussi parfaits que ceux de la Grèce et de l'Etrurie; et nos planches de vases XLV. XLVI. XLVII. XLIX. LIII. LVII. LXII. LXIII a. et de terres cuites LXV. LXVII. LXVIII. LXX. offrent des sujets aussi riches que ceux que nous devons aux découvertes faites à Vulci, à Canino, à Ruvo et dans la Campanie.

Nous ne croyons pas hors de propos, de mentionner ici une réflexion sur la quantité de bijoux et autres objets en or qui se sont retrouvés dans les tumulus des rives du Bosphore. Elle fait supposer, il nous semble, que la richesse aurifère du sol de l'Oural et des pays situés vers l'Altaï était connue des anciens.

Si l'on songe que ce métal précieux se trouve à l'état natif dans le sable des immenses plaines de la Sibérie, et qu'il n'y a qu'à laver ce sable pour en extraire l'or en pépites, on peut en conclure qu'à une époque très reculée, et où les procédés métallurgiques étaient dans l'enfance, l'or de ces contrées put être facilement découvert et employé.

STRABON dit, en parlant des *Aorsi*, peuples qui paraissent avoir habité la contrée entre le Tanais, le Kouban et la Mer Caspienne: *«les Aorsi dominaient sur presque tout le rivage occupé (jadis) par les Caspi; aussi étaient-ce eux qui transportaient, à dos de chameaux (chez les autres*

обитавшимъ въ этой части Азіи) *тогары изъ Индіи и Вавилона, получаемые чужи отъ Армяны и Мидійцевъ; они были такъ богаты, что украшали свою одежду золотомъ*¹.

Тотъ же писатель говоритъ о Массаетахъ или Восточныхъ Сявахъ, жившихъ въ странѣ, орошаемой Оксусомъ и Яксартомъ: «они носятъ на войнѣ золотые поясы, а вокругъ головы золотымъ пояскомъ; узды и напрудники на ихъ лошадей также золотые».²

При нынѣшнемъ богатствѣ золота въ Западной Сибири эти показанія получаютъ большое значеніе.

Можетъ быть золото составляло предметъ весьма выгодной торговли, и туземные народы, владѣвшіе тайною его мѣсто-нахожденія, старались скрывать оное разказами объ опасностяхъ, которымъ подвергаются путешественники въ ихъ странѣ. Не здѣсь ли должно искать источника басни объ Арииспахъ и грифахъ, хранителяхъ сокровищъ³).

Невольно вспоминаешь при этомъ объ ужасахъ, какіе разсказывали Карагенгевы о моряхъ Атлантическаго Океана, имъ однимъ знакомыхъ, съ цѣлю отратить отъ плаванія по нимъ другихъ народовъ, такъ какъ сіи моря были однимъ изъ тайныхъ путей, которыми Карагенгъ получалъ дорогіе товары Востока.

Въ нашемъ Атласѣ невозможно было помѣстить образчики всѣхъ предметовъ, найденныхъ въ гробницахъ Босфорскаго побережья. Мы должны были ограничиться тѣми, которые особенно примѣчательны въ археологическомъ и художественномъ отношеніяхъ.

Читатели, посѣщающіе Эрмитажный Музей, могли собственными глазами удостовѣриться въ необыкновенномъ разнообразіи предметовъ, хранящихся въ залѣ Керченскихъ древностей и Кабинетѣ Ея Величества Государыни Императрицы. Для лицъ же, не знакомыхъ съ нашимъ Музеемъ, мы предлагаемъ здѣсь перечень тѣхъ выкопанныхъ изъ кургановъ предметовъ, которые не могли войти въ нашъ Атласъ.

Лоскутки шерстяной матеріи съ золотомъ; по красно-бурому цвѣту ея можно предположить, что это остатки *порфиры*. Лоскутки матеріи изъ льна и шелка. (Въ витринѣ No. 11.)

Золотыя нитяи, составляющія часть сшитой на крестѣ одежды и найденныя въ пещлѣ крестовъ и въ урнахъ, въ которыхъ онѣ были сложены. (Въ витринѣ No. 12.).

Женскіе волосы. (Съ витринѣ No. 11.).

Деревянный гребень, для расчесыванія женскихъ волосъ; онъ похожъ на нынѣшніе наши гребни и на такіе же костяные или бронзовые, находящіеся въ Бурбонскомъ Музее⁴; на немъ вырѣзана насквозь слѣдующая замысловатая надпись: *Ἀδελφεῖ δέρον*. (См. надписи No. LXIX).

Коробки для румянъ, изъ слоновой кости, костяныя и деревянныя, въ которыхъ еще находятся остатки румянъ, нисколько не испортившихся. (Въ витринѣ No. 12.).

¹ Страбонъ. Кн. XI.

² Тамъ же.

³ Смори о множествѣ золота, предполагавшагося на Северѣ-Востокѣ Европы и о грифахъ, хранителяхъ сокровищъ, Гяродотъ III. 116. IV. 13. 27. Въ этой послѣдней главѣ Гяродотъ даетъ этимологію имени Арииспахъ. По-скивски Ариисъ значитъ одинъ, спхъ — ладло.

⁴ Museo Borbon. IX. P. XV. 5. 6. (костяные гребни), 7. 8. (бронзовые).

peuples de cette partie de l'Asie), les marchandises Indiennes et Babylonniennes, qu'ils recevaient des Arméniens, des Mèdes, et ils étaient si riches, qu'ils portaient de l'or dans leur parure.¹

Le même auteur dit, en parlant des Massagètes ou Scythes orientaux habitant le pays traversé par l'Oxus et le Jaxarte: «dans les combats, ils portent des ceintures d'or, et, autour de leur tête, des bandeaux d'or; les freins et les plastrons de leurs chevaux sont en or».²

Si l'on songe à la quantité d'or que produit de nos jours la Sibérie occidentale, ces passages sont bien significatifs.

Peut-être l'or formait-il l'objet d'un commerce lucratif que les peuples possesseurs du secret du gisement du métal, s'efforçaient de cacher par la description des dangers que couraient les voyageurs. L'origine de la fable des Arimaspes et des Griffons gardiens de trésors se retrouve peut-être là.³

On songe involontairement aux récits effrayants que les Carthaginois propageaient pour détourner les navigateurs de mers de l'Atlantique qu'eux seuls connaissaient, et qui étaient une des routes mystérieuses par lesquelles leur arrivaient les denrées précieuses de l'Orient.

Il nous aurait été très-difficile de comprendre dans le cadre de notre atlas des spécimens de tous les objets exhumés des sépultures des rives du Bosphore. Nous devons nous borner à la reproduction de ceux qui offrent un caractère particulier, au point de vue de l'archéologie et de l'art.

Ceux de nos lecteurs qui ont visité le Musée de l'Ermitage, ont pu se convaincre par leurs yeux de la variété étonnante des objets que renferment soit la salle de Kertch soit le Cabinet de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE. Pour ceux qui ne connaissent pas encore notre Musée, nous nous bornerons à mentionner ici une foule d'objets curieux exhumés de ces tombeaux, et qui n'ont pu trouver place dans nos planches.

Restes d'étoffe de laine, tissu de fil d'or, dont la couleur d'un rouge brun semble indiquer une robe *pourpre*. Restes d'étoffe de lin et de soie (Vitrine No. 11.).

Fil d'or qui était mêlé au tissu des vêtements consumés par les flammes, et qui a été retrouvé dans les cendres des bûchers ou dans les urnes qui les avaient recueillies (Vitrine No. 12.).

Cheveux de femme (Vitrine No. 11.).

Peigne en bois pour chevelure de femme, à deux rangs de dents, pareil à ceux de nos jours, de forme semblable à ceux en os ou en bronze du Musée Bourbon⁴, mais avec cette charmante inscription découpée à jour: Ἀδαφῆ δῶρον. Voyez Inscriptions LXIX.

Boîtes à fard, en ivoire, en os ou en bois, renfermant encore du rouge, parfaitement conservé (Vitrine No. 12.).

¹ STRABON. liv. XI.

² STRABON. liv. XI.

³ Voyez sur cette quantité d'or soupçonnée vers le nord-est de l'Europe, et sur les griffons qui en sont les gardiens, HÉRODOTE III. 416. IV. 43. 27. Dans ce dernier chapitre, HÉRODOTE donne l'étymologie du mot Arimaspe: Arima un et spou oeil, en langue scythe.

⁴ Musée Bourbon. IX. tav. XV. 5. 6. (en os) 7. 8. (en bronze).

Шарпки монистъ и амулеты, калцедоновые, яштарные, стеклянные и пастовые разныхъ цвѣтовъ. (Въ витринѣ No. 12.).

Разныя запястья, кольца и серебряныя застежки для туникъ, запонки и небольшія бронзовыя вещи, какъ-то: ключи, колокольчики, зеркала и т. п. (Въ шкапу No. 8. и витринѣ No. 12.).

Кисти отъ туникъ, обернутыя въ золотые листы. (Въ витринѣ No. 12.).

Агатовыя и калцедоновыя вещи, какъ-то: руза, вѣроятно, отъ скальпаторіума (орудіа для чесанія тѣла); львиный коготь, вѣроятно, служившій ножкою ларца. (Въ витринѣ No. 12.).

Игральныя кости, костяныя и изъ драгоценныхъ камней, точно такія же, какія употребляются еще и нынѣ. (Въ витринѣ No. 12.).

Дѣтскія игрушки изъ слоновой кости. (Въ витринѣ No. 12.).

Трубки изъ слоновой кости, кажется, остатки флейты. Веретена и другія мелкія вещи. (Въ витринѣ No. 12.).

Остатки невода. (Въ витринѣ No. 12.).

Множество обломковъ золотыхъ лавровыхъ вѣнковъ и другихъ золотыхъ же изъ листьевъ апіума, служившихъ при похоронахъ. Такіе обломки вѣнковъ весьма часто встрѣчаются въ гробницахъ замѣшанными въ землю. (Въ витринѣ No 11. и обелискѣ No. 14.).

Плоды, по большей части превратившіеся въ камень, какъ то: громкіе орѣхи, каштана, миндаля, лѣсные орѣхи. (Въ витринѣ No. 12.).

Серебряныя вазы и разныя мелкія вещи. (Въ обелискахъ No. 13. и 15.).

Разныя лампы; нѣкоторыя съ эротическими изображеніями. (Въ шкапу No. 9*.).

Множество различныхъ стеклянныхъ вещей. (Въ шкапу No. 1.).

Обломки рукоятокъ мечей и части оправы изъ золота, калцедона и агата. (Съ витринѣ No. 12. и обелискѣ No. 14.).

Украшенія лошадиной сбруи. (Въ шкапу No. 8*.).

Украшенія гробовъ изъ вызолоченной бронзы. (Въ шкапу No. 8*.).

INTRODUCTION.

XCV

Perles de collier et amulettes en calcédoine, en ambre, en verre, et en pâte de diverses couleurs (Vitrine No. 12.).

Tout espèce de bracelets, d'anneaux et d'agrafes de tunique en argent, de fibules et de petits instruments et ustensiles en bronze: clés, clochettes, miroirs, etc. (Armoire No. 8. Vitrine No. 12.).

Glands de tunique, recouverts d'une feuille d'or (Vitrine No. 12.).

Objets en agate ou en calcédoine: une main d'homme, reste probablement d'un *scalptorium* (grattoir); une griffe de lion, support de quelque cassette vraisemblablement (Vitrine No. 12.).

Dés à jouer, en os ou en pierre fine, absolument pareils aux nôtres (Vitrine No. 12.).

Jouets d'enfant, en ivoire (Vitrine No. 12.).

Cylindres en ivoire, paraissant offrir les débris d'une flûte. Fuseaux et petits instruments (Vitrine No. 12.).

Restes d'un filet de pêcheur (Vitrine No. 12.).

Beaucoup de débris de couronnes de laurier en or et de couronnes funéraires en feuilles d'ache en or, que l'on plaçait sur la tête des morts, au moment des funérailles. On retrouve très fréquemment de ces débris dans la terre des tombeaux (Vitrine No. 11. Obélisque No. 14.).

Fruits, calcinés pour la plupart, comme noix, châtaignes, amandes, noisettes (Vitrine No. 12.).

Vases et instruments en argent (Obélisques No. 13 et 15.).

Lampes diverses, quelques-unes à sujets érotiques (Armoire No. 9*.)

Très grande variété d'objets en verre (Armoire No. 1.).

Fragments de poignées et de garnitures de glaives, en or et en calcédoine ou agate (Vitrine No. 12. Obélisque No. 14.).

Ornements de brides et de harnais (Armoire No. 8*.)

Ornements de cercueils, en bronze doré (Armoire No. 8*.)

Видъ г. Керчи, снятый съ Павловской Батареи.

Kerich. Vue prise de la Batterie Pavlovskaja.

ТОПОГРАФІЯ

ОБОИХЪ БЕРЕГОВЪ БОСФОРА КИММЕРІЙСКАГО.

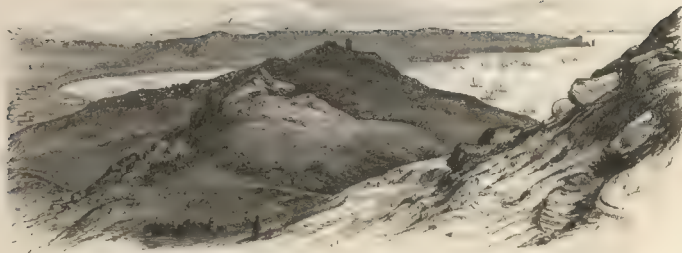
арты окрестностей г. Керчи и Босфора Киммерійскаго, приложенныя къ нашему сочиненію, составлены съ величайшею точностію по послѣдней съемкѣ Военно-Топографическаго Дѣла, трудъ котораго представлятъ вѣрнѣйшее рѣзультатство въ точности сихъ картъ; чертежъ и гравированіе ихъ поручены были искуснѣйшимъ художникамъ этого ученаго учрежденія. Нѣкоторыя частности заимствованы нами изъ превосходнаго атласа Маггана.

Карта No. 1.

На картѣ No. 1. показано общее расположеніе несчетнаго множества кургановъ, разсыпанныхъ въ окрестностяхъ Керчи. Она достаточна, чтобы дать объ нихъ понятіе; если-же бы надлежало представить положеніе каждаго кургана, то для сего потребовалась бы специальная карта, составленная по гораздо большому масштабу, чѣмъ наша, и которая не могла входить въ планъ нашего изданія.

Читателю представлено были въ Введеніи всѣ свидѣнія, казія мы считали нужнымъ изложить о расположеніи и устройствѣ этихъ Кургановъ. Мѣстоположеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ означено съ достовѣрныхъ свидѣній, сообщенныхъ намъ лицами, производившими раскопанія. Тоже должно сказать и о курганахъ, находящихся на противоположномъ берегу Босфора.

На обѣихъ картахъ показаны всѣ мѣста, которыя упоминаются въ Описаніи рисунковъ Атласа.

Видъ г. Керчи, снятый съ Золотого Кургана.

Kerch. Vue prise du Mont d'Or.

TOPOGRAPHIE

DES DEUX RIVES DU BOSPHORE CIMMÉRIEN.

La carte des Environs de Kerch et celle du Bosphore Cimmérien qui accompagnent notre ouvrage, ont été dressées, avec l'attention la plus sérieuse, sur les derniers travaux du Dépôt Topographique de la Guerre dont les documents offraient la meilleure garantie que nous pussions trouver, et le dessin et la gravure en ont été exécutés par les meilleurs artistes de ce savant établissement. Nous avons pris quelques détails dans le bel atlas de Manganari.

Carte No. 1.

La Carte No. 1 offre la disposition générale du gisement des innombrables tumulus qui parsèment les environs de Kerch. Elle est suffisante pour en donner l'idée; car s'il se fût agi de relever l'emplacement occupé par chacun de ces tertres funéraires, il aurait fallu une carte spéciale, sur une échelle bien plus étendue que la nôtre, et qui n'aurait pu trouver place dans notre cadre.

On peut lire dans notre Introduction tous les détails qui nous ont paru nécessaires sur la disposition et la nature de ces tumulus. La situation d'un certain nombre d'entr'eux a été indiquée d'après les renseignements exacts que nous ont fournis les explorateurs des fouilles. Il en est de même des tumulus de l'autre rive du Bosphore.

Telles qu'elles sont, ces deux cartes offrent les noms de tous les lieux mentionnés dans les légendes de nos planches.

Introd.

XIV

Такъ какъ текстъ нашего сочиненія написанъ по-русски и по-французски, то и названія мѣстъ на картахъ выставлены на обоихъ языкахъ. Мы старались передать русскія и татарскія названія, которыхъ произношеніе весьма трудно для иностранцевъ, французскими буквами какъ можно вѣрнѣе и приспособили къ нимъ названія для иностранныхъ читателей точный переводъ.

Мы сохранили названіе Царскій Курганъ и по-французски, прибавивъ къ нему переводъ: *Tombeau Royal*.

Нѣкоторыя названія оставлены безъ перевода, наприм. Слободка, *Slobodka*, въ именахъ *Slobodka Quarantinaia* и *Tatarskaia Slobodka*, которая находится близъ Керчи; также вмѣсто того, чтобы перевести названіе Замостскій Кордонъ — *Poste de douane au delà du Pont* мы писали *Poste de douane Zamostskii*, равно сохранили *Sloboda Opasnaia* и *Poste de douane Opasnoi* вмѣсто *Village Dangereux* и *Poste de Douane Dangereux*. Также должно замѣтить и въ отношеніи нѣкоторыхъ мѣстъ, означенныхъ на картѣ No. 2., гдѣ читатель найдетъ названія *Soldatskaia Slobodka* и *Gnla Gora*, вмѣсто *Village des soldats* и *Mont de Boue*.

Другія же названія, посвященныя мѣстнымъ употребленіямъ, оставлены и по-французски безъ всякаго измѣненія. Такъ на картѣ No. 1. показано по-русски: *Озеро Солончакъ*, а по-французски: *Lac Solonchak*, на картѣ же No. 2., возлѣ надписи *Со(леное)Озеро*, прибавленъ переводъ *Lac salant* (въ Сѣверу отъ Еникале).

Между названіями мѣстъ есть такія, которыя означены именемъ ихъ прежняго владѣтеля, какъ напр. Курганъ *Мирзы Кекуцакаю*, въ Юго-Западъ отъ Керчи, о которомъ говорится въ Введеніи на стр. LXVIII.

Названіе *хутора*, иногда, вмѣсто перевода: *mélairie, maison de campagne*, означено буквою К (*Khutor*). Въ окрестностяхъ Керчи и въ другихъ мѣстахъ называются хуторами и такія поселенія, въ которыхъ заключается нѣсколько усадебъ и загородныхъ домовъ, составляющихъ цѣлыя деревни, какъ напр. *Аджи Муникаи*, въ которомъ девять дворовъ, и *Камерлесъ*, гдѣ ихъ шестидесять четыре, но оба названы на картѣ No. 2. *хуторами*.

Карта No. 1. сдѣлана въ довольно большомъ масштабѣ (1 верста въ 1 англ. дюймъ, или $\frac{1}{25000}$), дабы представить главнѣйшія неровности земной поверхности около Керчи, особенно Митридатовой горы и довольно точный планъ этого города съ его древнимъ (Пантикапейскимъ) молотъ. Длина этого мола около 100 сажень; остатки его, входящіеся почти въ уровень съ водою, совершенно ясно видны съ вершины Митридатовой горы.

Курганы Золотой и *Куль-Обской*, столь часто упоминаемые въ нашемъ сочиненіи, означены съ такою отчетливостію вдоль Феодосійскаго шоссе, что они представляются на картѣ почти въ ихъ настоящемъ видѣ. Также должно сказать и о другихъ извѣстныхъ мѣстностяхъ окрестности Керчи.

На мѣстѣ, означенномъ на картѣ подъ именемъ *Завода Князя Херхсумидзева* (бывшаго въ Керчи Градоначальникомъ и имѣвшаго здѣсь сахарный заводъ) и гдѣ сдѣланы были многія находки, нынѣ только садъ.

Развалины водопровода существуютъ только со времени Турецкаго здѣсь владѣтельства; въ прошедшемъ столѣтіи въ Еникале имѣлъ пребываніе Турецкій Паша и въ этомъ мѣстѣ была турецкая крѣпость.

Notre ouvrage étant écrit en russe et en français, les légendes de nos cartes offrent dans ces deux langues les noms des localités. Nous avons eu soin que l'orthographe française rendit, aussi clairement que possible, la prononciation, souvent difficile pour les étrangers, des noms russes et tatars, et pour nos lecteurs étrangers, nous avons ajouté quelquefois à côté du nom sa traduction littérale.

Ainsi nous avons écrit *Tzarskii Kourgane*, dont le nom, sans cesse répété, nous a semblé devoir être conservé en français, et nous avons ajouté sa signification: *Tombeau Royal*.

Nous avons conservé plusieurs noms sans les traduire, comme *Slobodka* diminutif de *Sloboda* qui signifie grand village et quelquefois faubourg, et nous avons écrit *Slobodka Quarantinnai* et *Tatarskaia Slobodka*, au lieu de *Village* ou *Faubourg de la Quarantaine* et *Village ou Faubourg Tatar*, qui sont aux portes de Kertch. Nous avons fait de même pour *Poste de douane Zamostskii* au lieu de mettre *Poste de douane au-delà du Pont* — pour *Sloboda Opasnaia* et *Poste de douane Opasnoi* au lieu de *Village Dangereux* et *Poste de douane Dangereux*. Nous avons fait de même pour quelques localités de la carte No. 2. où nous avons écrit *Soldatskaia Slobodka* et *Gnila Gora*, au lieu de *Village des Soldats* et *Mont de Boue*.

Nous avons quelquefois conservé rigoureusement un nom consacré par l'usage dans le pays. Ainsi sur la carte No. 1. nous avons écrit en russe: *Озеро Солончак* et en français: *Lac Solonchak*, et sur la carte No. 2., nous avons écrit l'équivalent: *Сол(еное) Озеро Lac salant* (au nord de Ienikalé).

Quelques localités sont parfois indiquées par le nom de l'ancien propriétaire du sol, comme par exemple celle du tumulus (au S. O. de Kertch) de *Mirza-Rekouwatzkii*, dont il est fait mention dans notre Introduction, page LXIX.

Le mot *Khoutor* (Хуторъ), qui signifie *métairie, maison de campagne*, est très usité à Odessa et en Crimée, où on le retrouve à chaque pas. Nous l'avons conservé, indiqué souvent par son initiale K à côté du nom, au lieu de recourir à sa traduction. Beaucoup d'endroits, aux environs de Kertch et ailleurs, portent cette désignation, bien qu'il s'y trouve un certain nombre de métairies ou de maisons de campagne dont la réunion offre l'importance d'un beau village, comme par exemple à *Hadjî-Mouschkaï* qui a neuf métairies ou maisons de campagne, et à *Katerless* qui en a soixante-quatre, et qui portent néanmoins sur la carte No. 2. l'indication de *Khoutor*.

La carte No. 1. est sur une assez grande échelle (1 pouce anglais pour une verstie ou $\frac{1}{25000}$), pour permettre l'étude des principaux accidents du terrain des environs de Kertch, principalement du Mont Mithridate, et pour donner une idée assez exacte du plan de la ville dont l'ancien môle (celui de Panticapée) est indiqué. La longueur de ce môle est d'environ 100 sagènes. Les restes en sont parfaitement visibles du haut du Mont Mithridate, car ils sont presque à fleur d'eau.

Le *Mont d'Or* et le *Koul-Oba*, dont il est si souvent fait mention dans notre ouvrage, sont indiqués d'une manière si nette, le long de la chaussée de Théodosie, que leur physionomie est presque reconnaissable. Il en est de même d'autres endroits des environs de Kertch aussi connus.

La localité indiquée par *Fabrique du Prince Kherkheoulidseff* (ancien gouverneur-civil de Kertch, qui y avait une fabrique de sucre), où beaucoup de découvertes ont été faites, n'est plus aujourd'hui qu'un jardin.

L'aqueduc ruiné ne date que de l'occupation des Turcs qui avaient, le siècle dernier, un pacha à Ienikalé où ils avaient construit une forteresse.

Вокруг Керчи есть вулканические гряды и нефтяные источники; на противоположном берегу Босфора сих источников еще гораздо больше.

Бугаевский протокъ, впадающий въ море при Замостскомъ Кордонѣ, лѣтомъ высыхаетъ, но во время дождей онъ довольно значителенъ, какъ и небольшая рѣчка Мелекъ-Чесме, протекающая чрезъ Керченскій публичный садъ и русло ея, по выходѣ изъ сада, разлито въ видѣ канала.

На сопровождающихъ насъ тесть виньетахъ представлены нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ видовъ города и окрестностей. На виньетахъ, снятыхъ съ Солной Пристани и Новаго Карантина и помѣщенныхъ въ началѣ Введенія, видимъ на Митридатовой горѣ Керченскій Музей и на вершинѣ ея памятникъ Степиковаго. Видъ снятый съ Золотого Кургана, представляетъ всю вершину Митридатовой горы, часть города, весь рейдъ и все протяженіе побережья до Енишале, за которымъ видимъ Босфоръ и Азіатскій берегъ.

Виньетки сии сняты карандашомъ съ натуры Помощникомъ Директора Керченскаго Музея Г. Вигичевымъ, съ рисунковъ котораго онъ потомъ вырѣзаны на деревѣ.

Карта No. 2.

Проницательный Дюбуа имѣлъ счастливую мысль восстановить на картѣ No. XXVI. V-й Серіи своего Атласа Дельту Гипаниса въ томъ видѣ, какой она должна была имѣть во время Стравона; съ помощью сего труда объясняются всѣ позванія знаменитаго географа объ этой Дельтѣ, которыя безъ оного не только оставались бы темными, но и противорѣчили одно другому.

О нынѣшнемъ Таманскомъ Полуостровѣ Дюбуа (Т. V. стр. 81.) говоритъ: *«Эта омынная возвышенность земли въ цѣломъ протяженіи своемъ обозначаетъ остатокъ пятаго острова, большаго чѣмъ всѣ прочіе и называвшагося у древнихъ географовъ Синдикомъ. Островъ этотъ омывается со всѣхъ сторонъ Босфоромъ, Таманскимъ Лиманомъ, озеромъ Афтанисскимъ, Кубанью, Кизилташскимъ Лиманомъ и Чернымъ Моремъ.»*

На картѣ No. XXVI. (V-й Серіи) сочиненія Дюбуа, не показанъ рукавъ Гипаниса, составляющій нынѣшній протокъ Кубани, который впадаетъ въ Кизилташскій Лиманъ (Синдикскій Лиманъ). Мы относимъ это къ ошибкѣ чертившаго карту. Рукавъ этотъ долженъ былъ существовать и во время Стравона и образовывать изъ настоящаго Таманскаго Полуострова полный островъ, который на генеральной картѣ Г. Дюбуа, No. II. (I-й Серіи) совершенно правильно названъ *Островомъ Синдикомъ*. Это тотъ пятый островъ, большій всѣхъ прочихъ, о которомъ упомянуто выше. Если же бы не было рукава, составляющаго нынѣ главное русло Кубани, то мы имѣли бы только четыре острова, ибо тогда Таманскій или Синдикскій островъ явился бы только въ видѣ полуострова.

На вставкѣ къ картѣ No. 2. мы, слѣдуя указаніямъ Г. Дюбуа и исправивъ вмѣстѣ съ тѣмъ эту ошибку, представляемъ Дельту Гипаниса или Антикита (Варданъ у Птолемея) съ его пятью рукавами въ такомъ видѣ, какъ онъ долженъ былъ существовать во время Стравона.

Первый рукавъ, самый Сѣверный, называющійся Чернымъ протокомъ, впадаетъ въ Меотійское море.

Второй рукавъ, именъ Курни, *расплываясь*, какъ выразился Дюбуа, и образуя *небольшія озера*, изливается въ верхній Темрюкскій или Курчавскій Лиманъ.

Между этими двумя рукавами находится первый изъ пяти острововъ, о которыхъ говоритъ Дюбуа.

Il y a aux environs de Kertch, des volcans de boue et des sources de naphle que nous retrouvons, en bien plus grand nombre, sur l'autre rive du Bosphore.

Le ruisseau de Boulganak, qui se jette dans la mer au Poste de douane Zamoslskii, est à sec une partie de l'année; mais il a une certaine importance dans la saison pluvieuse, comme du reste la petite rivière de Melek-Tchesmé qui est canalisée à sa sortie du Jardin Public qu'elle traverse.

Les vignettes qui accompagnent notre texte offrent plusieurs des vues les plus remarquables de Kertch et de ses environs. Dans celles qui sont prises du Débarcadère du Sel et de la Nouvelle Quarantaine, en tête de notre Introduction, on distingue le Musée de Kertch et le monument de STEMPKOVSKY qui couronne le Mont Mithridate. Celle qui est prise du Mont d'Or offre la croupe du Mont Mithridate, une partie de la ville, toute l'étendue de sa rade et de la rive jusqu'à Ienikalé, au-delà duquel on distingue le Bosphore et la côte d'Asie.

Nous devons ces vignettes à l'obligeance de Mr. BEGUITCHEFF, directeur-adjoint du Musée de Kertch, dont nous avons reproduit sur bois le crayon habile.

Carte No. 2.

Le judicieux DUBOIS a eu l'heureuse idée de rétablir le Delta de l'Hypanis tel qu'il a dû exister du temps de STRABON, et dans la planche XXVI. de la Vme Série de son atlas, il offre ce travail sans lequel les passages du célèbre géographe concernant cette localité restent non seulement obscurs, mais sont même contradictoires.

DUBOIS dit (tome V. page 81.), en parlant de la presqu'île actuelle de Taman: «*Ce long dos de pays marque dans toute son extension le squelette d'une cinquième île, la plus grande de toutes, celle à laquelle tous les anciens géographes ont donné le nom de Sindique. Le Bosphore, le liman de Taman, le lac Afaniz, le Kouban, le liman Kiziltache, la Mer Noire l'environnent de toutes parts.*»

Dans sa carte ci-dessus, le bras de l'Hypanis, le cours actuel du Kouban, se déchargeant dans le Liman Kiziltache (Limené Sindique), n'est pas marqué. Nous croyons que c'est une simple omission du dessinateur. Ce bras, qui devait exister du temps de STRABON, formait de la presqu'île actuelle de Taman une île véritable que DUBOIS désigne très-bien dans sa carte générale, (Pl. II. I. Série), sous le nom d'*Île Sindique*. C'est la cinquième île, la plus grande de toutes, dont il est fait mention plus haut. Si l'on supprime le bras qui forme le véritable cours actuel du Kouban, on n'a que quatre îles, celle de Taman, l'île Sindique, n'étant plus qu'une presqu'île.

Dans le papillon de notre carte No. 2., nous suivons les traces de DUBOIS, en réparant cette omission. Nous y offrons le Delta de l'Hypanis ou Anticités, le Vardanus de PROLÉMÉE, avec ses cinq bras, tel qu'il a dû exister du temps de STRABON.

Le premier bras, le plus septentrional, le Tchornii Protok, va se jeter dans le Palus Maeotis.

Le second bras, le Kourki d'aujourd'hui, «*se dilatat*, comme dit DUBOIS, *en formant de petits lacs*» se jette dans le Liman supérieur de Temrouk ou Liman Kourtschanski.

Entre ces deux bras est la première des cinq îles dont parle DUBOIS.

Introd.

XXVI

Третий рукавъ, омывавший подошву Темрюкского холма, разливался въ нижнемъ Темрюкскомъ или Атакизовскомъ Лимане и также впадалъ въ Меотійское море, недалеко отъ нынѣшней Пересыпской почтовой станціи, гдѣ древнее русло его до сего времени обозначается небольшими озерками, едва раздѣляющимися отъ моря песчаной косой.

Между этими рукавами и моремъ находились второй и третій островъ. Последний изъ нихъ былъ островъ Тирамбе, о которомъ упоминаютъ древніе писатели¹.

Четвертый рукавъ, протекая въ приямъ, Западномъ направленіи, въ оконечности нижняго Темрюкского Лимана, проходилъ между Ракимановскимъ мысомъ, на которомъ находится гора Бориса и Глѣба², и берегомъ, гдѣ нынѣ Дубовый рынокъ, а въ древности находился Апатуронъ; потомъ рукавъ этотъ протекалъ русломъ, нынѣ заваленнымъ изверженіями земли изъ Асодскихъ гравыхъ волкановъ и близлежащихъ холмовъ и впадалъ недалеко отъ нынѣшней Сыпной станціи въ Шимарданскую губу, которую Г. Дюбуа совершенно правильно назвалъ устьемъ этого главнаго рукава Гипаниса. Волота, дошедъ здѣсь существующій, начиная отъ Западной оконечности нижняго Темрюкского Лимана до самой Шимарданской губы (онъ означенъ на нашей картѣ, какъ и на картѣ Г. Дюбуа), совершенно ясно обозначаютъ русло этого рукава Гипаниса, образовавшаго тотъ упоминаемый Стравономъ островъ, на которомъ возвышалась Фанагорія оставившаяся при впадѣ въ Короновидиетское озеро, нынѣшній Таманскій заливъ, *эллео*, тогда какъ нынѣ мѣсто Фанагоріи приходится на *право*.

Этотъ островъ, Киммерійскій, есть четвертый Гипанисской Дельты.

Пятый рукавъ Гипаниса, составляющій нынѣ рѣку Кубань, образовывалъ съ предыдущимъ рукавомъ пятый островъ или Скидикъ; онъ впадалъ въ Скидикскій, т. е. нынѣшній Кубанскій, Лиманъ включая въ него и Кизилташскій, въ томъ же мѣстѣ гдѣ и нынѣ называется рѣка Кубань, но ирротно былъ менѣе плодотворенъ, потому что значительная масса воды должна была истекать четвертымъ рукавомъ.

И такъ Гипанисъ или Антиванъ, который Птоломей называетъ Варданомъ, а нынѣ Кубань³, раздѣлялся на пять рукавовъ; трое извизались на Сѣверъ въ Меотійское море, одинъ, Фанагорійскій, въ Босфоръ Киммерійскій, наконецъ пятый въ Понтъ Евксинскій.

Эти пять рукавовъ вмѣстѣ съ Меотійскимъ моремъ образовывали во время Стравона пять острововъ Гипанисской Дельты, восстановленныхъ на картѣ Дюбуа и на нашей.

Теперь легко будетъ послѣдовать за Стравономъ въ его описаніи этой страны; мы станемъ держаться Дюбуа, исправляя его показанія касательно положенія нѣкоторыхъ древнихъ мѣстъ, какъ напр. Киммеріона, Паресіона, Гераклеона и другихъ, которымъ мы даемъ иное мѣстоположеніе, следуя въ отношеніи къ

¹ «*Съ малаго Ролмита до Тирамбе и рѣки Антисита 600 стадій.*» Стравоны: Книга XI. — Для точнѣшаго означенія острова Тирамбе и рѣки Антиванта, переводчикъ (Томъ IV. стр. 490. Парижскаго изданія, 1805 — 1819.) прибавляетъ: «т. е. до Темрюка и Севернаго рукава Кубани.»

² См. видъ этого мыса въ Атласъ къ сочиненію Графа А. Уварова: Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря, Р. 417.

³ По извѣстію Д'Анвилля извѣстіе Кубани есть искаженіе слова Гипанисъ. «Гипанисъ стекаетъ съ Кавказскихъ горъ и впадаетъ въ Босфоръ и Памосъ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ; онъ и подъ названіемъ Кубани сохранилъ свое прежнее имя, такъ какъ по произношенію, свойственному нарѣчію Сѣверной Азіи, сильное придыханіе, въвоарившаяся горло, становится К.» D'ANVILLE: *Géographie ancienne*. Paris 1767. Т. II. стр. 310.

Le troisième bras, qui baignait le pied de la colline de Temrouk, s'épanouissait dans le Liman inférieur de Temrouk ou Liman Aktanizovski, et allait déboucher également dans le Palus Maeotis, non loin de la station de poste actuelle Peresipskaia où des marais et de petits lacs, à peine séparés de la mer par une langue de terre sablonneuse, marquent son ancien lit.

Entre ce second et ce troisième bras et la mer, sont la seconde et la troisième île. Cette dernière était celle de Tyrambé dont il est fait mention dans les auteurs anciens.¹

Le quatrième bras, s'avancant directement à l'ouest dans le fond du Liman inférieur de Temrouk, passait entre le cap Rakmanovski, où est le mont de Boris et Gleb², et le rivage dominé par le Doubovoï-Rinok actuel, où était l'ancien Apaturon, coulait dans un lit comblé aujourd'hui par les éruptions des volcans boueux de l'Assodag et des collines voisines, et débouchait, non loin de la station de poste actuelle *Sennaia*, dans cette baie de Chimardane que DUBOIS a judicieusement indiquée comme l'embouchure de cet ancien et principal bras de l'Hypanis. Les marais qui existent encore dans cette localité, à partir de l'extrémité occidentale du Liman inférieur de Temrouk, jusqu'à la baie de Chimardane (ils sont soigneusement indiqués sur notre carte, comme sur celle de DUBOIS), marquent très-bien le lit de ce bras de l'Hypanis qui formait cette île, dont parle STRABON, dans laquelle s'élevait Phanagorie que le navigateur avait à gauche, en remontant le lac Corcondamite, le golfe de Taman de nos jours, tandis que maintenant l'emplacement de Phanagorie est à droite.

Cette île, l'île Cimmérienne, est la quatrième du Delta de l'Hypanis.

Le cinquième bras de l'Hypanis, celui qui constitue de nos jours le Kouban, formait avec le bras précédent la cinquième île ou île Sindique; il tombait dans le Limène Sindique, le Liman du Kouban comprenant le Liman de Kiziltache, dans le même endroit que de nos jours, avec une différence probablement de volume d'eau moindre qu'aujourd'hui, une bonne partie des ondes du fleuve ancien ayant dû s'écouler par le quatrième bras.

Ainsi l'Hypanis ou Anticités, qui est le Vardanus de PROLÉMÉE et le Kouban³ de nos jours, avait cinq bras; trois s'écoulant au nord dans le Palus Maeotis; un, celui de Phanagorie, dans le Bosphore Cimmérien; le cinquième dans le Pont-Euxin.

Ces cinq bras formaient, avec le Palus Maeotis et le Bosphore, les cinq îles de l'ancien Delta de l'Hypanis, du temps de STRABON, rétabli dans la carte de DUBOIS et dans la nôtre.

Ce travail établi, il devient facile de suivre STRABON dans sa description, et nous allons procéder comme l'a fait DUBOIS, avec quelques rectifications sur la situation de plusieurs localités antiques, comme celles de Cimmerium, de Parthenium, de l'Heracleum et autres, que nous rétablissons un peu différemment,

¹ «Du petit Rhombiès jusqu'à Tyrambé et au fleuve Anticités il y a 600 stades» STRABON: liv. XI. Le traducteur ajoute (To. IV page 190 de l'édition de Paris 1805—1819), pour préciser Tyrambé et le fleuve Anticités, «Temrouk et le bras septentrional du Kouban.»

² Le COMTE A. OUVAROFF a publié la vue de ce cap dans la Pl. 117. de son Atlas.

³ D'Anville est d'opinion que Kouban est la corruption de Hypanis.

«L'Hypanis descend du Caucase, se rend dans le Bosphore et dans le Palus, en se partageant en plusieurs bras, et il conserve le même nom en celui de Kuban, parceque selon la prononciation propre à des idiomes du nord de l'Asie, l'H prononcé de la gorge devient un K.»

Géographie ancienne. Paris. 1767. To. 2. p. 310.

Паресіоніу и Гераклеону указаніямъ, заключающимся въ древнихъ строеніяхъ, которыхъ остатки замѣчены были Дюбрюссомъ.

Прослѣдимъ теперь Стравоново описаніе Босфора Киммерійскаго. Въ Кн. XI. онъ говоритъ:

«Отъ малаго Ромбита¹ (Протока, по мѣшю Дюбуга) до Тирамбе и до рѣки Антикита (Темрянскаго Лимада) разстояніа 600 стадій (около 400 верстъ).

120-тью стадіями далѣе находится мѣстечко Киммериконъ, откуда отправляются корабли для входа въ Меотійское море².

Киммериконъ былъ естинуу городъ, построенный на полуостровѣ и замыкаемый переицею валомъ и ровомъ³. Киммерійцы некогда приобрѣли великую власть въ Босфорѣ, который по этому и получилъ названіе Киммерійскаго. Съ Босфора они проникли въ земли, лежащія на право отъ Понта Евксинскаго и даже до Іоніи. Киммерійцы были вытѣснены изъ мѣстъ своего жительства Скивами, которыхъ въ свою очередь прогнали Греки, основавшіе Пантимакею и другіе Босфорскіе города.

Двадцатю стадіями (3-мя верстами) ниже находится мѣстечко Ахиллеонъ съ храмомъ Ахилла⁴. Проліевъ, составляющій устье Меотійскаго моря, въ этомъ мѣстѣ имѣетъ наименьшую ширину, составляющую здѣсь 20-ть стадій или немножо больше⁵. На противоположномъ берегу видны: Мирмекіонъ, находящійся близъ Гераклеона и Паресіонъ.

¹ Вѣроятно, что малый Ромбитъ есть рѣка Керкиа или рѣка Бейсу.

² По мѣшю Дюбуга Киммериконъ находился почти на мѣстѣ Кизлера, который и на картѣ его означенъ на Меотійскомъ морѣ недалеко отъ того мѣста, гдѣ на нашей картѣ показанъ Гавриленковъ. По причинамъ, изложеннымъ въ нижеслѣдующемъ примѣчаніи, мы полагаемъ, что Киммериконъ или Киммеріонъ должно искать около 7 верстъ южнѣе, при самомъ началѣ Сѣверной косы (см. карту No. 2.); тамъ, гдѣ у Дюбуга показанъ Ахиллеонъ, означенный нами южнѣе, а именно на разстояніи около четверти длины этой косы, которая, вѣроятно, выросла въ длину отъ наносимой земли, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта коса въ древности, вѣроятно, оканчивалась мысомъ. Если корабли, какъ удостовѣряетъ Страбонъ, отправлялись изъ Киммеріона дабы ходить въ Меотійское море, то изъ сего слѣдуетъ, что это поселеніе должно было находиться на самомъ Проліевѣ, а не на Азовскомъ Морѣ.

³ На мѣстѣ, означенномъ у Дюбуга для Киммеріона, нѣтъ и слѣда полуострова. Мы принимаемъ этотъ Стравоновъ полуостровъ за Сѣверную косу, увеличившуюся наносомъ земли болѣе противу того протяженія, которое она имѣла во время этого географа.

⁴ Въ запискахъ Дюбрюсса, подъ 1833 г. упоминается о мраморныхъ колоннахъ, будто бы видныхъ въ совершенно тихую погоду на днѣ моря, вдоль внутренняго берега Сѣверной косы. Г. Ашпль утѣралъ нѣтъ, что еще въ 1823 и 1824 годахъ Г. Бавиковъ видѣлъ эти колонны и пробовалъ вытаскивать изъ воды одну изъ нихъ; но по недостатку средствъ въ тому, принужденъ былъ отказаться отъ такого предпріятія.

Если бы эти колонны действительно оказались остатками храма или другаго сооруженія, посвященнаго Ахиллу, котораго намъѣтъ члѣвъ въ многихъ мѣстахъ Понта Евксинскаго, и если бы нашли на нихъ надписи, которое подтвердилось бы подобное предположеніе, то составилось бы самое убѣдительное удостовѣреніе въ томъ, что Ахиллеонъ долженъ былъ находиться именно тамъ, гдѣ мы его полагаемъ, слѣдуя указаніямъ Страбона.

⁵ Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между Язобурнскимъ мысомъ и Сѣвѣрною косою, ширина пролива составляетъ около четырехъ верстъ.

en suivant, pour le Parthenium et l'Heracleum, les indications des anciennes constructions dont le consciencieux DUBRUX avait relevé les traces.

Suivons maintenant STRABON dans sa description du Bosphore Cimmérien. Il dit, liv. XI. (traduction de Coray. Paris. 1805—1819.).

« *Du petit Rhombitès*¹ (le Protok d'après DUBOIS) jusqu'à Tyrambé et au fleuve Anticitès (liman de Temrouk), il y a 600 stades (environ 100 versles).

*A 120 stades plus loin est le bourg Cimmericum, d'où partent les navires pour entrer dans le Palus Maeotis*².

*Le Cimmericum fut jadis une véritable cité; son emplacement forme une péninsule, dont les habitants avaient fermé l'isthme, au moyen d'un retranchement et d'un fossé*³. *Les Cimmerii durant un temps furent maîtres de tout le Bosphore, et voilà pourquoi on l'appelle Bosphore Cimmérique. Ils étaient partis du Bosphore, quand ils pénétrèrent si avant au sein des terres situées sur la droite du Pont-Euxin, et jusque dans l'Ionie. Les Scythes les expulsèrent de leurs habitations, et les Scythes, à leur tour, furent chassés par les Grecs qui fondèrent Panticapæum avec les autres villes Bosphoriques.*

*A vingt stades (3 versles) plus bas est le bourg d'Achilleum où l'on voit un temple d'Achille*⁴. *C'est là que le détroit qui forme l'embouchure du Palus Maeotis, est le plus rétréci; en cet endroit il n'a guère que 20 stades*⁵. *Sur la rive opposée s'offrent le bourg Myrmecium, lieu voisin de l'Heracleum, et le Parthenium.*

¹ Il est à croire que le petit Rhombitès est plutôt le Kirpili ou le Beïsson.

² DUBOIS dit « *Kizlar à peu près* » qu'il place sur le Palus Maeotis même dans sa carte, non loin de Gavrilenkof de la nôtre. Nous croyons par la raison exposée dans la note qui suit, que Cimmericum ou Cimmerium doit être placé à sept versles environ plus au sud, à l'origine même de la langue sablonneuse nommée en russe *Severnaïa Kassa* (voir notre carte No. 2.), là où DUBOIS met l'Achilleum que nous indiquons plus au sud, au quart à peu près de la longueur de cette langue que les atterrissements du détroit ont dû prolonger, et dans un endroit qui formait probablement autrefois un promontoire. Si les vaisseaux partaient de Cimmerium pour le Palus Maeotis, suivant Strabon, il s'en suit que ce bourg devait se trouver sur le détroit même et non sur le Palus.

³ L'emplacement assigné par DUBOIS au bourg de Cimmerium n'offre pas de trace d'une péninsule. Cette péninsule de STRABON nous semble être la *Severnaïa Kassa* que les atterrissements du détroit ont étendue plus qu'elle ne l'était du temps du géographe.

⁴ Nous avons trouvé dans les manuscrits de DUBRUX, à la date de 1833, la mention de colonnes de marbre, qui seraient visibles au bord de la mer, lorsque l'eau est parfaitement calme, sur le rivage intérieur de la *Severnaïa Kassa*. Déjà en 1823 ou 1824, suivant ce que MR. ASCHIK nous a assuré, MR. BIRIKOFF aperçut ces colonnes et essaya d'en retirer une de l'eau; mais, manquant des moyens nécessaires, il dut y renoncer.

Si ces colonnes sont les restes d'un temple ou d'un autre monument qui aurait été élevé à Achille, dont le souvenir héroïque est consacré dans plusieurs localités du Pont-Euxin, et si en retirant de l'eau ces colonnes, on venait à découvrir quelque inscription ou quelque autre indice qui constât le fait, ce serait la confirmation la plus heureuse de l'emplacement de l'Achilleum dans l'endroit que nous désignons d'après STRABON.

⁵ Dans l'endroit le plus resserré, du Cap Janabourou à la *Severnaïa Kassa*, le détroit a environ quatre versles de largeur.

Такое мѣстоименіе Мирмеіона, Гераклеона и Паревіона довольно неопредѣлительно и потому дает поводъ къ недоразумѣніямъ. Переводчикъ *Стравона*, Кораясъ, въ примѣчаніи къ нему (Т. 4. стр. 191.) говорить въ отношеніи къ Мирмеіону: «это показаніе темно; въ моемъ переводѣ предполагается, что слова *πλησίον ὁδοῦ τοῦ Ἡρακλείου* (слово въ слово: онъ близъ Гераклеона) относятся къ Мирмеіону и составляютъ вставочное предложеніе. Но тутъ встрѣчается еще одно затрудненіе. Въ своемъ описаніи *Тавериды*, *Стравонъ* (Кв. VII. Т. 3. стр. 63.) говоря объ этомъ берегу, противоположномъ Азіатскому, идѣ находялся *Ахиллеонъ*, упоминаетъ только о лежащихъ тамъ Мирмеіонъ и Паревіонъ, не говоря о Гераклеонѣ. Замѣтимъ впрочемъ, что *Птоломей* (Геогр. Кн. III. Гл. 6. стр. 83.) означаетъ Гераклеонъ на этомъ берегу *Тавериды*.

Свѣдѣнія, какъ мы нынѣ имѣемъ о сихъ мѣстахъ, кажется разрѣшаютъ въ семь случаѣ всѣ недомѣслия. Что же касается до недомѣслия *Стравона* въ Кн. VII. относительно Гераклеона, то она не имѣетъ важности въ сравненіи съ опредѣлительнымъ показаніемъ въ Кн. XI.

Мирмеіонъ могъ находиться только на мѣстѣ Нового Карантина; Дювержскъ, Дюета, Благрамергъ и другіе археологи того же мнѣнія. Но намъ кажется, что Дюета, (Карта XXVI. V-й Серія) напрасно полагаетъ Гераклеонъ на Меотійскомъ морѣ (впрочемъ ставить при томъ вопросительный знакъ), внапроемъ показанію *Стравона*, который говоритъ: «Мирмеіонъ находящійся близъ Гераклеона.» Паревіонъ же или Пороміонъ онъ помѣщаетъ въ проливъ слѣшкомъ сѣверно. Паревіонъ долженъ былъ находиться на Янабурунскомъ мѣстѣ. Представимъ въ доказательство сего то, что писалъ объ этомъ Дювержскъ. Говоря о прибрежьи, простирающемся отъ мыса, гдѣ нынѣ возвышается Еникалскій маякъ¹, до Корченскаго Нового Карантина, онъ изъясняется такъ:

«Слѣдуя берегомъ моря нигдѣ не видно слѣдовъ древнихъ стѣнъ.» Говоря о развалинахъ поселенія, найденныхъ нынѣ на этомъ мѣстѣ, онъ продолжаетъ:

«Если стоя у маяка, хочешь найти слѣды этого поселенія, то всего удобнее обернуться лицомъ къ Востоку и слѣдовать хребтомъ горы; тутъ, на разстояніи 200 сажень отъ маяка, вы придете къ первымъ слѣдамъ стѣнъ и башни, находившейся на скаль и т. д.»

*Стравонъ*² говоритъ: «Подвигаясь въ Киммерійскій Босфоръ находишь на лѣво небольшой городъ Мирмеіонъ, отстоящій отъ города Пантикапея на 20 стадій, и на 40 отъ Паревіона, мѣстечка, находящагося на томъ мѣстѣ, идѣ проливъ суживается до того, что ширина его, кажется, не превышаетъ 20 стадій, и противоположнаго другому мѣстечку по имени Ахиллеонъ, находящемуся на Азіатскомъ берегу.»

¹ Маякъ этотъ, построенный въ 1820 г. состоитъ изъ четырехъэтажной башни, вышиною въ 71 футъ и находится на высотѣ 412 футовъ отъ поверхности моря. Сѣтъ маяка видѣтъ на разстояніи отъ 30 до 35 верствъ.

² Въ запискахъ Дювержска сохранился планъ этихъ развалинъ, и онъ входитъ въ весьма подробное описаніе ихъ. Свѣдѣнія его указываютъ сдѣлана была въ 1853 г. предварительная развѣдка сихъ развалинъ на мѣстѣ, которая не привела къ ожидаемымъ результатамъ. Но какъ по показанію самого Дювержска эти развалины весьма мало возвышались надъ поверхностью земли, то онъ требуетъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Не должно забывать съ какою скоростію (мы уже сказали это въ другомъ мѣстѣ) древніе строенія исчезаютъ въ этой мѣстности. Въ прошедшемъ столѣтіи сооруженъ въ Еникале, а въ нынѣшнемъ — возведеніе маяка вѣроятно поглотило по одну древнюю стѣну. Со времени Дювержска развалины, рассмотрѣнные имъ съ собственнымъ ему тщательнымъ вниманіемъ, могли превратиться въ едва захватные остатки; но нынѣ обратимъ на этотъ предметъ вниманіе и посему еще можно ожидать результата.

³ Книга VII. Гл. V.

La position de Myrmecium ou Myrmekion, de l'Heracleum et de Parthenium n'est pas tellement déterminée qu'elle ne fasse naître des doutes. CORAT, le traducteur de *Strabon*, dit dans la note relative au Myrmecium (To. 4. p. 194.): «cette phrase est obscure; ma version suppose que les mots *πλησίον ὅστις τοῦ Ἡρακλείου* (littéralement, il est proche de l'Heracleum) se rapportent au Myrmecium, et forment une parenthèse. Mais il reste une difficulté. *Strabon* dans la description de la Tauride (Liv. VII. To. 3. p. 63.), parlant de ce rivage opposé au rivage asiatique où se trouve l'Achilleum, n'y a placé que le Myrmecium et le Parthenium, sans faire mention d'un Heracleum. — Mais observons que *Ptolémée* (Geog. Liv. III. ch. 6. p. 83.) place un Heracleum sur cette côte de la Tauride dont il est ici question.»

Les données que nous avons aujourd'hui sur les lieux dont il s'agit, nous semblent devoir détruire ces doutes. Quant à l'omission que STRABON fait, dans son VIIme livre, de l'Heracleum, elle est peu importante à côté de la mention du liv. XI. qui est positive.

Le Myrmecium ne peut être que l'emplacement de la Nouvelle Quarantaine de Kertch. DUBOIS l'admet comme DUBRUX, comme BLARAMBERG et autres archéologues, mais il nous semble que DUBOIS qui place l'Heracleum Pl. XXVI. (V^e. Série) sur le Palus Maeotis (il est vrai qu'il l'admet avec un point d'interrogation), est, sans raison, en contradiction avec le passage de STRABON «*Myrmecium voisin de l'Heracleum*». Il place ensuite le Parthenium ou Porthmion trop au nord sur le détroit. Le Parthenium doit avoir existé sur le cap Ianabouroun, et nous allons citer à l'appui ce que nous trouvons dans les manuscrits de DUBRUX. Il dit, en parlant du rivage qui va de ce cap, sur lequel s'élève le phare actuel de Ienikalé¹, jusqu'à la Nouvelle Quarantaine de Kertch:

«Il n'y a, en suivant les bords de la mer, aucune trace de murailles anciennes.» Puis, en parlant des ruines d'un bourg qu'il découvrit sur ce cap:

«Pour retrouver facilement les vestiges de ce bourg lorsque l'on est au phare, il faut se diriger au levant, en suivant la crête de la montagne qui vous conduira, au bout de 200 sagènes, au premier vestige de muraille et à ceux d'une tour qui était construite sur un rocher, etc.»²

STRABON dit³: «En s'avançant dans le Bosphore Cimmérien, on trouve à gauche la petite ville de Myrmecium, éloignée de 20 stades de la ville de Panticapée, et de 40 de Parthenium, bourg situé à l'endroit où le trajet se rétrécit au point de n'avoir plus qu'environ 20 stades, et vis-à-vis d'un autre bourg situé en Asie et connu sous le nom d'Achilleum.»

¹ Ce phare, bâti en 1820, est une tour à quatre étages, haute de 71 pieds. Elle est à 412 pieds au-dessus de la mer. Le fanal réfléchit son feu à 30 ou 35 verstes.

² DUBRUX a laissé dans ses manuscrits un plan de ces ruines, et il se montre très-explicite dans les détails qu'il donne à ce sujet. D'après les indications qu'il a fournies, une première inspection a été faite sur les lieux, en 1853. Elle n'a pas donné le résultat que nous en attendions; mais comme ces ruines étaient, d'après lui, très peu au-dessus du niveau de la terre, il faudrait des recherches plus sérieuses. Il ne faut pas oublier avec quelle rapidité les restes d'anciennes constructions disparaissent dans ces localités (nous l'avons dit ailleurs). Les constructions de Ienikalé, le siècle dernier, celle du phare, de nos jours, ont détruit probablement bien des vestiges. Depuis l'exploration de DUBRUX, ceux qu'il avait examinés avec l'attention sérieuse que nous lui connaissons, ont pu être réduits à des traces peu visibles. Mais l'attention est éveillée à ce sujet, et il faut espérer encore un résultat.

³ Liv. VII. ch. V.

Основываясь на этом положительном свидетельстве Дюврюкса доказывают, что Мирмекіонъ могъ находиться только на мѣстѣ нынѣшняго Нового Карантина, а Паресіонъ тамъ, гдѣ онъ нашелъ развалины на Янабурунскомъ мысѣ въ 200-хъ саженьяхъ къ Востоку отъ маяка.

И действительно, разстояніе отъ Керчи до Нового Карантина составляетъ четыре версты, а отсюда до маяка восемь верстъ. Есть правда нѣкоторая разница въ счетѣ стадій и верстъ, потому что 20 стадій составляютъ только съ небольшимъ три версты. Но Стравоновы показанія разстояній не такъ точны, какъ бы слѣдовало предположить (замѣчено, что разстоянія показаны у него вообще нѣсколько меньше действительныхъ), а свидетельство Дюврюкса о томъ, что между Новымъ Карантиномъ и маякомъ нѣтъ никакихъ развалинъ, не позволяетъ называть другихъ мѣстъ, ни для Мирмекіона, ни для Паресіона.

Остается опредѣлить мѣстоположеніе древняго Гераклеона, поселенія, находившагося близъ Мирмекіона.

Дюврюксъ сдѣлалъ объ этомъ предположеніе, которое мы готовы принять за правдоподобное. Онъ говоритъ въ семь отношеній слѣдующее:

«Этотъ Гераклеонъ, или памятникъ возвышутый Гераклу, могъ находиться тамъ, гдѣ возвышается незначительное круглое строеніе, которое мы видимъ на вершинѣ небольшого Мирмекіонскаго Акрополиса.» Строеніе сіе публикуется нами на листѣ видовъ и плановъ В. 7. 8., съ рисунка, найденнаго въ бумагахъ Дюврюкса.

Возвращаясь къ тексту Стравона, Кн. XI., и продолжаемъ слѣдовать за нимъ:

«Оттуда до памятника Сатира разстояніа 90 стадій (15 верстъ)¹. Памятникъ этотъ состоитъ изъ насыпи на возвышенности и возвышутъ въ честь одного изъ Царей, со славою црствовавшихъ на Босфорѣ.»

«Вблизи отсюда селеніе Патрей² (развалины у подошвы Куку-Оба), а отъ Патрей до селенія Корокодама (Тамани) считаютъ 130 стадій³. Въ этомъ мѣстѣ оканчивается собственно Босфоръ Киммерійскій; а называется этимъ именемъ проливъ, находящійся при устьѣ Меотійскаго моря. Пролитъ этотъ простирается одну отъ тысячи между Ахмилеопомъ и Мирмекіономъ до Корокодама и супротивнаго ему мѣстечка на Пантикапейской землѣ; отъ этого послѣдняго поселенія, называемаго Акра⁴, переправа составляетъ 70 стадій⁵.

¹ Это Куку-Оба (по татарски «гора, издающая запахи»). Дювгъ, описавъ прекрасный видъ, который открывается путешественнику съ вершины этого холма на проливъ и Емелянскій берегъ, предполагаетъ, что этотъ гравовый вулканъ, въ смотра на нынѣшній свой характеръ, весьма могъ быть занятаковъ, воздвигнутыхъ Сатиру, царствовавшему отъ 407 до 393 г. предъ Р. X. Мѣстоположеніе этого холма согласно съ разстояніемъ, показаннымъ у Стравона, потому что Куку-Оба точно находится около 13-ти верстъ по прямой линіи отъ Паресіона.

По мнѣнію Дювгъ холмъ этотъ скорѣе долженъ бы называться Куку-Оба, по татарски *синая гора*, по итуго его, если смотрѣть съ Босфора (См. прим. въ концѣ стр. 53. Т. V.); но намъ кажется, что первое названіе, по значенію своему, заслуживаетъ преимущество.

² По словамъ Ля-Мотгъ Патрей есть Ада. Но спрашивается: какое Ада? То ли это мѣсто, гдѣ нынѣ находится селеніе, называемое: Ауль Дворанскій Адъ? Разстояніе сего послѣдняго отъ Куку-Оба не было бы согласно съ выраженіемъ Стравона: *«вблизи отсюда»*.

³ 130 стадій составляютъ 24½ версту. Если слѣдовать вдоль извивающаго берега, то получится это разстояніе.

⁴ Акра, т. е. мысъ, къ Югу отъ Тамань-Буруна.

⁵ 70 стадій (11½ верстъ). Это разстояніе между Тамань-Бурунскимъ мысомъ и Панагійскимъ скаломъ.

C'est moyennant ce passage très-précis que DUBRUX démontre que Myrmecium ne peut être que la Nouvelle Quarantaine de Kertch, et le Parthenium les ruines découvertes par lui sur le cap Ianabouroun, à 200 sagènes à l'orient du phare.

En effet, il y a de Kertch à la Nouvelle Quarantaine quatre verstes, et de ce dernier endroit jusqu'au phare huit verstes. Sans doute qu'il y a une petite différence dans le rapport du nombre des stades à celui des verstes; vingt stades ne font en effet qu'un peu plus de trois verstes. Mais STRABON n'est pas tellement rigoureux qu'il faille l'admettre à ce point de vue (on a fait la remarque que ses évaluations quant aux distances, sont un peu au-dessous de la vérité), et le témoignage de DUBRUX sur l'absence totale de ruines de la Nouvelle Quarantaine au phare, ne peut pas faire admettre un autre emplacement à Myrmecium et au Parthenium.

Reste l'Heracleum. Où peut avoir été «*ce lieu voisin de Myrmecium?*»

Nous trouvons dans DUBRUX une supposition que nous sommes tenté d'admettre comme lui. Il dit:

«*Cet Heracleum ou monument à Hercule, pourrait bien avoir été là où s'élève cette construction circulaire qui se voit sur la pointe de la petite acropolis de Myrmecium.*» Nous la reproduisons d'après le dessin trouvé dans ses manuscrits (Voir Vues et Plans B, 7. 8.).

Nous revenons au texte de STRABON que nous allons continuer à suivre, au livre XI.

«*De là jusqu'au monument de Satyrus, il y a 90 stades (15 verstes)¹. Ce monument est un amas de terre, élevé sur un cap, en l'honneur de l'un de ces princes qui ont régné avec gloire sur le Bosphore.*»

Tout proche est le bourg de Patraeus² (ruine au pied du Koukou-Oba); et de Patraeus au bourg Corocondamé (Taman) l'on compte 130 stades³. Là finit ce qui s'appelle proprement le Bosphore Cimmérien, c'est-à-dire le détroit qui se trouve à l'embouchure du Palus Maeotis: la longueur de ce détroit s'étend, depuis le pas resserré entre l'Achilleum et le Myrmecium jusqu'à Corocondamé et au bourg situé en face, dans le territoire des Panticapéens; de ce dernier bourg qui se nomme Acra⁴, le trajet est de 70 stades⁵. C'est aussi jusque là que s'étend la glace

¹ C'est le Koukou-Oba (en tatar «le mont qui exhale une odeur.»). DUBOIS après avoir décrit la belle vue dont on jouit du haut de ce petit mont sur le détroit et la côte de Ienikalé, croit que ce volcan de boue, malgré sa nature actuelle, peut bien avoir été le monument de Satyrus I. qui régna de 407 à 393. La localité convient quant à la distance indiquée par STRABON. Le Koukou-Oba est en effet à environ treize verstes en ligne droite du Parthenium.

DUBOIS pense que ce mont doit plutôt se nommer Kouk-Oba, en tatar *mont bleu*, à cause de sa teinte quand on le voit du Bosphore (voir la note au bas de la page 53. du tome V.); mais, vu sa signification, le premier nom nous semble préférable.

² LA MOTRAYE dit que Patraeus est Ada. Mais quel Ada? Est-ce l'endroit où le village nommé Aoul-Dvorianskii-Ada existe aujourd'hui? La distance ne se rapporterait point au tout proche de STRABON.

³ 130 stades (21½ verstes). C'est la distance, en suivant la courbe des rivages.

⁴ Acra, c'est-à-dire la pointe, au sud du cap Takil-Bouroun.

⁵ 70 stades (11½ verstes). C'est la distance entre le cap et le rocher de Panagia.

До этого же места Меотийское море во время морозов покрывается льдом, так что по нему можно ходить¹. Впрочем, вдоль всего пролива имеются удобные пристани.»

«Выше Корокондама находится большое озеро, называемое по имени этого селения Корокондамитским озером²; оно изливается в море на расстоянии 10 стадий от Корокондама. В озеро впадает рукав Антикита³; таким образом страна ся в этом месте образует как бы остров⁴, находящийся между Корокондамитским озером, Меотийским морем и рекою Антикитом. Иные называют и эту реку Гипанисом, как и ту (Бугъ), которая протекает близ Борисвена.»

«Всплывши в Корокондамитское озеро находишь Фанагорию, значительный город Кепы⁵, Гермонассу⁶ и Апатурон⁷, посвященный Венерѣ. Из низв Фанагорія и Кепы находятся на упомянутом нами острове по левую руку; прочие же города находятся на право, по ту сторону Гипаниса, в Синдикъ. Есть тутъ и Гориппидя; в Синдикъ же столица Синдских Царей, близ моря, и Аборахъ.⁸»

¹ Вдоль берега от Еватории до Тавильского мыса море никогда не замерзает; но от Керчи до Еникале проливъ весь покрывается льдомъ, такъ что по нему можно сухо переплыть. Это случается въ каждые четыре года разъ.

² Этого имени Стравонъ даетъ нынешнему Таванскому Заливу. Мы сохранили его на нашей картѣ.

³ Это тотъ рукавъ, который впадаетъ въ Пинарскую бухту (см. карту No. 2. и вставку къ ней).

⁴ Мы находимъ такое же показаніе у многихъ другихъ древнихъ географовъ. Диогл. Periég. V. 549. — Ром. Мгл. lib. I. Cap. 49. § 45. — Рик. Hist. nat. VI. — Амолит. Periég. Pont. Eux. 2.

Свявизъ Хиосскій (между 894—900 г.), упоминавъ объ этой сторонѣ, говоритъ: «Послѣ того встрѣчаются Гермонасса и Фанагорія, основаніе которыхъ принадлежатъ Теосцамъ, и Синдикскій портъ, населенный Греками изъ близлежащихъ мѣстъ. Города эти находятся на островѣ, по близости Босфора и Меотійскаго моря, образующемъ пространную равнину, неприступную отчасти по болотамъ, рекамъ и мелководнымъ мѣстамъ, которая тѣлится на необозримомъ пространствѣ, и отчасти по причинѣ моря и озера.» Разсмотрѣвъ эту мѣстность на картѣ поражаемся вѣрностью сего описанія и точностью показанія Стравона.

⁵ Кѣтос (сады). Плиній (Кн. VI.) говоритъ: «Милетская колонія между Гермонассою и Стратоніею». — Связавскъ (стр. 31.): «между Фанагоріею и Синдикскимъ портомъ». — Понтопий Мгла (I. 49. 15.): «между Гермонассою и Фанагоріею». — Д'Авиваль (Т. 2. стр. 312.): «Мѣсто, называемое нынѣ Кепиль. Не промѣлзды ли оно отъ Кепы (что значить сады), бывшаго Милетскимъ поселеніемъ?» — Дюбуа весьма правильно говоритъ: «Названіе Кепосъ, азначалъ сады, совершенно соответствуетъ характеру мѣста, должествовавшего служить Фанагоріи садомъ, потому что мѣстоположеніе ея въ селѣ отношеніи было невыгодное. И такъ на этомъ мѣстѣ древніе Фанагорійцы устроили свои загородные дома; расположенные амфитеатромъ на берегу Лимака съ прѣсною водою, они процвѣтали на плодородной почвѣ, а окрестности ихъ наполнялись памятниками. (Т. V. стр. 59.). Все это намъ кажется совершенно правдоподобнымъ и мы назначили на нашей картѣ такое же положеніе Кепосу (или Кипосу), какъ и Дюбуа.

⁶ У Стѣфана Византійскаго (см. «Ермѣвоста») сказано: «что на Босфорѣ Киммерійскомъ есть небольшой островъ этого имени, съ городомъ, бывшимъ Іонійскою колоніею.» — Авианъ (XX. 8. 30.) выражается такъ: «Cujus in dextro latere insulae sunt Phanagoria et Hermonassa, studio constructae Graecorum.» — Птоломей (III. 10.) говоритъ: «на Югѣ полуострова, къ Востоку отъ Корокондама.» Все это еще не ведетъ къ положительному заключенію на счетъ мѣста, гдѣ находилась Гермонасса. Дюбуа показавъ ее на своей картѣ при впадѣ въ Бугъзъ или Лимаъ Кубани.

⁷ Дюбуа показавъ Апатуронъ къ Северу отъ Дубоваго Рынка; такое предположеніе принято и нами.

⁸ Можно предположить, что Гориппидя и Аборахъ находились въ Синдикскомъ Лимаѣ, во какъ древніе ничего не говорятъ объ этомъ опредѣлительно, то и мы не можемъ сказать своего мнѣнія.

quand le froid gèle le *Palus Maeotis*, au point de le rendre praticable aux gens de pied¹. Du reste tout le détroit a de bons abordages.

Au-dessus de *Corocondamé* se trouve un grand lac, que l'on appelle du nom de ce bourg, lac *Corocondamite*²: il se dégorge dans la mer à dix stades du bourg. Au lac communique un bras de l'*Anticités*³; ainsi le pays, dans cette partie, offre une espèce d'île⁴, renfermée entre le lac *Corocondamite*, le *Palus Maeotis* et le fleuve *Anticités*. Quelques-uns donnent à ce fleuve le nom d'*Hypanis*, comme à celui (le Boug) qui coule près du *Borysthène*.

En remontant le lac *Corocondamite*, on trouve *Phanagoria*, cité considérable, *Cepi*⁵, *Hermonassa*⁶ et *Apaturum*⁷, lieu consacré à *Vénus*. *Phanagoria* et *Cepi* sont situées dans l'île dont je viens de parler, et sur la gauche (du lac) en remontant. Les autres villes sont sur la droite, au delà de l'*Hypanis*, dans la *Sindicé*. De ce même côté se trouve pareillement *Gorgippia*; mais à la *Sindicé* appartiennent et la résidence des rois des *Sindi*, voisine de la mer, et *Aboracé*.⁸

¹ La mer ne gèle jamais sur la côte, d'Eupatorie jusqu'au cap *Takil*; mais le détroit, de *Kerich* à *Ienikalé*, se couvre de glace entièrement, de manière que l'on peut le franchir à pied sec. Cela arrive communément une fois en quatre ans.

² Telle est la dénomination épithétique que *STRABON* donne à ce qui est aujourd'hui le golfe de *Taman*; nous la conservons dans notre carte.

³ C'est le bras qui débouchait dans la baie de *Chinardane* (voir la carte No. 2, et le papillon).

⁴ Beaucoup d'autres géographes anciens attestent la même chose. *DION. Perieg.* V. 549. — *POMP. MEL.* lib. I. cap. 49. § 45. — *PLIN.* Hist. nat. liv. VI. — *ANONYM.* Periopl. Pont. Eux. 2.

En parlant de cette contrée, *SCYLLAX DE CUIO* (v. 894—900) dit: «Après viennent *Hermonassa* et *Phanagorie*, que l'on dit avoir été fondée par ceux de *Teos*, et le port *Sindique* peuplé des colons grecs venus des lieux voisins. Ces villes se trouvent dans une île, voisine du Bosphore et du *Palus Maeotis*, comprenant une vaste plaine inaccessible, en partie à cause des marais, des fleuves et des bas-fonds qui s'étendent à perte de vue, en partie à cause de la mer et des lacs.» En examinant sur la carte le caractère de la contrée, on est frappé de la vérité de cette description, aussi bien que de l'exactitude de *STRABON*.

⁵ *Κήποι* (jardins). *PLINE* dit (liv. VI.): «Colonie *Milésienn*e, entre *Hermonassa* et *Stratoclia*.» — *SCYLLAX* dit (p. 34): «entre *Phanagorie* et le port des *Sindes*.» — *POMPEIUS MELA* (l. 49. 45.): «entre *Hermonassa* et *Phanagorie*.» — *D'ANVILLE* (Tom. 2. p. 342) dit: «une position actuelle dont le nom est *Kepil*. L'auroit-elle tiré de *Cepi* (ou *Kepi*, c'est à dire jardin) qui étoit une colonie *milésienn*e?» — *DUBOIS* dit avec sagacité: «*Képos*, dont le nom, qui signifie jardin, répond fort bien à la nature de la localité qui devoit être le jardin de *Phanagorie*, que sa position ne favorisait pas de ce côté là. C'étoit donc ici que les anciens *Phanagoriens* étoient venus se créer des campagnes; semées en amphithéâtre autour d'une baie du liman aux eaux douces, elles avoient profité d'un sol fertile, et les monuments s'étoient accumulés dans leur voisinage (To. V. p. 59.).» Tout cela nous paraît très-probable, et dans notre carte nous avons assigné à *Képos* la même localité que *DUBOIS*.

⁶ *ETIENNE DE BYZANCE* dit (voir *Ἐρμόνασσα*): «qu'il y a sur le Bosphore *Cinnérien* une petite île de ce nom, avec une ville, colonie des *Ioniens*.» — *AMMIEN* (XX. 8. 30.) s'exprime ainsi: «*Cujus in dextro latere insulae sunt Phanagoria et Hermonassa, studio constructae Graecorum.*» — *PROLÈME* (III. 10.) dit: «au sud de la péninsule, à l'est de *Corocondame*.» Tout cela n'est pas assez concluant pour désigner l'emplacement d'*Hermonassa* que *DUBOIS* indique sur sa carte à l'entrée du *Bougaz* ou *Liman* du *Kouban*.

⁷ *DUBOIS* la place au nord du *Doubovoï-Rinok*. Nous avons admis sa supposition.

⁸ Il est à supposer que *Gorgippia* et *Aboracé* étoient situées sur le limène *Sindique*; mais les auteurs anciens ne renfermant aucune indication un peu précise à leur sujet, il faut s'abstenir.

«Всѣ жители, подвластные Босфорским Царямъ, называются Босфорцами (Воспоритянами). Главный городъ Европейскихъ Босфорцевъ Пантикапея, а Азіатскихъ Фанагорія¹, также именуемая городомъ Фанагора; городъ этотъ, кажется, служитъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ съ Меотійскаго моря и изъ варварскихъ странъ, лежащихъ выше его, а Пантикапея складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ въ Херсонисъ моремъ.»

«Въ Фанагоріи есть великолѣпный храмъ Венеры Анатурійской².»

«Сами Сиды народъ Меотійскій. Вообще Азіатскіе Меоты обыкновенно завистливы одни отъ владѣтелей торговаго складочнаго мѣста на Танаисѣ, друпе отъ Босфорскаго Царя; но они нѣкоторое время признавали друпаго владѣтеля. Многіе Босфорскіе Цари и особенно три послѣдніе: Фарнакъ, Азандръ и Полемонъ властвовали надъ всею страню до Танаиса.»

«Начиная отъ Короконодама плаваніе идетъ на Востокъ.

«По провъдѣ 180-ти стадій видны портъ и городъ Сидикъ³.»

Мы ограничимъ этикъ наши выписки изъ Страбона, у котораго заимствовали только то, что нужно было для объясненія Карты No. 2.

Въ заключеніе разсмотримъ нѣсколько названій мѣстъ, находящихся на Европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго.

¹ Этотъ знаменитый городъ, котораго мѣстоположеніе долгое время оставалось неизвѣстнымъ, точно кажется существовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы его означили на нашей картѣ согласно съ Дюбуа, близъ нынѣшней Сѣмной почтовой станціи, недалеко отъ бывшей Шинарянской бухты. Значительныя въ семъ мѣстѣ развалины, сдѣланныя вмѣстѣ съ тамошними курганами предметомъ предпринятыхъ Правительствомъ разсысканій, производимыхъ подъ просвѣщеннымъ руководствомъ Его Сіятельства Графа Л. А. Перовскаго, и важныя находки древностей, часто тутъ встрѣчающіяся, заставляютъ надѣяться, что не смотря на трудности, какія представляетъ удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса, изслѣдованія сіи приведутъ къ рѣшительному результату. И точно, нынѣ уже доказано, что древнюю почву этой мѣстности должно раскапывать на глубинѣ 4-хъ, 5-ти и болѣе сажень ниже нынѣшней поверхности земли. Физическими переворотами, произведенными въ этой странѣ грозными силами, объясняются измѣненія какъ прежней Дельты Гипаниса, такъ и теченія этой рѣки, до совершеннаго раскрытія которыхъ конечно удастся достигнуть временемъ и неуспышными изслѣдованіями. Эти грозныя силы и донынѣ еще не угасли. Въ 1853 г. Г. Бѣгичевъ, на пути изъ Керчи въ Тамань, былъ свидѣтелемъ изверженія одной изъ нихъ. (См. *Journal de St.-Petersbourg*, 16 Сентября 1853 г.)

² Венера-Обнашница.

³ Согласно съ Дюбуа мы означили Сидикскій портъ въ Аялѣ, но поставили вопросительный знакъ, потому что отъ Короконодама до этого мѣста по прямой линіи около 318 стадій, вмѣсто 180, какъ показывается Страбонъ, и мы думаемъ, что Sidiacus portus должно искать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. — Д'Анвилль, промѣривъ мѣсто котораго въ изслѣдованіяхъ древнихъ именъ извѣстно, говоритъ въ своей древней Географіи (Т. 2, стр. 312. Парижскаго изданія 1767.) *Во имени Тамани кажется сохранится часть прежняго названія Короконодама. Сидика есть названіе округа на Евксинѣ, за Босфоромъ, а Sidiacus portus сохранило свое имя въ Sandgik.* На томъ мѣстѣ, гдѣ на нашей картѣ показанъ Сунджукъ и при немъ: ?, кажется, есть древнія развалины въ началѣ Сидикскаго Лимана; отъ Короконодама до этого мѣста 30 верстъ, что было бы согласно съ показываемымъ Страбономъ разстояніемъ 180-ти стадій. Любопытный вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ дальнѣйшими археологическими изслѣдованіями и можетъ нибудь счастливымъ случаемъ.

Les habitants de ces lieux, obéissant tous aux maîtres du Bosphore, sont appelés Bosporani. La métropole des Bosporani d'Europe est Panticapæum; celle des Bosporani d'Asie est Phanagoria¹, que l'on appelle aussi la ville de Phanagoras; et cette dernière semble être l'entrepôt des marchandises apportées du Palus Macotis, comme des pays barbares situés au dessus du Palus; tandis que Panticapæum est l'entrepôt de celles qui viennent par mer dans la Chersonèse.

On voit dans Phanagoria un superbe temple de Vénus-Apaturienne². . . .

Les Sindi sont eux-mêmes des peuples Maeotes. . . . En général les Maeotes asiatiques ont habituellement dépendu, les uns du possesseur de l'entrepôt commercial établi sur le Tanais, les autres du prince des Bosporani: mais, en certains temps, ils ont changé de maîtres. L'on a vu plusieurs rois du Bosphore, et particulièrement les trois derniers, Pharnace, Asandre et Polémon, dominer tout le pays jusqu'au Tanais. . . .

A partir de Corocondamé, la navigation se dirige au levant.

Au bout de 180 stades, on trouve le port et la cité Sindique³.

Nous bornerons ici nos citations du texte de STRABON, ne l'ayant suivi que dans les passages qui nous étaient nécessaires pour l'intelligence de notre carte No. 2.

Nous terminerons par l'examen de quelques noms qui appartiennent à la rive d'Europe du Bosphore Cimmérien.

¹ Cette célèbre ville, dont l'emplacement a été si longtemps cherché, paraît bien avoir existé là où nous l'avons indiquée dans notre carte, ainsi que DUBOIS, près de la station de poste actuelle *Sennaia*, non loin de l'ancienne baie de Chimardane. Les immenses ruines qui s'y trouvent et qui sont devenues avec leurs tumulus le point de mire des recherches ordonnées par le Gouvernement, et l'objet de la sollicitude éclairée de S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY, les découvertes importantes d'objets antiques que l'on y fait souvent, font espérer que l'on arrivera à quelque résultat tout-à-fait concluant, malgré les grandes difficultés qu'offre cette tâche. En effet, il est déjà démontré que c'est à une profondeur de quatre à cinq sagènes et plus, sous le sol actuel, qu'il faut explorer le sol antique de la localité. Les convulsions physiques que les phénomènes des volcans de boue de la contrée ont produites sur l'ancien sol expliquent, et les changements du Delta de l'Hypanis et du cours de ce fleuve, et bien d'autres circonstances dont le temps, la persévérance des recherches et l'énergie des moyens font espérer l'explication. Les volcans de boue dont nous parlons ne sont pas éteints. En se rendant de Kerch à Taman, Mr. BSCUITCHEFF fut témoin, en 1853, de l'explosion d'un de ces volcans (voir le *Journal de St.-Petersbourg* du 16 septembre 1853).

² Vénus Trompeuse.

³ Nous avons placé, comme DUBOIS, le *Port Sindique* à Anapa, mais avec un point d'interrogation, car de Corocondamé à ce point il y a en ligne droite environ 318 stades, au lieu des 180 de STRABON. Nous croyons qu'il faut chercher ailleurs l'emplacement du *Sindicus portus*. — D'ANVILLE, dont on connaît la sagacité dans la recherche des noms anciens, dit (To. II. p. 342. de sa *Géographie ancienne*. Edition de Paris. 1767.): «*Corocondama, paraît conserver un reste de ce nom dans celui de Taman. Sindica est un canton sur l'Euxin, à la suite du Bosphore; et le Sindicus portus garde le même nom sous la forme de Sundgik.*» Il y a, nous le croyons, des ruines anciennes dans la localité indiquée sur notre carte, avec un point d'interrogation, par le nom de *Sounjouk*, au fond du Limène Sindique; et de Corocondamé à cet endroit il y a 30 verstes qui correspondent aux 180 stades de Strabon. Les recherches des archéologues et d'heureuses circonstances résoudront peut-être cette question intéressante

Въ объяснительныхъ надписяхъ къ видѣмъ и планамъ В. мы упоминали о *Куурдакѣ*, лежащей къ Сѣверу отъ Оеодосіекаго шоссе и о *Кермиш-Келечикѣ*, находящейся къ Западу отъ Чурубашскаго озера. Довѣряясь намѣлу въ этихъ мѣстахъ развалины, означающія, можетъ быть, мѣста древнихъ *Дим* и *Тириакки*.

По недостатку положительныхъ данныхъ объ нихъ у древнихъ писателей, мы остаемся относительно сего вопроса въ неизвѣстности. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшія изслѣдованія и, можетъ быть, открытіе какого нибудь памятника дадутъ возможность разрѣшить его.

Слѣдя Дюбуа, мы, покуда, означили мѣстоположеніе *Дим*, о которой Плиній¹ говоритъ только неопредѣлительно, въ Каминш-Бурунѣ, къ Сѣверу отъ Чурубашскаго озера, сдѣлавъ это въ видѣ предположенія.

Также слѣдя Дюбуа, мы предположительно означили на Югѣ отъ того же озера *Нимфею*; объ ней Скилаксъ² говоритъ неопредѣленно, что она находится «*между Китеею и Пактикаеею*».

Упомянутую у Страбона (см. выше) *Акру* Плиній³ полагаетъ между *Зефиріономъ* и *Нимфею*. *Зефиріонъ* упоминается у Стефана Византійскаго⁴.

По словамъ Скилакса⁵ *Китея* есть «*греческій городъ, лежащій между Оеодосіею и Нимфею*». Плиній⁶ просто говоритъ: «*за Оеодосіею*». Безымянный писатель⁷ въ семь случаевъ изъясняется обстоятельно: онъ полагаетъ *Китею* «*на разстояніи 30 стадій (3 версты) отъ Акры и 60 стадій (10 версты) отъ Киммерикона*». Такое положеніе совершенно согласно съ тѣмъ, которое мы присвоили сему городу на нашей картѣ.

Киммериконъ или *Киммеріонъ* показанъ у насъ къ Востоку отъ горы Онуъ, на томъ жѣ мѣстѣ, которое приписалъ ему Дюбуа на основаніи совершенно всякаго показанія Скимпа Хіосскаго:

«*Далье (отъѣхавъ отъ Крумѣтопона) разстилается Босфоръ Киммерійскій и городъ Киммериконъ, нѣ суда надолго таванъ, когда свирѣпствуютъ Западные вѣтры. Прямо возвышаются два небольшіе скалистые острова, находящіеся въ самомъ маломъ разстояніи отъ твердой земли*».

Эти скалистые острова могутъ быть только *Скалы Караи*, означенныя на нашей картѣ.

Имя *Киммериконъ*, кажется, сохранилось въ испорченной формѣ названія *Киберниконъ*, дванадцатаго Константиномъ Багрянороднымъ мѣсту, на которомъ находился валъ близъ *Киммерикона*. См. объясн. надписи къ плану А⁶.

¹ Плиній: кн. IV, 20, 88.

² Скилаксъ: стр. 29.

³ Плиній: кн. IV, 26, 86.

⁴ Стеф. Византійскій: *Зефиріонъ*.

⁵ Скилаксъ: стр. 30.

⁶ Плиній: кн. VI, 26, 86.

⁷ Безъим. В.: стр. 5.

⁸ Скимп.: Отырдык, ст. 90—95. Geogr. vet. script. graeci min. II. Oxoniae. 1703. См. также Безъим. В.: стр. 5.

Dans les légendes de nos Vues et Plans B. nous mentionnons les localités de *Kouourdak*, au nord de la chaussée de Théodosie, et de *Kermiche-Kéldichik*, à l'ouest du lac Tchouroubache, où DUBRUX avait exploré des ruines qui marquent peut-être l'emplacement de *Dia* et de *Tyriclaca*.

Ici l'absence d'indications précises dans les auteurs anciens nous laisse dans le vague. Il faut espérer que des explorations ultérieures, et la découverte peut-être de quelques monuments, viendront en aide aux archéologues.

Nous avons, en attendant, comme l'a fait DUBOIS, marqué l'emplacement de *Dia*, dont PLINÉ parle vaguement¹, à Kamiche-Bouroun, au nord du lac Tchouroubache; mais comme une supposition.

Nous avons placé, comme DUBOIS, au sud de ce lac, mais toujours comme une supposition, l'indication de *Nymphée* dont SCYLAX² parle vaguement comme étant «entre *Kytaea* et *Panticapée*.»

Acra, mentionné par STRABON (voir plus haut), est placé par PLINÉ³ «entre *Zephyrium* et *Nymphée*.» *Zephyrium* est cité par ETIENNE DE BYZANCE⁴.

Kytaea d'après SCYLAX⁵, est «une ville grecque, entre *Théodosie* et *Nymphée*.» PLINÉ⁶ dit simplement «au-delà de *Theodosie*.» L'ANONYME⁷, plus explicite, la place «à 30 stades (5 verstes) de *Acra*, à 60 stades (10 verstes) de *Kimmericum*.» Cette indication convient bien à la situation que *Kytaea* occupe sur notre carte.

Nous avons mis *Kimmericum* ou *Cimmerium* à l'est de la Montagne d'Opouk, emplacement que DUBOIS lui assigne, d'après un passage très-clair de SCYMNUS DE CHIO:

«Plus loin (en partant du Krioumélopon) s'étend le Bosphore Cimmérien et la ville de Kimmericum où s'ouvre aux vaisseaux un port, lorsque les vents se déchainent depuis l'occident. En face surgissent deux îles rocheuses, mais petites, très-peu distantes du continent».»

Ces îles rocheuses ne peuvent être que les rochers *Karavi* que nous avons indiqués sur notre carte.

Le nom de *Kimmericum* se reconnaît peut-être sous une forme altérée, dans le *Κυβερνικόν* employé par CONSTANTIN PORPHYROGÉNÈTE, en parlant de l'emplacement du rempart voisin de *Kimmericum*. Voir les légendes de notre Plan A⁸.

¹ PLIN.: Liv. IV, 26, 86.

² SCYLAX: p. 29.

³ PLIN.: Liv. IV, 26, 86.

⁴ ETIENNE DE BYZANCE: Ζεφύριον.

⁵ SCYLAX: p. 30.

⁶ PLIN.: Liv. IV, 26, 86.

⁷ ANON. B.: p. 5.

⁸ SCYMN.: Fragm. v. 90 — 95. Geogr. vet. Script. graeci min. II. Oxoniae. 1703. Voyez aussi: ANON. B.: p. 5.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ НАДПИСИ КЪ ПЛАНУ А.

КУЛЬ-ОВСКОЙ КУРГАНЪ.¹

Въ кургана Куль-Оба, снятый съ Юга, на разстояніи 400 футовъ. **А.**

Планъ кургана Куль-Оба. **В.**

- а.** Склепъ кургана Куль-Оба и каменная стѣна, заграждавшая входъ въ склепъ.
- б.** Остатки каменныхъ стѣнъ, вѣроятно отъ подобныхъ же гробницъ.
- в.** Остатки каменной стѣны, подобной той, которая заграждала входъ въ гробницу **а.**
- д.** Слѣды гробницъ, раскопанныхъ Дюбрюкомъ ранѣе 1830-го года.
- е.** Остатки каменныхъ стѣнъ, по видимому окружавшихъ курганъ Куль-Оба и которыя, по мнѣнію Дюбрюкса, простирались до Золотого кургана.

С—Д. Планъ и разрѣзъ погребальнаго склепа Куль-Оба, по направленію отъ Сѣвера къ Югу.

Е—Г. Разрѣзъ склепа, отъ Востока къ Западу.

Г. Планъ свода и стѣнъ склепа.

г. Четыре глиняныя амфоры.

ж. Большой бронзовый сосудъ. (Р. XLIV. 11.).

и. Два серебряныхъ вызолоченныхъ блюда, на которыхъ находились небольшія серебряныя вазы.
(Р. XXXIV., XXXV. 3., XXXVI. 4. 5., XXXVII. 4.).

і. Углубленіе, пространство въ квадратный аршинъ, въ которомъ находились лошадиныя кости, попоны и шлемъ.

к. Оставъ конюшняго.

і. Оставъ Царницы.

и. Небольшая ваза изъ золотистаго серебра. (Р. XXXIII.).

п. Большой гробъ изъ кипарисоваго или можжевеловаго дерева.

о. Оставъ Царя.

¹ См. Введеніе стр. XVI — L.

LÉGENDES DU PLAN A.

KOUL-OBA.¹

ue du Koul-Oba, prise au sud, à 400 pas de distance, **A.**

Vue du Koul-Oba, à vol d'oiseau, **B.**

- a.** Tombeau du Koul-Oba avec la muraille qui en fermait l'accès.
- b.** Vestiges de murailles qui paraissent avoir appartenu à des tombeaux pareils.
- c.** Vestiges d'une muraille, semblable à celle qui fermait l'accès du tombeau **a.**
- d.** Vestiges de tombeaux explorés antérieurement à 1830, par **DUBRUX**.
- e.** Vestiges de murailles qui paraissent avoir formé l'enceinte du Koul-Oba et que **DUBRUX** croit avoir existé jusqu'au Mont d'Or.

C—D. Plan et coupe du tombeau du Koul-Oba, du nord au sud.

E—F. Coupe du tombeau, de l'est à l'ouest.

G. Plan renversé de la voûte et du vestibule.

f. Quatre amphores en terre.

g. Grand vase en bronze (Pl. XLIV. 11.).

h. Deux bassins en argent doré sur lesquels se trouvaient les petits vases en argent (Pl. XXXIV. XXXV. 3. XXXVI. 4. 5. XXXVII. 4.).

i. Enfoncement, d'une archine carrée, où se trouvaient les ossements de cheval et les cnémides et le casque.

k. Squelette de l'écuyer.

l. Squelette de la Reine.

m. Petit vase en electrum (Pl. XXXIII.).

n. Grand cercueil en bois de cyprès ou de genévrier.

o. Squelette du Roi.

¹ Voyez l'Introduction p. XVII — LI.

- р.** Доска, кою гробъ переторживался на двѣ части и служившая къ образованію отдѣленія 5., въ которомъ сложено было оружіе Царя.
- д.** Три бронзовыхъ сосуда. (Р. XLIV. 7. 12. 13.).
- г.** Бронзовое блюдо.
- и.** Два конейныхъ желѣза.
- л.** Пять большихъ гвоздей на Южной стѣнѣ, на которыхъ была развѣшена одежда, отъ времени истлѣвшая и обратившаяся въ пыль, но золотыя бляшки которой были разсыпаны по полу. (Рис. XX. XXI. XXII.)
- и.** Деревянный потолокъ, доски котораго найдены были отчасти обвалившимися.
- к.** Плита, составлявшая замѣкъ свода гробницы (*аркома*).
- х.** Пунктированными строчками, означающія мѣста, на которыхъ камни стѣнъ были сдвинуты.
- у.** Мѣсто отверстія, сдѣланнаго Дюбрюкомъ надъ входомъ, и чрезъ которое онъ проникъ въ склепъ.
- ж.** Бревна, поддерживавшія сводъ входа и стѣнъ.
- а а.** Мѣсто подъ каменнымъ поломъ склепа, гдѣ покоился человѣческій остѣвъ, открытый 24 Сентября 1830 и гдѣ было найдено золотое украшеніе. (Р. XXVI. 1.)
- б б.** Каменная стѣна, владенная безъ цемента, заграждавшая входъ въ склепъ.
- е е.** Насыпь изъ бутоваго камня надъ склепомъ.
- 1.** Стѣны склепа.
- 2.** Сѣни.
- 3.** Входъ
- 4.** Семь рядовъ свода, оканчивающагося плитой **к.**
- 5.** Отдѣленіе, въ которомъ находилось оружіе Царя.

LÉGENDES DES PLANS.

CXIX

- p.** Planche qui divisait le cercueil en deux parties et formait le compartiment 3. où se trouvaient déposées les armes du Roi.
- q.** Trois vases en bronze (Pl. XLIV. 7. 12. 13.).
- r.** Assiette ou petit plat en bronze.
- s.** Deux fers de lance.
- t.** Cinq grands clous auxquels étaient suspendus, à la muraille du sud, les vêtements tombés en poussière, mais dont les plaques d'ornements en or parsemaient le sol (Pl. XX. XXI. XXII.).
- u.** Plafond en bois dont les planches étaient en partie tombées.
- v.** Pierre ou dalle de *ἡ ἀρχαία* formant la clé de la voûte du tombeau.
- x.** Lignes pointillées indiquant les places où les pierres des murailles avaient cédé.
- y.** Place du trou pratiqué au haut de la porte, par lequel DUBAUX entra dans le caveau.
- z.** Poutres qui soutenaient les pierres de la voûte de la porte et du vestibule.
- aa.** Place où se trouvait au-dessous du pavé du caveau, le squelette découvert le 24 septembre, et où fut trouvé l'ornement en or (Pl. XXVI. 1.).
- bb.** Muraille en pierres sèches qui fermait l'accès du tombeau.
- cc.** Pierres brutes qui formaient le recouvrement extérieur du tombeau.
- 1.** Murs du tombeau.
- 2.** Vestibule.
- 3.** Porte.
- 4.** Les sept assises de la voûte fermée par la dalle **v.**
- 5.** Compartiment où se trouvaient les armes du Roi.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ НАДПИСИ КЪ ПЛАНУ А*.

ЗОЛОТОЙ КУРГАНЪ †.

Видъ Золотого кургана съ Юго-Востока, со стороны входа въ большую гробницу, **А.**
 Видъ Золотого кургана съ Западной стороны, сдѣланный по масштабу 8-ми сажень въ 1-мъ
 англійскомъ дюймѣ, или $\frac{1}{8}$ дюйм., **В.**
 Планъ Золотого кургана по масштабу 16-ти сажень въ 1-мъ англійскомъ дюймѣ, или $\frac{1}{16}$ дюйм., **С.**

1. Большая гробница.
2. Малый склепъ или гробница.
3. Другой малый склепъ или гробница.
4. Мѣсто, гдѣ проведена была траншея въ 1853 году, для изслѣдованія
 внутренности кургана.
5. Остатки стѣны цивилизической постройки, обхватывавшей курганъ.

- Д.** Остатки цивилизической стѣны **Д.**, въ большемъ видѣ.
Е. Разрѣзъ этой стѣны и части кургана.
Е. Видъ устья галереи или хода, ведущаго въ большую гробницу **1.**
Г. Планъ большой гробницы и галереи.
И. Разрѣзъ этой гробницы съ насыпью изъ бумажнаго камня **р**, и галереи по линіи **а—б**.

н. Верхній камень свода (*ἀρχονία*).

о. Насыпь изъ бумажнаго камня.

И. Разрѣзъ большой гробницы по линіи **с—а**, со стороны **с. г. г.**

1. Углубленіе въ стѣнѣ.

ка. Планъ малой гробницы **З.**

† См. Введенію, стр. L и LI.

LÉGENDES DU PLAN A°.

MONT D'OR.¹

ue du Mont d'Or au sud-est, du côté de l'entrée du grand tombeau, **A.**

Vue du Mont d'Or, du côté de l'ouest, à l'échelle de 1 pouce anglais pour 8 sagènes

ou $\frac{1}{872}$, **B.**

Plan du Mont d'Or, à l'échelle de 1 pouce anglais pour 16 sagènes ou $\frac{1}{1744}$, **C.**

1. Grand tombeau.

2. Petit caveau ou tombeau.

3. Petit caveau ou tombeau.

4. Endroit où une tranchée a été ouverte en 1853, pour explorer l'intérieur du tumulus.

5. Restes de la muraille cyclopéenne qui formait le revêtement extérieur du tumulus.

D. Restes de la muraille cyclopéenne **5.**

E. Coupe de cette muraille et d'une partie du tumulus.

F. Vue de l'entrée de la galerie ou avenue du grand tombeau **1.**

G. Plan du grand tombeau et de sa galerie ou avenue.

H. Coupe de ce tombeau, avec son revêtement extérieur en pierres brutes, **p.** et de sa galerie ou avenue, sur la ligne **a—b.**

h. Pierre de l'*ἀγορία*.

o. Pierres brutes entassées.

I. Coupe de ce tombeau, sur la ligne **c—d.**, côté **e. f. g.**

1. Niche.

K. Plan du petit caveau ou tombeau **3.**

¹ Voyez l'Introduction p LI—LIII.

² Introd.

Л. Разрѣзъ этой гробницы по линіи **лн — л.**

М. Разрѣзъ этой гробницы по линіи **к — л.**

Н. } Остатки стѣнъ, составлявшихъ, можетъ быть, ограду Золотого кургана и вѣроятно находившихся
О } въ связи со стѣною, развалины которой найдены были Дюбрюкомъ близъ Куль-Обскаго кургана.
Р. }

(См. планъ **А. е.**).

Можно также предположить, что эти обводныя стѣны входили въ составъ укрѣпленій, которыя, начинаясь отъ Золотого кургана и примыкая къ валу, еще до нынѣ оставившаго слѣды (см. карту No. 1.), составляли древнѣйшую границу и ограду Пантикалея.

Стѣна пилонической постройки 5., составлявшая наружную обшивку Золотого кургана еще сохранилась (въ 1853 г.) на простравствѣ 14 сажень въ длину и 3—4 сажень въ высоту.

На листѣ видовъ и плановъ В. 1., читатель найдетъ видъ Золотого кургана, снятый съ Запада въ 1832 г. Это вѣрный списокъ съ весьма тщательнаго рисунка, сдѣланнаго добросовѣстнымъ Дюбрюкомъ съ натуры. Сравнивая этотъ видъ съ изображеннымъ на нашемъ планѣ подъ Лит. D. можно убѣдиться въ томъ, съ какою скоростію, въ какіе нѣбудь двадцать лѣтъ, истребляются остатки древнихъ построекъ на берегахъ Босфора. Развалины эти представляются какъ бы готовыми каменоломнями, къ которымъ, какъ мы уже замѣтили, туземные жители не преминули обращаться за матеріалами для своихъ обиходныхъ построекъ. (См. выписку изъ Ла-Мотре, на стр. LIV. Введеніе.)

Г. Шмаковъ въ отчетѣ своемъ говоритъ, что въ недалекомъ разстояніи къ Западу отъ Золотого кургана, находится слѣды каменоломни, изъ которой, по мнѣнію его, могъ быть взятъ камень для возведенія этого кургана.

Золотой курганъ въ настоящее время до такой степени изрытъ, что невозможно опредѣлить его первоначальнаго вида, вѣроятно бывшаго коническимъ.

Англійскій путешественникъ Кларкъ, видѣвшій этотъ курганъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, оставилъ намъ его изображение съ Западной стороны¹; онъ, въ то время, еще былъ весь покрытъ съ этой стороны камнемъ, какъ это видно и на рисункѣ и именно упомянулъ Кларкъ въ своемъ описаніи, сказавъ: *«The western part is entire.»*² Свидѣтельство это имѣетъ большую важность, тѣмъ болѣе, что на другомъ рисункѣ, приложенномъ къ стр. 432, видны остатки стѣнъ, еще существовавшие въ то время, которые можетъ быть принадлежали къ укрѣпленіямъ, выше нами упомянутымъ и обхваченнымъ, по нашему предположенію, Золотой и Куль-Обскій курганы.

Прорѣзъ или траншея, сдѣланная въ Золотомъ курганѣ въ 1853 по предписанію Его Сіятельства Графа Л. А. Перовскаго въ томъ мѣстѣ, которое на планѣ **С.** означено цифрою 4, простиралась отъ подошвы до вершины кургана, раскрыла его до стѣнъ склена 3-го, совершенно сходнаго со скленомъ 2-мъ, уже въ прежнее время обсыпанымъ, (см. Введеніе, стр. III), вскрытымъ съ вершины кургана и сохранившимся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ этотъ вновь открытый скелетъ.

Исслѣдованіе большой гробницы сдѣлало наконецъ возможнымъ составить точный планъ этого огромнаго сооруженія. Разысканія Г. Шмакова подтвердили все сказанное Дюбрюкомъ о Куль-Обскомъ курганѣ и всѣ свѣдѣнія, сообщенныя намъ Г. Карейшею о Золотомъ.

¹ E. D. Clarke: Travels in various countries, etc. Second Edition. London. 1841. T. I. стр. 428.

² Тамъ же, стр. 429.

L. Coupe de ce caveau, sur la ligne **m—n**.

M. Coupe de ce caveau, sur la ligne **k—l**.

N. } Restes de murailles qui paraissent avoir appartenu à une enceinte du Mont d'Or, qui se rapporte
O. } peut-être à celle dont les vestiges avaient été constatés par DUBRUX au Koul-Oba.
P. }

(Voyez le plan **A. c.**).

Ces murailles extérieures pourraient aussi avoir appartenu à un système de fortification, qui se serait rattaché au rempart dont les vestiges existent encore (voyez la carte No. I.), dont le Mont d'Or aurait été un des points de départ, et qui aurait été la première limite et la première défense de Panticapée.

La muraille cyclopéenne 5., qui formait le revêtement extérieur du Mont d'Or, existe encore (1853), sur une longueur de 14 sagènes et sur une hauteur de 3 à 4 sagènes.

Nous donnons, Vues et Plans B. 1., l'aspect du Mont d'Or du côté de l'ouest tel qu'il s'offrait en 1832. Nous avons copié fidèlement le dessin que le consciencieux DUBRUX en avait fait d'après nature. En comparant ce dessin avec celui de cette planche, lettre D, on aura une idée de la rapide disparition qui peut s'opérer dans l'espace de vingt années, dans les restes de constructions anciennes qui existent sur les rives du Bosphore. Ces grands amas de pierres dures sont, comme nous l'avons dit, des carrières toutes trouvées, où l'on ne se fait pas faute de puiser de bons matériaux, pour des constructions vulgaires (voyez la note tirée de LA MOTTE, page LV de notre Introduction).

Mr. SCHMAKOFF dit dans son rapport qu'il existe près du Mont d'Or, du côté de l'ouest, des traces d'une carrière d'où l'on paraît avoir tiré les pierres de ce tumulus.

Le Mont d'Or est aujourd'hui tellement dégradé, qu'il n'est plus possible de déterminer la forme que devait offrir son revêtement qui, probablement, était en cône.

Le voyageur CLARKE qui visita ce monument au commencement de ce siècle, nous en a laissé un dessin¹ qui offre son aspect du côté de l'ouest, où le revêtement existait en entier jusqu'au sommet, comme la planche l'indique, et comme l'auteur le dit dans son texte: «*The western part is entire*»². Ce document est très-précieux; d'autant plus que l'on distingue dans une seconde planche (page 432.) des restes de murailles qui existaient du temps de Clarke, et qui pourraient bien avoir appartenu au système de fortification dont nous avons parlé plus haut, comme ayant pu embrasser dans son enceinte le Mont d'Or et le Koul-Oba.

La tranchée ou coupure profonde effectuée en 1853, par ordre de S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY, à l'endroit marqué par le chiffre 4. dans le plan **C.**, a été pratiquée depuis le sol jusqu'au sommet du tumulus et l'a ouvert jusqu'au mur du caveau 3. qui est tout-à-fait semblable au caveau 2. fouillé autrefois (voyez notre Introduction, page LIII.), où l'on était arrivé par une galerie creusée par le haut du tumulus, et qui est mieux conservé.

L'exploration du grand tombeau a permis d'établir enfin le plan exact de cette vaste construction. Le travail de Mr. SCHMAKOFF est la justification de tout ce que DUBRUX avait dit sur le Koul-Oba et de tout ce que Mr. KAREISCHA nous avait donné de renseignements sur le Mont d'Or.

¹ E. D. CLARKE: Travels in various countries, etc. Second Edition. London. 1811. To. I. p. 428.

² Ibid. p. 429.

Г. Шмаковъ нашелъ, что остатки красной обмазки, упоминаемой Г. Карейниною, еще видны на своде, начиная отъ девятаго ряда камней. Тоже самое должно сказать объ углубленіяхъ въ верхнихъ рядахъ каменной галереи (фиг. Н.), въ которыхъ Г. Карейнца еще нашелъ остатки бревень, коими подпертъ былъ ходъ въ Кузь-Обскую гробницу (см. планъ А, ж). Несколько этихъ камней были выдвинуты наружу и изображены на нашемъ планѣ у входа галереи (фиг. F).

Нынѣ уже невозможно съ достовѣрностію опредѣлить проходили ли эти бревна отъ одной стѣны до другой или нѣтъ. По словамъ Г. Шмакова упомянутыя углубленія, проведенныя во всю толщину каменной на одной сторонѣ не соответствуютъ такимъ же углубленіямъ на другой. Такимъ образомъ должно предположить (какъ это мы и сдѣлали въ видѣ вопроса, говоря о Кузь-Обской гробницѣ и упоминая объ углубленіяхъ, замѣченныхъ въ стѣнахъ Атрева казнохранилища въ Микенахъ. См. Введеніе стр. XL), что тутъ была *деревянная обшивка изъ досокъ, набитыхъ на бревнахъ, которыя были вставлены въ стѣнахъ*. Это совершенно новый вопросъ и, какъ намъ кажется, весьма важный въ археологическомъ отношеніи, за разрѣшеніе котораго *ex professo* примутся, можетъ быть, Г. Г. Кленце и Канина.

Впрочемъ скелеты Золотого кургана и большая гробница Царскаго, изображенная на планѣ А⁶, сооружены по той же системѣ какъ и скелетъ Кузь-Обскаго кургана, а по сему, какъ въ отношеніи подробностей этого рода строеній, такъ и цитатъ, мы ссылаемся на сказанное нами въ Введеніи, стр. XXXVI и слѣд.

Въ томъ состояніи разрушенія, въ какомъ нынѣ находится Золотой курганъ, всѣ разысканія въ немъ были бы крайне опасны, а по сему и невозможно было разрыть вершину его, дабы дойти до свода большой гробницы и удостовѣриться: имѣетъ ли верхній камень свода (*ἀρμόνια*) h (на планѣ А⁶ фиг. Н) ровную поверхность на нижней сторонѣ, или же онъ обтесанъ такъ, что средняя часть его входитъ въ отверстіе свода, какъ это замѣчено было на верхнемъ камнѣ свода Кузь-Обской гробницы (см. планъ А.). Г. Шмаковъ, подымавшійся внутри гробницы до вершины свода удостовѣряетъ, что камень не имѣетъ этой обтески.

Заклѣчимъ описаніе этого плана замѣчаніемъ, что большая гробница Золотого кургана представляетъ разительное сходство съ Атреевымъ казнохранилищемъ въ Микенахъ¹, и присовокупимъ къ сему нѣкоторыя размышленія.

Раскапываніе Золотого кургана, произведенное съ тѣмъ вниманіемъ, какое требовала важность его въ археологическомъ отношеніи, рѣшило вопросъ, оставшійся до сего времени сомнительнымъ.

Если бы даже совершенно срыть всю огромную массу наносной земли, составляющей этотъ холмъ, то и въ такомъ случаѣ невѣроятно, чтобы открыли въ немъ еще другіе скелеты, кромѣ уже найденныхъ нынѣ по тщательной раскопкѣ. Эти скелеты оказались уже обысканными въ неизвѣстное намъ время и,

¹ Gell: Argolis. P. 4. 5. 6.

Les restes de l'enduit de couleur rouge de la voûte du tombeau, dont Mr. KAREISCHA avait parlé, ont été constatés par Mr. SCHMAKOFF comme existant encore, à partir de la neuvième assise. Il en est de même des trous pratiqués dans les pierres formant les assises de la partie supérieure de la galerie (figure H du plan), où Mr. KAREISCHA avait remarqué les restes des poutres qui y étaient engagées et qui, comme à la galerie du tombeau du Koul-Oba (voir le Plan A, lettre B), seraient de supports. Plusieurs de ces pierres ont été retirées et figurent à l'entrée de la galerie du tombeau dans notre plan (figure F.).

Ces poutres allaient-elles d'un côté à l'autre de la galerie? c'est ce qu'il est impossible de déterminer exactement. Mr. SCHMAKOFF dit que ces trous ou plutôt ces excavations, creusées dans toute la longueur des pierres, ne sont pas en lignes correspondantes avec les trous ou les excavations des pierres du mur opposé. En ce cas il faudrait admettre, comme nous l'avons avancé sous forme de question, en parlant du Koul-Oba, et en mentionnant les trous que l'on remarque dans les murs du Trésor d'Atrée à Mycènes (voyez notre Introduction, page XLI.), un revêtement en bois, formé probablement de planches clouées sur ces poutres engagées par le bout dans les pierres. C'est une question toute neuve, qui nous semble d'un grand intérêt archéologique, et que de savants architectes, comme MM. DE KLENZE et CAMINA, prendront peut-être la peine d'expliquer *ex-professo*.

Du reste la construction des caveaux du Mont d'Or et celle du vaste tombeau du Tsarskii Kourgane que nous donnons dans le plan A^b, offrent le même système que celle du Koul-Oba, et soit pour les détails de cette espèce de construction, soit pour les citations que nous avons faites, nous nous en référons à notre Introduction, page XXXVII et suiv.

Dans l'état de dégradation où se trouve le Mont d'Or, des explorations y sont périlleuses. On n'aurait pas pu, sans d'extrêmes difficultés qui auraient offert des dangers que la prudence ordonnait d'éviter, creuser le sommet du tumulus jusqu'à la voûte du grand tombeau, pour s'assurer si la pierre de l'ἀφρονία h. (figure H du plan) est plate uniformément à sa partie inférieure ou si, formant une saillie, elle s'adaptait comme un bouchon, ainsi que nous l'avons figurée par la lettre v dans le tombeau du Koul-Oba (voyez le plan A.). Mr. SCHMAKOFF, qui avait dressé un échafaudage dans l'intérieur du caveau, se prononce sur cette question par la négative.

Nous terminerons nos légendes par la remarque que le grand tombeau du Mont d'Or offre une analogie frappante avec le Trésor d'Atrée à Mycènes¹; et nous y ajouterons quelques réflexions.

Le travail d'exploration du Mont d'Or, exécuté avec l'exactitude sérieuse que le sujet comportait, a résolu une question qui restait enveloppée, pour ainsi dire, d'un doute mystérieux.

Il n'est pas à supposer, lors même que l'on nivellerait cette masse énorme de terre rapportée, que l'on y découvrirait d'autres caveaux que ceux qu'une intelligente et consciencieuse exploration a mis au jour. Ces caveaux ont été fouillés, à une époque inconnue, par des mains aiguillonnées probablement par la

¹ GELL: Argolis. Pl. 4. 5. 6.

Introd.

вѣроятно, не съ цѣлю археологическихъ разысканій, а скорѣе изъ видовъ корысти. Можно предположить, что норма была удовлетворена и что искатели нашли то, чего домогались; и такъ названіе *Золотою*, данное этому Кургану, на-всегда сохранить въ памяти людей фактъ открытія въ немъ золотыхъ вещей, вѣроятно, не уступавшихъ богатствомъ тѣмъ предметамъ, какіе найдены были въ Куль-Обскомъ Курганѣ. Не смотря на корыстолюбіе хищниковъ добыто изъ сего послѣдняго кургана еще столько вещей, что, какъ мы уже сказали, можно было бы наполнить ими небольшой Музей.

Отъ богатствъ Золотога Кургана осталось лишь одно имя. Но, въ археологическомъ отношеніи, размыканіе его привело къ весьма важному результату, ибо обнаружило строеніе, почти подобное Атрееву казнохранилицу, служащее явнымъ памятникомъ архитектурныхъ сооружений Ионическихъ переселенцевъ, вносившихъ всюду геній и просвѣщеніе своего отечества.

Никакой нѣтъ надобности знать: кто расхищалъ богатства Золотога Кургана, Гетуазы ли, какъ угадываютъ въ Крыму на неизвѣстномъ основаніи, или Татары, главное дѣло состоитъ въ томъ, что пожертвованія, употребленныя на работы, результатъ которыхъ заключается въ этомъ планѣ, послужили въ пользу науки и никогда ею не забудутся.

cupidité et non par l'esprit de recherche archéologique. On peut supposer que cette cupidité trouva ce qu'elle cherchait; et le nom de *Mont d'Or* conservera à jamais le souvenir d'un fait qui semble être celui de la découverte d'objets en or d'une grande richesse, comme ceux du Koul-Oba. Malgré l'avidité des spoliateurs, ce dernier tombeau a fourni, comme nous l'avons dit ailleurs, la matière d'un petit musée.

Des richesses du Mont d'Or il ne reste qu'un nom. Mais, au point de vue archéologique, l'exploration qui vient d'en être faite est un résultat d'une grande importance, puisqu'elle constate l'existence d'une construction presque identique avec celle du Trésor d'Atrée, et qui est un monument palpable des travaux architectoniques des colons grecs de l'Ionie, qui portaient partout avec eux le génie et la civilisation de leur mère-patrie.

Que ce soit la cupidité des Génois, comme on aime à le répéter en Crimée, nous ne savons sur quel fondement, ou que ce soit celle des Tatares qui ait fouillé le Mont d'Or et en ait exhumé les richesses, peu importe. L'argent qu'on a dépensé pour le travail dont notre plan offre le résultat, est un de ces sacrifices utiles dont la science tient compte.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ НАДПИСИ КЪ ПЛАНУ А^в.

ЦАРСКІЙ КУРГАНЪ.

Видъ кургана, снятый съ Западной стороны, **А.** (См. положеніе кургана на картѣ No. 1.)

В. Планъ кургана по масштабу 16 сажень въ 1 англійскомъ дюймѣ или $\frac{1}{16}$.

С. Планъ гробницы и предшествующаго ей хода или галерей.

Д. Разрѣзъ кургана и гробницы съ ходомъ по линіи **а—б** и части насыпи изъ булыжнаго камня **у**.

Е. Разрѣзъ гробницы по линіи **с—д**.

Ж. Разрѣзъ галерей по линіи **е—з**.

З. Планъ склепа по масштабу вдвое большому противъ масштаба фиг. **С**.

И. Разрѣзъ нижней части склепа и галерей по масштабу предыдущаго плана.

І. Разрѣзъ части свода и галерей по тому же масштабу.

К. Перспективный видъ галерей и входа въ гробницу.

х Верхній камень (*ἀφύμα*); онъ означенъ этою же буквою и на предыдущихъ разрѣзахъ, фиг. **В.** **Ж.** **І.**

Курганъ, скрывающій въ недрахъ своихъ этотъ великолѣпный, конечно погребальный склепъ, находится близъ Керчи къ Сѣверу отъ Новаго Карантина (см. Карту No. 1.). Онъ имѣетъ около 8 сажень вышины, а вся его окружность составляетъ 120 сажень.

Курганъ этотъ состоитъ изъ глины съ слоями камней и морской травы, которая ясно доказываетъ, что онъ дѣло рукъ человека. Глина столь тверда, что ее надобно было пробивать киркою и ломомъ.

При производствѣ разрытія кургана, по предписанію Его Сіятельства Графа Л. А. Перовскаго, вырытъ былъ колодезь отъ вершины кургана въ склепу, означенный на разрѣзѣ **Д** буквами **g—h**.

LÉGENDES DU PLAN A°.

TSARSKII KOURGANE OU TUMULUS ROYAL.

ue du tumulus, du côté de l'ouest. **A.** (voyez pour la situation la carte No. 1.).

B. Plan du tumulus, à l'échelle de 1 pouce anglais pour 16 sagènes ou $\frac{1}{128}$.

C. Plan du tombeau et de sa galerie ou avenue.

D. Coupe du tumulus et du tombeau avec sa galerie, sur la ligne **a—b**, et une partie du revêtement extérieur en pierres brutes **y**.

E. Coupe du tombeau sur la ligne **c—d**.

F. Coupe de la galerie sur la ligne **e—f**.

G. Plan du caveau, sur une échelle double de celle de fig. **C**.

H. Coupe de la partie inférieure du caveau et de la galerie, sur la même échelle que la précédente.

I. Coupe d'une partie de la voûte et de la galerie, sur la même échelle que la précédente.

K. Vue en perspective de la galerie et de l'entrée du tombeau.

x pierre de l'ἀγρονία; elle est indiquée par la même initiale dans fig. **E. F. I.**

Le tumulus qui renferme cette magnifique construction, funéraire sans doute, est dans le voisinage de Kertch, au nord de la Nouvelle Quarantaine (voyez la carte No. 1.). Son élévation est d'environ 8 sagènes, sur une circonférence totale de 120 sagènes.

La masse du tumulus consiste en terre glaise, mêlée à des couches de pierres et d'herbes marines, preuve évidente que la main de l'homme l'a élevée. La terre glaise est extrêmement dure et a nécessité pour la percer l'emploi de la pioche et du levier.

Les explorateurs chargés de remplir les ordres donnés par S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY, ont attaqué le tumulus par son sommet, en y pratiquant un puits, aux points marqués par les lettres **g—h** (fig. **D**).

Introd.

XXXIII

Сначала былъ найденъ слой глины, подъ которымъ слѣдовалъ слой изъ камней, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Камень этотъ оказался булыжнымъ и наваленнымъ тутъ безъ всякаго систематическаго порядка.

Прорывшись чрезъ другой слой глины, нашли слой морской травы, глубиною отъ 4 до 5 вершковъ. Трава совершенно сохранила свой видъ, какъ растенія въ гербаріумѣ, но была до того суха, что распадалась въ пыль, когда до нее дотрогивались.

Наконецъ, пробивши третій слой глины, наткнулись на наружную насыпь изъ булыжнаго камня **у**, окружающую склепъ, и открыли верхній камень **ж**, составляющій замокъ свода.

Камень этотъ совершенно гладкій и закрывалъ отверстіе, остававшееся между сближающимися рядами камней свода. Ширина этого отверстія равняется $9\frac{1}{4}$ вершкамъ.

Такимъ образомъ, въ первый разъ, сдѣлалось возможнымъ систематически изслѣдовать строеніе склепа, которое мы представляемъ на нашемъ планѣ въ уменьшенномъ видѣ противъ чертежа Г. Архитектора Шмакова, но съ строжайшею точностію.

Погребальный склепъ занимаетъ центръ кургана. Какъ самый склепъ, такъ и ведущая къ нему галерея построены изъ теснаго раковинаго известняка, взятаго, по мнѣнію Г. Шмакова, изъ находящейся близъ Аджи-Мущкаго каменоломни. (См. карту No. 1.)

Нижняя часть склепа образуетъ внутри равносторонній четырехугольникъ и стѣны его сначала возвышаются отвѣсно, но съ 5-го ряда камней *начинается сводъ*. Пятый, шестой, седьмой и восьмой ряды еще не образуютъ полнаго круга, но только хорды, все болѣе и болѣе приближающіяся къ фигурѣ круга. Десятый рядъ камней уже составляетъ полный кругъ и, начиная съ этого ряда до 24-го или послѣдняго, ряды камней образуютъ концентрическіе круги, одинъ надъ другимъ возвышающіеся, все болѣе и болѣе суживающіеся, составляя такимъ образомъ сводъ въ видѣ *выдолбленнаго конуса*, оканчивающійся и замыкающійся верхнимъ камнемъ **ж**, который, по выраженію Павзанія, *приводитъ въ гармонию все зданіе*. (См. Введеніе, стр. XXXVIII.)

Камни свода весьма тщательно обтесаны клинообразно и владены на едва замѣтномъ слое извести; такъ, по крайней мѣрѣ, владены верхніе ряды, которые были изслѣдованы въ семь отношеній.

Ряды свода не вездѣ образуютъ выступы одинаковой ширины, а *выдаются внутрь свода болѣе или менѣе*, такъ что разстоянія между кругами свода *не всегда равны* (это означено и на нашемъ планѣ, фиг. G, въ которой круги каменныхъ рядовъ съ намѣреніемъ начертаны не въ одинаковомъ одинъ отъ другаго разстояніи.)

Не всѣ камни одинаково длинны и широки, но всѣ имѣютъ одну и ту же толщину.

Снаружи склепъ окруженъ насыпью изъ необдѣланнаго, булыжнаго камня; но тѣ камни, которые непосредственно прилегаютъ къ члену, нѣсколько обтесаны, дабы плотнѣе прихлѣпались къ его рядамъ, а оставшіеся, за всѣмъ тѣмъ, промежутки наполнены были щебнемъ. Эта насыпь была нужна для сѣвистости свода и сохраненія въ немъ равновѣсія.

Длинная галерея, предшествующая склепу, построена изъ большихъ тесаныхъ камней, владенныхъ съ величайшимъ стараніемъ и образующихъ внизу *десять* отвѣсныхъ рядовъ, а надъ ними *восемь* выдающихся одинъ надъ другимъ и составляющихъ такимъ образомъ египетскій сводъ. Остававшееся за тѣмъ между обоими верхними рядами отверстіе, мѣрою около $1\frac{1}{2}$ аршина, было покрыто плитами,

Ils ont d'abord trouvé une couche de terre glaise, puis une couche de pierres de $4\frac{1}{2}$ archine d'épaisseur. Les pierres qui la composent sont brutes, et ont été posées sans aucun ordre, ni système.

Après avoir percé une seconde couche de terre glaise, ils ont trouvé une couche d'herbes marines épaisse de 4 à 5 verchoks. Les plantes ont tout-à-fait conservé leur physionomie, comme celles par exemple qui sont pressées entre les feuilles d'un herbier, mais elles sont totalement desséchées, et elles se réduisaient en poussière au premier attouchement.

Enfin, après avoir percé une troisième couche de terre glaise, les explorateurs sont arrivés au revêtement extérieur en pierres brutes **γ**, et ont découvert la pierre de l'ἀρχονία **κ**, formant la clé de la voûte du caveau.

Cette pierre, qui est une dalle unie, recouvre l'ouverture laissée par le rapprochement des assises supérieures. Cette ouverture a un diamètre de $9\frac{1}{4}$ verchoks.

La construction du monument a donc pu être étudiée pour la première fois d'une façon systématique que notre plan, dressé avec précision, sur une échelle réduite, d'après les plans de Mr. SCHMAKOFF, établit d'une manière rigoureusement exacte.

La chambre funéraire est placée au centre même du tumulus. Les pierres des assises du caveau et de la galerie qui y mène, sont un calcaire coquillier que Mr. SCHMAKOFF croit avoir été tiré de la carrière qui existe dans les environs de Hadji-Mouschkai (voyez la carte No. 1.).

Le caveau est d'abord carré à sa base, et les quatre premières assises sont perpendiculaires; mais à partir de la cinquième assise, la voûte commence. Les cinquième, sixième, septième et huitième assises avancent en se rapprochant, de façon à simuler des cercles. La neuvième assise forme déjà un cercle régulier complet; et de cette neuvième assise jusqu'à la vingt-unième, qui est la dernière, ces assises forment autant de cercles concentriques, posés l'un sur l'autre, en se rapprochant toujours du centre, de manière à former une voûte conique creuse jusqu'à la pierre **κ** qui, comme le dit PAUSANIAS, «*règle toute l'harmonie de l'édifice*» (voyez notre Introduction, page XXXIX.).

Les pierres de ces assises sont taillées en forme de coin, avec beaucoup de soin. La pose en a été faite (cela du moins a été constaté à la partie supérieure de la voûte) sur une dissolution de chaux à peine visible, tant est peu sensible l'intervalle entre les assises.

La saillie que forment les assises en se rapprochant, n'est pas partout égale; elles *avancent plus ou moins*; ainsi la distance d'un cercle à l'autre *n'est pas partout la même* (les cercles figurés dans la fig. G. de notre plan sont à dessein tracés de façon à offrir cette inégalité de distance).

Les pierres ne sont pas d'une longueur et d'une largeur égales, mais elles ont la même épaisseur.

Toute la masse du caveau est revêtue extérieurement d'une enveloppe de pierres superposées. Ces pierres sont brutes; mais là où elles touchent les pierres taillées des assises, elles ont été un peu façonnées, de manière à s'agencer avec celles-ci, et les intervalles ont été soigneusement remplis de blocage. Ce revêtement était nécessaire pour consolider la masse de la voûte et maintenir son équilibre.

La longue galerie qui mène à l'entrée du caveau a été construite avec des pierres taillées, d'une grande dimension, posées avec le plus grand soin, de manière à former d'abord *neuf assises* perpendiculaires, puis *huit assises* avançant l'une sur l'autre, jusqu'au sommet de la voûte égyptienne que ces dernières assises constituent. L'intervalle de $4\frac{1}{2}$ archine environ qui sépare les deux assises supérieures opposées,

служившими для этого длиннаго хода тѣмъ же, чѣмъ служатъ камни *opionia* для вершины свода склепа. Надъ этими плитами непосредственно насыпана глина.

Камни всѣхъ сихъ 17 рядовъ, т. е. стѣнъ и свода галерей, обтесаны въ видѣ рамки съ возмѣщеною частью по срединѣ, извѣщеною молоткомъ, такъ что она составляетъ неровную поверхность, какую и нынѣ еще иногда даютъ частями фасадовъ нашихъ домовъ, и которая у насъ извѣстна подъ именемъ *рустики*.

Фасадъ и планъ сихъ камней видѣнъ на фиг. С. D. и H. нашего чертежа.

Ряды камней стѣнъ и свода галерей не вездѣ одинаковой толщины, а самые камни не равной длины, хотя и имѣютъ видъ правильныхъ параллелограммовъ.

Полъ склепа состоитъ изъ каменныхъ плитъ, плотно одна къ другой приложенныхъ, а въ галерей нѣтъ пола.

Передняя часть галерей отчасти разрушена, потому что отъ нея взяли довольно много камня, вѣроятно на новыя постройки.

Ни въ склепѣ, ни въ галерей не видно слѣдовъ штукатурки или деревянной обшивки.

Раскапывая землю, Г. Шмалковъ нашелъ на глубинѣ $4\frac{1}{2}$ аршина, слой известковаго камня, послужившій естественнымъ основаніемъ для сего строенія, которое можно отнести къ 6-му или 5-му столѣтію предъ Р. X., т. е. времени основанія Ионическихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго.

Этотъ величавый памятникъ совершенно хорошо сохранился, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ частей галерей, истребленныхъ не временемъ, а людьми.

И такъ мы видимъ въ Царскомъ, Золотомъ и Куль-Обскомъ курганахъ одну и ту же систему постройки рядами камней, о которой говоритъ Павзаній, хотя съ нѣкоторыми различіями въ каждомъ изъ сихъ памятниковъ.

Куль-Обская гробница состоитъ изъ простаго склепа съ галерею; въ Золотомъ Курганѣ мы видимъ большой склепъ (не говоря о 2-хъ малыхъ) весь въ видѣ коническаго свода, какъ Атреево капище, и также съ галерею; наконецъ въ Царскомъ Курганѣ мы находимъ еще совершеннѣйшее строеніе: квадратный внизу склепъ, надъ которымъ возвышается коническій сводъ, и съ гораздо пространнѣею галерею, построенною съ болѣею роскошью.

При видѣ этого послѣдняго памятника, сооруженнаго рядами камней, обтесанныхъ клинообразно какъ въ римскомъ сводѣ, но положенныхъ *горизонтальными кругами*, нельзя не удивиться тому, что только чрезъ нѣсколько столѣтій пришла строителямъ мысль *поставить эти камни на тонкій конецъ* и образовать такимъ образомъ *круглый сводъ*. Впрочемъ еще предложить рѣшить вопросъ дѣйствительно ли Римлянамъ принадлежитъ изобрѣтеніе круглаго свода, или онъ уже былъ знакомъ Этруссамъ.

est recouvert par des dalles qui sont pour cette longue ouverture ce que la pierre de l'*ἀγρονία* est pour le sommet de la voûte du caveau. Cette dernière assise est immédiatement recouverte de terre glaise.

Les pierres de ces dix-sept assises sont taillées sur les faces qui forment les murailles de la galerie, de manière à offrir chacune un encadrement plat, d'où la masse centrale forme une saillie piquée avec la pointe du marteau, ce que les architectes de nos jours pratiquent encore dans de certaines façades, et ce qu'ils nomment *pierres rustiquées*.

On peut étudier dans les fig. C. D. H. de notre plan, le profil et la face de ces pierres et l'aspect qu'elles offrent.

L'épaisseur des assises de cette galerie n'est pas partout la même, et les pierres qui les composent forment des parallélogrammes réguliers, mais qui ne sont pas toujours égaux en longueur et en largeur.

Le pavé du caveau est formé de dalles plates, juxtaposées régulièrement. La galerie est sans pavé.

Les murs de la partie antérieure de cette galerie ont été détruits en partie, par la quantité de pierres qu'on en a enlevées à différentes époques, très-probablement pour servir de matériaux de construction.

Il n'existe ni dans le caveau, ni dans la galerie, aucune trace de revêtement en stuc ou en bois.

En fouillant à une profondeur de $1\frac{1}{2}$ archine sous le sol, l'architecte croit s'être assuré de l'existence d'une couche de roche calcaire que l'on aurait choisie, tout naturellement, comme une bonne assiette ou base à cette construction qui date, vraisemblablement, du sixième ou du cinquième siècle av. J. C., époque de la fondation des colonies grecques de l'Ionie sur ces rivages.

Ce monument grandiose est dans un état de conservation parfaite, sauf les parties dégradées de la galerie qui ne sont pas l'oeuvre du temps, mais de la main des hommes.

La Tzarskii Kourgane, le Mont d'Or et le Kouï-Oba offrent donc le même système de construction, à voûte en assises, dont parle PAUSANIAS; mais avec quelques modifications. Au Kouï-Oba c'était un simple caveau avec une galerie; au Mont d'Or c'est un grand caveau (sans parler des deux petits) formant une seule voûte en cône, comme le Trésor d'Atrée, avec une galerie; au Tzarskii Kourgane la construction est plus parfaite; c'est un caveau carré d'abord, sur lequel est posée une voûte conique, avec une galerie infiniment plus grande, construite avec plus de luxe.

On est surpris à la vue de ce monument qui offre des assises de pierres taillées en coin, comme celles de la voûte dite romaine, mais posées *horizontalement en cercle*, que l'idée de *dresser ce cercle et de le rendre perpendiculaire* soit venue si tard. C'est du reste une question si la voûte cintrée a été trouvée par les Romains, et si elle n'est pas une combinaison étrusque.

ВАЛЪ АККОСА ИЛИ КИММЕРІЙСКІЙ.

Этотъ валъ, имѣющій около 30 верстъ протяженія, перерѣзываетъ Керчь-Теодосійскую дорогу на разстояніи около шести верстъ отъ Султановской почтовой станціи (см. карту No. 2.) и простирается отъ Узуларскаго соленаго озера, составлявшаго въ древности заливъ Чернаго моря, до Казантипскаго залива на Азовскомъ морѣ.

На этомъ валу произведены были, по Высочайшему повелѣнію, раскопки въ четырехъ мѣстахъ: противъ станціи Султановки, противъ деревни Темень, на берегу Азовскаго моря и наконецъ на Узуларскомъ озерѣ, противъ деревни Учъ-Овли.

Валъ и ровъ, на всемъ ихъ протяженіи, сохранили правильный видъ и кажется мало измѣнились временемъ.

Однако изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ по причинѣ соленоватости почвы, на валу, воздвигнутомъ изъ земли, взятой изъ рва, не могло быть прозвѣнія, валъ почти какъ бы стертъ и частью даже совершенно смытъ дождевою водою, какъ именно близъ Узуларскаго озера.

Но большая часть вала пролегаетъ по каменистому грунту. Тутъ валъ состоитъ изъ неправильной насыпи булыжнаго камня, походящей на стѣну, сложенную безъ смазки. Если при копаніи рва находимо было недостаточное количество камней для составленія стѣны, то ихъ складывали въ кучу, какъ бы въ видѣ *лѣра* вала, какъ показано на нашемъ чертежѣ; наконецъ, гдѣ валъ проходитъ по мягкому грунту, тамъ онъ воздвигнутъ вовсе безъ камней.

Фигура I. нашего плана представляетъ нормальную профиль вала; i. массу вала; k. насыпь булыжнаго камня; l. профиль рва.

Профиль вала весьма мало измѣняется на всемъ его протяженіи¹ противъ того, какъ она начертана на нашемъ планѣ.

Отъ Золотоу Кургана до Азовскаго моря встрѣчаются развалины древняго вала (см. карту No. 1.), который, можетъ быть, означаетъ границу тѣснаго пространства земли, первоначально занятой Пантикапейскимъ поселеніемъ и по сему могъ бы быть названъ *Босфорскимъ* или *первоначальнымъ валомъ*.

Геродотъ (кн. IV. 3.) говорить, что сыновья рабовъ и Скиевыхъ жентъ ходили на встрѣчу господъ своихъ, возвращавшихся изъ Идіи послѣ 28-ми лѣтнаго отсутствія. Эти сыновья рабовъ Сидскаго происхожденія прорѣзали страну широкимъ ровомъ отъ Таврическихъ горъ до Меотійскаго моря. Босфорскій царь Азандръ (49—44 г. до Р. X.) возстановилъ этотъ ровъ и укрѣпилъ его башнями, для защиты отъ набѣговъ Скивовъ.

Стравонъ (Кн. VII), упоминавъ о почтовыхъ Скивахъ, ихъ распряхъ со Скивами-землепашами и подѣлахъ, которыхъ эти платили первымъ, говорить: «что ослѣде Скивы отказывались платить эту подать, коль-скоро считали себя довольно сильными, чтобы отбить набѣмъ или воспрепятствовать имъ. Азандръ прибѣгнулъ къ сему послѣднему средству, замкнувъ, по удостоверенію Гипсикрата, Херсонисскій перешеекъ, имѣющій 360 стадій шириною, стѣною съ башнями, которыхъ было по десяти на каждой стадіи.»

¹ Протяженіе вала см. на картѣ, прилагаемой къ сочиненію Палласа. Т. II.

REMPART D'AKKOS OU REMPART CIMMÉRIEN.

Ce rempart coupe la route de Kertch à Théodosie, à six verstes à peu près de la station de poste de Soultanovka (voyez la carte No 2.). Il s'étend du lac salé d'Ouzounlare qui, dans l'antiquité, formait un golfe de la mer Noire, jusqu'au golfe de Kazantipe sur la mer d'Azow. Son parcours est d'environ trente verstes.

On y a fait, par ordre Suprême, des fouilles en quatre endroits différents: en face de la station de Soultanovka; — vis-à-vis du village de Temèche; — sur la rive de la mer d'Azow; et enfin sur le bord du lac d'Ouzounlare, en face du village d'Outche-Evli.

Le rempart avec son fossé, sur tout son prolongement, conserve une forme régulière qui semble avoir peu changé avec le temps.

Là où le sol est de nature saline, et où la terre rejetée du fossé creusé pour former le rempart, est impropre à la végétation, le rempart a été comme nivelé et même presque entièrement emporté par les pluies, nommément près du lac d'Ouzounlare.

La plus grande partie du rempart traverse un sol pierreux. La masse du retranchement dans ces endroits consiste en pierres brutes, entassées d'une manière irrégulière, ayant l'apparence d'un mur construit à sec. Là où, en creusant le fossé, on a trouvé des pierres en petite quantité, on les a posées en tas, pour en former le *noyau* du rempart, comme le dessin de notre planche l'indique. Là, enfin, où le fossé traverse un terrain mou, le rempart n'est pas renforcé de pierres.

La fig. L de notre plan donne le profil et la coupe de ce rempart: i. masse du rempart; k. noyau en pierres brutes; l. fossé.

Le profil de ce rempart, tel que nous l'offrons, varie très-peu dans l'étendue de son parcours.¹

Depuis le Mont d'Or jusqu'à la mer d'Azow, on trouve les restes d'un ancien rempart (ils sont visibles sur la carte No. 1.) qui pourrait bien indiquer la limite du territoire étroit que posséda d'abord la colonie de Panticapée, et que pour cette raison on pourrait désigner comme le *rempart du Bosphore* ou *premier rempart*.

HÉRODOTE rapporte (liv. IV. 3.) que les fils nés des esclaves et des femmes Scythes marchèrent au-devant de leurs maîtres qui revenaient de la Médie, après une absence de vingt-huit années. Ces fils d'esclaves, Sindes d'origine, coupèrent le pays par un large fossé, depuis les monts Tauriques jusqu'au Palus Maeotis. Asandre, roi du Bosphore (49—14 av. J. C.), fit rétablir ce fossé et le fortifia de tours, pour se défendre contre l'invasion des Scythes.

STRABON dit (liv. VII.), en parlant des Scythes nomades opposés aux Scythes cultivateurs, et de la redevance que ceux-ci payaient aux premiers: «On la leur refuse toutes les fois qu'on se croit assez fort pour repousser aisément leurs attaques ou pour empêcher qu'ils ne viennent attaquer. C'est ce dernier parti que prit Asandrus qui, au rapport d'Hypsicrate, avait fermé l'isthme de la Chersonèse, large de 360 stades, par une muraille flanquée de tours, placées au nombre de dix à chaque stade.»

¹ Le parcours de ce rempart est indiqué dans la carte de l'ouvrage de PALLAS, To. II.

Во французскомъ изданіи Стравона (издн. Кораса) переводчикъ говоритъ, что вѣсто 360 стадій должно быть 36 стадій, а что касается до башенъ, то если бы ихъ было по десяти на каждой стадіи, то онѣ стояли бы слишкомъ тѣсно. По этому переводчикъ думаетъ, что слѣдуетъ читать «*стѣною съ башнями на каждыѣхъ десяти стадіяхъ*». Между внутреннею оконечностію Теодосійскаго залива и Гиллыѣмъ моремъ дѣйствительно не болѣе какъ около вышепоказаннаго числа стадій.¹

Если принять направленіе, данное сему валу на картѣ Гютри, то онъ перерѣзываетъ бы полуостровъ отъ Теодосіи до Арабата, но такъ какъ разстояніе между этими конечными пунктами около 30 верстъ, то мы получили бы свыше 150 стадій.

Левкииды, распространивъ свои владѣнія за предѣлы Пантикапеи и завоевавъ Теодосію, должны были укрѣпить свои границы, простаравшіяся вѣроятно до Скивскаго вала, составлявшаго со времени Азандра пограничную черту Царства.

Спустя долгое время послѣ того, когда Савроматъ VI (302—310 по Р. Х.) былъ разбитъ Херсонисцами у Азандрова вала, миръ былъ заключенъ съ условіемъ, чтобы Савроматъ не переступалъ за предѣлы этого вала; но онъ вновь поднялъ оружіе и былъ убитъ въ одиночномъ бою Фаринакомъ, предводителемъ Херсонисцевъ.² Тогда Босфоряне принуждены были сѣзуть свои границы на половину разстоянія между Теодосіею и Керчью и воздвигли Акксовъ или Киммерійскій валъ, который можетъ быть также былъ укрѣпленъ башнями. Названіе *Киберниконъ* употребленное здѣсь Константиномъ Багрянороднымъ, есть можетъ быть испорченная форма названія города *Киммерикона* находившагося неподалеку отъ того мѣста, гдѣ находился Акксовъ валъ. (См. карту No. 2).

¹ На картѣ, приложенной къ сочиненію Гуттля: *A tour through the Taurida etc.* начало вала показано отъ Таврическихъ горъ, къ З. отъ Теодосіи, что конечно дастъ другое разстояніе. Но ни въ какомъ случаѣ не выходить 360 стадій.

² Константи́нъ Багряноро́дный: *Объ управл. Импер.* Гл. 53.

Le traducteur de STRABON (édition Coray) relève comme une erreur ce nombre de 360 stades, et croit qu'il faut lire 36 stades. Quant aux tours, s'il y en avait eu 10 à chaque stade, elles auraient été trop rapprochées. Le traducteur croit que l'on peut lire «*flanquée de tours de dix en dix stades.*» Si l'on ne compte que la distance qui est entre le fond du golfe de Théodosie et la mer Putride, on a, à peu de chose près, ce nombre de stades¹.

Ce rempart, qui est encore visible, aurait fermé la presqu'île, de Théodosie à Arabat, si nous adoptons la ligne que GUTHRIE lui donne dans sa carte; mais la distance entre les deux endroits étant d'environ 30 verstes, on aurait plus de 150 stades.

Les Leuconides, en s'étendant hors du territoire de Panticapée et en s'emparant de Théodosie, avaient dû fortifier leur frontière qui alla, vraisemblablement, jusqu'au rempart Scythe qui fut depuis Asandre la limite du royaume.

Long-temps après, lorsque Sauromate VI (302—310 de J. C.) fut battu par les Chersonésiens auprès du rempart d'Asandre, il reçut la paix, à la condition de ne point passer ce rempart; mais ayant repris les armes, il fut tué en combat singulier par Pharnace, chef des Chersonésiens². Les Bosphoriens durent alors reporter leur frontière en arrière, à moitié distance de Théodosie à Kertch, et ils érigèrent le rempart d'Akkos (ou de Kybernicon) qui était peut-être fortifié de tours. Le nom de *Kybernicon* (Κυβερνικόν) employé en cette occasion par Constantin Porphyrogénète, est peut-être la forme altérée de *Kimmericum* (Κυμμερικόν), ville peu éloignée de l'endroit où naissait ce rempart (voir notre carte No. 2.).

¹ GUTHRIE (A Tour through the Taurida, etc.) dans sa carte, appuie ce rempart aux Monts Tauriques, à l'ouest de Théodosie, ce qui établit une autre longueur. Dans aucun cas on ne peut retrouver ce nombre de 360 stades.

² CONST. PORPHYROG. De admin. Imp. Cap. 53.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ НАДПИСИ КЪ ВИДАМЪ И ПЛАНАМЪ В.

1. Видъ Западной стороны Золотого кургана, снятый съ натуры Дюбрюксомъ въ 1832 г.

ы представили на планѣ **А'**. видъ и планы Золотого кургана, изслѣдованнаго въ 1853 г., по Высочайшему повелѣнію, подъ руководствомъ Его Сіятельства Графа Л. А. Перовскаго.

Разсматривая видъ **1.** рисунка **ВВ** и сравнивая его съ чертежами предшествующаго, можно будетъ узнать насилье циклопической постройки изъ булыжнаго камня, остатки которой мы видѣли на фигурахъ подъ лит. В. и D. плана **А'**. и которая еще находилась въ цѣлости на Западной сторонѣ кургана, во время путешествія Кларка.

Дюбрюксъ съ величайшею точностію скопировалъ, одинъ за другимъ, наружный видъ всѣхъ камней этой насыпи, какъ это разсказываетъ въ своихъ запискахъ. Мы нашли этотъ рисунокъ довольно любопытнымъ, чтобы публиковать его. Уступъ, означенный линіею *а* составлялъ основаніе вершины насыпи (попавшей вбродъ видъ конуса), а весь Золотой курганъ, уже во время Дюбрюкса, представлялъ какъ бы наменоломню, изъ которой Татары сосѣднихъ деревень брали потребные для ихъ строеній матеріалы.

Сравнивая наружность этой насыпи въ 1832 г. съ тою, какую представляли остатки ея въ 1853 году, легко будетъ объяснить себѣ причину быстрого истребленія древнихъ памятниковъ въ странахъ, нѣкогда находившихся подъ Турецкимъ владычествомъ, и мы здѣсь еще разъ указываемъ на то мѣсто изъ путешествія Ла-Мотря, которое выше выписали на стр. LIV Введенія.

Какъ видно изъ рисунка Дюбрюкса, каменная насыпь Золотого кургана составляла груду необтесанныхъ камней, просто наваленныхъ одинъ на другой, съ промежутками между камнями, образовавшими такимъ образомъ одну изъ тѣхъ грубыхъ стѣнъ, которыя иногда называютъ *циклопическими стѣнами перваго стиля*, какъ напр. Тиренскую¹.

¹ GILL: The Itinerary of Greece. P. 14.

LÉGENDES DES VUES ET PLANS B.

1. Vue de la partie occidentale du Mont d'Or, dessinée, d'après nature, par DUBRUX, en 1832.

ous avons offert dans le plan **A*** la vue et les plans du Mont d'Or, exploré en 1833 par ordre Suprême, suivant les instructions de S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY.

En examinant le dessin **1** de la feuille **18** et en le comparant avec les dessins du plan précédent, on peut y reconnaître ce revêtement cyclopéen en pierres brutes entassées dont les figures B et D du plan **A*** n'offrent plus que les restes; mais qui existait en entier du côté de l'ouest, du temps du voyageur CLARKE.

Le consciencieux DUBRUX avait dessiné une à une la physionomie de toutes ces pierres, ainsi qu'il nous le raconte dans ses manuscrits. Nous avons pensé qu'il serait intéressant de reproduire son dessin. La ligne de retrait désignée par la lettre *a.*, était comme celle d'un gradin qui figurait la base de l'enveloppe du sommet (probablement conique) du Mont d'Or, dont la silhouette dévastée offrait déjà de son temps, l'aspect d'une carrière où les paysans tatars des environs venaient chercher leurs matériaux de construction.

En comparant l'aspect de ce revêtement en 1832, avec celui qu'offrent ses restes en 1853, on peut s'expliquer la rapide disparition des ruines des monuments anciens dans les pays occupés autrefois par les Turcs; et c'est le cas de rappeler encore une fois le passage de LA MOTRAIE, que nous avons cité en note à la page LV de notre Introduction.

L'enveloppe du Mont d'Or offrait, comme on le voit par le dessin de DUBRUX, un entassement de pierres brutes, superposées simplement, sans aucun autre travail, laissant entr'elles des intervalles, et formant une de ces murailles grossières, que l'on désigne quelquefois comme *muraille cyclopéenne, de premier style*, comme celles de Tyrène par exemple¹.

¹ GELL: The Itinerary of Greece. Pl. 14.

2. Остатки циклопической стѣны, составляющей обшивку землянаго вала, виднаго Дюбрюнсомъ до 1836 г. въ Кермишъ-Келечикъ на берегу небольшой рѣки, на разстояніи около 4 версты отъ впаденія ея въ Чурубанское озеро. (См. карту No. 2.)

3. Разрѣзъ этого вала:

а. циклопическая стѣна.

б. основание каменной стѣны, кладенной на извести и составлявшей, кажется, вершину землянаго вала.

Эта циклопическая стѣна, судя по рисунку Дюбрюкса, была составлена изъ булыжниковъ, прилаженныхъ одинъ къ другому, по величинѣ и очертанію, сколь можно плотно, съ отбитіемъ молотомъ только особенно значительныхъ выступовъ, по той же системѣ, какую мы видимъ въ нѣкоторыхъ постройкахъ Греціи, именно въ Эпидуръ-Ливеръ¹ (въ Эпирѣ) и въ Лариссъ² и которую называютъ *циклопическимъ строеніемъ второго стиля*.

Циклопическія стѣны въ Фонди состоятъ почти изъ такого же вала какъ Кермишъ-Келечикскій и также съ каменною стѣною на верху, кладенною на извести.³

Дюбрюксъ, весьма положительно говорящій объ этомъ валѣ въ своихъ запискахъ, составилъ планъ не только самихъ остатковъ, видъ съ которыхъ мы представляемъ здѣсь слѣдуя его рисунку, но еще и планъ городской стѣны съ акрополисомъ, и удостовѣряетъ, что нашли слѣды стѣны отъ этого города, простиравшіяся до каменныхъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалѣ, о которыхъ мы говорили въ Введеніи, на стр. LIV.

Въ 1853 г. сдѣлано было, по приказанію Графа Л. А. Перовскаго, предварительное разсѣченіе о сихъ стѣнахъ, по которому оказалось, что на означенномъ Дюбрюнсомъ мѣстѣ дѣйствительно существуютъ слѣды древняго строенія. Подробнѣйшія изслѣдованія, сдѣланныя на досугъ, можетъ быть поведутъ въ послѣдствіи къ результатамъ, какихъ мы здѣсь не можемъ представить и которые, впрочемъ, не входили въ планъ нашего изданія; но мы считали себя обязанными представить на нашемъ планѣ рисунокъ Дюбрюкса объ открытыхъ имъ слѣдахъ, сликомъ явныхъ и замѣчательныхъ, чтобы умолчать объ нихъ и за дѣйствительное существованіе которыхъ ручается положительный характеръ Дюбрюкса, снявшаго съ нихъ такой подробный рисунокъ. Этотъ трудъ его относится къ промежутку времени между 1846 и 1828 годомъ; съ тѣхъ поръ, можетъ быть, взято было столько каменей съ развалинъ, что онѣ совершенно измѣнились въ своемъ видѣ и съ перваго раза нельзя узнать въ нихъ развалинъ, видѣнныхъ Дюбрюнсомъ. Спрашивается: какую древнюю мѣстность представляютъ эти развалины? Должно ли признать ихъ слѣдами Тиритакія, о которой говоритъ Птолемей?⁴ Разрѣшеніе сихъ вопросовъ должно быть предоставлено будущимъ археологическимъ разсѣченіямъ.

¹ Krause: Hellas. P. 4. Отдѣл. II. ф. 2. 3.

² Gell. P. 7. См. также Ratté-Ravel: Recherches sur les monuments cyclopéens. Рисунки памятниковъ XII и LXXIX, гдѣ представлены подобныя же строенія, находящіяся въ Италіи и Малой Азіи.

³ Krause: Hellas. P. 4. Отдѣл. III. ф. 5. Можно, правда, допустить новѣйшее происхожденіе этой стѣны противъ эпохи сооруженія циклопической, что можетъ быть такъ и было въ Кермишъ-Келечикѣ.

⁴ Птолемей (III. 6.) называетъ ее Тиристакію или Тирістахію, а Базилевскій авторъ В. (стр. 4.) Тиристакію и по словамъ сего послѣдняго, городъ этотъ былъ въ 60 стадіяхъ отъ Пангалавн и въ 25-ти отъ Нимфея (что составятъ около 10 и около 4 версты вмѣсто 14 и 9, какъ выходитъ на нашей картѣ).

2. Restes d'une muraille cyclopéenne, formant le revêtement du terre-plein d'un rempart dont DUBRUX, avant 1830, avait constaté l'existence à Kermiche-Kélétchik, sur les bords d'une petite rivière, à 4 verstes de distance environ de son embouchure, dans le lac de Tchouroubache (voir la carte No. 2.).

3. Coupe de ce rempart:

a. muraille cyclopéenne;

b. fondements d'un mur en pierres, assemblées avec de la chaux, paraissant avoir formé le haut du rempart qui couronnait le terre-plein.

La muraille cyclopéenne offre dans le dessin de DUBRUX, un de ces entassements de pierres brutes agencées les unes dans les autres, suivant les accidents de leur configuration, mais dont les aspérités trop saillantes auraient été aplanies par un premier travail, exécuté grossièrement à coups de marteau, et suivant un système que l'on retrouve dans plusieurs localités en Grèce, notamment à Epidaure-Limera¹ (en Epire) et à Larissa² et que l'on nomme *travail cyclopéen, de second style*.

Les murailles cyclopéennes de Fondi offrent un rempart assez semblable à celui de Kermiche-Kélétchik, surmonté également d'une muraille en pierres, assemblées avec de la chaux³.

DUBRUX, très-explicite à ce sujet dans ses manuscrits, avait dressé un plan non seulement des vestiges dont nous offrons d'après lui le dessin, mais encore d'une enceinte de ville avec son acropolis; et il assurait avoir relevé les traces de murailles qui auraient conduit de cette ville aux tombeaux creusés dans le roc, dont nous parlons page LV de notre Introduction.

Une première exploration faite sur les lieux, en 1853, par ordre de S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY, a constaté l'existence de traces d'anciennes constructions dans la localité indiquée par DUBRUX. Des recherches plus sérieuses, faites à loisir, amèneront peut-être plus tard un résultat que nous ne sommes pas en état d'offrir ici, et qui est d'ailleurs en dehors du cadre de notre ouvrage; mais nous avons cru devoir reproduire dans notre plan le dessin de vestiges qui étaient trop visibles et trop caractéristiques, pour n'être pas mentionnés, et que le caractère sérieux de DUBRUX ne peut avoir rêvés, en les dessinant minutieusement comme il l'a fait. Son travail, là et ailleurs, a été exécuté entre les années 1816 et 1828; et il ne serait pas d'ailleurs impossible que dans le laps de temps écoulé depuis, ces ruines ne fussent devenues assez méconnaissables, par les pierres qu'on en a retirées, pour ne plus offrir au premier aspect ce que DUBRUX y a vu. À quelle localité antique ces vestiges peuvent-ils avoir appartenu? Faut-il y chercher les traces de la *Tyrtaca* dont parle PROLÉMÉE⁴? C'est une question qu'il faut nécessairement laisser à l'avenir, et à des recherches archéologiques qui auront lieu peut-être plus tard dans cette localité.

¹ KRUSE: Hellas. Pl. I. Sect. II. fig. 2. 3.

² GELL. Pl. 7. Voyez aussi PETIT-RADEL: Recherches sur les monuments Cyclopéens Pl. des monuments XIII et LXXIX offrant des constructions pareilles, en Italie et en Asie-Mineure.

³ KRUSE: Hellas. Pl. I. Sect. III. fig. 5. Il est vrai que l'on peut admettre que la muraille en pierres cimentées avec de la chaux, est très-postérieure à la muraille cyclopéenne, ce qui est peut-être le cas à Kermiche-Kélétchik.

⁴ PROLÉMÉE (III. 6) la nomme Τυρτάκη ou Τυρτάκη, l'ΑΝΟΝΥΜΕ Β. (p. 4) Τυρτάκη; et d'après cette dernière autorité, elle était à 60 stades de Panticapée et à 25 de Nymphée (10 verstes et 4 verstes environ, au lieu de 14 verstes et de 9 verstes que nous trouvons sur notre carte)

4. Остатки циклопической стѣны, видѣнные Дюбрюксомъ въ Куурдакъ, на разстояніи около 13 верстъ къ Западу отъ Керчи, на Сѣверъ отъ Феодосійской дороги (см. карту No. 2.).

Камни этой стѣны расположены по системѣ, какую еще нигдѣ не случилось намъ видѣть: они имѣютъ видъ наклоненныхъ траншей, сложенныхъ одинъ надъ другимъ.

Въ запискахъ Дюбрюкса, съ рисунка котораго мы представляемъ здѣсь точную копію, находится, кромѣ того, гораздо обширѣйшій планъ остатковъ стѣны, найденныхъ имъ въ той же мѣстности и которая онъ считалъ стѣнами акрополиса, имѣвшаго около 200 сажень въ окружности.

Фигура No. 6. представляетъ планъ части этой стѣны съ башнею **а**. Рисунокъ, снятый Дюбрюксомъ, относится къ изслѣдованіямъ, произведеннымъ имъ съ 1816 по 1828 годъ.

Какъ называлось въ древности мѣсто, занимаемое этими развалинами? Не слѣды ли они города Дии, упоминаемаго Плиніемъ¹, или же слѣдуетъ полагать, вмѣстѣ съ Дюбта, этотъ городъ въ Каминъ-Бурунѣ (см. карту No. 2.), на Сѣверной оконечности вполнѣ высохшаго озера (это высохшее пространство озера означено и на нашей картѣ), известнаго подъ именемъ Чурубашскаго? Развалины же, находящіяся къ Югу отъ сего озера и также посѣщенныя Г. Дюбта², вѣроятно означаютъ мѣстополюженіе древней *Пимфен*, изъ залива которой составилось, отъ наноса земли, это озеро? Эти вопросы также могутъ быть разрѣшены только дальнѣйшими подробными изслѣдованіями и счастливыми случаями, какъ напр. открытіемъ какого-нибудь памятника.

5. Часть циклопической стѣны, видѣнной Дюбрюксомъ на горѣ Опукѣ. (См. карту No. 2.).

Камни этой стѣны обтесаны молотомъ съ нѣкоторою правильностію, но очень грубо, какъ камни разваливъ древнихъ эллиническихъ строеній, напр. у Львиныхъ воротъ въ Миконахъ³.

Рисунокъ этихъ стѣнъ также относится къ изслѣдованіямъ Дюбрюкса между 1816 и 1828 годами.

Стѣны сіи, вѣроятно, принадлежать Европейскому *Киммеріону* (или Киммеріону), мѣсто котораго, по указанію Скимна Хиосскаго, можно искать только здѣсь. (См. нашу главу: Топографія). Также и въ этомъ отношеніи окончательное рѣшеніе недоумѣній должно ожидать отъ будущихъ изслѣдованій.

2. 6. Профиль и планъ круглаго возвышенія, находящагося у Новаго Керченскаго Карантина; — копія съ рисунка Дюбрюкса.

На этомъ возвышеніи, въ пунктахъ, означенныхъ буквами **а**. и **б**. (фиг. 6.) случайно открыли въ 1834 г., роя яму для утвержденія флажнаго шеста Новаго Карантина⁴, двѣ гробницы, каждую съ саркофагомъ изъ паросскаго мрамора; одинъ изъ сихъ саркофаговъ былъ безъ украшеній, другой же съ богатыми барельефами. (См. No. 9. и 9*. Заглавнаго листа.)

¹ Плиній: IV. 26

² Debois: T. V. стр. 248 и слѣд.

³ Gill: The Minerary of Greece. P. 8.

⁴ См. Ашикъ: Воспорское Царство. Т. II. стр. 41.

4. Restes d'une muraille cyclopéenne dont DUBRUX avait constaté l'existence à Kouourdak, à 13 verstes environ à l'ouest de Kertch, au nord de la route de Théodosie (voir la carte No. 2.).

La disposition des pierres de cette muraille offre un système que nous n'avons pas rencontré ailleurs; car elles forment des trapèzes inclinés, engagés les uns dans les autres.

DUBRUX, dont nous reproduisons rigoureusement le dessin, a laissé dans ses manuscrits un plan beaucoup plus étendu, de restes de murailles qu'il aurait explorés dans la localité ci-dessus, et qui lui paraissaient avoir appartenu à une acropolis, d'environ 200 sagènes de circonférence.

Nous offrons fig. 6., d'après DUBRUX, le plan d'une partie de la muraille avec sa tour a. que ce laborieux explorateur avait dessiné sur les lieux. Ce travail se rapporte aux recherches effectuées par lui, de 1816 à 1828.

Quel est le nom de l'antique localité à laquelle ces restes appartiennent? Faut-il y voir les traces de cette ville de Dia dont parle PLINZ¹, ou faut-il la placer, comme l'a fait DUBOIS, à Kamiche-Bouroun (voir la carte No. 2.), à l'extrémité septentrionale du lac, en partie desséché (cette partie desséchée est visible dans notre carte), qui existe sous le nom de Tchouroubache, et au sud duquel des ruines encore existantes et visitées par DUBOIS², marquent probablement l'emplacement de *Nymphée* dont le golfe, obstrué par les attérissements du détroit, a formé le lac ci-dessus? c'est encore une de ces questions que des recherches archéologiques sérieuses et d'heureuses circonstances, comme la découverte de quelques monuments, parviendront peut-être à décider.

5. Partie d'une muraille cyclopéenne dont DUBRUX avait constaté l'existence sur la montagne d'Opouk (voir la carte No. 2.).

Ici les pierres sont taillées avec une certaine régularité, quoique toujours grossièrement, à coups de marteau, sans l'emploi du ciseau, telles qu'on les voit dans des restes d'anciennes constructions helléniques, à la porte des Lions, à Mycènes, par exemple³.

Ce dessin provient également des recherches exécutées par DUBRUX, de 1816 à 1828.

Ces restes de murailles appartiennent probablement à la *Cimmerium* d'Europe (ou Kimmericum) dont l'emplacement, d'après un passage de SCYMUS DE CARIO, ne saurait guère être cherché ailleurs (voir ce que nous disons à ce sujet dans notre Topographie). Ici également il faut espérer que des recherches archéologiques ultérieures détermineront cette question.

6. 8. Élévation et plan de la construction circulaire cyclopéenne existant à la Nouvelle Quarantaine de Kertch, d'après un dessin de DUBRUX.

C'est aux places indiquées par les initiales a. b. fig. 8. que l'on découvrit fortuitement, en avril 1834, en creusant la terre pour y fixer le mât du pavillon de la Nouvelle Quarantaine⁴, deux tombeaux renfermant chacun un sarcophage en marbre de Paros, l'un sans ornement, l'autre richement sculpté (voir No. 9 et 9* de notre Frontispice).

¹ PLIN.: *lib.* IV. 26.

² DUBOIS. *To. V.* pag. 248 et sv.

³ GELL: *The Itinerary of Greece.* Pl. 8.

⁴ Voyez l'ouvrage de Mr. ASCHIK: *Воспорское Царство.* *To. II.* p. 41.

Трудно себя объяснить: какимъ образомъ эти памятники, принадлежаще довольно новой эпохѣ, могли быть найдены въ землѣ подѣ сооруженіемъ циклопическаго стиля, и который кажется должно признать весьма древнимъ.

Когда устанавливали упомянутый выше шестъ, то концомъ его, вѣроятно, наткнулись на саркофагъ и такимъ образомъ разбили его. Намъ не случилось слышать, чтобы потомъ произведено было тутъ систематическое распахиваніе земли для удостовѣренія не скрывается ли въ ней еще какихъ нибудь предметовъ.

На нашей картѣ No. 1. Новый Карантинъ показанъ на мѣстѣ древняго *Мирмекіона*, а небольшой мысъ, гдѣ возвышается это сооруженіе, на мѣстѣ древняго *Гераклеона* (см. Топографію). Окрестные жители называютъ этотъ мысъ *Землинымъ Городкомъ*.

9. 10. Черепичныя гробницы.

Въ Введеніи (стр. LVIII) мы упоминали о черепичныхъ гробницахъ, довольно часто находимыхъ въ Керченскихъ курганахъ. Въ Эрмитажѣ есть восемь такихъ черепицъ, изъ которыхъ легко было бы составить гробницу, подобную изображенной подѣ No. 9.

11. и 12. представляютъ видъ черепицъ сверху и съ боку, съ ихъ загнутыми краями и съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ обыкновенно находится клейма.

13. 14. и 15. три такіа клейма въ половину ихъ настоящей величины. На клеймѣ No. 15. видны только первая и послѣдняя буквы надписи.

Il est difficile d'expliquer comment des monuments qui appartiennent à une époque assez avancée, se trouvaient dans le sein d'une terre qui était recouverte d'une construction en pierres brutes, de style cyclopéen, comme celle qu'offre notre dessin, construction qui constitue, il semble, un monument tout primitif.

Il paraît qu'en creusant la terre pour y faire pénétrer le mât, le bout inférieur de l'arbre vint à donner sur le sarcophage, dont il contribua à déterminer la rupture. Nous n'avons pas appris qu'on ait fouillé systématiquement le sol que recouvre cette construction, pour s'assurer si dans sa profondeur on ne découvrirait pas quelque autre indice.

Dans notre carte No. 1., l'emplacement de la Nouvelle Quarantaine est indiqué comme correspondant à celui de l'ancienne *Myrmecium*, et la pointe de terre ou petit cap où s'élève la construction ci-dessus, comme marquant celui de l'*Heracleum* (voir notre Topographie). Cette pointe de terre est désignée dans le pays sous l'appellation de *Zmeini-Gorodok* (Змеиный Городокъ).

9. 10. Tombeaux en briques.

Nous avons parlé dans notre Introduction (page LIX) des tombeaux en briques que l'on a découverts assez fréquemment, dans les tumulus des environs de Kertch. L'Ermitage possède huit de ces briques avec lesquelles il serait facile de reconstituer un tombeau, exactement pareil à celui qui est figuré dans notre planche sous le No. 9.

Les No. 11. 12. offrent l'aspect de ces briques, vues à plat et par la tranche, avec leurs rebords, ainsi que la place qui porte l'empreinte du poinçon dont elles sont ordinairement marquées.

Les No. 13. 14. 15. offrent, en demi-grandeur, l'empreinte de trois de ces poinçons. Dans le No. 15. la première et la dernière lettre de l'inscription sont seules visibles.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ НАДПИСИ КЪ ПЛАНУ С.

ланъ кургана, раскопаннаго Г. Батичевымъ въ 1846 г. въ Глинницѣ. **1.** (См. Введение, стр. LX.)

Видъ этого кургана. **2.**

а. Гробница или могила, которая была выкрашена красною краскою.

б. Гробница или могила, выкрашенная бѣлою краскою.

в. Гробница изъ цѣльнаго камня.

3. Продольный разрѣзъ }
4. Поперечный разрѣзъ } гробницъ **а.** **б.**

д. Плиты, которыми были покрыты эти гробницы.

5. Гробница изъ плоти мягкаго камня, открытая Г. Ашиновъ въ 1834 въ курганѣ близъ шоссе, ведущаго къ Карантину. (См. Введение, стр. LXII.)

а. Глиняная урна, украшенная по окружности выпуклыми полосами, а по краю золотыми овами, подобно изображенной на Р. XLVIII., 4. 5. Въ ней находились обожженные кости и сверхъ того слѣдующія золотыя вещи:

Лавровый вѣнокъ, вѣсомъ въ 25 золотниковъ. (Въ Эрмитажѣ.)

Ожерелье съ подвѣсками. (Р. XI. 1.)

Плетеное ожерелье, подобное изображенному на Р. IX. 1. (Въ Эрмитажѣ.)

Серьга, подобная изображенной на Р. VII. 7. (Въ Эрмитажѣ.)

Кольцо со вставленнымъ въ оное рѣзнымъ камнемъ (инталъ, Р. XVII. 7.)

Кольцо съ гнѣздомъ отъ выпавшаго изъ оного камня. (Въ Эрмитажѣ.)

Дѣтское кольцо съ гравировъ. (Р. XV. 1.)

Валекъ изъ пережженаго камня. (Р. XVI. 1.)

LÉGENDES DU PLAN C.

Plan du tumulus exploré par Mr. BEGUITCHEFF, en 1846, à Glinitche. **1.** (voir notre Introduction, page LXI.).

Élévation de ce tumulus. **2.**

a. Tombeau ou fosse peinte en rouge.

b. Tombeau ou fosse peinte en blanc.

c. Tombeau d'un seul bloc de pierre.

3. Coupe en longueur } des tombeaux **a.** **b.**
4. Coupe en largeur }

a. Dalles qui recouvraient ces tombeaux.

5. Tombeau en dalles de pierre tendre, découvert en 1834, par Mr. ASCHIK, dans un tumulus voisin de la chaussée de la Quarantaine (voir notre Introduction, page LXIII.).

a. Urne en terre, à panse cannelée, à bord orné d'oves dorés, semblable à celle de la Pl. XLVII. 4. 5., renfermant des ossements brûlés et les objets suivants en or:

Couronne de laurier, du poids de 25 zolotniks (à l'Ermitage).

Collier à pendeloques Pl. XI. 1.

Collier en tresse, semblable à celui de la Pl. IX. 1. (à l'Ermitage).

Boucle d'oreille, semblable à celle de la Pl. VII. 7. (à l'Ermitage).

Anneau avec intaille Pl. XVII. 7.

Anneau avec chaton de pierre (tombée); se trouve à l'Ermitage.

Bague d'enfant avec chaton de grenat Pl. XV. 1.

Cylindre en pierre calcinée. Pl. XVI. 1.

Застежка отъ ожерелья, булава, обломокъ отъ разныхъ галантерейныхъ вещей и частицы снѣжнаго золота.

Медаль Царя Лизинмаха.

- В. Небольшая урна, въ которой находились обожженные кости и бронзовый стрижаль, покрытый описью.
- с. Остатки меча, совершенно разбѣденнаго ржавчиною.
- д. Шлемъ, изображенный на Р. XXVIII. 1.
- е. Бронзовый щитъ.

Этотъ щитъ найденъ въполовину сломаннымъ. Тамъ гдѣ бронза была сильно повреждена, то онъ скоро разсыпался и частицы не могли быть сохранены. Щитъ имѣлъ видъ выпуклаго, продолговатаго круга и былъ окруженъ плоскимъ краемъ, по которому, какъ удостовѣряетъ Г. Стефанскій, дѣланъ подлинный рисунокъ съ этой гробницы и съ бывшихъ въ ней вещей, набиты были гвозди, служившіе закрѣпою для подкладки и кожаныхъ петель, которыя еще видны были на нижней сторонѣ щита въ то время, когда была открыта гробница.

III. углубленіе, сдѣланное въ какомъ-то слѣбѣ, которымъ было покрыто дно гробницы, состоявшее также изъ плитъ. Въ этомъ углубленіи были найдены слѣдующія серебряныя вещи:

- Г. Чаша, въ видѣ сѣзаннаго яйца, величиною въ яйцо строфанкила, на трехъ раковинкахъ. (Въ Эрмитажѣ.)
- В. II. Двѣ чаши съ ручками и на ножкѣ, подобныя изображенной на Р. XXXVIII. 1. (Въ Эрмитажѣ.)
- Г. Стрижаль съ принадлежащимъ къ нему сосудомъ, въ которомъ хранились благовонія. (Р. XXXI. 3. 3*.)
- Ж. Самшудумъ или черпало. (Р. XXX. 1.)
- И. Пягисъ или корбва.

Гробница заключала въ себѣ еще большой бронзовый медальонъ (Р. XIII.), изображенный вмѣстѣ съ вышеозначенными вещами на другомъ рисункѣ Г. Стефанскаго, приложенномъ къ рапорту Г. Ашика къ Г. Керченскому Градоначальнику. Въ семъ рапортѣ Г. Ашикъ, вѣроятно по ошибкѣ, не упомянулъ объ этомъ медальонѣ, но онъ описалъ его въ своемъ сочиненіи: Воспорское Царство, Т. III. 11., гдѣ приложилъ и рисунокъ съ него подъ No. 1.

- С. Разрѣзъ гробницы изъ плитъ мягкаго камня, открытой Г. Каргилею въ 1832 году въ курганѣ Митридатовой горы, находившемся подлѣ могилы, въ которой найдена была ваза съ изображеніемъ Нимфеи и Журавлей.

- а. Гробъ изъ можжевеловаго дерева, поставленный на деревянномъ же помостѣ о шести ножкахъ, украшенныхъ жолабками.
- В. Углубленное мѣсто въ стѣнѣ (ниша), гдѣ стоялъ глиняный сосудъ съ кримию, которая была къ нему примазана на извести; въ сосудѣ находился пепель.
- с. Такое же углубленіе въ стѣнѣ, въ которомъ находился сосудъ изъ полосатаго стекла, въполовину разбитый и до того попорченный, что ломался, когда его брали руками.

Agrafe de collier, épingle, divers fragments de bijoux, et parcelles d'or fondu.
Médaille de Lysimaque.

b. Petite urne, renfermant des ossements brûlés et une strigile en bronze oxydée.

c. Débris d'un glaive tout oxydé.

d. Casque Pl. XXVIII. 1.

e. Bouclier en bronze.

Ce bouclier était à moitié brisé. La décomposition du métal l'a promptement détruit, et les fragments n'ont pu être conservés. Ce bouclier, de forme ovale, bombée, avait un enroulement plat offrant, au dire de Mr. STEPHANSKY, qui a exécuté le dessin original de ce tombeau et des objets qu'il renfermait, des têtes de clous qui avaient servi de points d'attache à une doublure et à des anses en cuir qui étaient encore visibles, au revers de ce bouclier, lorsqu'on explora le tombeau.

Sur une cavité ou enfoncement **XX.**, qui semblerait avoir été pratiqué dans un enduit qui aurait recouvert les dalles du fond du tombeau, se trouvaient les objets suivants en argent :

f. Coupe ou tasse ovoïde, de la grandeur d'un oeuf d'autruche, posée sur trois pétoncles (à l'Ermitage).

g. h. Tasses, à deux anses et à pied, semblables à celle de la Pl. XXXVIII. 1. (à l'Ermitage).

i. Strigile, avec son vase à parfum Pl. XXXI. 3. 3°.

k. *Simpulum*. Pl. XXX. 1.

l. *Pyxis* ou boîte.

Le tombeau renfermait encore le grand médaillon en bronze Pl. XLIII., qui figure parmi les objets ci-dessus dans un second dessin de Mr. STEPHANSKY, accompagnant le rapport de Mr. ASCHIK au gouverneur de Kertch. Mr. ASCHIK n'y mentionne point ce médaillon, sans doute par oubli, mais il en parle dans son ouvrage: *Воспоминание о Кертчи* où il en donne l'explication To. III. 11. et le dessin Pl. 1.

6. Coupe d'un tombeau en dalles de pierre tendre, découvert par M. KAREISCHA, en 1832, dans un tumulus du Mont Mithridate, voisin du tombeau des Pygmées et des Grues.

a. Cerceuil en bois de genévrier, posé sur un lit funéraire, en bois également, soutenu par huit pieds cannelés.

b. Niche où se trouvait un vase en terre, à couvercle, avec un enduit de plâtre autour de l'ouverture, et renfermant des cendres.

c. Niche où était posé un petit vase en verre rayé, à demi cassé, et dans un état de décomposition tel, qu'il se brisait entre les doigts.

- d.** Еще такое же углубленіе съ лампадою, на которой изображенъ Геркулесъ.
Въ нишѣ, соответствовавшей углубленію **e**, помѣщался стеклянный сосудъ *любопытной формы*, какъ выразился Г. Карейша, видѣвшій этотъ сосудъ, и въ которомъ, по его мнѣнію, находился грушевый сокъ. (См. дальнѣйшія подробности на стр. LXIV. Введенія.)
- 7. Разрѣзъ** } гробницы подъ круглымъ сводомъ, открытой Г. Карейшею въ 1832 г. въ курганѣ,
8. Планъ } лежащемъ по ту сторону Замостскаго Кордона. Стѣны гробницы были покрыты *сѣрымъ цѣтломъ* съ красными чертами, изображавшими очертанія камней, расположенныхъ рядами; внизу стѣны была проведена широкая красная полоса (*въ видѣ цоколя*).
a. Каменный гробъ, найденный поломаннымъ; хранившіяся же въ немъ кости были разбросаны.
b. Мѣста свода, гдѣ онъ подался или былъ пробитъ.
c. Углубленія въ стѣнахъ.
- 9. Разрѣзъ** } гробницы подъ круглымъ сводомъ, найденной Г. Карейшею въ 1832 г. въ курганѣ,
10. Планъ } смежною съ вышеописанною. Стѣны были покрыты *сѣрымъ цѣтломъ* и увѣчаны карнизомъ, сводъ разломанъ.
a. Два каменныхъ гроба, найденныхъ разбитыми и опустошенными.
b. Мѣста свода, гдѣ онъ былъ разломанъ.

Мы предлагаемъ здѣсь, въ заключеніе Введенія, видъ Митридатова Креса и входящейся близъ онаго искусственной ниши, сдѣланной уступами.

Намъ кажется, что названіе Митридатова Креса, входящее въ область чудеснаго, которымъ туземное преданіе окружаетъ имя знаменитаго Царя, скорѣе примыкаетъ естественному углубленію, которое расположеніемъ окружающихъ его камней представляетъ отдаленное сходство съ огромнымъ сдѣланцемъ, чѣмъ соседственной съ нимъ нишѣ, такъ какъ сія послѣдняя и самая гробница близъ оной, вѣроятно, принадлежать уже христіанской эпохѣ.

d. Niche où était posée une lampe, offrant la figure d'Hercule.

Dans la niche correspondant à celle de la lettre **e.** était une phiole de *forme curieuse*, suivant l'expression de Mr. KAREISCHA qui l'avait vue, remplie de suc de poires, à ce qu'il lui parut (voir pour les autres détails l'Introduction page LXV.).

7. Coupe { d'un tombeau, à voûte cintrée, découvert par Mr. KAREISCHA, en 1832, dans un
tumulus, au-delà du poste de douane Zamostskii. Les murs de ce tombeau étaient
8. Plan { revêtus d'un enduit, de couleur grise, à raies rouges simulant les assises des pierres,
et à large bande rouge dans la partie inférieure.

a. Cercueil en pierre, brisé et renfermant des ossements dispersés.

b. Points où la voûte avait cédé ou avait été enfoncée.

c. Niches.

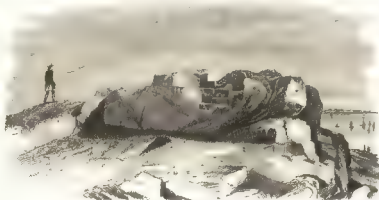
9. Coupe { d'un tombeau à voûte cintrée, découvert par Mr. KAREISCHA, en 1832, dans un
tumulus voisin du précédent. Les murs, revêtus d'un enduit de couleur grise, étaient
10. Plan { ornés d'une corniche à la naissance de la voûte, qui avait cédé ou qui avait été enfoncée.

a. Deux cercueils en pierre, brisés et dévastés.

b. Points où la voûte était brisée.

Nous offrons en culs-de-lampe à la fin de cette Introduction, la vue du Fauteuil de Mithridate et celle de la niche à gradins qui en est voisine.

C'est, il nous semble, bien plus à l'échancrure naturelle qu'offre le rocher qui couronne le Mont Mithridate et qui a comme une vague ressemblance avec la figure d'un immense fauteuil, qu'à la niche elle-même qui avec son tombeau ne date probablement que des temps chrétiens, que convient une appellation où le merveilleux se mêle, et dans laquelle la tradition conservée sur les lieux enveloppe le souvenir d'un grand nom.

Доканчивая нашъ трудъ, мы получили изъ Керчи новыя богатства и узнали, что при раскопкахъ, произведенныхъ на мѣстѣ древней Теодосіи, открыты золотыя вещи, не уступающія своею роскошью вещамъ Кузь-Обской гробницы. Часть найденныхъ близъ Теодосіи вещей еще могла быть помѣщена въ нашъ Атласъ и читатель найдетъ ихъ изображенія на дополнительныхъ рисункахъ No. XII*, LXIII*. р. LXX*.

Сверхъ того сдѣланы новыя открытія близъ древняго Херсониса и найдены надписи въ *Иедеиовкѣ* на правомъ берегу Донца, недалеко отъ его устья. Намъ дознано, что эта деревня находится на мѣстѣ древняго Танаиса, на что уже указывали надписи, изданныя Грефъ.

Всѣ эти раскопки кургановъ произведены по распоряженію Его Сіятельства Графа Л. А. Перовскаго, просвѣщеннаго исполнителя воли Государа Императора.

И такъ, не только на Босфорскомъ побережьѣ, но и въ другихъ частяхъ Тавриды, а также на берегахъ Азовскаго моря открыта классическая земля и въ свою очередь отозвалась на размышленія сѣдующихъ изслѣдователей.

Эти открытія служатъ, кажется, предвѣстниками новаго періода *Исторіи древностей Босфора Гиммерійскаго*, объемъ которой вѣроятно раскинется гораздо шире тѣхъ рамокъ, которыя мы первоначально указали ей въ нашемъ сочиненіи. Счастливое событіе это поощритъ тѣхъ, которые будутъ продолжать начатый нами трудъ и послужитъ новымъ свидѣтельствомъ неизсякаемыхъ щедротъ, изливаемыхъ Августѣйшимъ Монархомъ на пользу науки.

Au moment où nous écrivons le dernier mot de notre ouvrage, nous recevons de Kerch de nouvelles richesses, et nous apprenons que les fouilles qui viennent d'être opérées sur le sol de l'ancienne Théodosie ont mis au jour des objets en or qui ne le cèdent point à ceux du Koul-Oba. Ainsi le trésor de l'Ermitage s'agrandit; et nous sommes encore à temps d'y trouver la matière de trois planches supplémentaires que nous donnons sous les No. XII*, LXIII*, LXX*.

Nous apprenons enfin que l'on a exhumé du sol de l'ancienne Chersonesus des monuments qui nous sont annoncés, de même que des inscriptions trouvées à *Nedvigovka*, sur la rive droite du Donetz, non loin de son embouchure. Il est prouvé maintenant que ce village occupe l'emplacement de l'ancienne Tanais, ce que faisaient présumer les inscriptions publiées par GRAEFE.

Toutes ces fouilles se sont opérées par les ordres de S. E. Mr. LE COMTE PEROFFSKY dont l'activité répond à la pensée constante de SA MAJESTÉ L'EMPEREUR.

Ainsi, non seulement les rives du Bosphore, mais d'autres points de la Tauride et les bords du Palus Maeotis, interrogés par d'habiles explorateurs, viennent à leur tour offrir comme une nouvelle révélation de cette terre classique.

C'est l'annonce, il semble, d'une nouvelle phase dans *l'Histoire des Antiquités du Bosphore Cimmérien* dont le domaine pourrait s'étendre bien au-delà du cadre que notre ouvrage lui assignait d'abord. Heureux événement! bien propre à encourager ceux qui continueront l'oeuvre que nous avons commencée, et de nature à offrir au monde éclairé un nouveau témoignage de la Munificence AUGUSTE qui épanche si généreusement sa libéralité au profit de la science.

AVERTISSEMENT.

Pour l'intelligence du texte de notre ouvrage et des indications de nos planches, nous donnons ici l'évaluation comparée des mesures qui y sont mentionnées :

Mesures de longueur.

La *sagène* russe se divise en trois archines et équivaut à 7 pieds, mesure anglaise, soit 2,134 mètres.

L'*archine* se divise en 16 verchoks et équivaut à 2 pieds 4 pouces, mesure anglaise, soit 0,711 mètre.

Le *verchok* se divise en 8 parties et équivaut à $4\frac{1}{4}$ pouce anglais, soit 4,445 centimètres.

La *verste* russe comprend 500 sagènes et équivaut à 0,663 mille anglais, soit 1,067 kilomètre.
(105 verstes font un degré du méridien).

Poids.

La *livre* russe se divise en 32 loths ou 96 zolotniks. Elle équivaut à 0,903 livre, mesure anglaise, soit 0,410 kilogramme.

Le *zolotnik* équivaut à 2,408 drachmes, mesure anglaise, soit 4,266 grammes.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

EXPLICATION DES PLANCHES.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ.

иснонокъ заглавнаго листа представляетъ живописно расположенный выборъ лучшихъ изъ найденныхъ въ Керчи мраморныхъ предметовъ.

1. Капитель столба римскаго стиля изъ бѣлаго мрамора; высота ея 7 вершковъ.

2. Обломокъ барельефа изъ бѣлаго мрамора, представляющій поспѣшно идущаго на брань воина; высота его 7, а ширина 6 вершковъ.

3. Мраморный барельефъ, сдѣланный по объѣму; по совершенству исполненія онъ относится къ лучшему времени греческаго искусства; высота его $10\frac{1}{2}$ вершковъ, а ширина 4 аршинъ 4 вершка. Мы видимъ на немъ сидящую богиню и подлѣ нея другую стоящую, которая держитъ въ лѣвой рукѣ, кажется, скипетръ. Обѣ облачены въ гиматіонъ и хитонъ и изображены въ святилищѣ своего храма, означеннаго находящимся передъ ними столбомъ. Та изъ сѣихъ богинь, которая изображена стоящею, дружески кладетъ руку на плечо другой. Четыре меньшаго размѣра фигуры: двое мужчинъ и двое дѣтей, подходятъ къ богинямъ для поклоненія. Одинъ изъ мужчинъ держитъ въ правой рукѣ шестъ или палицу, а въ лѣвой, кажется, мечъ; въ рукахъ у другаго какіе-то длинные предметы, которыхъ по виду нельзя принять ни за скипетры, ни за шесты, ни за свѣточи, ни за копыя. Отроки имѣютъ въ рукахъ по такому же предмету; кажется, что это весла. По сему можно предположить, что на этомъ барельефѣ изображены моряки и двѣ покровительствующія мореплаванію богини, которымъ моряки посвящали этотъ обѣтныи камень въ благодарность за счастливое извѣстіе¹. Въ такомъ случаѣ одну изъ этихъ богинь можно принять за Афродиту², а другую за Пнеу. Если же это не морскія богини, (потому что свойство приношенія это еще не доказывается), то, судя по группамъ Р. LXX³. No. 1—3., можно будетъ заключить, что мы видимъ здѣсь Димитру и Кору. (Переру и Прозерпину).

¹ Ср. ГЕРНАРД: Auserlesene Vasenbilder. P. 155.

² См. Р. LXV.

FRONTISPICE.

ur la Planche servant de Frontispice nous avons réuni et groupé, dans un ensemble pittoresque, les plus précieux monuments en marbre, provenant des fouilles de Kertch. En voici l'indication détaillée.

1. Chapiteau de style romain, en marbre blanc. Hauteur 7 verch.

2. Fragment d'un bas-relief en marbre blanc, représentant un guerrier marchant à grands pas au combat. Hauteur 7 verch., largeur 6 verch.

3. Marbre votif, de la meilleure époque de l'art grec. Hauteur $10\frac{1}{2}$ verch., largeur 4 arch. 4 verch. Il représente deux déesses, l'une assise, l'autre debout, tenant, à ce qu'il semble, un sceptre; toutes les deux couvertes du himation et du chiton et se trouvant dans le sanctuaire de leur temple, indiqué par le pilastre qui se voit devant elles. Celle qui est debout pose amicalement la main droite sur l'épaule de l'autre. Quatre figures plus petites, deux hommes et deux enfants, s'approchent des déesses pour les adorer. L'un de ces hommes tient de la main droite un bâton ou une massue, de la gauche quelque chose qui peut être un glaive; l'autre tient deux objets longs, qui par leur forme ne peuvent être ni des sceptres, ni des bâtons, ni des flambeaux, ni des lances. Chacun des enfants a dans la main un objet de même forme; il semble donc que ce sont des rames. Ainsi l'on pourrait croire, que le bas-relief représente des pilotes et deux déesses, protectrices de la marine, à qui ceux-là l'avaient offert en reconnaissance d'un voyage heureusement terminé.¹ Dans ce cas on pourrait dans l'une des déesses reconnaître Aphrodité², et par suite, Peitho dans la seconde. Si au contraire ce ne sont pas des divinités marines (car la nature de l'offrande n'exige pas absolument une telle conclusion), les groupes publiés sur la Pl. LXX*. No. 1—3. induisent à croire qu'il s'agit ici de Déméter et de Koré (Cérès et Proserpine).

¹ Comparez GERHARD: *Auserlesene Vasenbilder*. Pl. 155

² Voir la Planche LXV

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ.

4. Обломок барельефа изъ бѣлаго мрамора¹, на которомъ изображенъ Кентавръ; вышина его 6, а ширина 7 вершковъ.

5. Капитель или оглавие столба римскаго стиля изъ красноватаго мрамора, найденное близъ монастыря Св. Георгія, на мѣстѣ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, существовалъ знаменитый храмъ Діаны Таврической. Вышина оглавія 4 вершка.

6. Обломокъ барельефа изъ бѣлаго мрамора¹ съ изображеніемъ боя; изъ трехъ фигуръ, представленныхъ на этомъ барельефѣ, двѣ въ ессалійскихъ панциряхъ (*πεπλος*); вышина обломка 4, а ширина 12 вершковъ.

7. и 8. Двѣ великолѣпныя статуи изъ бѣлаго мрамора, произведеніе перваго вѣка по Р. Х. Статуи эти, исполненныя въ весьма хорошемъ стилѣ, найдены въ 1850 году жителями города Керчи Михаиломъ Щербиновъ² въ римской гробницѣ на разстояніи околѣ версты къ СВ. отъ Керчи, близъ Глиннича, и, вѣроятно, представляютъ двухъ супруговъ, погребенныхъ въ этой гробницѣ. Вышина статуи мужчины 2 аршина 13 вершковъ, а статуи женщины 2 аршина 10 вершковъ. Судя по блеску мрамора на обнаженныхъ частяхъ тѣла, какъ-то: на лицѣ, шеѣ и рукахъ, надо полагать, что въ этихъ мѣстахъ мраморъ былъ слетанъ напиганъ воскомъ, по известному древнимъ скульпторамъ способу³ и что отъ этого обнаженные части статуй имѣютъ большую бѣлизну и мягкость. Положенія, въ которыхъ представлены статуи, весьма часто встрѣчаются въ портретныхъ изваяніяхъ перваго вѣка по Р. Х. и знакомы намъ изъ многихъ другихъ до насъ дошедшихъ памятниковъ. Знаменитѣйшая статуя, въ которой повторяется положеніе нашей женской фигуры, найдена въ Геркуланѣ и хранится нынѣ въ Дрезденскомъ Королевскомъ Музее⁴. Наша женская статуя облечена въ шерстяной хитонъ и гиматіонъ, прикрывающій даже голову. На ногахъ ея толстыя сандалии отчетливой отдѣлки. На мужчинѣ широкой гиматіонъ и простые чулки; у ногъ его ящикъ съ зажимомъ для письменныхъ принадлежностей и большой запасъ свитковъ папируса. Свитокъ, бывший у него въ лѣвой рукѣ, нынѣ отломленъ и въ этомъ одномъ недостаткѣ состоитъ все поврежденіе, которому подверглись статуи въ теченіи столькихъ вѣковъ. Статуи въ положеніяхъ, подобныхъ положенію нашей статуи мужчины, назывались въ древности *ἀνδριάντες τῆς παιδείας* (статуи учености)⁵, а другія, изображавшіяся въ иномъ положеніи, носили, названіе *statuae Achilleae*.

9. Большой саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, отъ котораго, къ сожалѣнію, остались только разбитые обломки, найденъ въ оградѣ Керченскаго Карантина на Зминогородскомъ мысѣ; вышина его 2 аршина 4 вершка, ширина 3 аршина 11 вершковъ, а глубина 1 аршинъ 10 вершковъ. Рельефныя изображенія, украшавшія лицевую и обѣ боковыя его стороны, относились къ исторіи Ахилла; на задней сторонѣ⁶

¹ Изданъ въ сочиненіи Дюбля де Моньера: *Voyage autour du Caucase. Atlas. Série IV. P. 26. No 3.* и въ сочиненіи Ашика: *Воспорское Царство. Т. I. P. No 7.*

² Описаны Г. Ашикомъ въ особомъ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *De la découverte de deux statues*, 1851, и за тѣмъ вторично въ его сочиненіи: *Часы досуга*, P. No. 24 и 25. См. также Журналъ Министрства Внутр. Дѣлъ, 1851. Часть XXXVI, стр. 297 — 308.; Записки Импер. Археол. Общ. Часть IV. Отд. II. стр. 110. и Аляхты: *Archaeologische Analecten* P. 2.

³ Витрувій: VII, 9.

⁴ Вестке: *Augusteum* T. I. P. 19 — 22.

⁵ См. *Spratt et Forbes: Travels in Lycia* T. II. стр. 278. Кил: *Hallsche Literatur-Zeitung* 1848. No. 163.

⁶ Она издана Ашикомъ. См. *Воспорское Царство. Т. III. P. No. 119°.*

4. Fragment d'un bas-relief en marbre blanc, représentant un Centaure. Hauteur 6 verch., largeur 7 verch.

5. Chapiteau de style romain, en marbre rougeâtre, trouvé dans le voisinage du convent de St-George, où quelques-uns croient qu'était situé le célèbre temple de la Diane Taurique. Hauteur 4 verch.

6. Fragment d'un bas-relief en marbre blanc¹, représentant un combat de trois hommes, dont deux portent sur leurs têtes le bonnet thessalien (πέταρος). Hauteur 4 verch., largeur 12 verch.

7. 8. Ces deux magnifiques statues en marbre blanc, du premier siècle de l'ère chrétienne et d'un très bon style, ont été trouvées, en 1850, par Michel Sicherbina bourgeois de Kertch.² Elles étaient dans un tombeau romain à la distance d'environ une versté au N. E. de Kertch, près de Glinistiche, et représentent sans doute un mari et son épouse qui y reposaient. La statue de l'homme est haute de 2 arch. 13 verch., celle de la femme de 2 arch. 10 verch. Les parties du marbre qui font voir le nu, c'est-à-dire le visage, le cou et les mains, ont un luisant qui indique que, suivant un procédé bien connu des anciens³, on les avait recouvertes d'une légère couche de cire qui a pénétré le marbre et qui donne à ces parties une teinte plus blanche et plus douce. Les motifs artistiques reproduits par ces statues furent très-fréquemment employés au premier siècle de notre ère, quand il s'agissait de portraits, et nous les connaissons déjà par un grand nombre d'autres monuments conservés jusqu'à nos jours. La plus célèbre représentation du motif de la statue de la femme est celle trouvée à Herculaneum et déposée actuellement au Musée Royal de Dresde⁴. Notre statue est vêtue d'un chiton de laine et d'un himation qui couvre même la tête. Ses pieds sont ornés de sandales épaisses et gracieusement travaillées. L'homme porte un large himation et de simples bas. Près de lui on voit une caisse à serrure pour les objets servant à écrire et un grand paquet de rouleaux de papyrus. Un autre rouleau placé autrefois dans sa main gauche, est à présent cassé: seul dommage que nos deux statues aient eu à souffrir des injures du temps. C'est donc un de ces motifs de statues d'homme, qui furent appelées dans l'antiquité ἀνδρείωντες τῆς παιδείας (statues d'érudition)⁵, comme d'autres d'un type différent se nommaient: *statuae Achilleae*.

9. Grand sarcophage en marbre blanc, dont par malheur il ne reste que des fragments mutilés, trouvé dans l'enceinte de la Quarantaine de Kertch sur la pointe dite Zmeïni Gorodok; hauteur 2 arch 4 verch., largeur 3 arch. 11 verch., épaisseur 1 arch. 10 verch. Les reliefs qui ornent la face et les deux côtés latéraux, se rapportaient à la fable d'Achille; sur le derrière⁶ on voit des guirlandes supportées

¹ Publié par DUVOIS DE MONTPÉRIEX: Voyage autour du Caucase. Atlas. Série IV. Pl. 26. No. 3. et par ASCHIK: Восточное Царство То. I. No. 7.

² Publiées par ASCHIK dans sa brochure: De la découverte de deux statues. 1851, et une seconde fois dans son ouvrage: Часы досуга No. 24. 25. Voir encore Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1854. Vol. XXXVI. p. 297—308.; Записки Импер. Археол. Общ. То. IV. Section II. p. 110., et ARNETH: Archaeologische Analecten Pl. 2.

³ VITRUVE: VII, 9.

⁴ BECKER: Augusteum То. I. Pl. 19—22.

⁵ Voir SPRATT et FORBES: Travels in Lycia То. II. p. 278. KEIL: Hallische Literatur-Zeitung 1848 No. 163.

⁶ Publié par ASCHIK: Восточное Царство То. III. No 119e.

двѣ женщины, вѣроятно Горы и Амуръ, отъ котораго сохранились только ноги, поддерживаютъ вѣны плодовъ, кромѣ того тутъ же видны остатки двухъ Амуровъ на колесницахъ. Въ поперечныхъ сторонахъ одной изъ вѣсовъ. То, что сохранилось на лицевой сторонѣ¹, удостовѣряетъ, что на ней была изображена тотъ же сюжетъ, который находится на известномъ Строгановскомъ саркофагѣ, вывезенномъ съ острова Эгейскаго моря, а именно: Ахиллъ въ Спирсѣ между дочерьми Ликомеда въ то время, когда за нимъ приходитъ Улиссъ; фигуры Улисса и одного изъ его спутниковъ еще довольно хорошо сохранились. Другая поперечная сторона, та самая, которая изображена на нашемъ рисункѣ², представляетъ дѣйствіе, сходное съ изображеннымъ на знаменитомъ Капитолинскомъ саркофагѣ³; крайне темный и трудный для объясненія предметъ его принимается почти всеми учеными за встрѣчу Храисиды съ Ахилломъ и Хризомъ. На Капитолинскомъ саркофагѣ видны такой же точно сидящій старецъ, какъ и на нашемъ, но обращенный влѣво; кромѣ того тамъ изображены еще конь, два молодыхъ мужа и три молодыхъ дѣвцы, тогда какъ на этомъ саркофагѣ видны только лошади и трое молодыхъ мужчинъ. И такъ, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что оба памятника представляютъ одну и ту же сцену, но при всемъ томъ между ними есть разница, которая не облегчаетъ объясненія, а напротивъ того, дѣлаетъ его менѣе достовѣрнымъ. Нижняя часть саркофага украшена каймою съ листьями и животными, а на передней сторонѣ, кромѣ того, еще двумя группами, представляющими Амуровъ и молодыхъ мужчинъ, борющихся между собою. Крышка саркофага⁴ (см. на нашемъ рисункѣ подъ No. 9*) сдѣлана въ видѣ тюркяка, на которомъ изображены двѣ фигуры въ полу-лежащемъ положеніи: мужчина и женщина, вѣроятно супруги, похороненные въ этой гробницѣ. Они облокотились лѣвыми локтями своими на подушку; мужъ въ лѣвой рукѣ держитъ листъ палируса, а правую положилъ на плечо жены.

10 и 11. Подъ этими нумерами изображены на нашемъ рисункѣ два надгробныхъ камня, въ видѣ образчиковъ значительнаго числа подобныхъ памятниковъ нашего собранія. Съ сихъ камней не снято рисунковъ, но надписи ихъ будутъ объяснены нами ниже. Оба изображенные здѣсь камни, какъ и большая часть прочихъ, изъ известняка, грубой отдѣлки и, безъ сомнѣнія, не древнѣе третьяго или втораго вѣка по Р. Х. На первомъ камнѣ (No. 10.), вышиною въ 2 аршина, а шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершковъ⁵, виденъ умершій, по имени Дафизъ, верхомъ на лошади, съ кинжаломъ вдоль бедра, согласно мѣстному обычаю, и съ чѣмъ-то похожимъ на подчанъ позади бедра. За нимъ ѣдетъ, верхомъ же, конный. Внизу слѣдующая замысловатая надпись:

Δαφινε Ψυχάρωνος

ἐπὶ τῆς αὐλῆς

χαῖρε

οἱ συνοδοῦνται.

«Дафизъ, сынъ Психаріона, пріимъ тебѣ въ твоей обители! — Спутники его (поставили сей памятникъ).»

¹ Издана Ашикомъ. См. Восточное Царство. Т. III. Р. No. 419^b.

² Издана въ сочиненіяхъ Дюбуа де Монпере: Voyage autour du Caucase. Atlas. Série IV. Р. 26. No. 2. и Ашика: Восточное Царство Т. III. Р. No. 419^a.

³ Fossini: Mus. Capit. Т. IV. Р. 2.

⁴ См. Дюбуа де Монпере: Voyage autour du Caucase. Atlas. Série IV. Р. 26. No. 4. Ашика: Восточное Царство. Т. III. Р. No. 418.

⁵ См. въ соч. Ашика: Восточное Царство Т. II. стр. 66. Р. No. 21.

par deux femmes, probablement des Heures, et par un Amour presque entièrement détruit, et outre cela les restes de deux Amours montés sur des chars. L'un des côtés latéraux manque entièrement. Ce qui reste de la face¹ ne laisse pas douter, que ce ne fût exactement la même représentation, que l'on voit sur le sarcophage connu du Comte Stroganoff, provenant d'une île de la mer Egée: Achille à Scyros parmi les filles de Lycomède, dans le moment où Ulysse vient le chercher. Ulysse même et un de ses compagnons sont encore bien conservés. L'autre côté latéral, reproduit sur notre Planche², est rempli par une scène analogue à celle que l'on admire sur le célèbre sarcophage du Capitole³ et qui, très-obscur et difficile à déterminer, est prise par la plupart des savants pour la rencontre de Chriséis avec Achille et Chrysès. Sur ce dernier l'on voit un vieillard assis, tout-à-fait semblable à celui de notre sarcophage, mais tourné à gauche. Outre cela le monument du musée de Rome présente un cheval, deux jeunes hommes et trois jeunes filles; le nôtre au contraire seulement un cheval et trois jeunes hommes. Ainsi quoiqu'il soit indubitable que les deux monuments représentent la même scène, il y a des différences qui, au lieu de faciliter l'explication, la rendent plus incertaine. Le bas du monument est orné d'arabesques composées de feuilles et d'animaux et outre cela sur le devant de deux groupes d'Amours et de jeunes garçons combattant ensemble. Le couvercle⁴ représenté sur notre Planche sous le No. 9^a, a la forme d'un matelas, sur lequel sont couchés les deux morts, probablement mari et femme, ci-devant ensevelis dans le sarcophage. Tous deux ont le bras gauche posé sur un coussin. L'homme tient de la main gauche une feuille de papyrus et met la droite sur l'épaule de la femme.

10. 11. Sous ces numéros nous avons reproduit deux monuments sépulcraux comme échantillons de nos richesses en ce genre, dont nous ne donnerons plus bas que les inscriptions. Tous les deux sont, comme la plupart des autres, de pierre calcaire, d'un travail grossier et, ce qui est hors de doute, ne remontent pas au-delà du troisième ou du second siècle de l'ère chrétienne. Le premier (No. 10.), haut de 2 arch., large de 12 $\frac{1}{2}$ verch.⁵, montre le mort, Daphnos, à cheval, le poignard sur la cuisse selon la coutume du pays, derrière la cuisse quelque chose qui semble être l'étui à flèches. Il est suivi d'un écuyer, également à cheval. En bas on lit la jolie inscription:

Δάφνῃ Ψυχάρῳ;
ἐπὶ τῆς αὐλῆς;
χαλκῆς
οὗ συνδίδεται.

«Daphnos, fils de Psycharion, salut à toi en ton logis! — Les compagnons de voyage (ont érigé ce monument).»

¹ Publié par ASCHIK: Воспоморное Царство To. III. No. 119^a.

² Voir aussi DUBOIS DE MONTFERRI: Voyage autour du Caucase. Atlas. Série IV. Pl. 26. No. 2 ASCHIK: Воспоморное Царство To. III. No. 119^a.

³ FOGGINI: Mus. Capit. To. IV. Tav. 2.

⁴ Voir aussi DUBOIS DE MONTFERRI: Voyage autour du Caucase. Atlas. Série IV. Pl. 26. No. 4. ASCHIK: Воспоморное Царство To. III. No. 118.

⁵ ASCHIK: Воспоморное Царство To. II. p. 66. No. 21.

И такъ въ этой надгробной надписи жизнь уподобляется путешествію, а смерть возвращенію на родину послѣ долгаго пути. По этому-то пережившіе Дафна пріятели его, поставившіе камень и привѣтствующіе умершаго, называютъ себя «его спутниками» и поздравляютъ его съ возвращеніемъ домой. У втораго надгробнаго камня (вышиною въ 1 аршинъ 12 вершковъ, а шириною въ 12 вершковъ), недостаетъ всей нижней части. Лицевая сторона камня украшена двумя изображеніями. Въ верхнемъ, исполѣ сохранившемся, мы видимъ олицетвореніе понятія о жизни за гробомъ, бывшаго повсюду принятымъ въ древности¹: умершій на ложѣ своемъ держитъ на коленяхъ ребенка, а въ лѣвой рукѣ кружку съ питеемъ; передъ нимъ, у ложа, столъ на трехъ ногахъ съ двумя сосудами, черпаломъ и вѣнкомъ. У изголовья стоятъ мальчикъ съ чашею; у ногъ, на стулѣ, сидитъ женщина, подлѣ которой стоитъ молодая дѣва съ корзиною. На нижней половинѣ камня видно неясное изображеніе женщины или молодого мужчины съ залучемъ позади.

12. Обломокъ женской статуи изъ бѣлаго мрамора², найденъ у подножій Митридатовой горы и представляетъ богиню Рею, сидящую на преслѣ; вправо отъ нея лежатъ на заднихъ ланяхъ, а влѣво бубень³. Вышина 1 аршинъ 8 вершковъ.

13. Другая статуя изъ бѣлаго мрамора, также изломанная, найдена въ самой Керчи и представляетъ столпаго мужчину, облаченнаго въ иматіонъ, но съ открытою грудью; вышина 3 аршина.

14. Круглый постаментъ изъ бѣлаго мрамора, найденный у подножій Митридатовой горы, служивъ вѣроятно подножіемъ статуи. Окружность сего подножія, изображенная на нашемъ рисункѣ развернутою, украшена барельефомъ, исполненнымъ въ стилѣ лучшаго времени греческаго искусства, но въ сожалѣнію значительно поврежденнымъ⁴. На немъ еще видѣтъ рядъ стоящихъ человѣческихъ фигуръ, въ спокойномъ положеніи и закутаныхъ въ верхнюю одежду. Въ общемъ изображеніе это представляетъ, вѣроятно, торжественное шествіе, хотя нѣкоторые лица и обращены назадъ. Вышина сего постаментъ 6 вершковъ, въ поперечникѣ же онъ имѣетъ 1 аршинъ.

15. Обломокъ надгробнаго памятника⁵ хорошей работы, по которой можно отнести его ко второму столѣтію до Р. X. Изъ бывшаго на немъ памятникъ изображенія сохранилась только верхняя часть фигуры молодого человѣка, опечаленнаго чьею-то преждевременною кончиною и поникшаго головою. Вышина 14, а ширина 12 вершковъ.

¹ См. Стефани: *Der ausruhende Herakles* въ *Mém. de l'Académ. Imp. des sciences. Série VI. T. VIII.* стр. 270 (18), гдѣ читатель найдетъ подробнѣйшія ссылавія о семъ вѣрованіи.

² Изданъ Ашикомъ въ сочиненіи *Воспорское Царство* Т. III. Р. No. 99.

³ См. надпись No. X.

⁴ Часть этого барельефа издавна Дюбуа де Монпья: *Voyage autour du Caucase. Atlas. Série IV. P. 47.* No. 4. и Ашикомъ: *Воспорское Царство*, Т. III. Р. No. 402.

⁵ См. Ашикъ: *Воспорское Царство*. Т. III. Р. No. 408.

L'építaphe compare donc la vie à un voyage, la mort à une arrivée chez soi après une longue route. C'est pour cela que les survivants, qui ont fait ériger le monument et adressent la salutation au mort, s'appellent: «*les compagnons de voyage*;» c'est pour cela encore qu'ils félicitent Daphnos de son retour chez lui. De l'autre monument, haut de 1 arch. 12 verch., large de 12 verch., il manque toute la partie inférieure. Deux tableaux en occupaient la face. Le premier, en haut, entièrement conservé, est la représentation figurée d'une autre croyance très-répandue dans l'antiquité sur la vie d'outre-tombe¹: le mort couché sur son lit tient sur les genoux un petit enfant et de la main gauche une cruche à boire. Devant lui se trouve une table à trois pieds, sur laquelle sont deux vases, un puits et une couronne. A la tête du lit, un jeune garçon debout, tenant un vase; à ses pieds une femme assise sur un siège et près d'elle une jeune fille, tenant une corbeille. Dans le tableau inférieur se voit le buste d'une femme ou d'un jeune homme et en arrière un corytè.

12. Statue fragmentée en marbre blanc², découverte au pied du Mont Mithridate, représentant Rhéa assise sur un siège; à sa droite un lion accroupi; à gauche un tympanon³. Hauteur 1 arch. 8 verch.

13. Autre statue fragmentée, en marbre blanc, trouvée à Kertch même, représentant un homme debout, vêtu du himation, qui laisse la poitrine nue. Hauteur 3 arch.

14. Base ronde en marbre blanc, trouvée au pied du Mont Mithridate, qui servait probablement de piédestal. Le pourtour déroulé sur notre Planche, est orné d'un bas-relief exécuté dans le style de la meilleure époque de l'art grec, mais malheureusement très-fruste⁴. On reconnaît encore une suite de personnages debout dans une attitude calme, enveloppés de leurs robes de dessus. Le tout représente probablement une procession solennelle, quoique quelques-uns des personnages soient tournés vers ceux qui les suivent. Hauteur 6 verch., diamètre 1 arch.

15. Fragment d'un monument sépulcral⁵, d'une bonne exécution, à peu près du second siècle avant notre ère. Il ne reste que la partie supérieure du corps d'un jeune homme qui attristé d'une mort précoce, baisse la tête et porte sur ses traits l'empreinte de la mélancolie. Hauteur 14 verch., largeur 12 verch.

¹ Voyez STEPHANI: Der ausruhende Herakles dans les Mém. de l'Académ. Imp. des sciences. Série VI. To. VIII. p. 270 (48), où l'on trouvera de plus amples développements sur cette croyance.

² Publiée par ASCHIK: Восточное Царство To. III. No. 99.

³ Voir l'inscription No. X.

⁴ Une partie du bas-relief est publiée par DUROIS DE MONTÉRRON: Voyage autour du Caucase Atlas. Série IV. Pl. 474. et par ASCHIK: Восточное Царство To. III. No. 102.

⁵ Edité par ASCHIK: Восточное Царство To. III. No. 108.

РИСУНОКЪ I.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ЖЕНСКАЯ МАСКА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ИЗЪ НАСТОЯЩЕГО ВЕЩНОУ

Въ 1837 году, производя раскапываніе кургана въ окрестностях татарской деревни Гинише, нѣмѣ смежной съ городомъ Керчью (см. карту No. 1.), Г. Ашикинъ открылъ на глубинѣ двухъ сажень, мраморный саркофагъ съ прышкой, украшенною по сторонамъ возвышеніемъ въ видѣ фронтона съ акротерами, подобно встрѣчаемымъ на нѣкоторыхъ древнихъ гробницахъ¹.

Саркофагъ былъ зарытъ въ курганъ². Въ немъ найдены останки женщины съ маскою на лицѣ и погребальнымъ вѣнкомъ на челѣ. Г. Ашикинъ говоритъ объ этомъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее: «*Выпестъ съ возмущеніемъ мною оладило изумленіе, когда я увидѣлъ въ саркофагѣ оставъ съ золотымъ лицемъ, съ діадемою на головѣ и въ полномъ нарядѣ. Одежда Царицы, уставляла золотыми украшеніями; ткань, которою покрыта была юлова, ниспадала до пояса и сохранила свой чистотѣ. Эта ткань была шерстяная съ золотыми узорами и другими украшеніями; но едва къ ней прикоснулся воздухъ, то все разлетѣлось въ пыль, а остались только золотыя блестики.*»

Эта маска (прохотѣвъ), вѣсомъ въ 62 золотника, и бывшая надъ нею повязка почти, подобная помѣщенной на Р. III. 3., отъ которой она отличается только бляхою (Р. III. 4.), хранится нѣмѣ въ Эрмитажномъ Музѣй подѣ стекляннымъ колпакомъ въ Кабинетѣ Ея Величества Государыни Императрицы, вмѣстѣ съ нижеупомянутыми золотыми вещами.

¹ Нижняя часть этого саркофага изъ цѣльнаго куска мрамора. Ее употребляли вмѣстѣ бассейна на Парской пристани въ Керчи.

² См. описаніе открытій саркофага въ январской книжкѣ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1838 г.

PLANCHE I.

OBJETS EN OR.

MASQUE DE FEMME.

GRANDS NATURALIS

En exécutant, en 1837, une fouille dans un tumulus des environs de Glinistche, village tatar qui touche aujourd'hui aux portes de Kertch (voir la carte No. 1.), Mr. Aschik découvrit, à une profondeur de deux sagènes, un sarcophage en marbre, à couvercle simulat un fronton avec des acrotères aux côtés, ainsi qu'on en voit dans quelques cippes funéraires antiques¹.

Ce sarcophage était enfoui dans la terre même du tumulus². Il renfermait un squelette de femme, le visage couvert d'un masque surmonté d'une couronne funéraire. Mr. Aschik s'exprime ainsi dans son rapport: «*Mon ravissement fut mêlé de surprise, lorsque le couvercle enlevé, je découvris dans le sarcophage un squelette à visage d'or, un diadème sur la tête et complètement vêtu. Le vêtement de cette reine était tout parsemé d'ornements en or; l'étoffe dont était couverte la tête retombait jusqu'à la ceinture et avait conservé sa couleur. C'était un tissu de laine, à dessins d'or; mais, au premier contact de l'air, toute cette étoffe tomba en poussière et ne laissa que des paillettes d'or.*»

Ce masque (προσωπετον), du poids de 62 zolotniks, et sa couronne, toute semblable à celle qui est figurée Pl. III. 3., mais avec une plaque différente Pl. III. 4., sont conservés sous glaces, environnés de plusieurs des objets que nous allons désigner, dans le cabinet de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE au Musée de l'Ermitage.

¹ La cuve de ce sarcophage est d'un seul bloc. Elle a été convertie en un bassin de fontaine, qui existe au Tarskaia-Prisane (Débarcadère-Impérial) à Kertch.

² Voir la relation insérée dans le Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, (janvier 1838).

Expl. des Pl.

Кроме диадимы и маски на оставшихся находились: золотые серьги с гранатами, сильно попорченные, золотое шейное кольцо, сходное с изображенным на Р. XI. 6., два запястья (Р. XIV. 4.) и три кольца, из которых одно из цельного золота, а два других изображены на Р. XV. 3 и XVIII. 19.; все эти вещи найдены были на оставшихся своих местах.

По обшивке сторонам туловища лежали: золотая булавка без всяких украшений, веретено (Р. XXX. 8.), узда (Р. XXIX. 1 — 7.), красный кожаный кошелек с наклепеном на нем птицею, вырезанною из черной кожи; две небольшие запонки — золотая и бронзовая; несколько стеклянных и сердоликовых шариков, вероятно от монеты; золотая фиалка, (Р. XXIV. 23.); несколько оправленных гранатов; какая-то медаль (Р. LXXXV. 8.); наконечник несколько соте небольших золотых тисненых бляшек, которыми, без сомнения, была усеяна одежда умершей (Р. XXII. 4. 3. 4. 6. 22 — 25. и Р. XXIII. 10 — 12. 14.).

Нижеследующие предметы найдены были в беспорядке частью в самом саркофаге, частью же вне оного.

Серебряные: Спиретр (Р. II. 5.), ваза с крышкою (Р. XXXVII. 1.), ваза с ножкою (Р. XXXVII. 2.), другая подобная же ваза, но без украшений; две чаши на ножках, но без ручья; большая чаша с прямою рукою, весом 43 золотников; коробка с крышкою (*pyxis*), вероятно служившая для румян; две ложки (Р. XXX. 3. 5.) и круглое блюдо (Р. XXX. 11.).

Бронзовые: Лохан или большая чаша (Р. XLIV. 2.), кружка (Р. XLIV. 8.), круглое ведро, два колочальника (Р. XXXI. 1.), столбик (Р. XLIV. 15.); две льявы лан, вероятно ножи от вазы и обломки меча. Наконечник присовокупим к всему этому еще остатки ножа, лезвие которого было совершенно истреблено ржавчиною; но золотая оправа его с украшениями сканной работы сохранилась.

По порядку, принятому для нашего издания, все эти предметы будут описаны в своем месте. Если их сравнить между собою, то они представляют, в отношении художественного достоинства, довольно резкую противоположность, которая, в особенности, замечается между маскою и диадимою; работа диадимы довольно грубая, тогда как маска явно есть произведение искусного мастера и выполнена в лучшем стиле.

Мы уже сказали в Введении наше об этой противоположности, часто замечаемой между древними вещами, находимыми в Керченских курганах.

Наша маска представляет, кажется, черты женщины, переступившей тридцатилетний возраст. Наверху маска срисована так, что нельзя судить по ней о вышине лба, а только догадываться. Может быть волосы женщины низко опускались на лоб, что часто замечается на древних статуях и, между прочим, на женской статуе нашего главного листа. Несколько передернутые мускулы лица, впадина на правой стороне губ, полускрытые глаза; положение зрачков: правый более приподнятый к лбу, а левый обращенный к носу, из чего можно бы заключить, что в минуту смерти женщина несколько косила; наконечник выражение неподвижности и спокойствия в целом облике, все это доказывает, что на маске изображены черты лица этой женщины в минуту ее кончины.

Что касается до работы, то ясно, что маска выкована из золотого листа самым смелым и решительным образом. Следы ударов молотка на ней видны совершенно ясно. Выбранный для нее лист золота был первоначально толщиной около одной линии, но от ударов молотка он понемногу

Deux pendants d'oreilles en or, avec chatons de grenat, très-endommagés, un cercle en or pareil à celui de la Pl. XI. 6.; deux bracelets Pl. XIV. 4.; trois anneaux, l'un en or massif, les deux autres figurés Pl. XV. 3. et XVIII. 19. occupaient à la tête, au cou, aux bras et aux mains du squelette leur place naturelle.

Il y avait aux côtés du corps une épingle en or toute simple; un fusau Pl. XXX. 8.; une bride Pl. XXIX. 1—7.; un petit sachet ou bourse en cuir de couleur rouge, avec une figure d'oiseau découpée, en cuir noir, appliquée par dessus; deux petites fibules, l'une en or, l'autre en bronze; quelques perles en verroterie ou en cornaline, qui avaient très-probablement formé un collier; un flacon en or Pl. XXIV. 25.; plusieurs grenats montés en chaton; une espèce de médaille Pl. LXXXV. 8.; enfin de petites plaques d'or estampées, au nombre de plusieurs centaines, ayant évidemment parsemé les vêtements de la défunte, Pl. XXII. 1. 3. 4. 6. 22—25. Pl. XXIII. 10—12. 14.

Les objets suivants se trouvaient disséminés, partie en dedans, partie en dehors du sarcophage.

ARGENT. Un sceptre Pl. II. 5.; un vase à couvercle Pl. XXXVII. 1.; un vase à pied Pl. XXXVII. 2.; un autre vase pareil, mais sans ornements; deux tasses à pied sans anse; une grande tasse à manche, du poids de 45 zolotniks; une *pyxis* ou boîte à couvercle, destinée probablement à renfermer du fard; deux cuillers Pl. XXX. 3. 5.; et le plat rond Pl. XXX. 11.

BRONZE. Un bassin ou grande jatte Pl. XLIV. 2.; une cruche Pl. XLIV. 8.; un seau rond; deux clochettes Pl. XXXI. 1.; un petit pilastre Pl. XLIV. 15.; deux pattes de lion ayant probablement servi de pieds à un vase; les débris d'un glaive; ajoutons enfin les restes d'un couteau dont la lame est détruite, mais dont la monture en or, avec ornements en filigrane, existe encore.

L'ordre systématique de notre ouvrage renvoie nécessairement la description de ces objets en leur lieu et place. Comparés les uns aux autres sous le rapport de l'art, ils offrent un assez grand contraste, le masque et la couronne surtout, cette dernière étant un ouvrage assez barbare, tandis que le premier est évidemment l'oeuvre d'une main habile, guidée par une entente parfaite du style et de l'exécution.

Nous avons exprimé dans notre Introduction, notre opinion au sujet de ce contraste que présentent souvent les objets antiques que les fouilles des tumulus de Kertch ont mis au jour.

Ce masque offre les traits d'une femme dont l'âge paraît avoir dépassé trente années. La manière dont il est coupé à sa partie supérieure, ne permet pas de juger quelle était la hauteur du front qui se devine plutôt qu'elle n'est indiquée. Peut-être que les cheveux descendaient un peu bas, comme cela se voit souvent dans les statues antiques, dans celle de femme de notre Frontispice par exemple. Un léger tiraillement dans les muscles du visage, la dépression du côté droit de la bouche, l'aspect des yeux un peu fermés, la position des prunelles, la droite plus relevée du côté du front, la gauche plus rapprochée du nez, ce qui indiquerait que les yeux louchaient un peu à l'instant de la cessation de la vie, enfin l'expression de fixité et de calme que présente l'ensemble du visage, tout indique que ce masque reproduit les traits de cette femme, au moment où la mort venait de les glacer.

Quant à l'exécution, il est évident que ce masque a été forgé au moyen d'une plaque d'or qui a été repoussée, de la manière la plus franche et la plus hardie. Les coups de marteau se distinguent parfaitement. Le métal pouvait avoir primitivement l'épaisseur d'une ligne; le marteau l'a successivement réduite, et dans

расплывался и въ мѣстахъ, наиболѣе выдающихся впередъ, напр. на глазахъ и на носу, золото до того тонко, что просвѣчивается и даже имѣетъ скважины. Внутри маски видны слѣды тонкой матеріи, которую художникъ, какъ это и теперь водится, обложилъ назовалью, дабы нѣсколько смячить ея противодѣйствіе. Мы, наконецъ, думаемъ, что онъ имѣлъ передъ собою гипсовый слѣпокъ, снятый съ лица умершей тотчасъ послѣ ея кончины и что, когда золотая маска была готова, на что потребовалось можетъ быть не болѣе сутокъ, она была положена на лице покойницы, которое для изъясненія печали, или по чувству уваженія къ умершей жалали покрыть въ гробу.

Теперь представляется вопросъ: кто была эта женщина, которой бранные останки преданы были землѣ съ вѣнцомъ на головѣ, со скипетромъ, драгоцѣнными вещами и въ украшенной золотомъ одеждѣ. Начертаніе точками по гречески, на серебряномъ блюдѣ, имя Рискупорида по видимому показывать, что покойница была женою или любовницею Царя этого имени; но тутъ опять должно сдѣлать вопросъ: котораго именно; потому что отъ Тиберія до Константина встрѣчается восемь Босфорскихъ Царей, называвшихся Рискупоридами¹.

Очертаніе буквъ нашей надписи сходно съ формою буквъ надписи, находящейся на знаменитой бронзовой вазѣ, данной Митридатомъ Великимъ Обществу Евпатористовъ²; но какъ такія же точками начертанныя буквы, повторяются на небольшой ложкѣ (Р. XXX. 5.), съ обозначеніемъ 6-го столѣтія босфорскаго лѣтосчисленія (202—303 по Р. X.), то кажется, что вышеозначенное имя должно отнести по крайней мѣрѣ къ Рискупориду IV (242—229 по Р. X.) и что форма буквъ не имѣнилась въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Самая маска если и не единственное въ своемъ родѣ произведеніе, но отдалено своею далеко превосходить золотую маску, найденную въ Ольвии и опубликованную Графомъ А. Уваровымъ³ и которая, кромѣ нашей, одна только еще намъ извѣстна.

О существованіи масокъ, которыми закрывались лица умершихъ, знали еще и прежде. Одна такая маска, изъ дерева дикой смоковницы, была найдена Графомъ Келюсомъ⁴; она находилась на египетской муміи.

Другая маска, бронзовая, была найдена на оставѣ въ Нолѣ⁵.

¹ См. любовитное сочиненіе Г. Саватъ: *Souvenirs de Kertch etc.*

² См. объ этой вазѣ, найденной въ Порто д'Анциу, *Fascini: Mus. Capitol. I. P. 94*; а относительно столѣтія буквъ Вокски: *Cogr. Inser. No. 2278*.

³ *Исслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря.* — Сиб., 1854. въ л. Р. XIV.

⁴ *CAULUS: Recueil d'Antiq. egypt. I. 41. P. XI, 3.*

⁵ *Тиссвантъ: Recueil de grav. d'après des vases antiq. II. P. 4.* Авторъ упоминаетъ здѣсь еще о желѣзной маскѣ, найденной въ гробницѣ, въ S. Agata de' Goti.

les parties les plus repoussées, vers les yeux et vers le nez, le métal est aminci au point de présenter des jours et des fissures. En examinant l'intérieur, on y distingue des traces qui prouvent que l'artiste pour amortir la répulsion de son enclume, avait pris la précaution de l'envelopper d'une étoffe fine, procédé qu'emploient les artistes de nos jours. Nous croyons enfin qu'il avait sous les yeux un plâtre du visage de la défunte, moulé peu d'instant après la mort, et que son oeuvre terminée, dans l'espace d'un jour peut-être, le masque fut placé sur les traits que la douleur ou le respect cherchait à voiler même dans le tombeau.

Reste à savoir quelle pouvait être la femme dont la dépouille avait été ainsi confiée à la terre avec sa couronne funéraire, son sceptre, ses bijoux, ses vêtements tout parsemés d'or. Le nom de Rhescuporis, gravé en lettres grecques pointillées sur le plat d'argent, semble indiquer que cette femme était l'épouse ou la favorite d'un prince de ce nom qui est commun à huit rois du Bosphore, depuis Tibère jusqu'à Constantin¹.

La forme des caractères de l'inscription offre de l'analogie avec ceux de l'inscription du fameux vase en bronze donné par Mithridate-le-Grand à la Société des Eupatoristes²; mais ces caractères pointillés se retrouvant avec la précieuse indication de la date du 6^m siècle de l'ère du Bosphore (202—303 de J. C.) sur la petite cuiller de la Pl. XXX. 5., il semble que ce nom appartient au moins à Rhescuporis IV. (212—229 de J. C.), et que ces caractères ont conservé la même forme pendant plusieurs siècles.

Le masque lui-même est sinon unique, du moins bien supérieur d'exécution au seul que nous connaissons en or après le nôtre. Nous voulons parler de celui qui a été trouvé à Olbia et que Mr. le COMTE A. OUVAROFF a publié dans son bel ouvrage³.

L'existence des masques placés sur la figure des morts, a déjà été signalée. Le COMTE DE CAYLUS en a publié un, en bois de sycomore, trouvé en Egypte sur une momie⁴.

Nous mentionnerons aussi le masque en bronze trouvé à Nola, dans un tombeau, sur la face d'un squelette⁵.

¹ Voir l'intéressant ouvrage de Mr. SABATIER: Souvenirs de Kertch, etc

² Voir sur ce vase, trouvé à Porto d'Anzio, FACCINI: Mus. Capitol. I. Pl. 91. et, pour la comparaison des caractères, ВОЗСКН: Corp. Inscr. No. 2278.

³ Исследования о Древностях Южной России и береговъ Черного моря. Сиб. 1851. Pl. XIV.

⁴ Recueil d'Antiq. égypt. I. 41. Pl. XI. 3.

⁵ TISCHBEIN: Recueil de grav. d'après des vases antiq. II. Pl. 4. TISCHBEIN y fait aussi mention d'un masque de fer trouvé à S. Agata de' Goti, dans un tombeau

РИСУНОКЪ II.

ЗОЛОТЫЯ И СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛІЧИНУ.

1. 2. Украшеніе шапки Царя, похороненнаго въ Куль-Обской гробницѣ. О формѣ и величинѣ этихъ двухъ золотыхъ повязокъ видно, что онѣ дѣйствительно служили нижнимъ и верхнимъ украшеніемъ шапки коническаго вида, изъ какой либо матеріи или изъ войлока, покрывавшей голову Царя. Дюбрюякъ въ разсказѣ своемъ совершенно опредѣлительно говоритъ, что «отъ матеріи, изъ которой была сдѣлана шапка, едва оставались кое-какіе лоскутки, и что, судя по толщинѣ ихъ, шапка была валяная.» Сначала она показавшись ему персидскою. Это названіе совершенно точно выражаетъ понятіе, какое онъ долженъ былъ получить при первомъ взглядѣ на нее. Размышляя о видѣ, какой должна была имѣть эта шапка, намъ кажется, что она вѣроятно была сходна съ тою, которую мы видимъ на прекрасной медали изъ электрума, находящейся въ Эрмитажѣ и съ которой мы присовокупляемъ въ концѣ этой статьи рисунокъ. По изображенію лицевой стороны она сходна съ медалью Фанагора, основателя Фанагоріи, представляющею на оборотѣ яристіаго тельца, обращеннаго влѣво и надписи *ΦΑΝΑ*; обѣ медали издамы Келеромъ.¹

Верхняя повязка No. 1., вѣсомъ въ 26½ золотниковъ, составлена изъ тонкаго золотого листа, принапаянаго къ другому, болѣе толстому листу. На повязкѣ выбиты четыре одинаковыхъ изображенія женщины, одѣтой въ длинную тунику безъ рукавовъ, покрывающую грудь, и съ чѣмъ-то въ родѣ диадимы на головѣ. Женщина эта представлена сидящею на какомъ-то растеніи съ листьями въ видѣ колокольчиковъ, какъ Инди на Лотусъ²; но растеніе сіе не довольно ясно сдѣлано, чтобы его можно было опредѣлить съ достовѣрностію.

По нижнему краю повязки изображена вязь изъ плота, по верхнему также тянется гирлянда, цвѣты которой, кажется, сходны очертаніемъ съ формою листа *persea*, изображаемаго на головѣ Инды.³

¹ Mémoire sur quatre médailles du Bospore Cimmérien. St.-Petersbourg. 1808.

² Въ собраніи Каміапы въ Римѣ есть глиняная статуя Венеры и Пны, сидящихъ на акаентовъ листьяхъ, опираясь одною рукою на акаентовъ листь, т. е. въ такомъ же положеніи, какъ фигуры нашей диадимы. САНГАНА: Antiche opere in plastica. P. XIII.

³ См. о растеніи *persea* Плинія, XIII, 17. и примѣч. въ стр. 182. Т. 120. собранія классиковъ, изд. Лемеромъ.

PLANCHE II.

OBJETS EN OR ET EN ARGENT.

CHAMPEL BATH-PLAF

1. 2. Ornaments de la mitre du roi du Koul-Oha.

La forme et les dimensions de ces deux bandeaux en or indiquent bien qu'ils formaient le bord inférieur et la partie supérieure d'un bonnet conique, en étoffe ou en feutre, qui recouvrait la tête du roi. DUBRUX, très-explicite dans sa relation, dit: «*il restait à peine quelques vestiges de l'étoffe de ce bonnet qui, à en juger par son épaisseur, devait être un feutre*». A son premier aspect il lui parut voir un *bonnet persan*. Cette expression rend bien l'idée que devait suggérer tout d'abord la vue de cette coiffure. En réfléchissant à la forme quelle devait avoir, nous sommes tenté de croire qu'elle offrait un grand rapport avec celle du bonnet de la belle médaille en electrum que possède le cabinet numismatique de l'Ermitage et dont, comme point de comparaison, nous donnons au bas de cette légende le dessin, médaille semblable par le style de l'avvers à celle de Phanagoras, fondateur de la ville de Phanagorie, portant au revers ΦANA avec un taureau en fureur tourné à gauche. Ces médailles ont été publiées par KÖHLER.¹

Le bandeau supérieur No. 1., du poids de $26\frac{1}{2}$ zolotniks, est formé d'une feuille d'or mince repoussée, soudée par les extrémités sur une seconde feuille plus épaisse. On y voit, quatre fois répétée, la figure d'une femme, la tête ornée d'une espèce de diadème, le corps vêtu d'une tunique longue, sans manches, recouvrant le sein. Cette figure est assise, à la manière d'Isis sur le lotus², sur une plante dont le dessin n'est pas assez déterminé pour pouvoir être reconnue, mais dont la fleur a la forme d'une campanule.

Sur le bord inférieur du bandeau règne une guirlande de lierre; sur le bord supérieur est une guirlande dont les fleurs semblent offrir le dessin de la *persea*³ que l'on voit sur les têtes d'Isis.

¹ Mémoire sur quatre médailles du Bospore Cimmérien. St.-P. tersbourg. 1808.

² Il y a dans la collection CAMPANA, à Rome, des terres cuites offrant des figures de Vénus et Peitho assises sur des branches d'acanthé, une main appuyée sur une des feuilles, à la manière des figures de notre tiare. CAMPANA: Antiche opere in plastica. Tav. XIII.

³ Voir sur la *persea* PLIN. XIII. 47. et les notes de la page 182. du tome 120. de la Collection des classiques de LEMAIRE.

На концах повязки украшена четырьмя львиными головами, выбитыми на припаянных золотых листах.

Нижняя повязка No. 2., весомъ въ $10\frac{3}{4}$ золотниковъ, также состоитъ изъ пробитаннаго золотого листа, на которомъ выбиты восемь группъ, изображающихъ льва съ человѣческой головою и грифа; оба они крылатые, поставлены другъ противъ друга и подаютъ одинъ другому лапу, какъ Ассирійскіе крылатые львы на сердоликѣ, Р. XVI. 10. Вверху и внизу идутъ кайма изъ украшеній зигъ-загами, а вдоль нижняго края сдѣланы фестоны въ видѣ драпировки. По дыркамъ, пробитымъ въ повязкѣ, въ числѣ 21, видно, что она была нашита на тульѣ шапки.

3. Диадима Царицы, похороненной въ Куль-Обской гробницѣ.

Эта диадима или повязка составлена изъ золотого прокатаннаго листа, весомъ въ $10\frac{3}{4}$ золотниковъ.

Выбывшая и довольно хорошаго стала украшенія изображаютъ вязъ изъ цвѣтовъ и распустившихся почечей, между которыми видны птицы, человѣческія головы въ модусахъ, поставленныя между двумя крыльями на большихъ пальмовыхъ вѣтвяхъ и какое-то животное съ длинною шеею, кажется гиппопотамъ въ идеализированномъ видѣ². Вязъ эта или гирлянда окружена вверху и внизу каймою изъ оваловъ, а верхній край повязки украшенъ двадцатью четырьмя цвѣтками мизотиса изъ золотыхъ нитокъ и съ синею и зеленою фанифтой.

Эта повязка, какъ видно по дыркамъ, также нашивалась на какую-нибудь подкладку.

Сравнивая описаніе Дюбрюкса съ этими диадимами, замѣчается нѣкоторая разница. Говоря объ этой повязкѣ онъ выражается такъ: *«тутъ была диадима шириною въ вершокъ (она дѣйствительно такой ширины) съ финифтяными розетками по одному краю. Она была украшена рельефными изображеніями четырехъ сидящихъ женщинъ съ грибами между ними.»* Эта послѣдняя часть описанія уже не согласна съ дѣйствительностію, и Дюбрюксъ, кажется, смѣшиваетъ тутъ нитру Царя; онъ говоритъ объ ней слѣдующее: *«на черепъ, отъ котораго оставалось только нѣсколько костей, была диадима изъ электрума, составленная изъ двухъ частей; нижняя часть имѣла такую же форму, какъ диадима женщины, но вмѣсто розетокъ, на ней вытиснутъ былъ мелкій выпуклый рисунокъ такого вида:»* Тутъ въ рукописи Дюбрюкса изчерчены перомъ фестоны нижняго края этой повязки.

4. Скипетръ Царицы, погребенной въ Куль-Обскомъ курганѣ.

Скипетръ этотъ серебряный съ накладнымъ золотомъ, но сильно попорченъ. Серебро покрылось окисью и отъ того золотая накладка во многихъ мѣстахъ отстала. Птица на верхнемъ концѣ скипетра представляеть, кажется, дикую утку.

5. Скипетръ Царицы, на лицѣ которой была найдена золотая маска. (См. описаніе Р. I.).

Этотъ скипетръ серебряный, осьмигранный и сдѣланъ, кажется, изъ кованаго серебра. Стороны были отполированы стальнымъ орудіемъ, какъ это видно по неровностямъ ихъ. Ручка и головка отдѣланы напильникомъ.

² См. описаніе Р. XX. 4.

Les deux extrémités du bandeau sont ornées chacune de quatre têtes de lion, repoussées dans une feuille d'or soudée.

Le bandeau inférieur, No. 2., du poids de $10\frac{3}{4}$ zolotniks, est également formé d'une feuille d'or laminée, sur laquelle sont repoussés huit groupes composés chacun d'un lion, à tête humaine, et d'un griffon, ailés, affrontés et se touchant par une de leurs pattes de devant, à la manière des lions assyriens ailés de la cornaline de la Pl. XVI. 10. Ces groupes se suivent entre deux bordures d'ornements en zig-zag. Sur le bord inférieur sont des festons simulant une draperie. Les vingt-un trous ou oeillets dont ce bandeau est percé, indiquent qu'il était fixé sur le feutre ou étoffe qui formait le fond de la mitre.

3. Diadème de la reine du Koul-Oba.

Ce diadème ou bandeau se compose d'une feuille d'or laminée, du poids de $10\frac{3}{4}$ zolotniks.

Les ornements, d'un assez bon style, ont été repoussés dans le métal. Ils offrent une guirlande de fleurs et de fleurons épanouis où l'on distingue des oiseaux, des têtes humaines surmontées d'un modius, posées au milieu de deux ailes sur de grandes palmettes et le long col d'un animal qui semble offrir la figure idéalisée de l'hippocampe¹. Cette guirlande se déroule entre deux bordures d'oves, et le bord supérieur du bandeau est orné de vingt-quatre fleurs de myosotis en fil d'or, avec émail bleu et vert.

Les oeillets dont ce bandeau est percé indiquent qu'il était fixé sur une étoffe.

La description de DUBRUX offre quelques contradictions au sujet de ces deux diadèmes. En parlant de ce dernier, il dit: *«il y avait un diadème, large d'un verchok (c'est bien sa dimension), dont un des bords est orné tout autour de rosettes émaillées. Il y a en relief sur ce bandeau quatre figures de femmes assises, et entr'elles des figures de griffons.»* Cette dernière phrase ne correspond plus à l'objet, et il semble que DUBRUX fait une confusion avec la mitre du roi dont il dit: *«sur son crâne, dont il ne restait que des fragments, était placé le diadème formé de deux pièces; celle du bas, de la même forme que celui de la femme, excepté qu'au lieu de rosettes, il y avait sur la partie inférieure, frappé en bosse, un petit dessin comme ceci.»* Dans cet endroit du manuscrit, DUBRUX a figuré à la plume les festons du bord inférieur de la pièce.

4. Sceptre de la reine du Koul-Oba.

Il est en argent plaqué d'or; mais il a considérablement souffert. L'argent s'étant fortement oxydé, la feuille d'or s'est détachée en plusieurs endroits. L'oiseau qui forme le motif de l'ornementation paraît être un canard sauvage.

5. Sceptre de la reine du masque d'or (voir le texte de la Pl. I.).

Il est en argent, de forme octogone, et paraît avoir été fait d'un lingot forgé. Les pans ont été brunis avec un instrument d'acier, ainsi qu'on le voit par les ondulations qu'ils offrent. La poignée et le pommeau ont été façonnés à la lime.

¹ Voyez la légende de la Pl. XX. 14.

РИСУНОКЪ Ш.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ЭПОСЪ АНТИКЛА ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВРЕМЯНУ.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ВЪЯКИ И ПОВЯЗКИ.

Погребальные въяки и повязки такъ часто встрѣчаются въ Керченскихъ курганахъ въ видѣ украшеній на головахъ усопшихъ, что ихъ должно признать за обыкновенную принадлежность Пантикапейскихъ похоронныхъ обрядовъ и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣло умершаго выставлялось публично (πρὸς πῶς), что дѣлалось, вѣроятно, только послѣ смерти важныхъ лицъ. Обычай этотъ, имѣвшій у Гречей большое значеніе, былъ установленъ, кажется, собственно въ видахъ судебной предусмотрительности для удостовѣренія въ томъ, что покойникъ умеръ естественною смертію, т. е. безъ насилія и предписывался въ Солоновыхъ законахъ, въ которыхъ сказано, что покойникъ долженъ быть выставленъ *въ его домѣ, дабы всякій могъ его видѣть и къ нему подойти*.¹

«Если кто-нибудь умеръ насильственною смертію, то впереди похороннаго шествія носимъ копье, поднятое остриемъ вверхъ; протѣза-же была установлена для того, дабы показать, что умершій скончался не отъ насилія».²

Этотъ обычай выставлять покойника весьма древній. Мы встрѣчаемъ его уже у Гомера, повѣствующаго, что тѣло Гектора было выставлено на великолѣпномъ ложѣ, окруженномъ рыдающими придворными женами.³

У Гречей, кажется, всегда казали вѣновъ на голову умершихъ и этотъ обычай считался, вѣроятно, необходимымъ, что можно заключить изъ трагедіи Еврипида «Фивикянки», гдѣ Креонъ запрещаетъ соблюденіе сего обычая въ отношеніи къ труну Полины.⁴

¹ Демост.: in Masci. стр. 4071.

² Роллсх: Книга VIII. Глава 7. Парагр. 65.

³ Илиада. XXIV. 720—722.

⁴ Еврипидъ: Фивикянки.

PLANCHE III.

OBJETS EN OR.

RAMEUR NATURELLE.

COURONNES OU BANDEAUX FUNÉRAIRES.

es couronnes ou bandeaux funéraires sont des ornements que l'on retrouve si fréquemment sur la tête des morts dans les tumulus des environs de Kerich, qu'il faut en conclure que les habitants de Panticapée les employaient habituellement dans leurs cérémonies funèbres, quand il s'agissait, pour des personnages un peu considérables sans doute, de faire l'exposition du défunt ou la *prothèse* (πρόθεσις), cérémonie qui avait chez les Grecs une grande importance, qui semblerait avoir surtout été dictée par un sentiment de prévoyance judiciaire, pour constater que le mort n'avait souffert aucune violence; exposition ordonnée par les lois de Solon qui prescrivaient de la faire *dans la maison du mort, pour que chacun pût le voir et l'approcher*¹.

*«Quand il avait péri d'une mort violente, on portait une lance, la pointe en l'air, devant son convoi; et la prothèse avait été instituée dans le but de montrer que le défunt n'avait pas succombé par la violence».*²

Cette coutume d'exposer le mort était fort ancienne. Nous la retrouvons déjà dans HOMÈRE qui raconte que le corps d'Hector fut placé sur un lit magnifique, entouré des femmes du palais tout en pleurs.³

Il paraît que chez les Grecs on déposait toujours sur la tête du mort une couronne, et que cet usage était considéré comme très-essentiel, puisque dans les Phéniciennes d'EURIPIDE, Créon défend expressément que cette cérémonie soit observée pour le corps de Polynice⁴.

¹ DEMOSTH.: in Macart. p. 4071.

² POLLUX. Liv. VIII. ch. 7. segm. 65.

³ Iliade. XXIV. 720—722.

⁴ EURIP.: Phœn.

Погребальные вѣнки нерѣдко приписались друзьями умершаго.¹ Луцианъ говоритъ, что ихъ вязали изъ какихъ-нибудь цвѣтовъ, смотря по времени года²; но изъ показаній разныхъ писателей заключить должно, что для этого употребляли преимущественно листья *апіума* (по-гречески *σέλινον*, по-латыни *apium*), въ свидѣствіе особаго значенія, придававшегося этимъ листьямъ. Плиній говоритъ: «*Ambo (Chrysippus et Dionysius dicunt) neutrum (sexum apii) ad cibos admittendum, immo omnino nefas; nam id defunctorum epulis feralibus dicatum esse.*»³ — Сервій же: «*Apud antiquos in agone erat species coronae de apio, et voluit quidam hoc coronae genus ad indicium mortis electum, aut quod humilis herba immaturum de Archemoro luctum ostendat* (рѣчь идетъ о молодомъ Грекѣ этого имени, похищенномъ преждевременною смертію), *aut quod supra hanc herbam reptans puer a serpente extinctus sit. Sane in eo agone specialim apio coronantur poetae.*»⁴.

Плутархъ замѣчаетъ: «*У насъ существуетъ обычай вѣнчать гробницы апіумомъ; отсюда произошла поговорка: ему ничего болѣе не надобно кромѣ апіума, говоря о человѣкѣ, который опасно боленъ.*»⁵

Мы находимъ въ Monumenti inediti pubbl. dall' Instituto Archeologico рисунокъ найденныхъ въ окрестности Афинъ, въ гробницѣ, двухъ раскрашенныхъ вазъ съ изображеніемъ *протезы*; покойникъ видѣнъ здѣсь на похоронномъ одрѣ, съ вѣнкомъ изъ листьевъ апіума на головѣ и окруженный плачущими женами.⁶

Такъ какъ подобнаго рода изображенія весьма рѣдко встрѣчаются, то это очень важный памятникъ, и до сего времени, кажется, единственный въ этомъ отношеніи, кромѣ еще одной прекрасной вазы Бурбонскаго Музея съ красными фигурами по черному полю и надписями, на которой между другими лицами изображенъ: молодой Археморъ, лежащій на похоронномъ одрѣ, и мать или кормилица его, кладущая на голову умершаго *оливковый* вѣнокъ въ присутствіи еще другаго лица, — педагога⁷. Выше написанное нами мѣсто изъ Сервія не даетъ ли намъ поводъ предположить, что изъ этой послѣдней вазы вмѣсто вѣнка изъ апіума, по ошибкѣ, изображенъ оливковый?

На обѣихъ Афинскихъ вазахъ ясно видѣнъ вѣнокъ изъ листьевъ апіума.

Погребальные вѣнки, найденные въ Пантикапейскихъ курганахъ, почти исключительно состоятъ изъ свѣжъ листьевъ. Цѣльные подобные вѣнки находимы были на головахъ покойниковъ, а обломанные въ цѣпль костровъ и въ такомъ множествѣ, что мы принуждены заключать изъ сего, что въ Пантикапеи вообще было принято употреблять вѣнки этого рода, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда на голову покойника клали вѣнокъ, принадлежавшій ему при жизни, какъ тѣ, о которыхъ мы будемъ говорить при описаніи нижеслѣдующихъ рисунковъ. Въ числѣ двадцати одного золотого вѣнка нашего собранія есть только одинъ оливковый, тринадцать лавровыхъ и семь изъ листьевъ апіума, кромѣ весьма большаго числа неполныхъ погребальныхъ вѣнковъ послѣднихъ двухъ родовъ.

¹ Веккеръ: Chariclès II. стр. 172.

² Луцианъ: О печали. Гл. 40.

³ Plin.: Hist. nat. XX, 44.

⁴ Servius ad Virgil.: Bucol. VI, 68

⁵ Плутархъ: Тимол. 26.

⁶ Тонъ III., Р. LX. и Annali T. XV. стр. 276. и сѣтѣ.

⁷ Гейнхардъ: Archemoros und die Hesperiden. P. I.

Ces couronnes étaient souvent fournies par les amis du défunt¹. LUCIEN dit qu'on les formait de n'importe quelles fleurs, suivant la saison²; mais il paraît d'après les passages de divers auteurs que les feuilles d'ache (*apium* en latin, en grec *ἀσίνον*) étaient choisies de préférence, à cause de leur signification. PLINE dit: «*Ambo* (Chrysippus et Dionysius dicunt) *neutrum* (sexum *apii*) *ad cibos admittendum, immo omnino nefas; nam id defunctorum epulis feralibus dictum esse*»³. — Et SERVIUS: «*Apud antiquos in agone erat species coronae de apio, et voluit quidam hoc coronae genus ad indicium mortis electum, aut quod humilis herba immaturum de Archemoro luctum ostendat* (il s'agit d'un jeune grec de ce nom moissonné avant l'âge), *aut quod supra hanc herbam reptans puer a serpente extinctus sit. Sane in eo agone speciatim apio coronantur poetae*»⁴.

PLUTARQUE dit: «*Nous avons l'habitude de couronner d'ache les tombeaux, coutume qui a donné naissance au proverbe: Il n'a plus besoin que d'ache, quand on parle d'un homme dangereusement malade*»⁵.

Les Monuments inédits de l'Institut Archéologique offrent le dessin de deux vases peints, trouvés dans un tombeau aux environs d'Athènes, représentant cette *prothèse* où l'on voit le mort couché sur son lit funéraire, la tête ornée d'une couronne d'ache et entouré de femmes qui se lamentent⁶.

Ce monument est extrêmement précieux, car les représentations de ce sujet sont excessivement rares; et c'est jusqu'à ce jour, il semble, le seul que l'on connaisse avec le beau vase, à figures rouges sur fond noir et inscriptions, du Musée Bourbon, offrant entr'autres figures, le jeune Archemoros couché sur son lit funéraire, sa mère ou sa nourrice déposant sur sa tête une couronne d'olivier, en présence d'un second personnage qui est le pédagogue⁷. Ne pourrait-on pas admettre par le passage de SERVIUS cité plus haut, que c'est par erreur que le peintre du vase a mis des feuilles d'olivier au lieu de feuilles d'ache?

Dans la scène des vases athéniens le dessin montre d'une manière très-distincte que la couronne funéraire est en feuilles d'ache.

Les couronnes funéraires des tumulus de Panticapée se composent presque exclusivement de ces feuilles, et il s'en est retrouvé un si grand nombre, soit conservées entières sur la tête des morts, soit en fragments dans les cendres de leurs bûchers, que nous devons en conclure qu'à Panticapée, l'usage de cette espèce de couronne était adopté généralement, lorsque l'on n'avait pas pour orner la tête du défunt quelque couronne qui lui avait appartenu, comme celles dont nous parlerons dans les planches suivantes. Parmi les vingt-une couronnes d'or de notre collection, il y en a une en olivier, treize en laurier, et sept en feuilles d'ache, outre une très-grande quantité de fragments de ces deux dernières espèces de couronnes.

¹ BECKER: Chariclès. To. II. p. 172.

² LUCIEN: Du Deuil. chap. 40.

³ PLINE: Hist. nat. XX, 44.

⁴ SERVIUS ad VIRGIL. Bucol. VI, 68.

⁵ PLUT.: Timol. 26.

⁶ To. III. Tav. LX. et Annales To. XV. p. 276 et sv.

⁷ GERHARD: Archemoros und die Hesperiden. Taf. I.

Разсматривая эти вѣнки, а также отдѣльныя листья и судя по ихъ, болѣею частью, дурной работѣ и тонкости листовъ золота, изъ которыхъ они составлены, убѣждаемся, что вѣнки эти были сдѣланы именно въ похоронахъ и обыкновенно работы на-сгора. Предназначаясь для одного дня, для минутнаго употребленія, отъ нихъ дѣйствительно не требовалось ни прочности, ни тщательной отделки; довольствовались однимъ вышнимъ видомъ. Не то ли же самое бываеъ и съ принадлежностями нашихъ похоронъ?

1. Мужской погребальный вѣнокъ или повязка.

Эта повязка состоитъ изъ тонкаго листа прокатаннаго золота съ оттиснутымъ по серединѣ медальономъ Марка-Аврелія, какъ видно изъ надписи: M ANTONINVS AVG T[R] P XXVII¹ (т. е. 173 года по Р. X.). Оттисъ этотъ, кажется, сдѣланъ былъ простымъ нажатіемъ золотого листа повязки на медальонъ. Къ повязкѣ, на каждой сторонѣ медальона, прикрѣплены золотыми гвоздочками, слегка загнуанными, по три листка, очевидно вырѣзанныхъ ножницами и на которыхъ жили довольно грубо выведены гладиомъ; но не смотря на дурную отдѣлку легко узнать въ нихъ листья аніума.

Повязка сія найдена Г. Ашикомъ въ курганѣ, раскопанномъ имъ въ 1844 г. близъ завода Князя Херхеулидзева (см. карту No. 1.). Въ курганѣ была гробница съ круглымъ сводомъ, состоявшая изъ двухъ погребальныхъ склеповъ². Въ одномъ находилось четырнадцать деревянныхъ гробовъ безъ всякихъ упрощеній, расположенныхъ въ два ряда, по семи гробовъ въ каждомъ. Трупы лежали въ нихъ на постилѣхъ изъ лавровыхъ листьевъ³. Въ углубленіяхъ боковыхъ стѣнъ склеповъ найдены фляги, слезницы, склянны, двѣ глиняныя лампы и нѣсколько золотыхъ вещей, между коими было запястье (Р. XIV. 3.). Кругомъ гробовъ были разбросаны: яичная скорлупа, каштаны, орѣхи и т. п., а вдоль стѣнъ лежали кучи овечьихъ и птичьихъ костей.

Въ девяти гробахъ были только ослы, совершенно истлѣвшіе. Въ одномъ детскомъ гробѣ нашли: бронзовый ключъ, голову отъ статуйки изъ слоновой кости, представляющую стоящаго Амура и нѣсколько золотыхъ шариковъ мониста. (Вещи эти находятся въ Эрмитажѣ.) Въ двѣнадцатомъ гробѣ было нѣсколько золотыхъ вещей.

Наконѣцъ въ двухъ гробахъ, стоявшихъ въ склепѣ первыми справа, найдены останки мужчины и женщины, вѣроятно родителей семейства, похороненнаго въ этой гробницѣ.

Описанная здѣсь золотая повязка находилась на головѣ мужчины. Возлѣ правой руки былъ мечъ, котораго совершенно заржавленное лезвие имѣло въ длину аршинъ и два вершка.

2. Женская погребальная повязка.

Эта повязка, одна только изъ всѣхъ повязокъ нашего собранія не имѣющая листьевъ аніума, находилась на головѣ женскаго остава. На немъ еще видны были остатки одежды, усѣянной семнадцатью золотыми кружевами съ изображеніемъ Медузѣныхъ головъ и нѣсколькими небольшими, также золотыми

¹ Эту надпись назвалъ Грѣкъ. См. Мѣм. de l'Acad. des sciences de St.-Petersbourg. IVe Série, T. VI., стр. 47.

² См. планъ и разрѣзъ этой гробницы у Ашика: Воспорское Царство, Т. II. Р. VI.

³ Спартицы имѣли обыкновеніе класть покойниковъ на лавровыя листья. См. Plut: Inst. Греч.; также Элиагъ: X. 6.

En examinant ces couronnes et ces feuilles d'ache isolées, on peut se convaincre, par leur facture, ordinairement grossière, et par le peu d'épaisseur de la feuille d'or qu'on employait, que ces couronnes étaient expressément faites pour le jour des funérailles, et confectionnées ordinairement à la hâte. Ne devant servir qu'un jour, qu'un moment, elles n'avaient pas besoin en effet de solidité, ni d'une exécution soignée; l'apparence suffisait. N'en est-il pas de même de nos jours, dans les ornements qui servent aux funérailles?

1. Couronne ou bandeau funéraire d'homme.

Il se compose d'une mince feuille d'or laminée, offrant au milieu l'empreinte d'un médaillon en bronze de Marc-Aurèle, ainsi que l'indique la légende **M ANTONINVS AVG T[R] P XXVII** (l'an 173 de J. C. par conséquent). Il semble que l'on s'est contenté pour obtenir cette empreinte, de placer la feuille d'or sur le médaillon, et que, par le frottement, on en a fait lever la figure et les caractères. De chaque côté sont fixées, au moyen de clous d'or légèrement rivés, trois feuilles découpées, évidemment avec des ciseaux, et dont les fibres ont été indiquées très-grossièrement par le brunissoir. Malgré leur exécution imparfaite, on y reconnaît la forme des feuilles d'ache.

Cette couronne ou bandeau funéraire provient d'une fouille opérée, en 1844, par Mr. ASCHIK dans un tumulus voisin de la fabrique du Prince Kherkheoulidseff (voyez la carte No. 4.). Ce tumulus renfermait un tombeau à voûte cintrée, avec deux chambres sépulcrales¹. L'une de ces chambres contenait quatorze cercueils en bois, sans aucun ornement. Ils étaient disposés par sept, sur deux rangs. Les corps y gisaient sur des couches de feuilles de laurier². Les murs latéraux de cette chambre offraient des niches où l'on trouva des flacons, des vases lacrymatoires, des phioles en verre, deux lampes en terre et quelques bijoux en or, entr'autres le bracelet Pl. XIV. 3. Autour des cercueils il y avait des coquilles d'oeufs, des châtaignes, des noix, etc. et le long des murs, des tas d'os de mouton et d'oiseaux.

Neuf des cercueils ne renfermaient que des corps réduits en poussière. Dans un des cercueils d'enfants il y avait une clé en bronze, la tête d'une statuette en terre cuite, un joujou en ivoire, offrant un Amour debout, et quelques grains d'un collier en or (ces objets sont à l'Ermitage). Dans le douzième cercueil il y avait quelques bijoux en or.

Les deux derniers cercueils placés les premiers, à droite, renfermaient les restes d'une homme et d'une femme, probablement les chefs de la famille enterrée dans ce tombeau.

Le bandeau ci-dessus était sur la tête de l'homme. Près de la main droite se trouvait un glaive dont la lame tout oxydée, avait une archine et deux verchoks de longueur.

2. Bandeau de femme.

Ce bandeau qui est le seul de notre collection qui n'offre pas de feuilles d'ache, se trouvait sur la tête de la femme. On distinguait encore les restes de son vêtement parsemés de dix-sept rondelles en or offrant une tête de Méduse, et de quelques petites plaques repoussées en forme de zig-zag, également en

¹ GRAEVE a publié cette inscription. Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Pét. VIe Série. To. VI. 47.

² Mr. ASCHIK a donné le plan et la coupe de ce tombeau. Voyez: Восточное Царство. To. II. Pl VI.

³ Suivant un passage de PLUTARQUE, les Lacédémoniens avaient la coutume de déposer leurs morts sur des feuilles d'olivier. PLUT. Inst. Lac. Voyez aussi AÉLIEN. X. 6.

тисненными бляхами въ видѣ зигъ-заговъ (Р. XXI. 7. и XXII. 8.). По сторонамъ головы лежали серьги; на одной рукѣ было кольцо съ гранатомъ.

Пояска эта сдѣлана изъ золотого листа въ $1\frac{2}{4}$ вершковъ длины, сплюсненнаго каткомъ, что доказывается отпечаткомъ трещины, бывшей на каткѣ и оттиснувшейся на листѣ въ четырехъ мѣстахъ, въ равномъ одно отъ другаго разстояніи $\frac{1}{2}$ вершковъ. Взявъ треть этого разстоянія мы получимъ поперечникъ катка, составляющій около одного англійскаго дюйма.

На нашемъ рисункѣ изображена только средняя часть этой пояски, на которой штемпелемъ оттиснута голова Медузы. Желая скрыть край штемпея, выбили съ задней стороны, вокругъ Медузы, ободокъ изъ точекъ и при этомъ прорвали листомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Медянины головы вѣрѣдно встрѣчаются въ древности между погребальными украшениями, и мы упоминали выше въ Введеніи на стр. LXVI. о медянныхъ головахъ изъ сѣеной глины, служившихъ вышивнымъ украшеніемъ деревянныхъ гробовъ, отъ которыхъ доски сохранились и находятся въ нашемъ Музее.

2. Мужская погребальная пояска.

Эта пояска состоитъ изъ тонкаго золотого листа шириною около двухъ вершковъ, который, по удостовѣренію Г. Ашикомъ, для болѣея прочности, былъ подложенъ кожею. На немъ выведено гладилкомъ нѣсколько грубыхъ украшеній. Этимъ же орудіемъ вытиснуто и изображеніе, видное на средней четырехугольной бляхѣ и которое представляетъ всадника въ мантіи, ѣдущаго вправо; за нимъ идетъ женщина въ длинной разебывающейся одеждѣ, поднимая правую руку такъ, какъ представляють Побѣду, держащую въ рукѣ вѣнокъ. На головѣ женщины какъ будто шкура животнаго, ниспадающая на ея плечи. Эти детали, особенно послѣдняя, такъ недостаточно выражены на бляхѣ, что объ атрибутахъ Побѣды, которую тутъ должно предположить, только догадываешься.

По угламъ бляхи находятся четыре сердечка въ оправкахъ. На каждой сторонѣ прифраны къ пояскѣ по 11 листовъ апіума, расположенныхъ по два въ рядъ одинъ надъ другимъ, и также довольно дурно отдѣланныхъ гладилкомъ.

Пояска эта найдена Г. Ашикомъ въ 1844 г. въ деревянномъ гробѣ, покрытомъ свинцомъ и до того ветхому, что разрушился при малѣйшемъ прикосновеніи. Гробъ находился посреди каменнаго склена въ курганѣ близъ каменоломни (см. карту No. 1.) и заключалъ въ себѣ оставъ мужчины, на истлѣвшемъ черепѣ котораго была эта пояска. Оставъ еще былъ одѣтъ въ тунику изъ вышитой золотомъ матеріи, которая на взглядъ казалась еще цѣлою, но превратилась въ пыль, когда къ ней прикоснулся свѣжій воздухъ. Г. Ашику удалось сохранить нѣсколько лоскутковъ этой матеріи, наклеивъ ее на бумагу случившеюся при немъ замедью. Драгоценныя остатки сіи хранятся нынѣ въ Эрмитажѣ между двумя стеклышками. Эти лоскутки и тѣ, о которыхъ мы упоминали въ Введеніи на стр. XCVI., суть вѣроятно древнѣйшіе, до нынѣ извѣстные, образчики *узорчатой* ткани, потому что шитыя пелены, въ которыя обернуты Египетскія муміи, состоятъ изъ *гладкой* ткани. Тишбейнъ упоминаетъ о найденномъ въ гробницѣ, въ S. Agata de ' Goli, кускѣ бумажной матеріи¹, какъ о древнѣйшемъ образчикѣ узорчатой ткани; но эта гробница новѣе нашей.

¹ Tischenkii: Recueil de gravures d'après des vases antiques. T. II. P. 2. fig. 2.

or (Pl. XXI. 7. XXII. 8.). Aux deux côtés de la tête étaient des pendants d'oreilles; à une des mains se trouvait un anneau enrichi d'un grenat.

Ce bandeau se compose d'une feuille d'or, de douze verchoks et trois quarts de longueur. Une circonstance curieuse permet de constater que cette feuille a passé par un laminoir, sur lequel devait exister une légère fissure, dont la trace est marquée dans quatre endroits à égale distance, c'est-à-dire à quatre verchoks et demi l'un de l'autre. En prenant le tiers de cette distance, on peut établir que le diamètre du laminoir avait environ un pouce anglais.

Nous n'avons reproduit dans notre planche que le milieu de ce bandeau qui offre une tête de Méduse, repoussée au moyen d'une étampe. Pour en dissimuler le bord, on a frappé par derrière un cercle de points, avec un instrument qui a percé le métal dans quelques endroits.

Les têtes de Méduse figurent assez souvent dans l'antiquité parmi les ornements funéraires, et nous avons cité dans notre Introduction, page LXVII, des masques de Méduse en terre cuite, qui formaient extérieurement, la parure des cercueils en bois dont les planches existent encore dans notre Musée.

3. Couronne ou bandeau funéraire d'homme.

Il se compose d'une feuille d'or mince, de deux verchoks de largeur environ, qui au dire de Mr. ASCHIK, était fixée sur du cuir, pour lui donner plus de consistance. Quelques ornements grossiers y ont été exécutés au brunissoir. L'artiste s'est servi de cet instrument pour repousser la plaque carrée, placée au milieu, qui offre un cavalier, allant à droite, couvert d'une espèce de manteau, et suivi d'une femme vêtue d'une longue robe flottante, la droite levée dans l'attitude d'une Victoire qui tiendrait une couronne. Cette figure paraît avoir la tête couverte de la dépouille d'un animal dont la peau lui retomberait sur le dos. Ces détails, les derniers surtout, sont si mal exprimés par l'artiste, qu'on ne peut que deviner les attributs d'une Victoire dont la scène fait supposer la présence.

Aux angles de cette plaque sont quatre cornalines montées en chaton. De chaque côté du bandeau sont fixées quatorze feuilles d'ache, mal exécutées, disposées deux par deux, et ouvragées également au brunissoir.

Ce bandeau a été trouvé, en 1841, par Mr. ASCHIK, dans un cercueil en bois, recouvert d'une lame de plomb qui avait tellement souffert de l'action du temps, que le métal se dissolvait en poussière au moindre attouchement. Ce cercueil était placé au milieu d'un caveau en pierres, caché dans un tumulus voisin de la Carrière de pierres (voir la carte No. 1.), et renfermait un squelette d'homme dont le crâne détruit était orné de ce bandeau. Ce squelette était encore vêtu d'une tunique d'étoffe, brodée en or, qui paraissait en bon état à la première vue, mais qui tomba en poussière au contact de l'air. Mr. ASCHIK fut assez heureux pour en recueillir quelques fragments qu'il colla sur un papier, avec un peu de gomme qu'il avait fortuitement sous la main. Ces restes précieux se conservent, entre deux morceaux de verre, au Musée de l'Ermitage. Avec les autres fragments dont nous avons parlé dans notre Introduction, page XCIII, ce sont, très-probablement, les plus anciens débris d'étoffe *ouvragée* qui soient connus; les enveloppes de lin des momies d'Égypte étant des étoffes *lisses*. TISCHBEIN citait comme le plus ancien échantillon d'étoffe à tissu ouvragé un morceau d'étoffe de coton, trouvé dans un tombeau à S. Agata de Goli¹; mais ce tombeau est d'une époque postérieure aux nôtres.

¹ TISCHBEIN: Rec. de grav. d'après des vases antiques. To. II. Pl. 2. fig. 2.

По сторонам оставался лежал обломок меча и коня, лезвие ножа с остатками золотой оправы, родъ княжала, богато украшенного (Р. XXVII. 7.) и точильный камень. У ногъ были: обыкновенная глиняная ваза, несколько небольших сломанных vazъ, въ томъ числѣ алебастровая; остатки богато украшенной узды, почти совершенно сходной съ помѣщенной на Р. XXIX. 4—7 и золотая бляха (Р. XXIV. 16.).

Наконецъ, просѣвъ землю, Г. Ашигъ нашелъ здѣсь два золотыхъ кружка съ изображеніемъ лицевой стороны извѣстной медали Рискунорда IV., т. е. головы этого Царя съ надписью: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ, изъ чего можно заключить, что похороненное въ этой гробницѣ лице, занимало можетъ быть, какую нибудь должность при дворѣ этого Царя, царствовавшего отъ 212 до 229 года по Р. X.

4. Бляха отъ погребальной повязки Царицы, на которой была золотая маска.

Повязка эта, по своему виду и расположенію листьевъ ашума, такъ сходна съ предыдущею, что мы сочли достаточноымъ представить только находящуюся по серединѣ ея бляху. На ней изображенъ всадникъ, обращенный вправо и держащий въ правой, поднятой вверхъ рукѣ, ритонъ; передъ всадникомъ видѣтъ небольшой жертвенникъ или надгробный камень, надъ которымъ онъ вѣроятно намѣревается совершить возліаніе. По угламъ бляхи четыре сердечика въ оправкахъ.

Для большей прочности повязка была укрѣплена на кедровомъ обручѣ толщиной въ 4 линію, отъ котораго сохранилось нѣсколько ценокъ; судя по нимъ должно заключить, что обручъ дѣйствительно былъ согнутъ, либо водяными парами, либо инымъ какимъ либо способомъ.

5. Женская погребальная повязка.

Она найдена въ одномъ курганѣ съ повязкою No. 3, но въ каменномъ склѣбѣ, находившемся на другой сторонѣ кургана и вмѣщавшемъ въ себя деревянный гробъ, въ которомъ были оставъ женщины. Повязка находилась на ея челѣ. Шея была украшена прелестнымъ ожерельемъ (Р. X. 3), по сторонамъ головы были золотыя серьги съ львиными головками, на рукахъ запястья изъ золотыхъ нитокъ и два золотыхъ кольца, изъ коихъ одно съ гранатомъ. У ногъ стояла раскрашенная ваза съ изображеніемъ боя Аримаспа съ грифомъ (Р. LVIII. 6. 7.). Подлѣ вазы находилось бронзовое зеркало и алебастровый сосудъ.

Наша повязка состоитъ изъ листа прокатаннаго золота и украшена на каждой сторонѣ тремя листьями ашума. Въ серединѣ вправлены три рѣзныхъ калцедона (камен); изъ нихъ верхній и нижній представляютъ голову Медузы, на среднемъ, немного обломанномъ, изображена Смерть въ видѣ Амура съ обращеннымъ внизъ факеломъ. Каменъ эти окружены украшениями варварскаго стиля, выбитыми штемпелемъ.

Aux côtés du squelette étaient les débris d'un glaive et d'une lance, une lame de couteau avec des restes de sa garniture en or, une espèce de poignard Pl. XXVII. 7., d'une grande richesse, et une pierre à aiguiser. Aux pieds se trouvaient un vase ordinaire en terre, plusieurs petits vases brisés dont quelques-uns en albâtre, les débris d'une bride très-riche, presque absolument pareille à celle de la Pl. XXIX. 1—7., et la plaque d'or Pl. XXIV. 16.

Enfin, en tamisant la terre du tombeau, Mr. ASCHIK découvrit deux rondelles en or offrant l'avvers d'une médaille connue de Rhescuporis IV, avec la tête de ce roi et la légende ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΤΟΡΙΔΟΣ, ce qui peut faire supposer que le personnage du tombeau était peut-être quelque officier de la cour de ce roi, qui a régné de l'an 212 à l'an 229 de l'ère chrétienne.

4. Plaque du bandeau funéraire de la reine du masque.

Ce bandeau est tellement pareil au précédent, quant à sa forme et à la disposition des feuilles d'ache, que nous nous bornons à reproduire la plaque qui en orne le milieu. Elle offre un cavalier, à droite, la main levée, tenant un rhyton dont il semble vouloir faire une libation devant un autel ou peut-être devant un petit monument funéraire. Aux angles sont des cornalines montées en chaton.

Ce bandeau, pour avoir plus de consistance, était fixé sur un cercle de bois de cèdre, d'une ligne d'épaisseur, dont il reste plusieurs fragments qui font juger que ce cercle avait été courbé, soit par la vapeur de l'eau chaude, soit par un autre moyen.

5. Bandeau funéraire de femme.

Il a été trouvé dans le même tumulus que le No. 3., mais dans un caveau en pierres qui était du côté opposé au premier caveau, et qui renfermait un cercueil en bois contenant les restes d'une femme. Ce bandeau était posé sur son front. Autour du cou était le beau collier Pl. X. 3. Des bracelets en fil d'or, des boucles d'oreilles en or, à tête de lion, deux anneaux d'or dont l'un orné d'un grenat, occupaient leur place naturelle. Aux pieds du corps était un vase peint, offrant le combat d'un Arimaspe contre un griffon. Pl. LVIII. 6. 7. A côté de ce vase il y avait un miroir en bronze et un *alabastrum*.

Ce bandeau se compose d'une feuille d'or laminée, ornée de chaque côté de trois feuilles d'ache. Au centre, entre des ornements d'un style barbare, frappés avec une étampe, sont trois camées en calcédoine; l'inférieur et le supérieur offrent une tête de Méduse; celui du milieu, qui est fragmenté, représente la Mort, sous la figure d'un Amour ailé tenant son flambeau renversé.

РИСУНОКЪ IV.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПОВЯЗКА И ВЪНКИ.

1. Женская погребальная повязка. Изображеніе въ настоящую величину.

Повязка эта такой же работы какъ и No. 1 предыдущаго рисунка за исключеніемъ лишь того, что листья апиума выбиты на самой повязкѣ, а не приделаны къ ней. Въ серединѣ повязки находится оттискъ съ бронзоваго медаліона Коммода, съ обращенными вправо профилями головъ: его самого и любовницы его Марціи, и кругового надписью: **L AELIVS AVRELIVS [C]OMMODVS AVG PIVS FELIX**. Что въ лицѣ женщины, изображенной на этомъ медаліонѣ въ видѣ богини Ромы¹, въ достѣхъ и пламѣхъ, представлена именно Марція, это видно по щиту Амазонокъ (pelta lunata) на ея груди. На другихъ памятникахъ Марція изображалась въ видѣ Минерны.²

Окрестности завода Князя Херхеулидзева (см. карту No. 1.) усажены множествомъ кургановъ, въ которыхъ находимы были гробницы римской эпохи. При раскапываніи одного изъ нихъ, въ 1842 г., Г. Карейша открылъ каменную гробницу, передъ которой были ступени; дверь этой гробницы была закрыта каменною плитою, поставленною вертикально. Въ гробницѣ находились два женскіе остова и одинъ мужской.

Изображенная на этомъ рисункѣ повязка находилась на головѣ одного изъ женскихъ останковъ, на которомъ кромѣ того найдены: золотая бляха, кольца и монисто изъ свѣней пасты. (Вещи сіи находятся въ Эрмитажѣ.)

На поясѣ втораго женскаго остова была бронзовая вызолоченная запонка, служившая, кажется, прючкомъ для ключей, а на шеѣ найдено мелкое монисто изъ свѣней пасты.

¹ Монхат: De la rareté des médailles romaines. T. I. стр. 258.

² Gori: Numi Mus. Florent. P. XLVII.

PLANCHE IV.

OBJETS EN OR.

BANDEAU FUNÉRAIRE ET COURONNES.

1. Bandeau funéraire de femme. Grandeur naturelle.

Le même facture que le No. I. de la planche précédente, à l'exception que les feuilles d'ache sont repoussées dans la feuille d'or et non appliquées, ce bandeau offre au centre l'empreinte d'un médaillon en bronze de Commode avec les bustes accolés, à droite, de cet empereur et de Marcia sa favorite, et la légende **L AELIVS AVRELIVS [C]OMMODVS AVG PIVS FELIX**. La *pelta lunata* ou bouclier des Amazones qui est figurée au devant de la poitrine de la femme, la fait reconnaître pour cette favorite, qui est ordinairement représentée, comme ici, en armure avec le casque en tête sous la figure de la Déesse Rome¹, et ailleurs sous celle de Minerve².

Les environs de la fabrique du Prince Kherkheoulidseff (voir la carte No. 1.) sont parsemés d'un assez grand nombre de tumulus qui recèlent beaucoup de sépultures de l'époque romaine. Lors d'une fouille que Mr. KARNSCHKA y entreprit, en 1842, il découvrit dans un de ces tumulus un tombeau en pierres auquel on arrivait par des degrés, et dont l'entrée était fermée par une dalle posée verticalement. Ce tombeau renfermait trois squelettes, deux de femmes et un d'homme.

Sur la tête du premier était posé le bandeau ci-dessus. A la place du cou et des oreilles étaient une plaque et des anneaux en or, et un collier en perles de pâte bleue (ces objets sont à l'Ermitage).

Le second squelette avait à la ceinture une agrafe en bronze doré, destinée, à ce qu'il semblait, à attacher des clés, et au cou un collier en petites perles de pâte bleue.

¹ MIONNET. De la rareté des médailles romaines. To. I. p. 258.

² GORI: Numi Mus Florent. Tab. XLVII.

Expl. des Pl.

На оставъ мужчини были заржавленные клинки двухъ мечей и серебряныя пряжки отъ пояса. (Эти вещи также находятся въ Эрмитажѣ.)

2. Оливковый вѣнокъ. Изображеніе въ $\frac{3}{4}$ настоящей величины. Вѣсъ 80 золотниковъ.

Мы упомянули выше, въ Введеніи на стр. LXVIII., объ открытѣи Г. Ашикомъ въ 1839 г. каменномъ селенѣ съ египетскимъ сводомъ и сказали, что въ селенѣ находился деревянный гробъ съ оставомъ, на челѣ котораго былъ оливковый вѣнокъ.

Превосходный рисунокъ, снятый съ него Г. Пикаромъ, даетъ читателю вѣрное понятіе о красотѣ сего вѣнка, который во всѣхъ своихъ частяхъ есть верхъ совершенства. Вѣнокъ этотъ состоитъ изъ двухъ оливковыхъ вѣтокъ, связанныхъ вмѣстѣ толстыми концами, и коихъ стволъ сдѣланъ изъ золотого листа, свернутого въ трубу и во всю длину ея спаяннаго. Въ этой трубѣ подѣланы дырля, въ извѣстномъ одна отъ другой разстояніи, въ которыя продѣты стебли листьевъ. Видъ сихъ послѣднихъ заставляетъ предполагать, что они напередъ были выжжены, а потомъ прокатаны; середина жилки ихъ кажется выбита стальнымъ орудіемъ. Листья имѣютъ значительный блескъ и хорошо отполированы. Оливковыя ягоды составлены изъ двухъ выбитыхъ половинъ, спаянныхъ вмѣстѣ. Онѣ пусты и весьма тонки. Рассматривая одну открытую изъ этихъ ягодъ можно замѣтить въ ней небольшую тычинку, сдѣланную изъ тонкаго скрученнаго золотого листа. Тычинка эта, проходя во всю ширину ягоды, служить для скрѣпленія.

Вѣнокъ этотъ лучший изъ всѣхъ 21 вѣнка, находящихся въ Кабинетѣ Ея Величества Государыни Императрицы, въ Эрмитажѣ.

Вѣнки эти не должно смѣшивать съ украшеніями, которыя, подобно тѣмъ повязкамъ, о которыхъ мы говорили выше, наскоро приготавливались и надѣвались на чело покойниковъ въ день похоронъ. Своимъ вѣсомъ, своею прочностію и красотою отдѣлки вѣнки сіи явно доказываютъ, что это были драгоценности, принадлежавшія покойникамъ при жизни, получившимъ ихъ вѣроятно въ видѣ знаковъ отличія или наградъ, и которыя, по обычаю или по чувству уваженія къ останкамъ умершихъ, положены были въ ихъ гробницу вмѣстѣ съ другими дорогими предметами, находящимися въ курганахъ Босфорскаго побережья.

Многіе изъ сихъ вѣнковъ найдены были въ пепельныхъ урнахъ и имѣютъ на себѣ явные слѣды огня. На нѣмкихъ вѣнкахъ слѣды огня почти не замѣтны, какъ наприм. на No. 2. P. V.; но за то на другихъ она гораздо явственнѣе, а одинъ вѣнокъ, No. 36 нашего собранія, вполнину спаленъ.

Кромѣ этихъ цѣльныхъ вѣнковъ, есть въ нашемъ Музѣи большое количество неполныхъ, по большей части лавровыхъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ листочковъ, собранныхъ въ пепельныхъ урнахъ. Многіе изъ сихъ листочковъ вполнину спалены, изъ чего видно, что при погребеніи покойникъ положенъ былъ на костеръ съ принадлежавшимъ ему вѣнкомъ на головѣ. Мы не можемъ съ достовѣрностію объяснить: какимъ образомъ случилось, что на кострѣ, на которомъ сожигалось тѣло, не истреблялись вмѣстѣ съ нимъ и вѣнокъ и другія драгоценныя вещи умершаго, часто находимыя въ пепельной урнѣ совершенно цѣлыми. Можетъ быть вѣнокъ оставался на головѣ покойника только нѣсколько времени, т. е. пока зажигали костеръ, послѣ чего вѣнокъ снимали и клали въ урну вмѣстѣ съ прочими вещами по совершеніи обряда сожженія.

Sur le squelette d'homme étaient les lames oxydées de deux glaives, avec des boucles d'argent qui étaient les restes de la garniture d'un ceinturon (ces objets sont à l'Ermitage).

2. Couronne d'olivier. Deux tiers de la grand. nat. Poids 80 zolotniks.

Nous avons rendu compte dans notre Introduction, page LXIX., de l'importante découverte que Mr. ASCHIK fit, en 1839, du tombeau, à voûte en assises, qui renfermait le cercueil en bois contenant les restes du personnage dont le front était orné de cette couronne.

La perfection avec laquelle Mr. PICCARD en a reproduit le dessin, donnera à nos lecteurs une idée exacte de sa beauté; c'est en tout point un chef-d'œuvre. Elle est formée de deux branches d'olivier dont les extrémités sont tordues ensemble, et dont la tige est creuse et soudée dans toute sa longueur. De petits trous y sont pratiqués, à des distances inégales, pour recevoir la queue de chaque feuille. Tout porte à croire que ces feuilles ont d'abord été forgées, puis étendues au laminoir. La côte ou nervure du milieu paraît avoir été repoussée avec un instrument d'acier. Les feuilles sont d'un grand poli et très-bien bruniées. Les olives, creuses et très-minces, sont formées chacune de deux coquilles embouties au marteau, et soudées dans leur largeur. En examinant une de ces olives qui est ouverte, on remarque dans l'intérieur, une petite tige tordue qui est formée d'une légère feuille roulée. Cette tige traverse le fruit dans sa longueur, de manière à lui donner assez de solidité.

C'est la plus belle des vingt-une couronnes d'or que renferme le cabinet de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE au Musée de l'Ermitage.

Il ne s'agit plus ici d'ornements funéraires, confectionnés, comme les bandeaux dont nous avons parlé, pour parer le front du mort le jour de ses funérailles. Ces couronnes, par leur poids, par leur solidité, par la beauté de leur exécution, indiquent suffisamment que c'étaient des objets précieux que les personnages avaient possédés pendant leur vie, qu'ils avaient reçus sans doute comme marque de distinction ou comme récompense, mais que l'usage ou le respect qui accompagnait leur dépouille à sa dernière demeure, avait fait déposer dans leur tombe, comme tant d'autres objets précieux que l'on retrouve dans les sépultures des rives du Bosphore.

Plusieurs de ces couronnes ont été trouvées dans des urnes cinéraires, et portent les traces les plus évidentes de l'action du feu. Ces traces sont peu visibles quelquefois, comme dans le No. 2. de la planche V.; mais sur d'autres couronnes elles sont plus marquées; et il s'en trouve une (c'est le No. 36. de la collection du Musée) qui est à moitié fondue.

Indépendamment de ces couronnes entières, il existe à notre Musée un très-grand nombre de débris de couronnes, la plupart de laurier, qui se composent de feuilles recueillies dans des urnes cinéraires. Beaucoup de ces feuilles sont à demi fondues; indice évident que dans la cérémonie des funérailles, le mort était posé sur le bûcher, la tête ornée de la couronne qui lui avait appartenu. Comment l'action du feu qui réduisait le corps en cendres, ne parvenait-elle pas à fondre entièrement la couronne et les bijoux du mort, qui se retrouvent quelquefois intacts dans l'urne cinéraire? c'est ce que nous ne saurions expliquer. La couronne ne figurait-elle qu'un certain temps sur la tête du mort, au moment où le bûcher s'allumait par exemple? était-elle retirée, pour ne pas être entièrement détruite, et mise dans l'urne avec les bijoux, lorsque la cérémonie de l'incinération était terminée? c'est ce qu'il est permis de supposer.

Что касается до вѣнковъ, воины, какъ описываемымъ здѣсь вѣнкомъ, украсились головы покойниковъ въ гробѣ, то они, по добротѣ металла (нѣкоторые вѣнки сдѣланы изъ золота 84 пробы или 24 карата), сохранились въ цѣлости, и по истеченіи столѣтій блестятъ предъ нашими глазами столь же свѣтло, какъ будто они только что вышли изъ мастерской художника.

Мы находимъ въ древности много примѣровъ пожалованія вѣнками за особенныя заслуги отечеству, или въ видѣ народной награды, назначавшейся за побѣду на играхъ.

Тутъ напередъ приходятъ на мысль награды, дававшіяся на большихъ греческихъ играхъ. На Олимпійскихъ побѣдителямъ присуждался вѣнокъ изъ дикаго олива¹, на играхъ Коринфскаго перешейка основной² или изъ листьевъ аиума³; на Пивческихъ лавровый⁴ или напередъ дубовый⁵; на Немейскихъ вѣнокъ изъ листьевъ аиума⁶ или изъ нихъ вмѣстѣ съ сосною⁷.

Также известно, что Греки вѣнчали своихъ великихъ государственныхъ мужей и полководцевъ. Послѣ Саламинскаго сраженія Спартанцы назначили по лавровому вѣнку Семистоклу за осторожность и благоразуміе, Еврипиду за храбрость.⁸

По свидѣтельству Валерія Максима Перикль былъ первымъ, которому Афиняне присудили вѣнокъ изъ двухъ оливковыхъ вѣтвей.⁹

Орвануль удостоился оливковаго вѣнка за спасеніе отечества.¹⁰

Въ перныя времена эти вѣнки были просты какъ и нравы Грековъ, и вѣроятно естественныя. Но побѣды Грековъ надъ Персами скоро познакомили ихъ съ цѣною золота, которое развратило ихъ строгіе нравы, и мы находимъ у классическихъ писателей указанія, что уже начиная съ 5-го вѣка вѣнча эти, столь прекрасныя въ ихъ первоначальномъ видѣ, стали дѣлать изъ сего драгоценнаго металла.

Пиндартъ, умершій въ 448 г., уже говоритъ о золотыхъ Олимпійскихъ вѣнках¹¹, а въ одномъ мѣстѣ (гдѣ встрѣчаются выраженія *τῆλαυρεὶ στερφάνῳ* «вѣнки блестящія издамъ») по видимому называетъ и Пивческій вѣнокъ золотымъ.¹²

Римляне также присуждали вѣнча въ видѣ награды.¹³

При совершенномъ отсутствіи надписи и недостаткѣ даже малѣйшаго указанія на лице, которому присужденъ былъ блестящій вѣнокъ, помѣщенный на нашемъ рисункѣ, мы отказываемся отъ предположенія, рождающагося при видѣ этого вѣнка. Былъ ли это сановникъ, или воинъ, оказавшій важную заслугу? Наконецъ не было ли это лицо однимъ изъ тѣхъ побѣдителей на большихъ греческихъ играхъ,

¹ Павзаній: Кн. V. Гл. 7. Лупіанъ: Анах.

² Лупіанъ: тамъ же. Палутархъ: Сын. Кн. V. Вопрос. 3.

³ Пиндартъ: Олимп. ода 33. Истм. Ода 8. Палутархъ: Тимол.

⁴ Элиевъ: Разн. Истор. Кн. III.

⁵ C. v. id.: Metam. Lib. I.

⁶ Лупіанъ: Анах.

⁷ Етумол.

⁸ Геродотъ: VIII, 124. Палутархъ: Фем.

⁹ Валер. Максим.: II, 6. 5.

¹⁰ Корн. Невр.: Титас. 4.

¹¹ Пиндартъ: Олимп. Ода 44. Пив. Ода 10.

¹² Тамъ же, Пив. Ода 2.

¹³ Валер. Максим.: IV, 3. 10. См. о снхъ вѣнкахъ С. Paschallii: Coronae. Parisii, 1610.

Quant aux couronnes qui, comme celle que nous venons de décrire, étaient posées sur la tête des morts qu'on ensevelissait dans un cercueil, le métal incorruptible dont elles sont composées (l'or de plusieurs de ces couronnes est au titre de 84 ou 21 karats) les a conservées, pour les faire briller à nos yeux, après vingt siècles, éclatantes et bruniées, comme si elles sortaient des mains de l'artiste qui les forma.

L'antiquité offre beaucoup d'exemples de couronnes décernées à des hommes qui avaient bien mérité de la patrie, ou qui avaient remporté des prix décernés par l'admiration des peuples.

On songe tout d'abord aux prix des grands jeux de l'antique Grèce. Aux jeux Olympiques, le vainqueur recevait une couronne d'olivier sauvage¹; aux jeux Isthmiques, une couronne de pin² ou de feuilles d'ache³; aux jeux Pythiques une couronne de laurier⁴, ou de chêne d'abord⁵; aux jeux Néméens une couronne de feuilles d'ache⁶, ou d'ache et de pin.⁷

Nous savons ensuite que les Grecs décernaient des couronnes à leurs grands hommes d'état ou de guerre. Thémistocle et Eurybiade reçurent de la reconnaissance des Lacédémoniens, après la bataille de Salamine, une couronne d'olivier, le premier pour sa prudence et sa sagesse, le second pour sa valeur.⁸

VALERIUS MAXIMUS rapporte que Périclès fut le premier à qui les Athéniens décernèrent une couronne faite de deux rameaux d'olivier⁹.

Thrasylule reçut une couronne d'olivier, en reconnaissance de ce qu'il avait délivré sa patrie.¹⁰

Ces couronnes furent dans les premiers temps, simples d'abord comme les mœurs des Grecs, et il est à croire qu'elles étaient faites du produit réel des plantes qu'elles représentaient. Mais nous savons que les victoires des Grecs sur les Perses leur firent promptement connaître le prix de l'or qui altéra leur austère simplicité; et, dès le cinquième siècle, nous voyons dans les auteurs anciens que ces couronnes, si belles dans leur nature primitive, furent bientôt confectionnées avec ce métal précieux.

PINDARE, mort en 448, parle déjà de couronnes olympiques en or¹¹; et semble dans un passage (où sont les expressions *τῆλαυγέσι στεφάνοις*, *couronnes qui brillent au loin*), désigner la couronne pythique comme étant aussi en or.¹²

Chez les Romains, des couronnes d'or furent décernées comme récompense.¹³

En l'absence de toute inscription, de tout indice même, qui puisse nous faire connaître le personnage à qui l'on avait décerné la magnifique couronne qu'offre notre planche, nous devons nous arrêter devant le chapitre des suppositions que sa vue peut faire naître. Était-ce un magistrat; était-ce un guerrier qui avait rendu d'éminents services? Était-ce enfin un de ces vainqueurs aux grands jeux de la Grèce, à qui

¹ PAUSANIAS. LIV. V. chap. 7. LUCIEN: Anach.

² LUCIEN. Ibid. PLUTARQUE: Symp. LIV. V. Quest. 3.

³ PINDARE: Olymp. Od. 43. Isthm. Od. 8. — PLUTARQUE: Timol.

⁴ ELIEN: Hist. div. LIV. III.

⁵ OVIDE: Métam. LIV. I.

⁶ LUCIEN. Anach.

⁷ ETYMOLOG.

⁸ HÉRODOTE. VIII. 124. PLUTARQUE: Thém.

⁹ VALER. MAXIM.: II. 6. 5.

¹⁰ CORN. NEP.: Thras. 4.

¹¹ PINDARE: Olymp. Od. 41. Pyth. Od. 40.

¹² Id. Pyth. Od. 2.

¹³ VALER. MAXIM.: IV. 3. 40. — Voyez sur ces couronnes l'ouvrage: C. PASCHALII: Coronae Parisiis

которым въ довершеніе блаженства желали умереть въ тотъ самый день, когда восхитеніе народа объявляло ихъ счастливѣйшими изъ смертныхъ? Что касается до времени, къ которому должно отнести этотъ памятникъ древности, то мы уже сказали о семъ наше мнѣніе въ Введеніи.

Какъ бы то ни было, но этотъ вѣнокъ принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ предметамъ древности; единственный въ своемъ родѣ, онъ не имѣетъ себѣ подобнаго по изыскству. Въ отношеніи къ богатству отдѣлки любопытно будетъ сравнить этотъ вѣнокъ съ другимъ совершенно другаго рода, находящимся въ собраніи древностей Баварскаго Короля Людовика и изданнымъ двумя извѣстными археологами.¹

3. Лавровый вѣнокъ. Изображеніе въ $\frac{3}{4}$ настоящей величины. Вѣст 34 $\frac{1}{2}$ золотника.

Въ 1834, Г. Карейша, раскапывая курганъ близъ Карантиннаго шоссе, нашелъ въ немъ плитовую гробницу съ оставшимъ мужиномъ, на головѣ котораго былъ этотъ вѣнокъ. О прочихъ вещахъ, здѣсь же найденныхъ, см. Введеніе стр. LXIV.

Въ работѣ этого вѣнка столько же простоты, сколько и изыскства. Провѣтанные и хорошо отполированные листочки вѣнка утверждены стебельками на двухъ пустыхъ стволахъ, сдѣланныхъ изъ одного свернутого въ трубку золотого листа и соединенныхъ между собою сверху посредствомъ узда, который, вѣроятно, былъ украшенъ эмалью или эмалью, какъ полагаютъ должно по оставшимся слѣдамъ финифти. Бляшка эта выпала.

Судя по золотой медали Царя Лизимаха, найденной въ той же гробницѣ, можно заключить, что лице, которому пожалованъ былъ этотъ вѣнокъ, жило въ третьемъ столѣтіи до Р. X.

Штагелъбергомъ найдено нѣсколько обломковъ лавроваго и оливковаго вѣнковъ, и вѣнокъ изъ пробковаго дуба, принадлежавшихъ погребальнымъ вѣнкамъ, найденнымъ въ Аеннахъ; но это всего три листочка, изъ нихъ два первые представляютъ большое сходство съ нашими вѣнками. Онъ же издалъ, кромѣ того, золотой миртовый вѣнокъ, найденный въ Итанѣ.²

¹ ARNETT: Die antiken Gold- und Silber-Monumente. P. XIII. золотыхъ вещей. GERHARD: Antike Bildwerke. P. LX.

² STAGELBERG: Die Gräber der Hellenen. P. LXXII.

l'on souhaitait, comme un dernier bonheur, de mourir le jour où l'admiration des peuples les proclamait les hommes les plus heureux de la terre? Comme époque à assigner à ce monument, nous avons exprimé dans notre Introduction ce que l'on peut en penser.

Toujours est-il que cette couronne est un des objets les plus intéressants de l'antiquité, unique par sa nature et sans égal par sa beauté. Comme magnificence d'exécution, il sera intéressant de comparer cette couronne avec celle, d'une espèce toute différente, qui est possédée par le roi Louis de Bavière, et qui a été publiée par deux archéologues bien connus¹.

3. Couronne de laurier. Deux tiers de la grand. nat. Poids 31 $\frac{1}{2}$ zolot.

En explorant, en 1834, un tumulus voisin de la chaussée de la Quarantaine, Mr. KAREISCHA y découvrit un tombeau en dalles, qui renfermait un squelette d'homme dont la tête était ornée de cette couronne. Voir notre Introduction, page LXV, pour les autres objets trouvés dans ce tombeau.

Cette couronne est d'une exécution aussi simple que belle. Les feuilles, laminées, bien brunies, sont implantées dans deux tiges creuses, formées chacune d'une feuille d'or roulée, soudée dans toute sa longueur, et réunies sur le devant par un noeud qui était orné vraisemblablement d'une plaque d'émail, à en juger par les traces qui en restent. Cette plaque est tombée.

La médaille d'or de Lysimaque trouvée dans ce tombeau peut faire admettre que le personnage à qui cette couronne avait été décernée, vivait au troisième siècle avant J. C.

STACKELBERG a publié quelques fragments de couronnes de laurier, d'olivier et de chêne-liège, ayant appartenu à des couronnes funéraires trouvées à Athènes. Ce ne sont que trois feuilles d'or; les deux premières offrent beaucoup d'analogie avec les nôtres. Il a publié en outre une couronne de myrte en or trouvée à Ithaque.²

¹ ARNETT: Die antiken Gold- und Silber-Monumente. Pl. XIII. des objets en or. GERHARD: Antike Bildwerke. Pl. LX.

² STACKELBERG: Die Gräber der Hellenen. Taf. LXXII.

РИСУНОКЪ V.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

1. Связка колосеѣвъ. Изображеніе въ $\frac{2}{3}$ настоящей величины. Вѣсъ $11\frac{3}{4}$ зол.

та прекрасно сдѣланная связка колосеѣвъ находилась, въ видѣ украшенія, на головѣ женскаго остава въ плитовой гробницѣ, открытой Г. Ашигомъ въ концѣ 1834 г. въ курганѣ близъ Карантинаго шоссе.

Кромѣ этой связки найдена была въ тойже гробницѣ амфора съ крышкою и гирляндю на горлышкѣ, подобная помѣщенной на Р. XLVII. 4. 3.; по удостовѣренію Г. Ашига, въ ней были овечья кости. У Грековъ существовалъ обычай складывать въ гробницахъ съѣстные припасы кѣтѣбы для пира мертвыхъ въ будущей жизни. *«Они безтѣлесны и подобны тѣнѣмъ, разсылающимся какъ легкое облако дыма, когда до нихъ дотрогиваются. Они питаются погребальными возмнѣніями и жертвами, приносимыми на могилахъ, такъ что умершій, не оставившій на землѣ родственника или друга, остается безъ пищи и обреченъ на вѣчный голодъ.»*¹

У ногъ остава была другая амфора съ жолобками по окружности и сходная съ предыдущую видомъ и украшениями. Въ ней были найдены: прекрасный рѣзаной сердолитъ, отдѣланный съ одной стороны въ видѣ камня, съ другой въ видѣ инталя (intaglio) и изображенный на Р. XVI. 11. 12.; три золотыхъ кольца съ сиріенскими гранатами, изъ коихъ одинъ съ гравировкою, (Р. XVII. 2.); небольшая золотая серьга, представляющая Амура, откинувшагося назадъ и подбоченившагося, подобнаго изображенному подл. номеромъ 7. на Р. VII.; золотая булавка съ цѣпочками, одинаковая съ представленною на Р. XXIV. 6. и золотое шило, головка котораго, выдолбленная въ видѣ ложечки, по видимому служила ухверткою. Оно находится въ Эрмитажѣ, гдѣ есть нѣсколько подобныхъ ему туалетныхъ вещей.

Гробница, въ которой найдены были всѣ эти предметы, принадлежать вѣроятно 4-му или 3-му столѣтію до Р. X.

¹ Лудіанъ: О печали.

PLANCHE V.

OBJETS EN OR.

1. Bouquet d'épis. Deux tiers de la grandeur naturelle. Poids 11³/₄ zolotniks.

Ce charmant ornement, dont l'exécution est d'une grande beauté, a été trouvé sur la tête d'un squelette de femme qui reposait dans un tombeau en dalles que Mr. Aschik découvrit, à la fin de 1834, dans un tumulus voisin de la chaussée de la Quarantaine.

Ce tombeau renfermait une amphore à couvercle, le col orné d'une guirlande dorée, semblable à celle de la Pl. XLVIII. 4. 5., contenant, d'après le rapport de Mr. Aschik, des os de mouton. C'était la coutume de déposer dans les sépultures, des provisions, comme pour servir au festin des morts dans l'autre vie. *« Ils n'ont point de corps, ce sont des ombres vaines, qui se dissipent comme une fumée légère, quand on veut les toucher. Ils se nourrissent des libations funèbres et des sacrifices qu'on fait sur les tombeaux; ensorte qu'un mort qui n'a pas laissé sur la terre un parent ou un ami, est réduit à ne point manger et condamné à endurer une faim éternelle¹. »*

Aux pieds du squelette était une seconde amphore, à panse cannelée, semblable à la précédente par sa forme et ses ornements. Elle renfermait la belle cornaline, taillée en camée d'un côté, en intaille de l'autre, figurée Pl. XVI. 11. 12.; trois anneaux d'or, avec grenats syriens, dont l'un gravé Pl. XVII. 2.; une petite boucle d'oreille en or, offrant pour motif la figure cambrée d'un Amour, les mains appuyées sur les hanches, semblable au numéro 7. de la Pl. VII.; une épingle en or, ornée de chaînettes, pareille à celle de la Pl. XXIV. 6., et un poinçon en or dont la tête, creusée comme une petite cuiller, servait évidemment de cure-oreille. Ce petit instrument de toilette est au Musée de l'Ermitage qui en possède plusieurs semblables.

On peut supposer que le tombeau dont il s'agit appartient au quatrième ou au troisième siècle av. J. C.

¹ LUCIEN: Du Deuil.

Expl. des Pl.

2. Обломок лаврового вѣнка. Изображеніе въ $\frac{1}{2}$ настоящей величины.

Вѣнокъ этотъ найденъ Г. Карейшею въ 1840 г. въ пепельной урнѣ, въ курганѣ близъ Карантиннаго шоссе. Курганъ заключалъ въ себѣ черепичную гробницу, а въ урнѣ были, кромѣ вѣнка, еще двѣ серьги изъ крученыхъ золотыхъ нитогъ.

Мы уже говорили (см. Введеніе, стр. LVIII.) объ этихъ гробницахъ, состоявшихъ то изъ восьми, то изъ шестнадцати черепицъ (см. планъ В. 9. 10.) и въ которыхъ находимы были либо пепель, либо оставы.

Обломокъ нашего вѣнка состоитъ изъ свернутого въ трубку и спаяннаго золотого листа, въ который вставлены листья вѣнка. Одинъ листокъ опаленъ огнемъ. (См. сказанное въ семь отношеніи при описаніи предыдущаго рисунка.)

3. Лавровый вѣнокъ. Изображеніе въ $\frac{1}{2}$ настоящей величины. Вѣсъ $37\frac{3}{4}$ золотниковъ.

Онъ также былъ найденъ Г. Карейшею въ 1834 г. въ курганѣ близъ того же шоссе. Въ этомъ курганѣ находилась черепичная же гробница, наполненная землею, сжатыми костями и углемъ, изъ чего видно, что она была устроена на самомъ кострѣ, на которомъ былъ сожженъ покойникъ.

На черепицахъ находилось клеймо, помѣщенное на планѣ В. подъ No. 15. Можно предположить, что на этомъ кострѣ сожжено было два трупа, потому что подлѣ сего вѣнка найденъ еще другой, но неполный, вѣсомъ въ $25\frac{1}{2}$ зол. (No. 31. нашего собранія), который какъ и первый вѣнокъ былъ просто положенъ на мѣстѣ этого костра.

Работа нашего вѣнка No. 3. прелестна. Листья его, сдѣланные изъ матоваго золота, прикрѣплены къ вѣтвѣ иначе, чѣмъ на предыдущихъ вѣнкахъ. Они держатся на длинныхъ стебляхъ, обернутыхъ вокругъ ствола или вѣтви, состоящей изъ золотого листа, свернутого въ трубку и во всю длину спаяннаго.

4. Небольшой погребальный вѣнокъ изъ листьевъ ашума.

По легкости работы этого вѣнка можно заключить, что онъ предназначался только для минутнаго употребленія. Его должно отнести къ вѣнкамъ, приготовлявшимся ко дню похоронъ и служившимъ при *протезѣ* или выставкѣ трупа, о которой было говорено выше.

Въ Эрмитажномъ Музѣе есть весьма значительное число листьевъ ашума, найденныхъ въ пеплѣ костровъ или въ пепельныхъ урнахъ. Листья эти суть безъ сомнѣнія обломки погребальныхъ вѣнковъ, столь часто находимыхъ въ Керченскихъ курганахъ, изъ чего можно съ достовѣрностію заключить о повсемѣстномъ между жителями Пантикапей обычѣ украшать этими вѣнками умершихъ, по крайней мѣрѣ людей достаточныхъ. Иногда листочки эти до того легки, что сдуваются какъ листовое золото, употребляемое нашими позолотчиками. Должно думать, что въ древности какъ и нынѣ похоронныя издержки дѣлались сообразно съ знатностію или средствами умершаго.

Найденъ Г. Ашикомъ въ 1838 году въ плгиговой гробницѣ съ оставомъ женщины, лежавшимъ на постилкѣ изъ морской травы. На головѣ былъ вышеописанный вѣнокъ, на пальцѣ кольцо, Р. XV. 20.

Кромѣ того находились въ гробницѣ: бляхи, служившія украшеніемъ одежды, Р. XXII. 7. 9. и коробка изъ слоновой кости съ крышкою, вѣроятно для румякъ. На крышкѣ вырѣзана голова мужчины въ видѣ карикатуры. (Находится въ Эрмитажѣ.)

2. Couronne de laurier, fragmentée. Deux tiers de la grandeur naturelle.

Cette couronne a été trouvée dans une urne cinéraire que Mr. KAREISCHA découvrit, en 1840, en fouillant un tumulus, voisin de la chaussée de la Quarantaine. Ce tumulus renfermait un tombeau en briques. L'urne contenait en outre deux boucles d'oreilles en fil d'or tordu.

Nous avons parlé dans notre Introduction, page LIX, de cette espèce de tombeau, tantôt de huit briques, tantôt de seize briques (voir le Plan B. 9. 10.), contenant soit des cendres, soit des squelettes.

Cette couronne se compose d'une tige formée d'une bande d'or, roulée et soudée dans sa longueur. Les queues des feuilles y sont implantées. L'une d'elles, à demi fondue, indique l'action du feu (voir ce que nous avons dit à ce sujet dans le texte de la planche précédente).

3. Couronne de laurier. Deux tiers de la grandeur naturelle. Poids 37 $\frac{3}{4}$ zolotniks.

Elle a été trouvée également par Mr. KAREISCHA, en 1834, dans un tumulus, voisin de la chaussée de la Quarantaine, renfermant aussi un tombeau en briques, rempli de terre, d'os brûlés et de charbons, qui avait été élevé par conséquent sur la place même du bûcher qui avait consumé le mort.

Les briques de ce tombeau étaient poinçonnées, et offraient le cartouche No. 13 du Plan B. On peut supposer que cette fois, le même bûcher avait servi aux funérailles de deux personnages; car à côté de cette couronne, il s'en trouvait une seconde, fragmentée, du poids de 25 $\frac{1}{2}$ zolotniks (c'est le No. 31 de la collection du Musée de l'Ermitage), qui était déposée simplement, comme la première, sur la place du bûcher.

La couronne qu'offre le No. 3 de notre planche, est d'une exécution magnifique. Les feuilles, d'un ton mat, ne sont pas disposées comme celles des numéros précédents. Elles sont munies d'une longue queue qui est entortillée autour de la tige ou branche, formée d'une bande d'or, roulée et soudée dans sa longueur.

4. Petite couronne funéraire en feuilles d'ache.

La facture légère de cette couronne indique qu'il s'agit d'un objet qui ne devait servir qu'un moment. C'était une de ces couronnes que l'on confectionnait pour le jour des funérailles, et qui figuraient dans la *prothèse*, ou exposition du mort, dont nous avons parlé plus haut.

Le Musée de l'Ermitage possède un nombre très-considérable de ces feuilles d'ache, trouvées dans les cendres des bûchers, ou dans des urnes cinéraires. Elles sont évidemment les débris de ces couronnes funéraires qui se rencontrent si souvent dans les tumulus des environs de Kertch, qu'on peut en conclure avec certitude que, pour les gens de la classe aisée du moins, l'usage constant des habitants de Panticapée était d'en orner la tête des morts. Quelquefois ces feuilles sont si minces, qu'un souffle suffit pour les faire voler, comme l'or battu dont se servent les doreurs de nos jours. On peut croire que chez les anciens, comme chez nous, la dépense des funérailles se réglait d'après le rang ou la fortune du personnage.

ASCHIK. 1838. Tombeau en dalles, renfermant un squelette de femme, reposant sur une couche d'herbes marines, ayant sur la tête la couronne ci-dessus, et, à un des doigts, l'anneau Pl. XV. 20.

Des plaques pour ornements d'habits Pl. XXII. 7. 9. et une boîte en ivoire, sans doute pour le fard, à couvercle ciselé, offrant une tête d'homme en caricature (elle est à l'Ermitage), se trouvaient en outre dans ce tombeau.

РИСУНОКЪ VI.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ НЕЛАЧИНУ.

а этомъ рисункѣ представлены четыре различнаго рода женскихъ головныхъ повязокъ.

1. Повязка изъ золотого листа, украшенная вдоль верхняго края каймою изъ ововъ, набитыхъ штемпелемъ или выдавленныхъ гладилкомъ. Къ нижнему краю привѣшены на кольцахъ желуди или оливковыя ягоды.

Повязка эта, какъ видно и на рисункѣ, есть только обломокъ и была вѣроятно вдвое длиннѣе; можно догадываться, что она оканчивалась какъ и No. 3. петлями, въ которые продевались либо большія булавки, коими повязка пригальмывалась къ волосамъ, либо лента, завязывавшаяся позади головы. Можно также предположить, что повязка, по легкости ея работы, была подложена для большей крѣпости кожею, обтянутою какою нибудь матеріею.

2. Въ Эрмитажѣ есть еще другая повязка, такая же, какъ изображенная на этомъ рисункѣ подъ симъ номеромъ. Она состоитъ изъ узкой золотой полосы прокатаннаго золота съ продольными жолобками на которой возвышаются, какъ зубцы на грабляхъ, небольшія броши съ кольцами на вершинахъ, украшенными цвѣткомъ мѣлкотиса и на которыхъ висить по желуду. Желуди эти убраны съ большимъ вкусомъ.

Эти двѣ повязки также неполны какъ и первая; на концахъ вѣроятно были кольца, и повязки носились безъ сомнѣнія на лентѣ.

Найдены вмѣстѣ съ серьгами, представляющими Сіренъ, Р. VII. 15. 16. (Смотри описаніе этого рисунка.)

На раскрашенныхъ вазахъ весьма часто встрѣчаются изображенія женскихъ фигуръ съ повязками на головѣ, подобно здѣсь описываемымъ, которыми представляются на головномъ уборѣ въ видѣ лучистой

PLANCHE VI.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

ette planche offre quatre espèces de bandeaux, pour coiffure de femme.

1. Bandeau formé d'une feuille estampée ou repoussée au brunissoir, bordée dans la partie supérieure d'un rang d'oves. Au bord inférieur sont suspendus à des anneaux, des glands ou olives.

Ce bandeau qui est fragmenté, comme le dessin l'indique, avait probablement le double de la longueur qu'il offre, et il est à présumer que les extrémités étaient munies d'anneaux, comme le No. 3., pour y passer un ruban se nouant derrière la tête, ou, peut-être, de grandes épingles qui se fixaient dans les cheveux. On peut encore supposer, vu la mince épaisseur de la feuille d'or, que ce bandeau était posé, pour avoir plus de consistance, sur un morceau de cuir recouvert d'étoffe.

2. Notre Musée possède deux pareils bandeaux, se composant chacun d'une bande laminée et cannelée d'où s'élèvent, comme les dents d'un rateau, de petites broches portant à leur extrémité un anneau, orné d'une fleur de myosotis, auquel est suspendu un gland ornementé avec goût.

Ces bandeaux sont également fragmentés aux extrémités, qui se terminaient probablement aussi par des anneaux, et ils se portaient sans doute sur une bande d'étoffe.

Trouvés avec les pendants d'oreilles à motif de Sirènes, de la Pl. VII. 13. 16. (voir la légende).

Les peintures des vases offrent très-fréquemment le motif No. 2., qui figure comme un diadème radié dans la coiffure des femmes. Nous nous bornerons à une ou deux citations. Sur un vase à inscription,

Expl. des Pl.

диадимы. Мы ограничимся однимъ или двумя примѣрами. На вазѣ съ надписью, опубликованной Миллин-геномъ¹, Сафо изображена съ лучистою повязкой, завязанною лентой позади головы.

На другой вазѣ, также съ надписью, видна на головѣ Гелубы лучистая диадима, которая по видимому утверждена на тесьмѣ, поддерживающей прическу затылка.²

Тотъ же головной уборъ видѣнъ и на Рувеской вазѣ, бывшей прежде въ собраніи Коллера и находящейся теперь въ Берлинскомъ Музѣ, на которой представлена сцена изъ исторіи Ореста. Женщина, представляющая здѣсь Димитру (Цереру), какъ объясняетъ Рауль-Рошеттъ, имѣетъ на головѣ лучистую диадиму или *diadème à aigrettes*.³ На другой вазѣ, названной тѣмъ же археологомъ, изображена подобная же диадима⁴ на головѣ Елены за туалетомъ. На послѣднихъ диадимахъ не видно подвязокъ или желудей, но форма диадимъ все таки таже.

3. Эта повязка составлена изъ двухъ тонкихъ прокатанныхъ листовъ золота, связанныхъ узломъ, украшеннымъ сканною работою и дѣтскими мюзотвса. На каждомъ концѣ повязки находится петля, чрезъ которую, вѣроятно, продѣвался шнурокъ, завязывавшійся сзади. Повязку носили, какъ должно полагать, на верху чела.

На этой повязкѣ изображены по два раза двѣ сцены, изъ коихъ одна представляетъ похищеніе Прозерпины, а другая Цереру, отыскивающую свою любимую дочь.

Первая изъ этихъ двухъ сценъ встрѣчается на многихъ римскихъ барельефахъ изображенною почти такимъ же образомъ, какъ и здѣсь, послѣдней же мы не находимъ на нихъ вовсе, или же она изображена весьма неполно.⁵

Въ первой сценѣ мы видимъ Плутона и Прозерпину на четырехколесной колесницѣ, управляемой небольшою фигурою, которую мы встрѣчаемъ почти всегда въ этомъ изображеніи и на барельефахъ; но назвать ее мы не умѣемъ. Передъ колесницею видны Меркурій и женщина въ надутой какъ парусъ одеждѣ; это Ирида.

Извѣстно, что Прозерпина была похищена въ то время, когда она рвала на лугу дѣтцы вмѣстѣ съ Минервою, Діаной, Венерою, нѣсколькими нимфами и, какъ прибавляетъ Овидій, Сиренами. Позади колесницы видна одна изъ этихъ богинь, а передъ Иридою изображены двѣ нимфы. Сидящую женщину можно бы принять за Цереру, помогающую въ Элевзидѣ на камнѣ *печали* (*ἀγέλαστος*), а двѣ другія фигуры за дочерей Элевзидскаго Царя Келевса, у котораго Церера нашла пристанище. Но какъ всѣ эти три фигуры обращены лицомъ къ Плутому, то съ большою правдоподобностію можно отнести ихъ къ первой сценѣ.

Во второй сценѣ мы видимъ сидящаго на скалѣ Геліоса, къ которому прибѣгаетъ со слезами Церера, дабы спросить вѣзая участь постигла дочь ея, ибо Геката увѣряла, что Солнцу это должно быть извѣстно. Эта знаменитая сцена разсказана Гомеромъ въ гимнѣ его къ Церерѣ:

«Такъ молила Геката. Дочь льновласой Реи (Церера) ничего не отечала, но поспышно отправилась съ нею (Гекатою) держа въ рукахъ горячіе факелы. Они пришли къ

¹ MILLINGEN: *Ann. Uued. Monum. I. Series P. XXXIII*

² GERHARD: *Auserlesene Griechische Vasenbilder. P. CLXXXIX.*

³ RAUL-ROCHETTE: *Monum. inéd. d'antiqu. fig. P. XXXV.*

⁴ RAUL-ROCHETTE: Тамъ же P. XLIX. A.

⁵ VISCONTI: *Musée Pie-Clément. T. V P. V. Саркофагъ.*

publié par MILLINGEN¹, Sapho est représentée avec un bandeau radié, noué derrière la tête par un ruban.

Sur un autre vase à inscriptions, Hécube a un diadème radié, qui paraît fixé sur une bande d'étoffe soutenant le chignon².

La même coiffure se voit sur un vase de Ruvo, de la collection Keller, maintenant au Musée de Berlin, offrant une scène de l'Orestéide. La figure de femme qui représente Déméter (Cérès), suivant RAOUL-ROCHETTE, a un diadème radié ou *diadème à aigrettes*³. Sur un autre vase publié par le même archéologue, Hélène, à sa toilette, a un diadème pareil⁴. Il est vrai que dans les exemples que nous venons de citer, la présence des petites pendeloques ou glands ne se rencontre pas; mais c'est bien le même motif de coiffure.

3. Ce bandeau se compose de deux feuilles minces laminées, réunies par un noeud, orné de filigrane et de fleurs de myosotis. Les deux anneaux qui sont aux extrémités, indiquent la manière dont, au moyen d'un cordon sans doute, on attachait ce bandeau, qui se posait vraisemblablement au haut du front, à la naissance des cheveux.

L'artiste a figuré sur ce bandeau le même sujet, répété deux fois, offrant la double scène de l'enlèvement de Proserpine, et de Cérès à la recherche de sa fille chérie.

La première scène est figurée d'une manière très-semblable, sur une foule de bas-reliefs romains; mais il n'en est pas de même de la seconde qui n'y figure point, ou qui n'y est représentée que d'une manière incomplète.⁵

On voit dans la première Pluton et Proserpine, sur un quadrigé gouverné par une petite figure, qui se retrouve presque toujours sur les bas-reliefs, mais dont le nom ne saurait être déterminé. Le quadrigé est précédé par Mercure et par une femme, dont le vêtement est enflé comme une voile; c'est Iris.

Au moment de son enlèvement, Proserpine cueillait des fleurs dans une prairie, en compagnie de Minerve, de Diane, de Vénus et de plusieurs nymphes; OVIDE ajoute et des Sirènes. Une des déesses se voit derrière le quadrigé; deux nymphes précèdent Iris. On pourrait prendre la figure assise pour Cérès se reposant à Eleusis sur la pierre *triste* (ἀγέλαστος), et les deux autres figures pour celles de deux des filles de Céléus, roi d'Eleusis, qui donna l'hospitalité à la déesse; mais comme toutes les trois ont la tête tournée vers Pluton, il est plus probable qu'elles appartiennent à la première scène.

La seconde scène offre Helios assis sur un rocher, et Cérès qui accourt tout éplorée, pour lui demander des nouvelles de sa fille, Hécate lui ayant dit que le Soleil savait ce qu'elle était devenue. Nous trouvons dans l'hymne d'HOMÈRE à Cérès le récit de cette scène fameuse:

« Ainsi parla Hécate. La fille de Rhéa à la belle chevelure (Cérès) ne répond rien; mais elle part précipitamment avec elle (Hécate), en portant dans ses mains deux flambeaux allumés.

¹ MILLINGEN: *Anc. Uned. Monum.* I. Series. Pl. XXXIII.

² GERHARD: *Auserlesene Griechische Vasenbilder.* Pl. CLXXXIX.

³ RAOUL-ROCHETTE: *Monum. inéd. d'antiqu. fig.* Pl. XXXV.

⁴ RAOUL-ROCHETTE: *Ibid.* Pl. XLIX. A.

⁵ VISCONTI: *Musée Pie-Clément.* To. V. Pl. V. Sarcophage.

Геліосу, охранителю боговъ и людей, остановились передъ конями его и Зевсова дочь, богиня (Церера), обратилась къ нему съ слѣдующими словами: если мнѣ когда либо удавалось смягчить твое сердце или растронуть твою душу или словомъ или дѣломъ, то внемли моей просьбѣ изъ любви къ богинѣ (Прозерпинѣ). Чрезъ неизмѣримое пространство воздуха я слышала пронзительный крикъ родимой дочери моей, нѣжнаго цыпленка, знаменитой по красотѣ, крикъ, какъ будто сдѣламъ ей обиду, но сама я ничего не видѣла: ты же, который лучами все видишь на землѣ и на морѣ сквозь божественный эфиръ, скажи мнѣ навѣрное, любезное дитя мое, не видалъ ли того, кто увлекъ ее противъ воли насильственно далеко отъ меня, изъ боговъ ли кто, либо изъ смертныхъ?»¹

Вверху видна четырехконная колесница Цереры, а на колесницѣ Геката, съ которою она прѣехала къ Геліосу.

Эта сцена, до сего времени еще ни на одномъ памятникѣ не встрѣчавшаяся въ такой полногѣ какъ здѣсь и совершенно согласная съ разсказомъ Гомера, придаетъ нашей повязкѣ большую важность, въ археологическомъ отношеніи.

Найдена Г. Ашикомъ въ 1833 году въ курганѣ близъ дороги на каменоломню, въ гробницѣ изъ плитъ, вмѣщавшей въ себя пепельную урну, въ которой находились: вышесписанная повязка, кольцо Р. XV. 46, двѣ серьги и золотой браслетъ сканной работы.

4. Повязка, которую по небрежной работѣ и малому вѣсу должно отнести къ числу наскоро сдѣланныхъ погребальныхъ украшеній.

На ней изображены четыре Менады. Двѣ ударяютъ въ бубенъ, третья представлена въ сильномъ движеніи и съ тирсомъ въ рукѣ. Четвертая раздѣрываетъ большимъ ножомъ козу: это копія съ знаменитаго произведенія Скопаса, которое весьма часто встрѣчается².

Между Менадами представлены: трепоживши и дельфины³, служащіе эмблемами Аполлону, поклоненію которому тѣсно связано было со служеніемъ Вакха.

Найдена Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ курганѣ близъ Карантинаго шоссе въ плитовой гробницѣ. См. Введеніе стр. LXII.

¹ Гомеръ: Гимнъ IV къ Церерѣ. 59 — 73.

² Zosca: *Li Bassirilievi antichi di Roma*. P. LXXXIII. CVI.

³ О дельфинахъ, какъ эмблемахъ Аполлона, см.: *Étude des monuments céramographiques*. Т. II. P. VI, также: *Micali: Monum. degli antichi popoli italiani*. P. XCIV.

Elles arrivent chez Hélios, le gardien des dieux et des hommes; elles s'arrêtent devant ses chevaux; et la déesse (Cérès) lui parle en ces mots: «Soleil, aie égard à ma prière pour l'amour de la Déesse (Proserpine), si jamais j'ai gagné ton coeur ou ton âme par un mot ou une action. La fille que j'ai enfantée, la douce fleur, distinguée par sa beauté, j'ai entendu son cri aigu par l'immensité des airs, comme si on lui faisait violence; pourtant je ne l'ai pas vu de mes yeux; mais toi qui vois par toute la terre et par la mer, au moyen des rayons de l'éther divin, dis-moi sans faute, mon cher enfant, si tu l'as vu quelque part celui qui l'emporte loin de moi contre son gré et par la force, que ce soit un des dieux ou un des hommes mortels.»¹

En haut se voit le quadriges de Cérès, et sur le quadriges Hécate, avec laquelle elle était arrivée chez Hélios.

Cette dernière scène qui, jusqu'à présent, ne s'est retrouvée, complète comme ici, sur aucun monument, et qui est parfaitement conforme aux vers d'HOMÈRE, donne à notre bandeau un caractère très-important, au point de vue archéologique.

ASCHIK. 1835. Chemin de la Carrière de pierres. Tombeau en dalles, renfermant dans une urne cinéraire ce bandeau, l'anneau Pl. XV. 46., deux boucles d'oreilles, et un bracelet en tresse de fil d'or.

4. Bandeau ayant servi d'ornement funéraire, à en juger par le peu de soin qu'offre son exécution, et la mince épaisseur de l'or dont il se compose.

On y distingue quatre Ménades. Deux frappent le *tympanum*; la troisième se meut avec vivacité en tenant un thyrses; la quatrième découpe, au moyen d'un grand couteau, une chèvre, imitation d'un célèbre ouvrage de Scopas très-souvent répété². Entre les Ménades se voient le trépied et des dauphins,³ emblèmes d'Apollon, dont le culte était étroitement lié avec celui de Bacchus.

ASCHIK. 1835. Chaussée de la Quarantaine. Tombeau en dalles. Voir notre Introduction, page LXIII.

¹ HOM.: Hymne à Cérès v. 59—73.

² ZORCA: *Li Bassirilievi antichi di Roma*. Pl. LXXXIII. CVI.

³ Voyez pour les dauphins, comme emblèmes d'Apollon: *Elite des Monum. céramographiques* To. II. pl. VI. et MICALI: *Monum. degli antichi popoli Italiani* Pl. XCIV.

РИСУНОКЪ VII.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

СЕРЬГИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВЕЛИЧИНУ.

Мы собрали на этомъ листѣ лучшія серьги многочисленнаго собранія ихъ, находящагося въ Эрмитажномъ Музее.

Изящество отдѣлки, разнообразіе изображеній, а въ нѣкоторыхъ серьгахъ значеніе сюжета придаютъ сему собранію особенную занимательность. Это одинъ изъ любопытнѣйшихъ отдѣловъ женскаго туалета въ древности.

Мы такъ часто встречаемъ на древнихъ памятникахъ, особенно же на раскрашенныхъ вазахъ, фигуры женщинъ съ серьгами въ ушахъ, что излишне было бы доказывать здѣсь примѣрами существованіе въ древности обычая носить въ ушахъ серьги, надъ которыми, какъ и нынѣ, упражнялись художники золотого дѣла. Наши мастера найдутъ на этомъ рисункѣ, можетъ быть, болѣе одного образца для подражанія.

Описывая эти украшенія мы ограничимся указаніемъ рода гробницы и мѣстности, гдѣ онѣ были найдены, также года находки и имени того, кто ихъ открылъ.

1. Лыпная головка оброчной работы, вставленная въ обручъ, изъ котораго выходятъ три толстыхъ проволоки, свернутыя въ видѣ веревки; тонкій конецъ ея входитъ въ пасть.

Въ Эрмитажѣ болѣе двадцати подобныхъ серегъ разной величины; онѣ были найдены, болѣею частью по двѣ, въ разныхъ гробницахъ, но преимущественно въ плитовыхъ, вдоль Карантиннаго шоссе, въ Чурубашѣ (см. карту No. 2.) и другихъ мѣстахъ Гг. Ашикомъ и Карейшею съ 1838 по 1842. Двѣ такихъ серьги находились въ урнѣ, изображенной на Р. I.H.

PLANCHE VII.

OBJETS EN OR.

BOUCLES ET PENDANTS D'OREILLES.

GRANDEUR NATURELLE.

Nous avons réuni sur cette planche les plus jolis spécimens de la nombreuse collection de boucles et de pendants d'oreilles du Musée de l'Ermitage.

La variété de leurs motifs, la beauté et le fini de leur exécution, et dans quelques-uns l'importance du sujet, donnent à cette collection un intérêt tout particulier. C'est un des chapitres les plus attrayants de la toilette des dames dans l'antiquité.

Les monuments anciens, mais surtout les vases peints, offrent un si grand nombre de figures de femmes les oreilles ornées de pendants d'oreilles, qu'il serait superflu de faire ici des citations, à l'appui de l'usage dans l'antiquité de cette espèce de bijou, qui devait, comme de nos jours, exercer la verve des artistes. Nos joailliers trouveront peut-être dans cette planche plus d'un motif à reproduire.

Nous nous bornerons en décrivant ces bijoux, à mentionner l'espèce de tombeau et la localité où on les a trouvés, avec l'indication de l'année de la fouille et du nom de l'explorateur.

1. Motif: Tête de lion ciselée, engagée dans une petite gorge ou virole ornementée, d'où sortent trois gros fils tordus, roulés en câble, dont l'extrémité se termine en pointe aboutissant à la gueule du lion qui semble la mordre.

L'Ermitage possède au-delà de vingt anneaux pareils, plus ou moins grands, trouvés, ordinairement par paire, dans différents tombeaux, en dalles principalement, le long de la chaussée de la Quarantaine, à Tchouroubache (voir la carte No. 2.), et ailleurs, par MM. ASCHIK et KAREISCHA, de 1838 à 1842. Deux de ces anneaux étaient dans l'urne de la Pl. LII.

Подобные же находимы были в Греции и Италии. Одна такая серга, найденная в Итали, издана Штакельбергом¹, но она больше изшх и оканчивается на хвостъ змьиною головою, и такимъ образомъ еще оригинальнѣе Панталеонскихъ серегъ¹.

Очевидно, что эти серги или кольца навѣшивались на другое, меньшее кольцо, которое продолжалось въ мочку уха.

2. Мотивъ этой серги одинъ изъ самыхъ любопытныхъ: крылатый пегазъ, привѣшенный къ рѣпкейку сканной работы. Мы не знаемъ другой подобной этой серги. Отдѣлка пегаса превосходна.

Найдена Г. Карейшею въ 1839 г. въ курганѣ близъ Подгорнаго Кордона, въ черепичной гробницѣ вмѣстѣ съ рукою, подобною помѣщенной на Р. XXIV. 3, но которая безъ кольца: бляхою Р. XXIII. 2: нѣсколькими небольшими глиняными вазами и пастовыми шариками мониста.

3. Рыся голова, держащая въ зубахъ жемчужину. Кольцо этой серги изъ крученой проволоки. Два экземпляра.

Найдены Г. Карейшею въ 1847 при раскопкахъ на Сѣвной станціи, гдѣ полагаютъ древнюю Фанагорію (см. карту No. 2.)

Въ нашемъ Музѣй всѣхъ серегъ съ этимъ же мотивомъ пять, но на двухъ голова скорѣе походить на кошачью, чѣмъ на рысю. Три остальныхъ серги найдены Г. Карейшею въ 1842 г. въ Глиннѣ въ непальной урнѣ.

4. Кольцо, сплетенное изъ нѣсколькихъ проволокъ. Найдено Г. Ашикомъ въ 1846 г.

5. Фантастическая голова, кажется собачья, съ рогами диаго козла. Два экземпляра.

Поступили изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

6. Амуръ съ полураспушенными крыльями, въ лѣвой рукѣ держитъ брадатую театральную маску, въ которой какъ будто обращать рѣчь; правую руку раскрылъ и поднимать, какъ дѣлаютъ когда декламируютъ. Художникъ, можетъ быть, хотѣлъ представить *Амура-комедіанта*.

Найденъ Г. Ашикомъ въ 1844—1842 г. въ большомъ курганѣ, въ Аджи-Мушкаѣ.

Онъ находился въ пещѣ кофра вмѣстѣ съ ожерельями (Р. IX. 1. 3. и Р. X. 2. 3.) золотыми масками (Р. XXXII. 2. 5. 6. 8. 9.) и запястьемъ (Р. XIV. 5.).

7. Смятой Амуръ, опрокинувшійся назадъ и подбоченившійся. Мотивъ этотъ можно назвать *издавленными Амурою*.

Въ Эрмитажѣ шесть такихъ серегъ. Одна найдена вмѣстѣ со связкою колосовъ (Р. V. 1.), прочія на землѣ Мирзы Кекувацкаго и въ другихъ мѣстахъ Г. Карейшею и Ашикомъ.

8. Опрокинувшійся назадъ Амуръ держитъ на груди обѣими руками бабочку съ распростертыми крыльями. Художникъ кажется хотѣлъ представить *восхищеннаго Амура*.

Найденъ Г. Ашикомъ въ 1844 г. въ Аджи-Мушкаѣ, въ плитовой гробницѣ, въ которой былъ гробъ съ железнымъ оставомъ; въ ушахъ были эти серги, на шеѣ ожерелье (Р. XXXII. 12.), на головѣ золотой вѣнокъ.

См. описаніе открытія этой гробницы на стр. LXIV. Введенія.

9. 9*. Обѣ эти серги представляютъ Амура обоюполага (Термафродита) съ распушенными крыльями, держащаго въ рукахъ чашу и вазу. Мотивъ этотъ, одинъ изъ любопытнѣйшихъ нашего богатаго собранія, можно бы назвать *Амуромъ-виночерпѣмъ*.

¹ Stäckelberg: Die Gräber der Hellenen. P. LXXIV. 4.

Des anneaux semblables se sont retrouvés en Grèce et en Italie. STACKELBERG en a publié un, découvert à Ithaque, mais de plus grande dimension et dont la queue se termine par une tête de serpent, ce qui est un motif encore plus original¹.

Il est évident que ces anneaux étaient suspendus à un anneau plus petit, qui était passé dans le lobe de l'oreille.

2. Cet anneau, qui est unique, offre un motif du plus haut intérêt: Pégase ailé, d'une très-belle exécution, suspendu à une rosace en filigrane.

Trouvé dans un tombeau en briques, avec un bras pareil, sans l'anneau, à celui de la Pl. XXIV. 3., la plaque Pl. XXIII. 2., quelques petits vases en terre cuite et des perles de collier en pâte. KAREISCHA. 1839 Tumulus près du poste de douane Podgornoï.

3. Tête de lynx, mordant une perle. L'anneau lui-même est en fil tordu. Deux pareils.

KAREISCHA. 1847. Fouille à la station de Sennaia, emplacement présumé de l'ancienne Phanagorie (voir la carte No. 2.).

Notre Musée possède cinq anneaux offrant le même motif, à l'exception que dans deux des trois autres, la tête est plutôt celle d'un chat. Ces derniers ont été trouvés par Mr. KAREISCHA, en 1842, à Glinistsche, dans une urne cinéraire.

4. Tresse de plusieurs fils. ASCHIK. 1846.

5. Tête fantastique de chien, il semble, avec cornes de bouquetin. Deux pareilles. Envoi du Musée de Kertch. 1851.

6. Amour, les ailes mi-éployées, tenant de la gauche un masque barbu de théâtre avec lequel il semble être en conversation, et la droite levée et ouverte, comme s'il déclamaient. L'artiste a peut-être voulu figurer l'*Amour comédien*.

ASCHIK. Hadji-Mouschkai. 1841—1842. Grand tumulus. Trouvé au milieu des cendres d'un bûcher, avec les colliers Pl. IX. 1. 3. Pl. X. 2. 3. les masques d'or Pl. XXXII. 2. 5. 6. 8. 9. et le bracelet Pl. XIV. 5.

7. Figure cambrée d'Amour, riant aux éclats, les mains posées sur les hanches. On pourrait donner à ce motif le nom de l'*Amour moqueur*.

Le Musée possède six anneaux pareils. L'un a été trouvé avec le bouquet d'épis Pl. V. 4.; les autres à Mirza-Kekouvatzkii et ailleurs, par MM. KAREISCHA et ASCHIK.

8. Figure cambrée d'Amour, tenant des deux mains sur sa poitrine, un papillon, les ailes étendues. L'artiste semble avoir voulu figurer l'*Amour en extase*.

ASCHIK. 1841. Hadji-Mouschkai. Tombeau en dalles, renfermant un cercueil avec un squelette de femme ayant aux oreilles ces anneaux, et au cou, le collier Pl. XXXII. 12., avec une couronne d'or sur la tête.

Voir dans notre Introduction, page LXV., le récit de la découverte de ce tombeau.

9. 9.* Amour Hermaphrodite, les ailes éployées, tenant de chaque main, une coupe et un vase; motif que l'on pourrait désigner comme l'*Amour échanton*, et l'un des plus intéressants de notre riche collection.

¹ Die Gräber der Hellenen. Taf. LXXIV. 4.

Expl. des Pl.

Найдены Г. Карейшею въ 1834 году въ плитовой гробницѣ, въ курганѣ близъ Карантиннаго люсеа.

См. на стр. LXIV Введеніи описаніе разрытія этого кургана, замѣчательнаго по найденнымъ въ немъ вещамъ, между коими были: золотая медаль Филиппа II Македонскаго и медаль Царя Есмела.

Изображеніе Амура-Гермафродита намъ извѣстно изъ нѣсколькихъ наметинковъ. Мы находимъ его на рѣзномъ камнѣ Берлинскаго Музея¹. На гермѣ Греева собранія въ Англіи онъ изображенъ крылатымъ², а безъ крыльевъ на мраморномъ гермѣ Британскаго Музея³. На статуи изъ сженой глины, найденной въ гробницѣ въ Нолѣ, онъ также изображенъ безъ крыльевъ⁴, и такимъ же встречаемымъ мы его въ разныхъ мраморныхъ статуяхъ.

На нѣкоторыхъ серьгахъ нашего собранія мы видимъ другія изображенія Амура-виночерія съ длиннымъ ритонномъ въ одной рукѣ и птерою въ другой, Амура-музыканта, играющаго на лирѣ и пр.

10. Женская головка въ стефанѣ⁵; въ ушахъ серьги съ подвѣсками, на шеѣ ожерелье изъ крупныхъ шариковъ. Вѣсъ 4 1/2 золотника.

Найдена Г. Карейшею въ 1839 — 1840 г., въ женской плитовой гробницѣ, въ курганѣ близъ Подгорнаго Кордона (см. карту No. 1.). Вместе съ нею найдены были: четыре золотыхъ бляхи (Р. XXIII. 7.), двѣ мѣдныя вызолоченныя запонки, подобныя помѣщеннымъ на Р. XXXII. 14, пять золотыхъ шариковъ мониста, золотая бляха (Р. XXII. 29.), два запястья изъ бронзы и накладнаго серебра съ львиными головками, бронзовое зеркало, рука изъ слоновой кости, стеклянная статуица и небольшая амфора. (Всѣ эти вещи находятся въ Эрмитажѣ.)

11. 11^a. Подобныя же серьги. На нихъ (каждая вѣсомъ 2 золот.) стефана съ зубчатымъ краемъ, а украшенія состоятъ изъ пальмовыхъ вѣтокъ съ синею фишафтою. Въ ушахъ продѣты кольца съ рѣснками, судя по которымъ видно, что эти украшения въ древности доходили иногда до значительныхъ размѣровъ⁶, что уже извѣстно и по рисункамъ вазъ. Къ ожерелью изъ шариковъ привѣшена голова тельца.

Эти серьги въ серединѣ пусты, и очевидно, что ихъ носили на небольшомъ раскрытомъ кольцѣ, которое продѣвали въ мочку уха. По круглому отверстию на нижней части этихъ серегъ, которое очень ясно особенно на номерѣ 11^a, ихъ съ перваго взгляда можно бы принять за головки большихъ булавокъ для прикалыванія волосъ; но кромѣ рапорта Г. Карейши, на которомъ основано наше повѣзаніе объ ихъ находкѣ, такому предположенію противорѣчить еще и результатъ болѣе точнаго разсмотрѣнія сихъ предметовъ, по которому становится правдоподобнымъ, что упомянутое небольшое

¹ Тонлкен: *Erkl. Verzeichn.* стр. 192. No. 980.

² СЛАВАС: *Mus. de Sculpt.* P. 639. No. 1448. В. Въ объясненіи рисунка онъ неправильно названъ Побѣдою въ видѣ герма.

³ СЛАВАС: *Mus. de Sculpt.* P. 666. No. 1515. В.

⁴ *Archaeologia.* Томъ XXXII. P. 49. и СЛАВАС: *Mus. de Sculpt.* P. 666. F. No. 1554. D. Въ собраніи Маркиза Нортамптона въ Лондонѣ.

⁵ СЛАВАС: *Mus. de Sculpt.* P. 666. No. 1546. D. P. 667. No. 1548. A. B. No. 1549. A.

⁶ См. примѣчаніе въ концѣ страницы 54.

⁷ Овидій упрекалъ римскихъ дамъ въ томъ, что онѣ привѣшивали къ ушамъ двойныя кольца: «*Et quantos operi est aure tulisse duos.*» *Medicam. faciei*, ст. 22.

KAREISCHA. 1834. Tombeau en dalles. Tumulus voisin de la chaussée de la Quarantaine.

Voir dans notre Introduction, page LXV., le récit de l'exploration de ce tombeau, si important par les objets précieux qu'il renfermait, entr'autres la médaille d'or de Philippe II. de Macédoine, et la médaille du roi Eumèle.

L'Amour Hermaphrodite est connu par plusieurs monuments. Il est représenté sur une pierre gravée du Cabinet de Berlin.¹ Il figure avec des ailes dans un hermès en marbre de la collection Grey, en Angleterre², et sans ailes dans un hermès en marbre du Musée Britannique.³ Une statuette en terre cuite, trouvée à Nola dans un tombeau, l'offre sans ailes⁴. Diverses statues en marbre le représentent également sans ailes.⁵

Quelques pendants d'oreilles de notre collection offrent d'autres figures de l'Amour échanton, tenant d'une main un long rhyton et de l'autre une patère; l'Amour musicien jouant de la lyre, etc.

10. Tête de femme, coiffée de la stéphané⁶, les oreilles ornées de pendeloques, et le cou entouré d'un fil de grosses perles. Poids, 1 zolotnik $\frac{1}{6}$.

KAREISCHA. 1839—1840. Tombeau de femme, en dalles. Tumulus près du poste de douane Podgornoï (voir la carte No. 1.). Trouvé avec quatre plaques d'or, Pl. XXIII. 7.; deux agrafes en cuivre doré, semblables à celles de la Pl. XXXII. 14.; cinq perles de collier en or; les plaques d'or Pl. XXII. 29.; deux bracelets de bronze, plaqués d'argent, à tête de lion; un miroir en bronze; une main en ivoire; une figurine en verre et une petite amphore (ces objets sont à l'Ermitage).

11. 11.* Motif pareil. Dans ceux-ci (il y en a deux, pesant chacun 2 zolotniks), la stéphané est à contour échancré, et les ornements se composent de palmettes, enrichies d'émail bleu. Aux oreilles sont passés des anneaux à rosace, qui indiquent que ces bijoux dans l'antiquité avaient quelquefois de grandes dimensions⁷; ce que nous savons par les peintures des vases. Au collier de perles est fixée une tête de taureau.

Ces bijoux sont creux, et il est évident qu'ils se portaient suspendus à un petit anneau brisé, passé dans le lobe de l'oreille. On pourrait supposer d'abord par le trou rond pratiqué en dessous (il est bien visible dans 11.*), que ces bijoux étaient des têtes de grosses épingles à cheveux; mais, outre le rapport de Mr. KAREISCHA, dont nous donnons l'extrait, un examen attentif repousse cette idée; et il est très-probable que cette petite ouverture ronde servait à introduire un menu morceau de linge, peut-être d'éponge, imbibé

¹ TORLKEN: Erkl. Verzeichn. p. 192. No. 980.

² CLARAC: Mus. de Sculpt. pl. 639. No. 1448. B. La légende de la planche l'indique à tort, comme une Victoire en hermès.

³ CLARAC: Mus. de Sculpt. pl. 666. No. 1515. B.

⁴ Archaeologia. Vol. XXXII. pl. 49. et CLARAC: Mus. de Sculpt. pl. 666. F. No. 1554. D. Collection du marquis Northampton, à Londres.

⁵ CLARAC: Mus. de Sculpt. pl. 666. No. 1546. D. pl. 667. No. 1548. A. B. No. 1549. A.

⁶ Voyez la note au bas de la page 55.

⁷ OVIDE reprochait aux dames romaines de charger leurs oreilles de doubles anneaux: «*Et quantos oneri est aure tulisse duos*». Medicam. faciei. v. 22.

круглое отверстие служило для вкладываия въ эти серьги маленькаго лоскутка матеріи, а можетъ быть губки, напитанной духами; доказательствомъ подобной изысканности женскаго убора у древнихъ служатъ небольшіи капсулы для духовъ, привѣшавшіяся къ ожерельямъ. См. Р. XXXII. 12.

Въ Августѣ 1853 года поступила въ Эрмитажъ, по распоряженію Графа Л. А. Неровскаго, еще одна женская головка, совершенно сходная съ этими двумя, найденная въ окрестности Теодосіи и на которой эмаль еще лучше сохранилась, чѣмъ на нашихъ головкахъ.

Всѣ эти прелестныя изображенія украшены *стефанею* или Юноновымъ головнымъ уборомъ¹, встречаемымъ и на другихъ божествахъ² и столь сходнымъ съ нашимъ русскимъ кокошникомъ, что нельзя не признать чисто греческаго происхожденія сего послѣдняго.

Наши двѣ женскія головки найдены были Г. Карейшею въ 1840—41 г. въ Аджи-Мушкѣ, въ плитовой гробницѣ, въ которой былъ деревянный гробъ. На женскомъ оставѣ, поковшемся въ этомъ гробѣ, на шеѣ находились эти серьги, да кромѣ того золотое ожерелье изъ шариковъ, а на пальцахъ два перстня, одинъ гравированный съ изображеніемъ рыбъ и птицъ, другой съ драгоценнымъ камнемъ. Подлѣ головы были три алебастровыхъ сосуда. Въ гробѣ находились: патера съ крышкою, на которой представлена брачная сцена, ваза съ изображеніемъ боя Амазонокъ и Грековъ и бронзовое зеркало въ деревянномъ ящикѣ. (Вещи сіи, кромѣ ящика, оказавшагося развалившимся, находятся въ Эрмитажѣ).

12. Амуръ, лѣвую руку подыять, въ правой держать что-то; можетъ быть раскрытую раковину. Два экземпляра.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ плитовой гробницѣ, въ которой находилась женскій оставъ. См. Введеніе стр. LXII.

13. Амуръ-виночерпій. Овъ покрытъ легкою мантиєю; въ правой руцѣ держитъ разливаемый сосудъ, въ лѣвой, вѣроятно, была чаша. Два экземпляра.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ плитовой гробницѣ, гдѣ былъ оставъ женщины. См. Введеніе стр. LXII.

14. Серьга эта найдена въ Оливѣ и поднесена Генераломъ Титовымъ Императору Александру I въ 1802 году.

15. 46. Найдены Г. Карейшею въ 1840 г. въ Аджи-Мушкѣ. Гробница была наполнена пепломъ и слѣдовательно сооружена на самомъ мѣстѣ костра. Тутъ же находились ожерелья (Р. IX. 2. и Р. XXIII. 4.), записки (Р. XIV. 4.), повязки (Р. VI. 1. 2.), нѣсколько шариковъ мониста, черепки раскрашенныхъ вазъ и оленья головы (Р. XXXII. 11.).

¹ Стефана есть та дѣвица, о которой говорить Атеней, называя ее Юноновымъ головнымъ уборомъ: «*На статуѣ Геры (Юноны) была золотая стефана.*» Атеней: V. 201. — Евстацій, греческій грамматикъ 12-го столѣтія, упоминаая о *сфендонѣ* (пращѣ), говоритъ, что этотъ головной уборъ былъ широкъ на серединѣ лба, а къ бокамъ суживался и вѣлъ, такимъ образомъ, видъ пращи. Eustathius ad Dionys. Perieget.: 7. Висковти видятъ на головѣ Юноны именно этотъ уборъ. Visconti: Musée Pie-Cléin. T. I. P. 2.; Милленъ же, конечно слѣдуя Евстацію, назвалъ его сфендономъ. Однако слова Атенея такъ положительны, что головной уборъ Юноны нынѣ всѣми признано называть *стефанею*.

² Напр. на Церерѣ, статуѣ, находящейся во дворцѣ Рондзинни. Guattani: Monum. ant. ined. a. 1788. Giugno, P. II. На Діанѣ, въ Луврскомъ Музѣ. Салаас: Mus. de Sculpt. T. III. P. 284. No. 4202. На Венерѣ, въ барельефѣ на вандеябрѣ. Mus. Pie-Cléin. T. IV. P. 8. На Минерѣ безъ плеча. Musée Chiaramonti. T. I. P. 14.

de parfum; raffinement de toilette démontré par l'existence des capsules à parfum pour collier, comme celle de la Pl. XXXII. 12.

Mr. le Comte PEROFFSKY a enrichi l'Ermitage, en août 1853, d'une tête de femme, toute pareille aux deux nôtres, et dont l'émail est encore mieux conservé. Elle a été trouvée dans une fouille exécutée aux environs de Théodosie.

Ces charmantes têtes de femmes offrent la *stéphané* ou coiffure du Junon¹, qui figure aussi sur d'autres têtes de divinités², coiffure qui est tellement pareille au *pavoinik* (павойникъ) de nos jeunes filles en Russie, qu'il faut reconnaître dans celui-ci une origine toute grecque, conservée sans altération.

Nos deux pendants d'oreilles ont été trouvés par Mr. KAREISCHA, en 1840—1841, à Hadji-Mouschkai, dans un tombeau en dalles renfermant un cercueil en bois avec le squelette d'une femme ayant au cou ces bijoux, un collier en perles d'or; aux doigts deux anneaux en or, l'un gravé avec des figures de poissons et d'oiseaux, l'autre avec une pierre fine. Près de la tête étaient trois *alabastrum*. Hors du cercueil, se trouvaient une patère à couvercle, offrant les apprêts d'une noce, un vase sur lequel est figuré un combat d'Amazones contre des Grecs, et un miroir en bronze, renfermé dans une cassette en bois (ces objets, sauf la cassette qui était toute détruite, sont à l'Ermitage).

12. Amour, la main gauche levée faisant un geste, la droite tenant un objet indistinct, peut-être une coquille à deux valves.

Ces anneaux (il y en a deux pareils) ont été trouvés en 1838, par Mr. ASCHK, dans un tombeau en dalles renfermant un squelette de femme. Voir notre Introduction, page LXIII.

13. Deux pareils. L'Amour échanton, couvert d'une légère draperie, tenant de la droite un vase dont il s'apprête à verser dans la coupe qui était vraisemblablement dans sa main gauche.

ASCHK. 1838. Tombeau en dalles. Squelette de femme. Voir notre Introduction, page LXIII.

14. Trouvé à Olbia. Don du général TITOFF à l'EMPEREUR ALEXANDRE, en 1802.

15. 16. KAREISCHA. 1840. Hadji-Mouschkai. Tombeau rempli de cendres et de charbon, élevé par conséquent sur l'emplacement du bûcher même. Trouvés avec les colliers Pl. IX. 2. et Pl. XXIII. 4., les bracelets Pl. XIV. 1., les bandeaux Pl. VI. 1. 2., quelques perles de collier et fragments de vases peints, et les têtes de corb de la Pl. XXXII. 11.

¹ La *Stéphané* est le diadème dont parle ATHÉNÉE en l'appelant la coiffure de Junon: «La statue de Héra avait une *stéphané* en or» ATHÉN. V. 201. — EUSTATHE, grammairien grec du 12me siècle, parle (EUSTAT. ad Dionys. Perieget. 7.), sous le nom de *Sphendoné* (fronde) d'une coiffure qui s'élargissait au milieu du front et se rétrécissait sur les côtés, offrant ainsi la figure d'une fronde. VISCONTI (Musée Pie-Clém. To. I. pl. 2.) croit reconnaître cette sorte de diadème sur la tête de Junon; et c'est d'après EUSTATHE, sans doute, que MILLIN appelle de ce nom la coiffure de cette déesse. Mais le passage décisif d'ATHÉNÉE a fait adopter *stéphané*.

² Cérès; statue du palais Rondinini. GUATTANI: Monum. ant. ined. n. 1788. Giugno, Tav. II. Diane du Louvre. CLARAC: Mus. de Sculpt. To. III. pl. 284. No. 1202. Vénus, sur le bas-relief d'un candélabre. Mus. Pie-Clém. To. IV. pl. 8. Minerve sans casque. Musée Chiaramonti. To I. pl. 14.

Эти три серьги, соединеніе которых въ одномъ собраніи должно почесть счастливымъ случаемъ, представляютъ Сиренъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ сюжетовъ греческой мифологіи, которыя изображены также какъ и на прекрасномъ рѣзномъ камнѣ Берлинскаго Кабинета¹. Первая Сирена должна была держать въ поднятой рукѣ свѣтъ, который, вѣроятно, состоятъ изъ свернутого листочка золота и, безъ сомнѣнія, вышаль; вторая, вторившая пѣнію первой Сирены игрою на лирѣ, изображена съ этимъ инструментомъ въ рукѣ; третья Сирена представлена съ двойною свѣрзью. Эта послѣдняя Сирена немного попорчена; свѣрзь раздѣлена на двѣ согнутыя части, долженствовавшія быть прямыми, какъ онѣ изображены на предельной сергѣ, найденной въ Италіи и на гравированномъ сердоликѣ, открытомъ въ Афинахъ и на которомъ представлены два Амюра и двѣ Сирены.²

17. Индобразный пузырь сканной работы съ просвѣтами, привѣшенный къ небольшой бляхѣ въ видѣ мидаля съ сердоликомъ по серединѣ; отъ пузыря висятъ вѣтъ три цѣпочки.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1844 г., въ окрестности завода Князя Херхеулидзева.

18. Пляшущій Амуръ, привѣшенный къ сергѣ; бывшіе на ней два камня выпали.

Доставленъ изъ Керчи въ 1851 г.

19. Амфора, украшенная сканною работою, привѣшена къ кольцу съ гранатомъ. Два экземпляра.

Доставлены изъ Керчи въ 1851 г.

20. Бляха въ видѣ листочка со слѣдами эмали; украшена нешлифованнымъ изумрудомъ. На концахъ подвѣсокъ, сдѣланныхъ изъ золотыхъ нитокъ, вѣроятно были жемчужины.

Найдена Г. Карейшею въ 1840—41 г., въ плитовой гробницѣ близъ Подгорнаго Кордона.

21. Палица; узлы на ней украшены эмалью, а на толстомъ концѣ драгоценный камень.

Найдена въ Фанагоріи и прислана отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852.

22. Термъ Пріапа. Два экземпляра.

Найдены тамъ же; присланы отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852 г.

23. Палица, устьянная узлами и привѣшенная къ кольцу, украшенному свирѣскимъ гранатомъ. Камень этотъ выгравенъ въ видѣ трилистника, а можетъ быть фаллуса. Если перевернуть кольцо, то сходство камня съ символомъ производительной силы будетъ еще разительнѣе.

Найдена Г. Карейшею въ 1840—41 г. въ Аджимутшѣ.

24. Гроздь винограда, привѣшенный къ кольцу, съ бляхою сканной работы; въ серединѣ бляхи побѣлшая бирюза.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1844 г., въ окрестности завода Князя Херхеулидзева.

¹ Токлен: *Erkl. Verzeichn.* стр. 304. No. 384.

² Stackelberg: *Die Graeber der Hellenen.* P. LXXIII. 3., LXXIV. 7. 8. 9.

Ces trois pendants d'oreilles, réunis par une heureuse coïncidence, offrent un des sujets les plus fameux de la mythologie, les Sirènes, telles qu'elles sont figurées sur la belle pierre gravée du Cabinet de Berlin¹. La première, comme l'indique la pose des bras, devait tenir un rouleau de musique, qui se composait probablement d'une légère feuille d'or qui sera tombée; la seconde qui accompagnait le chant de la première aux sons de la lyre, a en mains cet instrument; la troisième tient la double flûte. Cette dernière figure a un peu souffert; l'instrument est divisé en deux parties qui sont courbes au lieu d'être droites, comme elles sont figurées dans le charmant pendant d'oreille trouvé à Ithaque, et sur une cornaline gravée trouvée à Athènes, offrant deux Amours et deux Sirènes.²

17. Bulle ovoïde en filigrane, à jour, avec trois chaînettes, suspendue à une plaque de la forme d'une petite amande, ornée dans le milieu d'une cornaline.

ASCHIK. 1841. Environs de la fabrique du Prince Kherkheoulidseff.

18. Amour dansant, suspendu à une pendeloque à double chaton dont les pierres sont tombées.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

19. Amphore, avec ornements en filigrane, suspendue à un chaton, orné d'un grenat. Deux pareils.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

20. Plaque en forme de feuille, avec traces d'émail, ornée d'une émeraude en cabochon. Des perles, probablement, étaient suspendues aux extrémités des pendeloques en fil d'or de ce bijou.

KAREISCHA. 1840—41. Tombeau en dalles. Près du poste de douane Podgornoï.

21. Massue, semée de noeuds émaillés, et ornée au gros bout d'un chaton en pierre fine.

Envoi du COMTE PEROFFSKY. 1852. Phanagorie.

22. Terme de Priape. Deux pareils.

Envoi du COMTE PEROFFSKY. 1852. Phanagorie.

23. Massue, semée de noeuds, suspendue à un anneau orné d'un grenat syrien, taillé de manière à offrir, il semble, une feuille de trèfle ou, peut-être, ce qui serait une idée aussi originale que significative, un phallus. Si l'on renverse l'anneau, la pierre offre mieux la figure de ce symbole de la force génératrice.

KAREISCHA. 1840—41. Hadji-Mouschkai.

24. Grappe de raisins, suspendue à un anneau orné d'une plaque en filigrane, ayant au centre une turquoise éteinte.

ASCHIK. 1841. Environs de la fabrique du Prince Kherkheoulidseff.

¹ TOBLERN: Erkl. Verzeichn. p. 301. No. 381.

² STACKELBERG: Die Graeber der Hellenen. Taf. LXXIII. 3. LXXIV. 7. 8. 9.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩЬ.

2. Ожерелье или шейное кольцо Царицы, похороненной въ Куль-Обской гробницѣ. Вѣсъ 1 ф. 15 золотниковъ.

Шейная кольца, которая мы видим и на лицах нашей прекрасной вазы съ барельефами (Р. XLVI) не составляют собственно украшения, употреблявшегося Греками и мы не находим их ни на одном классическом памятнике въ тѣсномъ смыслѣ сего слова, но они довольно часто встрѣчаются между

PLANCHE VIII.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

1. Collier du roi du Koul-Oba. Poids, 1 livre 12 zolotniks.

Le collier ou anneau de cou (στρεπτός περιαιχένιος) est formé de six gros fils d'or, au titre de 84 (21 karats), tordus en câble, terminé à chaque bout par une longue virole ou gorge, enrichie d'oves et de palmettes du meilleur style, en fil d'or appliqué par la soudure avec une grande délicatesse, et émaillés en bleu foncé et bleu turquoise. Deux figures de cavaliers en or mat sont engagées dans cette gorge, et forment un motif d'ornementation très-original et d'une grande importance archéologique, en ce qu'elles offrent évidemment la figure et le costume des Scythes, que l'exécution parfaite des détails nous permet d'étudier comme dans une miniature. Ces cavaliers, à visage caucasien, à barbe et cheveux longs, avec tunique courte, à manches longues, serrée à la taille, à pantalons larges, sont d'une telle vérité d'expression et de pose, qu'ils font l'effet de portraits exécutés d'après nature. On distingue la manière dont les cheveux sont retenus par une lanière, pour ne point flotter, ainsi que les portent nos paysans russes, et il n'est pas jusqu'au harnais du cheval, qui se compose d'un simple bridon, tel que de nos jours on l'emploie encore dans le sud de la Russie, qui ne soit étudié et rendu avec vérité. Ces figures d'hommes offrent évidemment le même type que celles du vase en electrum de la Pl. XXXIII., et constituent, il nous semble, les deux monuments les plus authentiques de la physionomie de ce peuple fameux, au milieu duquel les colons de l'Ionie étaient venus s'établir.

2. Collier de la reine du Koul-Oba. Poids, 1 livre 15 zolotniks.

L'or en est plus fin, étant au titre de 90 ($23\frac{1}{2}$ karats); mais l'exécution en est moins fine que celle du numéro précédent. C'est proprement un lingot forgé, avec des ornements simulant des anneaux juxtaposés. Les lions ciselés, d'un ton mat, sont d'une grande puissance de pose et de vérité.

Ces colliers, que l'on retrouve au cou des personnages de notre beau vase en relief Pl. XLVI., ne sont pas un ornement d'usage grec, et on ne les voit sur aucun monument classique, proprement dit; mais on les rencontre assez souvent parmi les ornements qui ont appartenu aux peuples dits barbares. Il sera

украшениями, принадлежавшими такъ называемымъ варварскимъ народамъ. Любопытно будетъ сравнить эти ожерелья съ скандинавскими изъ чьльнаго золота, находящимися въ Копенгагенѣ и состоящими изъ двухъ сегментовъ круга, тонкихъ съ одного конца, гдѣ они согнуты въ кольца, которыя, входя одно въ другое, образуютъ какъ бы шарниръ; другой же конецъ толще и ниспадаетъ на грудь. Одно изъ сихъ ожерельевъ, находившееся въ 1843 году въ тамошней Кунст-Камерѣ, совершенно гладко, и вѣситъ не менѣе 10 фунтовъ¹; другое, покрытое грубыми украшениями, выбитыми штемпелемъ, хранится въ Скандинавскомъ Музее и найдено въ Гесселатеръ-Гардъ въ Фюнѣ въ 1843 году.

Такое сравненіе потому особенно поучительно, что мы видимъ въ скандинавскихъ ожерельяхъ украшения первобытнаго народа, знающаго цѣну золота, но еще не умѣющаго придавать украшениямъ своимъ вождей художественное достоинство; наши же ожерелья принадлежатъ также первобытному народу, но такому, въ который проникло греческое искусство, сдѣлавшее изъ этого украшения художественное произведение въ полномъ смыслѣ слова, такъ что мы видимъ въ немъ, какъ и во многихъ другихъ памятникахъ Босфора, оба элемента греко-скифскаго образованія, напоминающіе то смѣшеніе двухъ народовъ, о которомъ мы говорили въ Введеніи.

Умѣние греческихъ художниковъ, жившихъ въ Пантикапеи, пользоваться для своихъ произведеній мотивами, которые представляли имъ туземные обычаи, еще яснѣе видно на лавиной головѣ, изображенной на нашемъ рисункѣ подъ No. 3. Она литая, изъ золота 90 пробы (22 $\frac{1}{2}$ карата), съ гривою, сдѣланною подъ мѣть и насажена на золотомъ цилиндрѣ, украшенномъ синєю и голубою финифтью. Находящаяся въ нашемъ Музее дѣтъ такіа, совершенно одинаковыя, головы, вѣроятно, суть наконечники бронзоваго ожерелья, найденнаго въ нижней гробницѣ Куль-Обскаго кургана (см. Планъ А. фиг. а. а. и донесеніе Дюбрюкса въ Введеніи).

Это ожерелье или кольцо должно было имѣть діаметръ большій противъ кольца помѣщеннаго подъ No. 1. и, вѣроятно, было покрыто листомъ золота, дабы скрыть мѣдный прутъ, изъ котораго оно состояло и отъ котораго еще осталась часть въ шеѣ изображенной здѣсь лавиной головы. Видъ этого украшения возбудилъ любопытствіе хищниковъ, вошедшихъ въ Куль-Обскій склепъ ночью 24 Сентября (см. разсказъ Дюбрюкса), которые вѣроятно сочили кольцо золотымъ. Желая завладѣть имъ, они разрубили его на части.

Графъ А. Уваровъ издалъ золотое ожерелье, сходное съ нашими и найденное въ Ольвіѣ².

Кромѣ этихъ двухъ лавиныхъ головъ есть въ Эрмитажѣ три другія подобнаго же стила, и изъ нихъ двѣ головы кажется также были наконечниками шейнаго кольца. Овѣ найдены Г. Ашикомъ въ 1842 году, въ плитовой гробницѣ близъ Павловской батареи. Въ этой гробницѣ находился деревянный гробъ съ женскимъ оставомъ, у котораго было на правой рукѣ золотое кольцо (Р. XVIII. 9.), близъ лѣвой сердоликъ (Р. XVI. 10.), у шеи цилиндръ (Р. XVI. 5. 6.), а у ногъ деревянная коробка для румянъ, деревянная гребенка, бронзовое зеркало и алебастровый сосудъ.

¹ См. относительно формы этихъ колецъ Nordisk Tidskrift for Oldkyndighed. Andet Bind, forste Hæfte. Kiøbenhavn. 1833. Р. I. фиг. 7. и 9.

² Исслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи. Р. XIV. 2.

intéressant de les comparer avec les colliers scandinaves en or massif qui sont à Copenhague, mais qui se composent de deux segments de cercle, s'engageant l'un dans l'autre et formant comme une charnière, plus minces à une de leurs extrémités recourbées en anneaux, plus épais à l'autre extrémité qui est libre et retombe sur la poitrine. L'un de ces colliers, qui était en 1843 à la Kunst-Kammer, est tout uni, et son poids énorme n'est pas moindre de dix livres¹; l'autre, couvert d'ornements barbares frappés avec un poinçon, est au Musée Scandinave; il a été trouvé, en 1843, à Hesselager-Gaard en Fionie.

Cette comparaison est d'autant plus intéressante, que dans ces derniers colliers on voit l'ornement d'un peuple primitif qui connaît la valeur de l'or, mais non l'expression de l'art dans les bijoux qu'il confectionne pour ses chefs; tandis que dans nos colliers, c'est le même ornement d'un peuple également primitif, mais au milieu duquel l'art grec s'introduit et trouve le moyen, avec la délicatesse exquise de son goût, de faire de cet ornement un objet d'art dans toute la beauté de cette expression, et de réunir les deux éléments que la civilisation gréco-scythe offre dans beaucoup de monuments des rives du Bosphore, qui rappellent ce mélange des deux nations dont nous avons parlé dans notre Introduction.

Le parti que les artistes grecs qui vivaient à Panticapée, ont su tirer des motifs que leur offraient les usages du pays où ils se trouvaient, est encore plus frappant dans la tête de lion qui forme le No. 3. de notre planche. Cette belle tête, dont le museau est en or moulu et la crinière en or mat, au titre de 90 (22½ karats), est engagée dans une virole ou gorge, enrichie d'ornements en émail bleu foncé et bleu turquoise. Notre Musée en possède deux pareilles qui formaient évidemment les extrémités d'un autre collier, qui était vraisemblablement celui que l'on trouva dans la sépulture cachée du tombeau du Koul-Oba (voir le Plan A. fig. a. a. et le récit de DUBRUX dans notre Introduction.).

Ce streptos devait être d'un diamètre beaucoup plus considérable que le No. 1.; et il est à croire que l'anneau était recouvert d'une feuille d'or qui dissimulait le lingot de cuivre qui en formait le noyau, et dont un morceau est bien visible dans l'intérieur de la gorge de notre tête. La cupidité des spoliateurs de la nuit du 24 septembre (voir le récit de DUBRUX) s'alluma à la vue de ce bijou, qu'ils durent croire en or massif. Pressés de le partager, on conçoit comment ils le divisèrent à coups de hache.

Mr. le COMTE A. OUVAROFF a publié un collier en or, analogue aux nôtres, qui a été trouvé à Olbia.²

Indépendamment de ces deux têtes de lion, notre Musée en possède trois autres d'un style pareil, dont deux paraissent avoir formé également les extrémités d'un collier. Elles ont été trouvées, en 1842, par Mr. ASCHIK, près de la batterie Pavlovskaja, dans un tombeau en dalles qui renfermait un cercueil en bois, avec un squelette de femme, ayant à la main droite, l'anneau en or Pl. XVIII. 9., près de la main gauche la cornaline Pl. XVI. 10., près du cou le cylindre Pl. XVI. 5. 6. Aux pieds du squelette se trouvaient une boîte en bois pour le fard, un peigne en bois, un miroir en bronze et un *alabastrum*.

¹ Voyez pour la forme de ces colliers l'ouvrage: Nordisk Tidskrift for Oldkyndighed. Andet Bind, forste Hefte. Kiøbenhavn. 1833. Tab. I. fig. 7. 9. •

² Исследования о древностях Южной Россіи. Pl. XIV. 2.

РИСУНОКЪ IX.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВЕЛИЧИНУ.

ОЖЕРЕЛЬЯ.

Въ Эрмитажномъ собраніи древностей болѣе сорока ожерельевъ, изъ которыхъ мы выбрали для этого и трехъ слѣдующихъ рисунковъ самыя замѣчательныя по виду и работѣ.

Употребленіе ожерельевъ, какъ части женскаго и дѣтскаго туалета довольно извѣстно изъ указаній древнихъ писателей, изъ статуй и изъ множества изображеній, находимыхъ на раскрашенныхъ вазахъ, изъ которыхъ достаточно будетъ указать на наши вазы: Р. XLIX, LII, LIII, LIV, LVII.

На ожерельяхъ, находимыхъ въ Пантикапейскихъ курганахъ весьма часто находятся привѣски въ видѣ животныхъ, разныхъ орудій, и т. п., называвшіяся у римлянъ *crepundia* (дѣтскія игрушки, отъ *crepando*, потому что, будучи сдѣланы обыкновенно изъ металла они производили шумъ); а у Грековъ *παίγνια*.

Крепундіи давались дѣтямъ на девятый день послѣ рожденія (*nundinae*), который былъ днемъ очищенія (*lustratio*), и Римляне въ этотъ день призывали на помощь особую богиню Нундину (*Nundina*).

«*Est etiam Nundina Romanorum dea, a nono die nascentium nuncupata, qui lustricus dicitur; est autem dies lustricus, quo infantes lustrantur et nomen accipiunt, sed is maribus nomen, octavus est feminis*»¹.

¹ Macrobian.: Saturn. I. 16. 36.

PLANCHE IX.

OBJETS EN OR.

GRANDIUM NATURALIS.

COLLIERS.

La collection de l'Ermitage possède au-delà de quarante colliers, parmi lesquels nous avons choisi ceux dont les motifs offrent le plus d'originalité, pour les reproduire dans cette planche et dans les trois suivantes.

L'usage des colliers, comme ornements de femmes et d'enfants, est bien connu par les passages des auteurs classiques, par les statues antiques, et par une foule de sujets qu'offrent les vases peints, à commencer par les nôtres Pl. XLIX. LII. LIII. LIV. LVII.

Les colliers trouvés dans les tumulus de Panticapée sont fréquemment ornés de pendeloques offrant des figures d'animaux, d'instruments, etc., que les Romains nommaient *crepundia* (jouets d'enfants, *a crepando*, parce qu'elles claquaient, étant ordinairement en métal), et les Grecs *παργύα*.

Ces *crepundia* se donnaient aux enfants le neuvième jour de leur naissance (*nundinae*) qui était celui de la *lustratio* ou purification; et les Romains avaient une déesse sous le nom de *Nundina* qu'ils invoquaient le jour en question.

«*Est etiam Nundina Romanorum dea, a nono die nascentium nuncupata, qui lustricus dicitur; est autem dies lustricus, quo infantes lustrantur et nomen accipiunt; sed is maribus nonus, octavus est feminis.*»¹

¹ MACROB.: Saturn. I. 16. 36.

Expl. des Pl.

Основываясь на показаніи Цицерона¹ познать должно, что эти игрушки, нашедшиеся вѣроятно на шею дѣтямъ, служили въ тому, чтобы можно было узнавать дѣтей въ случаѣ потери или похищенія, и что по сей причинѣ игрушки эти назывались у Грековъ *υμερόματα*.

Платье два раза упоминаетъ о кренуціяхъ, определяя ихъ видъ и значеніе; а извѣстно, что у этого писателя часто встрѣчаются намеки на греческіе нравы.

*«Non meministi me auream ad te afferre natali die
Lunulam atque anellum aureolum in digitum?»²*

Въ этомъ двустишіи говорится о вещицѣ въ видѣ полулуннаго и о небольшомъ золотомъ колѣцѣ, которое было надѣто на палецъ ребенка.

Въ нижеслѣдующей сценѣ между женщиною Палестрою, старикомъ Демономъ и рыбакомъ Гриномъ говорится о кренуціяхъ, состоявшихъ изъ небольшой золотой шпиги (*ensiculus*), съ именемъ отца ребенка, небольшой сѣкеры (*securicula*), съ именемъ матери, серебрянаго серпа (*sicilicula*), двухъ ручьевъ плуга (*maniculae*), сунороки (*sucula*), поросята (*porculi*) и золотого пузыря (*bullae aureae*).

*«Pal. Ensicula 'st aureolus primum literatus. Daem. Dicedum:
In eo ensiculo literarum quid est? Pal. Mei nomen patris.
Post, altrinsecus est securicula ancipies, item aurea
Literata: ibi matris nomen in securicula 'st. —
Pal. Post, est sicilicula argenteola et duae connexae maniculae, et
Sucula. Griр. Quin tu i dierecta, cum sucula et cum porculis.
Pal. Et bulla aurea est, pater quam dedi mihi natali die.»³*

По множеству этихъ кренуцій, находящихся въ Эрмитажномъ Музѣ и найденныхъ либо въ видѣ подвѣсокъ въ ожерельяхъ, какъ тѣ, о которыхъ говорено будетъ при описаніи рисунка XI. 1, либо отдѣльно, и между ними нѣсколько мелкихъ вещей, подобныхъ упоминаемымъ Плавтомъ, заключить должно, что обычай дарить ими дѣтей былъ общій въ древней Пантикапей.

Такъ какъ многіе изъ сихъ ожерельевъ были найдены въ женскихъ гробницахъ, то должно полагать, что греческіе дамы тщательно берегли эти подарки, въ дѣтствѣ полученные, какъ памятники счастливаго возраста.

Не то-ли же самое мы видимъ и у насъ? Золотыя изображенія на браслетахъ нашихъ молодыхъ дѣвцъ и молодыхъ дамъ не суть-ли памятники древности, дошедшіе до насъ чрезъ многіе вѣка, какъ воспоминаніе объ этомъ отдаленномъ времени?

Что касается до богатства ожерельевъ въ древности, то мы имѣемъ о семъ многія свидѣтельства классическихъ писателей. Лудантъ и Овидій упрекали древнихъ женщинъ въ излишней роскоши какъ ожерельевъ, такъ и прочихъ уборовъ.

«Что я скажу о ихъ раззорительной роскоши, о драгоцѣнныхъ камняхъ, носимыхъ ими въ ушахъ и стоящихъ нѣсколькихъ талантовъ; объ этихъ золотыхъ змѣяхъ,

¹ Цицеро: Brut. 91.

² ПЛАУТ: Epid. V. 1. ст. 33 34.

³ ПЛАУТ: Rud. IV. 4. ст. 112 — 127.

Il paraîtrait par un passage de Ciceron¹, que ces bijoux que l'on suspendait probablement au cou des enfants, servaient à les faire reconnaître dans le cas où ces enfants se seraient perdus ou auraient été enlevés; et que pour cette raison on les aurait appelés chez les Grecs γυναικίσματα.

Ces *crepundia* sont mentionnées avec leur indication et leur signification dans deux passages de PLAUTE qui, comme nous le savons, fait souvent allusion aux usages grecs.

*«Non meministi me auream ad te afferre natati die
Lunulam atque anellum aureolum in digitum?»²*

Il s'agit ici d'un petit objet, en forme de croissant, et d'un petit anneau d'or qu'on a mis au doigt de l'enfant.

Dans le passage suivant, qui est une scène entre une femme nommée Palaestra, un vieillard, Daemones, et un pêcheur, Gripus, ces *crepundia* offrent une petite épée (ensiculus) d'or, sur laquelle le nom du père de l'enfant est gravé, une petite hache (securicula) sur laquelle est le nom de la mère, une faucille (sicilicula) en argent, deux petits manches de charrue (maniculæ), une petite truie (sucula), de petits pores (porcoli) et une bulle d'or (bulla aurea).

«Pal. Ensiculi'st aureolus primum literatus. Daem. Dicedum:

In eo ensiculo literarum quid est? Pal. Mei nomen patris.

Post, altrinsecus est securicula ancipès, item aurea

Literata: ibi matris nomen in securicula 'st. —

Pal. Post, est sicilicula argenteola et duæ connexæ maniculæ, et

Sucula. Grip. Quin tu i directæ, cum sucula et cum porculis.

Pal. Et bulla aurea est, pater quam dedit mihi natati die.»³

La collection de l'Ermitage offre un si grand nombre de ces *crepundia*, servant de pendeloques à des colliers, comme celles que nous mentionnons Pl. XI. 1, ou trouvées isolément et parmi lesquelles sont plusieurs de ces petits objets dont parle PLAUTE, qu'il faut en conclure que l'usage en question était très-répandu à Panticapée.

Il est à croire, attendu que plusieurs de ces colliers se sont trouvés dans des tombeaux de femmes, que ces dons offerts dans l'âge de l'enfance, étaient conservés avec soin par les personnages qui les avaient reçus, comme de chers souvenirs d'une époque heureuse.

N'en est-il pas de même chez nous? Ces petites figures d'or dont les jeunes filles et les jeunes femmes de nos jours ornent leurs bracelets, ne sont-elles pas un souvenir de l'antiquité arrivé jusqu'à nous à travers les âges, comme tant d'autres souvenirs de cette époque reculée?

Quant à la richesse des colliers que les femmes portaient, les auteurs anciens nous offrent maintes citations. LUCIEN et OVIDE reprochaient aux femmes le luxe qu'elles y apportaient, ainsi que dans leurs autres bijoux:

«Que dirai-je de leur luxe ruineux, de ces pierres précieuses qui pendent à leurs oreilles, et valent plusieurs talents; de ces serpents d'or roulés autour de leurs poignets et de leurs bras?....

¹ CICERO: Brut. 91.

² PLAUT.: Epid. V. 1. v. 33. 34.

³ PLAUT.: Rud. IV. 4. v. 112—127.

обвернутых около рук? ... Голова их утолщена индийскими драгоценными камнями, а чело блестит тысячею алмазов. Ожерелья немощной цны украшают их шею, а золото попирается ногами».¹

«Conspiciam gemmis vultis habere manum:

Induitis collo lapides Oriente paratos.»²

1. Плоская тесьма въ 6 рядовъ, сплетенная изъ золотыхъ нитокъ; внизу рядъ цѣпковъ мѣшотиса съ подвѣсками въ видѣ овсяныхъ зеренъ (многихъ нѣтъ). На концахъ тесьмы львиныя головы, вставленныя въ обручъ съ пальметами удивительно изъжной снѣжной работы; все это изъ матоваго золота.

Въ Пантикапейскихъ курганахъ найдено довольно много ожерельевъ, подобныхъ этому. То, которое было на женскомъ оставѣ въ Куль-Обской гробницѣ, сдѣлано такимъ же образомъ, за исключеніемъ застѣжки на концахъ, которая просто изъ золотыхъ нитокъ. Кромѣ того у насъ есть еще четыре подобныхъ ожерелья. Небольшія привѣски весьма красятъ ожерелье, которое въ цѣломъ столь же пріятно для глазъ, какъ и легко³. Мы находимъ подобныя ему ожерелья съ привѣсками на нѣкоторыхъ нашихъ статуйкахъ изъ сѣеной глинѣ, напримѣръ на Венерѣ (Р. LXXVII. 8), а также на одной опубликованной Штангельбергомъ статуи.⁴

Ожерелье это найдено вмѣстѣ съ изображеннымъ на этомъ же рисункѣ подл. No. 3.

2. Плоская тесьма, сплетенная изъ золотыхъ нитокъ въ 6 же рядовъ.

Фермуаръ этого ожерелья состоитъ изъ узла и двухъ цѣпковъ, съ украшеніями удивительно изъжной снѣжной работы; все изъ матоваго золота.

Найдено вмѣстѣ съ серьгами Р. VII. 15 и 16. См. описаніе этого рисунка.

3. Это ожерелье, можетъ быть,⁵ должно назвать замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ ожерельевъ нашего собранія, по особенноти вида и вкусу отдѣлки. Оно сдѣлано изъ матоваго золота и состоитъ изъ шнура съ 18 цилиндрами и двумя украшеніями, представляющими Медузину голову по серединѣ узла, сдѣланнаго изъ двухъ тесьмъ съ львиными головками на концахъ, держащими въ лапы по кольцу, къ которому привѣшены на цѣпочкѣ золотыя пузыри. Подвѣски этого ожерелья, числомъ пять, состоятъ изъ скорчившагося Пана, играющаго на свирѣли, льва, зайца, голубя и наконецъ середня подвѣски состоитъ изъ гребня, страннаго украшенія, но часто встрѣчающагося на Пантикапейскихъ ожерельяхъ. Всѣ эти украшения, особенно Медузины головы, изящнаго стиля.

Ожерелье это нѣсколько попорчено огнемъ, истребившимъ одну изъ львиныхъ головъ, нѣсколько цѣпочекъ и пузырей. Последнихъ должно было быть 24; по сохранившимся вполне можно дать себѣ отчетъ о видѣ, какой должно было представлять это ожерелье въ цѣломъ его составѣ.

Найдено вмѣстѣ съ ожерельемъ No. 1. этого рисунка и серьгами Р. VII. 6. См. описаніе этого рисунка.

¹ Лестия: Amores.

² Ovid.: Medicam. faciei. ст. 20. 21. См. примѣч. къ Р. VII. 41. 44.

³ См. въ Museo Borbonico II. Р. XIV. почти подобное же ожерелье.

⁴ STACKELBERG: Die Gräber der Hellenen. P. LVIII.

Une couronne de pierreries des Indes ceint leur tête, et leur front lui étoilé de mille diamants. Des colliers d'un prix immense descendent de leur col; l'or est condamné à ramper sous leurs pieds....¹

«Conspiciam gemmis vultis habere manum:

Induitis collo lapides Oriente paratos.²»

1. Tresse plate en fil d'or, à six rangs, l'inférieur bordé de fleurs de myosotis, à chacune desquelles est suspendue une petite pendeloque en forme de grain d'avoine (plusieurs sont tombées); se terminant à chaque bout par une tête de lion, travaillée au repoussé, engagée dans une gorge ornée de palmettes en filigrane, d'une délicatesse infinie d'exécution; le tout d'un ton mat.

Ce motif de collier s'est assez fréquemment retrouvé dans les tumulus de Panticapée. Le collier de la reine du Koul-Oba est de facture pareille, sauf les extrémités ou agrafes qui sont simplement ornementées en filigrane. Notre Musée en possède quatre autres presque semblables. Les petites pendeloques sont d'un charmant effet, et l'ensemble du bijou est aussi attrayant que léger³. Quelques-unes de nos figurines en terre cuite, la Vénus de notre Pl. LXXII. 8. par exemple, ainsi qu'une figurine publiée par STACKELBERG⁴, portent de ces colliers en pendeloques.

Trouvé avec le No. 3 de cette planche.

2. Tresse plate en fil d'or, à six rangs.

Le fermoir se compose d'un noeud et de deux agrafes, avec ornements en filigrane, d'une exquise délicatesse; le tout d'un ton mat.

Trouvé avec les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 15. 16. (voir la légende.).

3. Celui de tous nos colliers qui réunit peut-être le plus d'originalité et de goût. Il est en or mat, et se compose d'un cordon formé de dix-huit cylindres, avec deux très-riches ornements, qui offrent une tête de Méduse, placée au milieu d'un noeud, composé de deux boucles ou liens, se terminant par des têtes de lion, tenant dans la gueule un anneau auquel sont suspendues des chaînettes soutenant des bulles d'or. Les cinq pendeloques qui achèvent l'ornementation de ce collier, offrent la figure accroupie du dieu Pan, jouant de la syrinx; un lion, un lièvre, un pigeon; au milieu, enfin, la figure d'un peigne, ornement bizarre qui se retrouve fréquemment dans les colliers de Panticapée. Le style de tous ces ornements, particulièrement des têtes de Méduse, est d'une grande beauté.

Ce collier a un peu souffert de l'action du feu, qui a fait disparaître une des têtes de lion, et plusieurs chaînettes et bulles. Ces dernières devaient se trouver au nombre de vingt-quatre; celles qui restent donnent parfaitement l'idée de l'ensemble que devait offrir ce magnifique bijou.

Trouvé avec le collier No. 1. de cette planche et les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 6.

Voir la légende.

¹ LUCIEN: Les Amours.

² OVID.: Medicam. faciei. v. 20. 21. (voyez la note à Pl. VII. 11. 11. a.).

³ Voyez dans le Museo Borbonico II. Tav. XIV. un collier à peu près pareil.

⁴ STACKELBERG: Die Gräber der Hellenen. Taf. LVIII.

РИСУНОКЪ Х.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ОЖЕРЕЛЬЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩІЮ ВѢДАНІЮ.

Щѣпочка, изображенная подъ No. 1. состоитъ изъ небольшихъ литыхъ золотыхъ цилиндровъ, перемежающихся съ сердликовыми, и приѣзана къ ногамъ двухъ Амуровъ. Фермуаръ къ ней изъ матоваго золота, въ видѣ узла, устьяннаго цвѣточками и съ свѣтлымъ сердликомъ по срединѣ.

2. Плоская тесьма изъ пяти цѣпочекъ, сдѣланныхъ изъ колецъ, въ видѣ петель.

Фермуаръ въ видѣ большаго узла, на которомъ слюшныя части состоятъ изъ сердляковъ въ зубчатыхъ оправкахъ. Онъ украшенъ выющимися змѣйками.

Къ ожерелью привѣшаны на цѣпочкахъ золотые и сердликовые шарикъ, изъ которыхъ нѣкоторые отпали.

Ожерелье это сильно пострадало отъ огня, особенно на правой сторонѣ, гдѣ недостаетъ сердлика, а оправка его вполнину сплавлена. Отдѣла золота матовая.

Найдено въ пещѣ костра вмѣстѣ съ ожерельями No. 1 и No. 3 предыдущаго рисунка, и серьгами No. 6. Р. VII. (См. описаніе этого послѣдняго рисунка.)

Въ сочиненіи Штагельберга есть рисунокъ ожерелья, найденнаго въ Итагѣ и весьма схожаго съ нашимъ¹.

3. Двойная цѣпочка изъ колецъ въ видѣ петель, украшенная бляшкою изъ гравированнаго вглубь сирийскаго граната съ груднымъ изображеніемъ женщины съ покрытою головою, обращенной влево. Фермуаръ въ видѣ овцы съ намордникомъ, шерсть которой сдѣлана изъ небольшихъ колецъ сканной работы. Подвѣски изъ изумруда, аквамарина и бирюзы (два камня выпали). Золото отдѣлаю подъ мать.

Найдена вмѣстѣ съ погребальною повязкою Р. III. 5.

¹ STACKELBERG: Die Graeber der Hellenen. P. LXXIII. 4.

PLANCHE X.

OBJETS EN OR.

COLLIERS.

GRANDFON. NATURELLE.

Le No. 1. se compose d'une chaîne de petits cylindres, alternativement en or moulu et en cornaline, fixée aux pieds de deux Amours; et d'un fermoir, d'un ton mat, formé d'un noeud, semé de petits fleurons, et orné au centre d'une cornaline claire.

2. Tresse plate, formée de cinq chaînettes d'anneaux en mailles.

Le fermoir forme un grand noeud, dont les parties pleines se composent de cornalines serties dans des bordures dentelées. Ce fermoir est semé de serpents qui se replient. Les pendeloques à chaînettes se terminent par des bulles d'or et de cornaline, dont quelques-unes sont tombées.

L'action du feu est très-visible dans ce collier, au côté droit surtout du fermoir, où manque la cornaline dont la monture est à moitié détruite. Le ton de l'or est mat.

Trouvé avec les colliers No. 1. 3. de la Pl. IX. et les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 6., au milieu des cendres d'un bûcher. Voir la légende de cette dernière planche.

STACKELBERG a publié le dessin d'un collier, trouvé à Ithaque, dont le motif offre beaucoup d'analogie avec le nôtre.¹

3. Chaîne double d'anneaux en mailles, ornée d'une plaque avec intaille, en grenat syrien, offrant le buste à gauche d'une femme, la tête voilée. Le fermoir a pour motif la figure bizarre d'un mouton muselé dont la toison est formée de petits anneaux de filigrane. Les pendeloques ont des chatons d'émeraudes, d'aigues-marines et de turquoises (deux des pierres sont tombées). Le ton de l'or est mat.

Trouvé avec le bandeau funéraire Pl. III. 5.

¹ STACKELBERG: Die Gräber der Hellenen. Taf. LXXIII, 1.

РИСУНОКЪ XI.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ОЖЕРЕЛЬЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛИЧИНУ.

Ожерелье No. 1. совершенно особеннаго устройства, и состоитъ изъ цѣпочки, составленной изъ колецъ въ видѣ пчелъ. Къ этой цѣпочкѣ прицѣплены цѣлныя міозотиса, отъ которыхъ висятъ внизъ, на шнурахъ сванной работы, попеременно: пузырки и различныя подвѣски, а именно: гребень, раковинка, голубь, дельфинъ и стручокъ гороха. Ожерелье это сильно попорчено огнемъ, а потому недостаетъ нѣкоторыхъ подвѣсокъ; но можно пополнить этотъ недостатокъ имѣющимися въ Эрмитажѣ отдѣльными подвѣсками отъ другихъ ожерельевъ, представляющими фигуры лебедя и иныхъ птицъ, двойную сѣкуру, личинки и пр.

Найдено съ другими вещами въ пепельной урнѣ плитовой гробницы, изображенной на планѣ С. 5. (См. описаніе плана и Введеніе стр. LXII.)

2. Цѣпочка изъ цилиндровъ матоваго золота, перемежающихся съ сердоликовыми и калцедоновыми.

Фермуаръ представляетъ двѣ львіныя головы съ рогами, вставленныя въ обручъ, украшенный калцедономъ.

Подобнаго рода ожерелья часто находимы были въ Пантйанпейскихъ курганахъ, и въ нашемъ собраніи есть нѣсколько ожерельевъ, почти одинаковыхъ съ описаннымъ здѣсь.

Найдена Г. Ашикомъ въ 1835 г. въ Глинницѣ, въ каменной гробницѣ, въ которой было еще нѣсколько другихъ вещей: кольцо съ гранатомъ, булавка, бляхи отъ одежды и серьги съ львиными головами.

PLANCHE XI.

OBJETS EN OR.

COLLIERS.

GRANDEUR NATURELLE.

Il y a une grande originalité dans le No. 1. qui se compose d'une chaînette d'anneaux en mailles, à laquelle sont suspendues, à des fleurs de myosotis émaillées en bleu, de petites tresses en fil d'or, terminées alternativement par des bulles et par des pendeloques, dont les motifs sont variés avec beaucoup de caprice. On y distingue la figure d'un peigne, d'un pétiole, d'un pigeon, d'un dauphin, d'une cosse de pois. Le bijou ayant souffert de l'action du feu, plusieurs pendeloques manquent; mais on peut se représenter quels en étaient les motifs par un certain nombre de pendeloques isolées, débris d'autres colliers qui se trouvent à l'Ermitage, qui offrent des figures de cygne et autres oiseaux, de hache à deux tranchants (bipenne), des masques, etc.

Trouvé avec d'autres bijoux, dans l'urne cinéraire du tombeau en dalles dont le plan C. 5. offre le dessin (voir la légende de ce plan et notre Introduction, page LXIII.).

2. Chaînette, formée de cylindres, alternativement en or mat et en cornaline ou calcédoine.

Le fermoir se compose de têtes de lion, armées de cornes, engagées dans une gorge dont le corps est en calcédoine.

Ce motif de collier s'est retrouvé fréquemment dans les tumulus de Panticapée, et notre collection en compte plusieurs à peu près parçils.

ASCHM. 1835. Glinistsche. Tombeau en pierres, renfermant encore quelques autres objets en or, comme bague ornée d'un grenat, épingle, plaques d'ornements d'habits, boucles d'oreilles à tête de lion.

3. 6. Ожерелье въ видѣ шейнаго кольца (*отрѣзокъ перемѣнливый*) изъ матоваго золота.

Найдено Г. Карейшею въ 1847 г. въ курганѣ близъ Сѣнной станицы; въ немъ находилась гробница, по видимому дѣтская, въ которой найдены еще другой стрептосъ, также золотой, но прозе этого.

4. Фермуаръ ожерелья изъ цѣпочки, подобнаго помѣщенному на семь рисункѣ подлѣ No. 7.

Фермуаръ этотъ состоитъ изъ лѣвняной головки съ рогами, между коими выдается впередъ рождѣ пера или султана. На нѣкоторыхъ другихъ ожерельяхъ это перо больше и похоже на перо древняго племени

Ожерелье это найдено Г. Ашикомъ въ 1838 г., въ гробницѣ близъ Карантиннаго шоссе, въ которой былъ жемчужный оставъ съ вѣнкомъ на головѣ. См. Введеніе стр. LXII

5. Часть ожерелья, состоящаго изъ 19 трубокъ, въ видѣ наизянныхъ на нитку колецъ, перемежающихся съ шариками, украшенными жолобками, въ видѣ дынь.

Найдено Г. Карейшею въ 1834 г. въ курганѣ близъ Еникале.

7. Цѣпочка изъ колецъ въ видѣ петель, съ рогами лѣвняными головками по концамъ, вставленными въ обручи. Украшенія сихъ послѣднихъ выпали.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1835 г. въ Буатанакѣ, въ платовой гробницѣ, въ пепельной урнѣ, помѣщенной на рис. LVI. 1.

3. 6. Collier en anneau (στρεπτός περιαχένιος) en or mal.

KARRISCHA. 1847. Tumulus, voisin de la station de Sennaia, renfermant, à ce qu'il paraissait, un tombeau d'enfant où l'on trouva en outre un second streptos en or, mais plus simple.

4. Fermoir d'un collier en chaînette, semblable au No. 7. de cette planche.

La tête de lion est armée de cornes ayant au milieu une aigrette formant saillie, comme un éperon. Dans quelques autres colliers, cette aigrette est plus développée et ressemble à celle d'un casque antique.

ASCHIK. 1838. Chaussée de la Quarantaine. Tombeau en dalles renfermant un squelette de femme ayant une couronne d'or sur la tête. Voir notre Introduction, page LXIII.

5. Partie d'un collier, formé de dix-neuf tubes cylindriques annelés, figurant un cordon, séparés par des perles à côtes, comme dans un melon.

KARRISCHA. 1834. Tumulus près de Ienikalé.

7. Chaînette d'anneaux en mailles, avec têtes de lion armées de cornes, engagées dans une gorge dont les détails sont fragmentés.

ASCHIK. 1835. Boulganak. Tombeau en dalles contenant l'urne cinéraire Pl. LVI. 1. qui renfermait ce collier,

РИСУНОКЪ XII.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ОЖЕРЕЛЬЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛИЧИНУ.

ельзя не удивляться совершенно своеобразной формѣ ожерелья, представляемаго на этомъ рисункѣ подъ No. 1. Оно нѣсколько изомово и состоитъ изъ узловъ, работанныхъ подъ нить въ видѣ какой либо матеріи. Между семи узлами находятся бляхи, украшенныя двумя цѣпками мѣзотиса и женскою маскою.

Подъ No. 2. показанъ порядокъ, въ какомъ эти узлы и бляхи должны были находиться на ожерельѣ и составить цѣлое самаго пріятнаго вида. Нитки, на которыя нанизаны эти украшения, продѣты сквозъ небольшія золотыя трубки въ видѣ шнура, что ясно видно на фиг. No. 1.

Доставлено изъ Керченскаго Музея.

3. Это одно изъ лучшихъ ожерельевъ нашего собранія. Оно сдѣлано изъ матоваго золота и состоитъ изъ нанизанныхъ на золотую нитку палиндровъ съ просвѣтами и съ 9-тью подвѣсками, представляющими воробья, лежащаго телца, голубя, двѣ раковины, лежащаго льва, утку, гребень и гороховый стручокъ.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ гробницѣ близъ Карантиннаго шоссе, въ которой былъ женскій оставъ съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. См. Введеніе, стр. LXII.

4. Часть ожерелья, состоящаго изъ тридцати трехъ пузырей матоваго золота.

Пузыри эти совершенно пусты и трехъ родовъ: гладкіе, составленные изъ двухъ выбывшихъ полушарій, вмѣстѣ спаянныхъ; два другіе, продолговатыя, представляютъ самое точное сходство съ бутылочною тыквою;¹ остальные украшены сканною работою.

Ожерелье сіе доставлено изъ Керченскаго Музея.

¹ *Lagenaria vulgaris*, видъ *s. clavata*. Сѣдѣніе сіе доставлено Г. Академикомъ К. А. Майеромъ.

PLANCHE XII.

OBJETS EN OR.

COLLIERS.

CH. ANDRÉON. NATURELLE

n ne peut qu'admirer l'originalité du collier No. 1. qui est un peu fragmenté, et qui se compose de noeuds, d'un ton mat, simulant une étoffe nouée; et de plaques, ornées de deux fleurs de myosotis et d'un masque de femme.

Le No. 2. indique la façon dont ces plaques et ces noeuds se trouvaient disposés, de manière à offrir un ensemble des plus gracieux. Les fils qui retenaient ces ornements, passaient dans de petits tuyaux cylindriques en or, simulant un cordon, bien visibles dans le No. 1.

Envoi du Musée de Kertch.

3. Un des plus beaux colliers de notre collection. Il est en or mat, et se compose d'un fil de cylindres à jour, auquel sont suspendues neuf pendeloques offrant pour motifs un moineau, un taureau accroupi, un pigeon, des pétoncles, un lion, un canard, un peigne, une cosse de pois.

ASCHIK. 1838. Chemin de la Quarantaine. Tombeau en dalles, renfermant un squelette de femme ayant une couronne d'or sur la tête. Voir notre Introduction, page LXIII.

4. Parties d'un collier, se composant de trente-trois bulles en or mat.

Ces bulles, toutes creuses, sont de trois espèces. Celles qui sont unies sont formées de deux demi-sphères, embouties au marteau, puis soudées; les deux oblongues offrent une ressemblance parfaite avec le fruit nommé vulgairement gourde-trompette, gourde-massue¹; les plus ornées sont délicatement travaillées à jour, en filigrane.

Envoi du Musée de Kertch.

¹ *Lagenaria vulgaris*, variété *s. clavata*. Note de Mr. l'académicien Ch. A. MEXER

РИСУНОКЪ XII.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛИЧИНУ.

а этомъ дополнительномъ рисункѣ, который мы еще успѣли включить въ нашъ Атласъ, представляются читателю нѣкоторые драгоценныя и прелестныя памятники изъ числа найденныхъ при раскопкахъ, произведенныхъ въ концѣ 1853 года на мѣстѣ древней Оеодосіи.

Первая мысль этихъ раскопокъ принадлежитъ Его Сіятельству Графу Л. А. Пировскому, и суда по результатамъ, вышѣ уже полученнымъ, онѣ будутъ началомъ новаго періода разысканій на Таврическомъ полуостровѣ.

Найденныя предѣтъ въ 1853 же г. въ окрестности Оеодосіи: серьга, совершенно сходная съ изображенною на рис. VII. 11. 11^a. и три маски Пана (Р. XXII. 26.) уже заставляли ожидать многого. Раскопки, произведенныя въ последнее время въ курганахъ, находящихся у самаго нынѣшняго города Оеодосіи, кажется явно указываютъ на то, что именно здѣсь находился древній городъ; великолѣпныя вещи, тутъ найденныя и ниже нами описываемыя, послужатъ тому предварительнымъ доказательствомъ, пока находка медалей или другихъ памятниковъ съ надписями не отниметъ всякое объ этомъ сомнѣніе.

Мы находимъ въ сочиненіяхъ древнихъ писателей такія описанія произведеній искусства, которыя нельзя было не принимать за гиперболы. Такъ Плиніи, упоминая о Теодорѣ Самосскомъ¹, говоритъ, что онъ изобразилъ себя самаго въ статуѣ, державшей въ лѣвой рукѣ тремя пальцами столь малую

¹ По удовольствію Плинія (гл. VII. гл. 56.) Теодоръ Самосскій изобрѣлъ уroveň, наугольтникъ, токарный станокъ и ключъ. Геродотъ (гл. III. гл. 41.) и Павзаній (гл. VIII. гл. 14. и гл. X. гл. 38.) также упоминаютъ объ этомъ художникѣ, который, по словамъ ихъ, жилъ въ 7-мъ столѣтіи до Р. X.; но въ это отдаленное время нельзя предположить такихъ изобрѣтеній.

PLANCHE XII^a.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

Nous sommes encore à temps d'intercaler dans notre atlas cette planche supplémentaire. Elle offre à nos lecteurs quelques-uns des admirables monuments que les fouilles exécutées à la fin de 1853, sur le sol de l'ancienne Théodosie, ont mis au jour.

C'est à Mr. le COMTE PEROFFSKY que l'on est redevable de l'initiative de ces recherches qui, à en juger par ce premier résultat, seraient le point de départ d'une ère nouvelle dans les fouilles de la Tauride.

Le pendant d'oreille, tout semblable à celui de la Pl. VII. 11. 11^a, et les trois masques de Pan, Pl. XXII. 26. trouvés dans les environs de Théodosie, en 1853, étaient déjà un indice significatif qui promettait. Les fouilles qui viennent d'être exécutées dans les tumulus qui sont aux portes de la ville actuelle, semblent bien démontrer que ce n'est pas ailleurs qu'il faut chercher l'emplacement de la ville antique; et les objets précieux que nous allons décrire en sont de bien magnifiques preuves, en attendant que de nouvelles découvertes mettent au jour des médailles ou des inscriptions, qui lèvent tous les doutes qui pourraient rester à ce sujet.

Les auteurs anciens mentionnent des monuments de l'art qui, à en juger par leur description, paraissent être une hyperbole. Ainsi PLINIE parlant de Theodorus de Samos¹, dit que cet artiste avait fait

¹ Theodorus de Samos, au dire de PLINIE (Liv. VII. 56.), aurait inventé le niveau, l'équerre, le tour et la clé. HÉRODOTE (Liv. III. 41.) et PAUSANIAS (Liv. VIII. 14. et X. 38.) mentionnent cet artiste qui aurait vécu, à ce qu'il paraît, dans le septième siècle av. J. C., époque trop reculée pour admettre de pareils ouvrages.

четырехконную колесницу, что и колесница эта и возница ее совершенно прикрывались крыломъ мухи, имъ же сдѣланной.¹

Нынѣ не довѣряютъ точности этого описанія и полагаютъ, что Плиніи болѣе правдливъ, говоря слѣдующее о Мирмекидѣ и Каликратѣ, которые отличались изображеніемъ самыхъ мелкихъ и почти ускользающихъ отъ взора животныхъ и вещей:

*«Callicrates ex ebore formicas et alia tam parva fecit animalia, ut partes earum a caeteris cerni non possent. Myrmecides quidem in eo genere inclauit, a quo quadrigam ex eadem materia, quam musca integeret alis, fabricatam, et navem, quam apicula pennae absconderet.»*²

Разсматривая частности золотыхъ вещей, изображенныхъ на этомъ рисункѣ, убѣждаемся, что Плиніи говорилъ безъ всякой гиперболы, потому что только въ увеличительное стекло можно разсмотрѣть фигуры на этихъ вещахъ.

1. 2. Ожерелье.

Ожерелье это состоитъ изъ круглой цѣпочки, сплетенной изъ золотыхъ нитокъ; на концахъ застежки въ видѣ львиныхъ головъ, вставленныхъ въ обручи, украшенные сканною работою; къ нему принадлежитъ подвеска No. 2. въ видѣ женскаго сфинкса, сидящаго на украшенномъ сканною же работою подножій. На головѣ сфинкса большая стѣпаная съ филиграновыми пальметами.

3. Ожерелье (на рисункѣ изображена только часть его).

Это ожерелье состоитъ изъ двадцати крупныхъ шариковъ (для симетріи должно было быть 21, но одинъ шарикъ вѣроятно затерялся), составленныхъ каждый изъ двухъ полукруглыхъ половинокъ, вѣсть сплоченныхъ и спаянныхъ, съ украшеніями въ видѣ спиралей самой мелкой сканной работы и двадцати шести мелкихъ перлъ (ихъ вѣроятно было 30), въ видѣ дынь съ возвышенными полосками; между каждыми двумя перлами, но подвѣскѣ, совершенно сходной стѣпью и работою съ подвесками медальоновъ, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ (см. Р. XIX. 1.).

На концахъ ожерелья находятся застежки, украшенные сканною работою.

4. Ожерелье.

Это ожерелье состоитъ изъ плоской плетеной тесьмы изъ золотыхъ нитокъ, въ восемь рядовъ. На концахъ ожерелья застежки, приделанныя къ пластинкѣ, украшенной пальметами сканной работы и каймою изъ фигуръ въ видѣ язычковъ.

Край нижняго ряда тесьмы устьяны цвѣтками міозотиса, расположенными по два вѣсть, и перемежающимися съ изображеніями передней части грифа; къ каждому грифу привѣшено изображеніе столь маленькое, что простыми глазами его почти нельзя разглядѣть, но которое, если разсматривать его въ увеличительное стекло, кажется, представляетъ типъ знаменитаго изображенія Эфесской Діаны, но безъ рукъ. На фигурѣ 4* представлено, втрое больше противу настоящей величины, два такіе цвѣтка міозотиса съ грифомъ между ними и привѣшено къ нему фигурою Діаны. На ожерельѣ всего пятьдесятъ четыре цвѣтка міозотиса и пятьдесятъ два грифа (вмѣсто 53-хъ, изъ коихъ одинъ вѣроятно отломился) съ такимъ же числомъ подвесокъ.

¹ Плиніи. Книга XXXIV. гл. 49.

² Плиніи кн. VII. гл. 21. По показанію Элана (Резн. Ист. I. 47.) Мирмекидъ былъ изъ Милета. Когда онъ жилъ неизвѣстно, но какъ объ немъ уже говоритъ Варронъ (кн. VI. De Ling. lat.), то онъ долженъ былъ жить ранѣе 2-го столѣтія. Эланъ равноизрно говоритъ о Каликратѣ (Резн. Ист. I. 47.); но и объ немъ неизвѣстно когда онъ жилъ.

sa propre statue, tenant avec trois doigts de la main gauche un quadriga si petit, que l'aile d'une mouche qu'il avait fabriquée en même temps, pouvait recouvrir et le char et le cocher.¹

Mais l'exactitude de ce passage est contestée; et on croit que PLINÉ s'est trompé et est plus dans le vrai, en disant de Myrmicides et de Callicrates, qui excellaient dans l'exécution de figures d'animaux et d'objets dont la ténuité échappait, pour ainsi dire, à la vue:

«Callicrates ex ebore formicas et alia tam parva fecit animalia, ut partes earum a caeteris cerni non possent. Myrmecides quidem in eo genere inclaruit, a quo quadrigam ex eadem materia, quam musca integeret alis, fabricatam; et navem, quam apicula pennis absconderet.»²

En examinant les détails des bijoux que nous publions, on se convaincra que PLINÉ ne parle point par hyperbole; car ce n'est que la loupe à la main, que l'on peut découvrir et apprécier les figures qu'ils offrent.

1. 2. Collier.

Il se compose d'une chaînette ronde, en tresse de fil d'or, dont les extrémités, ornées de têtes de lion engagées dans une gorge enrichie de filigrane, forment agrafe, et d'une pendeloque, No. 2., offrant pour motif un sphinx, de sexe féminin, accroupi sur une base ornementée de filigrane. La tête du monstre est coiffée d'une stéphané très-développée, ornée de palmettes en filigrane.

3. Collier (la planche n'en reproduit qu'une partie).

Il se compose d'un fil de vingt grosses perles (il devrait y en avoir vingt-une, comme la symétrie l'indique, mais l'une s'est perdue probablement), formées chacune de deux demi-sphères, embouties au marteau, enrichies d'ornements en filigrane, formant spirales d'une ténuité extrême, et soudées l'une sur l'autre; et de vingt-six petites perles (il devait y en avoir trente), à côtes, comme dans un melon, séparées, deux par deux, par une pendeloque, très-semblable de style et d'exécution à celles des médaillons du Kouï-Oba (voyez Pl. XIX. 1.). Aux deux bouts de ce collier sont des agrafes ornées de filigrane.

4. Collier.

Il est formé d'une tresse plate de huit rangs de fil d'or. Les extrémités servant d'agrafes, offrent une plaque ornementée de palmettes en filigrane et d'une bordure de languettes.

Au bord du rang inférieur de la tresse règnent, deux par deux, des fleurs de myosotis, d'une grande délicatesse d'exécution, séparées par la partie antérieure du corps d'un griffon auquel est suspendue une figure qui échappe à la vue, mais qui, à la loupe, paraît offrir le type, sauf les bras, de la célèbre effigie de Diane d'Ephèse. Nous avons reproduit dans notre planche, No. 4*, trois fois grands comme nature, deux de ces fleurs de myosotis avec le griffon et la figurine en question. Il y a cinquante-quatre fleurs de myosotis, et cinquante-deux corps de griffons (au lieu de cinquante-trois, l'un étant tombé), avec autant de ces figurines.

¹ PLINÉ. Liv. XXXIV. chap. 19.

² PLINÉ. Liv. VII. chap. 21. Suivant ELIEN (Hist. div. I. 17.), Myrmecides était de Milet. On ignore l'époque où il a vécu; mais comme VARRON en parle (Liv. VI. de ling. lat.) il doit être antérieur au second siècle av. J. C. Callicrates est cité par ELIEN (Hist. div. I. 17.) comme étant de Lacédémone; mais on ignore également quand il a vécu.

Отъ этой, такъ богато украшенной каймы, висятъ внизъ цѣпочки съ двумя рядами подвѣсокъ, изъ коихъ верхнія гладкія, а нижнія украшены сканною работою и крупнѣ первыхъ; и тѣ и другія привѣшены къ цвѣткамъ міозотиса.

5. Серьга съ подвѣскою. Два экземпляра.

Верхній кружокъ этой серьги, на задней сторонѣ котораго находится брошка, вѣроятно пристегивавшаяся къ кольцу, продѣванному въ мочку уха, сдѣланъ въ видѣ репейка съ двойнымъ краемъ изъ мелкихъ шариковъ; углубленное поле этого репейка, защищенное выдающимися надъ нимъ краемъ, украшено въ центрѣ крупнымъ цвѣткомъ, а вокругъ его пальметами и мелкими цвѣтками міозотиса изъжитѣйшей сканной работы.

Но еще удивительнѣйшую тонкость работы представляетъ подвѣска къ этой верхней части серьги. Для большей ясности этого украшения, оно изображено на нашемъ рисункѣ подъ No. 5^a. въ двойномъ размѣрѣ противъ его настоящей величины. Оно представляетъ четырехконную колесницу, управляемую Побѣдою въ сопровожденіи воина, на лѣвую руку котораго надѣтъ круглый щитъ съ ободкомъ сканной работы и тремя украшениями въ видѣ соединенныхъ между собою колецъ, по срединѣ.

По сторонамъ колесницы, двѣ крылатыя фигуры, которыхъ нельзя принять за Побѣды, потому что онѣ наги и при томъ мужескаго пола, какъ это видно въ увеличительное стекло. Следовательно это должно быть два Амура-Гермафродита, какихъ мы видимъ на небольшомъ медальонѣ изъ Куль-Обской гробницы (Р. XIX. 4.) и на подвѣскахъ, изображенныхъ на рис. VII. 9^a.

Это прелестное украшеніе, по видимому, укрѣплено на репейкѣ посредствомъ цвѣтковъ, придерживающихъ его справа и слѣва, но настоящія точки прикрѣпленія находятся на задней сторонѣ репейка, къ которому украшеніе привѣшено на цѣпочкахъ и двухъ кольцахъ.

Подъ платформою, на которой какъ бы катится колесница, находятся изображенія цвѣтовъ и украшеніе въ видѣ полумѣсяца, окаймленного осмью цвѣтками міозотиса съ такими же грифами между ними, какъ на ожерельѣ. Къ этому украшенію привѣшены подвѣски въ видѣ овсяныхъ зеренъ и другія гладкія и разукрашенныя, какъ подвѣски ожерелья, на цѣпочкахъ, да еще цвѣтки міозотиса съ примѣсю пальметовъ. Поле полумѣсяца усажено безчисленнымъ множествомъ мельчайшихъ кружковъ, расположенныхъ по четыре вѣстѣ рядами и припаянныхъ къ бляхѣ неизвѣстнымъ нимъ способомъ.

Эти серьги явно принадлежали къ ожерелью No. 4. и составляли вѣстѣ съ нимъ истинно Царскій уборъ, работа котораго затруднило бы нашихъ лучшихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частностяхъ; что же касается до сюжета и его группировки, то они, конечно, могли быть изобрѣтены только въ древности. Эти прелестныя серьги представляютъ разительное сходство съ найденными въ Куль-Обскомъ курганѣ (Р. XIX. 4. 5.), которыя одни только могутъ быть съ ними сравниваемы.

Въ каждой серьгѣ $4\frac{1}{4}$ золотника вѣса. Золото оказалось 95 пробы ($23\frac{3}{4}$ каратовъ) и мастеръ, дѣлавшій эту пробу, объявилъ, что такая высокая проба золота въ наше время еще болѣе затруднила бы работу подобнаго сему украшенія.

Разсмотрѣвъ въ увеличительное стекло фигуры и украшенія этихъ серегъ, придающія имъ всю ихъ цѣбу и перечитавъ то, что мы выше привели изъ Плинія, мы готовы вѣрить тѣмъ дивнымъ произведеніямъ, которыя приписываются древними сочинителями Оеодору, Мирмекиду и Калликрату.

De cette riche bordure pendent des chaînettes, supportant un rang supérieur de pendeloques unies, et un rang inférieur de pendeloques plus grandes, ornementées de filigrane, les unes et les autres suspendues à des fleurs de myosotis.

5. Pendant d'oreille (il y en a deux semblables).

La partie d'attache, munie au revers d'une broche ou crochet, qui se passait vraisemblablement à un petit anneau suspendu au lobe de l'oreille, offre une rosace, à double bord en grénétis, et dont le champ, enfoncé entre ces deux bordures qui lui servaient de protection, est orné au centre d'une grande fleur, et semé autour de palmettes et de petites fleurs de myosotis, ouvragées en filigrane, avec une exquise délicatesse.

Mais c'est à l'ornement qui y est suspendu qu'il faut réserver surtout l'admiration. Pour que nos lecteurs puissent en apprécier le sujet et les détails, nous avons reproduit en double grandeur, No. 5^a, cet ornement qui offre un quadrigé guidé par une Victoire. Auprès d'elle est un guerrier dont le bras gauche est armé d'un bouclier rond, ayant un enroulement en filigrane et, au milieu du champ, trois ornements en forme d'anneaux qui se joignent.

Des deux côtés du quadrigé sont deux figures ailées qui ne peuvent être des Victoires, car elles sont nues, et d'ailleurs du sexe masculin, comme on le distingue très-bien à la loupe. Ce sont donc deux figures d'Amours Hermaphrodites, comme celles du petit médaillon du Koul-Oba Pl. XIX. 4., ou des pendants d'oreilles de la Pl. VII. 9. 9^a.

Ce beau motif semble suspendu à la rosace par des fleurons qui le tiennent à droite et à gauche; mais les vrais points d'attache et de suspension sont au revers de la rosace; ils se composent de chaînettes et de deux anneaux.

Au dessous de la plate-forme sur laquelle le quadrigé semble rouler, sont des fleurons et une fleur, puis un ornement, en forme de croissant, bordé de huit fleurs de myosotis séparées par des figures de griffons, semblables à celles du collier. A cet ornement pendent des grains d'avoine et des chaînettes, avec des pendeloques, unies et ornementées comme celles du collier, et des fleurs de myosotis auxquelles le goût de l'artiste a mêlé des palmettes. Le champ du croissant est semé d'une infinité de globules disposés en raies, par groupes de quatre, et soudés par un procédé qui échappe à l'art moderne.

Il est évident que ces pendants d'oreilles accompagnaient le collier No. 4. Leur ensemble constitue une parure qu'une reine ne dédaignerait pas, et que l'art du bijoutier le plus habile de nos jours serait peut-être embarrassé de reproduire, du moins dans de certains détails; car en ce qui concerne le choix et la composition du sujet, ce n'est guère que dans l'antiquité qu'ils pouvaient être imaginés. Il y a une similitude remarquable entre ces belles pendeloques et celles du Koul-Oba (Pl. XIX. 4. 5.), qui seules peuvent leur être comparées.

Le poids de chacun de nos pendants d'oreilles est de $4\frac{1}{4}$ zolotniks. Un expert a constaté que l'or est au titre de 95 ($23\frac{3}{4}$ karats), en ajoutant que cette pureté extrême du métal serait de nos jours, une difficulté de plus dans la confection d'un bijou pareil.

Si, après avoir examiné à la loupe les figures et les ornements qui en constituent la beauté, on relit les passages de PLINÉ que nous avons rapportés plus haut, on est disposé à admettre, comme une vérité, les merveilles attribuées par les auteurs anciens à Théodorus, Myrmicides et Callicrates.

6. Массивное кольцо из элентума, в видѣ спирали, оканчивающейся изображеніемъ лежащаго льва.

7. Запястье. Два экземпляра. Одно только это запястье изображено на нашемъ рисункѣ въ $\frac{2}{3}$ настоящей величины.

Запястье это сдѣлано вѣ видѣ спирали; средняя часть его серебряная, а концы золотые и сдѣланы вѣ видѣ львиной головы, которая вставлена вѣ обручъ, украшенный сканною работою.

8. Рѣзной вглубь наладонъ.

На немъ представленъ журавль, щиплющій крыло вловомъ. Оправа состоитъ изъ обруча, повертывающагося на оси, которая проходитъ сквозъ камень.

9. Вычачья голова, стилемъ весьма схожая съ принадлежащею вѣ ожерелью Р. XXXII. 12. и служившею коробкою для духовъ, но увѣчанная плочею тончайшей сканной работы. Голова эта выивной и чеканной работы и нѣсколько повреждена. Она, безъ сомнѣнія, составляла подвѣску ожерелья.

10. Медузна масна изъ элентума. Три экземпляра.

Она оттиснута на бляхѣ съ тремя дырками и служила украшеніемъ одежды, какъ подобныя же бляхи No. 16. и 21. рис. XXI, съ которыми она и представляетъ много сходства.

11. Серьга съ подвѣскою изъ элентума. Два экземпляра.

Серьга эта состоитъ изъ витаго кольца съ подвѣскою, сдѣланною изъ двухъ половинокъ, вмѣстѣ спаянныхъ и на которыхъ оттиснуто украшеніе вѣ видѣ грозда винограда.

12. Шпилька или булава.

Головка сдѣлана вѣ видѣ фантастическаго крылатаго льва съ двумя козлиными рогами, откинутыми назадъ. Вдоль спины животнаго подымается хребетъ, оканчивающійся между рогами вѣ видѣ пера, какъ на фигурахъ No. 4. и 7. рис. XI. Туловище льва выивной работы; крылья, спинной хребетъ, детали головы, а равно и ушрения, которыя тянутся вдоль груди чеканной работы.

Кромѣ этихъ драгоценныхъ вещей, вѣ курганахъ, входящихся близъ Теодосіи еще найдены: ожерелье изъ 46 гладкихъ золотыхъ шариковъ съ застежками на концахъ и два золотыхъ кольца съ плоскими камнями, изъ которыхъ одно вполонину слитано, вѣроятно при сожитаніи тѣла на кость.

На этомъ же рисункѣ изображены еще слѣдующіе три предмета, найденные при другихъ раскопкахъ:

13. Амуръ, играющій на лирѣ. Серьга съ подвѣскою.

Мотивъ этотъ названъ нами вѣ описаніи рис. VII. 9. 9^a. *Амуромъ-музыкантомъ*; на томъ же рисункѣ мѣсто не позволяло изобразить этой серьги, а потому она представляется здѣсь вѣ видѣ дополненія вѣ нему.

Найденъ Г. Багичевымъ.

14. Золотая булава съ шишкою изъ сардоникса вѣ видѣ головы негра. Помѣщается здѣсь вѣ добавленіе вѣ рис. XXXII.

15. Золотая бляха вѣ видѣ пряжки. Легковѣское украшеніе, сдѣланное ко дню похоронъ. Къ No. 19. и 20. рис. XXXII.

Оба послѣдніе предмета найдены были вѣ 1853 году вѣ курганѣ близъ Свѣной станицы, гдѣ полагають древнюю Фанагорію.

6. Anneau massif en electrum, formant spirale terminée par la figure d'un lion couché.

7. Bracelet (il y en a deux pareils). Le seul objet qui soit reproduit dans notre planche aux deux tiers de la grandeur naturelle. La spirale est en argent; les extrémités, qui sont en or, offrent une tête de lion, engagée dans une gorge ouvragée en filigrane.

8. Intaille en calcédoine.

Elle offre la figure d'une grue, se grattant l'aile avec son bec. La pierre est fixée à un anneau mobile en or par un axe qui la traverse.

9. Tête de taureau, très-semblable de style à celle de la capsule à parfum du collier de la Pl. XXXII. 12., mais ayant au front une couronne de feuilles de lierre, ouvragées en filigrane, avec une exquise délicatesse. Ce bijou, qui est travaillé au repoussé et ciselé, a un peu souffert. C'était évidemment une pendeloque de collier.

10. Masque de Méduse en electrum (il y en a trois pareils).

C'est une plaque estampée, percée de trois trous, et ayant servi d'ornement d'habit, comme les plaques No. 16 et 21 de la Pl. XXI. avec lesquelles elle a beaucoup d'analogie.

11. Pendant d'oreille en electrum (il y en a deux pareils)

Motif: grappe de raisins, formée de deux coquilles estampées et soudées, suspendue à un anneau à crochet.

12. Poinçon ou épingle.

Lion fantastique ailé, la tête ornée de deux cornes de bouc projetées en arrière. Le long du dos règne une crête qui se dresse entre les cornes, comme une aigrette, ainsi que dans les No. 4 et 7 de la Pl. XI. Le corps de l'animal est travaillé au repoussé; les ailes, la crête, les détails de la tête, ainsi que les ornements qui descendent de la gueule à la poitrine, sont ciselés.

Outre les bijoux que nous venons de décrire, les fouilles exécutées sur l'emplacement de l'ancienne Théodosie, ont produit un collier composé d'un fil de quarante-six perles unies en or, avec agrafes aux extrémités, et deux anneaux en or, à chalon plat, l'un à moitié fondu, probablement dans le feu d'un bûcher funéraire.

Nous avons ajouté à notre planche trois objets qui sont d'une autre provenance.

13. Amour jouant de la lyre. Pendant d'oreille.

Ce charmant motif, que nous avons désigné comme l'*Amour musicien* dans le texte de notre planche VII. 9*, où il n'avait pu trouver place, est une addition que nous sommes heureux d'offrir ici à nos lecteurs.

Fouille de Mr. BEGUITCHEFF.

14. Epingle en or, avec tête de nègre en sardoine. Motif à ajouter au numéro 6 de la planche XXXII.

15. Plaque à boucle en or. Ornement funéraire. Motif à ajouter aux numéros 19 et 20 de la planche XXXII.

Ces deux derniers objets proviennent d'une fouille exécutée, en 1833, dans un tumulus de la station de Sennaia, emplacement présumé de l'ancienne Phanagorie.

РИСУНОКЪ XIII.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ЗАПЯСТЬЯ ЦАРЯ И ЦАРИЦЫ, ПОХОРОНЕННЫХЪ ВЪ КУЛЬ-ОВСКОМЪ КУРГАНѢ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛИЧИНУ.

Два совершенно одинаковыхъ запястья, вѣсомъ каждое въ $41\frac{1}{2}$ золотниковъ, находились на рукахъ Царя. Подъ No. 1. изображено одно изъ сихъ запястьевъ.

Нельзя надивиться изящности этого украшенія, сдѣланнаго въ видѣ каната, на концахъ котораго изображены два сфинкса съ женскою головою и ожерельемъ на шеѣ. Туловище вставлено въ обручъ, украшенный сканною работою и нѣскою изъ синихъ финифтяныхъ оваловъ. Сфинксы держатъ въ лапахъ узелъ изъ золотой проволоки, представляющій застѣжку запястья.

No. 2. Два экземпляра, вѣсомъ каждый въ $19\frac{1}{2}$ золотниковъ.

Запястья эти украшали руки Царицы (См. Введеніе стр. XXII.). Каждое запястье состоитъ изъ двойнаго золотого листа, на которомъ рельефно изображена та же сцена два раза, въ двухъ рядахъ, въ противоположномъ порядкѣ: олени пожираемые грифами. На концахъ браслетовъ представлена передняя часть львиной шкуры. Означенное изображеніе почти то же, которое мы находимъ и на Царскомъ налучѣ Р. XXVI. 2. и вазахъ Р. XXXIV, и вѣроятно аллегорическое. (См. на стр. XLIV. Введенія, примѣчаніе объ изображеніи животныхъ.)

No. 3. Кольцо, бывшее на рукѣ Царя выше локтя (см. Введеніе, стр. XXIV.); вѣсомъ въ $25\frac{1}{2}$ золотниковъ.

Это кольцо состоитъ также изъ двойнаго золотого листа и образуетъ обручъ, окаймленный тесьмою сканной работы и усаженный цѣпками мизотиса.

PLANCHE XIII.

OBJETS EN OR.

BRACELETS DU ROI ET DE LA REINE DU KOUL-OBA.

GRANDEUR NATURELLE.

Deux bracelets, exactement pareils, pesant chacun $41\frac{1}{2}$ zolotniks, ornaient les poignets du roi. Nous en reproduisons un seul sous le No. 1.

On ne saurait assez admirer la beauté de ces bijoux qui figurent un câble roulé dont les deux bouts se terminent par des sphinx, à tête de femme, un collier au cou, le corps engagé dans une virole ou gorge, ornée de filigrane et d'une bordure d'oves en émail bleu, et qui tiennent dans leurs griffes un noeud en fil d'or, simulant le lien du bracelet.

2. Deux pareils. Poids de chacun, $19\frac{1}{2}$ zolotniks.

Ils ornaient les bras de la reine (voir notre Introduction, page XXIII).

Chacun de ces bijoux se compose de deux feuilles d'or superposées dont la supérieure, travaillée au repoussé, offre la même scène représentée sur deux rangs, en sens inverse: des cerfs assaillis par des griffons. C'est à peu près la même scène, allégorique peut-être, qui est reproduite sur le coryte du roi Pl. XXVI. 2., et sur les vases Pl. XXXIV. (voir dans notre Introduction, page XLV, la note sur ces représentations d'animaux.). Les extrémités du bracelet offrent pour ornement la partie antérieure de la dépouille d'un lion.

3. Bracelet qui était passé au bras droit du roi, au dessus du coude (voir notre Introduction, page XXV.). Poids, $25\frac{1}{2}$ zolotniks.

Ce bijou se compose aussi de deux feuilles d'or superposées dont la supérieure, qui est travaillée au repoussé, forme, entre deux bordures de filigrane tressé, un enroulement semé de fleurs de myosotis.

В промежутках между этими пьестами художник изобразил два любопытнейших сюжета греческой героической басни: Оетида, защищающуюся от Пелея, и Аврору и Кефала, или Аврору, уносящую тѣло своего сына Мемнона, убитого подъ стѣнами Трои. Оба изображенія повторены пять разъ на окружности запястья. Рисунокъ фигуръ и одежды самого широкого и строгого стиля и принадлежитъ, кажется, пятому столѣттю до Р. X.

Извѣстно, что Оетида, красивѣйшая изъ Нерейдъ, была любима Юпитеромъ и Нептуномъ.¹ Предсказаніе Оемиды, что сынъ, который родится отъ Оетиды, будетъ замѣнить своего отца побудило этихъ боговъ отказаться отъ своей любви къ ней, и она должна была рѣшиться выйти за мужа за смертнаго. По разсказамъ поэтовъ, Оетида, дабы избѣгнуть такое несчастье, принимала разные образы; она, попеременно, превращалась то въ огонь, то въ воду, въ змѣю и льва. Между тѣмъ Хиронъ, а можетъ быть Протей, научилъ Пелея какъ преодолѣть ея сопротивленіе.² Этотъ занимательный сюжетъ представленъ на многихъ древнихъ памятникахъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ, послѣ знаменитаго ларца Кипседа, о которомъ говоритъ Павзаній³, суть можетъ быть слѣдующіе:

Ваза древняго стиля, бывшая въ собраніи Князя Кавино, а нынѣ находящаяся въ Мюнхенѣ. На ней красная Оетида защищается противъ Пелея въ присутствіи Хирона. Подъ видомъ двухъ львовъ, изъ коихъ одинъ, кажется, улавляетъ Пелея въ плечо, художникъ означилъ тотъ образъ, подъ которымъ Оетида старается спастись отъ его преслѣдованія.⁴

Чаша Берлинскаго Музея съ надписями и изображеніемъ этой же Нерейды, борющейся съ Пелеемъ при помощи льва и змѣи, означающихъ виды, которые она попеременно принимала въ этой борьбѣ.⁵

Поломанная раскрашенная ваза, найденная въ Афинахъ, съ изображеніемъ той же сцены изъ 10 фигуръ.⁶ Этотъ же сюжетъ былъ публикованъ и Рауль-Рошетомъ съ другихъ вазъ.⁷

На нашемъ запястьѣ Оетида живо защищается противъ Пелея при помощи льва, означающаго здѣсь тотъ образъ, который она приняла.

Другое изображеніе на нашемъ браслетѣ представляетъ либо Аврору и Кефала, либо Аврору, уносящую тѣло своего сына Мемнона.

Исторія Мемнона принадлежитъ къ тѣмъ мифамъ, которые, кажется, перенли въ Грецію изъ Египта и составляютъ религіозную связь между этими странами, изъ которыхъ одна заимствовала отъ другой часть своего просвѣщенія и своихъ религіозныхъ повѣрій. Греческій Мемнонь, кажется, тоже что Аменофисъ Египтянь, вѣроятно означавшій восходящее солнце и знаменитая колоссальная статуя котораго до его времени сохранилась предъ вратами Фивъ.

Эта же, кажется, аллегорія выражена и у Гомера въ лицѣ Мемнона, сына Авроры. Онъ находился въ числѣ воиновъ, пришедшихъ на помощь Трой по словамъ однихъ изъ Ассирій, по мнѣнію другихъ изъ

¹ Пиндаръ: Ист. VIII. ст. 58. и слѣд.

² Катуллъ воспѣлъ въ особомъ стихотвореніи (пома LXIV.) свадьбу Оетиды и Пелея.

³ Павзаній: Кн. V. гл. 17 — 19.

⁴ GERHARD: Ausgewählte griechische Vasenbilder. P. CCXXVII.

⁵ GERHARD: Griechische und Etruskische Trinkschalen. P. IX.

⁶ DUBOIS MAISONNEUVE: Introd. à l'étude des vases. P. LXX. 4. MILLINGEN: Anc. uned. monum. Series I. P. A. No. 4.

⁷ RAUUL-ROSCHETTE: Monum. inéd. d'antiq. fig. P. I.

Ici le génie de l'artiste a représenté deux des sujets les plus gracieux des fables héroïques de la Grèce: Thétis se débattant contre Pélée, et l'Aurore et Céphale, ou bien l'Aurore emportant le corps de son fils Memnon, tué sous les murs de Troie. Ces deux sujets sont répétés chacun cinq fois sur le pourtour de l'enroulement. Le dessin des figures et des draperies est du plus grand style, encore sévère, et appartient au cinquième siècle av. J. C., il semble.

Thétis, la plus belle des Néréides, était aimée par Jupiter et par Neptune¹. Thémis prédit que le fils qu'elle mettrait au monde serait plus grand que son père. Les dieux se désistèrent alors de leurs prétentions; et Thétis dut se résoudre à épouser un mortel. Pour échapper à ce malheur, les poètes racontent qu'elle prit toutes les formes; elle se changea tour à tour en feu, en eau, en serpent, en lion. Mais Chiron ou Protée enseigna à Pélée les moyens de vaincre sa résistance². Ce charmant sujet est représenté sur un grand nombre de monuments antiques. Nous allons citer les plus remarquables peut-être, après le célèbre coffre de Cypselus dont parle PAUSANIAS.³

Sur un vase d'ancien style, de la collection du PRINCE CANINO, aujourd'hui à Munich, Thétis ailée se débat contre Pélée, en présence de Chiron. L'artiste a figuré par deux lions, dont l'un semble mordre l'épaule du héros, la forme sous laquelle Thétis cherche à lui échapper.⁴

Une coupe du Musée de Berlin, avec inscriptions, offre Thétis se défendant contre Pélée, avec l'aide d'un lion et de serpents qui simulent les formes qu'elle prend tour à tour.⁵

Un vase peint, trouvé fracturé à Athènes, offre dans une composition de dix figures le même sujet.⁶ RAOUL-ROCHETTE a publié le même sujet pris sur d'autres vases.⁷

Sur notre bracelet, Thétis se défend vivement contre l'attaque du héros qui est menacé par un lion, symbole de la forme que la déesse avait prise.

Le second sujet offre ou l'Aurore et Céphale, ou l'Aurore emportant le corps de son fils Memnon.

Memnon est un de ces mythes que la Grèce semble avoir empruntés à l'Égypte, et qui forment le lien religieux entre les deux pays, dont l'un reçut de l'autre une partie de sa civilisation et de ses dogmes. Le Memnon grec paraît être le même que l'Amenophis égyptien qui aurait désigné le soleil levant, et dont le célèbre colosse en granit existe encore aux portes de Thèbes.

Le Memnon d'HOMÈRE qui était fils de l'Aurore, semble reproduire cette allégorie. Il figurait parmi les auxiliaires venus, de l'Assyrie suivant les uns, de l'Éthiopie suivant d'autres, au secours de Troie.

¹ PINDARE: Isthm. VIII. v. 58 et sv.

² CATULLE a consacré tout un poème (carmen LXIV.) à la célébration des noces de Thétis et de Pélée.

³ PAUSANIAS: Liv. V. chap. 17—19.

⁴ GERHARD: Auserlesene Griechische Vasenbilder. Pl. CCXXVII.

⁵ GERHARD: Griechische und Etruskische Trinkschalen. Pl. IX.

⁶ DUBOIS MAISONNEUVE: Introd. à l'étude des vases. Pl. LXX. 1. MILLINGEN: Anc. uned. monum. Series I. Pl. A. No. 1.

⁷ RAOUL-ROCHETTE: Monum. inéd. d'antiq. fig. Pl. 1.

Expl. des Pl.

Εοίπιν. По сказанию Гомера онъ былъ божественной красоты¹. По умерщвлении Антилоха² возгорѣлся надъ тѣломъ этого героя бой между Мемнономъ и Ахилломъ, въ которомъ Ахилъ убилъ Мемнона.³ Послѣ его смерти была перемѣнка войны, чтобы предать его тѣло родственникамъ, которое и было послано въ его отчизну, можетъ быть въ Стзу.

Миллингенъ издалъ рисунокъ вазы древняго стиля, найденной въ окрестности Джирдженти, съ изображеніемъ на одной сторонѣ двухъ воиновъ, названныхъ 'Αχιλλεύς и "Εκτορ, надъ трупомъ третьяго воина, будто бы Антилоха.⁴ По мнѣнію Миллингена вмѣсто Гектора должно читать Мемнонъ, что подтвердилось бы изображеніемъ другой стороны вазы, гдѣ мы находимъ имена 'Ηώς и Μένειον и крылатую Аврору, уносящую тѣло своего сына, котораго закрытые глаза и висавшія внизъ руки явно изображаютъ въ немъ трупъ.

Эти же обѣ фигуры видны и на бронзовомъ зеркалѣ, найденномъ въ Вулчи и находящемся въ Римскомъ Грегоріанскомъ Музее⁵; но здѣсь положеніе героя, котораго руны представлены также какъ и на нашемъ запястьѣ, подало поводъ предположить, что тутъ изображены Кѣфалъ и Аврора, влюбившаяся въ него и унесшая его въ Сирію, гдѣ она родила отъ Кѣфала сына Фазтона⁶. Этотъ же сюжетъ былъ изображенъ и на Аминклейскомъ тронѣ.⁷

Милленъ издалъ рисунокъ двухъ раскрашенныхъ vazъ, на которыхъ представлена Аврора, преслѣдующая Кѣфала.⁸ На второй изъ сихъ vazъ есть надписи 'Ηώς (Аврора) и Κέφαλος καλός (прекрасный Кѣфалъ), которыя дали возможность объяснить то же самое изображеніе, находящееся и на первой vazѣ, не имѣющей надписи и еще прежде изданной Тишбейномъ.

На vazѣ, найденной близъ Джирдженти, положеніе героя и надпись Μένειον не оставляютъ сомнѣній на счетъ смысла изображенія; тутъ точно представленъ сынъ Авроры. На бронзовомъ зеркалѣ, найденномъ въ Вулчи и на нашемъ запястьѣ герой уносится Авророю такимъ же образомъ, но руки не висятъ внизъ, какъ у мертвца, а находятся въ положеніи рукъ живаго человѣка и одна изъ нихъ покоится на плечѣ богини. Это различіе могло подать поводъ думать, что тутъ представленъ второй сюжетъ, который однако на обоихъ vazахъ, изданныхъ Милленомъ, совершенно иначе расположенъ.

Если художникъ, работавшій наше запястье, имѣлъ въ виду басынь обѣ Аврорѣ и Кѣфалѣ, то онъ хотѣлъ изобразить на этомъ украшеніи любовь, овладѣвающую мужчиною и въ противоположность къ ней любовь, порабащую женщину, что было бы идеею столь же замысловатою, какъ и тонкою; если же второй сюжетъ есть тотъ же, который мы находимъ на Джирджентской vazѣ, то художникъ имѣлъ въ виду мысль не менѣе прекрасную: противопоставить страсти любовника любовь матери.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ это запястье принадлежитъ къ числу примѣчательнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ древняго искусства и напоминаетъ тотъ дивный ларецъ Кинсела, гдѣ художникъ вырѣзалъ на деревѣ, слоновой кости и золотѣ знаменитѣйшіе мнимъ греческаго баснословія.

¹ Одиссея. XI. 521.

² Тамъ же. IV. 188.

³ Иліадская таблица. 82. 83.

⁴ MILLINGEN: Anc. ined. monum. Series I. P. IV. V.

⁵ Museum Etruscum Gregor. I. P. XXXVI. 1. и Monum. ined. publ. dall' Instit. Arch. T. III. P. XXIII. Annali T. XII. стр. 149—157.

⁶ Гезіодъ: Θεог. 986.

⁷ Павзаній: Κη. III. гл. 18.

⁸ MILLIN: Peintures de vases. T. II. P. 34. 35.

Selon HOMÈRE¹, il était d'une beauté divine. Il tua Antiloque². Un combat s'engagea ensuite sur le corps de ce héros entre Memnon et Achille qui tua Memnon³. Après sa mort, il y eut une trêve, pour remettre aux siens le corps du héros dont les cendres furent envoyées dans sa patrie, peut-être à Suse.

MILLINGEN a publié le dessin d'un vase d'ancien style, trouvé dans les environs de Girgenti, représentant d'un côté le combat de deux guerriers, avec les noms Ἀχίλλεύς et Ἔκτωρ, sur le corps d'un troisième guerrier qui serait Antiloque⁴. MILLINGEN prétend qu'au lieu d'Hector il faut lire Memnon, ce qui serait confirmé par la peinture de l'autre côté du vase offrant avec les noms Ἡώς, Μήνων, l'Aurore ailée, emportant le corps de son fils, dont les yeux fermés et les bras pendants rendent bien l'immobilité de la mort.

Les deux mêmes figures se voient sur un miroir en bronze, trouvé à Vulci, qui existe au Musée Grégorien, à Rome⁵. Mais ici l'attitude du héros, dont les bras ont la pose qu'ils offrent sur notre bracelet, a fait supposer qu'il s'agit de Céphale dont l'Aurore s'était éprise, et qu'elle enleva pour le transporter en Syrie, où elle en eut un fils nommé Phaéton⁶. Ce sujet était représenté sur le trône d'Amyclée.⁷

MILLIN a publié le dessin de deux vases peints qui offrent l'Aurore poursuivant Céphale⁸. Le second de ces vases porte les inscriptions Ἡώς (Aurore) et Κέφαλος καλός (le beau Céphale) qui ont permis d'interpréter ce sujet, qui existe sur le premier vase qui est sans inscription, et que TISCHBEIN avait publié.

L'attitude du héros dans les bras de l'Aurore sur le vase de Girgenti, avec l'addition du nom de Μήνων, ne laisse aucun doute sur le sujet; c'est bien le fils de l'Aurore. Sur le miroir en bronze de Vulci et sur notre bracelet, le héros est emporté de la même manière; mais ses bras, au lieu d'être abandonnés comme ceux d'un mort, semblent exprimer la vie, et l'un repose sur l'épaule de la déesse. Cette différence d'attitude a pu faire admettre qu'il s'agit du second sujet qui, sur les deux vases publiés par MILLIN, a une tout autre disposition.

Si l'artiste de notre bracelet a eu en vue le mythe de l'Aurore et de Céphale, il aura mis en opposition, ce qui est une idée aussi ingénieuse que délicate, l'amour qui s'empare de l'homme avec l'amour qui subjugue la femme. Mais si le second sujet est celui du vase de Girgenti, il a voulu mettre alors en regard l'amour de l'amant et l'amour de la mère, idée non moins belle.

Quoiqu'il en soit de ces deux hypothèses, notre bracelet est un des monuments les plus remarquables et les plus précieux de l'art antique; et il fait songer à ce merveilleux coffre de Cypselus où l'artiste avait ciselé dans le bois, l'ivoire et l'or, les mythes les plus fameux de la Grèce.

¹ Odyssée. XI. 521.

² Ibid. IV. 188.

³ Table Iliaque. 82. 83.

⁴ MILLINGEN: Anc. uned. monum. Series I. Pl. IV. V.

⁵ Museum Etruscum Gregor. I. Tav. XXXVI. 4. et Monum. ined. pubbl. dall' Instit. Arch. To. III. Tav. XXIII. Annali. To. XII. p. 149—157.

⁶ HÉSIODE: Théog. 986.

⁷ PAUSANIAS: Liv. III. chap. 48.

⁸ MILLIN: Peintures de vases. To. II. Pl. 34. 35.

РИСУНОКЪ XIV.

ЗОЛОТЫЯ И СТЕКЛЯННЫЯ ВЕЩИ.

ЗАПЯСТЬЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ ПРАВОУЮ ВЕЛИЧИНУ.

Вмѣстѣ съ лучшими образцами запястьевъ, до сего времени до насъ дошедшихъ, предыдущій рисунокъ представилъ намъ доказательство того, что это украшеніе носилось и мужчинами.

Оно составляло такую же потребность дамскаго туалета какъ серьги и ожерелья и мы находимъ тому множество доказательствъ на изображеніяхъ расписанныхъ вазъ. На вазахъ, изображенныхъ на Р. LIV, LVII, LXII, нашего Атласа мы видимъ золотыя запястья на женщинахъ, а изъ Р. XLIX и LI мы убѣждаемся, что въ древности также надевали на одну руку по нѣсколькимъ браслетовъ, какъ дѣлаютъ и нынѣ.

Въ Эрмитажномъ собраніи древностей находится довольно значительное число запястьевъ. Многія изъ нихъ состоятъ изъ золотой цѣпочки, составленной изъ колецъ въ видѣ петель, съ фермуаромъ или просто изъ нити золотыхъ шариковъ. Большая часть браслетовъ, представляющихся на этомъ рисункѣ, находится въ собраніи въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

1. Запястье въ видѣ спирально свернувшейся змѣи¹, съ рогами на головѣ. (Два экземпляра.)

Найдено вмѣстѣ съ серьгами Р. VII. 15. 16.

¹ На прекрасной вазѣ съ изображеніемъ суда Ореста видно, на фигурѣ Минервы, подобное же запястье, называемое Офисъ (Ofis, змѣя), а на задней сторонѣ этой вазы, на рукѣ Вакха, простое запястье изъ кольца: перикарипъ. MILLIN: Peint. de vases. T. II. Р. LXVII, LXVIII. На лѣвой рукѣ прекрасной Ватиканской статуи лежащей Ариадны есть запястье въ видѣ свернувшейся змѣи. См. CLARAC: Mus. de Sculpt. P. 689. No. 1622. На рис. XLVI. Museo Borbonico VII. видно подобное нашему запястью, но безъ роговъ, значеніе которыхъ мы объяснить не можемъ.

PLANCHE XIV.

OBJETS EN OR ET EN VERRE.

BRACELETS

GRANDEUR NATURELLE.

La planche précédente nous a offert avec les plus beaux spécimens de bracelets que l'antiquité nous ait légués jusqu'à présent, une preuve que cet ornement pouvait figurer au bras d'un homme.

Ce genre de bijou n'était pas moins recherché que les pendants d'oreilles et les colliers pour la toilette des dames, et les peintures des vases nous en offrent une foule d'exemples. Des bracelets d'or se voient au bras des femmes dans les planches LIV. LVII. LXII. de notre atlas; et nous pouvons nous convaincre Pl. XLIX. et LII., que l'usage d'en porter plusieurs au même bras était reçu comme de nos jours.

La collection de l'Ermitage possède un assez grand nombre de bracelets. Plusieurs se composent d'une simple chaîne en mailles d'or avec fermoir, ou d'un simple fil de perles d'or. La plupart de ceux que nous offrons dans cette planche existent en plusieurs exemplaires.

1. Bracelet en spirale en or, à figure de serpent roulé¹, la tête ornée de cornes (il y en a deux pareils). Trouvé avec les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 15. 16.

¹ Sur le beau vase du Jugement d'Oreste, la figure de Minerve offre aux deux bras un bracelet pareil nommé *ophis* (ὄφις = serpent), et sur la scène du revers de ce vase, Bacchus a au bras gauche un simple bracelet en anneau: *péricarpe*. Voyez MILLIN: Peint. de vases. To. II. Pl. LXVII. LXVIII. La belle statue couchée de l'Ariane du Vatican a au bras gauche un bracelet, offrant un serpent roulé. Voyez CLARAC: Mus. de Sculpt. Pl. 689. No. 1622. Dans le Museo Borbonico VII. Tav. XLVI on voit un bracelet en spirale pareil au nôtre, sans les cornes, qui sont un accessoire que nous ne saurions déterminer.

2. Запястье молодой дѣвочки. Въсь $10\frac{1}{2}$ зол.

Это простое неполное кольцо изъ цѣльнаго золота. Въ Эрмитажѣ нѣсколько такихъ колецъ. Подобныя же есть въ Скандинавскомъ Музее въ Копенгагенѣ.¹

Найдено Г. Каргйшею въ 1832 году въ курганѣ Керченскаго публичнаго сада, въ плитовой гробницѣ, заключающей въ себѣ серебряную пепельную урну. См. Введение, стр. LXXII.

3. Запястье весьма простаго устройства. Оно состоитъ изъ двухъ половинокъ кольца изъ свернутого въ трубку листа золота, вкладывающихся одна въ другую. Стѣнки трубокъ весьма тонки. Въ Эрмитажѣ нѣсколько подобныхъ этому запястьевъ и одно изъ цѣльной трубы также, съ крайне тонкими стѣнками, наполненной для большей крѣпости мастикой.

Найдено Г. Ашанкомъ въ 1844 г. близъ завода Князя Херхеулидзева въ гробницѣ съ круглымъ сводомъ. См. Введение, стр. LXXVIII. и описание Р. III. 1.

4. Запястье Царицы съ золотомъ масною. Два экземпляра.

Запястья эти весьма тяжелы; въсь каждого $27\frac{1}{2}$ золотн. Они замѣчательны по пириѣ и состоятъ изъ широкаго кольца, сдѣланнаго изъ золотой проволоки съ просѣтами. Съ одной стороны прирѣзана въ кольцо на шарнирахъ, золотая бляха съ изображеніемъ осьми лежащихъ львовъ, отъ которыхъ видна только передняя часть. Бляха украшена девятью оправленными гранатами, промежутки между которыми дополняются этими львами, работанными въ прекрасномъ стилѣ, и четырьмя цѣтками въ видѣ коловальчиковъ, изъ коихъ два вышши. Вдоль шарнировъ идетъ рядъ небольшихъ гранатъ.

5. Кольцо изъ толстой витой золотой проволоки; концы ея, спирально обернутые одинъ на другой, раздвигаются и составляютъ такимъ образомъ эластическій браслетъ весьма замысловатой простоты. Въ Эрмитажѣ есть нѣсколько подобныхъ браслетовъ.

Найдено вмѣстѣ съ серьгами Р. VII. 6.

6. Золотое запястье такого же устройства какъ No. 4.

Найдено вмѣстѣ съ серьгами Р. VII. 13. См. Введение, стр. LXII.

7. Запястье изъ стекла зеленоватаго цвѣта.

Работа этого замѣчательнаго запястья довольно груба. Полуостывшая стеклянная масса была, вѣроятно, скручена какъ веревка, а потомъ отдѣлана въ видѣ змѣи, пускающей хвостъ свой.

Найдено въ 1840 г. въ гробницѣ, находившейся на берегу р. Алазана въ прежней Кахетин, что нынѣ Сигнагскій и Телавскій Уѣзды Восточной части Тифлисской Губерніи.

Мы ничего не можемъ сказать о происхожденіи сего браслета, присланнаго въ Эрмитажъ вмѣстѣ съ весьма рѣдкими восточными монетами, которыя вошли въ составъ его Нумизматическаго Кабинета.

¹ Nordisk Tidskrift for Oldkyndighed. Andet Bind. Kiøbenhavn, 1833. Р. I. fig. 44.

2. Bracelet de jeune fille. Poids, $10\frac{1}{2}$ zolotniks.

Simple anneau brisé en or massif. Il en existe plusieurs semblables à l'Ermitage. Il s'en trouve de pareils au Musée Scandinave à Copenhague.¹

KAREISCHA. 1832. Jardin Public à Kertch. Tombeau en dalles renfermant une urne cinéraire en argent. Voir notre Introduction, page LXXIII.

3. Le motif de ce bracelet est des plus simples. Il se compose de deux segments de cercle creux en or, s'engageant l'un dans l'autre par leurs extrémités. Ces espèces de tubes sont très-minces. L'Ermitage en possède plusieurs semblables, et en outre un autre bracelet formé d'un seul tube, d'une très-minime épaisseur, rempli de mastic pour lui donner plus de consistance.

ASCHIK. 1844. Kherkheoulidseff. Tombeau à voûte cintrée. Voir notre Introduction, page LXXIX. et la légende de la Pl. III. 1.

4. Bracelet de la reine du masque d'or (deux pareils).

Ces bracelets sont très-lourds, le poids de chacun étant de $27\frac{1}{2}$ zolotniks. Leur largeur est remarquable. Ils offrent un grand anneau à jour, formé de gros fils d'or forgés. La plaque carrée qui y tient au moyen de charnières, se compose d'une feuille d'or offrant huit fois la figure repoussée de la partie antérieure d'un lion couché. Cette plaque est ornée de neuf grenats montés en chaton; et les figures de lions qui en remplissent les intervalles, sont d'un style excellent. La plaque est en outre ornée de quatre fleurs en forme de campanule (deux sont tombées). Chacune des charnières est bordée de petits grenats.

5. Simple anneau formé d'un gros fil d'or forgé dont les extrémités, roulées en spirale, s'engagent l'une dans l'autre et forment un bracelet élastique, d'une très-ingénieuse simplicité. L'Ermitage en possède plusieurs pareils.

Trouvé avec les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 6.

6. Bracelet en or, de même système que le No. 4.

Trouvé avec les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 13. Voir notre Introduction, page LXIII.

7. Bracelet en verre de couleur verdâtre.

La façon de ce bracelet curieux est assez barbare. Il semble que la matière, dans un état de demi-fusion, a été tordue comme un câble, puis travaillée, de manière à simuler un serpent qui se mord la queue.

Trouvé en 1840, dans un tombeau situé au bord de la rivière Alazan, dans l'ancien Cakheth, aujourd'hui districts de Signakh et de Thélaw de la partie orientale du gouvernement de Tiflis, en Géorgie.

Il ne nous est pas possible d'indiquer l'origine de ce bracelet. Il a été envoyé à l'Ermitage avec des monnaies orientales, d'une grande rareté, qui sont déposées au cabinet numismatique.

¹ Nordisk Tidskrift for Oldkyndighed. Andet Bind. Kiøbenhavn. 1833. Tab. I. fig. 14.

РИСУНОКЪ XV.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ СЪ ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ.

ПЕРСТНИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ ВѢЛИЧІИ.

Къ числу важнѣйшихъ отдѣловъ нашего Музея принадлежитъ собраніе колецъ или перстней. Оно весьма значительно по ихъ числу, превышающему 150, но въ особенности по разнообразію представленныхъ на нихъ сюжетовъ. Мы издаемъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ на этомъ и трехъ слѣдующихъ рисункахъ.

Греки и Римляне различали въ перстнѣ, какъ и мы это дѣлаемъ, три части: собственно кольцо (*σφαιδώνη*, отъ сходства съ пращею, *orbiculus*), гнѣздо (*πυξίς*, *pala*), и наконецъ камень (*ψήφος*, *gemma*).¹ Плиніи означаетъ гнѣздо словомъ *funda*.

Большая часть этихъ камней съ рѣзбою въ глубь, *интали*, служили древнимъ, какъ извѣстно, вмѣсто печатей, но ихъ рѣдко находятъ съ древнею оправою, какъ кольца нашего собранія, изъ коихъ многія имѣютъ характеръ своеобразный и даже единственный. Что касается до золотыхъ гравированныхъ перстней безъ камней, то они вообще довольно рѣдки и большое число ихъ въ нашемъ собраніи значительно увеличиваетъ его важность.

Кромѣ рѣзныхъ камней, украшающихъ большую часть нашихъ колецъ, должно упомянуть еще о *пастахъ*, которыя ихъ иногда замѣняютъ. Лучшая изъ нашихъ пастъ есть стеклянная, цѣтѣ аквамарина, съ изображеніемъ идущаго вѣлво медвѣдя, представленнаго удивительно вѣрно. Паста эта хранится въ витринѣ О, Отдѣл. No. I. 2, вмѣстѣ съ другими изображеніями животныхъ. Для рѣзныхъ перстней древніе преимущественно брали агатъ, ониксъ или сардъ, потому что воскъ къ нимъ не пристаегъ. Судя по показанію Плинія², полагать должно, что стеклянныя пасты употреблялись лицами низшаго класса.

¹ Кірсенмаппус: De annulis, стр. 40.

² Плиніи: Кн. XXXV. гл. 30.

PLANCHE XV.

OBJETS EN OR AVEC PIERRES FINES.

ANNEAUX.

OR ANNEAU NATURELLE

ne des collections les plus intéressantes de notre Musée est celle des anneaux ou bagues. Elle est très-importante, par le nombre d'abord, qui dépasse le chiffre 150, mais surtout par la variété des sujets qu'elle offre. Nous publions dans cette planche et dans les trois suivantes ceux de ces anneaux qui sont plus particulièrement remarquables.

Les Grecs et les Romains distinguaient, comme nous, trois parties dans un anneau : l'anneau lui-même *σφενδόνη*, de sa ressemblance avec la figure d'une fronde, ou *orbiculus*; le chaton, *πτελής* ou *pala*; la pierre, *ψήφος* ou *gemma*¹. PLINÉ se sert du mot *fuada* pour désigner le chaton.

La plupart des pierres gravées en intaille ont servi, comme on le sait, de sceau ou de cachet chez les anciens; mais il est rare de les rencontrer comme ici avec leur monture antique; et plusieurs de ces montures ont un caractère d'originalité fort remarquable, même unique. Quant aux anneaux en or gravés, sans chaton de pierre fine, ils sont d'une rareté assez grande; et le nombre que nous en possédons ajoute à leur importance.

Outre les pierres gravées dont la plupart de nos anneaux sont enrichis, nous devons mentionner les *pdtes* qui les remplacent quelquefois. La plus belle est une pâte en verre, couleur d'aigue-marine, offrant un ours passant, à gauche, d'une grande vérité d'expression. Elle est dans la Vitrine O. Compart. I. No. 2. consacrée aux représentations d'animaux. Les anciens choisissaient de préférence pour leurs anneaux, l'agate, l'onyx ou la sardoine, parceque la cire ne s'y attache pas. Il paraîtrait d'après un passage de PLINÉ², que c'étaient les gens du peuple qui faisaient usage de pâtes de verre.

¹ KIRCHMANNUS: De Annulis. p. 40.

² PLINÉ: Liv. XXXV. chap. 30.

Expl. des Pl.

Обычай носить кольца восходит до древнейших времен. «И съзвѣвъ Фараонъ прѣстѣи срѣки своѣя, и изложи его Іосифа върѣки».¹ Авлу-Геллій приводит книгу Апона объ Египтянахъ, который говоритъ, что обычай носить кольца на четвертомъ пальцѣ лѣвой руки основывается на томъ, что въ немъ будто открыли нервъ, прямо сообщающійся съ сердцемъ.² Можетъ быть по этой причинѣ надѣвали обручальное кольцо на этотъ палецъ; кольцо это первоначально дѣлалось изъ желѣза безъ всякаго камня.³ Кольца известны были и Евреямъ.⁴ Спартицы носили желѣзные кольца.⁵

Плутархъ упоминаетъ о кольцѣ Улисса, на которомъ этотъ герой приказалъ вырѣзать дельфина, въ память того, что дельфинъ спасъ жизнь его сыну, когда онъ былъ еще ребенкомъ.⁶

На раскрашенныхъ вазахъ часто встрѣчаются изображенія женщинъ съ кольцами на пальцахъ и иногда на правой руцѣ.⁷ По свидѣтельству Плинія на статуяхъ Нумы и Сергیا Туллія было кольцо на четвертомъ пальцѣ. Далѣе онъ говоритъ, что въ послѣдствіи обычай измѣнился и что кольца стали носить на указательномъ пальцѣ, а наконецъ на мизинцѣ и что даже на статуяхъ боговъ были кольца.⁸ Должно думать, что кольца носили и на большомъ пальцѣ.

Древніе весьма дорожили своими кольцами, имѣвшими въ ихъ частной и общественной жизни гораздо большее значеніе, чѣмъ у насъ. Извѣстно, что они употреблялись не только для запечатыванія писемъ, но даже заминяли подписи и были какъ бы знаками дѣятельности и воли тѣхъ, кому они принадлежали. «Александръ Великій, чувствуя приближеніе смерти, *сложилъ съ пальца кольцо и передалъ Пердикѣ*, въ знакъ того, что поручаетъ ему власть».⁹ Тиверій, умирая, снялъ кольцо, какъ бы намереваясь передать его кому нибудь, но поддержавъ нѣсколько времени, опять надѣлъ на палецъ.¹⁰

Рыцки запрещалось дѣлать одну и ту же печать для разныхъ лицъ, и въ Солоновыхъ законахъ опредѣлялось наказаніе за удержаніе у себя рыцикомъ оттиска съ кольца, которое онъ гравировалъ.¹¹

У Персоевъ, получать кольцо отъ Царя считалось большою милостію, потому что, получившій кольцо дѣлался близкимъ Царю человекомъ.¹²

Кольца дѣлались изъ разныхъ металловъ: желѣза, бронзы, золота. Римлянамъ сословія всадниковъ и тѣмъ, у которыхъ по цесу считалось 400 сестерціевъ наследственнаго дохода, сначала давались желѣзные кольца, а въ послѣдствіи они замѣнены были золотыми.¹³ Во время траура, а также народныхъ бѣдствій, золотыя кольца перемѣнялись на желѣзные.¹⁴

¹ Книга Бытия, гл. 45.

² Авлу-Геллій: *Аттич. ноч.* Кн. X. гл. 40.

³ Плиній: Кн. XXXIII. гл. 4.

⁴ Книга Бытия, гл. 45. Еванг. отъ Луки. Гл. 15. ст. 22.

⁵ Плиній: Кн. XXXIII. гл. 4.

⁶ Плутархъ: О хитрости животныхъ.

⁷ Dubois Maisonneuve: *Introd. à l'étude des vases*. P. LXXXVI.

⁸ Плиній: Кн. XXXIII. гл. 6.

⁹ Квинтъ-Курцій: Кн. X. гл. 5.

¹⁰ Светоній: Тиверій. Гл. LXXIII.

¹¹ Диогенъ Лаэртій: Солоны I. 57.

¹² Александри ав Александро: *Geniales dies*. Кн. II. гл. 49.

¹³ Алекс. ав Алекс.: Тамъ же.

¹⁴ Алекс. ав Алекс.: Тамъ же.

L'usage des anneaux remonte à la plus haute antiquité. «*Pharaon ôta son anneau de sa main et le mit en celle de Joseph.*»¹ AULU-GELLE cite le livre d'APION sur les Egyptiens qui attribue la coutume de les porter au quatrième doigt de la main gauche à la découverte d'un nerf qui correspondait plus directement au cœur². C'est peut-être pour cette raison que l'on y plaçait l'anneau nuptial qui était en fer primitivement, sans pierre aucune³. L'usage des anneaux était connu des Hébreux⁴. Les Lacédémoniens portaient des anneaux en fer.⁵

PLUTARQUE parle de l'anneau d'Ulysse sur lequel ce héros avait fait graver un dauphin, en mémoire de ce que son fils Télémaque, étant encore enfant, aurait perdu la vie, sans le secours de ce poisson ami de l'homme.⁶

Les peintures des vases offrent souvent des figures de femmes avec des anneaux aux doigts, quelquefois à la main droite⁷. PLINÉ dit que les statues de Numa et de Servius Tullius avaient un anneau au quatrième doigt de la main. Il ajoute que la coutume changea ensuite, que l'on porta les anneaux au doigt indicateur, et enfin au petit doigt, et que même les statues des dieux avaient des anneaux⁸. Il paraît aussi qu'on en porta au pouce.

Les anciens attachaient un très-grand prix à leurs anneaux qui jouaient dans leur vie privée et publique un rôle plus important que chez nous. On sait qu'ils leur servaient non seulement à sceller leurs lettres, mais qu'ils remplaçaient même leur signature, et qu'ils étaient comme le signe de leur activité et de leur volonté. Alexandre-le-Grand se sentant mourir, «*tira son anneau de son doigt pour le donner à Perdicas*»⁹, en signe qu'il lui remettait le pouvoir. Tibère mourant tira son anneau, comme pour le donner à quelqu'un, le tint un moment, puis le remit de nouveau à son doigt.¹⁰

Il était défendu à un graveur de faire le même sceau pour deux personnes; et une loi de Solon prononçait des peines contre l'ouvrier qui aurait conservé l'empreinte d'un anneau gravé par lui.¹¹

Chez les Perses, recevoir un anneau du roi était une marque de haute faveur qui signifiait que le souverain admettait dans son intimité celui qu'il distinguait ainsi.¹²

La matière des anneaux était différente; on employa le fer, le bronze, l'or. Les Romains de l'ordre équestre, et ceux qui jouissaient d'après le cens de 400 sesterces de revenu de bien paternel, reçurent d'abord des anneaux de fer, remplacés plus tard par des anneaux d'or¹³. Dans les jours de deuil ainsi que dans les jours de calamités publiques, on remplaçait les anneaux d'or par des anneaux de fer.¹⁴

¹ Genèse XLI. 42.

² AULU-GELLE: Nuits attiq. Liv. X. chap. 10.

³ PLINÉ: Liv. XXXII. chap. 4.

⁴ Genèse. XXXVIII. 18. 25. St. Luc. XV. 22.

⁵ PLINÉ: Liv. XXXIII. chap. 4.

⁶ PLUTARQUE: De la finesse des animaux.

⁷ DUBOIS MAISONNEUVE: Introd. à l'étude des vases. Pl. LXXXV.

⁸ PLINÉ: Liv. XXXIII. chap. 6.

⁹ QUINTE-CURCE: Liv. X. Chap. 5.

¹⁰ SUÉTONE: Tibère. Chap. LXXIII.

¹¹ DIOGÈNE LAËRCE: Solon. I. 57.

¹² ALEXANDRI AB ALEXANDRO: Geniales dies. Lib. II. cap. 49.

¹³ ALEX. AB ALEX. Ibid.

¹⁴ ALEX. AB ALEX. Ibid.

На кольцах изображались различные сюжеты: животными, портреты предков, друзей, государей.¹

По мифу Паттарха и Элиана на кольцах египетских воинов потому вырезывали скарабея, что это насекомое всегда мужского пола.² У Арея, Царя Лакедимонского, изображен был на кольце орелъ, держащий въ когтяхъ дракона.³ На кольце Помпея, которое принесено было къ Юлію Кесарю вместе съ головою Помпея, вырезанъ былъ левъ съ мечемъ въ когтяхъ.⁴ Мецентъ имѣлъ на своемъ кольцѣ лягушку. Плиній, шутя, сказалъ объ этомъ: «*Quin etiam Maccenatis rana, per collationem respiciantur in magno letore erat.*»⁵

Домашніе пріятели Эпикура носили на своихъ кольцахъ его портретъ.⁶ У Левтула Суры былъ на кольцѣ портретъ его предка Циціона Африканскаго, и когда надобно было уличить его въ участіи въ заговорѣ Килинны, ему указали его печать на перехваченныхъ письмахъ.⁷ Мы находимъ голову Александра на печати фамилии Макріановъ.⁸

Иногда изображали на кольцахъ историческое событіе. На кольцѣ Дарія была представлена лошадь, въ память того, что онъ чрезъ ржаніе своего коня сдѣлался Царемъ.⁹ Сулла вмѣсто подписи прикладывалъ печать, на которой была изображена сцена выдачи ему Югурты¹⁰, чѣмъ онъ еще болѣе возбуждалъ противъ себя Марія.¹¹

Сначала не рѣшались вырезывать на кольцахъ изображенія боговъ; но впоследствии Римляне отбросили сомнѣніе свое объ этомъ.¹² Юлій Кесарь имѣлъ на своемъ кольцѣ изображеніе вооруженной Веры, въ ознаменованіе божественнаго происхожденія, которое онъ себѣ приписывалъ.¹³ Секретаремъ и хранителемъ его печати былъ Трогъ Помпій, отецъ историка.¹⁴

Августъ сначала печаталъ свои дѣшевыя кольца съ изображеніемъ сфинкса¹⁵ (эмблемы, вполнѣ соответствующей его характеру); потомъ употреблялъ кольцо съ головою Александра Великаго¹⁶; наконецъ прикладывалъ, вмѣсто подписи, печать кольца съ собственнымъ ликомъ, гравированнымъ знаменитымъ Диоскоридомъ.¹⁷ Храненіе сей печати вѣрено было Агриппѣ и Мецену, которые прикладывали его къ письмамъ Августа и имѣли право дѣлать въ нихъ измѣненія, какія считали нужными.¹⁸

¹ Кирсманнус: De annis. стр. 84.

² Паттархъ: Иуда и Озиридъ. Элианъ: О животныхъ. Кн. X. гл. 15.

³ Ювеналъ: Кн. XII. гл. 5.

⁴ Паттархъ: Помпей.

⁵ Плиній: Кн. XXXVII. гл. 4.

⁶ Сисеко: De finib. bon. et mal. Кн. V. 1.

⁷ Сисеко: Сат. 3.

⁸ Трекеллий-Полионъ: Кнѣзь Мавр.

⁹ Оуквидъ: Схол.

¹⁰ Плиній: Кн. XXXVII. гл. 4.

¹¹ Паттархъ: К. Марій.

¹² Плиній: Кн. II. гл. 5.

¹³ Дионъ: Кн. XLIII.

¹⁴ Юстинъ: Кн. XLIII. гл. 5.

¹⁵ Плиній: Кн. XXXVII. гл. 4. Светоній: Окт. Авг. Гл. L.

¹⁶ Плиній: Тамъ же. Светоній: Тамъ же.

¹⁷ Плиній: Тамъ же. Светоній: Тамъ же.

¹⁸ Дионъ: Кн. LI.

On gravait sur les anneaux une foule de sujets, des figures d'animaux, les images de ses ancêtres, de ses amis, celles des souverains.¹

PLUTARQUE et ELIEN prétendent que l'on gravait un scarabée sur les anneaux des guerriers chez les Egyptiens, parce que chez cet insecte tous les individus sont du sexe mâle.² Aréus, roi de Lacédémone, avait sur son anneau un aigle tenant un dragon dans ses serres.³ L'anneau que Pompée avait au doigt, et que l'on présenta avec sa tête à Jules César, offrait un lion tenant un glaive.⁴ Mécène avait une grenouille sur son anneau. PLINE dit à ce sujet, en plaisantant: «*Quin etiam Maecenatis rana, per collationem pecuniarum in magno terrore erat.*»⁵

Les familiers d'Epicure portaient son image sur leurs anneaux.⁶ Lentulus Sura avait sur son anneau la figure de Scipion-l'Africain son aïeul; et pour le convaincre d'avoir trempé dans la conjuration de Catilina, on lui fit reconnaître son cachet sur les lettres interceptées.⁷ La tête d'Alexandre était sur le cachet de la famille des Macriens.⁸

Un fait historique était quelquefois figuré sur un anneau. Darius avait sur le sien un cheval, rappelant celui dont le hennissement l'avait fait roi.⁹ Sylla signait avec un anneau qui offrait la scène de la remise en ses mains de Jugurtha¹⁰; irritant par là Marius.¹¹

On avait d'abord hésité à mettre les images des dieux sur les anneaux; mais les Romains renoncèrent plus tard à ce scrupule¹². Jules César, en souvenir de l'origine divine qu'il s'attribuait, portait sur son anneau la figure de Vénus armée¹³; et TROQUE POMPÉE, père de l'historien, était son secrétaire et le gardien de son anneau.¹⁴

Auguste scella d'abord ses dépêches avec un anneau sur le quel était gravé un sphinx¹⁵ (emblème bien harmonie avec son caractère). Plus tard il fit usage d'un anneau offrant la tête d'Alexandre-le-Grand.¹⁶ Il signa enfin avec un anneau qui offrait sa propre tête, gravée par le célèbre Dioscoride.¹⁷ Agrippa et Mécène étaient dépositaires de son cachet, avec le privilège de l'apposer sur les lettres qu'il adressait, en y faisant les changements qu'ils jugeaient à propos.¹⁸

¹ KIRCHMANNUS: De Annulis. p. 84.

² PLUTARQUE: Isis et Osiris. ELIEN: Des animaux. Liv. X. chap. 45.

³ JOSEPH. Liv. XII. chap. 5.

⁴ PLUTARQUE: Pompée.

⁵ PLINE: Liv. XXXVII. chap. 4.

⁶ CICERO: De finib. bon. et mal. Liv. V. 4.

⁷ CICERO: Cat. 3.

⁸ TREBELLIVS-POLLION: Quietus Macr.

⁹ THUCYD: Schol.

¹⁰ PLINE: Liv. XXXVII. chap. 4.

¹¹ PLUTARQUE: C. Marius.

¹² PLINE: Liv. II. chap. 5

¹³ DION.: Liv. XLIII.

¹⁴ JUSTIN: Liv. XLIII. 5.

¹⁵ PLINE: Liv. XXXVII. chap. 4. SUÉTONE: Oct. Aug. Chap. L.

¹⁶ PLINE: Ibid. SUÉTONE: Ibid.

¹⁷ PLINE: Ibid. SUÉTONE: Ibid.

¹⁸ DION. Liv. LI.

Expl. des Pl.

Преемники Августа прикладывали руку кольцомъ съ его портретомъ.¹ Мы видимъ однако, что Гальба сохранилъ на своемъ кольцѣ изображеніе, принятое его предками: собаку, смотрящую съ носовой части корабля²; Адрианъ же имѣлъ на своемъ кольцѣ собственный портретъ.³

Коммодъ подписывалъ письма кольцомъ, на которомъ была изображена Амазонка. Эта Амазонка представляла его любовницу Марцію, которую онъ охотно облачалъ въ этотъ образъ⁴ (См. Описание рис. IV. 1.).

Въ знакъ признательности къ Херсонисцамъ за ихъ пожертвованія въ пользу Имперіи, Константинъ Великій послалъ имъ золотыя кольца съ своимъ портретомъ, съ тѣмъ, чтобы они употребляли ихъ въ случаѣ какой либо до него просьбы.⁵

Гелиогабалъ надѣвалъ каждый день новое кольцо.⁶

Употребленіе колецъ съ рѣзными камнями восходитъ до самой отдаленной древности. Это доказывается этрускими, скарабеемъ и камнями: греческими, египетскими, ассирійскими, вавилонскими и другими. Кольца эти часто имѣли огромную цѣнность. Исторія знаменитаго перстня Поликрата извѣстна.⁷ Извѣстно также, что Александръ Македонскій эдиктомъ запретилъ всѣмъ художникамъ, за исключеніемъ Пирготея, гравировать его портретъ на драгоценныхъ камняхъ. «*Ne quis ipsum alius quam Apelles pingeret, quam Pyrgoteles scalperet, quam Lysippus ex aere duceret.*»⁸

У Царя Пирра, ведшаго войну съ Римомъ, былъ знаменитый рѣзной камень, агатъ, съ изображеніемъ Аполлона съ лирою въ рукѣ, окруженнаго девятью Музами.⁹

По доставленіи Помпеемъ въ Римъ Митридатова перстневика, внесеннаго имъ въ Капитолій, вѣстъ на рѣзные кольца или перстни долженъ былъ распространиться между Римлянами, уже пріучившимися къ роскоши добычами въ Греціи и на Востоцѣ. Въ кольцахъ роскошь доходила у нихъ до неимовѣрности. У Севатора Нонія было кольцо, котораго камень стоилъ 20.000 сестерцій, за что Антоній приговорилъ Нонія къ изгнанію.¹⁰ Извѣстно, что во время войнъ междоусобія статуя, взята или другое произведеніе искусства, которое хозяинъ не соглашался уступить могущественному противнику, нерѣдко служили сему послѣднему поводомъ къ произвошенію противъ него смертнаго приговора

Сагуръ считается первымъ между Римлянами, у котораго была *дактилюотека*, т. е. собраніе колецъ, хранившихся въ особомъ ящикѣ.¹¹ Эти ящики или ларцы были иногда бронзовые.¹²

¹ Светоній: Окт. Авг. Гл. L. Діонъ: Кн. LI.

² Діонъ: Кн. LI.

³ KIRCHMANNUS: De sup. Roman. Кн. I. гл. 5.

⁴ KIRCHMANNUS: De anulis, стр. 85.

⁵ Сост. РОРРТУ: De admin. Imp. Гл. 53.

⁶ АЛЕХ. АВ. АЛЕХ.: Кн. II. гл. 49.

⁷ По мнѣнію нѣкоторыхъ это былъ *сардоніксъ*, по показанію Геродота (III. 41.) *изумрудъ*, рѣзанный Θεοδωρὸς Самосκινὴς. См. Плинія, изд. Лемера. Т. 9. стр. 566. прим. 5. По показанію Климента Александрійскаго (Книга 3. Педаг.) на этомъ перстнѣ была изображена лира.

⁸ Плиній: Кн. VII. гл. 38.

⁹ Плиній: Кн. XXXVII. гл. 3.

¹⁰ Плиній: Тамъ же. Гл. 24.

¹¹ Плиній: Кн. XXXVII. гл. 5.

¹² Annali dell' Inst. di corr. arch. Т. XIV. стр. 82.

Les successeurs d'Auguste signèrent avec un anneau qui offrait son image.¹ Nous voyons cependant que Galba conserva sur le sien la figure adoptée par ses ancêtres: un chien regardant du haut d'une proue²; et que Adrien avait sur le sien sa propre effigie.³

Commode signait ses lettres avec un anneau offrant la figure d'une Amazone. Cette Amazone était Marcia, sa favorite, qu'il aimait à voir ainsi représentée⁴ (voyez le texte de la Pl. IV. 1.).

Constantin-le-Grand envoya aux Chersonésiens, comme prix de leurs sacrifices pour l'Empire, des anneaux d'or sur lesquels son image était gravée et dont ils devaient se servir quand ils auraient quelque demande à lui faire.⁵

Héliogabale poussa l'exagération jusqu'à changer d'anneau chaque jour.⁶

Les anneaux à pierres gravées remontent dans l'antiquité à une époque très-reculée. Les scarabées étrusques, les pierres grecques, égyptiennes, assyriennes, babyloniennes et autres en font foi. Ces anneaux avaient souvent une valeur immense. On connaît l'histoire du célèbre anneau de Polycrate.⁷ On sait qu'Alexandre avait défendu par un édit qu'aucun artiste, à l'exception de Pyrgotèle, ne gravât son effigie sur une pierre fine. «*Ne quis ipsum alius quam Apelles pingeret, quam Pyrgoteles scalperet, quam Lysippus ex aere duceret.*»⁸

Le roi Pyrrhus qui fit la guerre aux Romains avait une pierre gravée dont la réputation était fameuse; c'était une agate où figurait Apollon, la lyre en main, au milieu des neuf Muses.⁹

Pompée en transportant à Rome le baguier de Mithridate qu'il déposa au Capitole, dut répandre le goût des anneaux gravés chez les Romains, que les dépouilles de la Grèce et de l'Orient habituèrent vite à un luxe inouï en toutes choses; celui des anneaux prit de grandes proportions. Le sénateur Nonius avait un anneau dont la pierre valait 20 mille sesterces, ce qui le fit proscrire par Antoine.¹⁰ On sait que dans les guerres civiles la possession d'une statue, d'un vase ou d'un autre objet d'art dont on hésitait à se défaire, suffisait pour qu'un ennemi puissant prononçât un arrêt de mort contre le possesseur.

Il paraît que Scavrus fut le premier Romain qui eut une *dactylothèque* ou collection d'anneaux renfermés dans une cassette.¹¹ Ces dactylothèques ou cassettes étaient quelquefois en bronze.¹²

¹ SUÉTONE: Oct. Aug. Chap. L. DION. Liv. LI.

² DION. Liv. LI.

³ KIRCHMANNUS: De fin. Rom. Lib. I. cap. 5.

⁴ KIRCHMANNUS: De Annulis. p. 85.

⁵ CONST. PORPHYR.: De admin. Imp. Cap. 53.

⁶ ALEX. AB ALEX. Lib. II. cap. 19.

⁷ Suivant les uns c'était un *sardonyx*; suivant HÉRODOTE (III. 41.), une *émeraude* gravée par Theodorus de Samos. Voyez la note 5, p. 566 du tome 9 de PLIN, Ed. LEMAITRE. D'après un passage de CLÉMENT d'Alexandrie (liv. 3. Paedag.), une lyre était gravée sur cet anneau.

⁸ PLIN: Liv. VII. Chap. 38.

⁹ PLIN: Liv. XXXVII. chap. 3.

¹⁰ Ibid. Liv. XXXVII. chap. 21.

¹¹ PLIN: Liv. XXXVII. chap. 5.

¹² Annali dell'Inst. di corr. arch. To. XIV. p. 82.

Юлий Кесарь посвятил шесть дактилиотекъ храму Венеры-Производительницы (Genitrix).¹ Сынъ Октавіи, Маркеллъ, посвятилъ одну храму Аполлона.²

Судя по словамъ Марціала, кольца часто давались на память друзьямъ.

*«Ante frequens, sed nunc rarus nos donat amicus;
Felix cui comes est non alienus eques.»³*

Въ первомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія роскошь колець доходила до такой изысканности и чрезмѣрности, что обратила на себя стрѣлы поэтовъ-сатириковъ. Судя по слѣдующей эпиграммѣ, не только убрали кольцами всѣ пальцы вдругъ, но носили даже по шести колець на каждомъ пальцѣ.

*«Senos Charinus omnibus digitis gerit,
Nec nocte ponit, annulos,
Nec quum lavatur; causa quae sit, quaeritis?
Dactyliothecam non habet.»⁴*

Полагать должно, что между Римлянами были безумцы, доходившіе въ пристрастіи къ кольцамъ до того, что носили ихъ неимоверной величины и вѣсомъ въ фунтъ, если вѣрить другой эпиграммѣ Марціала:

*«Zoile, quid tota gemmam praecingere libra
Te juvat, et miserum perdere sardonycha?
Annulus iste tuis fuerat modo cruribus aptus
Non eadem digitis pondera conveniunt.»⁵*

По сатиры Ювенала, у какого-то Криспина, были лѣтнія кольца, а потому, конечно, и зимнія:

*«Crispinus
Ventilet aestivum digitis sudantibus aurum,
Nec suffere queat majoris pondere gemmae;
Difficile est satiram non scribere»⁶*

Овидій упрекалъ римскихъ дамъ въ роскоши колець:

«Conspiciam gemmis vultis habere manum.»⁷

Величина нѣсколькихъ изъ нашихъ колець невольно напоминаетъ намъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь обвиненій древнихъ писателей.

Мы сказали выше, что на кольцахъ иногда изображали портреты предковъ. Судя по тому, что говоритъ Валерій-Максимъ, должно полагать, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сынъ могъ быть

¹ Плиній: Кн. XXXVII. гл. 5.

² Плиній: Тамъ же.

³ Марціал: Epigr. Кн. XIV. 422.

⁴ Марціалъ: Тамъ же. Кн. XI. 59.

⁵ Марціалъ: Тамъ же. Кн. XI. 37.

⁶ Ювеналъ: I. 27 — 30.

⁷ Овид.: Medicam. faciei. ст. 20.

Jules César consacra six dactylothèques dans le temple de Venus Genitrix.¹ Marcellus, fils d'Octavie, en consacra une dans le temple d'Apollon.²

Le don d'un anneau, si nous en jugeons par MARTIAL, était souvent le souvenir d'un ami:

*«Ante frequens, sed nunc rarus nos donat amicus;
Felix cui comes est non alienus eques.»³*

Le luxe des anneaux devint au premier siècle de l'ère chrétienne l'objet d'une recherche et d'une exagération qui exercèrent la verve satirique des poètes; on en portait à tous les doigts, et même six à chaque doigt, si nous en croyons cette épigramme:

*«Senos Charinus omnibus digitis gerit,
Nec nocte ponit, annulos,
Nec quum lavatur; causa quae sit, quaeritis?
Dactyliotheecam non habet.»⁴*

Il paraît que des Romains extravagants poussèrent cette exagération jusqu'à porter des anneaux d'une grandeur énorme, du poids d'une livre, si nous en jugeons par cette autre épigramme:

*«Zoïle, quid tota gemmam praecingere libra
Te juvat, et miserum perdere sardonicha?
Annulus iste tuis fuerat modo cruribus aptus;
Non eadem digitis pondera conveniunt.»⁵*

Si nous en croyons une satire de JUVÉNAL, il y aurait eu un Crispinus qui avait des anneaux pour l'été, et sans doute d'autres anneaux pour l'hiver:

*«Crispinus
Ventilet aestivum digitis sudantibus aurum,
Nec sufferre queat majoris pondera gemmae;
Difficile est satiram non scribere.»⁶*

OVIDE reprochait aux dames romaines le luxe de leurs bagues:

«Conspiciam gemmis vultis habere manum.»⁷

La dimension de plusieurs des anneaux de notre collection fera involontairement songer à quelques-uns des passages que nous venons de citer.

Nous avons dit plus haut que l'on mettait quelquefois sur un anneau l'image de ses ancêtres. Il paraîtrait d'après un passage de VALÈRE MAXIME, que dans de certaines circonstances le fils d'un grand

¹ PLINIE: Liv. XXXVII. chap. 5.

² PLINIE: Ibid.

³ MARTIAL: Epigr. Liv. XIV. 122.

⁴ MARTIAL: Ibid. Liv. XI. 59.

⁵ MARTIAL: Ibid. Liv. XI. 37.

⁶ JUVEN: I. 27 — 30.

⁷ OVID.: Medicam. faciei v. 20.

объявлять недостойнымъ, по своему характеру, владѣть и носить перстень съ портретомъ отца. Рѣчь идетъ о сынѣ Сципіона Африканскаго.¹

Можно бы еще привести много примѣровъ различныхъ изображеній на древнихъ кольцахъ. На перстнѣ, принадлежавшемъ Селевку (сыну Антиоха), былъ порабельный якорь². Въ одномъ письмѣ Плиній-Младшій самъ извѣщаетъ насъ, что онъ подписывалъ перстнемъ съ изображеніемъ четырехконной колесницы: «*Signata est annulo meo, cujus aposphragisma quadriga.*»³

Поединку кольцо въ одно и то же время служило и вмѣсто подписи и вмѣсто печати, то ясно, что иногда обстоятельства заставляли перемѣнять на немъ изображеніе. Августъ три раза перемѣнял свое кольцо. Въ случаѣ потери кольца, надобно было выбрать для себя другое, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ:

«*Nonne arbitraris eum adulescentem annuli
Paterni signum gnovisse?—Etiam tu taces?
Sexcentas ad eam rem causae possunt contigi:
Illum quem habuit, perdidit, alium post fecit novum.*»⁴

1. Плоское кольцо съ горцевымъ узоромъ, украшеннымъ нешлифованнымъ гранатомъ. По малости кольца можно предположить, что оно принадлежало молодой дѣвчонѣ.

Найдено въ пещельной урнѣ гробницы плана С. Ы. См. Введ. стр. LXII и описаніе плана.

2. Кольцо славной работы съ просѣтами, украшенное сердолитомъ.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1844 г. въ курганѣ близъ завода Князя Херхеулидзева.

3. Одно изъ колецъ Парции съ золотою маскою. Оно двойное, что весьма идетъ въ обручальному кольцу, и украшено сердолитами. (См. описаніе рис. I.)

4. Кольцо съ рѣзнымъ вглубь сердолитомъ.

Изображеніе: крылатая женщина въ шлемѣ, держащая въ лѣвой рукѣ какой-то неясный предметъ, а въ правой руль. Женщина эта либо Счастіе, которое на нѣкоторыхъ древнихъ камняхъ и статуяхъ изображалась также, какъ и адѣс: крылатымъ и въ шлемѣ⁵, либо многобожное изображеніе⁶ съ маскою Минервы, рулемъ Счастія и, можетъ быть, колосомъ Цереры.

Найдено въ Фанаторин и прислано отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852 г.

5. Кольцо съ гранатомъ, гравированнымъ вглубь. Изображеніе: стоящее Счастіе съ модіусомъ на головѣ, держащее въ рукахъ руль и рогъ изобилія. По дурной гравировкѣ камня, эти послѣднія принадлежности скорѣе угадываются, чѣмъ узнаются.

Найдено въ Фанаторин и прислано отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852.

¹ VALER. MAXIM.: Lib. III. Cap. V. De Degeneribus.

² СЛЕМ. АЛЕК.: Lib. 3. Paedag.

³ С. ПЛИН.: Epist. Lib. X. 46.

⁴ ПЛАУТ.: Trinumus. III. 3. ст. 60—63.

⁵ WISAR: Gal. de Florence et du palais Pitti. T. I. P. 47. T. II. P. 37. Рѣзные камни.

⁶ ГОЛТ: Gemmae astriferae. T. I. P. 125. Рѣзной камень съ такимъ же сюжетомъ, определеннѣе выраженнымъ.

homme pouvait par son caractère être déclaré indigne et être privé de l'anneau sur lequel était gravée l'image de son père. Il s'agit d'un fils de Scipion-l'Africain.¹

On pourrait citer bien d'autres exemples des représentations variées qu'offraient les anneaux chez les anciens. Celui de Séleucus (fils d'Antiochus) avait une ancre de vaisseau². PLIN-LE-JEUNE nous dit lui-même dans une de ses lettres qu'il signait avec un anneau sur lequel était gravé un quadrigé: «*Signata est annulo meo, cujus aposphragisma quadriga.*»³

L'anneau servant à la fois de signature et de sceau on comprend que les circonstances commandaient quelquefois d'en changer la gravure. Auguste changea trois fois le sien. Si l'anneau se perdait il fallait en adopter un autre, ainsi que cela est indiqué dans ce passage de PLAUTE:

«*Nonne arbitraris eum adulescentem annuli
Paterni signum gnovisse? — Etiam tu taces?
Sexcentas ad eam rem causae possunt conligi:
Illum quem habui, perdidit, alium post fecit novum.*»⁴

1. Anneau plat, à noeud gordien, orné d'un grenat en cabochon. Sa petite dimension peut faire supposer qu'il a été porté par une jeune fille.

Trouvé dans l'urne cinéraire du tombeau du Plan C. 5. Voir notre Introduction, page LXIII., et les légendes de ce plan.

2. Anneau en filigrane, travaillé à jour, avec chaton de cornaline.

ASCHIK. 1844. Tumulus près de la fabrique du Prince Kherkheoulidseff.

3. Un des anneaux de la réime du masque d'or. Il est double (jolie idée pour un anneau nuptial) et orné de cornalines (voir la légende de la Pl. I.).

4. Anneau avec intaille en cornaline.

Figure de femme ailée et casquée, tenant de la gauche un objet indistinct, et de la droite un gouvernail. C'est la Fortune que quelques pierres et statues antiques offrent, comme ici, ailée et avec un casque⁵, ou une divinité panthée⁶, avec le casque de Minerve, le gouvernail de la Fortune et, peut-être, les épis de Cérès.

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

5. Anneau avec intaille en grenat. Fortune debout, le *modius* sur la tête, tenant le gouvernail et la corne d'abondance. La gravure, peu soignée, laisse plutôt deviner ces derniers attributs.

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

¹ VALER. MAXIM. Lib. III. cap. 5. De Degeneribus.

² CLEM. ALEX. Lib. 3. Paedag.

³ C. PLIN.: Epist. Lib. X. 16.

⁴ PLAUT.: Trinumus. III. 3. v. 60—63.

⁵ WICAR: Gal. de Florence et du palais Pitti. To. I. pl. 47. To. II. pl. 37. Pierres gravées.

⁶ GORI: Gemmae astriferae. To. I. Pl. 125. Pierre gravée, à sujet semblable, mieux déterminé.

6. Кольцо из цельного золота с рѣзнымъ вглубь гранатомъ. На немъ грудное изображеніе женщины, обращенной влѣво, съ покрываломъ на головѣ.

Прислано отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1853 г.

7. Кольцо съ гравированнымъ вглубь сердоликомъ. Изображеніе: Фавнъ или Сатиръ съ подумомъ и шкурою въ рукахъ, подлѣ него идетъ барсъ.

Найдено близъ Анаши.

8. Кольцо съ гравированнымъ вглубь сердоликомъ. Изображеніе: кажется, воинъ, держащій въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой какой-то неясный предметъ.

Прислано изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

9. Кольцо изъ цельного золота съ гравированнымъ вглубь сирійскимъ гранатомъ (камень имѣтъ трещины). Вѣсъ $14\frac{1}{2}$ золотниковъ.

Изображеніе: воинственная Венера (*Ἀφροδίτη ἀρμα*) или неокрыленная Побѣда, въ лѣвой рукѣ держитъ копье, право вѣнчаетъ трофей. Неокрыленной побѣдѣ (*Νίκη ἄπτερος*) посвященъ былъ въ Афинахъ небольшой храмъ, существовавшій до нынѣ; она была изображена въ немъ *безъ крыльевъ*, дабы не могла улетѣть.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ плитовой гробницѣ близъ Карантиннаго шоссе, вмѣщавшей въ себѣ женскій овалъ съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. См. Введеніе стр. LXII.

10. Кольцо изъ цельного золота съ рѣзнымъ вглубь перекрещеннымъ калцедономъ. Вѣсъ $4\frac{2}{3}$ зол.

Изображеніе: Аполлонъ Китаредъ или Аполлонъ Музagetъ, сидящій на скалѣ. Можетъ быть и Терпсихора или Эрато.

Найдено Г. Карейшею въ 1840 г. въ негробничѣ близъ Карантиннаго шоссе, устроенной на мѣстѣ костра. Кольцо это находилось въ пеплѣ, вмѣстѣ съ прекраснымъ скарabeeмъ (Р. XVI. 4.); ожерельемъ изъ двадцати двухъ узловъ, изъ числа которыхъ одинъ помѣщенъ на рис. XXIII. 4; другимъ ожерельемъ въ одиннадцать узловъ (тамъ же No. 6.); небольшимъ ожерельемъ, сходнымъ съ No. 7. XI. рис.; нѣкоторыми другими золотыми вещами; серебрянымъ веретеномъ и небольшимъ серебрянымъ, сильно попорченнымъ скинетромъ съ птицею на концѣ (эти вещи также находятся въ Эрмитажѣ); да еще бронзовыми зеркалаиъ и стрижилемъ, нѣсколькими черепками раскрашенныхъ вазъ и золотою медалью Лизимаха.

11. Кольцо изъ цельного золота съ гравированнымъ вглубь сердоликомъ.

Изображеніе: три героя, бросающіе жребій; работа этого кольца въ лучшемъ стилѣ, но не самого древняго времени. Изображеніе это напоминаетъ подобное же, встрѣчаемое на нѣсколькихъ древнихъ рѣзныхъ камняхъ и которое обыкновенно означаютъ названіемъ греческихъ героев передъ Троею.² На нашемъ камнѣ вдали видѣнъ сфинксъ на столбѣ, что, можетъ быть, замѣчаетъ на нежизнѣ, въ которой находятся бросающіе жребій, пока не последуетъ рѣшеніе судьбы.

¹ На превосходномъ древнемъ рѣзномъ камнѣ Эрмитажнаго собранія (Витрина С. II. 4. 40.) изображена Побѣда безъ крыльевъ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукѣ.

² Илиада, VII. 175.

6. Anneau massif avec intaille en grenat. Buste de femme voilée, à gauche.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1853.

7. Anneau avec intaille en cornaline. Faune ou Satyre tenant un pedum et une peau, suivi d'une panthère.

Fouille d'Anapa.

8. Anneau avec intaille en cornaline. Guerrier, il semble, debout, tenant de la droite une haste et de la gauche un objet indistinct.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

9. Anneau massif, avec intaille en grenat syrien (la pierre est fendue). Poids, $14\frac{1}{8}$ zolotniks.

Vénus guerrière ($\Delta\varphi\rho\delta\epsilon\tau\eta\ \acute{\alpha}\varphi\epsilon\iota\alpha$) ou Victoire sans ailes, tenant de la gauche une haste et couronnant de la droite un trophée. La Victoire sans ailes¹ (Νίκη ἀπτερος) avait à Athènes un petit temple, qui existe encore, et où elle était représentée *non ailée*, pour qu'elle ne pût pas s'envoler.

ASCHIK. 1838. Chemin de la Quarantaine. Tombeau en dalles renfermant un squelette de femme, avec une couronne d'or sur la tête. Voir notre Introduction, page LXIII.

10. Anneau massif, avec intaille en calcédoine calcinée. Poids $4\frac{5}{12}$ zolotniks.

Apollon Citharède ou Apollon Musagète, assis sur un rocher; peut-être aussi Terpsichore ou Erato.

KARISCH. 1840. Chemin de la Quarantaine. Tombeau élevé sur la place d'un bûcher. On trouva cet anneau au milieu des cendres, avec le superbe scarabée Pl. XVI. 4., un collier de vingt-deux noeuds dont l'un est figuré Pl. XXIII. 4., un autre collier de onze noeuds dont l'un est figuré Pl. XXIII. 6., un petit collier semblable à celui de la Pl. XI. 7., quelques autres objets en or, un fuseau en argent, un petit sceptre en argent très-oxydé, terminé par une figure d'oiseau (ils sont à l'Ermitage), un miroir et une strigile en bronze, quelques fragments de vases peints et une médaille en or de Lysimaque.

11. Anneau massif, avec intaille en cornaline.

Trois héros tirant au sort. Gravure du meilleur style, mais d'une époque avancée. Ce charmant sujet rappelle celui que l'on voit sur quelques pierres gravées antiques, et que l'on désigne ordinairement comme représentant des héros grecs devant Troie.² Sur notre pierre on distingue dans le fond un sphinx sur une colonne, allusion peut-être au mystère qui précède le moment où le sort va prononcer.

¹ Un très-beau camée antique de la collection de l'Ermitage (Vitrine C. II. 4. No. 40) offre la Victoire sans ailes, tenant une couronne de laurier.

² Iliade. VII. 475.

Expl. des Pl.

На рѣзномъ камнѣ, принадлежавшемъ Пфальцскому собранію, и публикованномъ Бегеромъ¹, изображенъ тотъ же сюжетъ; но, на мѣсто сфинкса, на столбѣ сорока, что подаю издателью поводъ къ заключенію, что на камнѣ изображены герои, вывѣдывающіе будущую судьбу свою.

Камень съ подобнымъ же изображеніемъ, но безъ сфинкса и безъ сороки, есть во Флоренціи и публикованъ Викаромъ.² Въ описаніи этого камня сказано, что на немъ представленъ Ахиллъ, раздающій награды побѣдителямъ на знаменитыхъ играхъ, бывшихъ на похоронахъ Патрокла и что подъ нагнувшеюся фигурою должно разумѣть сына Пелеева, подающаго вазу Нестору³, хотя сей, по старости, и не могъ участвовать въ играхъ.

Въ VII пѣсни Иліады говорится о 'деяти герояхъ, кидяющихъ жребій о томъ, кому изъ нихъ поборотъ Гектора. Можно остановиться на которомъ либо изъ сихъ толкованій.

Найдено въ курганѣ въ окрестности Керчи и прислано отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1853 году.

12. Кольцо съ гравированнымъ въглубъ гранатомъ.

Изображеніе: баснословное животное, составленное изъ передней части собаки и таковой же пѣтуха; изображеніе совершенно своеобразное, можетъ быть, означать бдительность. Гравировка хорошаго стиля, но не совсѣмъ древняя. На изданномъ Микаліемъ скарабѣ, найденномъ въ Вулчи, мы находимъ почти подобное же изображеніе, но вмѣсто собаки представленъ левъ въ такомъ же соединеніи съ пѣтухомъ.⁴

Найдено близъ Фанагоріи и прислано Графомъ Л. А. Перовскимъ въ 1852 г.

13. Кольцо изъ цѣльнаго золота съ гравированнымъ въглубъ гранатомъ.

Изображеніе: стоящій Ваяхъ; въ правой рукѣ держитъ тирсъ, въ лѣвой какой-то неясный предметъ; подлѣ него барсъ.

Найдено въ окрестности Керчи и доставлено отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1853 г.

14. Перстень изъ цѣльнаго золота съ гравированнымъ въглубъ персженнымъ каледономъ.

Изображеніе: кажется, Венера, стоящая и опирающаяся на столбъ; на лѣвой рукѣ держитъ голубя.

15. Перстень изъ цѣльнаго золота, сдѣланнаго въ видѣ камня съ рельефнымъ изображеніемъ. Въсѣ 12¼ золотниковъ.

Въ нашемъ собраніи два такихъ кольца. Другое, оставшееся въ Керченскомъ Музѣе, выслано отсюда по приказанію Графа Л. А. Перовскаго, который, замѣтивъ въ немъ нѣкоторую разность въ изображеніи противъ перваго кольца, нашелъ неудобнымъ разрознить ихъ. Второе кольцо отличается отъ изображеннаго на семъ рисункѣ тѣмъ, что на немъ поле не истыано, да кромѣ того, нѣкоторыми частностями шлема и нагрудника. Въсѣ втораго кольца 14 золотниковъ.

Оба кольца золотыя, не исключая и изображенія, сдѣланнаго въ видѣ камня, одно только лице изъ скріпскаго гризата. На сихъ кольцахъ представлена воинственная Минерва съ эгидою на груди и въ шлемѣ съ тройнымъ овершиемъ такого вида, какой извѣстенъ изъ медалей⁵ и другихъ памятниконъ древности,

¹ ВЕНА: Thesaurus ex Thesauris palatino. P. VIII. стр. 14.

² WICAR: Galerie de Florence et du palais Pitti. T. II. P. 20.

³ Иліада, XXIII. 615.

⁴ MICALI: Storia degli antichi popoli italiani. Атласъ, P. CXVII. 13.

⁵ CARRELLI: Numi Italiae veteris. P. 34.

Une pierre de la Collection palatine, publiée par BEGER¹, offre le même sujet. Au lieu du sphinx, il y a sur la colonne une pie, ce qui a fait penser à l'interpréteur que c'étaient des héros consultant le sort.

Une autre pierre gravée avec le même sujet, mais sans la figure du sphinx ni celle de la pie, existe à Florence. Elle est publiée par WICAR.² Le texte dit que c'est Achille, distribuant des prix aux vainqueurs dans les jeux célébrés aux funérailles de Patrocle, et que la figure penchée est celle du fils de Pélée offrant à Nestor un vase³, quoique son grand âge l'eût empêché de disputer le prix.

Dans le VIIe chant de l'Iliade, il est question de neuf héros qui tirent au sort, pour connaître celui qui devra combattre Hector. On peut choisir entre ces différentes interprétations.

Fouille aux environs de Kertch. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1853.

12. Anneau, avec intaille en grenat.

Animal chimérique, formé de la partie antérieure d'un chien et de celle d'un coq; sujet plein d'originalité qui offre peut-être le symbole de la vigilance. Gravure d'un bon style, mais d'une époque avancée. MICALI a publié un scarabée en cornaline, trouvé à Vulci, qui offre à peu près ce motif; mais au lieu d'une figure de chien, c'est une figure de lion jointe à celle d'un coq.⁴

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

13. Anneau massif, avec intaille en grenat.

Bacchus debout, tenant de la droite un thyrsos et de la gauche un objet indistinct, suivi d'une panthère.

Fouille aux environs de Kertch. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1853.

14. Anneau massif, avec intaille en calcédoine calcinée.

Vénus, il semble, debout, appuyée sur une stèle, tenant sur la gauche une colombe.

15. Anneau massif travaillé en camée. Poids 12 $\frac{1}{4}$ zolotniks.

Il existe dans notre collection deux anneaux pareils. Le second qui était resté au Musée de Kertch, en a été retiré, en 1853, par Mr. le COMTE PEROFFSKY qui ayant trouvé quelques variantes dans le sujet, a jugé que ces deux anneaux ne devaient pas être séparés. Ainsi dans le dernier anneau venu, le fond sur lequel la figure se détache, n'est pas travaillé au pointillé, comme dans le premier, et les détails du casque et de l'égide offrent quelque différence. Le poids du second anneau est de 14 zolotniks.

Ces deux anneaux sont en or, la figure comprise travaillée en camée; le visage seul est en grenat syrien. Ils offrent le buste de Minerve guerrière, couverte de l'égide et ayant sur la tête un casque à triple aigrette, d'une forme connue par des médailles⁵ et par des monuments antiques, entr'autres par la

¹ BEGER: Thesaurus ex Thesauris palatinis. pl. VIII. p. 14.

² WICAR: Galerie de Florence et du palais Pitti. To. II. pl. 20.

³ Iliade. XXIII. 615.

⁴ MICALI: Storia degli antichi popoli italiani. Atlas. pl. CXVII. 13.

⁵ CARELLI: Numi Italiae veteris. Tab. 34.

между прочим, из прекрасной бронзовой статуи Минервы Туринского Музея; видъ этотъ кажется, должно разумѣть подъ названіемъ *трифалла*, которымъ Колутъ опредѣляетъ племя Минервы¹ или скорѣе названіемъ *трисфосъ κράνος*, которое употребляетъ Полиенъ.²

Оба эти великолѣпные кольца, которые по величинѣ ихъ можно считать сдѣланными по обѣту, были найдены вмѣстѣ съ кольцомъ No. 9. этого рисунка.

16. Кольцо съ гравированнымъ въглубь гранатомъ. Изображеніе: бюстъ Психея, обращенный влѣво. Найдено вмѣстѣ съ повязкою Р. VI. 3.

17. Кольцо съ гравированнымъ въглубь сердоликомъ. Изображеніе: кажется, стоящій гермафродитъ, опирающийся на столбъ, въ лѣвой рукѣ держитъ вѣтвь и гроздъ. Можетъ быть и Аполлонъ.

Найдено Г. Карейшею въ 1847 г. въ курганѣ близъ Карантиннаго шоссе.

18. Кольцо съ гравированнымъ въглубь гранатомъ. Изображеніе: рука, держащая колосья и маковыя шишки.

Колосья и макъ встрѣчаются въ рукахъ Грацій и бога Bonus Eventus. На многихъ рѣзныхъ камняхъ, ихъ есть довольно и въ Эрмитажномъ собраніи, мы видимъ двѣ сложенные руки съ колосомъ и маковыми шишками и это весьма извѣстная эмблема находится также на медаляхъ Вителлія съ надписью: *fides exercitum*; но она весьма рѣдко встрѣчается въ одной рукѣ, какъ на нашемъ перстнѣ.

Найдено Г. Бягичевымъ въ 1846 г. въ курганѣ близъ Карантиннаго шоссе, въ женской гробницѣ, вмѣстѣ съ золотою серьгою.

19. Кольцо съ гравированнымъ въглубь гранатомъ. Изображеніе: рука держащая кончикъ уха. Сюжетъ этотъ часто изображался на древнихъ камняхъ съ надписью *μυτρίβωμεν³ помим*. Въ Эрмитажѣ есть нѣсколько камней съ такимъ изображеніемъ. На другомъ камнѣ, изданномъ Монфокономъ, мы видимъ тотъ же сюжетъ съ надписью *μυτρίβωμεν τῆς χαλῆς τούτης, помим счастливое время*.⁴

20. Другое кольцо съ гравированнымъ въглубь гранатомъ. Изображеніе: женская голова или скорѣе женская маска.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ плитовой гробницѣ, вмѣшавшей въ себя женскій оставъ. См. описаніе рисунка V. 4.

21. Кольцо изъ цѣльнаго золота съ гравированнымъ въглубь сердоликомъ. Вѣсъ $8\frac{3}{4}$ золотниковъ. Изображеніе: стоящая женщина, опирающаяся правою рукою на надгробный столбъ, лѣвая поднята. По дурной гравировкѣ нельзя опредѣлять сюжетъ этого изображенія.

Найдено Г. Карейшею въ 1834 г. въ плитовой гробницѣ, въ которой находилась женскій оставъ. См. Введеніе стр. LXIV.

¹ Καὶ βεβαρῆν τριφάλλων ἀπὸ κροτάφοιο μετέβηα. Колутъ: Похищеніе Елены. ст. 30.

² Πολύην: Стратег. Ки. VIII. гл. 59.

³ Монтегаусон: Suppl. III. P. 65. Расрѣ: 8329 — 8333 съ вышеприведенною надписью. Ковнелъ: Т. III. стр. 247. Примѣчаніи Г. Стефани.

⁴ Монтегаусон: Тамъ же. Монфеоконъ оба раза говоритъ, что рука держитъ колосъ; но на рисункѣ съ сѣткѣ камней точно изображенъ кончикъ уха, какъ на нашемъ камнѣ.

belle statuette de Minerve en bronze qui est au Musée de Turin, forme qui semble se rapporter à l'expression *τριφάλευα* dont COLUTHUS se sert pour désigner le casque de Minerve¹, ou plutôt à celle de *τριλόφος κράνος* qu'emploie POLYEN.²

Ces deux superbes anneaux qui, vu leur grandeur et le sujet qu'ils représentent, paraissent avoir été des objets votifs, ont été trouvés avec le No. 9. de cette planche.

16. Anneau avec intaille en grenat. Buste de Psyché, à gauche.

Trouvé avec le bandeau de la Pl. VI. 3.

17. Anneau avec intaille en cornaline. Figure d'hermaphrodite, il semble, debout, appuyée sur une stèle, tenant de la gauche un rameau et une grappe. C'est peut-être une figure d'Apoillon.

KAREISCHA. 1847. Tumulus près du chemin de la Quarantaine.

18. Anneau avec intaille en grenat. Une main tenant un épi et des pavots.

Les épis et les pavots figurent dans les mains des Grâces et du dieu Bonus Eventus. Beaucoup de pierres gravées (il s'en trouve bon nombre au Cabinet de l'Ermitage) offrent deux mains jointes d'où sortent un épi et des pavots; et cet emblème très-connu se voit sur des médailles de Vitellius, avec la légende *fides exercituum*; mais il est bien rare de le rencontrer dans une main seule, comme sur notre anneau.

Trouvé avec une boucle d'oreille en or, dans un tombeau de femme, renfermé dans un tumulus, voisin du chemin de la Quarantaine, exploré par Mr. BEGUITCHEFF, en 1846.

19. Anneau, avec intaille en grenat. Une main touchant le bout d'une oreille. Sujet fréquemment représenté sur les pierres antiques (il s'en trouve plusieurs en camée au Cabinet de l'Ermitage) avec l'inscription *μνημόνευε, souviens-toi*³. Une autre pierre publiée par MONTFAUCON, offre le même sujet avec l'inscription *μνημόνευε τῆς καλῆς τύχης, souviens-toi de la bonne fortune*.⁴

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

20. Anneau creux, avec intaille en grenat. Tête ou plutôt masque de femme.

ASCHIK. 1838. Tombeau en dalles, renfermant un squelette de femme. Voir la légende de la Pl. V. 4.

21. Anneau massif, avec intaille en cornaline. Poids 8 $\frac{3}{4}$ zolotniks. Femme debout, le bras droit appuyé sur un cippe, tenant la main gauche levée. La gravure est trop peu soignée, pour en déterminer le sujet.

KAREISCHA. 1834. Tombeau en dalles renfermant un squelette de femme. Voir notre Introduction, page LXV.

¹ Καὶ βριαρὴν τριφάλευαν ἀπὸ κροτάφοιο μετῴσα. COLUTHUS. Raptus Helenae. v. 30.

² POLYEN: Stratag. Liv. VIII. chap. 59.

³ MONTFAUCON: Suppl. III. pl. 65. RASPE: 8329—8333. avec l'inscription *μνημόνευε*. KÖHLER: III. 247. Annotations de Mr. STEPHANI.

⁴ MONTFAUCON. Ibid. Dans les deux exemples cités, MONTFAUCON dit que la main tient une bague; mais le dessin de la pierre offre bien, comme dans la nôtre, le bout d'une oreille.

22. Кольцо съ гравированнымъ въглубь сирійскимъ гранатомъ. Изображеніе: змѣя Козерога.

Доставлено изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

23. Кольцо съ гравированнымъ въглубь гранатомъ. Изображеніе: попугай держитъ въ клювъ муху.
Предметъ этотъ довольно часто встрѣчается на рѣзныхъ камняхъ.

Найдено близъ Фанагоріи и прислано Графомъ Л. А. Перовскимъ въ 1852 г.

24. Кольцо съ гравированнымъ въглубь гранатомъ. Изображеніе: оса.

Прислано изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

25. Кольцо съ гравированнымъ въглубь гранатомъ. Изображеніе такое же, какъ на предыдущемъ
кольцѣ.

Найдено близъ Фанагоріи и прислано Графомъ Л. А. Перовскимъ въ 1852 г.

22. Anneau, avec intaille en grenat syrien, offrant le signe du Capricorne.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

23. Anneau, avec intaille en grenat, offrant la figure d'un perroquet tenant une mouche dans son bec; sujet assez fréquemment représenté sur les pierres gravées.

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

24. Anneau, avec intaille en grenat, offrant la figure d'une guêpe.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

25. Anneau, avec intaille en grenat. Même sujet que le précédent.

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

РИСУНОКЪ XVI.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ СЪ ДРАГОЦЕННЫМИ КАМНЯМИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВЕЛИЧИНУ.

Рѣзные камни, изображенные на этомъ рисункѣ, въ археологическомъ отношеніи, можетъ быть, важнѣе всѣхъ прочихъ камней нашего собранія.

1. Калцедоновый валець,' попорченный огнемъ.

Связовъ этотъ камень проходить ось, на которой держится подвижной золотой обручъ, сдѣланный въ видѣ веревки и составляющій оправу вальца, вмѣстѣ съ золотымъ ободкомъ чеканной работы, на концахъ камня. Валець совершенно гладокъ и безъ всякой гравировки, а потому вѣроятно, что онъ оставался безъ употребленія.

Найдены въ пещельной урнѣ плитовой гробницы, заключающейся на планѣ С. 5. См. Введеніе, стр. LXII. и описаніе сего плана.

2. 3. Калцедоновый валець, попорченный огнемъ. Оправа подобна оправѣ предыдущаго вальца.

Находящееся на семъ камнѣ изображеніе (No. 3.) представляетъ вавилонскаго воина въ длинной одеждѣ, увѣнчаннаго, сколько разобранъ можно на выломанномъ въ этомъ мѣстѣ камнѣ, лучистою короною и сражающагося съ двумя другими воинами, въ которыхъ, по оружію, тотчасъ узнать можно Грековъ. Одинъ изъ нихъ уже лежитъ у ногъ Вавилонянина, вѣроятно повергнутый его стрѣлою, тогда какъ сей послѣдній, взявъ лукъ въ правую руку, чтобы отразить ударъ копыа другаго Грека, самъ угрожаетъ его пиною, которою замахнулся на него лѣвою рукою. Надъ этою сценою боя видна парящая *triada*.

Богатая одежда, въ которой изображенъ первый воинъ и лучистый вѣнецъ на его головѣ заставляютъ принять его за Персидскаго Царя, и очень быть можетъ, что на этомъ, весьма хорошо гравированномъ вальцѣ, представленъ бой, въ которомъ Вавилонянинъ съ успѣхомъ защищается противъ двухъ Грековъ, какъ судить можно и по его торжествующему виду, съ какимъ онъ изображенъ конечно изъ леги.

PLANCHE XVI.

OBJETS EN OR AVEC PIERRES FINES.

GRANDEUR NATURELLE.

ette planche offre les pierres gravées les plus importantes peut-être, au point de vue archéologique, qui soient dans notre collection.

1. Cylindre en calcédoine calcinée.

La pierre est traversée par un axe auquel tient l'anneau mobile en or, simulant un câble, qui en forme la monture avec les deux bordures ciselées qui ornent les extrémités du cylindre qui paraît avoir été une pierre d'attente, car il est parfaitement uni et sans gravure aucune.

Trouvé dans l'urne cinéraire du tombeau en dalles du Plan C. 5. Voir notre Introduction, page LXIII., et les légendes du plan.

2. 3. Cylindre en calcédoine calcinée. La monture est d'un style pareil à celle du No. précédent.

Le sujet qui y est gravé, et qui est déroulé No. 3, offre le combat d'un guerrier babylonien, vêtu d'une longue robe et coiffé d'une tiare radiée, autant que la pierre un peu fragmentée dans cet endroit permet de le distinguer, contre deux guerriers que la nature de leurs armes désigne parfaitement comme étant grecs. L'un de ces guerriers est déjà abattu par la flèche, il semble, du guerrier babylonien qui a passé son arc à sa main droite, et semble vouloir s'en servir pour parer le coup de la lance du second guerrier, qu'il menace lui-même avec la pique qu'il brandit de la main gauche. La *triade divine* plane au-dessus de la scène du combat.

Le costume riche du premier personnage et sa tiare radiée semblent indiquer un roi perse; et il ne serait pas impossible que ce cylindre, dont la gravure est d'un excellent style, représentât un combat où le guerrier babylonien, dans une attitude de supériorité et de force qui est peut-être l'expression d'une flatterie adroite, tient tête à deux Grecs.

Оправа, весьма рѣдко находимая сохранившеюся на сего рода камняхъ, даетъ намъ ясное понятіе о томъ, какъ ихъ употребляли и носили. Валакъ, съ легкостью повертываясь на своей оси, удобно могъ быть оттиснутъ, натаив его на чемъ нибудь мягкомъ, какъ наприм. на растопленномъ воскѣ, и оставить на немъ изображеніе, служившее вмѣсто печати; ибо нельзя предположить, чтобы этотъ камень былъ амулетомъ. Носили же эти камни вѣроятно на шнурѣ, который продевали въ обручъ и пристегивали къ петлѣ или застежкѣ, и такимъ образомъ удобно можно было спрятать валакъ гдѣ нибудь подъ одеждою.

Любопытно будетъ сравнить стиль гравировки нашего камня со стилемъ двухъ вавилонскихъ камней, опубликованныхъ Рауль-Росшеттомъ.¹ Этотъ ученый археологъ говоритъ объ обломкѣ валака, купленномъ имъ отъ крестьянина деревни Мараонъ², и называетъ этотъ обломокъ амулетомъ, принадлежавшимъ, можетъ быть, воину арміи Дарія, убитому въ Мараонскомъ сраженіи. Много подобныхъ цилиндровъ найдено было въ окрестностяхъ Азійи. Что таковыя же были найдены и въ Пантикапейскихъ курганахъ, легко объясняется торговыми сношеніями Понтийскихъ колоній съ Азією; да развѣ нельзя предположить, что во время войнъ Грековъ съ Персами, сражались въ рядахъ первыхъ и воины, пришедшіе изъ этихъ колоній.

4. Калцедоновый сарабей, попорченный огнемъ.

На нашемъ рисункѣ не видно фигуры самого насѣяемаго, но оно не менѣе ясно изображено на выпуклой части этого камня, чѣмъ на египетскихъ сарабейхъ лучшаго стиля.

На плоской части камня весьма хорошо выгравирована голова мужчины, вправо обращенная, съ фригійскою шапкою на головѣ, довольно низко закрывающею затылокъ. По краю шапки читается на выворотъ ПЕРГА, сокращеніе слова ПЕРГАМОС. Слово это, встречающееся на медаляхъ³, полнымъ, либо сокращеннымъ, а также на рѣзныхъ камняхъ съ такою же головою молодого человѣка какъ здѣсь, во въ шлемѣ, сочтено было поддѣлывателями рѣзныхъ камней за имя художника и ПЕРГА и ПЕРГАМОУ употреблялось ими въ этомъ смыслѣ на рѣзныхъ камняхъ съ совершенно другими изображеніями, какъ напр. пляшущаго Сатира.⁴

Такимъ образомъ нашъ камень служить новымъ доказательствомъ сего рода поддѣлокъ, потому что слово ПЕРГА, будучи явнымъ сокращеніемъ имени ПЕРГАМОС и находясь на этомъ камнѣ вмѣстѣ съ изображеніемъ головы въ фригійской шапкѣ, еще убѣдительнѣе, чѣмъ на медаляхъ, указываетъ на то, что подъ симъ изображеніемъ не могло быть представлено какое либо другое лицо, а именно Пергамъ, мненчскій основатель Пергама или Иліона, и за котораго должно, можетъ быть, также признать и изображеніе на рѣзномъ камнѣ Р. XVII. 9.

Найденъ вмѣстѣ съ кольцомъ Р. XV. 10. (См. описаніе этого рисунка.)

5. 6. Валакъ изъ восточнаго сердолика.

Сюжетъ, представленный на этомъ камнѣ, описанъ Рауль-Росшеттомъ такъ: «*Геркулесъ въ ассирійской одеждѣ и съ лучистымъ вѣнцемъ на головѣ, держитъ въ каждой рукѣ*

¹ Рауль-Росшетт: Мém. d'archéol. comparée. I. P. VI. 16. P. VII. 5.

² Рауль-Росшетт: Тамъ же. I. стр. 129.

³ Мюнхг: Т. II. стр. 538. No. 491. 492, съ ПЕРГАМОС и ПЕРГАМОС. ΚΤΙΣΤΗΣ Suppl. T. V. стр. 421. No. 871. съ ПЕРГАМ.... ΚΤΙΣΤΗΣ.

⁴ Stosch: Pierres antiques gravées. См. Прилѣж. Г. Стефани въ: Ковчегъ's Gesammelte Schriften. T. III. стр. 186. 384.

La disposition de la monture nous donne une juste idée de la manière dont ces pierres, qui sont très-rarement accompagnées de cet accessoire, étaient employées et se portaient. Le cylindre tournant avec facilité autour de son axe, pouvait être roulé sur une matière tendre, comme de la cire en fusion, et y laisser son empreinte qui servait de cachet; car il n'est pas à supposer que cette pierre soit un amulette. Quant à la manière de le porter, un cordon passé dans l'anneau ou anse mobile, et noué à une gance ou à une agrafe, permettait de l'avoir caché sous le vêtement.

Il sera intéressant de comparer le style de la gravure de notre cylindre avec celui des deux pierres babyloniennes publiées par **RAOUL-ROCHETTE**¹. Ce savant archéologue parle d'un fragment de cylindre acquis par lui d'un paysan du village de Marathon², comme d'un précieux débris d'amulette, porté peut-être par un guerrier de l'armée de Darius resté sur ce champ de bataille. Plusieurs de ces cylindres se sont trouvés aux environs d'Athènes. La découverte de pierres semblables dans les tumulus de Panticapée s'explique facilement par les relations de commerce des colonies du Pont-Euxin avec l'Asie; et ne peut-on pas admettre d'ailleurs à l'époque de la lutte de la Grèce contre la Perse, des guerriers venus de ces colonies, dans les troupes qui combattirent le grand roi?

4. Scarabée en calcédoine calcinée.

La figure de l'insecte n'est pas visible dans notre planche; mais elle est parfaitement accusée, comme dans les scarabées égyptiens du meilleur style, sur la partie convexe de la pierre.

Sur la surface plane se trouve gravée, d'une très-belle manière, une tête d'homme à droite, coiffée du bonnet phrygien qui descend assez bas sur le col. On lit sur le bord de la coiffure ΠΕΡΓΑ, en caractères retournés, abréviation de ΠΕΡΓΑΜΟΣ. Ce mot qui se rencontre sur des médailles³ avec ou sans abréviation, et sur des pierres gravées offrant la même tête jeune, mais casquée, a été pris par des falsificateurs de pierres gravées pour le nom d'un artiste grec; et on a mis dans ce sens ΠΕΡΓΑ et ΠΕΡΓΑΜΟΥ sur des pierres gravées offrant des représentations toutes différentes, comme par exemple un Satyre dansant.⁴

Notre précieux scarabée est donc une nouvelle preuve de ces falsifications, car le mot ΠΕΡΓΑ, abréviation évidente ici de ΠΕΡΓΑΜΟΣ, indique encore mieux que sur les médailles, à cause de la présence de la coiffure phrygienne, que le personnage ne peut être que Pergamos, le fondateur mythique de Pergame ou Ilion, qui figure peut-être aussi sur la pierre de la planche XVII. 9.

Trouvé avec le No. 10 de la Pl. XV. (voir la légende).

5. 6. Cylindre en sardoine orientale.

RAOUL-ROCHETTE a publié le sujet de ce cylindre où *Hercule vêtu du costume assyrien et coiffé de la tiare cannelée, tient de chaque main un lion ailé, à tête humaine, coiffé de même, et où il*

¹ **RAOUL-ROCHETTE**: Mém. d'archéol. comparée I. pl. VI. 16. VII. 5.

² **RAOUL-ROCHETTE**: Ibid. page 129.

³ **MONNET**: To. II. p. 588. No. 491. 492. avec ΠΕΡΓΑΜΟΣ et ΠΕΡΓΑΜΟΣ. ΚΤΙCΤΗC. Supp. To. V. p. 421. No. 871. avec ΠΕΡΓΑΜ. . . . ΚΤΙCΤΗC.

⁴ **SYROCH**: Pierres ant. grav. Pl. XLIX. Voir les notes de Mr. **STEPHANI**, Köhler's Gesammelte Schriften. To. III. p. 486. 348.

*крылатого льва с человеческою головою въ такомъ же ельницъ; въ полѣ антилопа и пальмовое дерево, а надъ головою Геракла символъ божественной триады.*¹

Это изображеніе представляетъ борьбу бога-споспѣшествующаго или начала добра, олицетвореннаго въ образѣ аспирійскаго Геракла, съ началомъ зла, представленнаго здѣсь въ видѣ львовъ, но на другихъ памятникахъ изображавшагося въ видѣ страуса, кабана, газеллы или антилопы, звѣрей нечистыхъ. Эта идея двойственности была весьма знакома на Востоку; у Персовъ она олицетворялась Ормузомъ и Ариманомъ (надъ которыми, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть лѣто и зиму).

Намъ нечего прибавлять къ описанію Рауль-Роснотта, кромѣ развѣ того, что на деревѣ видна птица, и что четвероное животное, кажется, не антилопа, а дикая коза.

Намъ камень превосходный свѣтлый сердоликъ и гравировка его прекраснаго стиля. Но всего примѣчательнѣе на этомъ валькѣ, можетъ быть, его оправа. На концахъ оси, на которой валькъ свободно вертится, такъ что его удобно можно отгнестъ, какъ напр. на воскѣ, закреплена цѣпочка изъ платиновой золотой проволоки. Если бы эта цѣпочка растягивалась, то можно бы подумать, что валькъ носила на шеѣ, какъ ожерелье (или на рукѣ, въ видѣ запястья), и въ такомъ случаѣ валькъ служилъ бы вмѣсто фермуара; но по короткости цѣпочки ее нельзя было надѣть и на самую малую дѣтскую головку, а потому должно предположить, что ее носили на петлѣ или кольцѣ, какъ мы сказали при описаніи No. 1.

Быть можетъ впрочемъ и то, что этотъ валькъ должно признать, по смыслу изображенія, за амулетъ, въ тоже время служившій и вмѣсто печати. На слѣдующемъ рисункѣ намъ представится другой примѣръ подобной же цѣпочки.

Найденъ вмѣстѣ съ No. 40. этого рисунка.

7. Калцедонъ, обдѣланный въ видѣ скарабея. Камень этотъ попорченъ огнемъ, сломанъ и вообще дурно сохранился; при всемъ томъ однако, легко узнать можно извѣстный сюжетъ, который хотѣлъ представить на немъ художникъ, а именно: Аполлона, кладущаго руку на голову Марсіи, имъ побѣжденнаго и ожидающаго свою казнь. Оправа этого камня чеканной работы и состоитъ изъ такого же подвижнаго обруча, какъ и оправа NNo. 1. 2. и 4.

Гдѣ найденъ, неизвѣстно.

8. Восточный сердоликъ, обдѣланный какъ скарабей, но на мѣсто этого насекомаго, изображенъ на выпуклой сторонѣ камня левъ, также какъ и на No. 14. этого рисунка. Это любопытное обстоятельство еще выгдѣ до сего времени не встрѣчалось. На плоской сторонѣ камня представленъ левъ, бѣгущій на лѣво.

Найденъ Г. Карейшею въ 1834 г. въ курганѣ близъ Карантинаго шоссе, въ плитовой гробницѣ, вмѣщавшей въ себѣ оставъ женщины съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. См. Введеніе, стр. LXIV.

9. Восточный сердоликъ, обдѣланный въ видѣ скарабея. На плоской сторонѣ: олень, идущій направо.

Найденъ Г. Ашикомъ въ 1839 г. въ Чурубашѣ. Въ курганѣ была, кромѣ того, раскопанная ваза съ профилями женской головы и лошадиной головою съ одной стороны вазы

¹ Рауль-Роснотта: Мém. d'archéol. comparée. I. P. VII. 49. и стр. 433.

se trouve une antilope, avec un palmier dans le champ, et avec le symbole de la triade divine, au-dessus de la tête d'Hercule.¹

C'est la lutte du dieu secourable ou du bon principe, personnifié en l'Hercule assyrien, contre le mauvais principe, représenté par deux lions, ailleurs par l'autruche, le sanglier, la gazelle ou antilope, animaux impurs (idée de dualisme familière à l'Orient, personnifiée chez les Perses en Ormuzd et Ahriman, opposition peut-être de l'été et de l'hiver).

Nous n'avons rien à ajouter à la description de Mr. RAOUL-ROCHETTE, si non que sur le palmier est posé un oiseau, et que le quadrupède semble être non une antilope mais une chèvre sauvage.

La pierre est une belle sardoine claire; la gravure est d'un excellent style. Mais c'est que ce cylindre offre de plus remarquable peut-être, c'est sa monture. Une chaînette en tresse de fil d'or est *rievée* aux deux extrémités de l'axe qui traverse la pierre, de façon à la rendre mobile et propre à être roulée sur une matière molle comme de la cire, et y laisser son empreinte. Si cette chaîne pouvait s'ouvrir, il serait possible d'admettre qu'elle se passait au cou comme un collier (ou au bras comme un bracelet) dont le cylindre aurait été le fermoir; mais la minime longueur de cette chaîne donne un diamètre qui ne convient pas à la plus petite tête d'enfant; il faut donc admettre que cette chaîne se passait à une ganse ou anneau, comme nous l'avons expliqué pour le No. 1.

Il est possible d'ailleurs que ce cylindre, vu son sujet, ait été un amulette qui aurait servi en même temps de cachet. Nous retrouverons dans la planche suivante ce même système de chaînette.

Trouvé avec le No. 10 de cette planche.

7. Calcédoine taillée en forme de scarabée. La pierre est calcinée, fragmentée et a beaucoup souffert; mais elle permet néanmoins de distinguer assez nettement le sujet bien connu que l'artiste y a gravé: Apollon posant la main sur la tête de Marsyas vaincu, et près de subir son supplice. L'anneau mobile est ciselé.

Fouille inconnue.

8. Cornaline orientale taillée en forme de scarabée, mais offrant sur la partie convexe au lieu de la figure de cet insecte, celle d'un lion, comme dans le No. 11. de cette planche, particularité fort intéressante, inconnue jusqu'à ce jour. Un lion en course, allant à gauche, est gravé sur la surface plane.

KAREISCHA. 1834. Chemin de la Quarantaine. Tombeau en dalles renfermant un squelette de femme, la tête ornée d'une couronne de laurier en or. Voir notre Introduction, page LXV.

9. Cornaline orientale d'une très-belle couleur, taillée en forme de scarabée. Figure de cerf allant à droite.

ASCHIK. 1839. Chemin de Tchouroubache. Tumulus renfermant un vase peint offrant à l'avant une tête de femme accolée à celle d'un cheval, et au revers une demi-figure de griffon.

¹ RAOUL-ROCHETTE: Mém. d'archéol. comparée I. pl. VII. 19. et page 133.

и полуфигурою грифа съ другой. Эта ваза (находящаяся въ Эрмитажѣ) была просто зарыта въ курганѣ, но для безопасности поставлена между двумя черепицами; въ ней находились сжженные кости, вышеозначенное сердоликовое кольцо, другое (Р. XVII. 9.), кольцо же (Р. XVIII. 1.), бронзовое кольцо (Р. XVIII. 12.) и серьги, подобные изображеннымъ на рис. VII. 1.

10. Восточный сердолигъ, обдѣланный въ видѣ скарабей.

Изображеніе: два ассирійскихъ крылатыхъ льва, съ человѣческой головою въ лучистомъ вѣнцѣ, другъ противъ друга поставленные и поднявшие переднюю лапу. По объясненію Рауль-Рометта (см. выше) мы видимъ здѣсь изображеніе начала ала. На этомъ отлично-гравированномъ и замѣчательномъ камнѣ есть еще неразобранная надпись, кажется ливійскими буквами.

Найденъ Г. Ашпкомъ въ 1842 г. близъ Павловской батареи, въ плитовой гробницѣ, въ которой былъ оставъ женщины. См. описаніе рис. VIII. 3.

11. 12. Восточный сердолигъ весьма пріятнаго цвѣта, обдѣланный какъ скарабей; но вмѣсто этого наѣбомаго представленъ на выпуклой сторонѣ камня лежащій левъ (фиг. No. 11.), по стилоу работы и положенію своему напоминающій обоимъ покоящихся львовъ на шейномъ кольцѣ Парисы, оставъ которой былъ найденъ въ Куль-Обской гробницѣ. На плоской сторонѣ камня (фиг. No. 12) представленъ трофей.

Камень этотъ, равно какъ и значащійся подъ No. 8., весьма замѣчательной формы и оба весьма рѣдки.

13. Египетскій скарабей изъ сердолика; обломокъ. На немъ представленъ два копчика въ вѣнцахъ, поставленные на священномъ судлѣ,верху паритъ *феруеръ*. Камень этотъ отлично хорошо гравированъ.

Найденъ вмѣстѣ съ No. 8.

14. Калцедонъ, обдѣланный въ видѣ скарабей; попорченъ огнемъ. Это вавилонскій рѣзной камень съ изображеніемъ ассирійскаго крылатого льва съ брадатою человѣческою головою, увѣнчанною лучистою тиарою (см. No. 10.). Гравировка въ превосходномъ стилѣ.

Присланъ отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1853 г.

15. Обломокъ скарабей, попорченный огнемъ. На плоской сторонѣ неясное изображеніе какого-то четвероногого животнаго, съ обращеніемъ назадъ головою. Гравировка весьма древняго стиля, что доказывается ясными слѣдами орудія, служившаго для гравированія камня.

Гдѣ былъ найденъ, неизвѣстно.

Какъ этотъ скарабей, такъ и въ особенности помѣщенный здѣсь подъ No. 4, суть памятники, представляющіе величайшій интересъ. До сего времени было извѣстно только небольшое число скарабеевъ, найденныхъ въ Греціи и Малой Азіи. Скарабей нашего собранія служитъ новымъ доказательствомъ того, что этого рода камни не принадлежали исключительно Египту и Этруріи.¹ Кромѣ публикуемыхъ въ нашемъ сочиненіи, мы должны упомянуть еще о двухъ скарабейхъ нашего собранія, гладкихъ и въ золотой оправѣ, изъ коихъ одинъ, янмювыи, найденъ былъ вмѣстѣ съ бляхами (Р. XVIII. 15. 17.), мѣсто же находки другаго, янтарнаго, не извѣстно; наконецъ о двухъ гладкихъ сердоликовыхъ скарабейхъ безъ оправъ, найденныхъ въ курганѣ Митридатовой горы и присланныхъ въ Эрмитажный Музей Графомъ Л. А. Перовскимъ въ Февралѣ 1854 г.

¹ См. о семъ предметѣ извѣстіе Гертгарда, приводимое Филелемъ въ письмѣ, напечатанномъ въ Bulletin de l'Inst. de corr. arch. 1840 г. стр. 140. и примѣчанія Г. Стюана къ: Kœhler's Gesamm. Schriften. T. V. 2. стр. 120.

Ce vase (il est à l'Ermitage) était simplement enfoui dans la terre du tumulus, mais placé entre deux briques qui lui servaient de protection. Il contenait des ossements brûlés, l'anneau ci-dessus, celui de la Pl. XVII. 9, l'anneau Pl. XVIII. 1., l'anneau en bronze Pl. XVIII. 12. et des boucles d'oreilles semblables à celle de la Pl. VII. 1.

10. Cornaline orientale taillée en forme de scarabée.

Deux lions assyriens ailés affrontés, à tête humaine couronnée d'une tiare radiée, levant l'une contre l'autre une de leurs pattes. Suivant Mr. RAOUL-ROCHETTE (voir plus haut) c'est la représentation du génie malfaisant. Cette pierre remarquable, dont la gravure est excellente, porte une inscription qui paraît être en caractères lyciens, et qui trouvera peut-être un jour son interprète.

ASCHIK. 1842. Batterie Pavlovskaja. Tombeau en dalles, renfermant un squelette de femme. Voir la légende de la planche VIII. 3.

11. 12. Cornaline orientale, d'une très-belle nuance, taillée en forme de scarabée, mais offrant à sa partie convexe, fig. No. 11., au lieu de la figure de l'insecte, celle d'un lion couché dont le style et la pose rappellent les lions du collier de la reine du Koul-Oba. Sur la partie plane, fig. No. 12., se voit un trophée.

Les pierres No. 8 et 11 sont d'une forme très-curieuse et constituent une grande rareté.

13. Scarabée égyptien fragmenté, en cornaline. Il offre deux éperviers mirés posés sur le vaisseau sacré au-dessous du *ferver* qui plane. Très-belle gravure.

Trouvé avec le No. 8.

14. Calcedoine calcinée, taillée en forme de scarabée. Pierre babylonienne offrant le lion assyrien ailé, à tête humaine barbue, couronné d'une tiare radiée (voir le No. 10.). La gravure est d'un excellent style.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY, en 1853.

15. Scarabée calciné fragmenté. La surface plane offre la figure, mal déterminée, d'un quadrupède dont la tête est tournée en arrière. Gravure d'un très-ancien style, comme l'indique le travail bien visible de la bouterolle.

Fouille inconnue.

Ce scarabée et celui surtout No. 4 sont deux monuments du plus haut intérêt. On ne connaissait jusqu'à présent que quelques scarabées trouvés en Grèce et en Asie-Mineure. Ceux de notre collection sont une nouvelle preuve que ce genre de pierre n'appartenait pas exclusivement à l'Égypte et à l'Etrurie¹. Outre ceux que nous publions nous avons à mentionner deux autres scarabées unis, montés en or, l'un, en jaspe, trouvé avec les plaques Pl. XXIII. 15. 17., l'autre en *ambre*, provenant d'une fouille inconnue; et, enfin, deux scarabées unis, en cornaline, sans monture, trouvés dans un tumulus du Mont Mithridate, et envoyés à notre Musée, en février 1854, par Mr. le COMTE PEROFFSKY.

¹ Voyez à ce sujet l'opinion de GERHARD citée par FINLAY dans une lettre publiée dans le Bulletin de l'Inst. de corr. arch. Année 1840, p. 140., et les notes de Mr. STEPHANI: KÖHLER'S Gesamm. Schriften. To. V. 2. p. 120.

РИСУНОКЪ XVII.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ СЪ ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЮ ВѢДМЦННУ.

изображенія, представленныя на этомъ рисункѣ, въ археологическомъ отношеніи столь же любопытны, какъ и изображенія предыдущаго листа.

1. Кольцо съ восточнымъ сердоликомъ.

На камнѣ представленъ небесный Амуръ (*Ἔρως οὐράνιος*), опирающійся на длинное копьё и погруженный въ думу, какъ будто замышляя какую нибудь хитрость; вполонину раскрыты брылья, кажется, показываютъ его намѣреніе подняться на воздухъ. Въ полѣ видны различные знаки: звѣзда и полумѣсяцъ, означающіе небесность этого Амура, и дельфинъ, въ качествѣ одной изъ его эмблемъ. На древнемъ рѣзномъ камнѣ мы находимъ дельфина съ надписью: *pignus amoris habes*.¹

Это прекрасное кольцо найдено Г. Карейшею въ 1842 г. недалеко отъ Карантиннаго шоссе въ гробницѣ римской эпохи. У входа въ гробницу находилась плита съ рельефнымъ изображеніемъ женщины, сидящей на стулѣ, и стоящимъ мужчиною, возлѣ котораго представлены трое дѣтей. На камнѣ находится надпись: *MA. AYIMYPMNKOCXAIPY*.²

Въ той же гробницѣ было найдено нѣсколько золотыхъ листочковъ отъ вѣнча, серьги изъ крученой золотой проволоки и небольшая стеклянная ваза.

¹ Монтраусон: Suppl. T. III. P. LXV.

² См. надпись No XXXIV.

PLANCHE XVII.

OBJETS EN OR AVEC PIERRES FINES.

RAMEUR. SATUR. VIIA

l'intérêt archéologique des sujets de cette planche ne le cède pas à celui des pierres de la planche précédente.

1. Anneau avec chaton de cornaline orientale.

La pierre offre la figure de l'Amour céleste (*Ἐρως οὐράνιος*) appuyé sur une longue pique, dans une attitude pleine d'expression, comme s'il méditait une ruse, les ailes à demi-éployées, comme s'il était prêt à prendre son essor. Différents signes sont dans le champ: un astre et un croissant, indiquant sa nature céleste; un dauphin considéré comme un de ses emblèmes. Une pierre gravée antique offre un dauphin avec la légende: *pignus amoris habes*.¹

Ce joli anneau a été trouvé par Mr. KAREISCHA, en 1842, non loin de la chaussée de la Quarantaine, dans un tombeau des temps romains, dont l'entrée était marquée par une dalle sculptée, offrant une femme assise sur un siège, et un homme debout ayant trois enfants auprès de lui, avec l'inscription: *MA. AYIMYPMHKOCXAIPÉ*.²

On trouva encore dans ce tombeau quelques feuilles en or, débris d'une couronne, des boucles d'oreilles en fil d'or tordu, et un petit vase en verre.

¹ MONTFAUCON. Supp. To. III. pl. LXV.

² Voyez nos Inscriptions No. XXXIV.

2. Кольцо съ сирийскимъ гранатомъ. Середина камня выломана, но можно различить на немъ женскую фигуру, кажется Дану съ лукомъ.

Найдено вмѣстѣ со связкою волосевъ Р. V. 1. (См. описаніе этого рисунка.)

3. Кольцо съ сирийскимъ гранатомъ. Изображеніе: стоящая женщина въ *пеллосѣ*; въ лѣвой рукѣ держитъ короткое копье, а можетъ быть скипетръ.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1838 г. близъ Карантинаго шоссе, въ плитовой гробницѣ, въ которой находился женскій оставъ съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. См. Введеніе, стр. LXII.

4. Широкое кольцо особенной формы, украшенное красною яшмою съ гравировкою вглубь. Изображеніе: стоящее Счастіе съ рулемъ и рогомъ изобилія въ рукахъ.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1844 г. въ курганѣ близъ Завода Кнзя Херхеулидзева.

5. Кольцо съ гранатомъ, гравированнымъ вглубь. Изображеніе: стоящая женщина; атрибутовъ ея нельзя разобрать.

Найдено Г. Карейшею въ курганѣ близъ того же завода въ 1842 г., въ земляной гробницѣ, прикрытой плитами и въ которой находился оставъ мужчины съ вѣнкомъ изъ десяти листьевъ злѣума на головѣ. На пальцѣ было это кольцо; воелѣ остава лежалъ заржавленный мечъ, рукоятка котораго была украшена золотою головою, Р. XXVIII. 8, и агатомъ (оба послѣдніе предмета находятся въ Эрмитажѣ).

6. Кольцо съ гранатомъ, гравированнымъ вглубь. Изображеніе: стоящая женщина въ *пеллосѣ*; въ лѣвой рукѣ держитъ копье, либо длинный скипетръ; въ правой, кажется, три колоса. Послѣдніе неясны.

Найдено Г. Ашикомъ въ Аджи-Мушакѣ, въ плитовой гробницѣ, вмѣщавшей въ себѣ гробъ съ женскимъ оставомъ, на головѣ котораго былъ золотой вѣнокъ. См. Введеніе, стр. LXIV.

7. Кольцо изъ цѣльнаго золота, украшенное гранатомъ съ гравировкою вглубь.

На этомъ прекрасномъ кольцѣ представляетъ весьма любопытный сюжетъ: Амимона съ гидріею въ правой рукѣ и трезубцемъ въ лѣвой. Известно, что Амимона, дочь Даная, отправляясь за водою, была преслѣдована Сатиромъ. Она призвала на помощь Нептуна, который прогналъ Сатира, бросивъ въ него трезубцемъ. Послѣ того морской богъ приказалъ Данаидѣ вытащить трезубецъ изъ скалы, въ которую онъ вошелъ отъ сильнаго удара. Изъ скалы потекли три источника, названные Амминовскими или Лорисскими, куда Данаиды бросили головы своихъ мужей.¹

Найдено въ попельной урнѣ въ плитовой гробницѣ, плавъ С. 5. См. Введеніе, стр. LXII. и описаніе плава.

8. Калцедонъ, въ подвижной оправѣ.

На этомъ прекрасномъ різномъ камнѣ представлена Діана древняго стила въ *хитонѣ*² (Diana discincta); въ правой рукѣ держитъ лукъ, въ лѣвой палеру.

Гдѣ былъ найденъ, неизвѣстно.

¹ De Witte: *Élite des monum. céramogr.* Т. III. Р. 47 — 30. Раскрашенная ваза. Wicar: *Galerie de Florence et du palais Pitti.* Т. II. Р. 42. Різной камень. Въ описаніи, по ошибкѣ, показана Аретуза. Въ рукѣ ея, какъ и на нашемъ камнѣ, трезубецъ и по сему атрибуту должно признать ее за Амимону.

² Діана дворца Колонна, вывѣтъ находящаяся въ Берлинскомъ Музее, также одѣта въ *хитонѣ*, какъ и нашъ камень.

2. Anneau avec chaton de grenat syrien. La pierre fragmentée dans le milieu, permet néanmoins de distinguer une figure qui semble être celle de Diane tenant un arc.

Trouvé avec le bouquet d'épis Pl. V. 1. (voir la légende de cette planche).

3. Anneau avec chaton de grenat syrien. Femme debout, vêtue d'un *peplos*, tenant de la gauche une courte haste ou un sceptre.

ASCHIK. 1838. Chemin de la Quarantaine. Tombeau en dalles renfermant un squelette de femme, ayant sur la tête une couronne d'or. Voir notre Introduction, page LXIII.

4. Anneau d'une largeur remarquable et d'une forme curieuse, orné d'une intaille en jaspé rouge. Fortune debout, tenant le gouvernail et la corne d'abondance.

ASCHIK. 1841. Tumulus près de la fabrique du Prince Kherkheoulidseff.

5. Anneau avec intaille en grenat. Femme debout, ailée, avec des attributs indistincts.

KAREISCHA. 1842. Tumulus près de la localité ci-dessus. Tombeau en terre recouvert de dalles, renfermant un squelette d'homme, la tête ornée d'une couronne de dix feuilles d'ache en or, ayant au doigt l'anneau ci-dessus et à son côté un glaive oxydé dont la poignée était ornée d'un pommeau en or, Pl. XXVII. 8. et d'une agate (ces deux derniers objets sont à l'Ermitage).

6. Anneau avec intaille en grenat. Femme debout, vêtue d'un *peplos*, tenant de la gauche une haste ou un long sceptre, et de la droite trois épis, il semble. Ces derniers attributs sont indistincts.

ASCHIK. 1841. Hadji-Mouschkaï. Tombeau en dalles renfermant un cercueil avec un squelette de femme, ayant une couronne d'or sur la tête. Voir notre Introduction, page LXV.

7. Anneau massif avec intaille en grenat.

Ce bel anneau offre un charmant sujet: Amymone, bien reconnaissable à l'*hydria* qu'elle porte de la main droite et au trident qu'elle a dans la gauche. Cette fille de Danaüs en allant puiser de l'eau fut poursuivie par un Satyre. Elle appela à son secours Neptune qui mit en fuite le Satyre, en lui lançant son trident. Le dieu ordonna ensuite à la Danaïde de retirer son trident du rocher où il était entré avec force, et d'où jaillirent trois sources appelées sources d'Amymone ou de Lerne, où les Danaïdes jetèrent les têtes de leurs maris.¹

Trouvé dans l'urne cinéraire du tombeau en dalles du Plan C. 5. Voir notre Introduction, page LXIII, et les légendes du plan.

8. Calcédoine avec anneau mobile.

Cette belle intaille offre la figure de Diane d'ancien style, vêtue d'un *chiton*² (Diana discincta), tenant l'arc de la droite et de la gauche une patère.

Fouille inconnue.

¹ DE WITTE: Elite des monum. céramog. To. III. pl. 47—30. Vase peint. WICAR: Galerie de Florence et du palais Pitti. To. II. pl. 42. Pierre gravée. Le texte dit, à tort, Aréthuse. La figure tient, comme sur notre pierre, un trident, attribut qui fait reconnaître nécessairement Amymone.

² Diane du palais Colonna, aujourd'hui au Musée de Berlin, vêtue d'un *chiton*, comme ici.

9. Калцедонъ безъ оправы, которая, вѣроятно, была такая же, какъ и на предыдущемъ камнѣ.

Прекрасный рубной камень самаго широкаго стиля; на немъ представленъ молодой воинъ по фригійской одеждѣ и съ копьемъ въ лѣвой рукѣ. Вѣроятно Парисъ, а можетъ быть Пергамъ, основатель Трои.

Найденъ вмѣстѣ съ кольцомъ (Р. XVI. 9).

10. Калцедонъ съ изображеніемъ кунающей Венеры.

Этотъ прекрасный рубной камень повертывается на оси, на концахъ которой закреплена сплетенная изъ золотой проволоки цѣпочка. Такъ какъ цѣпочка эта слишкомъ коротка, чтобы ее можно было надѣть черезъ голову, даже ребенку, то она и не могла служить вмѣсто ожерелья, изъ чего слѣдуетъ, что камень этотъ, употребившійся вѣроятно вмѣсто печати, носили на петлѣ или застежкѣ, какъ мы это объяснили при описаніи сердоликоваго вальса Р. XVI. 5. 6.

Гдѣ былъ найденъ этотъ калцедонъ, неизвѣстно.

9. Calcédoine dont la monture absente était probablement semblable à celle du numéro précédent.

Magnifique intaille, d'un grand style, offrant un guerrier jeune, en costume phrygien, tenant de la gauche une haste, probablement Paris ou peut-être Pergamos le fondateur de Troie.

Trouvé avec l'anneau de la Pl. XVI. 9.

10. Calcédoine offrant la figure de Vénus au bain.

Cette superbe intaille est traversée par un axe mobile auquel est *riée* une chaînette en fil d'or tressé, dont la longueur donne un diamètre moindre de celui de la plus petite tête d'enfant; ce qui indique suffisamment qu'elle ne pouvait servir de collier, et que cette intaille, qui était probablement un cachet, se portait comme nous l'avons dit pour le cylindre en sardoine de la Pl. XVI. 5. 6.

Fouille inconnue.

РИСУНОКЪ XVIII.

ЗОЛОТЫЯ И БРОНЗОВЫЯ ВЕЩИ.

ПЕРСТНИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛИЧИНУ.

а исключеніемъ бронзовыхъ колецъ, No. 12 и 13, всѣ прочія золотыя.

1. Кольцо изъ цѣльнаго золота, нѣсколько пострадавшее отъ огня. На немъ прекрасно выгравированъ лѣтящій дивній гусь, подъ которымъ изображена рыба.

Найдено вмѣстѣ съ кольцомъ P. XVI. 9.

2. Кольцо изъ цѣльнаго золота. Изображеніе, находящееся на этомъ кольцѣ, весьма любопытно. Совершенно такой мужчина сидитъ на рыбѣ; внизу морской ракъ, который встрѣчается и на Сицилійскихъ медаляхъ.¹

Гдѣ найдено это кольцо, неизвѣстно.

3 Кольцо изъ цѣльнаго золота. Гравировка этого кольца прекраснаго стиля, но вполнѣ стертась отъ употребленія или другой причины. На кольцѣ представленъ стоящій на одномъ колыбѣ мужчина, на которомъ замѣчательна прическа его волосъ; вправо отъ него кажется обручъ, отъ котораго однако видна только часть.

Неизвѣстно гдѣ найдено.

4. 7. Кольцо изъ цѣльнаго золота. Изображеніе: Побѣда, закалывающая тельца. Красота гравировки этого кольца побудила насъ представить его здѣсь два раза: фиг. No. 4. есть рисунокъ, снятый съ кольца, а фиг. No. 7. съ оттиска его.

Неизвѣстно гдѣ найдено.

¹ Tonnamuzza Siciliae vet. nummi P. IX. X.

PLANCHE XVIII.

OBJETS EN OR ET EN BRONZE.

ANNEAUX.

GRANDEUR NATURELLE.

l'exception des No. 12 et 13 qui sont en bronze, tous les anneaux de cette planche sont en or.

1. Anneau massif, offrant quelques légères altérations produites par le feu. La gravure, d'un excellent style, représente une oie sauvage, en plein vol, avec un poisson au-dessous.

Trouvé avec l'anneau de la Pl. XVI. 9.

2. Anneau massif. Le sujet qui y est gravé est curieux. Il offre une figure d'homme nu, assis sur un poisson. Au-dessous est une écrevisse de mer, que l'on voit sur des médailles de la Sicile.¹ La gravure est d'un excellent style.

Fouille inconnue.

3. Anneau massif. La gravure est d'un très-bon style; mais l'usure ou quelques autres circonstances l'ont à demi effacée. On y distingue la figure d'un homme agenouillé, ayant à sa droite, il semble, un cerceau dont on n'aperçoit plus qu'un segment. La manière dont les cheveux sont traités est surtout remarquable.

Fouille inconnue.

4. 7. Anneau massif. Victoire immolant un taureau. La beauté de cette intaille nous a engagé à la reproduire fig. 4. telle que l'anneau l'offre, et fig. 7. telle que son empreinte la reproduit.

Fouille inconnue.

¹ TORREMUSZA: Siciliae vet. nummi. Tab. IX. X.

5. Кольцо из чьельного золота. Плоская сторона кольца сдѣлана въ видѣ камня въ оправѣ изъ трехъ дружокъ, изъ коихъ средней состоитъ изъ шариковъ. На кольцѣ рельефныя изображенія трехъ лицъ, въ которыхъ, по весьма яснымъ атрибутамъ, можно узнать Юпитера Сераписа съ модусомъ на головѣ, Иизду съ *персею* и сына ея Гора или Гарпократа.

Гдѣ найдено, неизвестно.

6. Кольцо изъ чьельного золота. На этомъ прекрасномъ кольцѣ изображены четыре лежащія лва чеканной работы, обращенные попеременно одиѣ влѣво, другой вправо.

Кольцо это, по работѣ, вполне соответствуетъ прекрасному оливковому вѣнку, Р. IV. 2, бывшему на головѣ того же воина, на указательномъ пальцѣ котораго надѣто было это кольцо. См. описаніе Р. IV. и Введеніе стр. LXVIII.

8. Кольцо изъ чьельного золота. Хотя это кольцо сильно попорчено огнемъ, но все таки можно различить на немъ копчика на свалѣ и поднимающуюся предъ нимъ змѣю. Отъ змѣи остались однако только слабыя слѣды. Гравировка хорошаго стиля.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ курганѣ, находившемся на равнинѣ за карантиннымъ шоссе, въ земляной гробницѣ, вырытой на мѣстѣ ностра. Кольцо это находилось въ пенѣ, вмѣстѣ съ зановками (Р. XXIV. 18.), украшенными львиными головками; частями золотого вѣнка (находящимися въ Эрмитажѣ) и другими обломками золотыхъ вещей (Р. XXIII. 1. 3.)

9. Кольцо изъ чьельного золота. Обдѣлка этого кольца совершенно своеобразна. На овальной плоскости кольца находится рельефное изображеніе сидящей женщины въ *хитонѣ*, положившей одну ногу на другую и опирающейся лѣвымъ локтемъ на кольцо; на ногахъ ея надеты *анапсириды*; подлѣ женщины лукъ. Кольцо сдѣлано въ видѣ веревки съ двумя львиными головками на концахъ.

Найдено вмѣстѣ съ вещами, означенными въ текстѣ къ рис. VIII. 3.

10. Кольцо въ видѣ спирально свернувшейся змѣи.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1844 г. въ Аджипушкѣ, въ плитовой гробницѣ.

11. Кольцо подобнаго же вида, какъ предыдущее. На этомъ кольцѣ змѣя представлена съ согнутою шею и какъ бы готовящаяся метнуть головою. Въ нашемъ собраніи есть нѣсколько колецъ, подобныхъ этимъ двумъ, мотивъ которыхъ вообще довольно часто встрѣчается на Пагитиванейскихъ памятникахъ.

Найдено Г. Ашикомъ въ 1835 г. въ Катерлестѣ, въ плитовой гробницѣ. Пепельная урна, въ которой было это кольцо, вмѣщала въ себѣ кромѣ того слѣдующія вещи: ожерелье, подобное изображенному на рис. XI. 7.; кольцо съ гранатомъ, другое съ рѣзнымъ вглубь камнемъ, на которомъ представлена собака; серьги съ подвѣсками въ видѣ Амуровъ; двѣ золотыя булавы (всѣ эти предметы находятся въ Эрмитажѣ); серебряную вазу (Р. XXXV. 1.); нѣсколько обломковъ другихъ украшеній и золотую Пагитиванейскую медаль (Р. LXXXV. 1.)

12. Бронзовое кольцо. Изображеніе: мужская голова, кажется Римлянина.

Найдено вмѣстѣ съ кольцомъ Р. XVI. 9.

13. Бронзовое литое кольцо.

Въ овалѣ представлены два грудныхъ изображенія прекраснѣйшей работы, не уступающихъ въ стилѣ никакому рѣзному камню или медали. Они кажется представляютъ Сераписа и Иизду, покровительствующихъ божествъ, имѣвшихъ у Египтянъ значеніе Эскулапа и Гигиен. Овалъ этотъ былъ выбитъ какъ медаль и послѣ того вставленъ въ кольцо, которое, судя по малости его отверстія, можно было надѣть только

5. Anneau massif. La surface simule un chaton, entouré de trois cercles dont celui du milieu offre un cordon de perles. Trois figures y sont ciselées en relief, avec des attributs bien distincts qui permettent d'y reconnaître Jupiter Sérapis avec le modius, Isis la tête ornée de la *persea*, et son fils Horus ou Harpocrate.

Fouille inconnue.

6. Anneau massif. Cet anneau magnifique offre quatre figures ciselées de lions, couchés et accolés, de manière que la tête de l'un soit près de la queue de l'autre, et ainsi de suite.

L'exécution de ce bijou est bien en harmonie avec la beauté de la couronne d'olivier de la Pl. IV. 2. posée sur le front du guerrier dont l'index de la main droite était orné de cet anneau. Voir le texte de la Pl. IV. 2. et notre Introduction, page LXIX.

8. Anneau massif. Le feu l'a sensiblement altéré; mais néanmoins on y distingue encore la figure d'un épervier posé sur un rocher, en face d'un serpent qui se dresse. Il ne reste de cette dernière figure que quelques traces. La gravure est d'un bon style.

ASCHIK. 1838. Tumulus de la plaine au-delà de la chaussée de la Quarantaine, renfermant un tombeau creusé en terre sur la place même du bûcher. Au milieu des cendres on trouva cet anneau, les agrafes à tête de lion Pl. XXIV. 18., les fragments d'une couronne d'or (à l'Ermitage) et quelques autres débris de bijoux en or Pl. XXIII. 1. 3.

9. Anneau massif. Sa façon est très-originale. Il offre une plaque ovale avec une figure ciselée en relief, qui paraît être celle d'une femme assise, le bras gauche replié appuyé sur le genou, couverte d'un *chiton* et ayant auprès d'elle un arc. On semble distinguer des *anaxyrides*. Cette plaque tient à deux têtes de lion qui terminent l'anneau tordu en câble.

Trouvé avec les objets décrits Pl. VIII. 3.

10. Anneau offrant un serpent roulé en spirale.

ASCHIK. 1841. Hadji-Mouschkai. Tombeau en dalles.

11. Anneau à motif pareil au précédent. Le cou replié indique que le reptile va darder sa tête. Notre collection possède plusieurs anneaux pareils à ces deux numéros, dont le motif s'est retrouvé fréquemment dans les tumulus de Panticapée.

ASCHIK. 1835. Katerless. Tombeau en dalles, renfermant, dans une urne cinéraire, un collier semblable à Pl. XI. 7., un anneau orné d'un grenat, un anneau avec intaille offrant la figure d'un chien, des pendeloques avec figures d'Amours, deux épingles en or (ces objets sont à l'Ermitage), le vase d'argent Pl. XXXV. 1., quelques fragments de bijoux, et une médaille en or de Panticapée Pl. LXXXV. 1.

12. Anneau en bronze. Tête virile romaine, il semble.

Trouvé avec Pl. XVI. 9.

13. Anneau en bronze coulé.

Le chaton offre deux bustes accolés d'une admirable exécution, et dont le style ne le cède à celui d'aucune pierre gravée ou médaille. On semble y reconnaître les têtes de Sérapis et d'Isis, divinités tutélaires qui chez les Egyptiens, avaient la signification d'Esculape et d'Hygie. Le chaton a été frappé comme une médaille et incrusté dans le corps de l'anneau qui ne pouvait se porter qu'au doigt annulaire,

на перстневый палец, которым у древних, какъ и у насъ, считался безымянный или четвертый палецъ руки.

По показанію Макровія, перстневый палецъ (*digitus annularis*, по гречески *δακτυλίσκος*) назывался и *digitus medicinalis*.

«*Dic, inquam, cur sibi communis adsensus anulum in digito, qui minimo vicinus est, quem etiam medicinalem vocant, et manu praecipue sinistra gestandum esse persuasit.*»¹

За симъ Макровій объясняетъ, что, по вѣрованію Египтянъ, исходящій отъ сердца нервъ находится въ связи съ этимъ пальцемъ лѣвой руки. См. текстъ къ Р. XV.

Пизагоръ воспрещалъ изображать боговъ на кольцахъ. Сначала Римляне слѣдовали сему правилу, но потомъ оставили и изображали на своихъ кольцахъ боговъ Египта и другихъ странъ; Плиній,² упоминавъ объ этомъ обычаѣ, не одобряетъ его.³

Гдѣ найдено это кольцо, неизвѣстно.

14. Кольцо изъ цѣльнаго золота. Изображеніе: летящій Амуръ держитъ въ рукахъ вѣнокъ, какъ бы намѣреваясь надѣть его кому либо на голову.

Найдено близъ Фанагоріи и прислано отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852 г.

15. Кольцо изъ цѣльнаго золота. Изображеніе: прекрасная женская голова, съ ожерельемъ изъ шариковъ на шеѣ; можетъ быть голова Венеры.

Найдено Г. Карейшею въ 1836 г. въ курганѣ близъ Карантинаго шоссе.

16. Кольцо изъ цѣльнаго золота. Изображеніе: женская голова вѣтвомъ обращенная; на шеѣ ожерелье съ подвѣсками.

Прислано изъ Керченскаго Музея.

17. Кольцо. Изображеніе: мужская голова, обращенная вѣтвомъ, въ лучистомъ вѣнцѣ. Варварской работы. Новый примѣръ противоположностей, замѣчаемыхъ въ вещахъ, находящихся въ Пантикапейскихъ курганахъ. (См. Введеніе.)

Доставлено изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

18. Кольцо изъ цѣльнаго золота. Сюжетъ этого кольца принадлежитъ къ числу самыхъ игривыхъ представленій древней мифологіи: новорожденный Амуръ сидитъ въ раковинѣ, можетъ быть Венериной, и ватагиваетъ тетиву лука, дабы пустить стрѣлу. Изображеніе сіе принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ и намъ еще не случалось встрѣтить его въ такомъ видѣ какъ здѣсь. На камѣ, изданномъ Милленомъ,⁴ изображенъ Амуръ безъ крыльевъ, готовый покинуть раковину. Художникъ, гравировавшій наше кольцо, еще болѣе увлекся своимъ предметомъ, представивъ Амура уже являющимъ власть свою при самомъ рожденіи.

Доставлено отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1853 г.

19. Одно изъ колецъ Парицы, оставъ которой найденъ былъ съ золотомъ маскою на лицѣ. Кольцо это украшено камеемъ изъ сардонікса съ изображеніемъ Смерти (*Θάνατος*) въ видѣ Амура съ обороченнымъ свѣточемъ. (См. описаніе рис. I.)

¹ Масков.: Saturn. Кн. VII. гл. 43. 7.

² Плиній: Кн. XXXIII. гл. 3.

³ Плиній: Кн. II. гл. 7.

⁴ MILLIN: Monum. ant. inédits. Т. II. Р. 48.

à en juger par la petitesse de son ouverture; et ce doigt annulaire était le quatrième de la main, comme chez nous.

D'après MACROBE le doigt annulaire (digitus annularis, en grec δακτυλίτης) était désigné par l'épithète de *medicinalis*.

«*Dic, inquam, cur sibi communis adsensus anulum in digito, qui minimo vicinus est, quem etiam medicinalem vocant, et manu praecipue sinistra gestandum esse persuasit.*»¹

MACROBE explique ensuite comment, d'après la croyance des Egyptiens, un nerf partant du cœur correspondait à ce doigt de la main gauche. Voir le texte de la Pl. XV.

Pythagore défendait de mettre les images des dieux sur les anneaux. Les Romains qui eurent d'abord ce scrupule, changèrent d'opinion plus tard, et représentèrent sur leurs anneaux des divinités de l'Égypte et d'autres pays, coutume que PLINIE rapporte² et qu'il blâme.³

Fouille inconnue.

14. Anneau massif. Figure ailée d'un Amour représenté volant et tenant des deux mains une couronne, comme s'il voulait la déposer sur la tête de quelque personnage.

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

15. Anneau massif. Belle tête de femme, peut-être de Vénus, un collier de perles au cou.

KAREISCHA. 1836. Tumulus voisin de la chaussée de la Quarantaine.

16. Anneau massif. Tête de femme, à gauche, le cou orné d'un collier formé de pendeloques.

Envoi du Musée de Kertch.

17. Anneau. Tête d'homme, à gauche, ornée d'une couronne radiée. Travail barbare, un des exemples du contraste qu'offrent quelquefois les objets trouvés dans les tumulus de Panticapée (voir notre Introduction).

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

18. Anneau massif. La gravure offre un charmant sujet: l'Amour naissant, assis dans une coquille, peut-être celle de Vénus, l'arc en main et s'appropriant à décocher une flèche. Cette représentation est d'une rareté extrême; et nous ne l'avons pas encore rencontrée reproduite comme ici. Un camée publié par MILLIN⁴, offre l'Amour sans ailes, se disposant à sortir de sa coquille. La verve de l'artiste a été plus loin dans notre anneau, en représentant l'Amour exerçant son empire, au moment même de sa naissance.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1853.

19. Un des anneaux de la reine du masque d'or. Il est orné d'un camée en sardonx offrant la Mort (Θάνατος), sous la figure d'un Amour ailé tenant son flambeau renversé. (Voir la légende de la Pl. I.).

¹ MACROB.: Saturn. Liv. VII. 43. 7.

² PLINIE: Liv. XXXIII. chap. 3.

³ PLINIE: Liv. II. chap. 7.

⁴ MILLIN: Monum. ant. inédits. To. II. pl. 48

20. Кольцо из цельного золота с надписью, начертанною точками, но которую прочесть трудно: кажется *Πανταγὰς πνεύμα*, т. е. *духъ* или *душа Пантагава*, что значило бы, что это кольцо есть даръ любви какой-либо особы, или какой-либо особе; конечно, въ обоихъ случаяхъ, должно разумѣть женщину, которую онъ и называетъ *своимъ духомъ*, *своею душою*, *своею жизнію*. Выраженіе подобной же мысли, но не столь скромно изложенной, потому что женщина названа по имени, мы находимъ и на кольцѣ съ надписью: *φῶς μου Θεανὸς, Θεανὸς мое сѣтило*.¹

Прислано отъ Графа Л. А. Перовскаго.

21. Дѣтское кольцо съ надписью точками *ΧΑΡΑ радость*; посему смыслъ надписи былъ бы: *желаніе радости или счастья*.

Найдено Г. Ашиномъ въ 1846 г.

22. Дѣтское кольцо съ такою же надписью.

Доставлено изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

23. Дѣтское кольцо съ такою же надписью, но буквы имѣютъ другую форму и начертаны тупымъ орудіемъ.

Найдено Г. Бларамбергомъ въ 1843 г. См. Введеніе стр. LXVIII.

24. Кольцо изъ цельного золота, съ надписью точками *ΨΥΧΗ, душа*, чему можно дать такой же смыслъ, какой имѣетъ надпись кольца No. 20.

Найдено Г. Бѣгичевымъ въ 1848 г. въ Катерлаесѣ въ каменной гробницѣ, вмѣщавшей въ себя женскій оставъ, на пальцѣ котораго находилось это кольцо. Въ этой же гробницѣ, кромѣ того найдены: деревянный ларецъ съ плодами, золотыя серьги и деревянный гребень.

25. Дѣтское кольцо съ такою же надписью какъ и на No. 23, но начертанною точками.

Найдено Г. Карейшею въ 1842 г. въ курганѣ Керченскаго публичнаго сада въ плитовой гробницѣ. Въ ней былъ дѣтскій оставъ съ браслетомъ на рукѣ, сходнымъ съ изображеннымъ на рис. XIV. 5, но меньшаго размѣра; монисто изъ пастовыхъ шариковъ, золотой оттискъ монеты (лежавшій близъ рта остава) и нѣсколько небольшихъ вазъ.

¹ *Montrasson: Suppl. T. III. P. LXV.*

20. Anneau massif avec une inscription, en lettres pointillées peu distinctes, qui semble être Πανταγῆτος πνεῦμα que l'on peut rendre par l'*esprit* ou l'*âme* de *Pantagathos*, exprimant que l'anneau est un don d'amour d'une personne ou à une personne, une femme sans doute, que Pantagathos appelle *son esprit*, *son âme*, *sa vie*. Une pensée analogue, mais moins délicatement exprimée, car la femme est nommée, est celle qu'offre une bague où sont gravés les mots: φῶς μου Θεανό, *Théano est ma lumière*.¹

21. Anneau d'enfant, avec l'inscription ΧΑΡΑ, *joie*, en lettres pointillées, inscription qui signifie ici: *souhait de joie* ou *de bonheur*.

ASCHIK. 1846.

22. Anneau d'enfant, offrant la même inscription.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

23. Anneau d'enfant, offrant la même inscription; mais ici les caractères, d'une forme différente, sont tracés comme avec une bouterolle.

Mr. de BLARAMBERG. 1843. Voir notre Introduction, page LXIX.

24. Anneau massif, offrant en lettres pointillées ΨΥΧΗ, *âme*, expression d'amour que l'on peut prendre dans le sens donné à l'inscription du No. 20.

BEGUITCHEFF. 1848. Katerless. Tombeau en pierres, renfermant un squelette de femme ayant cet anneau au doigt. Une cassette en bois, contenant des fruits, des boucles d'oreilles en or, un peigne en bois, se trouvaient en outre dans ce tombeau.

25. Anneau d'enfant avec la même inscription que le No. 23, en lettres pointillées.

KAREISCHA. 1842. Tumulus près du Jardin Public, à Kertch. Tombeau en dalles renfermant un squelette d'enfant, avec un bracelet en or semblable à Pl. XIV. 5. mais plus petit, un collier de perles en pâte, une empreinte de monnaie en or (près de la bouche du squelette) et quelques petits vases.

¹ MONTFAUCON: Suppl. To. III. pl. LXV.

РИСУНОКЪ XIX.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛИЧИНУ.

Найденные въ Куль-Обскомъ курганѣ на остатѣ Царицы медальоны съ головою Минервы. No. 1.

Сихъ медальоновъ два экземпляра; другой отличается отъ изображеннаго здѣсь только тѣмъ, что голова Минервы обращена въ $\frac{3}{4}$ вправо. Вѣсъ $19\frac{3}{4}$ и $20\frac{3}{4}$ золотниковъ.

Эти медальоны, вѣроятно, находились на груди Царицы, потому что Дюверюксъ говорить, что нашелъ ихъ *около середины остава*. Мы выше замѣтили, что уже одни эти медальоны служатъ важнымъ памятникомъ для опредѣленія времени, въ которому должно отнести Куль-Обскую гробницу; и точно, мы видимъ на нихъ типъ Пареевской богини, казнимъ создалъ его теній Фидіаса. Сравнивъ эту увѣнчанную шлемомъ голову богини съ изображеніемъ ея на знаменитомъ рѣзномъ камнѣ Вѣнскаго Кабинета, съ именемъ Аспазія, мы найдемъ въ нихъ тѣ особенности, о которыхъ Павзаній упоминаетъ при описаніи статуи этой богини изъ золота и слоновой кости работы Фидіаса: «*На серединѣ ея шлема возвышается сфинксъ. обѣ стороны шлема поддерживаются грифами.*»¹

Этотъ изданный Брактіемъ² рѣзной камень такъ сходенъ съ нашими медальонами въ изображеніи деталей головы Минервы, что мы должны признать и тотъ и другой за копія съ того же подлинника. На Вѣнскомъ камнѣ голова представлена въ профили, вправо, и поэтому совы на лѣвомъ наушникѣ (*фалара*) не видно, (на второмъ экземплярѣ нашего медальона сова на правомъ наушникѣ); но мы находимъ на этомъ камнѣ такое же тройное, въ видѣ перьевъ, свершье со сфинксомъ и Пегазми, такой же козырекъ, украшенный лошадиными головами (перемѣняемыми на нашихъ медальонахъ съ

¹ Павзаній: Кн. I. гл. 24.

² Власси: Memorie degli antichi incisori. T. I. P. XXIX.

PLANCHE XIX.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

édailions de la reine du tombeau du Koul-Oba. No. 1.

Ces bijoux (il y en a deux pareils pesant $19\frac{3}{4}$ et $20\frac{3}{4}$ zolotniks, le second offre seulement cette variante que la tête de Minerve est de trois-quarts, à droite) ornaient vraisemblablement la poitrine de la reine, car DUBRUX dit qu'il les trouva placés, *vers le milieu du corps*.

Nous avons déjà dit qu'ils constituent à eux seuls un monument d'une grande signification pour déterminer l'époque de ce tombeau; ils offrent en effet le type de la déesse du Parthénon créé par le génie de Phidias. En comparant cette tête casquée avec la célèbre pierre gravée portant le nom d'Aspasios qui est au Cabinet de Vienne, nous y retrouvons les caractères attribués par PAUSANIAS à la statue d'or et d'ivoire de la déesse: «*du milieu de son casque s'élève un sphinx..... les deux côtés du casque sont soutenus par des griffons.*»¹

BRACCI² a publié cette pierre fameuse qui offre tellement les détails de la tête de nos médaillons, que l'on doit reconnaître dans l'une et l'autre la copie du même original. Dans la pierre de Vienne la tête est de profil, à droite, et ne permet pas de distinguer le hibou qui est sur le garde-joue (*φάλαρα* en grec) de gauche (dans l'autre médaillon le hibou est sur le garde-joue de droite); mais le sphinx et les Pégases du triple cimier à panache, les têtes de chevaux du garde-vue (mêlées chez nous à des têtes de griffons), les griffons des garde-joue articulés, le collier avec ses pendeloques en forme de gland, sont

¹ PAUSANIAS: Liv. I. chap. 24.

² BRACCI: Memorie degli antichi incisori. To. I. Tav. XXIX.

головами грифонов), таких же грифонов на подвижных наушниках и такое же ожерелье с подвесками въ видѣ жемчужин на шеѣ, какъ и на изображенной здѣсь головѣ Минервы.¹ Змѣиные же головы эгиды, едва примѣтны на медальонахъ, яснѣе видны на камнѣ.

Это произведение Фидіаса послужило подлиннымъ типомъ для подобныхъ же изображеній Минервы на разныхъ серебряныхъ аттическихъ медальяхъ.²

При существующемъ сомнѣніи на счетъ подлинности рѣзнаго камня Вѣнскаго Кабинета, состоящаго изъ красной рѣзной вглубь яшмы, а особенно же надписи, заставляющей предполагать, что камень этотъ есть копія съ оригинала, существовавшаго, какъ утверждаютъ, еще въ 17 столѣтіи, но нынѣ потеряяннаго, оба наши медальона получаютъ двойную цѣну, потому что они представляютъ собою памятники несомнѣнной подлинности, принадлежаще вѣроятно 4-му столѣтію до Р. Х., на которыхъ изображенъ вѣрный типъ знаменитой Паренсонской богини, этой Минервы *Athéné-Parthénos*,³ созданной гениемъ Фидіаса и множество разъ изображенной послѣ него древними художниками.

Листья плюща на каймѣ, окружающей медальоны, а также нѣкоторые цвѣтки и другіе детали подвесокъ украшены синеве фишфтью.

2. Медальонъ выпуклой работы съ изображеніемъ женской головы въ профиль. По каймѣ украшенія сканной работы, припаянныя къ кружку. Вѣсъ $4\frac{1}{4}$ золотниковъ.

Поступилъ изъ Керченскаго Музея. Подобно предыдущему медальону, этотъ, а равно и слѣдующій за нимъ медальонъ, составляли вѣроятно нагрудное украшеніе, висѣвшее на туникѣ у мышки.

3. Медальонъ съ изображеніемъ головы Минервы чеканной работы, въ шлемѣ съ тройнымъ овершиемъ (трифалла). См. описаніе Р. XV. 15. Окружающія голову филиграновыя украшенія припаяны къ кружку. Вѣсъ $5\frac{3}{4}$ золотниковъ.

Найденъ Г. Каряишею въ 1834 г. въ плитовой гробницѣ, въ курганѣ близъ Карантиннаго шоссе. См. Введеніе стр. LXIV.

1. 3. Небольшіе медальоны Царицы, похороненной въ Куль-Обскомъ курганѣ.

№ 4 только одинъ экземпляръ. Вѣсъ $5\frac{1}{4}$ золотниковъ. Украшеніе это надо разсматривать въ увеличительное стекло, чтобы судить объ удивительно отчетливой отдѣлкѣ всѣхъ деталей. По сторонамъ его выставляются, какъ цвѣтки на стеблѣ, двѣ чеканной работы Побѣды (можетъ быть и два гермафродита, подобныхъ изображеннымъ на Р. VII. 9. 9*), которыя служатъ прелестнымъ дополненіемъ къ сему медальону.

№ 5 въ двухъ экземплярахъ; въ каждомъ $12\frac{1}{4}$ золотниковъ вѣсу. Тутъ увеличительное стекло еще нужнѣе, потому что только съ помощью его можно открыть спрятанныя въ серединѣ репейка, какъ тычинки въ цвѣткѣ, четыре прелестныя женскія фигурки на дельфинахъ, которыя художникъ помѣстилъ тамъ съ удивительнымъ искусствомъ. Фигуры сія представляютъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ фактовъ, разсказанныхъ въ Илиадѣ: Оетиду и Нерейдъ, приносящихъ Ахиллу оружіе, выкованное для него

¹ См. описаніе этого камня у Ескавл.: *Choix des pierres gravées*. Р. XVIII. и *Stosch: Gemmae antiquae*. Т. I. Р. XIII. и стр. 16.

² Ескавл.: *Doct. Numm.* Т. II. стр. 210.

³ См. въ *Museo Borbonico* IV. Р. VII. мраморную статую Минервы Фарисскаго собранія. Шлемъ ея видомъ подбитыхъ наушниковъ, Пегазами и сфинксами на тулѣ похожъ на нашъ шлемъ.

identiques.¹ On distingue dans nos médaillons les têtes de serpents de l'égide qui sont plus visibles sur la pierre que nous citons.

Cet ouvrage de Phidias est le type original qui est répété plus tard sur diverses monnaies attiques en argent.²

Si l'authenticité de l'intaille du Cabinet de Vienne, qui est un jaspé rouge, n'est pas bien établie, et si surtout l'inscription est douteuse et fait supposer que cette intaille est la copie d'une pierre originale qui aurait existé encore au dix-septième siècle, et qui serait perdue aujourd'hui, nos médaillons seraient doublement précieux, puisqu'ils offrent le type de la célèbre déesse du Parthénon, et constituent un monument dont l'authenticité incontestable remonterait au quatrième siècle avant J. C., de cette Minerve, *Athéné-Parthénos*³, créée par le génie de Phidias et que les artistes de l'antiquité s'empressèrent de reproduire.

Les feuilles de lierre de la bordure de l'enroulement de nos médaillons sont émaillées en bleu, de même que quelques-unes des fleurs et quelques détails des pendeloques.

2. Médaillon repoussé offrant une tête de femme ceinte d'un bandeau. L'enroulement se compose d'ornements en filigrane appliqués par la soudure. Poids $4\frac{1}{4}$ zolotniks.

Ce médaillon qui provient du Musée de Kertch, était vraisemblablement, comme le numéro précédent et le numéro suivant, un ornement de poitrine qui se fixait à la tunique, au défaut du bras.

3. Médaillon offrant une tête de Minerve ciselée avec un casque à triple aigrette (τριφάλαα). Voir la légende de la Pl. XV. 15. Les ornements en filigrane sont appliqués par la soudure. Poids $5\frac{3}{4}$ zolotniks.

KAREISCHA. 1831. Tombeau de femme en dalles. Tumulus voisin de la chaussée de la Quarantaine. Voir dans notre Introduction, page LXV., le récit de l'exploration du tombeau où ce médaillon a été trouvé.

4. 5. Petits médaillons de la reine du tombeau du Koul-Oba.

Le No. 4 est seul. Poids $5\frac{3}{4}$ zolotniks. L'exquise beauté de ce bijou a besoin qu'on employe la loupe pour en apprécier le fini et les détails. Les deux Victoires ailées ou, peut-être, les deux figures d'hermaphrodites, pareilles à celles de la Pl. VII. 9. 9*, posées de chaque côté sur une tige comme une fleur, constituent un ornement d'une délicatesse pleine de verve.

Nous avons sous le numéro 5 deux médaillons pareils qui pèsent chacun $12\frac{1}{2}$ zolotniks. Ici la loupe est encore plus nécessaire, car ce n'est qu'avec son aide que l'on peut découvrir, cachées dans le sein de la rosace, comme des étamines dans une fleur, les quatre charmantes figures de femmes, montées sur des dauphins, que l'artiste y a fixées avec une délicatesse infinie. On y reconnaît un des faits les plus célèbres de l'Iliade, Thétis, suivie de ses Néréides, apportant à Achille les nouvelles armes que Vulcain a forgées

¹ Voir ECKHEL: *Choix de pierres gravées*. Pl. XVIII. et STOSCH: *Gemmae antiq. cael.* To. I. pl. XIII. et p. 16. pour les détails et la dissertation.

² ECKHEL: *Doct. Numm.* To. II. p. 210.

³ Voir Museo Borbonico. IV. Tav. VII. la statue de Minerve en marbre, de la collection Farnèse. Le casque est semblable à celui de nos médaillons, par la forme des garde-joue relevés et la présence des Pégases et du sphinx sur le timbre.

Вулканом.¹ Но оружіе это: шлемъ съ перьями, щитъ и латы различить можно только въ увеличительное стекло.

На торчащихъ по сторонамъ стebelкахъ, вѣроятно, были какія нибудь фигуры, можетъ быть крылатая Побѣда, какъ на No. 4, которыя легко могли быть отбиты. Надоно вспомнить, что доски катафалка, который, по показанію Дюврюкса, покрывалъ трупъ Царицы, были найдены имъ обрушившимися, что самый потолокъ склепа отчасти осыпъ и такимъ образомъ легко объяснить себѣ порчу этихъ украшеній, у которыхъ, сверхъ того, недостаетъ нѣкоторыхъ подвесокъ. Цѣпти на сяхъ медальонныхъ попеременно изъ финифти и матового золота. Ободокъ изъ овокъ и нѣкоторыя части подвесокъ сдѣланы изъ синей и голубой финифти.

Застежка въ видѣ броши, находящаяся на задней части этихъ медальоновъ, доказываетъ, что ихъ носили на кольцѣ и весьма вѣроятно, что это были серьги Царицы. Мы видѣли на Р. VII. 44, что эти украшения иногда доходили до значительныхъ размѣровъ, а по словамъ Луціана, греческія дамы не боялись нагружать мочки своихъ ушей *весьма тяжелыми эрирейскими камнями* (жемчугомъ).²

6. Двѣ большія подвески.

7. Три подвески меньшаго размѣра.

Найдены въ Кузь-Обской гробницѣ; вѣроятно обломки ожерелья.

¹ Изображеніе этого сюжета встрѣчается на многихъ древнихъ памятникахъ. Мы видимъ его между прочимъ на прекрасномъ Ватиканскомъ саркофагѣ (Visconti: Mus. Pio-Cleém. T. V. P. 20.), гдѣ Фетида и ея Неренды представлены сидящими на дельфинахъ и несущими новое оружіе, въ которомъ Вулканъ, пламенный красотою Фетиды не могъ по ея просьбѣ отказать Ахиллу; да еще на двухъ ваззахъ, гдѣ богиня и нимфы изображены на дельфинахъ и морскихъ коняхъ. Monum. ined. pubbl. dall' Instit. archeol. T. III. P. XIX. и XX. и Annali. T. XII. стр. 122 — 125. Ваза, изображенная на Р. XIX, мраморная и находится въ Мюнхенѣ; другая (Р. XX.), раскрашенная, принадлежитъ Ягтаскому собранію въ Неаполѣ.

² Луціанъ: Amores. Гл. XLI.

pour le héros.¹ Le casque à panache, le bouclier, la cuirasse, ne sont visibles qu'à la loupe qui, seule, permet d'en saisir la forme.

Les deux tiges qui se projettent en dehors de ce médaillon paraissent avoir servi de support à quelques figures, peut-être de Victoires ailées, comme dans le No. 4, qui pourraient bien en avoir été détachées par quelque accident. Il est bon de rappeler ici que les planches du catafalque qui, au dire de DUBRUX, recouvrait le corps de la reine, étaient tombées; que le plafond même s'était détaché en partie, et que la chute de ces débris peut expliquer les accidents arrivés à ces bijoux où il manque en outre quelques pendeloques. Les fleurs sont alternativement en émail et en or mat. La bordure d'oves et quelques-uns des détails des pendeloques sont en émail bleu foncé et bleu clair.

La broche à crochet qui est au revers de ces bijoux, indique qu'ils étaient portés suspendus à un anneau; et il est à croire que ces petits médaillons à pendeloques étaient les pendants d'oreilles de la reine. Nous avons vu à Pl. VII. 14. que ces bijoux avaient quelquefois de grandes dimensions, et LUCIEN nous apprend que les dames ne craignaient pas de charger les lobes de leurs oreilles de *pierres erythrénnes* (perles) *très-pesantes*.²

6. Deux grandes pendeloques.

7. Trois petites pendeloques.

Trouvées dans le tombeau du Koul-Oba. Débris de colliers vraisemblablement.

¹ Plusieurs monuments antiques offrent ce sujet. Nous citerons entr'autres le beau sarcophage du Vatican (VISCOTTI. Mus. Pie-Clém. To. V. Pl. 20.) où Thétis et ses Néréides sont représentées assises sur des dauphins, et portant les nouvelles armes que Vulcain épris à la vue de Thétis, n'a pu refuser à ses prières; et deux vases où la déesse et ses nymphes sont représentées montées sur des dauphins et des hippocampes. Monum. ined. publ. dall' Instit. archeol. To. III. Tav. XIX. et XX. et Anuali. To. XII. pag. 122—125. Le vase de la planche XIX. est en marbre; il se trouve à Munich; celui de la planche XX. est un vase peint de la collection Iatta à Naples.

² LUCIEN: Les Amours. Chap. XLI.

РИСУНОКЪ XX.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛИЧИНУ.

а этомъ и двухъ слѣдующихъ рисункахъ представлены образчики весьма разнообразныхъ большихъ и малыхъ бляхъ съ набивными или выпукло работанными изображеніями; эти бляхи, вѣроятно, служили украшеніями одежды только знатныхъ людей, въ Пантикафѣ и другихъ мѣстахъ береговъ Босфора Киммерійскаго.

Изображенныя на этомъ рисункѣ бляхи принадлежатъ Куль-Обской гробницѣ. Находящіеся на нихъ дырочки достаточно доказываютъ, что онѣ нашивались на одежду и Дюврюкъ именно говоритъ въ своемъ рапортѣ (см. Введеніе), что ими былъ усыянъ полъ гробницы вдоль Южной стѣны (см. планъ А.), гдѣ находились гвозди, на которыхъ была развѣшана одежда Царя и Царицы. Онъ присовокупляетъ, что вошедшіе въ гробницу въ ночь на 25 Сентября воры нашли *несмытное количество* этихъ бляхъ. Надобно думать, что ихъ точно было нескотное множество, потому что, не смотря на расхищеніе бляхъ, которыя, вѣроятно, были сплавлены, мы насчитываемъ ихъ у насъ болѣе *шести сотъ*, и къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить тѣ, совершенно подобныя имъ бляхи, которыя находятся въ частныхъ собраніяхъ.¹

Такого рода украшенія должны были придавать одеждѣ особенный блескъ и роскошный видъ, заимствованный вѣроятно у Востока; слѣды подобнаго же подражанія Востоку, кажется, должно признать и къ фригійскимъ одеждамъ лицъ на нашей лѣтѣ (Р. LXXIX.). Тоже должно сказать объ одеждѣ лицъ, изображенныхъ на нашихъ вавилонскихъ и персеполитанскихъ вальвахъ.²

Сюжеты, представленные на этихъ бляхахъ, весьма различны. Мы означимъ при описаніи также и число экземпляровъ бляхъ въ нашемъ собраніи.

¹ См. въ соч. Г. САБАТЪ: Souvenirs de Kertch, etc. P. IV. V. VI.

² RAOUL-ROCHETTE: Mémoires d'archéol. comparée. I. P. VI. VII. Mines de l'orient. T. I. P. III. No. 7.

PLANCHE XX.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

ette planche et les deux suivantes offrent les spécimens très-variés des plaques d'or, estampées ou travaillées au repoussé, qui servaient d'ornements d'habits, et constituaient une parure particulière probablement aux personnages de marque à Panticapée et ailleurs, sur les rives du Bosphore.

Celles qu'offre cette planche appartiennent toutes au tombeau du Koul-Oba. Les petits trous dont ces plaques sont percées indiquent suffisamment qu'elles avaient la destination ci-dessus; et le rapport explicite de DUBRUX (voir notre Introduction) déclare qu'elles parsemaient le sol, le long de la muraille du midi (voir le Plan A.), où étaient fixés les cinq clous auxquels avaient été suspendus les vêtements du roi et de la reine. Il ajoute que les explorateurs de la nuit du 24 septembre trouvèrent une *énorme quantité* de ces plaques. Il faut supposer que le nombre en était immense, puisqu'après cette spoliation, dont le produit a passé vraisemblablement au creuset, notre collection en possède *au-delà de six cents*, auxquelles il faut ajouter celles tout à fait identiques, qui existent dans différentes collections particulières.¹

Ce genre d'ornement devait donner au costume une richesse très-caractéristique, qui semble un emprunt fait à l'Orient, que nous croyons retrouver sur les costumes phrygiens de notre lyre (Pl. LXXIX) et que nous rencontrons encore sur les costumes des personnages qu'offrent les cylindres babyloniens et persépolitains.²

Ces plaques offrent les sujets les plus variés, comme on le verra. Nous indiquerons à chaque numéro le nombre d'exemplaires que l'Ermitage en possède.

¹ Mr. SABATIER offre dans son ouvrage: Souvenirs de Kertsch, etc. Pl. IV. V. VI. les dessins de ces plaques.

² RAOUL-ROCHETTE: Mém. d'archéol. comp. I. pl. VI. VII. Mines de l'Orient. To. I. pl. III. 7.

1. Дитя, опустившееся на одно колено; въ каждой рукѣ держитъ по плоду; правою рукою онъ подносить плодъ ко рту. Четырнадцать экземпляровъ.

2. Лежащій левъ, сходный по стилю со львами на ожерельѣ Царницъ. Р. VIII. 2.

3. Геркулесъ, задушающій Немейскаго льва. Вѣсъ: $\frac{1}{8}$ золотника. Семь экземпляровъ.

Это типъ Гераклійскихъ и Лукаійскихъ медалей.

4. Два крылатыхъ льва, поднявшихся на заднія ноги, упираются другъ на друга передними лапами. Изображеніе это, кажется, ассирійское.

5. Двѣ женщины въ длинныхъ *хитонахъ*. Одна изъ нихъ въ состояніи восторженности, сложивъ руки и поднимъ вверхъ глаза, исполняетъ вакхическую пляску; другая принимаетъ участіе въ пляскѣ играя кроталами, которыхъ древнюю форму можно видѣть на рис. LXX. 1. 2, въ рукахъ у крылатой Победы. Четыре экземпляра

6. Два Сивеа, обращенные другъ къ другу спиною, стрѣляютъ изъ лука. Въ изображеніи этой группы есть много характеристическаго. Голова одного Сивеа отломлена. Вѣсъ $4\frac{1}{8}$ золотника.

7. Пегазъ. Изображеніе на этой бляхѣ выпуклой работы, а не оттиснуто штемпелемъ.

8. Символическая фигура богини. По объясненію Рауль-Росетта это *Demeter Pantikapaea*.¹ Вѣсъ $\frac{3}{8}$ золотниковъ.

9. Конный Сивезъ на охотѣ мечетъ копьё въ звѣря, кажется, зайца; послѣдній изображенъ сидящимъ на заднихъ ногахъ въ углу бляхи. Широкіе панталоны Сивеза, *анаксириды*, кажется, украшены такими же бляхами, какъ здѣсь описываемыя. Два экземпляра. На одномъ Сивезъ обращенъ вправо, на другомъ влево. На обоихъ экземплярахъ изображенія выпуклой работы, а не вытисненны.

10. Грифъ, сидящій на заднихъ лапахъ. Два экземпляра.

Работа этихъ двухъ бляхъ гораздо хуже работы прочихъ. См. въ Введеніи сказанное нами о противоположности, встрѣчаемой въ семь отношеніи въ вещахъ, находимыхъ въ Пантикапейскихъ курганахъ.

11. Группа, представляющая домашнюю сцену. Сидящая женщина держитъ въ лѣвой рукѣ зеркало; передъ ней молодой Сивезъ пьетъ изъ ритона, видомъ сходнаго съ изображеннымъ на рис. XXXVI. 5. Семнадцать экземпляровъ.

12. Морской орелъ пожирающій рыбу. Вѣсъ 58 долей.

По объясненію Рауль-Росетта² тутъ представленъ орелъ-рыболовъ, называвшійся у Грековъ *αλμυροφάγος*.³ Такой же находится на Ольвійскихъ и Иструсскихъ медаляхъ. Семь экземпляровъ.

13. Передняя часть крылатаго кабана. Типъ этотъ встрѣчается на Лампсакскихъ медаляхъ. Два экземпляра.

14. Крылатое морское чудовище съ хвостомъ какъ у коня (гиппокампа).

¹ Рауль-Росетта: Journal des savants. 1832. стр. 45. Annales publ. par l'Institut. archéol. T. IV. 187. P. C. 2.

² Рауль-Росетта: Journal des savants. 1832. стр. 45.

³ Подобная же бляха пазана въ Mon. ined. pubbl. dall' Inst. arch. T. 3. P. LII. и Annali, T. XV. стр. 203.

1. Enfant, un genou en terre, tenant de chaque main un fruit qu'il porte à sa bouche avec la droite. Quatorze exemplaires.

2. Lion couché, de style semblable aux lions du collier de la reine Pl. VIII. 2.

3. Hercule étouffant le lion de Némée. Poids, $\frac{1}{8}$ zolotnik. Sept exemplaires.

Type des médailles d'Héraclée en Lucanie.

4. Deux lions ailés, dressés sur leurs pattes de derrière, et se joignant par leurs pattes de devant. Motif assyrien, il semble.

5. Deux femmes voilées couvertes d'un long *chiton*; l'une en extase, les mains jointes et les yeux levés au ciel, exécute une danse bachique; l'autre l'accompagne en jouant des crotales dont la forme antique se voit aux mains de la Victoire ailée de notre planche LXX. 1. 2. Quatre exemplaires.

6. Deux Scythes adossés tirant de l'arc. Groupe plein de caractère. La tête de l'un d'eux est tombée. Poids, $\frac{1}{8}$ zolotnik.

7. Pégase. Cette plaque est évidemment travaillée au repoussé et non estampée.

8. Figure symbolique de divinité. *Déméter Panicapaea*, suivant RAOUL-ROCHETTE.¹ Poids, $\frac{1}{8}$ zolotnik environ.

9. Cavalier scythe en chasse, s'apprêtant à percer de son javelot l'animal accroupi, un lièvre il semble, qui figure dans le coin de la plaque. Les *anaxyrides* ou pantalons larges du personnage paraissent enrichis de plaques comme celles que nous décrivons. Deux exemplaires. Dans l'un le cavalier va à droite, dans l'autre il va à gauche. Ces deux plaques sont travaillées au repoussé et non estampées.

10. Griffon accroupi. Deux exemplaires.

L'exécution de ces deux plaques est très-inférieure à celle des plaques précédentes. C'est un exemple du contraste dont nous avons parlé dans notre Introduction.

11. Groupe offrant une scène d'intérieur. Femme assise, tenant un miroir. Devant elle un jeune garçon, en costume scythe, boit d'un rhyton dont la forme rappelle celle du rhyton de la Pl. XXXVI. 5. Dix-sept exemplaires.

12. Aigle de mer dévorant un poisson. Poids, 58 doli, environ $\frac{1}{8}$ de zolotnik.

Suivant RAOUL-ROCHETTE², cet oiseau serait l'*ἀλιδέτος* ou aigle pêcheur des Grecs.³ Type des médailles d'Olbia et d'Istrus. Sept exemplaires.

13. Partie antérieure d'un sanglier ailé. Type qui se retrouve sur les médailles de Lampsaque. Deux exemplaires.

14. Figure ailée de monstre marin, à queue d'hippocampe.

¹ RAOUL-ROCHETTE: Journal des savants. 1832. p. 45. Annales pub par l'Institut. archéo. To. 4. 187. Pl. C. 2.

² RAOUL-ROCHETTE: Journal des savants. 1832. p. 45.

³ Une plaque semblable a été publiée dans les Mon. inéd. de l'Inst. archéol. To. 3. pl. LII. et Annales To. 45. p. 203.

На другомъ экземпляръ ясны, чѣмъ здѣсь, видна голова чудовища съ лошадиными ушами и свинымъ рыломъ. Шея похожа на ту, которую мы видимъ на поязѣ Париды (Р. П. 3.).

Художникъ хотѣлъ можетъ быть идеализировать фигуру *хрищевой совершенно-жаберной рыбы*, известной подъ названіемъ конья (hipposampus brevirostris), относимой Плиніемъ и другими древними естествоиспытателями къ породамъ рыбъ Средиземнаго моря, гдѣ она и нынѣ часто встрѣчается.

Видъ этой странной рыбы, извѣстныи бмъ миеологическій, принимаемый ею особенно въ сухомъ состояніи, послужилъ древнимъ художникамъ мотивомъ для орнаментовъ.

15. Заяцъ, бѣгущій влѣво. Восемнадцать экземпляровъ.

Un second exemplaire de cette plaque offre, d'une manière plus complète, la tête du monstre à oreilles de cheval et groin de porc. L'encolure a de l'analogie avec celle de la figure du bandeau de la reine du Koul-Oba. Pl. II. 3.

L'artiste a voulu peut-être idéaliser la figure du poisson *cartilagineux-téléocranche* désigné sous le nom d'hippocampe (*hippocampus brevirostris*), reconnu par PLINÉ et d'autres naturalistes anciens comme appartenant à la Méditerranée, où il se rencontre fréquemment de nos jours.

La figure mythologique, pour ainsi dire, qu'a ce singulier poisson, surtout lorsqu'il est desséché, l'avait fait adopter dès l'antiquité comme un motif d'ornementation.

15. Lièvre courant à gauche. Dix-huit exemplaires.

РИСУНОКЪ XXI.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ БЕЛЧИНУ.

ляхи, служившія украшеніемъ одежды.

1. Мужская голова, обращенная влѣво. Попорчена.

Изъ Куль-Обской гробницы.

2. Голова Паллады, обращенная влѣво. На задней части каски видна львиная маска. Тринадцать экземпляровъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

3. Женская голова, обращенная влѣво; волосы поддерживаются повязкою. Мы видимъ подобный головной уборъ и на вазахъ.¹ На шеѣ ожерелье изъ шариковъ. Восемь экземпляровъ.

Найдены Г. Каргншею въ 1824 г. въ курганѣ на Митридатовой горѣ, въ пещлѣ ностра, вмѣстѣ съ ожерельемъ изъ золотыхъ шариковъ.

4. Женская голова, обращенная вправо; на головѣ такая же повязка, какъ на предыдущей блѣхѣ. Два экземпляра.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

5. Женская голова, обращенная вправо. Головная повязка украшена звѣздами; на шеѣ ожерелье съ фермуаромъ. Десять экземпляровъ.

Найдены въ Фанагоріи и присланы отъ Графа Л. А. Пеговскаго въ 1852.

6. Женская голова, обращенная влѣво. Восемь экземпляровъ.

Гдѣ была найдена, неизвѣстно.

7. Женская голова, обращенная влѣво; подобна No. 3.

Неизвѣстно гдѣ найдена.

8. Мужская голова, обращенная влѣво.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

¹ См. примѣчаніе 1. и 2. къ стр. 44.

PLANCHE XXI.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

Plaques pour ornements d'habits.

1. Tête d'homme, à gauche. Cette plaque a souffert.

Koul-Oba.

2. Tête de Pallas, à gauche, dont le casque offre à la partie postérieure un masque de lion. Treize exemplaires.

Koul-Oba.

3. Tête de femme, à gauche, les cheveux noués soutenus par un bandeau, genre de coiffure que l'on retrouve sur les vases peints¹. Au cou est un collier de perles. Huit exemplaires.

KAREISCHA. 1831. Tumulus du Mont Mithridate. Trouvé avec un collier de perles d'or, au milieu des cendres d'un bûcher.

4. Tête de femme, à droite; même genre de coiffure que dans le numéro précédent. Deux exemplaires.

Koul-Oba.

5. Tête de femme, à droite, avec un collier à fermoir. Le bandeau de la coiffure est constellé. Dix exemplaires.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852. Fouille de Phanagorie.

6. Tête de femme, à gauche. Huit exemplaires.

Fouille inconnue.

7. Tête de femme, à gauche. Même motif que le No. 3.

Fouille inconnue.

8. Tête d'homme, à gauche.

Koul-Oba.

¹ Voyez les notes 1 et 2 de la page 45.

9. Мужская братая голова, обращенная вправо. Два экземпляра.

Неизвестно где найдены.

10. Медузина маска, украшенная вѣнкомъ, кажется изъ листьевъ плюща и ашума. Пятьдесятъ четыре экземпляра.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

11. Медузина маска. Пять экземпляровъ.

Изъ того же кургана.

12. Медузина маска, высовывающая языкъ. Типъ Ольвийскихъ медалей. Восемь экземпляровъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

13. Медузина маска, подобная предыдущей. Восемь экземпляровъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

14. Медузина маска, высовывающая языкъ. Восемь экземпляровъ.

Найдены близъ Фанагоріи и присланы отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852.

15. Медузина голова съ крыльями. Эта бляха, или лучше медальонъ, окруженный тройною каймою, отличается отъ прочихъ бляхъ тѣмъ, что онъ не вышивался, а навѣшивался на платъ, какъ видно по кольцамъ, придѣланнымъ сверху и внизу медальона.

Найдены Г. Карейшею въ 1847 г.

16. Медузина маска, почти подобная No. 14. Шесть экземпляровъ.

Найдены Г. Карейшею въ 1839 г., въ курганѣ близъ Подгорнаго кордона.

17. Медузина маска, какую мы видимъ на Ольвийскихъ медаляхъ, гораздо ближе подходящая къ маскамъ ихъ, чѣмъ No. 12. и 13.

Прислана отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852 г.

18. Медузина голова съ крыльями; широкаго стиля, но небрежно сдѣланная. Четыре экземпляра.

Неизвестно где найдены.

19. Медузина голова съ крыльями. Два экземпляра.

Неизвестно где найдены.

20. Круглая бляха, кажется съ изображеніемъ солнца. На задней сторонѣ ея двойная скобка, доказывающая, что бляху пришивали на лентѣ, вѣроятно къ ожерелью. Два экземпляра.

Неизвестно где найдены.

21. Женская голова съ серьгами въ ушахъ. Четыре экземпляра.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

22. Голова старухи, обращенная вправо, въ варварскомъ стилѣ. Дѣдцать экземпляровъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

23. Женская голова, обращенная влѣво, съ ожерельемъ на шеѣ. Стилъ работы этой головы еш болѣе варварскій, чѣмъ на предыдущемъ номерѣ. Четыре экземпляра.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

Въ этихъ двухъ послѣднихъ вещахъ мы видимъ новый примѣръ противоположности, замѣчаемой въ памятникахъ Пантикапейскихъ кургановъ, въ отношеніи работы. См. Введеніе.

9. Tête d'homme, barbue, à droite. Deux exemplaires.

Fouille inconnue.

10. Masque de Méduse, orné d'une couronne de lierre et de feuilles d'ache, il semble. Cinquante-quatre exemplaires.

Koul-Oba.

11. Masque de Méduse. Cinq exemplaires.

Koul-Oba.

12. Masque de Méduse, la langue tirée. Type des médailles d'Olbia. Huit exemplaires.

Koul-Oba.

13. Masque de Méduse. Même type que le numéro précédent. Huit exemplaires.

Koul-Oba.

14. Masque de Méduse, la langue tirée. Huit exemplaires.

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

15. Tête de Méduse ailée. Cette plaque ou plutôt ce médaillon, qui est entouré d'une triple bordure, offre avec les plaques précédentes cette différence qu'il n'est point percé de trous, mais muni de deux anneaux dont le supérieur était de suspension.

KAREISCHA. 1847.

16. Masque de Méduse. Même type à peu près que le numéro 14. Six exemplaires.

KAREISCHA. 1839. Tumulus près du poste de douane Podgornoï.

17. Masque de Méduse, au type d'Olbia, beaucoup mieux déterminé que dans les numéros 12 et 13.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

18. Tête de Méduse ailée, d'un grand style, quoique d'une exécution négligée. Quatre exemplaires.

Fouille inconnue.

19. Tête de Méduse ailée. Deux exemplaires.

Fouille inconnue.

20. Plaque ronde offrant, il semble, la figure du soleil. Cette plaque est munie au revers d'une coulisse double, qui indique que cet ornement se portait passé dans un cordon, à un collier probablement. Deux exemplaires.

Fouille inconnue.

21. Tête de femme, les oreilles ornées de pendeloques. Quatre exemplaires.

Koul-Oba.

22. Tête de vieille femme, à droite, d'un style barbare. Douze exemplaires.

Koul-Oba.

23. Tête de femme, à gauche, le cou orné d'un collier, d'un style encore plus barbare que le numéro précédent. Quatre exemplaires.

Koul-Oba.

Ces deux derniers numéros offrent une nouvelle répétition du contraste de style que présentent quelquefois les objets exhumés des tumulus de Panticapée. Voir notre Introduction.

РИСУНОКЪ ХИИ.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ РЕАЛИЧНУ.

Изображенные на этомъ рисункѣ бляхи равномерно служили украшеніемъ одежды, какъ и тѣ, которыя мы видѣли выше.

1. Небольшая круглая тисненая бляха, съ двумя дырками.

Подъ №№. 1. 3. 4. 6. 22 — 25. этого рисунка и подъ №№. 10. 11. 12. и 14. слѣдующаго представлени бляхи, коими была усыяна одежда Царицы съ золотою маскою. (См. описаніе рис. I.) Число ихъ доходитъ до четырехъ сотъ. Онѣ выставлены въ Эрмитажномъ Музѣ въ Кабинетѣ Ея Величества Государыни Императрицы на бархатной подушкѣ, на которой установлена самая маска.

2. Скорчившаяся фигура, кажется льва, варварскаго стиля. Шестьдесятъ шесть экземпляровъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

3. Небольшая круглая тисненая бляха, съ двумя дырками.

4. Четырехугольная тисненая бляха, съ четырьмя дырками и просвѣтомъ въ серединѣ.

5. Бляхи въ видѣ цѣпка о девяти лепесткахъ, съ четырьмя дырками. Сто пять экземпляровъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

6. Круглая тисненая бляшка, съ тремя дырочками.

7. Треугольная тисненая бляха въ видѣ пирамиды изъ шестиугольниковъ; съ тремя дырками.

Двѣсти шесть экземпляровъ.

Найдена вмѣстѣ съ погребальнымъ вѣнкомъ, Р. V. 4.

PLANCHE XXII.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

Les plaques figurées dans cette planche étaient des ornements d'habits comme celles des planches précédentes.

1. Petite plaque ronde estampée percée de deux trous.

Les No. 1. 3. 4. 6. 22 à 23 de cette planche et les No. 10. 11. 12. 14. de la Pl. XXIII. offrent les motifs des petites plaques qui parsemaient les habits de la reine du masque d'or. (Voir le texte de la Pl. I.). Ces plaques s'élèvent au nombre d'environ quatre cents. On les a disposées sur un support de velours, en façon de coussin, sur lequel repose le masque ci-dessus dans le Cabinet de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE au Musée de l'Ermitage.

2. Figure accroupie d'un lion, il semble, de style très-barbare. Soixante-six exemplaires.

Koul-Oba.

3. Plaque ronde estampée, percée de deux trous.

4. Plaque carrée estampée, percée de quatre trous, à jour dans le milieu.

5. Plaque figurant une fleur composée de neuf pétales, percée de quatre trous. Cent cinq exemplaires

Koul-Oba.

6. Plaque estampée, percée de trois trous.

7. Plaque estampée en triangle, simulant une pyramide d'hexagones, percée de trois trous.

Deux cent six exemplaires.

Trouvée avec la couronne funéraire Pl. V. 4.

8. Тисненная бляха въ видѣ буквы 'М или Σ , смотря по тому, какъ ее повернешь; съ пятью дырками. Пятнадцать экземпляровъ.

Найдена вмѣстѣ съ бляхою Р. XXI. 7.

9. Тисненная бляха съ двумя дырками. Дѣнадцать экземпляровъ.

Найдена вмѣстѣ съ No. 7.

10. Тисненная бляха съ тремя дырками, представляющая фантастическую фигуру, составленную изъ задней части двухъ львовъ съ одною человѣческою на нихъ головою. Два экземпляра.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

11. Тисненная бляха съ пятью дырками, съ изображеніемъ, подобнымъ предыдущему; но львы крылатые. Пять экземпляровъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

12. Тисненная бляха съ четырьмя дырками, представляющая звѣзду въ четыре луча, съ шариками и украшеніемъ въ видѣ слезинокъ между ними. Два экземпляра.

Найдены близъ Фанагоріи и присланы отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852 г.

13. Тисненная бляха варварскаго стиля съ тремя дырками, представляющая довольно неясную фигуру передней части птицы. Два экземпляра.

Оттуда же.

14. Тисненная бляха въ видѣ косаго четырехугольника.

Гдѣ была найдена, неизвѣстно.

15. Тисненная бляха съ четырьмя дырками, представляющая какъ бы планъ лабиринта.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

16. Тисненная бляха съ четырьмя дырками, въ видѣ узда.

Гдѣ была найдена, неизвѣстно.

17. Тисненная бляха съ четырьмя дырками, представляющая, кажется, фигуру лежащаго осла. Три экземпляра.

Присланы вмѣстѣ съ No. 12.

18. Тисненная бляха съ пятью дырками, представляющая крылатаго сидящаго сфинкса, обращеннаго влево.

Прислана вмѣстѣ съ No. 12.

19. Тисненная бляха въ видѣ цвѣтка, либо растенія, котораго по этому изображенію нельзя опредѣлить. Это кажется тоже растеніе, на которомъ представлена сидящая фигура на вѣнцѣ Царя, схороненнаго въ Куль-Обскою гробницѣ, гдѣ и найдена эта бляха. На ней пять дырочекъ.

Изъ Куль-Обскаго кургана.

20. Тисненная бляха въ видѣ бычки, съ тремя дырками.

21. Тисненная бляха въ видѣ того же наѣкомаго, съ тремя дырками. Два экземпляра.¹

Обѣ присланы отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1852 г.

¹ Объясненіемъ вида этихъ двухъ бляхъ мы обязаны Г. Академику А. Ф. Мидальдорфу; по мнѣнію его это, быть можетъ, *кобылка дикаго ясеня*, встрѣчающаяся на Югѣ Европы и замѣчательнѣйшая всѣхъ прочихъ тѣмъ, что отъ укушенія ея вытекаетъ изъ означеннаго дерева *сахарная мана*.

8. Plaque estampée figurant un **M** ou un **Ξ**, suivant qu'on la regarde dans un sens ou dans un autre, percée de cinq trous. Quinze exemplaires.

Même fouille que Pl. XXI. 7.

9. Plaque estampée percée de deux trous. Douze exemplaires.

Trouvée avec le No. 7.

10. Plaque estampée, percée de trois trous, offrant pour motif la figure fantastique d'un animal à deux corps de lion affrontés, mais avec une seule tête humaine. Deux exemplaires.

Koul-Oba.

11. Plaque estampée, percée de cinq trous, offrant un motif pareil à celui du numéro précédent; mais ici les lions sont ailés. Cinq exemplaires.

Koul-Oba.

12. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant pour motif une rosace à quatre rayons globulés, cantonnés de larmes. Deux exemplaires.

Fouille de Phanagorie. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

13. Plaque estampée, percée de trois trous, offrant la figure peu distincte de la partie antérieure d'un oiseau, dans un style barbare. Deux exemplaires.

Même provenance.

14. Plaque estampée rhomboïdale.

Fouille inconnue.

15. Plaque estampée percée de quatre trous, offrant comme le plan des détours d'un labyrinthe.

Koul-Oba.

16. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant un noeud.

Fouille inconnue.

17. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant, il semble, la figure d'un âne couché. Trois exemplaires.

Même provenance que No. 12.

18. Plaque estampée, percée de cinq trous, offrant la figure d'un sphinx ailé, accroupi, tourné à gauche.

Même provenance que No. 12.

19. Plaque estampée, percée de cinq trous, offrant une fleur ou une plante dont la nature peu distincte ne saurait être déterminée, et qui paraît être la même que celle sur laquelle est posée la figure assise de la tiare du roi du Koul-Oba.

Koul-Oba.

20. Plaque estampée, percée de trois trous, offrant la figure d'une cigale.

21. Plaque estampée, percée de trois trous, offrant la figure d'une cigale.¹ Deux exemplaires.

No. 20. 21. Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1852.

¹ Mr. l'académicien DE MIDDENDOFF a reconnu dans ces deux plaques la figure de cet insecte qui est, peut-être, la *cigale de l'orne*, habitante du sud de l'Europe, la plus fameuse parmi les individus de cette famille, en ce qu'elle cause l'écoulement de la manne sucrée par la piqure qu'elle fait à l'orne.

22. Тисненная бляха съ четырьмя дырками, представляет какое-то украшеніе.

23. Тисненная бляха съ тремя дырками; также какое-то украшеніе.

24. Тисненная бляха съ пятью дырками, представляющая украшеніе въ видѣ завитокъ.

25. Тисненная бляха съ тремя дырками, въ видѣ небольшой пирамиды изъ шестигольниковъ.

26. Тисненная бляха съ четырьмя дырками, представляющая маску Пана, широкаго стиля и самой отчетливой работы. Три экземпляра.

Эти маски, по красотѣ своей, не уступающія маскамъ, изображеннымъ на Р. XXXII, очевидно служили въ видѣ украшенія одежды. Онѣ были найдены въ 1853 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ полагаютъ древнюю Теодосію, на холмѣ близъ нынѣшняго города.

Присланы отъ Графа Л. А. Перовскаго.

27. Кругокъ въ видѣ медали, съ выбитою на немъ головою молодого человѣка съ развѣвающимися полосами; работа въ весьма хорошемъ стилѣ. Два экземпляра, изъ которыхъ одинъ остался въ Керченскомъ Музее.

Найдены Г. Карейшею въ 1840 г. въ курганѣ близъ Аджи-Мушкая, въ которомъ было нѣсколько гробницъ. Бляхи находились въ нѣплѣ ноstra вмѣстѣ съ обломками золотого вѣнка, которые также находятся въ Эрмитажѣ.

28. Тисненная бляха, представляющая, кажется, цѣтокъ сальфіума, а можетъ быть и лотуса. На бляхѣ четыре дырочки. Шестнадцать экземпляровъ.

Найдены вмѣстѣ съ No. 26.

29. Тисненная бляха съ четырьмя дырками, подобная предыдущей, за исключеніемъ того, что на этой бляхѣ цѣтокъ окруженъ наймою. Два экземпляра.

Найдены вмѣстѣ съ серьгами Р. VII. 40.

22. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant un ornement indistinct.
23. Plaque estampée, percée de trois trous, offrant un ornement indistinct.
24. Plaque estampée, percée de cinq trous, offrant un ornement en volutes.
25. Plaque estampée, percée de trois trous, offrant une petite pyramide d'hexagones.
26. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant un masque de Pan, d'un grand style et de la plus belle exécution. Trois exemplaires.

Ces charmants masques, qui ne le cèdent pas en beauté à ceux de la Pl. XXXII., ont eu évidemment la destination d'ornements d'habits. Ils ont été trouvés sur l'emplacement présumé de l'ancienne Théodosie, sur une hauteur voisine de la ville actuelle, et proviennent d'une fouille exécutée en 1853.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY.

27. Plaque ronde, frappée comme une médaille et offrant en un relief assez prononcé, la tête d'un jeune homme, les cheveux épars. Le style en est excellent. Il y en avait deux pareilles (la seconde est restée au Musée de Kerich).

Trouvées au milieu des cendres d'un bûcher, avec les fragments d'une couronne de laurier en or (à l'Ermitage).

KAREISCHA. 1840. Hadji-Mouschkai. Tumulus renfermant plusieurs sépultures.

28. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant, il semble, la figure de la fleur du sylphium ou peut-être du lotus. Seize exemplaires.

Même provenance que le No. 26.

29. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant le même motif que le numéro précédent, à l'exception que la fleur est encadrée dans une bordure. Deux exemplaires.

Trouvées avec les pendants d'oreilles. Pl. VII. 10.

РИСУНОКЪ XXIII.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕО ВЕЛИЧИНѢ.

Изъ небольшихъ золотыхъ украшеній цѣльныхъ, либо подоманныхъ, составилася довольно значительный, по количеству ихъ, отдѣлъ нашего собранія. Мы выбрали изъ нихъ замѣчательнѣйшія, которыя и помѣстили на этомъ рисункѣ.

1. Украшеніе въ видѣ узла отъ ожерелья. Пять экземпляровъ.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1838 г. (См. описаніе Р. XVIII. 8.)

2. Овальная бляха, украшенная сканною работою и тремя сердоликами въ оправкахъ, съ кольцомъ вверхъ и съ двумя цѣпочками внизу. Это, вѣроятно бляха отъ ожерелья.

Найдена вмѣстѣ съ серьгою Р. VII. 2.

3. Запонка составлявшая часть ожерелья. Шесть экземпляровъ.

Найдены вмѣстѣ съ No. 1.

4. Узелъ отъ ожерелья, украшенный цѣптомъ мѣзотиса.

Этихъ узловъ 22 одинаковыхъ, составляющихъ прелестную цѣпочку. На каждомъ узлѣ, позади, скобна.

Найдены Г. Карейшею въ 1840 г. См. описаніе Р. XV. 10.

5. Верхушка, принадлежавшая вѣроятно къ украшенію, подобному No. 8. Три экземпляра.

Гдѣ были найдены, неизвѣстно.

6. Узелъ отъ ожерелья, украшенный цѣптомъ мѣзотиса. Одинадцать экземпляровъ. На изображенномъ здѣсь узлѣ видны слѣды огня.

Найдены Г. Карейшею въ 1840 вмѣстѣ съ No. 4.

PLANCHE XXIII.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

Beaucoup de petits bijoux ou de fragments de bijoux trouvés dans les tombeaux de Panticapée, constituent une partie assez riche de la collection de l'Ermitage. Nous avons choisi parmi ces petits objets les pièces les plus remarquables pour en composer le sujet de cette planche.

1. Ornement de collier, simulant un noeud. Cinq exemplaires.

ASCHIX. 1838. Voir la légende de la Pl. XVIII. 8.

2. Plaque ovale, ornée de filigrane et de trois cornalines montées en chaton, suspendue à un anneau et terminée par deux chaînettes; bijou qui a peut-être fait partie d'un collier.

Trouvé avec le pendant d'oreille. Pl. VII. 2.

3. Agrafe ayant fait partie d'un collier. Six exemplaires.

Même fouille que No. 1.

4. Noeud de collier, orné d'une fleur de myosotis.

Il y en a vingt-deux pareils, formant une chaîne d'un ensemble fort gracieux. Une petite coulisse existe au revers de chaque noeud.

KAREISCHA. 1840. Voir la légende de Pl. XV. 10.

5. Ornement ayant appartenu probablement à un bijou pareil au No. 8. Trois exemplaires.

Fouille inconnue.

6. Noeud de collier, orné d'une fleur de myosotis; motif pareil au No. 4. Il y en a onze semblables.

Le spécimen que nous publions porte les traces de l'action du feu.

Même fouille que No. 4.

7. Бляха, на которой выпуклою работою представляет архитектурный орнаментъ въ видѣ акротера. Четыре экземпляра.

Найдены вмѣстѣ съ серьгою Р. VII. 10. См. описание этого рисунка.

8. Украшеніе одежды. Какъ на No. 5 и 16, такъ и на немъ, филигранные украшенія припаяны къ грунту съ большимъ искусствомъ. Два экземпляра.

Гдѣ были найдены, неизвестно.

9. Бляха отъ ожерелья. Два экземпляра. Если положить эти бляхи одну подлѣ другой, такъ, чтобы изображенная на нихъ женская голова пришлась прямо, то получится украшеніе, сходное съ ожерельемъ, Р. XII. 1; даже можно думать, что оно принадлежало къ сему ожерелью.

Неизвестно гдѣ были найдены.

10. 11. 12. 14. Тисненныя бляхи съ дырками, найденныя въ гробницѣ Царицы съ золотою маскою. См. описание Р. XXII. 1.

13. Выпуклая пуговица, съ украшеніями сканной работы и сердолиткомъ въ оправѣ, по срединѣ.

Найдена Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ плитовой гробницѣ. См. Введеніе стр. LXII.

15. Бляха въ видѣ цѣпца, съ 4 дырочками. Восемь экземпляровъ.

Найдены вмѣстѣ съ No. 17,

16. Бляха съ украшеніями сканной работы и подвѣсками изъ золотыхъ пузырьковъ на цѣпочкахъ (нѣсколькихъ пузырьковъ недостаетъ). Въ Эрмитажномъ Музее находятся три такія бляхи, служившія, кажется, украшеніемъ одежды.

Гдѣ были найдены, неизвестно.

17. Тисненная бляха съ фигурою пегаса; на бляхѣ 4 дырочки. Три экземпляра. Онѣ составляли вѣроятно украшенія одежды.

Найдены Г. Каргисею въ 1840 г. въ Аджия-Мушкѣ, въ земляной гробницѣ, покрытой тремя плитами. Въ пеплѣ были эти три бляхи, восемь бляхъ No. 15, гладкій скарабей и черепки глиняной вазы съ жолобками по окружности.

7. Plaque repoussée offrant un ornement en palmette de style architectonique, un acrotère il semble. Quatre pareilles.

Trouvé avec les pendants d'oreilles Pl. VII. 40. Voir la légende.

8. Ornement d'habit. Comme dans le No. 5 et le No. 46, les détails de l'ornementation sont en filigrane, soudé avec beaucoup de délicatesse. Deux pièces pareilles.

Fouille inconnue.

9. Plaque de collier. Il y en a deux pareilles. En les disposant dans le sens de leur largeur, l'une à côté de l'autre, de manière à ce que les têtes de femme soient dans la position naturelle, on obtient un ornement qui semble avoir fait partie d'un collier pareil à celui de la Pl. XII. 1., sinon du même collier.

Fouille inconnue.

10. 11. 12. 14. Plaques estampées percées de trous, trouvées dans le tombeau de la reine du masque d'or.

Voir la légende de la Planche XXII. 1.

13. Bouton convexe avec ornements en filigrane et cornaline, au centre, montée en chaton.

ASCHIK. 1838. Tombeau en dalles. Voir notre Introduction, page LXIII.

15. Plaque percée de trous, figurant le calice d'une fleur. Il y en a huit pareilles, trouvées avec le No. 17.

16. Plaque ornée de filigrane et de chaînettes terminées par des bulles d'or (quelques-unes sont tombées). Le Musée possède trois plaques pareilles qui semblent avoir servi d'ornements d'habits.

Fouille inconnue.

17. Plaque estampée, percée de quatre trous, offrant une figure de Pégase. Le Musée en possède trois pareilles, trouvées avec le No. 15. Toutes ces plaques paraissent avoir été des ornements d'habits.

KAREISCHA. 1840. Hadji-Mouschkai.

Tombeau creusé dans la terre sur la place d'un bûcher. Au milieu des cendres se trouvaient les trois plaques ci-dessus, les huit plaques No 15, un scarabée uni, et les fragments d'un vase en terre, à panse cannelée.

РИСУНОКЪ XXIV.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЮ ВѢСНИЦѢ.

На этомъ дополнительномъ рисункѣ изображены по большей части предметы, не вошедшіе въ составъ рисунковъ, къ которымъ они принадлежали бы по своему роду.

1. Застежка; недостаетъ язычка. Она сдѣлана въ видѣ бѣгущаго льва, нѣсколько грубой работы, но характеръ звѣря довольно хорошо соблюдень.

Найдена въ Анапѣ.

2. Дѣтская запонка.

Прислана изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

3. Дѣтское запястье съ игрушкою въ видѣ руки, привѣшенной къ нему на кольцѣ.

Гдѣ было найдено, неизвѣстно.

Подобная игрушка, но безъ кольца и безъ запястья, была найдена вмѣстѣ съ серьгою, Р. VII. 2. (См. описаніе этого рисунка.)

4. Запястье съ привѣшенною къ нему на цѣпочкѣ булавою, на концѣ которой находится аметистъ.

Булава эта пустая и съ крышкою, какъ игольники нашихъ дамъ и, вѣроятно, служила для подобнаго же употребленія. Можетъ быть эта булава заключаетъ въ себѣ намекъ на то, что владѣтельница его играла такую же роль какъ и Омфала.¹

Прислано изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

5. Головка въ видѣ утки, отъ булавы женскаго головнаго убора или отъ какой нибудь шпильки. Булава съ такою же головою, но безъ подвѣси, была найдена въ Куль-Обской гробницѣ.

№ 5. найденъ былъ Г. Карейшею въ Каменскомъ на Дикѣхъ.

¹ Въ Ватиканѣ есть женская статуя, представляющая какъ полагаютъ, подъ видомъ Юлы или Омфалы, Юлію Пію. СЛАВАС: Mus de Sculpt. P. 965. No. 2481.

PLANCHE XXIV.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

ette planche complémentaire renferme principalement les bijoux et autres objets qui n'ont pu entrer dans les planches spécialement consacrées à la catégorie à la quelle ils appartiennent.

1. Fibule (la broche manque). Lion en course, d'un style un peu barbare, mais offrant du caractère.

Trouvée à Anapa.

2. Fibule d'enfant.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

3. Bracelet et joujou d'enfant. Motif: un avant-bras la main fermée, tenant un anneau par lequel le joujou est suspendu à un bracelet dont la petite dimension indique bien un bras d'enfant.

Fouille inconnue.

- Un joujou pareil, sans l'anneau ni le bracelet, a été trouvé avec le pendant d'oreille de la Pl. VII.
2. (voir la légende).

4. Bracelet auquel est suspendue une massue semée de noeuds et ornée au bout d'une améthyste.

Cette massue est un étui; elle est munie à cet effet d'un couvercle, comme un étui à aiguilles de nos jours. Il est probable que ce bijou avait la même destination dans l'antiquité. Le nôtre est peut-être une allusion au rôle d'Omphale joué par la dame à qui le bijou a appartenu.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

5. Tête de grosse épingle ou de poinçon pour coiffure de femme. Une épingle à tête pareille, mais sans la pendeloque, a été trouvée dans le tombeau du Koul-Oba.

KAREISCHA. Fouille exécutée à Kamenski sur le Dniéper.

Il y a au Vatican une statue de femme que l'on croit être Julia Pia, sous la figure d'Iole ou d'Omphale.

CLARAC: Mus. de Sculpt. Pl. 985. No. 2481.

Expi. des Pl.

6. Булавка для волосъ; въ головкѣ прибиты на цепочкахъ золотые и стеклянные шарикъ. Нѣсколько экземпляровъ.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ плитовой гробницѣ близъ Карантиннаго шоссе, въ которой былъ женскій оставъ. См. Введеніе стр. LXII.

7. Шпилька; головка сдѣлана въ видѣ оленьей головы; прекрасной работы.

Прислана Графомъ Перовскимъ въ 1851 г.

8. Украшеніе изъ золота въ видѣ рыбы *маларма*.¹

Къ сему украшенію принадлежитъ еще другое, совершенно подобное ему, но съ тою разницею, что въ последнемъ голова рыбы обращена вправо. Крючокъ, находящійся на изображенномъ здѣсь украинскій продѣвается въ круглую петлю, приделанную къ верхней части другаго, такъ что оба они, соединенные вмѣстѣ составляютъ родъ застежки изъ двухъ такихъ рыбъ, обращенныхъ одна влѣво, другая вправо. Въ обоихъ экземплярахъ недостаетъ хвоста, но судя по ихъ согнутому виду и потому, что они внутри плоски, полагать можно, что они составляли родъ заплата и что хвосты рыбъ соединялись гнучимъ шарниромъ или инымъ образомъ.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ гробницѣ близъ Карантиннаго шоссе, въ которой находилась женскій оставъ. См. Введеніе, стр. LXII.

9. Обломокъ ожерелья.

Оно состоитъ изъ девяти бляхъ (на рисункѣ изображены шесть) въ видѣ двухъ соединенныхъ полумѣсяцевъ, со стрѣлою между ними. На задней сторонѣ бляхъ приделаны трубочки для продѣванія нитокъ, на которыхъ бляхи нанизаны.

Найденъ Г. Карейшею въ 1843 г. близъ Золотого кургана въ земляной гробницѣ, выкопанной на мѣстѣ костра. Кромѣ этихъ бляхъ находились между костями и непломъ еще черепки раскрашенной вазы съ изображеніемъ боя Амазонокъ и грифовъ.

10. Медальонъ съ украшениями сванной работы, рядомъ драгоцѣнныхъ камней и рѣзнымъ вглубь сердитою по серединѣ, на которомъ изображена стоящая женщина въ *хитонѣ* съ вѣткою и еще чѣмъ-то въ рукѣ.

Найденъ Г. Карейшею въ 1846 г., при раскопкѣ, произведенной близъ Титаровскаго кургана (см. карту No. 2.).

11. Медальонъ выпуклой работы съ груднымъ изображеніемъ мужчины, можетъ быть, молодого Ваха.

Гдѣ былъ найденъ, неизвѣстно.

12. Медальонъ, вдуженный, можетъ быть, привѣскомъ ожерелья. На немъ изображенъ, кажется, бюстъ Омфалы съ ласкающимъ ее Амуромъ на плечѣ.

Найденъ Г. М. Благрамбергомъ въ 1843 въ плитовой гробницѣ, въ которой былъ гробъ. См. Введеніе, стр. LXVI.

¹ *Маларма trigla (peristedion) cataphracta*, которую призналъ въ этомъ украшеніи Г. Академикъ А. О. Миддендорфъ, принадлежитъ къ породамъ рыбъ, водившихся близъ береговъ Средиземнаго моря. Она темно-краснаго цвѣта и вся покрыта костянными бляхами, обхватывающими ее со всѣхъ сторонъ; ротъ оканчивается двумя длинными, приплюснутыми костями.

6. Épingle à cheveux, à tête ornée de chaînettes se terminant par des perles d'or et de verre. Il y en a plusieurs pareilles dans notre collection.

ASCHIK. 1838. Chaussée de la Quarantaine. Tombeau en dalles, renfermant un squelette de femme. Voir notre Introduction, page LXIII.

7. Poinçon dont la tête offre une encolure de cerf. Bijou d'une grande beauté d'exécution.

Envoi de Mr. LE COMTE PEROFFSKY. 1851.

8. Bijou fragmenté offrant la figure du *marmat*.¹

Ce bijou a sa pièce correspondante absolument pareille; mais dans celle-ci la tête de l'animal est à droite. La broche qui se voit au-dessous du bijou se passe dans un anneau qui est en dessus dans le second bijou. Par leur réunion on a une espèce de fermoir offrant deux figures de marmats superposées, les têtes en sens inverse. Les queues manquent dans les deux pièces qui sont travaillées au repoussé. Comme elles décrivent l'une et l'autre une courbe et sont plates au revers, il est à croire qu'elles formaient un bracelet et que les queues étaient réunies par un lien ou une charnière élastique.

ASCHIK. 1838. Chaussée de la Quarantaine. Tombeau en dalles, renfermant un squelette de femme. Voir notre Introduction, page LXIII.

9. Fragments d'un collier.

Ils se composent de neuf plaques (le dessin n'en offre que six), simulant chacune deux croissants séparés par un fer de flèche. Au revers de chaque plaque se trouvent deux petits tubes ou coulisses par lesquelles passent les cordons qui tiennent les plaques.

KAREISCHA. 1843. Tumulus près du Mont d'Or. Tombeau creusé en terre sur la place d'un bûcher. Au milieu des ossements brûlés et des cendres se trouvaient les fragments ci-dessus, et les débris d'un vase peint offrant un combat d'Amazones contre des griffons.

10. Médaillon orné de filigrane et de pierres fines, avec intaille en cornaline, offrant une figure de femme vêtue d'un *chiton*, tenant un rameau et un objet indistinct.

KAREISCHA. 1846. Fouille exécutée à Titarovski (voir la carte No. 2.)

11. Médaillon, travaillé au repoussé, offrant le buste d'un homme, peut-être de Bacchus jeune.

Fouille inconnue.

12. Médaillon, peut-être une pendeloque de collier. Buste d'Omphale, il semble, caressée par un Amour posé sur son épaule.

M. M. DE BLARAMBERG. 1843, Tombeau en dalles, renfermant un cercueil. Voir notre Introduction, page LXVII.

¹ Le marmat, *trigla (peristedion) cataphracta*, dont la figure a été reconnue dans notre bijou par Mr. DE MIDDENDORFF, est un poisson d'un beau rouge de minium, habitant les côtes de la Méditerranée. Son corps est entièrement cuirassé de plaques osseuses réunies en une sorte de gaine; et son museau se termine par deux longues avances osseuses, aplaties.

Въ нашемъ собраніи есть еще четыре такихъ медальона: на трехъ представлена та же жевская фигура съ Амуромъ на лѣвомъ плечѣ (два присланы отъ Графа Л. А. Перовскаго, а одинъ изъ Керченскаго Музея); на четвертомъ, доставленномъ изъ этого же Музея, несомнѣнно изображена Омфала, какъ видно по булавѣ, находящейся въ лѣвой рукѣ ея; на правомъ плечѣ ласкающійся Амуръ.

13. Медальонъ выпуклой работы въ видѣ щита, съ изображеніемъ Нериды на дельфинѣ.

Фигура Нериды нѣсколько сплюснута и невозможно различить предметъ, который она держитъ въ рукахъ, но судя по положенію правой руки, можно предположить, что это поножи. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы признать эту Нериду за одну изъ спутницъ Фетиды, несущей Ахиллу оружіе, выкованное для него Вулканомъ (см. рис. XIX. 5.) и тогда мысль представлять на украшеніи, имѣющемъ видъ щита, одинъ изъ знаменитѣйшихъ героическихъ мифовъ, взятыхъ изъ Илиады, слѣдовало бы назвать весьма удачною.

Присланъ изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

14. Серьга въ видѣ полумѣсяца; чеканной работы и съ просвѣтами. Это новый мотивъ для серегъ въ дополненіе къ изображеннымъ на рис. VII.

Найдена Г. Ашикомъ въ 1846 г.

15. Липа въ видѣ скарабей; на плоской сторонѣ камня вырѣзана вглубь амфора. Къ камню приделано кольцо, прикрепленное къ концамъ оси, которая проходитъ сквозь камень. Онъ служилъ вѣроятно вмѣсто печати.

Присланъ изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

16. Бляха выпуклой работы съ изображеніемъ Побѣды, держащей пальмовую вѣтвь. Сюжетъ этотъ, кажется, имѣетъ связь съ изображеннымъ на погребальной новалѣ Р. III. 3, вмѣстѣ съ которою была найдена эта бляха.

17. Обломокъ ожерелья, состоящаго изъ 16 одинаковыхъ кружковъ, привѣшенныхъ на крючокъ къ трубчатымъ, чрезъ которые проходила нитка.

Найдены вмѣстѣ съ No. 12. Въ 1841 г. Г. Ашикъ нашелъ подобное же ожерелье.

18. Запонка съ изображеніемъ львиной маски впрямь. Три экземпляра.

Найдены Г. Ашикомъ въ 1838 г. вмѣстѣ съ кольцомъ, Р. XVIII. 8.

19. Серьга съ украшениями сканной работы, гранатами и бирюзой.

Прислана изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

20. Подвеска ожерелья, сдѣланная въ видѣ львиной головы и служившая для духовъ. Въ Эрмитажномъ Музѣи нѣсколько подобныхъ вещей, составляющихъ принадлежность изысканнаго туалета. (См. рис. XXXII. 12.)

Найдена Г. Карейшею въ 1846 г. въ курганѣ близъ Карантиннаго шоссе.

21. Подвеска ожерелья, служившая для духовъ.

22. Подвеска ожерелья въ видѣ пузыря, украшеннаго шариками и филиграномъ.

Обѣ присланы изъ Керченскаго Музея въ 1851 г.

Il existe dans notre collection quatre autres médaillons pareils; trois offrent la même figure de femme avec l'Amour sur son épaule gauche (deux proviennent de Mr. le COMTE PEROFFSKY, le troisième, du Musée de Kertch); le quatrième, qui a aussi été envoyée de Kertch, offre évidemment la figure d'Omphale, tenant de la main gauche la massue, et ayant sur l'épaule droite l'Amour qui la caresse.

13. Médaillon repoussé en forme de bouclier, offrant au centre la figure d'une Néréide sur un dauphin.

La figure de la Néréide a un peu souffert, et il n'est plus possible de distinguer l'objet qu'elle tenait dans les mains. Par la pose du bras droit, on peut conjecturer que c'était une cnémide. Il serait facile en ce cas d'y reconnaître une des suivantes de Thétis apportant à Achille les armes forgées par Vulcain (voir le sujet des médaillons de la Pl. XIX. 5.); et on ne pourrait qu'admirer l'idée d'avoir représenté sur un bijou offrant exactement la forme d'un bouclier grec, un des sujets les plus fameux des mythes héroïques de l'Iliade.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

14. Pendant d'oreille offrant un croissant ciselé à jour. Nouveau motif à ajouter à ceux de la planche VII.

ASCHIK. 1846.

15. Jaspe taillé en forme de scarabée, offrant en intaille la figure d'une amphore. Un anneau mobile est fixé à un axe qui traverse la pierre. C'était vraisemblablement un cachet.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

16. Plaque repoussée. Victoire tenant une couronne et une palme; motif qui semble se rapporter au sujet figuré sur le bandeau funéraire de la Pl. III. 3. avec lequel cette plaque a été trouvée.

17. Fragment d'un collier composé de seize rondelles semblables suspendues chacune par une coulisse à crochet.

Trouvé avec le No. 12. Mr. ASCHIK a découvert, en 1841, un collier pareil.

18. Agrafe offrant pour motif un masque de lion de face. Il y en a trois pareilles.

ASCHIK. 1838. Trouvées avec l'anneau Pl. XVIII. 8.

19. Pendant d'oreille avec ornements en filigrane et pierres fines, comme grénats et turquoises.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

20. Pendeloque de collier. Tête de lion, disposée de manière à servir de capsule à parfum. Notre collection possède plusieurs bijoux pareils (voir la planche XXXII. 12.) qui sont un raffinement de toilette des plus gracieux.

KAREISCHA. 1846. Tumulus. Chaussée de la Quarantaine.

21. Pendeloque de collier. Capsule à parfum.

22. Pendeloque de collier. Bulle ornée de globules et de filigrane.

No. 21. 22. Envoi du Musée de Kertch. 1851.

23. Подвѣска, вѣроятно отъ серьги, подобной No. 49. Украшена бирюзюю.

Прислана изъ Керченскаго Музея въ 1854 г.

24. Дѣтское запястье.

Найдено Г. Карейшею во время раскопки, произведенной въ Каменскомъ на Дибѣрѣ.

25. Фляжка для духовъ Царицы съ золотою маскою. (См. описаніе Р. I.)

Она вся изъ золота и усеяна 84 сиріискими гранатами. Черезъ кольца, находящіеся на горлышѣ и на окружности фляжки, продѣвался шнурокъ, на который можно было навѣсить фляжку въ случаѣ надобности, какъ наприкладъ въ дорогѣ. Вѣсъ 18 золотниковъ.

26. Бляха выпуклой работы въ видѣ *гребня*.¹ У насъ есть еще другая бляха, почти подобная этой.

Найдены Г. Карейшею въ 1832 г. въ курганѣ на Митридатовой горѣ въ каменной гробницѣ. См. Планъ С. 6. и Введеніе стр. LXXVI.

¹ Такъ называютъ равнину съ полосками, расположеніемъ своихъ напоминающими зубы гребня.

23. Pendeloque ayant appartenu probablement à un pendant d'oreille semblable au No. 19. Elle est ornée de turquoises.

Envoi du Musée de Kertch. 1851.

24. Bracelet d'enfant.

KAREISCHA. Fouille exécutée à Kamenski sur le Dniéper.

25. Flacon à parfum de la reine du masque d'or. (Voir la légende de la Pl. I.).

Ce charmant bijou, tout en or, est semé de 84 grenats syriens montés en chaton. Les anneaux de la panse et du couvercle indiquent la manière dont il se portait (peut-être en voyage), suspendu à un cordon. Poids 18 zolotniks.

26. Plaque repoussée offrant la figure d'un pétiole, ou plutôt du coquillage nommé *peigne*.¹ Notre Musée en possède une seconde, à peu près semblable.

KAREISCHA. 1832. Tumulus du Mont Mithridate. Tombeau en pierres. Voyez le Plan. C. 6. et notre Introduction, page LXVII.

¹ Coquillage dont la forme des cannelures et des côtes qui sont à la surface de sa coquille rappelle un peu la disposition des dents d'un peigne.

РИСУНОКЪ XXV.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

УКРАШЕНИЕ ЩИТА ЦАРЯ, СХОРОНЕННОГО ВЪ КУЛЬ-ОБСКОМЪ КУРГАНѢ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛЧИНУ.

Только при знакомствѣ съ устройствомъ восточныхъ щитовъ¹, возможно дать себѣ отчетъ въ назначеніи этой золотой бляхи, самой по себѣ равняющейся величиною развѣ только небольшому торчу, и, по всей вѣроятности, составляющей среднюю накладную часть щита изъ кожи либо тростника съ шелковою покрывкою и подобнаго щитамъ, до нынѣ употребляющимся въ Афганистанѣ, Синдѣ и другихъ странахъ Востока.²

Два кольца, прибивавшія къ краю бляхи на противоположныхъ мѣстахъ округлости, вѣроятно, служили для того, чтобы прикрѣплять бляху къ щиту шнурками, завязывавшимися внутри. Въ углубленіи, которое находится въ центрѣ бляхи, вѣроятно, было вставлено какое нибудь украшеніе въ видѣ острія или головки, нынѣ потерянное.

Что касается украшеній этой бляхи, представляющихъ въ стилѣ и характерѣ своемъ большое сходство съ нѣкоторыми этрусскими памятниками и, между прочимъ, съ бронзовымъ лампадикомъ, найденнымъ въ Кортогѣ и изданнымъ въ сочиненіи: *Monumenti inediti dall' Instituto archeologico*,³ то, по нашему мнѣнію, они ничто иное, какъ произведеніе игриваго воображенія художника.

¹ См. Musée de Tsarskoé Selo. P. XXXVIII. и LXV.

² См. LOCKYER WILLIS HART: *Character and Costumes of Afghanistan*. London. fol.

³ Т. III. P. LXI. и XLII. и *Annali* T. XIV. стр. 53. и слѣд.

PLANCHE XIV.

OBJETS EN OR.

ORNEMENT DU BOUCLIER DU ROI DU KOUL-OBA.

GRANDEUR NATURELLE.

Il faut consulter la structure des boucliers orientaux¹ pour bien se rendre compte de la destination de cette plaque d'or qui à elle seule n'aurait que la dimension d'une petite targe, mais qui, très-vraisemblablement, était l'*umbo* ou plaque de renfort d'un bouclier dont le corps même était peut-être en cuir ou en jonc, recouvert de soie, comme de certains boucliers encore en usage dans l'Afghanistan, le Scinde et autres pays de l'Orient², nous en offrent des exemples.

Les deux anneaux qui existent à deux points opposés de la circonférence de cette plaque, servaient probablement à la fixer par deux forts cordons ou liens qui traversaient le champ du bouclier. Dans l'excavation du centre se trouvait peut-être encastré quelque ornement, en forme de pointe ou de bouton, qui se sera perdu.

Quand à l'ornementation de cette plaque, qui offre beaucoup de similitude avec le style et le caractère de certains monuments étrusques, entr'autres avec le lampadaire en bronze trouvé à Cortone, qui est publié dans les *Monuments inédits* de l'Institut archéologique³, il nous semble qu'il ne faut pas y chercher autre chose que le produit de la verve capricieuse d'un habile artiste.

¹ Voyez Musée de Tsarskoe-Selo Pl. XXXVIII et LXV.

² Voyez LOCKYER WILLIS HART: *Character and costumes of Afghanistan*. London. folio.

³ To III Pl. XLI. XLII., et *Annales* To. XIV., p. 53 et sv.

Вокруг середняго ободка, на котором какъ бы плещутъ дельфины и другія рыбы, называемыя Дюбга, издавшимъ эту бляху въ своемъ сочиненіи,¹ *медуницами* и *тупоголовами* и окруженнаго тигровыми головами, изображены Медузины головы, какія мы видимъ на Ольвийскихъ медаляхъ, облетающія ободокъ лучеобразно и имѣющія видъ настоящихъ страшилищъ.

Между лучами, образуемыми Медузинными головами, видны головы Сянеовъ грознаго вида; они изображены въ остроковечной шапкѣ, какую мы видимъ и на нѣкоторыхъ визнхъ статуйкахъ изъ еженой глины (Р. LXIV. 1. 2. 3); но на этой бляхѣ шапки съ украшеніями. Какъ бы для пополненія этого собранія странныхъ эмблемовъ, въ послѣднихъ промежуткахъ, на самомъ краю бляхи, между головами Сянеовъ и Медузъ, помѣщены кабаньи головы, такъ что изъ всѣхъ изображеній бляхи одни только рыбы и дельфины представляютъ успокоительную противоположность со всѣми этими страшилищами.

Вся эта бляха сдѣлана въ широкомъ стилѣ и должна быть отнесена къ четвертому столѣтію предъ Р. X.

Вѣсъ этого замѣчательнаго круга 4 фунтъ 67% золотниковъ; золото 84 пробы (21 каратъ).

¹ Duvois: Voyage autour de Caucase. IVme Série. P. 24. и Т. V. стр. 200.

Дюбга ошибочно поназвалъ, будто бы эта бляха согнута, такъ чтобы приходилась по рукамъ.

Autour d'un enroulement central, qui se compose d'une zone où s'agitent des dauphins et d'autres poissons, des *murènes* et des *dorades* suivant DUBOIS qui a publié cette plaque¹, et qui est bordée de têtes de tigres, rayonnent des Méduses dont les têtes, au type d'Oïbia, sont d'une effrayante expression.

Entre les rayons formés par ces Méduses apparaissent des têtes de Seythes, au regard menaçant, dont la coiffure en pointe se voit dans quelques-unes de nos figurines en terre cuite, Pl. LXIV, 1. 2. 3; mais ici cette coiffure est enrichie d'ornements. Comme pour compléter l'ensemble de tous ces emblèmes effrayants, des têtes de sangliers sont semées dans les derniers intervalles qu'offre le champ de cette plaque, où la bordure de dauphins et de poissons présente seule un contraste gracieux avec ces derniers sujets.

Tous ces ornements sont d'un grand style et accusent la main d'un artiste grec du quatrième siècle avant J. C.

Le poids de cette pièce remarquable est de 1 livre 67³/₈ zolotniks. L'or est au titre de 84 (21 karats).

¹ DUBOIS. IVme Série Pl. 21. 1. et To. V. p. 200.

La plaque n'est nullement *replète* pour être *adaptée* à la forme du bras, comme le prétend DUBOIS.

РИСУНОКЪ XXVI.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ

ИЗЪ КУЛЬ-ОВСКАГО КУРГАНА.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ ПОЛОВИНУ НАСТОЯЩУЮ ВЕЛИЧИНУ.

Изъ вещей, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ, ни одна не отличается такою странною своеобразностію, какъ эмблематическая бляха, изображеніе которой представляется на этомъ рисункѣ подъ No. 1.

Она состоитъ изъ золотой пластинки выливной работы, сдѣланной въ видѣ фантастическаго звѣря, представляющаго, кажется, скорчившагося оленя съ поджатыми ногами и выдвинутою впередъ головою; подъ нѣею представлена собака, а на прочихъ частяхъ тѣла видны: левъ, грифъ и еще, кажется, зайць.

Животное находится какъ бы подъ вліяніемъ сильной боли. Сзади, у хвоста, торчитъ какой-то звѣрь, котораго, судя по мордѣ въ видѣ птичьяго клюва и по особенной величинѣ глаза, кажется нельзя не признать за оленій зародышъ, такъ какъ у него эти части точно имѣютъ такой видъ.¹ Странный предметъ, простирающійся вдоль спины оленя, и который, кажется, должно принять за рога животного, оканчивается переднюю частью опрокинутаго овна. Можетъ быть художникъ хотѣлъ предгавить самку оленю, рождающую преждевременно; въ такомъ случаѣ онъ придалъ всему этому изображенію какой-то фантастическій и символическій видъ, и подъ фигурами собаки, льва и грифа должно, можетъ быть, разумѣть непріятелей, ожидающихъ молодаго оленя въ жизни, а подъ зайцемъ, скорость, которая будетъ ему нужна, дабы избѣгнуть ихъ.

Мы не можемъ дать этому скопленію чудовищъ болѣе удовлетворительнаго объясненія. Что касается до назначенія этой бляхи, то судя по ея величинѣ и виду, мы полагаемъ, что она могла

¹ Въ эти частности сообщены намъ Г. Академикомъ А. О. Миддендорфомъ; по отзыву его слезная выпадина у глаза, отличающая оленя, совершенно вѣрно обозначена, что же касается до роговъ, то она иногда, въ видѣ исключенія, встрѣчается на югѣ Европы и у оленьихъ самокъ, тогда какъ у самокъ сѣверныхъ оленей всегда есть рога.

PLANCHE XXVI.

OBJETS EN OR

DU TOMBEAU DU KOUL-OBA.

L'EMI-GRANDIN.

Parmi les objets que renfermait le tombeau du Koul-Oba il n'en est aucun qui présente un caractère aussi étrange que la pièce emblématique que nous publions dans cette planche sous le No. 1.

Elle est formée d'une feuille d'or, travaillée au repoussé, offrant, en un relief très-saillant, la figure d'un animal fantastique qui paraît être un cerf couché, les jambes repliées, l'encolure allongée sur un chien et portant sur le reste du corps les figures d'un lion, d'un lièvre, il semble, et d'un griffon.

L'animal est comme accablé sous le poids de quelque grande souffrance. A la naissance de la queue on voit surgir une figure qui paraît être celle d'un faon arrivant à l'état de fœtus, à en juger par l'aspect du museau, qui dans ce moment de la vie de l'animal est petit et effilé comme un bec d'oiseau, et par celui de l'oeil qui alors est trop grand.¹ La figure étrange qui règne le long du dos, se termine par la partie antérieure du corps d'un bœuf renversé. L'artiste a-t-il voulu figurer le bois de l'animal? cela semble probable. Mais en ce cas, en voulant peut-être représenter une biche qui met bas avant terme, il a donné à toute la figure quelque chose de fantastique et de symbolique, qui exprime peut-être par les figures du chien, du lion et du griffon, les ennemis qui attendent l'animal pendant sa vie, et par celle du lièvre l'agilité dont il aura besoin pour leur échapper.

Nous ne sommes pas en état d'expliquer mieux la signification de cet ensemble monstrueux. Quant à la destination de cette pièce en or, nous sommes porté à croire, par ses dimensions et par sa forme, qu'elle

¹ Mr. DE MIDDENDORFF à qui nous avons soumis de dessin de cette figure a bien voulu nous signaler ces particularités, en ajoutant que la fosse lacrymale, signe distinctif chez le cerf, est bien exprimée également par l'artiste; et que quant au bois, la femelle en est quelquefois armée dans le sud de l'Europe, ce qui est une exception, et ce qui est une règle dans le nord chez la femelle du renne.

составлять часть передней луки седла. В такомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что была еще другая, совершенно подобная ей бляха, которая однако не найдена. Должно припомнить, что эта бляха находилась въ числѣ вещей, похищенныхъ изъ кургана въ ночь на 25-ое Сентября и была возвращена въ казну, впоследствии, стараниями Г. Дюбрюкса (см. Введение).

Если наше предположеніе справедливо, то должно будетъ принять, что эта бляха составляла правую половинку передней луки седла. Монограмма ГАІ (на шеѣ животного), которая приходилась бы передъ всадникомъ въ томъ положеніи, въ какомъ ее читать слѣдуетъ, означала бы, слѣдуя живѣию Дюбуга¹ начальныя буквы имени Παῖσιδαδης Царева отца, либо предка, схороненнаго въ нижней гробницѣ подъ поломъ склепа (см. Планъ А. фиг. а. а.) Въ этой бляхѣ 62¼ золотника.

2. Украшеніе Царскаго налуча. Въѣтъ 31¼ золотниковъ.

Кто знакомъ съ видомъ налучей татарскихъ, персидскихъ и черкесскихъ, тотъ не затруднится въ опредѣленіи назначенія, какое имѣла эта бляха. Названными нами налучи дѣлались изъ кожи и часто украшались металлическими бляхами.² На многихъ нашихъ надгробныхъ каменныхъ представлени всадники съ лукомъ у бока, до половины торчащимъ изъ налуча.

Полный размѣръ этой бляхи дастъ ровно половину длины лука и ширину, соответствующую сущему луку.

Выпуклыя изображенія этой бляхи представляютъ гиппокампа, за которымъ слѣдуютъ двѣ группы: первая состоитъ изъ оленя, пожираемаго съ одной стороны грифомъ, съ другой львомъ; вторая изъ дикой козы или антилопы, пожираемой какимъ-то звѣремъ изъ рода леопардовъ.³ На тонкомъ концѣ изображена львиная маска и надпись ΠΟΡΝΑΧΟ, что вѣроятно есть имя художника и составляетъ вариантъ слова Φαρνάχοу т. е. Фарнака.

Дюбуга, опубликовавшій эту бляху въ своемъ сочиненіи,⁴ принимаетъ грифа и льва за эмблемы Пантикапен и Фанагоріи, а оленя за эмблему Херсона.

Что касается до стиля и характера украшеній бляхи, которая въ сочиненіи Дюбуга только слегка означена, то они переданы здѣсь съ величайшею точностію.

3. 4. Кольца, составлявшія часть Царскаго вооруженія. Кольца эти, числомъ десять (два большихъ и восемь малыхъ), сдѣланы въ видѣ упругихъ браслетовъ. Большія надѣвались на руку выше локтя, малыя близь кисти; ими придерживалась одежда, словомъ — они служили вмѣстѣ и украшеніемъ и защитою.

Вѣсъ: No. 3-го 7¼ золотниковъ, No. 4-го 25 золотниковъ.

¹ Duvois: Voyage autour du Caucase. T. V. стр. 221

² См. въ соч. Musée de Tsarskoe Selo, P. CLXXVIII, форму налуча татарскаго князя.

³ См. объ изображеніяхъ животныхъ Введение стр. XLIV.

⁴ Duvois: Voyage etc. Atlas. IVme Série P 24. 4.

a pu servir de batte à une selle. Il faudrait en ce cas admettre une pièce correspondante absolument pareille, qui ne s'est pas retrouvée. Il est bon de rappeler que cet objet énigmatique, récupéré par les soins de DUBRUX (voir notre Introduction), faisait partie des objets dérobés par les spoliateurs de la nuit du 24 septembre.

Si notre supposition est admissible, cette pièce aurait été la batte du côté droit de la selle. Le monogramme ΓΑΙ (sur l'encolure de l'animal) qui se serait offert dans son sens naturel à l'oeil du cavalier, pourrait être, si l'on s'en réfère à l'opinion de DUBOIS¹, le commencement du nom de Παρισάδης, le père ou l'ancêtre du roi, et dont la sépulture était cachée sous le pavé en dalles du caveau (voir le plan A. fig. a. a.) Le poids de cette plaque est de $62\frac{1}{4}$ zolotniks.

2. Ornement du coryte du roi. Poids $31\frac{1}{4}$ zolotniks.

Pour ceux qui connaissent la forme des corytes tatars, persans et circassiens, la destination de cette pièce n'est pas douteuse. Les corytes dont nous parlons sont en cuir; et ils sont ornés fort souvent de plaques de métal.² Plusieurs de nos pierres tumulaires offrent des cavaliers ayant au côté leur coryte dans lequel l'arc est engagé à moitié.

En prenant la dimension de cette plaque d'or, on a exactement une demi longueur d'arc, et une largeur qui convient à la forme que prend l'arme, lorsqu'elle est détendue.

Cette plaque, travaillée au repoussé, offre la figure d'un hippocampe, puis deux groupes d'animaux; le premier composé d'un cerf terrassé par un griffon et par un lion; le second, d'une gazelle ou antilope assaillie par une espèce de léopard.³ Un masque de lion termine la pièce où on lit, en caractères repoussés, ΠΟΡΝΑΧΟ le nom de l'artiste probablement, écrit en variante pour Φάρμακου ou de Pharmace.

DUBOIS qui a publié cette pièce⁴, voit dans le griffon et le lion les emblèmes de Panticapée et de Phanagorie; dans le cerf celui de Cherson.

Quant au style et au caractère des ornements qui ne sont guère qu'indiqués dans la planche de son atlas, ils sont reproduits avec la plus rigoureuse vérité dans la nôtre.

3. 4. Anneaux brisés ayant fait partie de l'armure du roi. Ces anneaux au nombre de dix (deux grands, huit petits) font ressort. Les deux grands pouvaient se passer au bras au-dessus du coude; les petits à l'avant-bras vers le poignet; ils maintenaient l'étoffe du vêtement et constituaient à la fois un ornement et une défense.

Poids du No. 3. $7\frac{1}{4}$ zolotniks; du No. 4. 25 zolotniks.

¹ DUBOIS. To. V. page 221.

² Voyez Musée de Tsarskoe-Selo, Pl. CLXXVIII., la forme d'un coryte de prince tatar.

³ Voyez sur ces représentations d'animaux notre Introduction, page XLV.

⁴ DUBOIS. Atlas IVme Série Pl. 24. 4.

РИСУНОКЪ XXVII.

ЗОЛОТЫЯ, СЕРЕБРЯНЫЯ, БРОНЗОВЫЯ И ЖЕЛѢЗНЫЯ ВЕЩИ.

ОРУЖІЕ.

между предметами, изображенными на этомъ рисункѣ, нѣкоторые представляютъ особенности, до сего времени еще не встрѣчавшіяся въ археологiи.

1. 2. Скинеты или жезлы. Изображенія въ третью долю настоящей величины.

№. 1. состоитъ изъ семи серебряныхъ трубокъ, изъ коихъ нѣкоторыя сломались по причинѣ тонкости стѣнокъ. Трубки эти, приставленныя одна къ другой концами, образуютъ длинный жезлъ съ украшеніями въ видѣ спиралей и колець. Осьмая часть этого жезла состоитъ изъ головки, которой верхняя, широкая часть, выше втулки, вызолочена; головка эта обломана, но судя потому, что отъ нея сохранилось, имѣла видъ еловой шишки. Всѣ эти части жезла, были, вѣроятно, насажены на деревянную палку, какъ это и мы принуждены были сдѣлать, дабы дать имъ болѣе крѣпости.

Жезлъ этотъ похожъ на тирсъ, но вѣроятно не имѣлъ этого значенія. На нижней части жезла находится петля, которую можно уподобить нашимъ обыкновеннымъ щипцамъ для сахара. Когда жезлъ былъ найденъ, этой петли на немъ не было, какъ не было подобныхъ же петель и на №. 2; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти петли первоначально находились на жезлахъ и именно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ нынѣ прицѣплены, потому что тутъ не только были, въ соответствующей трубкѣ, дырочки, въ которыхъ продѣты гвозди, придерживающіе петли, но замѣчены были и слѣды или отиски самихъ петель на стѣнкахъ трубки.

№. 2. работанъ въ томъ же стилѣ и такого же устройства какъ и первый жезлъ, но длиннѣе его, и имѣетъ двѣ петли. Онъ также составленъ изъ семи трубокъ, а осьмая часть его состоитъ изъ набадашника, сдѣланнаго въ видѣ лънной головы.

PLANCHE XXVII.

OBJETS EN OR, EN ARGENT, EN BRONZE ET EN FER.

ARMES.

u nombre des objets figurés sur cette planche, il en est quelques-uns qui offrent un caractère inconnu jusqu'à ce jour dans le domaine de l'archéologie.

1. 2. Sceptres de hérauts ou bâtons de commandement. Tiers de la grandeur naturelle.

Le No. 1 est formé de sept cylindres creux en argent; quelques-uns sont brisés, le métal ayant peu d'épaisseur. Les cylindres, superposés bout à bout, figurent un long bâton tordu par place, avec ornements simulant des anneaux. Le pommeau, qui forme une huitième pièce, est doré à la partie renflée au-dessus de la douille. Il est fragmenté; et, à en juger par la partie qui reste, il devait offrir une pomme de pin. On peut présumer que ces cylindres étaient maintenus par un bâton dont ils étaient comme l'écorce ou l'enveloppe, ainsi que nous l'avons fait pour les réunir avec solidité.

Cet objet, tel qu'il s'offre, a l'apparence d'un thyrses; mais il n'est pas probable que ce fût sa destination. L'anse ou pince qui est à la partie inférieure, est, pour nous servir d'une comparaison vulgaire, tout à fait semblable à une pince à sucre de nos jours. Cette pièce devait se trouver nécessairement à la place où elle est fixée; car bien qu'elle en fût détachée, de même que les pièces pareilles dans le No. 2. les trous par lesquels passent les goupilles ou clous qui maintiennent ces pièces et les rendent mobiles, s'étant retrouvés dans les cylindres à la place voulue, où l'empreinte de la pression des bouts de ces pinces est bien visible, il ne saurait y avoir aucun doute sur la présence de cet accessoire à la place indiquée.

Le No. 2, de même style et de même exécution que le No. 1, mais plus long, est muni de deux pinces. Il est également composé de sept cylindres. Le pommeau, qui forme la huitième pièce, offre une tête de lion.

Expl. des M.

Третій жезлъ нашего собранія подобенъ No. 2, но короче его и только съ одною петлею.

Всѣ три жезла найдены въ Куль-Обской гробницѣ, хотя Г. Дюврюкъ и не упомянулъ объ нихъ въ своемъ разсказѣ объ открытіи этой гробницы. Но мы не можемъ сказать: находились ли они въ самомъ скелетѣ, гдѣ покоились Царь и Царица, или въ нижней гробницѣ подъ скелетомъ (см. Планъ А. фиг. а. а.), и не принадлежать ли они къ предметамъ, которые были похищены въ ночь на 25-е Сентября 1831 года.

Въ петлю можно было продѣвать перевязь и мы полагаемъ, что эти жезлы служили знакамъ власти, а можетъ быть были принадлежностью лицъ, участвовавшихъ при торжествахъ, въ родѣ нашихъ герольдовъ или церемониймейстеровъ. Такая мысль рождается при первомъ взглядѣ на эти жезлы, напоминающіе мѣста Илиады, гдѣ Гомеръ описываетъ герольдовъ съ подобнымъ же знакомъ ихъ должности, выѣзняющихся въ дѣла и объявляющихъ волю государей, имевшихъ которыхъ они дѣйствовали.

Такимъ образомъ герольды Талтиивъ и Идй остававляють одиночный бой между Аяксомъ и Гекторомъ, раздѣляя ихъ своими скипетрами.¹

При описаніи сценъ, представленныхъ на Ахилловомъ щитѣ, выкованномъ Вулканомъ, Гомеръ говоритъ, что у народныхъ старшинъ, призванныхъ для произнесенія суда, были въ рукахъ герольдскіе скипетры.²

На греческомъ языкѣ такіе скипетры называются *скипетровъ* и *важтврѣа*; Гомеръ употреблялъ первое изъ этихъ названій. Паллархъ, упоминая о знаменитомъ отвѣтѣ Оемистокла Еврипиду: «ударь, но выслушай», называетъ жезлъ сего послѣдняго *важтврѣа*.³

Жезлы сіи въ древности носились герольдами, начальниками и лицами, которымъ была поручена полиція, т. е. они служили знаками власти.

На одной изъ фрескъ, открытыхъ въ Помпей, представлена театральная сцена изъ пяти дѣйствующихъ лицъ. По обѣ стороны, вѣ сцены, сидятъ два старца съ виноградными лозами въ рукахъ.⁴ Они изображены въ положеніи сторожей на часахъ и представляютъ собою полицейскихъ чиновниковъ, которымъ порученъ надзоръ въ театрѣ, а лозы служатъ имъ вмѣсто жезловъ.⁵

Наши жезлы нельзя принять за царскіе скипетры. Если бы они были ими, то были бы только одинъ жезлъ, и потому мы считаемъ наше объясненіе значенія сихъ жезловъ правильнымъ.

3. Желѣзная чешуя, одна пластинка, (изображеніе въ настоящую величину), покрытая золотымъ листомъ, и вѣроятно принадлежавшая къ панцирю, подобному тому, части котораго изображены подъ No. 4. и 5.

¹ Илиада. VII. 276 — 278.

² Тамъ же. XVIII. 505.

³ Паллархъ: Оемистоклъ.

⁴ Museo Borbonico. IV. P. 18. См. о значеніи этихъ двухъ старцевъ, сочиненіе Визьякка: Theater-Gebäude, стр. 83.

⁵ Известно что у римскихъ центуріоновъ, вмѣсто жезловъ, служили лозы винограда.

Un troisième bâton qui se trouve à l'Ermitage, est semblable au No. 2; mais il est moins long, et n'est muni que d'une seule pince.

Ces trois objets proviennent du tombeau du Koul-Oba, quoiqu'il n'en soit pas fait mention dans la relation de DUMRUX. Étaient-ils dans le caveau même où reposaient le roi et la reine? ou se trouvaient-ils dans la sépulture cachée sous le pavé en dalles (voir Plan A. fig. a. a.), et font-ils partie des objets spoliés dans la nuit du 21 septembre et restitués? c'est ce que nous ignorons.

Les anses ou pinces pourraient avoir servi à attacher des bandelettes; et nous sommes tenté de croire que ces bâtons étaient des sceptres de commandement, peut-être de hérauts d'armes ou officiers des cérémonies. Leur vue fait naître tout d'abord cette idée et rappelle ces passages de l'Iliade où HOMÈRE représente les hérauts, munis de cet insigne de leur charge, et interposant leur autorité, au nom des rois dont ils venaient remplir les ordres.

Les deux hérauts Thalybius et Idaeus arrêtent le combat singulier d'Ajax et d'Hector en étendant entr'eux leurs sceptres.¹

Dans la description d'une des scènes représentées sur le bouclier d'Achille forgé par Vulcain, les Anciens du peuple qui sont appelés à juger, ont en mains les sceptres des hérauts.²

Ces sceptres portent en grec le nom de *σκήπτρον* et de *βακτηρία*. HOMÈRE emploie la première de ces expressions. PLUTARQUE emploie la seconde pour désigner le bâton de commandement d'Euribade, dans le passage où il est fait mention de la fameuse réplique de Thémistocle: *«frappe mais écoute»*.³

Ces bâtons de commandement étaient dans l'antiquité aux mains des hérauts, des chefs, et des officiers chargés de la police, des signes d'autorité.

Une peinture murale de Pompéi offre une scène de théâtre avec cinq figures d'acteurs. De chaque côté de la scène, mais en dehors, sont assis deux vieillards tenant des ceps de vigne.⁴ Leur attitude est celle de deux sentinelles qui veillent. Ce sont en effet des officiers de police préposés à la surveillance du théâtre; et ces ceps de vigne sont leurs bâtons de commandement.⁵

Il n'est pas à supposer que nos bâtons de commandement aient été des sceptres royaux. Dans ce dernier cas il n'y en aurait eu qu'un. Nous croyons que la désignation que nous leur avons donnée est celle qui leur convient.

3. Ecaille en fer (grandeur naturelle) recouverte d'une feuille d'or, ayant appartenu à une cotte d'armes qui devait être semblable à celle dont les No. 4. 5. 6. offrent la disposition.

¹ Iliade. VII. 276—278.

² Ibid. XVIII. 505.

³ PLUT.: Thémist.

⁴ Museo Borbonico. IV. tav. 48. Voyez pour la signification de ces deux figures de vieillards: WIESSELER: Theater-Gebäude. p. 83.

⁵ On sait que les centurions des légions romaines avaient pour bâton de commandement et de discipline un cep de vigne.

Эта чешуя представлена на нашем рисункѣ съ обѣихъ сторонъ, дабы показать какимъ образомъ золотой листъ закрутъ на нижней сторонѣ ея (см. лѣвое изображеніе) и совершенно подоба двумъ пластинкамъ, видѣннымъ нами у покойнаго Князя Василія Викторовича Кочубея, вывезшаго ихъ изъ Крыма и показавшаго ихъ намъ для сравненія съ нашею пластинкою. Гдѣ эти три пластинки были найдены, неизвѣстно.

Наконечники поножей, изображенные на рис. XXVIII. 7., внизу золотые, вверху желѣзные, принадлежатъ къ числу предметовъ, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ, и посему вѣроятно, что между вещами, похищенными изъ склепа въ ночь на 23-ое Сентября (см. Введеніе), находились и части чешуйчатого панцыря, въ которому принадлежатъ эти три пластинки.

Эта желѣзная чешуя напоминаетъ то мѣсто *Иаиды*, гдѣ Гомеръ рассказываетъ, что Юпитеръ до того помрачилъ расудокъ Главка, что онъ перемѣнилъ свое *золотое оружіе*, стоявшее ста быковъ, на бронзовое оружіе *Диомеда*, стоявшее только девяти.¹

4. 5. 6. Бронзовая чешуя отъ панцыря, найденнаго Г. Ашиномъ въ 1838 г. въ погребальномъ склепѣ, въ курганѣ близъ Керчи. Изображеніе въ настоящую величину.

Въ этомъ склепѣ находился оставъ воина и слѣдующіе предметы: возлѣ головы, глиняная амфора съ надписью: *ΛΑΒΡΟΔΑΜΑΣ*; у ногъ другая амфора съ надписью на ручкѣ: *ΛΑΒΡΟΒΙΩΝ*, двѣ поножи (Р. XXVIII. 7.), бронзовые шлемъ и *симпулумъ*; у груди заржавленный мечъ, вышеозначенный панцырь и множество бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ различнаго вида (см. на этомъ же рисункѣ No. 42—45. 48. 49.).

Когда открыли склепъ, то всѣ эти бронзовые вещи казались совершенно цѣлыми, но лишь только до нихъ дотронулись, то большая часть ихъ распалась въ куски. Г. Ашинъ успѣлъ замѣтить, что чешуя была подбита кожей и что пластинки находились въ томъ самомъ порядкѣ, какъ мы ихъ здѣсь представляемъ. Эти пластинки, которыхъ въ Эрмитажѣ до 3,500, суть трехъ размѣровъ, мало однихъ отъ другаго различающихся. Онѣ лежали нѣсколько прикрывая одна другую, какъ кровельная черепица и были прикручены къ кожѣ небольшими бронзовыми заклепанными гвоздями, продѣтыми въ дырочки, которыхъ на каждой пластинкѣ по четыре. Въ нѣкоторыхъ до нынѣ остались гвозди и часть кожи также сохранилась.

Разсматривая устройство панцыря, убѣждаешься въ томъ, что трехъ верхнихъ гвоздей было достаточно для укрѣпленія пластинки, и что четвертый, находящійся на сторонѣ, имѣлъ цѣлю воспрепятствовать пластинкѣ подняться отъ удара снизу мечемъ или какимъ нибудь оружіемъ. На другой же сторонѣ не было гвоздя, дабы дать пластинкамъ нѣкоторую подвижность, сдѣлать панцырь мягкимъ и дать такимъ образомъ тѣлу возможность свободно дѣйствовать въ немъ.

Подпирать эти чешуйчатые панцыри, вѣроятно, было весьма трудно, такъ какъ сырость долженствовала на нихъ сильно дѣйствовать. Можно предположить, что въ случаѣ надобности надѣвали сверху нихъ матерчатую одѣжду, подобную той, какую мы, кажется, видимъ на Гераклѣ, представленномъ стрѣляющимъ изъ лука на Эгинскихъ барельефахъ. Подъ лѣвою мышцею его видна часть чешуйчатого панцыря, а прочія части оного закрыты одѣждою.²

¹ *Иаида*. VI. 234—236.

² *Слава*: Mus. de Sculp. Рис. 820. 2068.

Cette écaille, dessinée des deux côtés dans notre planche où l'on peut voir (figure de gauche) comment la feuille d'or est repliée sur le fer, est absolument pareille à deux autres écailles que nous avons vues en la possession de feu Mr. le Prince Basile Kotchoubey, qui se les était procurées en Crimée et qui voulut bien nous les montrer pour les comparer avec la nôtre, et nous assurer ainsi de leur nature identique. Nous ignorons de quelle fouille ces trois écailles proviennent.

Les bouts de pédieux de la planche XXVIII. 7., où l'or est en dessous et le fer en dessus, font partie des objets découverts dans le tombeau du Koul-Oba. Il ne serait pas impossible que parmi les objets spoliés dans la nuit du 24 septembre (voir notre Introduction), se fussent trouvés les débris d'une armure à laquelle ces écailles auraient appartenu.

La vue de cette écaille ne fait-elle pas songer à ce passage de l'Iliade où HOMÈRE parle de Glaucus à qui Jupiter troubla le jugement, en lui faisant échanger *ses armes d'or* qui valaient cent taureaux, avec celles de Diomède qui étaient en bronze, et qui n'en valaient que neuf?¹

4. 5. 6. Écailles en bronze (grandeur naturelle) d'une cotte d'armes trouvée dans un caveau funéraire, en pierres que Mr. ASCHIX découvrit, en 1838, dans un tumulus des environs de Kertch.

Ce caveau renfermait le squelette d'un guerrier avec les objets suivants: près de la tête, une amphore en terre avec l'inscription ΛΑΒΡΟΔΑΜΑΣ; aux pieds, une seconde amphore avec l'inscription ΛΑΒΡΟΒΙΩΝ sur l'anse; deux cnémides Pl. XXVIII. 7. un casque et un *símpuhum* en bronze; près de la poitrine, un glaive oxydé, la cotte d'armes ci-dessus et une quantité de pointes de flèches en bronze, de différentes formes. (Voir plus loin No. 42—45. 18. 19).

À l'ouverture du tombeau, tous les objets en bronze paraissaient dans le meilleur état; mais au premier contact, ils tombèrent, pour la plupart, en morceaux. Mr. ASCHIX put constater que les écailles de la cotte étaient disposées sur un cuir comme nous les avons figurées dans notre planche. Ces écailles, qui existent à l'Ermitage au nombre de près de 3500, sont de trois grandeurs un peu différentes. Elles étaient superposées en recouvrement, comme les tuiles d'un toit, au moyen de petits clous de bronze, qui étaient rivés dans les quatre trous dont chaque écaille est percée, et traversaient le cuir qui formait le corps de la cotte. Parmi ces précieux débris se trouvent quelques écailles dans lesquelles sont encore implantés ces petits clous en bronze, et quelques fragments du cuir de cette cotte.

En étudiant la structure que devait avoir cette armure, on voit que les trois trous supérieurs suffisaient pour fixer les écailles, et que le quatrième, de côté, était destiné à empêcher que les écailles se relevassent sous le choc de quelque arme, comme celui d'un coup de glaive porté de revers. Le côté opposé demeurait libre à dessein, pour que les écailles eussent un peu de jeu, et donnassent à la cotte une certaine flexibilité nécessaire aux mouvements du torse.

Il devait être difficile de fourbir ces armures en écailles qui devaient offrir l'inconvénient d'être accessibles à l'humidité. Nous pensons que pour les en préserver, on mettait par dessus au besoin une petite cotte d'étoffe que nous croyons reconnaître dans la figure d'Hercule tirant de l'arc, que l'on voit sur les bas-reliefs d'Égine. Sous le bras gauche du héros, se montre à découvert une partie de son armure d'écailles, recouverte ailleurs de la cotte dont nous parlons.²

¹ Iliade. VI. 234—236.

² CLARAC: Mus. de Sculpt. pl. 820. No. 2068.

Expl. des Pl.

Бриандини, который въ средніе вѣка носили сгрѣлки, былъ чешуйчатый панцирь, покрытый матеріею.¹

Въ 1832 году доставлены были въ Эрмитажъ отъ Графа Л. А. Перовскаго 61 точно такая же пластинка какъ наши и два обломка, принадлежавшіе, кажется, такому же панцирю, и сверхъ того части чешуйчатого панциря съ продолговатыми бляхами, совершенно *железною*, такого же точно устройства какъ и здѣсь описываемый, въ чемъ тѣмъ удобнѣе убѣдиться можно, что части панциря ржавчиною склеились вмѣстѣ.

Мы не знаемъ другаго панциря, подобнаго нашему, исключая опубликованнаго въ *Revue Archéologique* и который, какъ видно по клейму на одной изъ его пластинокъ, былъ египетскій.²

Упомянемъ еще объ образчикѣ панциря изъ *костяной чешуи*, расположенной такъ, что одна пластинка прикрываетъ другую. Онъ совершенно соответствуетъ слѣдующему описанію Сарматскаго и Квадскаго оружія у Амміана Марцеллина: «*Quibus ad latrocinia magis quam aperto habilibus Marti, hastae sunt longiores, et loricae ex cornibus rasis et levigatis, plumarum in speciem linteis indumentis innexae.*»³ Обломокъ, о которомъ здѣсь говорится, находится въ Бурбонскомъ Музѣ.⁴

Павзанинъ говоритъ, что Сарматы дѣлали свои чешуйчатые панцири изъ роговой части лошадиныхъ копытъ.⁵

Судя по показанію Вегеція должно полагать, что латинные чепраки (*cataphractae*) боевыхъ коней дѣлались изъ роговыхъ или кожаныхъ чешуй: «*Cornua quoque, vel cruda coria, ... ad cataphractas legendas.*»⁶

У Паренія лошади покрывались желѣзными латами.⁷

Полагать должно, что чешуйчатые панцири были въ большомъ употребленіи на Востокѣ. Мы видимъ на одномъ изъ главныхъ лицъ знаменитой Помпеевской мозаики подобный панцирь.⁸ Римляне (по крайней мѣрѣ ихъ вожди) употребляли такіе же латы. Въ Тиграновертскомъ сраженіи «на *Лукуллѣ* былъ *стальной чешуйчатой панцирь, свѣтившійся на солнцѣ, и верхняя одежда, обшитая бахромою.*»⁹

Мы встрѣчаемъ этого рода панцири на разныхъ памятникахъ. Мисали издалъ барельефъ урни, изображающій смерть Капанея, гдѣ мы находимъ нѣсколькихъ воиновъ въ чешуйчатыхъ панциряхъ.¹⁰ На раскрашенной вазѣ, изданной Милленомъ и Ингирами, Пріамъ изображенъ во фригійской шапкѣ, которая вся въ чешуяхъ.¹¹

¹ Musée de Tsarskoe-Selo. P. CLV.

² *Revue Archéol.* T. II. стр. 735

³ Амн. MARCELL. Кн. XVII. гл. 12.

⁴ Mus. Bourbon T. V. P. XXIX.

⁵ ПАВЗАНИНЪ: Кн. I. гл. 21. На барельефахъ Траяновой колонны Сарматскіе всадники представлены въ чешуйчатыхъ панциряхъ и лошади ихъ также покрыты чешуями. P. SANTI BARTOLI: *Colonna Trajana*. P. 22.

⁶ ВЕГЕЦІЙ: Кн. IV. гл. 9.

⁷ ПАУТАРХЪ: Маркъ-Крассій.

⁸ Museo Bourbon. T. VIII. P. XXXVI. XXXIX.

⁹ ПАУТАРХЪ: Лукуллъ.

¹⁰ МИСАЛИ: *Storia degli antichi popoli Italiani*. T. II. стр. 276. T. III. стр. 202. P. CVIII.

¹¹ MILLIN: *Peint. de vases antiq.* T. II. P. XXII. Ингирами: *Galleria Omerica*. P. CCXXVIII.

La brigandine portée au moyen âge par les archers, était une armure d'écailles recouverte d'étoffe.¹

En 1852, Mr. le COMTE PEROFFSKY a envoyé à l'Ermitage 61 écailles tout à fait semblables aux nôtres, et deux fragments qui paraissent avoir appartenu à une cotte pareille; et, en outre, les débris d'une cotte d'armes en écailles, avec bandes, *le tout en fer*, qui ont appartenu à une armure de système tout pareil et dont on peut étudier la structure très-facilement, l'oxyde ayant comme agglutiné ces débris.

Nous ne connaissons par d'exemple de cotte pareille à la nôtre, à l'exception de celle dont la Revue Archéologique a publié quelques fragments appartenant, comme on le voit par le cartouche qui figure sur une des écailles, à une armure égyptienne.²

Nous citerons encore un spécimen de *cuirasse en écailles d'os*, superposées en recouvrement, qui se rapporte parfaitement à ce passage où AMMIEN MARCELLIN parle des armures des Sarmates et des Quades: «*Quibus ad latrocinia magis quam aperto habitu Marti, hastae sunt longiores, et loricae ex cornibus rasis et levigatis, plumarum in speciem linteis indumentis innexae.*»³ Le fragment dont il s'agit se trouve au Musée Bourbon.⁴

PAUSANIAS parlant des Sarmates, dit qu'ils fabriquaient leurs cuirasses en écailles avec la corne du sabot de leurs chevaux.⁵

Il paraîtrait, d'après un passage de VÉGÈCE, que les caparaçons (cataphractae) des chevaux de bataille étaient formés d'écailles de corne ou de cuir: «*Cornua quoque, vel cruda coria, ad cataphractas legendas.*»⁶

Les chevaux des Parthes étaient bardés de fer.⁷

Les armures en écailles paraissent avoir été familières à l'Orient. Un des principaux personnages de la fameuse mosaïque trouvée à Pompéi, est couvert d'une armure pareille.⁸ Les Romains (les généraux au moins) en firent également usage. À la bataille de Tigranocertes, «*Lucullus portait une cuirasse d'acier à écailles, toute luisante au soleil, et une cotte d'armes bordée d'une frange.*»⁹

On retrouve ces armures dans divers monuments. MICALI a publié le bas-relief d'une urne offrant pour sujet la mort de Capanée, où l'on distingue plusieurs guerriers couverts d'armures en écailles.¹⁰ Dans un monument publié par MILLIN et par INCHIRAMI, Priam a la tête couverte d'un bonnet phrygien tout semé d'écailles.¹¹

¹ Musée de Tsarskoe-Selo. Pl. CLV.

² Revue Archéol. To. II. p. 735.

³ AMMIEN MARCELLIN. Liv. XVII. chap. 12.

⁴ Mus. Bourbon. V. Tav. XXIX.

⁵ PAUSANIAS. Liv. I. chap. 21. Dans les bas-reliefs de la Colonne Trajane, les cavaliers sarmates sont représentés couverts d'écailles ainsi que leurs chevaux. P. SANTI BARTOLI: Colonna Trajana. Pl. 22

⁶ VÉGÈCE. Liv. IV. chap. 9.

⁷ PLUTARQUE: Marcus Crassus.

⁸ Mus. Bourbon. VIII. Tav. XXXVI. XXXIX.

⁹ PLUT.: Lucullus.

¹⁰ MICALI: Storia degli antichi popoli italiani. To. II. p. 276. To. III. p. 202 Tav. CVIII.

¹¹ MILLIN: Peint. de vases antiq. To. II. Pl. XXII. INCHIRAMI: Galleria Omica. Tav. CCXXVIII.

7. Кинжалъ или небольшой мечъ (изображеніе въ третью долю настоящей величины).

Рукоятка этого кинжала покрыта золотымъ листомъ съ монограммою, которая совершенно ясно изображена на нашемъ рисункѣ, но значеніе ея намъ неизвѣстно. Рукоятка устьяна сердоликами въ оправкахъ. На плоской головкѣ нащедомъ съ репейкомъ по срединѣ изъ золота, финифти и прѣбныхъ пастей, въ видѣ мозаики. Лезвее, совершенно изъѣденное ржавчиною, имѣетъ въ длину пять вершковъ и три четверти. Въ нашемъ собраніи есть нѣсколько обломковъ оправы кинжаловъ или мечей, подобной этой оправѣ.

Найденъ Г. Ашикомъ въ 1841 году. См. описаніе рисунка III. 3.

8. Золотая головка отъ рукоятки кинжала, либо меча (изображеніе въ третью долю настоящей величины). При этой головкѣ находится круглый агатъ, внизу плоскій, составлявшій, кажется, часть оправы этого оружія.

Найдена Г. Карейшею въ 1842 г. См. описаніе рисунка XVII. 5.

Въ курганахъ Босфорскаго побережья довольно часто находимъ были подобныя рукоятки съ плоскими агатовыми пластинками. Въ 1854 г. Графъ Л. А. Перовскій передалъ въ Эрмитажъ одну рукоятку, состоящую изъ двухъ круглыхъ пластинокъ бѣлаго агата, изъ коихъ одна съ наставленною золотою линіею въ видѣ полушарія, украшенною гранатами, составляетъ головку рукоятки, а другая ея нижнюю часть. На этомъ последнемъ агатѣ сдѣлано четырехугольное отверстіе, въ которое продѣвался язычекъ полюсы меча, который былъ желѣзный и совершенно разрушенъ ржавчиною. Ручка эта была найдена при раскапываніи кургана близъ Сивной станицы, гдѣ полагаютъ мѣсто древней Фанагоріи.

9. Золотая рукоятка меча (изображеніе въ третью долю настоящей величины). На этой рукояткѣ изображены въ нѣсколько варварскомъ стилѣ: бѣгущая влѣво собака, олень, упавшій на переднія ноги и, кажется, бѣгущая лисица.

Найдена Г. Ашикомъ въ 1839 году. См. Введеніе стр. LXVIII.

10. Золотая рукоятка царскаго меча, изъ Куль-Обской гробницы (изображеніе въ третью долю настоящей величины); верхней части не отыскалось.

Кромѣ другихъ украшеній, на рукояткѣ видно изображеніе двухъ животныхъ, кажется волка, пожирающаго козу. Въ рукояткѣ еще торчитъ внизу кусокъ заржавленнаго желѣза: это толстый конецъ полюсы меча, отъ которой язычекъ пронизуетъ въ рукоятку.

11 — 49. Бронзовые наконечники стрѣлъ (изображенія въ настоящую величину).

Подъ No. 11. изображенъ одинъ изъ наконечниковъ, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ въ числѣ болѣе 200. На нѣсколькихъ еще сохранилась часть древня, кажется изъ ясеняго дерева. Почти всѣ эти наконечники слегка вызолочены и на нѣкоторыхъ ржавчина пробѣла золото. Они работаны съ большимъ стараніемъ и бронза въ нихъ тверда какъ сталь, что доказываетъ большое знаніе бронзоваго дѣла.

No. 16. и 17. подобныя предыдущему, найдены были въ гробницѣ, въ которой находился оставъ воина въ гробѣ, съ вѣшномъ на головѣ (Р. IV. 2) и которому принадлежала рукоятка No. 9.

7. Poignard ou glaive court. Tiers de la grandeur naturelle.

La poignée est revêtue d'une feuille d'or, portant un monogramme que l'on peut facilement distinguer dans notre planche, mais que nous ne saurions interpréter. Cette poignée est parsemée de cornalines fixées dans des chatons. Le pommeau plat est en calcédoine ornée dans le milieu d'une rosace en or, avec émail et pâtes de couleur formant un dessin en mosaïque. La lame, tout oxydée, a $5\frac{3}{4}$ verchoks de longueur. Il existe dans notre collection plusieurs fragments de montures de poignards ou de glaives analogues à celle-ci.

ASCHIK. 1841. Voir le texte de la planche III. 3.

8. Pommeau en or d'un poignard ou glaive. Tiers de la grandeur naturelle. A ce pommeau est jointe une agate ronde, plate en dessous, qui paraît avoir appartenu à la monture de l'arme (elle est à l'Ermitage).

KAREISCHA. 1842. Voir le texte de la planche XVII. 5.

Ces poignées de glaive avec plaques d'agate, se sont trouvées plusieurs fois dans les tumulus des rives du Bosphore. Mr. le COMTE PEROFFSKY en a envoyé une à l'Ermitage (1851), se composant de deux plaques rondes d'agate blanche, l'une formant avec un bouton hémisphérique en or enrichi de grenats, le pommeau; la seconde, la partie inférieure de la poignée. Cette dernière agate est percée d'une ouverture quadrangulaire par laquelle passait la soie de la lame qui était en fer, et presque complètement détruite par l'oxyde. Cette poignée provient d'une fouille exécutée à la station de Sennaia, emplacement présumé de l'ancienne Phanagorie.

9. Poignée en or d'un glaive. Tiers de la grandeur naturelle. Les ornements offrent la figure d'un chien en course, allant à gauche, d'un cerf abattu, et, il semble, d'un renard. Le style de ces figures est un peu barbare.

ASCHIK. 1839. Voir notre Introduction, page LXIX.

10. Poignée du glaive du roi du Koul-Oba. Tiers de la grandeur naturelle.

Cette poignée, dont la partie supérieure ne s'est pas retrouvée, est en or. Entre autres ornements, elle offre, de chaque côté, deux figures d'animaux dans lesquelles on reconnaît, il semble, un loup terrassant une chèvre. Un fragment en fer y est encore fixé. C'était le talon de la lame dont la soie est engagée dans la poignée.

11—19. Pointes de flèches en bronze. Grandeur naturelle.

Le No. 11 offre le dessin des pointes trouvées, au nombre de plus de deux cents, dans le tombeau du Koul-Oba. Plusieurs sont encore munies d'un fragment du fût qui était, il semble, en bois de frêne. Ces pointes sont dorées pour la plupart, mais légèrement; et l'oxyde dans quelques-unes a percé et envahi la couche d'or. Elles sont faites avec beaucoup de soin; et le bronze en est d'une dureté extrême, comparable à celle de l'acier; ce qui suppose une supériorité de fabrication très-grande.

Les No. 16. 17. semblables au No. précédent, proviennent du tombeau qui renfermait, dans un cercueil, le squelette du guerrier orné de la couronne de la Pl. IV. 2. auquel appartient la poignée No 9.

№. 12. 13. 14. 15. 18. и 19. отысканы въ гробницѣ, въ которой находились поножи (Р. XXVIII. 7) и чешуи, изображенныя подъ №. 4. 5. и 6. этого рисунка.

20. Нижняя часть деревянной стрѣлы; на ней видѣнъ желобокъ, которымъ она устанавлилась на тетивѣ. Стрѣла была, кажется, ясеняго или вязагого дерева, которое вынѣ сдѣлалось мягкимъ почти какъ губка. На немъ еще видны слѣды красной окраски.

Въ Энеидѣ упоминается о кизильникѣ, какъ о деревѣ, употреблявшемся на дѣланіе древковъ къ дротикамъ:

«Conjecto sternit jaculo; volat itala cornus

Aëra per tenerum.»¹

Въ Эрмитажномъ Музѣе есть довольно большое число подобныхъ обломковъ стрѣлъ, изъ коихъ почти всѣ съ слѣдами окраски. Они были найдены въ гробницахъ, здѣсь упомянутыхъ и въ другихъ.

Въ 1852 г. Графъ Л. А. Перовскій прислалъ въ Эрмитажъ нескѣтное число законченныхъ стрѣлъ. Многіе изъ нихъ скомкались ржавчиною.

¹ Aeneid. IX. 698.

Les No. 12. 13. 14. 15. 18. 19. appartiennent au tombeau où ont été trouvées les belles enéides de la Pl. XXVIII. 7. et les écailles No 4. 5. 6. de cette planche.

20. Talon de flèche en bois. On y distingue la coche dans laquelle la corde de l'arc s'engageait. Le bois, réduit presque à l'état d'amadou, paraît être du frêne ou du cornouiller. Il offre encore des traces de la couleur rouge dont il était revêtu.

Nous trouvons dans l'Énéide la mention du cornouiller servant de fût aux javelots :

«Conjecto sternit jaculo; volat ilala cornus

*Aëra per tenerum».*¹

L'Ermitage possède bon nombre de ces fragments précieux, la plupart avec le même enduit rouge. Ils proviennent des tombeaux ci-dessus désignés et d'autres sépultures.

Mr. le COMTE PEROFFSKY a envoyé à l'Ermitage, en 1852, un nombre immense de ces pointes de flèches. Beaucoup sont agglomérées par l'oxyde.

¹ Énéide. IX. 698.

РИСУНОКЪ XXVIII.

ЗОЛОТЫЯ, СЕРЕБРЯНЫЯ, БРОНЗОВЫЯ И ЖЕЛѢЗНЫЯ ВЕЩИ.

ОРУЖІЕ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ ТРЕТЬЮ ДОЛЮ ПЯТЫХЪ ВѢЩИНЪ.

Желѣзный шлемъ, помѣщаемый на этомъ рисункѣ подѣ №. 1. есть, безъ сомнѣнія, предметъ единственный въ своемъ родѣ и которому нѣтъ подобнаго между частями оружія, дошедшими до насъ отъ древнихъ временъ.

Шлемъ этотъ, до поступленія его въ Эрмитажный Музей, находился въ Царскосельскомъ Его Величества Арсеналѣ. Пишущій сіи строки можетъ повторять только то, что уже сказалъ объ этомъ шлемѣ въ другомъ мѣстѣ,¹ еще не зная о медали Лизимаха, найденной въ той же гробницѣ, гдѣ былъ и этотъ шлемъ и по которой должно отнести это, до нынѣ единственное въ своемъ родѣ, оружіе по крайней мѣрѣ къ концу 4-го столѣтія предъ Р. X.

Этотъ шлемъ сильно попорченъ ржавчиною; но, сколько видѣть можно, сдѣланъ изъ кованаго желѣза. При внимательномъ разсмотрѣніи можно еще замѣтить внутри его слѣды деревянной шапки, которою онъ былъ подбитъ.

Украшенія его серебряныя; они состоятъ: впереди, изъ груднаго изображенія Минервы въ шлемѣ съ тремя овершиями,² представленнаго въ профили подѣ №. 2; по сторонамъ, изъ двухъ головъ Медузы и Сциллы съ свѣточемъ въ лѣвой рукѣ и весломъ на правомъ плечѣ. Эта фигура Сциллы находится на обоихъ наушникахъ, которые хотя и сильно попорчены ржавчиною, но все еще достаточно сохранились для того, чтобы можно было судить о ихъ формѣ. Такъ какъ они сдѣланы изъ драгоцѣннаго металла, то, не смотря на поврежденія ихъ, можно узнать въ нихъ произведенія лучшаго времени греческаго искусства и въ самомъ чистомъ стилѣ. Голова Минервы представляетъ много сходнаго съ изображенною на колѣцѣ, Р. XV. 15, и медальонахъ изъ Куль-Обсана кургана, Р. XIX. 1.

¹ См. Musée de Tsarskoe-Selo. Р. 31.

² См. въ описаніи рис. XV. 15. замѣчаніе о названіяхъ *трифалеса* и *трилофос*.

PLANCHE XXVIII.

OBJETS EN OR, EN ARGENT, EN BRONZE ET EN FER.

ARMES.

TIERS DE LA GRANDEUR NATURELLE.

uivant toute probabilité, le casque figuré sous le No. 1. est une pièce absolument unique qui n'a aucun équivalent parmi les armes de cette espèce que nous a léguées l'antiquité.

Ce casque a déjà été publié; car avant de figurer dans notre Musée, il était conservé à l' Arsenal de Tsarkoe-Selo. L'auteur de ces lignes ne peut guère que répéter ce qu'il a dit ailleurs¹, avant de connaître la médaille de Lysimaque qui a été trouvée dans ce tombeau, et qui constate que l'existence de cette arme unique remonte au moins à la fin du quatrième siècle av. J. C.

Ce casque est en fer battu, autant que l'oxyde, qui l'a considérablement altéré, permet d'en juger. En l'examinant avec soin, on peut se convaincre qu'on avait adapté à l'intérieur une calotte de bois dont plusieurs fragments sont encore visibles adhérents au métal.

Le buste de Minerve avec casque à triple aigrette², qui est sur le devant (il est reproduit de face, fig. 2.), la tête de Méduse (fig. 3.) que l'on remarque sur les côtés, et la figure de Scylla ailée, portant de la gauche un flambeau et de la droite une rame appuyée sur l'épaule, qui orne les deux garde-joue, que l'oxyde a détruits en partie, mais pas assez pour en dissimuler la forme, sont en argent. Ces pièces d'ornements ont souffert; mais étant d'un métal plus noble, elles sont assez conservées pour que l'on puisse juger de toute la pureté de leur style qui indique la belle époque de l'art grec. La tête de Minerve offre beaucoup de rapport avec celle de l'anneau de la planche XV. 15. et avec celle des médaillons du Kouï-Oba Pl. XIX. 4.

¹ Musée de Tsarkoe-Selo. Pl. XXXI.

² Voyez pour les expressions *Τριπάλαια* et *Τριλόφος* que nous avons citées en parlant de ce casque à triple aigrette, les légendes de la Pl. XV. 15.

Фигура Сциллы с рулемъ или весломъ въ рукѣ встрѣчается на древнихъ рѣзныхъ камняхъ: на сердоликѣ, публикованномъ де Вильде,¹ гдѣ она представлена умерщвляющею плователя, а также на другомъ сердоликѣ, сходномъ съ первымъ и публикованномъ въ Monumenti inediti dall' Istituto archeologico.²

На Турійскихъ и Гераклеяскихъ медаляхъ изображена Сцилла на шлемѣ Минервы, голова которой находится на лицевой сторонѣ этихъ медалей.³

Мы видимъ на знаменитомъ серебряномъ денаріи фамилии Помпей Сциллу, держащую въ обѣихъ рукахъ руль или большое весло, которое она заноситъ для сильнаго удара.⁴

На небольшой вазѣ изъ сжеванной глины, изданной Пано-ффою⁵, Сцилла изображена съ двумя свѣточами.

Мы находимъ Сциллу, кажется съ крыльями, на пепельной урнѣ, найденной въ Кіузи.⁶

Но и на одномъ памятникѣ, до сего времени извѣстномъ, не встрѣчалось Сциллы со всѣми ея разными атрибутами, какъ мы это видимъ на нашемъ шлемѣ, гдѣ она изображена въ благородномъ спокойствіи, тогда какъ это страшное божество обыкновенно представляли въ ярости, какъ на прим. на Турійскихъ и Гераклеяскихъ медаляхъ, гдѣ она изображена съ своими собаками, которыя ей предшествуютъ.

Художникъ, работавшій надъ шлемомъ, удачно воспользовался головою Минервы и фигурою Сциллы на его украшеніи; онъ прибавилъ къ нимъ Медузы головы и шлемъ этотъ должно причислить къ драгоценнѣйшимъ древнимъ памятникамъ, изъ всѣхъ до насъ дошедшихъ.

Прибавимъ къ вынесказанному весьма справедливое замѣчаніе, сдѣланное Г. Эрнестомъ Вине въ концѣ ученой статьи его о мифѣ Главка и Сциллы, изданной имъ въ Annales de l'Institut Archéologique.⁷ Не имѣя еще свидѣній о нашемъ шлемѣ, этотъ археологъ говоритъ слѣдующее: *«Есть основаніе предположить нѣкоторую связь между Сциллою, столь пагубною для мореплавателей, и Пантуканею, городомъ находившимся на берегу пролива, въ улу моря, столь извѣстнаго по своему опасному плаванію.»* Мы воспользовались изъ этой статьи нѣкоторыми данными, которыя и предлагали выше.

Мы встрѣчаемъ шлемы такой же формы на нѣсколькихъ древнихъ памятникахъ; на камѣ, изданномъ Ингирами,⁸ и на которомъ изображенъ Эней, повергнутый на землю камнемъ, брошеннымъ въ него Дюмедомъ⁹ и на обломкѣ глиняной групы, изображающей, по мнѣнію Вингельмана,¹⁰ Амфіарая и жену его Эрифилу, мы находимъ ту же форму наушниковъ. На рѣзномъ камѣ, сюжетъ котораго, по извѣщенію того же археолога,¹¹ представляетъ бой у трупа Патрокла, на Гекторѣ и Эней подобные же

¹ I. de WILDE: Gemmae antiquae selectae, P. 14. No. 52.

² T. III P. LII. 7.

³ MIONNET: T. I. стр. 153. и 170.

⁴ MORELLI: Numi fam. rom. Pompeia. P. 2.

⁵ PANOFKA: Recherches sur les noms des vases. P. V. No. 100. стр. 36.

⁶ MICALI: Storia degli antichi popoli italiani. T. III. стр. 206. P. CXI.

⁷ T. XV. стр. 144 — 205.

⁸ INGHIRAMI: Galleria omerica. P. LXX.

⁹ Haisla. V. 309.

¹⁰ WINKELMANN: Monum. ant. ined. T. I. No. 408. и T. II. стр. 142.

¹¹ WINKELMANN: Тамъ же No. 128 и стр. 169. 170.

La figure de Scylla tenant un gouvernail ou une rame, se voit sur des pierres gravées antiques; sur une cornaline publiée par DE WILDE où elle assomme un navigateur¹; sur une cornaline également, assez semblable à la première, et qui est publiée dans les Monuments inédits de l'Institut archéologique.²

Les médailles de Thurium et d'Héraclée offrent Scylla sur le casque de Minerve dont la tête est figurée sur l'avvers.³

Le célèbre denier d'argent de la famille Pompéia offre Scylla tenant des deux mains un gouvernail ou une grande rame dans l'action d'asséner un coup violent.⁴

Scylla tenant deux flambeaux se voit sur un petit vase en terre cuite publié par ПАНОВКА.⁵

Scylla, il semble, ailée se voit en relief sur une urne cinéraire de Chiusi.⁶

Aucun monument connu jusqu'à ce jour n'offrait réunis les différents attributs donnés à Scylla tels que nous les retrouvons dans la figure de notre casque qui représente, dans une attitude noble et calme, cette divinité terrible ordinairement représentée dans un état de fureur, comme sur les médailles de Thurium et d'Héraclée où elle est précédée de son cortège de chiens.

L'artiste qui a fabriqué notre casque a su, par une ingénieuse combinaison, trouver dans la tête de Minerve et dans la figure de Scylla les motifs d'une ornementation très-heureuse auxquels il a ajouté des têtes de Méduse. Ce casque est donc, sous tous les rapports, un des monuments les plus précieux que l'antiquité nous ait légués.

Nous terminerons ce que nous avons à dire à ce sujet en relevant une observation pleine de sagacité que nous trouvons à la fin de la savante notice que Mr. ERN. VINET a publiée sur le mythe de Glaucus et de Scylla, dans les Annales de l'Institut archéologique.⁷ Cet archéologue ne connaissait pas notre casque lorsqu'il s'exprimait ainsi: «On est autorisé à reconnaître quelques rapports entre Scylla, si funeste aux navigateurs, et une ville comme Panticapée, située sur un détroit, à l'extrémité d'une mer célèbre par ses dangers.» Nous avons tiré du corps de cette notice quelques-unes des citations que nous avons mentionnées.

La forme de ce casque se voit dans plusieurs monuments antiques. Nous la retrouvons sur un camée publié par INGHIRAMI⁸, offrant Enée accablé sous la pierre que lui a lancée Diomède.⁹ Sur une terre cuite fragmentée offrant, suivant WINCKELMANN¹⁰, Amphiaratès et sa femme Eriphyle, la même forme se retrouve sans les garde-joue. Sur une pierre gravée offrant, suivant le même¹¹, la scène du combat autour du corps de Patrocle, Hector et Enée ont des casques pareils, l'un sans crête, l'autre avec crête. Sur une

¹ I. DE WILDE: Gemmae antiquae selectae. pl. 14. No. 52.

² To. III. pl. LII. 7.

³ MIONNET To. I. p. 153. et. 170.

⁴ MORELLI: Numi fam. rom. Pompeia. tab. 2.

⁵ ПАНОВКА: Recherches sur les noms des vases. pl. V. No. 100. p. 36.

⁶ MICALI: Storia degli antichi popoli italiani. To. III. p. 206. Tav. CXI.

⁷ To. XV. p. 144—205.

⁸ INGHIRAMI: Galleria omerica. Tav. LXX.

⁹ Iliade. V. 309

¹⁰ WINCKELMANN: Monum. ant. ined. To. I. No. 108 et To. II. p. 142.

¹¹ WINCKELMANN: Ibid. No. 128 et p. 169, 170.

племени, на одномъ съ гробнемъ, на другомъ безъ оного. На древней настѣ Штошева Кабинета, мы видимъ Аякса, сына Оилея, сидящаго на скалѣ, съ такимъ же шлемомъ на головѣ¹, и этотъ же шлемъ находимъ мы на медали фамилии Фонтей.²

Шлемъ этотъ найденъ въ гробницѣ, изображенной на планѣ С. 5. См. описаніе этого

Плана и Введеніе стр. LXII.

4. Шлемъ и 8. Поножи (два экземпляра); и тотъ и другія изъ вызолоченной бронзы.

Этотъ шлемъ, совершенно хорошо сохранившійся, за исключеніемъ праваго наушника (*фалара*), половину обломаннаго, имѣетъ форму чисто-греческихъ шлемовъ, какую мы видимъ на памятникахъ нятаго и четвертаго столѣтій предъ Р. X.

На Этрусскихъ барельефахъ, нѣмѣ находящихся въ Мюнхенѣ,³ Селамонѣ, Тевкерь и Аяксъ изображены въ подобныхъ же шлемахъ,⁴ а ранний воинъ⁵ въ такихъ же поножахъ.

Вѣсъ шлема 2 ф. 3¼ золотниковъ. Это, кажется, тотъ самый шлемъ, который Гомеръ называетъ *катайфѣ*, потому что, будучи безъ гробня и безъ возмыря,⁶ а только съ наушниками, *фалара* или *параура*⁷, онъ былъ ниже всѣхъ другихъ родовъ шлемовъ. Діомедъ надѣлъ на себя подобный шлемъ отправляясь съ Улиссомъ для осмотра лагеря Троянъ.⁸

Въ поножахъ 95¼ золотниковъ вѣса. Они упруги и стояло только немного раздвинуть ихъ руками, чтобы надѣть на ногу, на которой онѣ сжимались какъ пружины. Поножи были внутри подбиты мягкой кожей, которая была пришта къ дырочкамъ, окаймляющимъ края поножи. Кожа служила въ томъ, чтобы металлъ не насался тѣла. Такия же дырочки находятся и поперекъ поволоки ниже колѣна, что заставляетъ думать, что онѣ были подложены изнутри подушкою, для охраненія этой кѣжной части ноги. Поножи въ этомъ мѣстѣ выдѣланы съ такимъ знаніемъ анатоміи, что по нимъ можно учиться устройству колѣнной чашечки. Металлъ попорченъ ржавчиною только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ другихъ же онъ сохранился превосходно: это упругая бронза, тонкая и съ тѣмъ вмѣстѣ крѣпкая, неломкая и кованная съ тѣмъ искусствомъ, которымъ нѣдѣли одни древніе. Малый вѣсъ этихъ поножей еще увеличиваетъ ихъ достоинство. По бронзѣ онѣ близко подходятъ къ поножамъ съ Медузиною головою, хранящимся въ Царскосельскомъ Арсеналѣ.⁹ Кинитъ образомъ эти кинемиды облегли ногу, ясно видно на расправленной вѣзѣ, изданной Ингирами,¹⁰ и представляющей Ахилла, налагающаго на себя оружіе, принесенное ему Гетидою. Поножи эти, дабы не безпокойно было носить ихъ, поддерживались кольцомъ, надѣвавшимся выше лодыжки и называвшимся по этому по гречески *ἐκασφίδιον*. У Гомера¹¹ оно серебряное и мы находимъ его на египетскихъ древнихъ статуяхъ, напр. на опубликованной Винкельманомъ,¹² по его мнѣнію, Марса, во которую Висconti¹³ принимаетъ за статую Ахилла.

¹ WINKELMANN: Monum. ant. ined. T. I. No. 442 в Т. II. стр. 490.

² MORELLI: Numi fam. rom. Fontei No. 4.

³ CLARAC: Mus. de Sculpt., P. 815, гдѣ видна полная передняя часть шлема.

⁴ CLARAC: Тамъ же P. 819, 820, 821.

⁵ CLARAC: Тамъ же. P. 819, 2067.

⁶ Iliada. X. 258.

⁷ Musée de Tsarskoo-Selo. P. LXXIX.

⁸ INGHIRAMI: Galleria omerica P. CLXXIV.

⁹ Пылаа. III. 331. XI. 48.

¹⁰ WINKELMANN: Monum. ant. ined. T. II. стр. 33.

¹¹ VISCONTI: Monumenti scelti Borghesiani. T. I. P. 3. INGHIRAMI: Galleria omerica. P. XVII.

pâte antique du cabinet de Strosch, Ajax, fils d'Oïlée, assis sur un écuil, est représenté la tête de face avec un casque pareil¹, que nous retrouvons encore sur une médaille de la famille Fonteia.²

Ce casque a été trouvé dans le tombeau du Plan. C. 5. Voyez la légende de ce plan et notre Introduction, page LXIII.

4. Casque 8. Cnémide (il y en a deux pareilles) en bronze doré.

Le casque, parfaitement conservé, à l'exception du garde-joue (φαλαρα) droit qui est en partie fragmenté, offre la belle forme du casque grec tel que nous le retrouvons dans les monuments du cinquième et du quatrième siècle av. J. C.

Sur les bas-reliefs d'Egine (aujourd'hui à Munich)³, Télamon, Teucer et Ajax ont des casques pareils⁴; et le héros blessé⁵ a des cnémides semblables.

Le casque, qui ne pèse que 2 livres 31 $\frac{1}{4}$ zolotniks, nous paraît être celui qu'Homère désigne sous le nom de καταπτύξ, parce que n'ayant ni crête, ni garde-vue, mais seulement des garde-joue, φαλαρα ou παραρραξίς, il était plus bas de forme que tous les autres casques. Diomède se couvre d'un casque pareil, lorsqu'il va avec Ulysse explorer le camp troyen.⁶

Le poids de la cnémide est de 95 $\frac{1}{2}$ zolotniks. Ces cnémides sont élastiques, et il suffisait de les ouvrir un peu, en les tenant des deux mains, pour les adapter aux jambes qu'elles comprimaient comme un ressort. Elles étaient doublées intérieurement d'un cuir mou qui était cousu aux petits oeillets percés le long des entourures. Ce cuir était destiné à préserver la jambe du contact du métal. Ces oeillets existent aussi transversalement au-dessous du genou, ce qui fait supposer qu'un coussinet, destiné à garantir cette partie délicate de la jambe, y était peut-être adapté intérieurement. Le métal est repoussé dans cet endroit d'une manière si savante, que l'on peut y étudier la forme de la rotule. Ces cnémides ont souffert de l'oxyde dans quelques places; mais dans d'autres le métal, parfaitement intact, offre un bronze élastique, mince et fort en même temps, point cassant, forgé avec un art dont l'antiquité avait le secret. Le poids minime de ces cnémides les rend encore plus remarquables. Comme bronze elles offrent beaucoup de rapport avec la cnémide à tête de Méduse qui est conservée au Musée de Tsarskoe-Selo.⁷ Ces cnémides élastiques s'adaptaient à la jambe d'une manière qui est bien visible dans la peinture d'un vase publiée par Inghirami⁸, offrant Achille se revêtant des armes que Thétis lui a apportées. Pour qu'elles ne fussent point gênantes, le bord inférieur de ces cnémides reposait sur un anneau passé au-dessus de la cheville, et que pour cette raison on appelait en grec ἐπισφύριον. Cet anneau qui est désigné dans Homère⁹ comme étant en argent, se voit dans quelques statues antiques, dans celle par exemple que Winckelmann¹⁰ avait désignée comme étant de Mars, mais que Visconti¹¹ prend pour une statue d'Achille.

¹ WINCKELMANN: Monum. ant. ined. To. I. No. 142 et To. II. p. 190.

² MORELLI: Numi fam. rom. Fonteia. No. 4.

³ CLARAC: Mus. de Sculpt. Pl. 815 pour l'ensemble du fronton.

⁴ CLARAC: Ibid. Pl. 819. 820. 821.

⁵ CLARAC: Ibid. Pl. 819. No. 2067.

⁶ Iliade. X. 258.

⁷ Musée de Tsarskoe-Selo Pl. LXXIX.

⁸ INGHIRAMI: Galleria omerica Tav. CLXXIV.

⁹ Iliade III. 3 4. XI. 48.

¹⁰ WINCKELMANN: Monum. ant. ined. To. II. p. 33.

¹¹ VISCONTI: Monumenti scelti Borghesiani To. I. Tav. 3. INGHIRAMI: Galleria omerica Tav. XVII.

Какъ ли легко это вооруженіе, но оно все таки было весьма прочно, что зависѣло отъ умѣнья скѣпывать металл, которое нынѣ потеряно.

Шлемъ и поножи были найдены въ гробницѣ воина, на которомъ былъ вѣнокъ, изображенный на Р. IV. 2. (См. Введеніе стр. LXVIII.)

5. Железный шлемъ съ серебряными украшениями.

Шлемъ этотъ представляетъ необыкновенную для насъ загадку. Дюбрюксъ въ своемъ рапортѣ показываетъ этотъ шлемъ въ числѣ предметовъ, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ, но онъ выражается объ немъ весьма неопредѣлительно (см. Введеніе, стр. XX.). Форма его рѣшительно необыкновенна для древняго шлема и до его времени встрѣчался только въ нѣкоторыхъ наскахъ среднихъ вѣковъ, что и заставляетъ предполагать здѣсь какую нибудь ошибку. Поэтому мы ограничимся простымъ описаніемъ сего шлема.

Туля¹ состоитъ изъ шести железныхъ полосокъ съ накладными серебромъ (4-хъ широкихъ и 2-хъ узкихъ), украшенныхъ гравировкою и позолотою. Полоски эти сплочены серебряными заклепанными гвоздями.

Гребень шлема состоитъ изъ двухъ серебряныхъ пластинокъ съ золотыми украшениями, покрытыхъ сверху серебряною выпуклою полоскою, образующею возвышенную кайму и прерывающуюся въ гребню скобками на заклепанныхъ гвоздяхъ. Нижний край этого страннаго шлема серебряный съ выпуклыми позолоченными украшениями; онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ обломанъ, особенно впереди, и потому невозможно нынѣ сказать былъ ли на этомъ шлемѣ козырекъ.

Пластины² No. 6, принадлежащей шлему, есть другая, соответствующая пластинка, но хуже сохранившаяся. Обѣ онѣ серебряныя, безъ примѣси железныхъ частей. Почти нельзя сомнѣваться, что это большіе наушники, потому что на правой сторонѣ нижняго края шлема еще видны остатки желѣзнаго съ серебряными гвоздями шарнира, на которомъ должны были висѣть эти наушники; но сами они, къ сожалѣнію, не довольно хорошо сохранились, чтобы служить достаточнымъ сему доказательствомъ. На No. 6. виднѣтъ вѣрооятно обломанъ трубки, какъ бы отъ шарнира; а какъ кромѣ того на задней сторонѣ шлема есть заржавленные части желѣзныхъ пряжекъ, то становится почти несомнѣннымъ, что эти и ушки навѣшивались къ нему, какъ подобныя же части нѣкоторыхъ восточныхъ шлемовъ.¹

Найденные вмѣстѣ съ этою наскою серебряныя обломки, явно къ ней принадлежавшіе и нѣсколько другихъ обломковъ, въ томъ числѣ серебряная пряжка со снѣжкомъ, вѣроятно служившая для пристегиванія ремня, заставляютъ полагать, что вмѣстѣ съ этимъ шлемомъ находились еще какія-то другія части доспѣха. Вотъ все, что мы можемъ сказать объ этомъ.

Дюбуга въ разсказѣ своемъ о разрытіи Куль-Обской гробницы съ нѣкоторою увѣренностію упоминаетъ о трупѣ *царскаго служителя*² и его *серебряномъ* оружіи, выходившихъ будто бы въ углубленіи склепа (см. планъ А. фиг. i.) вмѣстѣ съ оставшею лошади, но мы не знаемъ изъ какого источника Дюбуга почерпнулъ это сѣдѣніе.

7. Бронзовые поножи.

Онѣ найдены въ одной гробницѣ вмѣстѣ съ панциремъ, Р. XXVIII. 4. 5. 6. Ихъ два экземпляра.

¹ См. Musée de Tsarskoe-Selo. P. LXXXIII. 4.

² Dubois: Voyage etc. T. V. стр. 214.

La grande légèreté de ces armes défensives n'exclut point leur solidité, due à la combinaison du métal qui offre un secret de fabrication que l'antiquité ne nous a point révélé.

Ce casque et ces cnémides ont été trouvés dans le tombeau du guerrier dont la tête était ornée de la couronne de la Pl. IV. 2. Voir notre Introduction, page LXIX.

5. Casque en fer, avec ornements en argent.

Ce casque est pour nous une espèce d'énigme que nous ne saurions expliquer. Il est indiqué parmi les objets trouvés dans le tombeau du Koul-Oba; mais ici les termes du rapport de Dubaux sont vagues (voir notre Introduction, page XXI). Sa forme, tout à fait insolite dans l'antiquité, et qui ne se retrouve guère que dans de certains casques du moyen âge, nous fait croire à une erreur. Nous nous bornerons en conséquence à le décrire.

La calotte est formée de six côtes (quatre grandes et deux petites) en fer plaquées d'argent, avec ornements gravés et dorés. Ces côtes sont réunies par des clous d'argent rivés.

La pièce qui forme la crête, se compose de deux feuilles d'argent avec ornements dorés, recouvertes sur la ligne de leur jonction d'une bande d'argent, formant ourlet, maintenue par des pattes rivées de chaque côté de la crête. Le bord inférieur formant le pourtour de l'ouverture de ce singulier casque, est en argent avec ornements repoussés et dorés; il est fragmenté en plusieurs endroits, sur le devant surtout, de manière qu'il n'est pas possible de déterminer si un garde-vue y était adapté.

La pièce No. 6. a sa correspondante, moins bien conservée. Toutes deux sont en argent, sans addition de fer; et il est presque évident qu'elles formaient des garde-joue très-développés; car on distingue au côté droit du bord du casque les restes de la charnière en fer, à clous en argent rivés, à laquelle devaient être suspendus ces garde-joue qui étant malheureusement fragmentés, n'offrent pas ici la preuve voulue; mais on distingue néanmoins au bord supérieur de la pièce la place de cette charnière et un petit fragment de son attache; et comme, en outre, il existe des deux côtés de la partie postérieure du bord du casque des restes oxydés de boucles en fer qui devaient être articulées, il est presque certain que ces garde-joue y étaient attachés, comme des pièces analogues dans de certains casques orientaux.¹

Des fragments en argent, ayant évidemment appartenu à ce casque, et d'autres fragments, en très-petit nombre, dont une boucle en argent munie de son ardillon ayant probablement servi à attacher une courroie, font supposer qu'à ce casque était jointe quelque autre pièce d'armure; — mais c'est là tout ce que nous pouvons dire.

Dubois qui a publié le récit de l'exploration du tombeau du Koul-Oba, parle avec une certaine assurance du corps du *serviteur du roi*², et de ses armes en *argent* déposées, avec les ossements de cheval, dans l'enfoncement du caveau (voir le Plan A. fig. i). Nous ne savons où il a puisé ses renseignements.

7. Cnémide en bronze.

Il y en a deux pareilles à l'Ermitage, trouvées dans le tombeau dont nous avons parlé aux No 4,

5. 6. de la planche précédente.

¹ Voyez: Musée de Tsarskoe-Selo. Pl. LXXXIII. 4.

² Dubois. To. V., page 214.

Тѣ изъ сихъ поножей, которыя изображены на этомъ рисункѣ только мало поломаны и покрылись отъ времени патиною чисто-зеленаго цвѣта. Другія поножи, составляющія съ первыми пару, сохранились только во множествѣ мелкихъ кусковъ, собранныхъ искуснымъ мастеромъ такъ, что теперь эти поножи почти совершенно восстановлены.

Медузыны головы на этихъ поножахъ въ весьма древнемъ стилѣ; онѣ имѣютъ большое сходство съ головою Медузы на метопахъ храма Селлунтскаго акрополиса, нынѣ находящихся въ Палермѣ.¹ Любопытно будетъ сравнить эти поножи съ такими же, находящимися въ Царскосельскомъ Арсеналѣ и о которыхъ упомянуто было выше.

9. Наконечникъ поножей, принадлежаще къ доспѣху Царя, схороненнаго въ Куль-Обскомъ курганѣ.

На нашемъ рисункѣ представленъ только одинъ изъ сихъ наконечниковъ; другой совершенно ему подобенъ; каждый состоитъ изъ девяти узкихъ и одной широкой чешуй, изъ коихъ послѣдняя покрываетъ носокъ. Эти чешуи двойныя; верхняя желѣзная, нижняя золотая; сія послѣдняя будучи шире первой, образуетъ вокругъ ея золотой ободокъ, совершенно хорошо сохранившійся, тогда какъ верхняя желѣзная чешуя вполнѣ раздѣлена ржавчиною. На концахъ чешуй видны по двѣ дырочки, чрезъ которыя была подшита или подбита снѣзу гвоздями кожа. Кромѣ желѣзной чешуи, покрытой золотомъ и описанной нами выше. (Р. XXVII.), это единственный до сего времени примѣръ вооруженія, въ которомъ мы находимъ эти оба металла вмѣстѣ.

¹ Schiradifazio: Le antichità della Sicilia. P. XXVI

Celle dont nous offrons le dessin n'est qu'un peu fragmentée. Le temps l'a recouverte d'une patine d'un beau ton vert. La seconde n'existait qu'en une infinité de morceaux qu'un habile artiste a pu réunir, de manière à reconstituer presque tout l'ensemble de la pièce.

Les têtes de Méduse de ces cnémides sont d'un style très-ancien; elles offrent beaucoup de rapport avec celle de la Méduse des métopes du temple de l'acropole de Sélinunte qui sont aujourd'hui à Palerme.¹ Il sera intéressant de comparer ces cnémides avec celle dont il est fait mention plus haut comme existant au Musée de Tsarskoe-Selo.

9. Pédieux de l'armure du roi du Kouï-Oba.

Nous n'en reproduisons qu'un dans notre planche, le second étant tout à fait semblable. Ils se composent de neuf écailles étroites et d'une grande, arrondie, formant le bout de pied. Ces écailles sont doubles; celles de dessus, en fer, que l'oxyde a détruit à moitié, étaient débordées par les écailles de dessous qui sont en or, et qui laissaient visible le long des premières un étroit filet du métal que l'oxyde ne pouvait atteindre. Les deux petits trous qui existent aux extrémités de ces écailles indiquent qu'elles étaient cousues ou rivées sur du cuir. C'est avec l'écaille de fer, recouverte d'or, de la planche précédente, le seul exemple connu de pièces d'armure où ces deux métaux se trouvent employés.

¹ SERRADIPALCO: *Le Antichità della Sicilia*. Vol. II. Tav. XXVI.

РИСУНОКЪ XXIX.

ЗОЛОТЫЯ И БРОНЗОВЫЯ ВЕЩИ.

КОНСКАЯ СБРУЯ.

КЕМБРАЖЕНІЯ ВЪ ПОЛОЖЕНІИ НАСТАЮЩЕЙ ВЕЛИЧИНЫ.

Части древней конской сбруи и обломки уэль можно видѣть во всѣхъ Музеяхъ древностей въ Европѣ; но ни въ которомъ изъ нихъ нельзя составить себѣ по симъ частямъ полное понятіе объ общемъ видѣ древней конской сбруи, какъ это можно сдѣлать по остаткамъ такой сбруи, находящимся въ нашемъ Музѣ и на которыхъ сохранились даже кожаные ремни, соединявшіе отдѣльныя ея части.

1 — 7. Оголовокъ, удило и части лошадиной сбруи, найденные въ курганѣ Царицы съ золотою маскою и почти такой же сбруи, изъ гробницы, упомянутой при описаніи Р. III. 3.

№. 1. (четыре экземпляра). №. 3. (два экземпляра). Золотыя пластинки съ сердолитами въ оправѣхъ. Это очевидно наконечники вожжей, потому что они пусты и имѣютъ отверстіе въ видѣ продолговатаго четырехугольника такой точно величины, какая нужна, чтобы въ нихъ могъ быть закрѣпленъ кожаный ремень.

№. 2. Золотая бляха, усаженная сердолитами и принадлежащая къ сбруѣ, найденной во второй гробницѣ; она занимала такое же мѣсто въ оголовкѣ, какъ подобная ей пластинка, изображенная подъ №. 4.

№. 4. Оголовокъ и удило.

Въ золотыхъ бляхахъ, украшенныхъ сердолитами и составляющихъ этотъ оголовокъ, еще сохранились части кожаннаго ремня, на которомъ онѣ были укрѣплены. На двухъ бляхахъ подшейника видны звѣзда и монограмма; эта послѣдняя совершенно вѣрно представлена на нашемъ рисункѣ, но смыслъ ея намъ неизвестенъ. Удило складное и сдѣлано, кажется, изъ смеси мѣди и серебра.

№. 3. Круглая бляха, украшенная сердолитомъ съ длиннымъ отверстіемъ такого размѣра, чтобы въ него можно было продѣть кожаный ремень.

PLANCHE XXIX.

OBJETS EN OR ET EN BRONZE.

HARNAIS.

DEMI-GRANDEUR.

ous les musées d'antiquités en Europe possèdent des fragments de montures de brides et de harnais; mais nulle part on ne peut étudier comme ici l'ensemble d'un harnais antique ayant conservé jusqu'au cuir qui en réunit les différentes parties.

1—7. Têtière, mors et fragments d'un harnais de cheval trouvés dans le tombeau de la reine du masque d'or, et d'un harnais presque absolument pareil, trouvé dans le tombeau dont il est fait mention dans le texte de la planche III. 3.

1. (quatre pièces pareilles). 3. (deux pareilles).

Ces pièces sont en or avec cornalines montées en chaton. Ce sont évidemment des bouts de brides ou de rênes, car ces pièces, qui sont creuses, ont une ouverture, de la forme d'un carré long, de la dimension nécessaire pour y introduire une lanière de cuir.

2. Plaque en or, ornée de cornalines, appartenant au harnais du second tombeau et ayant eu la destination de la plaque pareille qui figure au No. 4.

4. Têtière et mors.

Les plaques en or, ornées de cornalines, sont encore fixées sur le cuir qui les réunissait. Les deux plaques de la sous-gorge offrent une étoile et un monogramme que le dessin de la planche reproduit exactement, mais dont nous ignorons la signification. Le mors brisé est en cuivre mêlé d'argent, à ce qu'il paraît.

5. Plaque ronde, ornée d'une cornaline, percée d'une ouverture longue, de la dimension voulue pour y faire passer une courroie en cuir.

№ 6. Вѣроятно украшеніе поперся. Бляшки его золотыя съ сердоликами. Пряжка въ видѣ колеса изъ такого же металла какъ и удило.

№ 7. Осаниная голова, служившая вѣроятно украшеніемъ какой нибудь части сбруи. Три экземпляра.

Бляхи второго оголовка почти точно такія же, какъ изображенныя на этомъ рисункѣ, и потому не сочтено было нужнымъ срисовать ихъ. Сердолики на нихъ нѣсколько больше; вотъ почти все, чѣмъ онѣ отличаются отъ первыхъ. Отъ кожаннаго ремня, на которомъ онѣ были нанизаны, ничего не сохранилось.

Сходство какъ этихъ сбруй, такъ и обѣихъ погребальныхъ поясковъ, Р. Ш. З. 4, есть фактъ весьма замѣчательный и указываетъ на то, что похороненное въ этой гробницѣ лице, принадлежало ко двору Царя Рисулорда, вѣроятно мужа Царицы съ золотою маскою. Наше предположеніе подтверждается еще обѣими золотыми медалями этого Царя, найденными въ сей гробницѣ.

8—13. Части лошадиной сбруи изъ вызолоченной бронзы.

Въ 1852 г. Графъ Л. А. Перовскій прислалъ въ Эрмитажъ приборъ этой сбруи. Онъ состоитъ изъ 82 частей, не очевидно, что ихъ было гораздо больше. Всѣ онѣ бронзовыя и вызолоченныя. На нѣкоторыхъ позолота сохранилась почти вся, но на большей части ихъ ярь пробѣла тонкій слой золота и даже истребила его. Многія изъ нихъ сломаны и въ ихъ нынѣшнемъ состояніи невозможно было бы восстановить тотъ порядокъ, въ какомъ онѣ находились на сбруѣ. Частей сихъ по двѣ и по четыре одинаковыхъ, и числа эти очевидно соответствуютъ тому мѣсту, какое онѣ занимали на каждой сторонѣ лошади. Такимъ образомъ № 8. и № 10. суть двѣ, соответствующія одна другой части сбруи.

№ 9-му, представляющему переднюю часть грифа и орляный ноготь, есть другое соответствующее украшеніе; на обѣихъ сохранилась позолота. Предположить можно, что эти два украшенія находились по сторонамъ удила и что ремни оголовка продѣвались въ оба кольца, находящіеся на сихъ украшеніяхъ. Подобное же устройство узды мы, кажется, видимъ на лошадяхъ колесницы Аполлона, изображенной на нашей лиріѣ.

№ 11-го три экземпляра, № 13-го только одинъ; соответствующаго ему украшенія не отыскалось. Они представляютъ заднюю часть льва. На нижней сторонѣ ихъ находится по кольцу, вылитому вмѣстѣ съ самими украшеніями, которыя вообще изъ литой бронзы.

Украшеніе подъ № 12. съ львиною головою на одномъ концѣ и головою овна на другой, также имѣетъ другое соответствующее ему украшеніе.

Судя по всѣмъ этимъ частямъ сбруи, она должна была представлять въ цѣломъ большое разнообразіе и мы узнаемъ въ этомъ произведеніи греческій гений, проявляющійся даже въ самыхъ ничтожныхъ предметахъ обиходной жизни древнихъ.

Вмѣстѣ съ этими частями сбруи были найдены въ томъ же курганѣ близъ Керчи, четыре весьма хорошо сохранившихся лошадиныхъ зуба.

6. Pièce du poitrail vraisemblablement. Les plaques sont en or avec cornalines. La boucle, en forme de roue, est du même métal que le mors.

7. Tête d'âne, ayant probablement servi de plaque d'ornement à quelque partie du harnais. Il y en a treize pareilles.

Les plaques de la seconde tétière étant presque absolument pareilles à celles qu'offre notre planche, il nous a paru inutile de les reproduire. Les cornalines sont plus grandes; c'est à peu près la seule différence qu'elles offrent avec les premières. Le cuir auquel elles étaient fixées a été totalement détruit.

Le rapport qu'offrent ces deux harnais, et la similitude des deux bandeaux funéraires de la Pl. III. 3. & 4. sont un fait significatif, qui tend à démontrer que le personnage du second tombeau appartenait à la cour du roi Rhescuporis dont la reine du masque d'or était vraisemblablement l'épouse. Les deux justifications en or de la médaille de Rhescuporis trouvées dans ce tombeau, sont d'ailleurs des arguments à l'appui de ce que nous venons de dire.

8—13. Pièces en bronze doré d'un harnais de cheval.

Mr. le COMTE PEROFFSKY a enrichi, en 1852, notre collection des pièces qui formaient la garniture de ce harnais. Leur nombre s'élève à quatre-vingt-deux; et il est évident qu'il y en avait davantage. Toutes ces pièces sont en bronze; elles étaient dorées. Sur quelques-unes l'or est resté presque intact; sur la plupart l'oxyde a percé la légère couche de ce métal précieux, l'a envahie et même absorbée. Beaucoup de ces pièces sont brisées; et, dans l'état où elles se trouvent surtout, il serait impossible de reconstituer leur disposition; le cuir ayant été totalement détruit. Elles existent par deux ou par quatre pareilles, et correspondent évidemment à la place qu'elles occupaient de chaque côté du cheval. Ainsi les No. 8. et 10. sont deux pièces correspondantes.

Le No. 9., offrant la partie antérieure d'un griffon et une serre d'aigle, a son correspondant. Ces deux pièces ont conservé leur dorure. Il est à supposer qu'elles ornaient les deux côtés du mors, et qu'elles tenaient aux deux brides de la tétière qui jassaient par les deux trous dont ces pièces sont percées. Cette disposition semble se retrouver dans les figures des chevaux du char d'Apollon sur notre lyre.

Le No. 11., en trois exemplaires, et le No. 13., qui est seul (ses correspondants manquent), offrent la partie postérieure d'un lion. Ces pièces sont munies au revers d'un anneau ménagé dans la fonte de la pièce; car nous devons ajouter que la plus grande partie de ces pièces est en bronze coulé.

Le No. 12., dont les bouts sont terminés par une tête de lion et par une tête de bœuf, a son correspondant.

A en juger par les pièces ci-dessus, ce harnais devait offrir une grande variété dans les motifs de son ornementation; et nous retrouvons ici l'empreinte de ce génie grec qui se révèle jusque dans les moindres choses de la vie antique.

Quatre dents de cheval, très-bien conservées, se sont trouvées avec les débris de ce harnais.

Fouille exécutée dans les environs de Kertch.

РИСУНОКЪ XXX.

ВЕЩИ ЗОЛОТЫЯ, СЕРЕБРЯНЫЯ И ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

ОРУДІЯ И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ ПЛАВНУ НАСТОЯЩЕЙ НЕЛЧМЫ.

Въ числѣ предметовъ, изображенныхъ на этомъ листѣ, есть нѣкоторые весьма важные для археологій Босфора.

1. Серебряный *кіатосъ* или *симпулумъ* (черпало) съ рукою, оканчивающеюся въ видѣ лебединой головы.

Найденъ въ гробницѣ, изображенной на платѣ С. 5. (См. описаніе плана и Введеніе стр. LXII.)

2. Серебряный *кіатосъ* или *симпулумъ* съ такимъ же украшеніемъ на ручкѣ.

Найденъ Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ плитовой гробницѣ. (См. Введеніе, стр. LXII.)

Мы довольно часто встрѣчаемъ украшеніе въ видѣ лебединой головы на разныхъ орудіяхъ и домашней утвари, найденныхъ въ Пантикапейскихъ гробницахъ. Нѣсколько другихъ черпалъ нашего собранія, сходныхъ съ предыдущими, небольшая серебряная ложка и проч. украшены подобнымъ же образомъ.

3. Серебряная ложка, найденная въ гробницѣ Царицы съ золотомъ маскою (см. описаніе Р. I.).

5. Серебряная ложка, найденная въ той же гробницѣ.

На нижней сторонѣ этой ложки находятся двѣ надписи: первая, мелкими буквами, состоитъ изъ **СЕ Н** на одной сторонѣ и изъ буквы **Ф** на другой; вторая надпись начертана болѣе крупными буквами и читается на оборотъ: **ΟΥΑΛΕ** (т. е. *Vale*). Смотри изображеніе этой надписи въ концѣ описанія этого рисунка.

Такое пожеланіе здоровья приличествовало бы ложкѣ, въ которой подаютъ лекарство, а потому вѣроятно, что наша ложка точно имѣла это назначеніе.

PLANCHE XXX.

OBJETS EN OR, EN ARGENT ET EN IVOIRE.

USTENSILES ET INSTRUMENTS.

DEMI-GRANDEUR.

Quelques-uns des objets figurés sur cette planche sont d'une grande importance, surtout pour l'archéologie du Bosphore.

1. *Kyathos* ou *Simputum* en argent, le manche terminé par un col de cygne.

Trouvé dans le tombeau du Plan C. 5. Voir les légendes de ce plan et notre Introduction, page LXIII.

2. *Kyathos* ou *Simputum* en argent, à motif pareil.

ASCHIX. 1838. Tombeau en dalles. Voir notre Introduction, page LXIII.

Ces cols de cygne offrent un charmant motif d'ornementation qui se rencontre assez fréquemment dans les instruments et ustensiles de Panticapée. L'Ermitage possède plusieurs autres *simputum* pareils aux précédents, et une petite cuiller en argent à manche orné de la même figure.

3. Cuiller en argent trouvée dans le tombeau de la reine du masque d'or (voir la légende de la Pl. I.).

5. Cuiller en argent trouvée dans le même tombeau.

Au revers sont deux inscriptions offrant la première, en petites lettres, *CE H* d'un côté, et de l'autre *Φ*; la seconde, en lettres plus grandes rétrogrades, *ΟΥΑΛΕ* (c'est-à-dire *Vale*), combinées comme l'indique le dessin en cul-de-lampe à la fin de la légende de cette planche.

Ce souhait de bonne santé conviendrait bien à l'instrument qui verse la guérison d'une maladie; et il est à présumer que cette petite cuiller était un ustensile à médicaments.

Объ эти надписи изчертаны точками, равно какъ и надписи на серебряномъ подносѣ, изображенномъ на этомъ же рисункѣ подъ No. 11. и найденномъ въ одной гробницѣ съ ложками.

Первая изъ вышеупомянутыхъ надписей важна тѣмъ, что изъ нея можно вывести время, къ которому, по всей вѣроятности, принадлежала Царица съ золотою маскою.

СЕ Н, по объясненію Г. Стефани, значить *Σεπτεμβριος*; т. е. или 8-е Сентября. Сокращеніе **СЕ** встречается въ надписи, опубликованной Фаврети.¹

Букву **Е** находимъ мы въ такомъ видѣ на Пантикапейскихъ надписяхъ.² Форму буквы **Н** часто можно видѣть въ надписяхъ второго и третьяго столѣтій Христіанскаго лѣтосчисленія.

$\Phi = 500$, означаетъ шестое столѣтіе Босфорскаго лѣтосчисленія, равняющееся третьему вѣку, съ 202 — 303 годъ послѣ Р. X. Къ сожалѣнію не видно какая буква слѣдовала за Φ , потому что въ этомъ мѣстѣ ложка заржавлена, отъ чего и сдѣлалось невозможнымъ опредѣлить эту букву.

И такъ у насъ будетъ: «8-е Сентября 5...» года Босфорскаго лѣтосчисленія. Въ этомъ 6-мъ столѣтіи царствовали четыре Царя по имени Рискунориды³ (Рискунориды IV. по VII., съ 212 по 268 г.) Царица была вѣроятно супругою одного изъ этихъ Царей. Можетъ быть число 8-е Сентября и слово *vale* относятся къ болѣзни, отъ которой она скончалась и вѣроятно, что эта небольшая ложка для лѣкарства, другая ложка No. 3. и наконецъ подносъ No. 11. были употребляемы въ послѣднюю болѣзнь Царицы, которую искусство медиковъ не могло спасти отъ смерти.

Мы сначала не рѣшались вычистить эту ложку, дабы не стереть ея патины, но наконецъ рѣшились на это, чтобы обнаружить надпись. Уже по виду своему эта небольшая ложка казалась намъ выходящею изъ ряда обыкновенныхъ ложекъ. Рассмотрѣвъ ее ближе, мы замѣтили нѣкоторую правильность штриховъ, принятыхъ нами сперва за слѣды ржавчины; но потеревъ ложку пальцемъ, мы открыли эту драгоценную надпись, которую и помѣстили въ концѣ сего описанія, потому что уже нельзя было изобразить ее на самомъ рис. XXX.

Въ Лампсаѣ найдено было шесть ложекъ съ древними греческими и латинскими надписями; эти ложки хранятся въ Британскомъ Музѣ.⁴

4. Ложка изъ слоновой кости, найденная вмѣстѣ съ No. 2. этого же рисунка.

6. Какое-то серебряное орудіе; согнутый конецъ его сломавъ, и потому трудно опредѣлить его назначеніе. Судя по формѣ плоскаго конца, имѣющаго видъ лопатки, можно принять его за хирургическій инструментъ. Мы издаемъ это орудіе въ той надеждѣ, что, можетъ быть, со временемъ отыщется другой цѣльный экземпляръ и тѣмъ самымъ сдѣлается возможнымъ объяснить его.

7. Точильный камень; изъ Куль-Обскаго кургана.

Онъ былъ найденъ въ гробѣ Царя, вмѣстѣ съ оружіемъ. Это просто кусокъ аспиднаго камня.

¹ Фаврети: *Inscriptiones antiquae*, стр. 578. No. 99.

² См. нѣмъ Надписи No. XIII. XXVII.

³ Саватьер: *Souvenir de Kertch etc.* стр. 73, 77, 79.

⁴ Герхардъ: *Arch. Zeitung*. 1848, стр. 110.

Les caractères des deux inscriptions sont pointillés comme ceux de l'inscription du plat en argent trouvé dans le même tombeau. Voir le No. 11 de cette planche.

La première inscription est une particularité très-précieuse, en ce qu'elle nous donne l'époque à laquelle appartient vraisemblablement la reine du masque.

CE H signifie, suivant Mr. STEPHANI, Σεπταβρόντος ή ou 8 septembre. CE est une abréviation qui se trouve dans une inscription publiée par FABRETTI.¹

La forme du E se rencontre dans des inscriptions de Panticapée.² La forme du H se rencontre souvent dans des inscriptions du second et du troisième siècle de l'ère chrétienne.

Φ=500 indique le 6me siècle de l'ère du Bosphore, correspondant à 202—303 de l'ère chrétienne. Malheureusement le Φ est suivi d'une lacune provenant de l'oxydation du métal; il est donc impossible de connaître la seconde lettre qui devait exister sur cette place.

Nous avons donc 8 septembre 5? de l'ère du Bosphore. Dans ce siècle ont vécu quatre rois du nom de Rhescuporis.³ (Rhescuporis IV à VII, de 212 à 267). La femme dont il s'agit était très-vraisemblablement l'épouse d'un de ces rois. Cette date réunie au mot *vale* peut bien se rapporter à la maladie qui amena sa mort; et cette petite cuiller à médicaments, la cuiller No. 3 et le plat No. 11. pourraient bien avoir été employés dans les derniers jours de la vie de cette reine que l'art de ses médecins ne put sauver.

Une répugnance bien naturelle, à nettoyer les objets antiques et à altérer ainsi leur patine, nous avait empêché de soumettre cette cuiller à un lavage que nous avons exécuté en dernier lieu pour mettre à nu cette inscription. La forme de ce petit ustensile nous paraissait ne pas convenir à une cuiller d'un usage habituel; en l'examinant de près, nous remarquâmes au revers une certaine régularité dans des traces que nous avons prises d'abord pour celles de l'oxyde; en les frottant avec le bout du doigt nous découvrîmes peu à peu cette précieuse inscription que nous publions en cul-de-lampe, n'étant plus en mesure de le faire dans notre planche.

Six cuillers antiques, avec inscriptions grecques et latines, ont été trouvées à Lampsaque. Elles existent au British Museum.⁴

4. Cuiller en ivoire. Trouvée avec le No. 2 de cette planche.

6. Instrument en argent.

Il est fragmenté dans sa partie recourbée, et il est difficile de déterminer son usage. La partie plate, en forme de spatule, semble indiquer un instrument de chirurgie. Nous le publions dans l'espérance que quelque fouille ultérieure mettant au jour un instrument pareil mieux conservé, on pourra obtenir une interprétation qui nous manque ici.

7. Pierre à aiguiser.

Elle figurait dans le cercueil du roi du Koul-Oba, parmi ses armes. C'est un simple morceau de schiste-ardoise.

¹ FABRETTI: Inscriptiones antiquae. p. 587. No. 99.

² Voyez nos Inscriptions No. XXIII. XXVII.

³ SABATIER: Souvenirs de Kerisch, etc. p. 73. 77. 79.

⁴ GERHARD: Arch. Zeitung. 1848. p. 110.

Ручка въ богатой золотой оправѣ, украшенной ободками изъ оловъ, плетенными тесьмами, пальметтами, цѣтками мюзотиса и пр., сванной работы. На ручкѣ находится дырочка и въ нее вѣроятно продавливали снурокъ, на которомъ носили камень.

Въ Эрмитажномъ собраніи есть еще нѣсколько точильныхъ камней, найденныхъ въ другихъ гробницахъ, но они безъ всякихъ украшеній.

8. Веретено Царицы съ золотой маскою. Оно представлено на рисункѣ нижнимъ концомъ вверхъ, Веретено это имѣетъ видъ простыхъ нашихъ веретенъ, но покрыто листомъ золота, какъ это и было прилично для веретена Царицы. Эта весьма тонкая золотая покрывка въ нѣсколькихъ мѣстахъ отдунилась и подъ нею видно дерево, кажется шинарисовое, изъ котораго сдѣлано веретено. На нижней оконечности веретена еще видна часть бывшаго тутъ деревяннаго кольца, служившаго для того, чтобы дать этой части веретена надлежащій перевѣсъ надъ верхнюю частію.

Въ другихъ курганахъ окрестности Керчи были найдены подобныя же веретена, частію изъ дерева, частію изъ слоновой кости, которые также находятся въ Эрмитажѣ.

9. Одинъ изъ ножей, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ.

Ручка изъ слоновой кости; лѣзвее желѣзное, сильно заржавѣлое. Въ рапортѣ своемъ Дюбрюксъ говоритъ, что подлѣ остава конюшаго было шесть ножей *съ кривымъ лезвиемъ, какъ на хирургическихъ орудіяхъ*. Два ножа были посланы въ Эрмитажъ. Въ 1853 г. Графомъ Л. А. Перовскимъ были отысканы третій, лѣзвее котораго имѣетъ большую кривизну противъ ножа, изображеннаго на нашемъ рисункѣ. Если предположеніе Дюбрюкса правильно, то эти ножи съ лѣзвиемъ разной формы вѣроятно принадлежали конюшему, который, можетъ быть, въ то же время занималъ у Царя и должность хирурга.

10. Ножъ изъ той же гробницы.

Лѣзвее желѣзное, заржавѣлое. На обѣихъ сторонахъ золотой ручки изображены, кажется, львицы, но фигуры сдѣланы такъ дурно, что нельзя сказать о нихъ ничего положительнаго. Головка сдѣлана нѣсколько отчужденнѣе; на ней виднѣсь крылатый левъ.

Этотъ ножъ очевидно принадлежалъ къ предметамъ обиходной жизни. Онъ находился въ гробницѣ близъ головы Царицы и потому вѣроятно принадлежалъ ей. Между варварскою работою его рукоятки и прекрасною отдѣлкою ручки точильнаго камня замѣчается та противоположность, которую мы не разъ уже имѣли случай замѣтить между предметами, найденными въ одной и той же гробницѣ. См. Введеніе.

11. Серебряный подносъ, найденный въ гробницѣ Царицы съ золотой маскою. Вѣсъ 6 фунтовъ 24 золотника.

Находящаяся на этомъ подносѣ въ центрѣ монограмма, окружающій ее лавровый вѣнокъ и кайма подноса, въ которой повторенъ этотъ же вѣнокъ, изображены весьма изысканно гравировкою и чернью. (На нашемъ рисункѣ представлена только часть каймы, въ которой находимъ ту же монограмму.)

На нижней сторонѣ подноса читается слѣдующая надпись точьями, уменьшенная Г. Пикаромъ съ точнѣйшею вѣрностію вполонуву также какъ и самый подносъ: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΤΟΡΩ; на лѣво отъ этой надписи: Α. Ν. Θ. 54; на право: ΑΝ; эти послѣднія буквы суть, кажется, повтореніе двухъ первыхъ этой второй надписи.

La poignée est richement montée en or. Les ornements en filigrane offrent des bordures d'oves, de filets en tresse, de palmettes, de fleurons, de fleurs de myosotis, etc. d'un travail exquis; mais ils ont souffert. Cette poignée est percée d'un trou dans lequel on passait vraisemblablement un cordon pour suspendre l'instrument.

La collection de l'Ermitage possède plusieurs autres pierres à aiguiser, mais toutes simples, trouvées dans différents tombeaux

8. Fuseau de la reine du masque d'or. Le dessin offre l'instrument retourné.

Pareil par sa forme à un simple fuseau de nos jours, il est revêtu d'or, comme cela devait être pour une reine. La feuille très-mince de ce métal précieux s'est un peu déchirée, et laisse apercevoir le bois qui paraît être du cyprès. On distingue encore au-dessous de la rondelle en or qui divise l'instrument en deux parties, un fragment de l'anneau en bois qui devait donner à l'inférieure le poids nécessaire à son à plomb.

L'Ermitage possède plusieurs autres fuseaux, en ivoire ou en bois, trouvés dans différents tombeaux des environs de Kertch.

9. Un des couteaux trouvés dans le tombeau du Koul-Oba.

Lame en fer, très-oxydée, fragmentée, avec un simple manche en ivoire. DUBRUX dit qu'il y avait près du corps de l'écuier six couteaux, à lame recourbée, comme des instruments de chirurgie. Deux de ces couteaux avaient été envoyés à l'Ermitage. Mr. le COMTE PEROFFSKY en a retrouvé un troisième, en 1853, dont la lame est plus recourbée que celle dont nous offrons le dessin. L'opinion de DUBRUX est admissible; et ces instruments, à lame de forme différente, pourraient avoir appartenu à l'écuier qui était aussi, peut-être, le chirurgien du roi.

10. Couteau trouvé dans le même tombeau.

Lame en fer, oxydée. Manche en or, offrant de chaque côté deux figures de lionnes, il semble. Leur style barbare ne permet guère de les déterminer. Le motif du pommeau est plus distinct; on y reconnaît la figure d'un lion ailé.

Ce couteau était évidemment un objet d'usage domestique. Comme il était placé près de la tête de la reine, on peut supposer qu'il lui appartenait. Sa monture, d'un style barbare, offre avec celle de la pierre à aiguiser qui est d'une exécution exquise, le contraste qui se rencontre souvent dans les objets trouvés dans le même tombeau. Voir notre Introduction.

11. Plat en argent trouvé dans le tombeau de la reine du masque d'or. Poids 6 livres 24 zolotniks.

La couronne de laurier qui entoure le monogramme placé au centre, ce monogramme lui-même et la bordure ou l'enroulement du plat, qui offre la répétition de la couronne (notre planche n'en donne qu'un fragment où l'on distingue encore ce monogramme), sont gravés et niellés avec beaucoup de délicatesse.

Au revers du plat on lit, en caractères pointillés, que Mr. Piccard a rigoureusement reproduits en demi-grandeur, ΒΑCΙΛΕΥC ΠΗΚΚΟΥΤΟΡΗ; à gauche Α. Η. Θ. 5 4; à droite, ΑΗ, répétition, il semble, des deux premiers signes de cette dernière inscription.

Подносъ по видимому гораздо древнѣе этихъ надписей. Монограмма, состоящая изъ буквъ **A. N. T. B.**, по объясненію Г. Стефани, можетъ значить, *Αντίοχος βασιλεύς* и указываетъ на перваго владѣтеля этого подноса. По извѣстію лавроваго вѣнка можно отнести эту утварь къ 3-му столѣтію предъ Р. X. и съ тѣмъ вмѣстѣ предположить, что она была подарена Пантикапейскому государю Сирійскимъ Царемъ Антиохомъ. Такимъ образомъ подносъ этотъ, вѣроятно, сохранился въ Пантикапееѣ какъ драгоценность, а въ царствованіе котораго либо Рискупорида, начертано было на немъ его имя. **ΡΘ** написано по ошибкѣ гравера вмѣсто **ΡΙΔΟΣ**. Должно замѣтить, что въ колоніяхъ Понта Евксинскаго говорили весьма неправильнымъ греческимъ языкомъ, какъ видно изъ нашихъ Надписей No. XV. XXIII. XXVII.

Форма буквы **Η** таже, какую мы видѣли на ложкѣ No. 5.

ΑΗ вѣроятно означаетъ вѣсъ или цѣну подноса, но объясненіе этихъ знаковъ представляетъ большія затрудненія; первый знакъ еще нигдѣ не встрѣчался.

ι извѣстный знакъ препинанія, ставившійся вмѣсто точки.

Η, какъ числительный знакъ, означалъ 7, 8 и 100.

θ значить *сш* и никогда не употреблялся какъ числительный знакъ.

ς извѣстный числительный знакъ вмѣсто 6.

Форма этихъ буквъ представляетъ большое сходство съ формою буквъ надписи на бронзовой вазѣ Митридата, какъ мы замѣтили это при описаніи Р. I.

Задняя сторона ложки No. 5.

Il paraît évident que ce plat est d'une époque très-antérieure à celle de l'inscription; et le monogramme, qui offre la combinaison des lettres A. N. T. B., peut signifier, suivant Mr. STEPHANI, *Αντίοχος Βασιλεύς*, et indique peut-être son premier possesseur. La beauté du dessin de la couronne de laurier peut faire admettre le troisième siècle av. J. C. et la supposition d'un présent fait à un roi de Panticapée, par un roi de Syrie du nom d'Antiochus. Le plat aurait été en ce cas un objet de prix conservé à Panticapée; et à l'époque du Rhescuporis dont il s'agit dans l'inscription, on y aurait ajouté cette dernière. **ΠΘ** est une erreur du graveur au lieu de **ΠΙΔΟC**. On parlait dans les colonies du Pont-Euxin un grec très-altéré, comme le prouvent nos Inscriptions No. XV. XXIII. XXVII.

La forme du **Λ** est la même que sur la cuiller No. 5.

ΑΗ indique probablement le poids ou la valeur du plat; mais ces deux signes renferment des difficultés insolubles; le premier ne s'est pas encore rencontré ailleurs.

ι est un signe connu de ponctuation remplaçant le point.

H comme signe numéral, signifie ou 7 ou 8 ou 100.

δ signifie ou; et n'est jamais employé comme signe numéral.

5 signifie 6; c'est un signe numéral connu.

La forme des caractères offre, comme nous l'avons dit dans la légende de la planche I, une grande analogie avec celle de l'inscription du vase en bronze de Mithridate-le-Grand.

Revers de la cuiller No. 5.

РИСУНОКЪ XXXI.

ВЕЩИ ЗОЛОТЫЯ, СЕРЕБРЯНЫЯ, БРОНЗОВЫЯ И ИЗЪ СЛОПОВОЙ КОСТИ.

ОРУДІЯ И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

Бронзовый колокольчикъ. Но. 1. (изображеніе въ половину настоящей величины). Этотъ колокольчикъ схожъ съ тѣми, которые употребляются для стадъ, выгоняемыхъ на пастбище. Язычка не достаетъ, но внутри колокольчика еще сохранилось кольцо, на которомъ онъ висѣлъ.

Найдены въ гробницѣ Царяцы съ золотою маскою, вмѣстѣ съ другимъ такимъ же колокольчикомъ, оставшимся въ Керчи (см. описаніе Р. I.).

2. Серебряный стрижиль (изображеніе въ половину настоящей величины). Въ нашемъ собраніи есть нѣсколько подобныхъ сему стрижилей, но бронзовыхъ (см. Р. XLIV. 14.).

3. Серебряный стрижиль съ принадлежащимъ къ нему сосудомъ для благовоній фиг. 3. а (изображеніе въ половину настоящей величины).

Этотъ стрижиль сильно попорченъ; онъ разломанъ на три части и нѣсколькихъ его кусковъ недостаетъ. Къ нему окисью приклеилась часть цѣпочки, принадлежащей къ сосуду, на которомъ, какъ и на крышкѣ его, она навѣшена на кольцо. На концѣ цѣпочки находится пряжка, украшенная лебедиными головками; но такъ какъ все это скомбалось вмѣстѣ и слѣпилось окисью, то и невозможно было представить цѣпочки на рисункѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она должна была находиться на сосудѣ.

Извѣстно какъ часто древніе купались и какою изысканностію туалета сопровождалось у нихъ употребленіе ваннъ. Находящійся съ нашимъ стрижилемъ сосудъ (*unguentarium*), служившій для вмѣщенія душистаго масла, составляетъ весьма обыкновенную принадлежность сего орудія. Между бронзовыми вещами Бурбоискаго Музея есть купальный приборъ, состоящій изъ четырехъ стрижилей, чаши съ ручкою и сосудомъ съ двумя скобками и крышкою, назначеннымъ для благовоннаго масла; все это навѣшено на большое кольцо.¹

Изображенный здѣсь подъ Но. 3. стрижиль найденъ въ плитовой гробницѣ, рисунокъ которой представленъ на планѣ С. 5. (См. описаніе этого плана и Введеніе стр. LXII.)

4. Серебряное сито.

¹ Museo Borbonico. Т. VII. Р. XVI.

PLANCHE XXXI.

OBJETS EN OR, EN ARGENT, EN BRONZE ET EN IVOIRE.

INSTRUMENTS ET USTENSILES.

1. Clochette en bronze. Demi-grandeur. No. 1. On croit voir une clochette de troupeau de nos jours. Le battant manque, mais on distingue encore à l'intérieur la bélière qui le soutenait.

Cette clochette et une seconde toute pareille qui est restée au Musée de Kertch, ont été trouvées dans le tombeau de la reine du masque d'or. (Voir la légende de la Pl. I).

2. Strigile en argent. Demi-grandeur. Notre collection possède plusieurs strigiles pareilles, mais en bronze. (Voir la Pl. XLIV. 14).

3. Strigile en argent avec son vase à parfum, fig. 3. a. Demi-grandeur.

L'instrument a beaucoup souffert; il est brisé en trois parties et un peu fragmenté. L'oxyde y a fait adhérer une partie de la chaînette qui appartient au vase auquel elle est fixée par des anneaux, ainsi qu'au couvercle. Elle est munie à son extrémité d'une boucle ornée d'encolures de cygnes; mais le tout étant comme agglutiné par l'oxyde, n'a pu être développé dans le dessin.

On sait combien l'usage des bains était fréquent dans l'antiquité, et les recherches extrêmes de toilette qui les accompagnaient. Le petit vase pour l'huile parfumée (*unguentarium*), qui accompagne notre strigile, est un ustensile connu. Parmi les bronzes du Musée Bourbon, se trouve une trousse de baigneur, se composant de quatre strigiles, d'une patère à manche, et d'un vase à deux anses et à couvercle pour l'huile parfumée, suspendus à un grand anneau.¹

Notre strigile a été trouvée dans le tombeau en dalles du Plan C. 5. Voir les légendes de ce plan et notre Introduction, page LXIII.

4. Passoire ou crible en argent.

¹ Museo Borbonico. VII. Tav. XVI.

5. Серебряное сито.

Прислано Графомъ Л. А. Перовскимъ въ 1853 году.

6. Серебряное сито въ видѣ ложки (изображеніе въ половину настоящей величины). Въ одномъ мѣстѣ край выломанъ.

Найдено въ гробницѣ Царицы съ золотомъ маскою.

7. Зеркало Царицы, похороненной въ Кузь-Обскомъ курганѣ (изображеніе въ половину настоящей величины).

Зеркало изъ позолоченной бронзы и, судя по украшеніямъ, должно быть греческой работы. Къ этому зеркалу, вѣроятно уже въ послѣдствіи, была придѣлана золотая ручка съ грубыми рельефными изображеніями, въ которыхъ съ трудомъ можно узнать оленя и нападающаго на него грифа, да еще какое-то четвероногое животное, судя по положенію его, кажется, охотничью собаку. Эта придѣлка видна даже на рисунѣ, и въ выемкѣйшей рукѣ зеркала, вѣроятно, еще скрывается часть первоначальной.

У Еврипида¹ говорится о *золотыхъ зеркалахъ, хризса ёоптра*; Зеркала эти, можетъ быть, были сходны съ нашимъ зеркаломъ, которое по своему вызолоченному кругу и золотой рукѣ, также почти можно назвать золотымъ.

8. 9. Золотыя туалетныя вещи (изображенія въ настоящую величину).

Но. 8. Шило, котораго головка служила ухверткою. Но. 9. имѣлъ такое же названіе и служилъ еще для чистки ногтей. Изображеніе Амура облагородило это простое орудіе и придало ему пріятный видъ

Найдены Г. Ашикомъ въ 1838 г. въ платовой гробницѣ. (См. Введеніе стр. LXII.)

10. Серебряное сито (изображеніе въ половину настоящей величины). Дно проломано въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

11. 11*. Зеркальная рукоятка изъ слоновой кости (изображеніе въ двѣ трети настоящей величины).

Это прелестное произведеніе изъ слоновой кости представляетъ купающуюся Венеру; оно доставлено въ Эрмитажъ Графомъ Л. А. Перовскимъ въ 1853 г. Не смотря на то, что недостаетъ головы, въ этомъ изображеніи можно узнать типъ Медицейской Венеры. Эта статуэтка Венеры прирѣплена къ палочкѣ, служившей ручкою небольшого бронзового зеркала, которое до того было разбѣдено ярью, что отъ него оставался только слѣдъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно лежало. Ярь даже нѣсколько затронула самую ручку и пробилась въ слоновую кость.

12. 12*. Золотая ложка (изображеніе въ настоящую величину).

Она сдѣлана въ видѣ листа, кончикъ котораго свернуть. Внутренняя сторона (фиг. Но. 12.) походитъ на мелкое сито; украшенія же нижней стороны (фиг. Но. 12*) можно рассмотреть только въ увеличительное стекло, такъ малы эти сотны цвѣточковъ, припаянныхъ къ ложкѣ на этой сторонѣ съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ и искусствомъ. Можно предположить, что эта прелестная ложка служила для духовъ въ видѣ порошка, на который, можетъ быть, наливали горячей воды, дабы запахъ его испарялся.

Доставлена отъ Графа Л. А. Перовскаго въ 1853 г.

¹ Еврипидъ: Гекуба. 943. Троилы. 4096.

5. Passoire ou crible en argent.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1853.

6. Cuiller à crible en argent. Demi-grandeur. Le bord est fragmenté.

Trouvée dans le tombeau de la reine du masque d'or.

7. Miroir de la reine du Kouï-Oba. Demi-grandeur.

Le manche tout en or, avec figures en relief d'animaux, d'un dessin barbare, où l'on a peine à reconnaître un cerf assailli par un griffon, et un quadrupède qui a la pose d'un chien de chasse, paraît avoir été ajouté après coup au miroir qui est en bronze doré, et dont les ornements, d'un tout autre style, accusent une origine grecque. Cette addition est visible dans la planche même; et l'on retrouverait peut-être dans l'intérieur du manche actuel une partie de l'ancien.

EURIPIDE parle de *miroirs d'or*, χρύσεια ἐντοτρα', C'étaient peut-être des miroirs pareils au nôtre dont le disque en bronze doré, et le manche en or pur, peuvent bien mériter cette désignation.

8. 9. Instruments de toilette en or. Grandeur naturelle.

Le premier est un poinçon dont la tête faisait l'office de cure-oreille. Le second a servi au même usage et à la toilette des ongles. La petite figure d'Amour donne une apparence attrayante à un instrument aussi vulgaire.

Trouvés dans un tombeau en dalles découvert par Mr. ASCHIK. 1838. Voir notre Introduction, page LXIII.

10. Passoire en argent. Demi-grandeur. Le fond est détruit en partie.

11. 11*. Manche de miroir en ivoire. Deux tiers de la grandeur naturelle.

Mr. le COMTE PEROFFSKY a doté l'Ermitage, en 1853, de ce précieux objet en ivoire sculpté offrant la figure de Vénus au bain. La tête manque; mais il est facile de reconnaître dans la pose le type de la Vénus de Médicis. Cette figure est posée sur une tige qui servait de manche à un petit miroir en bronze qui était tellement décomposé par l'oxyde, qu'il n'en restait que des traces sur la place que le miroir occupait. L'oxyde du métal a même attaqué la tige et en a pénétré l'ivoire.

12. 12*. Cuiller en or. Grandeur naturelle.

Ce charmant ustensile offre la figure d'une feuille dont l'extrémité serait roulée. L'av. fig. 12, présente comme un crible serré; mais c'est au revers, fig. 12*, que la loupe est nécessaire pour y découvrir les centaines de petits ornements, figurant des fleurs, que la patience de l'artiste y a soudés avec une délicatesse exquise. Il est à croire que cet ustensile ou plutôt ce bijou servait à puiser un parfum, à l'état de grain ou de poussière, qui avait peut-être besoin d'être saturé d'eau chaude, pour développer son arôme.

Envoi de Mr. le COMTE PEROFFSKY. 1853.

* EURIPIDE: Hec. 943. Troad. 4096.

РИСУНОКЪ XXXII.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢДЧИНУ.

Статушка бородатого Сикса (№. 1.) въ длинныхъ волосахъ, въ правой рукѣ держитъ чашу, въ лѣвой, кажется, яччанъ.

Тучность этого Сикса и широкая одежда придаютъ ему нѣсколько странный, комическій видъ, и быть можетъ, что подъ этою фигуροю хотѣли представить какую нибудь забавную личность. За кого, въ самомъ дѣлѣ, должно принять этого маленькаго толстяка и что подумать объ его ногахъ, какъ будто окутанныхъ пеленами? Кажется видишь въ немъ шутивлаго виночерпія, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы подчивать и забавлять пирующихъ; человека, отъ котораго требовали расторопности и съ тѣмъ вмѣстѣ закутали такъ, что онъ едва могъ повернуться.

Фигура эта состоитъ изъ двухъ спаянныхъ вмѣстѣ бляхъ, изъ которыхъ верхняя вышивной работы. Нижняя ровная и со скобою, въ которую, можетъ быть, продвѣвалась булава въ видѣ подставки для этой фигуры.

Четыре экземпляра. Изъ Куль-Обской гробницы.

2. 5. 6. 8. 9. Театральныя личины или маски.

Эти маски въ чисто-греческомъ стилѣ, отличнаго рисунка и самой изящной работы. Всѣ онѣ настоящія образцовыя произведенія, но только нѣкоторые нѣсколько повреждены. №. 2. 5. 6. и 8 комическія маски, №. 9. трагическая.

3. Маска Пана.

4. Маска Пана съ вѣнкомъ изъ плюща на головѣ и съ длинною бородою. Листки вѣнка прекрасной отдѣлки и, кажется, были украшены финифтью.

7. Маска Сатира.

Всѣ эти маски составлены изъ двухъ спаянныхъ вмѣстѣ листовъ, изъ коихъ верхній вышивной работы, нижній ровный и съ небольшимъ кольцомъ, изъ чего видно, что эти маски составляли украшеніе

PLANCHE XXXII.

OBJETS EN OR.

GRANDEUR NATURELLE.

Figurine de Scythe (No. 1), à tête barbue et cheveux longs, tenant de la droite une coupe et soutenant de la gauche un carquois, il semble.

L'épaisseur des formes et l'ampleur du costume donnent à cette petite figure une physionomie un peu étrange, un peu comique; et il ne serait pas impossible qu'elle offrit la représentation d'un personnage dont le caractère aurait eu de l'analogie avec celui d'un bouffon. Que penser en effet de l'attitude de ce petit homme, gros et court, et de la manière grotesque dont ses jambes sont comme emmaillotées? Il semble que l'on voit un échanson facétieux qui a la mission de faire rire et boire les convives, et à qui l'on a prescrit d'être vif et alerte dans ses fonctions, en lui ôtant la liberté des mouvements, par la manière dont il est costumé.

Cette figurine est formée de deux plaques soudées. La supérieure est repoussée; l'inférieure, celle du revers, est plane et munie d'une coulisse, comme si une broche avait dû y être engagée, pour maintenir la figurine debout.

Quatre exemplaires. Kouï-Oba.

2. 5. 6. 8. 9. Masques de théâtre.

Nous retrouvons ici le style grec, avec toute sa finesse de dessin et d'expression, et toute sa beauté d'exécution. Tous ces petits masques, dont quelques-uns ont un peu souffert, sont autant de chefs-d'œuvre. Les No. 2. 5. 6. 8. sont des masques comiques; le No. 9 est un masque tragique.

3. Masque de Pan.

4. Masque de Pan, couronné de herse et barbu. Les feuilles de la couronne, d'une délicatesse infinie d'exécution, semblent avoir été émaillées.

7. Masque de Satyre.

Tous ces masques sont formés de deux feuilles d'or, soudées l'une sur l'autre. L'antérieure, travaillée au repoussé, offre la figure même; la postérieure, qui est plane, est munie d'un petit anneau, indice bien

ожерелья; къ тому же въ нашемъ собраніи есть двѣ другія маски, совершенно подобныя No. 9-му, навѣшанныя на короткой цѣпочкѣ и которыя могли быть только подвѣсами ожерелья.

Маска No. 6. представляетъ голову негра. Можно удостовѣриться изъ древнихъ памятниковъ, что черное племѣ людей съ курчавыми волосами уже было извѣстно въ древности.

На ритонѣ Эрмитажнаго керамографическаго собранія изображенъ негръ, пожираемый крокодиломъ. (Въ залѣ раскрашенныхъ вазъ, витрина No. 22.)

Въ Берлинскомъ Музѣе есть глиняныя вазы, служившія для питья, съ изображеніемъ головъ негритянковъ.¹ На стѣнной частѣ того же Музея мы видимъ профиль головы негра.²

На барельефѣ Музея въ Неаполѣ изображены греческій воинъ и его возница въ видѣ негра.³

Маски NNo. 2. 5. 6. 8. и 9. были найдены вмѣстѣ съ серьгами, изображенными на Р. VII. 6. Маска NNo. 3. 4. 7. присланы изъ Керченскаго Музея въ 1851 году.

10. Эта замѣчательная группа представляетъ двухъ сидящихъ Скиновъ, держащихъ вмѣстѣ винный рогъ; они изображены въ положеніи совершеннаго согласія, какъ два друга, настроенные вивомъ къ откровенности и сообщаяще одинъ другому свои сердечныя мысли. Группа эта выливной работы.

Изъ Куль-Обской гробницы.

11. Оленья голова изыщной работы; одинъ рогъ отломился. Вокругъ шеи приделана пластинка съ дырочками, которая доказываетъ, что эта оленья голова была на чемъ нибудь набита, въ видѣ украшенія. Два экземпляра.

Найдены вмѣстѣ съ серьгами Р. VII. 15. 16.

12. Золотое ожерелье изъ шариковъ и съ коробкою для благовоній.

На нашемъ рисункѣ изображена только часть этого ожерелья, въ которомъ всего до 30 шариковъ. Привѣшенная къ нему бычачья голова выливной работы и удивительно изящной отдѣлки. Голова эта пуста и закрывается сзади плоскою крышкою, какъ коробка.

Найдена Г. Ашиномъ въ 1841 г. въ Аджл-Мушкаѣ, въ плитовой гробницѣ. (См.

Введеніе, стр. LXIV.)

Въ нашемъ собраніи есть еще другая, подобная этой, коробка для духовъ, въ видѣ бычачьей головы, но меньшаго размѣра. (Смотри еще другія на рис. XXIV. 20. 21.)

Мы уже сѣзали, что въ древности подобная изысканность туалета встрѣчалась въ ожерельяхъ. (См. описаніе Р. VII. 11. 11*.)

14. Завонка для застегиванія тунники.

Она сдѣлана въ видѣ овально свернутого два раза прута; на концахъ его насажена трубка, украшенная сканною работою и пирамидою изъ шариковъ, на вершинѣ которой находится дѣтское лотуся.

¹ Рапортка: Delphi und Melaine. фиг. 3. 4.

² Рапортка: Тамъ же. фиг. 8.

³ Museo Borbonico. T. VI. P. XXIII. Въ Февралѣ 1854 г. Графъ А. А. Пировскій прислалъ въ Эрмитажъ золотую будаку, украшенную головою негра изъ сердолика, изображенную на Р. XII*. Въ Эрмитажѣ есть кромѣ того двѣ головы негровъ, совершенно сходныя съ находящеюся на вышеозначенной будакѣ и составляющая, вѣроятно, подвѣски ожерелья; одна изъ нихъ стеклянная, другая изъ пасты.

évident que ces masques étaient des ornements de collier; ce que confirme d'ailleurs l'existence dans notre collection de deux autres masques, tout à fait semblables au No. 9, suspendus chacun à une chaînette courte, et qui n'ont pu être que des pendeloques.

Le No. 6 offre la tête d'un nègre. Nous savons par les monuments que la race noire, à cheveux crépus, était connue dans l'antiquité.

Un rhyton de la collection céramographique du Musée de l'Ermitage offre la figure d'un nègre saisi par un crocodile (Salle des vases peints; vitrine No. 22).

Des vases à boire, en terre cuite, du Musée de Berlin, offrent des têtes de négresses.¹ Une pâte de verre, du même musée, offre une tête de nègre, de profil.²

Un bas-relief en marbre, du Musée de Naples, offre un guerrier grec et son cocher, ce dernier sous la figure d'un nègre.³

Les No. 2. 5. 6. 8. 9. ont été trouvés avec les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 6. Les No. 3. 4. 7. ont été envoyés du Musée de Kertch, en 1851.

10. Ce charmant groupe offre deux figures de Scythes, tenant chacun d'une main la même corne à boire, dans une attitude d'intimité et d'abandon qui indique la parfaite et cordiale entente de deux amis qui échangent leurs pensées secrètes sous l'influence de la liqueur de Bacchus. Ces petites figures sont travaillées au repoussé en ronde-bosse. Koul-Oba.

11. Encolure de cerf. Une des ramures du bois est fragmentée. La fraise ou gorge plate qui entoure le cou, est percée de trous qui indiquent que ce bijou, remarquable par la beauté de son exécution, était fixé comme un ornement. Notre collection possède deux figures pareilles.

Trouvées avec les pendants d'oreilles de la Pl. VII. 15. 16.

12. Collier en perles d'or, avec capsule à parfum.

Nous n'avons figuré dans notre planche qu'une partie des perles de ce collier qui en compte une trentaine. La tête de taureau, d'une remarquable beauté, est travaillée au repoussé. Elle est creuse et forme une capsule qui se ferme par derrière, au moyen d'un couvercle plat, exactement comme une petite boîte de nos jours.

АЩИХ. 1841. Hadji-Mouschkai. Tombeau en dalles. Voir notre Introduction, page LXV.

Notre collection possède une autre capsule à parfum, offrant aussi une tête de taureau, mais plus petite que celle-ci (voir d'autres capsules à parfum Pl. XXIV. 20. 21.).

Nous avons exprimé notre opinion que des pendants d'oreilles offraient dans l'antiquité ce raffinement de toilette chez les dames (voir le texte de la planche VII. 11. 11. a.).

14. Agrafe de tunique.

Elle forme un crochet ou double anneau ovale brisé, dont les bouts se terminent par une gorge en filigrane surmontée d'une pyramide granulée, ornée d'une fleur de lotus, d'un travail exquis.

¹ ПАНОВКА: Delphi und Melaine. Fig. 3. 4.

² ПАНОВКА: Ibid. fig. 8.

³ Museo Borbonico. VI. tav. XXIII. Mr. le COMTE PROFFSKY a envoyé à notre musée (février 1854) une épingle en or, ornée d'une tête de nègre en sardoine qui figure dans notre planche supplémentaire XII. a. L'Ermitage possède en outre deux têtes de nègres, très-semblables à celle de l'épingle ci-dessus, l'une en verre, l'autre en pâte, ayant servi très-probablement comme pendeloques de collier.

Въ нашемъ собраніи четырнадцать подобныхъ запонокъ; десять золотыхъ, двѣ серебряныя и двѣ изъ вызолоченной бронзы. Изъ нихъ шесть запонокъ присланы въ Эрмитажъ Графомъ Л. А. Перовскимъ, остальные найдены въ разныхъ курганахъ, разрытыхъ въ 1839 и 1844 годахъ Гр. Ашикомъ и Кларейшею въ окрестности Подгорнаго Кордона и завода Князя Херхеуидзева.

Прекрасныя запонки снѣ, вѣроятно, служили для застегиванія туннги. Мы видимъ на многихъ древнихъ статуяхъ круглыя бляхи около мыши, гдѣ *непелосъ* собранъ въ нихъ складками.¹ На одной изъ Амазонокъ нашей раскрашенной вазы, (Р. XII. фиг. 2.) замѣчается, у праваго бока, подобная бляха, которою застегнутъ ея *монопелосъ* или короткая тунника. Бляхи эти не что иное, какъ запонки. У Гомера онѣ названы *тербѹч*. Наши запонки должны были вѣдаться коцами въ кольца, пришитыя къ платью. Видъ ихъ, кажется, послужить въ объясненію того мѣста *Иліады*,² гдѣ говорится о золотой запонкѣ *непелоса*, о которой, по насмѣшливому замѣчанію Минервы, Венера ранила себѣ руку? О *непелосѣ*, предложенномъ Печеломъ однимъ изъ ея поклонниковъ, Гомръ говоритъ,³ что онъ былъ украшенъ двѣнадцатыо золотыми запонками.

13. 15. 16. 17. 18. 19. 20. Поясные пряжки.

NNo. 13. 15. 16. 17. и 18. изъ цѣльнаго золота. No. 13. упрямъ красною эмалью; No. 16. съ хризолитами и двумя гнѣздами, въ которыхъ, кажется, была финифть. Мы изобразили подлѣ этой последней пряжки и золотой съ эмалью наконечникъ пояса, вѣшавшійся въ кольца пряжки.

Изъ сихъ пряжекъ тѣ, которыя изображены подлѣ NNo. 15. 17. и 18. были найдены Г. Ашикомъ въ 1844 г. близъ завода Князя Херхеуидзева; NNo. 13. и 16. въ гробницѣ смѣшной съ упомянутою въ описаніи Р. IV. 1. и вмѣщавшей въ себѣ оставъ мужчины.

Пряжки No. 19. и 20. золотыя басменные и служили только погребальнымъ украшеніемъ, въ видѣ оправы перевязи меча, но всѣ прочія суть настоящія пряжки, употреблявшіяся лицами, похороненными въ тѣхъ гробницахъ, гдѣ были найдены эти пряжки.

Въ 1854 году доставлены были въ Эрмитажъ Графомъ Л. А. Перовскимъ золотыя бляхи въ видѣ пряжекъ, подобныя No. 20, найденныя въ окрестности Саваной ставни, гдѣ полагають древнюю Фанагорію. Эти бляхи уже не могли войти въ число изображеній нашего рисунка, но онѣ подтверждаютъ сказанное нами выше объ украшеніяхъ перевязи меча, сдѣланныхъ единственно для похоронъ, потому что на сихъ бляхахъ выпукло представленъ гевій смерти (*Θάνατος*) съ обернутымъ внизъ свѣточемъ. Легковѣсность этихъ бляхъ и небрежность работы явно показываютъ, что онѣ были приготовлены только для протезы и похороннаго обряда (См. дополнительный рисунокъ XII*).

¹ См. статую Дианы, застегивающей туннику. *Clavier Mus. de Sculpt* P. 235. No. 1208.

² *Иліада*. V. 424. 425.

³ *Одиссея*. XVIII. 291—293

Notre collection possède quatorze agrafes pareilles; dix en or, deux en argent, deux en bronze doré. Elles ont été trouvées par paire. Six nous ont été envoyées par Mr. le COMTE PEROFFSKY; les autres proviennent de divers tumulus des environs du poste de douane Podgornoï et de la fabrique du prince Kherkheoulidseff, explorés par MM. KAREISCHA et ASCHIK, en 1839 et en 1841.

Ces belles agrafes ont servi, très-vraisemblablement, à attacher les plis d'une tunique. On voit dans beaucoup de statues antiques des plaques rondes qui retiennent aux défauts des épaules les plis du *peplos*.¹ Une des figures d'Amazones de notre vase, Pl. XLI. fig. 2., a au côté droit une plaque pareille qui retient son *monopeplos* ou tunique courte. Ces plaques sont des agrafes. HOMÈRE leur donne le nom de *πεπώνη*. Les bouts des nôtres devaient s'engager dans des anneaux cousus à l'étoffe du vêtement. Leur forme ne semble-t-elle pas expliquer ce passage de l'Iliade², où il est fait mention de l'agrafe en or d'un *peplos* qui, au dire malicieux de Minerve, a pu blesser Vénus à la main? En parlant du *peplos* offert à Pénélope par un de ses prétendants, HOMÈRE³ dit qu'il était enrichi de douze agrafes d'or.

13. 15. 16. 17. 18. 19. 20. Boucles de ceinturon.

Les No. 13. 15. 16. 17. 18. sont en or massif; le No. 13. est orné d'émail rouge; le No. 16. est enrichi de chrysolithes et de deux chatons qui paraissent avoir été émaillés. Nous avons figuré à côté de ce dernier numéro la garniture en or et émail vert du bout du ceinturon qui s'engageait dans les anneaux de l'agrafe.

Les No. 15. 17. 18. ont été trouvés dans un tombeau, près de la fabrique du prince Kherkheoulidseff (ASCHIK. 1841.); les No. 13. 16. dans un tombeau voisin de celui dont il est fait mention dans le texte de la planche IV. 1. qui renfermait un squelette d'homme.

Les No. 19. 20., formés de feuilles d'or très-minces, ne sont que des ornements funéraires, simulant la garniture d'un ceinturon de glaive; tandis que les autres numéros sont des garnitures véritables qui avaient appartenu au personnage du tombeau.

Des plaques à boucle en or, pareilles de forme au No. 20, trouvées dans un tumulus aux environs de la station de Sennaia, emplacement présumé de l'ancienne Phanagorie, ont été envoyées à notre musée (1854) par Mr. le COMTE PEROFFSKY. Il était trop tard pour les reproduire dans notre planche; mais elles confirment ce que nous avons dit plus haut sur ces garnitures de glaive exécutées pour le jour des funérailles; car elles offrent, travaillée au repoussé, la figure du génie de la Mort (*Θάνατος*), tenant son flambeau renversé; et leur exécution légère indique clairement qu'elles avaient été faites à la hâte pour la cérémonie de la *prothèse* et des funérailles. (Voir la planche supplémentaire XII*).

¹ Voyez la statue de Diane agrafant sa tunique. CLARAC: Mus. de Sculpt. Pl. 285. No. 1208.

² Iliade. V. 424. 425

³ Odyssée. XVIII. 294—293.

РИСУНОКЪ XXXIII.

ВЕЩИ ИЗЪ ЭЛЕКТРУМА.

СОСУДЪ, НАЙДЕННЫЙ ВЪ КУЛЬ-ОБСКОЙ ГРОБНИЦѢ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВѢЛЧИНУ; ВѢСЪ 777½ СОЛЮТЪ.

Точно воспроизведеніе сего великолѣпнаго сосуда во всей его красотѣ рисункомъ, съ сохраненіемъ всего характера изображенныхъ на немъ фигуръ должно отнести къ предпріятіямъ, за которыя охотно принимаются художники съ большимъ талантомъ, какъ Г. Пикарь, выполнившій эту задачу съ замѣчательнымъ успѣхомъ.

Сосудъ этотъ представляетъ намъ вѣрное изображеніе лицеочертанія и одежды Скиновъ, того народа, посреди котораго смѣяны переселенцы съ Ионическихъ острововъ основали торговые города въ 6-мъ и 5-мъ столѣтіи предъ Р. Х.

Въ фигурахъ этого сосуда, съ перваго взгляда, всего болѣе бросается въ глаза ихъ сходство съ нашими крестьянами великороссійскихъ губерній. Короткій полуфтанъ, сукнованный или кожанный, смотря по времени года, стянутый поясомъ, широкіе штаны, засученные въ короткіе сапоги, борода и отпущенные волосы, все это составляло одежду до такой степени соответствовавшую климату, что она, очевидно, не могла подвергнуться никакому измѣненію въ продолженіи столѣтій и должна была сохраниться до нашего времени во всей своей первоначальной простотѣ.

Замѣтимъ во-первыхъ, что изъ древнихъ памятниковъ, представляющихъ одежду народовъ, называвшихся у Грековъ и Римлянъ варварскими, мы ни на одномъ не встрѣчаемъ такой обуви, какъ на нашемъ сосудѣ. На барельефахъ колоннъ Траяна и Антонина, на которыхъ одежда придунайскихъ народовъ¹ представлена совершенно вѣрно, они изображены въ широкихъ штанахъ, *стянутыхъ* на

¹ Р. САНТИ ВАКТОЛІ: Colonna Траяна. Р. 17. по 143. Изображенный на 104 рисунокъ Царь Декевалъ ни чѣмъ не отличается отъ своихъ воиновъ, ни штанами, ни обувью; и Colonna Сосіа. Р. 10. по 73

PLANCHE XXXII.

OBJETS EN ELECTRUM.

VASE DU TOMBEAU DU KOUL-OBA.

GRANDEUR NATURELLE. POIDS 77¼ ZOLOTHS.

Reproduire ce vase unique dans toute sa beauté, et avec tout le caractère qu'offrent ses figures, était une de ces tâches que les artistes éminents aiment à s'imposer, et que Mr. Piccard a remplie avec une très-remarquable habileté.

Nous avons sur ce vase la représentation fidèle de la physionomie et du costume des Scythes, au milieu desquels les hardis colons de l'Ionie étaient venus fonder leurs villes de commerce, au sixième et au cinquième siècle av. J. C.

Ce qui frappe à la première vue dans les figures de ce beau vase, c'est la ressemblance du type avec celui du peuple des campagnes dans la Grande-Russie. La tunique courte, en gros drap ou en peau, suivant la saison, serrée à la taille par une ceinture, les pantalons larges descendant dans une botte courte, la barbe et les cheveux longs, le tout constituant un de ces costumes si admirablement appropriés au climat, qu'il est évident que les siècles n'ont pu le changer, et qu'il est arrivé jusqu'à nos jours avec sa simplicité primitive.

Remarquons tout d'abord que parmi les monuments antiques offrant le costume des peuples dits barbares par les Grecs et les Romains, on ne retrouve nulle part cette forme de chaussure. Les bas-reliefs de la Colonne Trajane et de la Colonne Antonine qui reproduisent fidèlement le costume des peuples du Danube¹, les offrent en pantalons larges, serrés au bas de la jambe, et les pieds chaussés de souliers lavés

¹ P. SANTI BARTOLI: Colonna Trajana. Pl. 47 à 413. Dans la 104me planche, le roi Décébale lui-même ne diffère de ses guerriers ni par le pantalon, ni par la chaussure; et Columna Cochlís. Pl. 40 à 73.

концы ноги, и въ зашированныхъ башмакахъ или полусапогахъ. Тоже самое мы видимъ и на статуяхъ, изображающихъ пловчихъ Царей, въ Римѣ, Неаполѣ и другихъ мѣстахъ.¹

Островочная шапка, довольно низко закрывающая затылокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ достаточно широкая, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было ее надѣть поверхъ скупфы, составляетъ головную покрывку, какъ нельзя лучше приспособленную къ суровому климату. Употребляемый на Кавказѣ *башлыкъ* есть точная копія съ этой шапки. Эта шапка видна впрочемъ и на упомянутыхъ выше статуяхъ и, кажется та самая, которая у латинскихъ писателей называется *cucullus*.

Изображенная на нашемъ сосудѣ сцена (представленная подъ No. 2-мъ развернутою) происходитъ на дугу, на которомъ видны цѣпты.

Главное лицо этой сцены, сидя на буторѣ, съ пояскомъ на головѣ, сдерживающему волосы, опирается руками на копы и, кажется, прислушивается къ разсказу сидящаго передъ нимъ на копыцахъ воина. Рѣчь идетъ, вѣроятно, о какомъ нибудь предпріятіи или набѣгѣ и потому слѣдующій за ними воинъ, сидя настигающій на дугѣ своей тетиву, какъ это еще и нынѣ дѣлаютъ Татары, конечно не безъ умысла влючекъ въ наше изображеніе, представляющее, можетъ быть, нѣсколько эпизодовъ одного и того же событія. Описанное нами первое лицо опять находимъ во второй и третьей группѣ. Въ одной изъ нихъ онъ представленъ раненымъ въ ротъ; все его положеніе и черты лица выражаютъ боль, претерпѣваемую имъ во время операціи, которая надъ нимъ производится; въ послѣдней группѣ онъ раненъ въ ногу и, кажется, самъ руководитъ перевязкою ея. Сходство его съ лицомъ сидящаго на буторѣ ясно показываетъ, что въ обоихъ случаяхъ хотѣли представить одного и того же человѣка.

Украшенія полушафтеновъ и штановъ, кажется, либо строченныя, либо состоящія изъ блестящихъ, можетъ быть золотыхъ, какъ изображенныя на рис. XX—XXII. Налучъ съ колчаномъ на немъ, формою походить на Геркулесовскій, какой мы видимъ на нѣкоторыхъ памятникахъ.²

Сосудъ этотъ самой изысканной вышивной работы и сдѣланъ съ большимъ искусствомъ. Онъ представленъ на нашемъ рисункѣ съ такою точностію въ изображеніи цѣлага и всѣхъ деталей, что не нуждается въ дальнѣйшемъ поясненіи. Это явно произведеніе греческаго художника, работавшаго съ натуры и, такъ сказать, портретировавшаго свои изображенія.

Извѣстно, что *электрумомъ*, металломъ изъ котораго сдѣлана эта ваза, называютъ золото блѣдно — желтаго цвѣта, сообщающагося ему примѣсью серебра. По показанію Плинія золото тогда называлось *электрумомъ*, когда оно состояло изъ четырехъ частей золота и одной части серебра.³ Гомеръ говоритъ, что дворецъ Менелая блестялъ золотомъ, *электрумомъ*, серебромъ и слоновою костью.⁴ Елена посвятила чашу изъ *электрума* Минервину храму въ Лидѣ, на островѣ Родосъ.⁵ Самородному *электруму* приписывали свойство обнаруживать присутствіе яда.⁶ Между древними медалями весьма много изъ сего металла.

Нѣкоторые археологи означали вышивную работу названіемъ *sphyrælaton*, что есть только греческое слово, служащее объясненіемъ того, какъ эта работа производилась (*σφυράτων* = *malleo ductum*).

¹ CLARAC: Mus. de Sculpt. P. 848 B. No. 2161 K.; P. 852. No. 2161 D. E.; P. 853. No. 2163; P. 854. No. 2162 No. 2161 A. B.; 854 B. No. 2161. F. G.

² VISCONTI: Mus. Pio-Clem. T. IV. P. XLIII.

³ Плиній: Кн. XXXIII. гл. 23.

⁴ Одиссея. IV. 73.

⁵ Плиній: Кн. XXXIII. гл. 23.

⁶ Плиній: Тамъ же.

ou de brodequins. Il en est de même dans les statues, à Rome, à Naples et ailleurs, offrant des figures de rois captifs.¹

Le bonnet en pointe, descendant assez bas pour recouvrir entièrement le cou et assez large pour s'adapter au besoin par dessus une calotte, est une coiffure très-bien appropriée à un climat sévère. Le *bachelik* en usage au Caucase n'en est que la copie fidèle. Ce bonnet d'ailleurs se voit dans les statues mentionnées ci-dessus, et paraît être le *cucullus* des auteurs latins.

La scène figurée sur le vase (elle est déroulée dans le No. 2. de notre planche) se passe dans une prairie, car la terre est émaillée de fleurs.

Le principal personnage assis sur un petit tertre, les cheveux retenus par une bandelette ornée, les mains appuyées sur sa lance, dans une pose qui exprime l'attention, écoute le récit que semble lui faire le guerrier agenouillé devant lui. Il s'agit d'une expédition qui va être entreprise; et le guerrier qui suit, occupé à bander un arc, dans une attitude qui est encore celle que prennent en pareil cas les Tatars, est placé avec intention dans la composition du sujet qui offre vraisemblablement plusieurs épisodes d'une même histoire. Le premier personnage reparaît dans le second et dans le troisième groupe. Blessé à la bouche, son attitude et sa physionomie expriment la douleur que lui cause l'opération qu'il subit. Blessé à la jambe, il semble diriger lui-même l'opération du pansement. Dans ce dernier groupe la ressemblance du profil avec celui du personnage assis indique la même figure.

Les ornements de la tunique et du pantalon semblent offrir tantôt une broderie piquée, tantôt des plaques de métal, peut-être en or, comme celles de nos planches XX à XXII. Le coryte à carquois offre dans sa forme du rapport avec celui d'Hercule figuré dans quelques monuments.²

Ce vase, travaillé au repoussé, est d'une grande beauté d'exécution. Notre planche en reproduit si fidèlement l'ensemble et les détails, qu'elle nous dispense d'explications. C'est l'oeuvre évidemment d'un artiste grec qui a travaillé d'après nature, et fait poser, pour ainsi dire, ses personnages.

L'*electrum* qui est la matière de ce vase est, comme on le sait, un or d'un ton pâle, dû à un alliage d'argent. Suivant PLIN, quand l'argent formait un cinquième de la masse, l'or se nommait *electrum*.³ HOMÈRE rapporte que le palais de Ménélas était resplendissant d'or, d'*electrum*, d'argent et d'ivoire.⁴ Hélène consacra une coupe d'*electrum* dans le temple de Minerve, à Linde, dans l'île de Rhodes.⁵ On attribuait à l'*electrum* natif la propriété de déceler la présence du poison.⁶ Un assez grand nombre de médailles antiques sont en *electrum*.

Quelques archéologues ont désigné l'art du travail au repoussé sous le nom de *sphyrélaton*, qui n'est que le mot grec indiquant le procédé (*σφυρήλατον* = *malleo ductum*). PLIN emploie l'expression

¹ CLARAC: Mus. de Sculpt. Pl. 848 B. No. 2161 K.; Pl. 852. No. 2161 D. E.; Pl. 853. No. 2163; Pl. 854. No. 2162. No. 2161 A. B.; Pl. 854 B. No. 2161 F. G.

² VISCONTI. Mus. Pie-Clém. To. IV. Tav. XLIII.

³ PLIN. Liv. XXXIII. ch. 23.

⁴ Odyssée. IV. 73.

⁵ PLIN. Liv. XXXIII. ch. 23.

⁶ PLIN. Ibid.

Плиний называетъ бронзовыя статуи, сдѣланныя по сему способу — *holosphyraton*.¹ Должно предполагать, что эта работа была известна въ самой отдаленной древности. Въ эпиграмѣ, помѣщенной въ Антологіи, упоминается о золотой статуѣ Минервы выбивной работы.² Изъ числа весьма немногихъ древнихъ памятниковъ этой работы, до насъ дошедшихъ, мы назовемъ прекрасную серебряную вазу Неаполитанскаго Музея, представляющую Гомеру апофеозу³, и двѣ серебряныя вазы, найденныя въ Нормандіи и опубликованныя Рауль-Роситтомъ⁴ и изъ коихъ на одной изображена смерть Патрокла и выкупъ тѣла Гектора, на другой мщеніе Ахилла и смерть сего героя. И такъ публикуемая здѣсь ваза, а равно и тѣ, которыя изображены на двухъ слѣдующихъ рисункахъ, суть весьма важныя памятники выбивнаго дѣла въ Греціи.

Эта ваза найдена въ Куль-Обской гробницѣ, гдѣ стояла у ногъ Царя (см. Планъ А. фиг. ш.) и безъ сомнѣнія принадлежала ей, составляя для нея драгоценный предметъ, съ которымъ связана была память замѣчательнаго событія, можетъ быть похода, въ которомъ Царь былъ два раза раненъ. Дюбрюксъ въ своемъ рапортѣ (см. Введеніе) положительно говоритъ, что въ нижней челюсти Царя «*недоставало двухъ зубовъ, и что третій былъ больной, отчего челюсть напухла.*» И точно, на нашемъ сосудѣ операція производится надъ лѣвою нижнею челюстію больного. Лице его, обращенное къ намъ прямо и искаженное болью, не позволяетъ судить о сходствѣ его съ сидящимъ на бугоркѣ человѣкомъ, тогда какъ это сходство разительно между этимъ послѣднимъ и раненымъ въ ногу человѣкомъ.

Нашъ сосудъ уже былъ опубликованъ въ сочиненіи Дюбюа,⁵ но изображеніе сдѣлано тамъ не довольно отчетливо, какъ въ отношеніи деталей, такъ особенно характера фигуръ; даже не видно, что онѣ выпуклы. Тоже самое должно замѣтить и касательно изображеній другихъ сосудовъ, равнымъ образомъ уже опубликованныхъ въ сочиненіи Дюбюа, которые мы предлагаемъ на слѣдующемъ рисункѣ.

Что касается до назначенія, какое имѣть этотъ сосудъ, то его можно отнести къ застольнымъ, подобно прекраснымъ сосудамъ, изображеннымъ на рис. XXXIV. и XXXV. 3.

¹ Плиний: Кн. XXXIII. гл. 24.

² χρυσῆ σφύρατος. См. Валуа: *Analect.* II. стр. 488.

³ Zahn: *Die schönsten Ornate.* etc. III. 28.

⁴ Raoul-Rosette: *Museum. inéd. d'antiq.* fig. P. LII. LIII.

⁵ Dubois: *Voyage autour du Caucase* etc. IVme Série. P. XXII. 4. XXIV. 4.

*holosphyraton*¹, pour désigner les statues en bronze obtenues par ce procédé. Il paraît que le travail au repoussé a été connu dès les temps les plus anciens. Il est fait mention dans une épigramme de l'Anthologie d'une statue de Minerve, en or, fabriquée de cette manière.² Parmi le très-petit nombre de monuments de cet art parvenus jusqu'à nous, nous citerons le beau vase en argent du Musée de Naples offrant l'apothéose d'HOMÈRE³, et les deux vases en argent, trouvés en Normandie, publiés par RAOUL-ROCHETTE⁴, représentant l'un la mort de Patrocle et le rachat d'Hector, l'autre la vengeance d'Achille et la mort de ce héros. Notre beau vase et ceux des planches suivantes sont donc de bien remarquables monuments de l'art du repoussé chez les Grecs.

Ce vase était placé dans le tombeau du Koul-Oba, vers les pieds de la reine (voir le Plan A. m.); il devait lui appartenir; et c'était vraisemblablement un objet précieux destiné à conserver le souvenir d'un fait remarquable, comme celui d'une expédition dans laquelle le roi aurait été blessé deux fois. DURRUX dans sa relation (voir notre Introduction) dit, très-explicitement, que dans la mâchoire inférieure du roi «il manquait deux dents, et qu'une troisième était atteinte d'une maladie qui avait fait enfler la mâchoire.» L'opération que subit le personnage se pratique évidemment au côté gauche de la mâchoire inférieure. Le visage, vu de face et contracté par la douleur, ne permet pas de distinguer la ressemblance des traits qui est frappante dans la figure assise et dans celle du troisième groupe.

DUBOIS a publié ce vase⁵, mais d'une manière qui laisse beaucoup à désirer dans les détails et surtout dans le type des figures dont le repoussé n'est pas même indiqué. Nous ferons la même observation sur les vases de la planche suivante.

Quant à sa destination, il est à supposer que c'était une coupe de festin, comme les beaux vases de la Pl. XXXIV. et de la Pl. XXXV. 5.

¹ PLIN. Liv. XXXIII. ch. 24.

² χρυσή σφυρήλατος, voyez BRUNCK: Analect. II. p. 488.

³ ZAHN: Die schönsten Orn. etc. III. 28.

⁴ RAOUL-ROCHETTE: Monum. inéd. d'antiq. fig. Pl. LII. LIII.

⁵ DUBOIS. IVme Série. Pl. XXII. 4. XXIV. 4.

РИСУНОКЪ XXXIV.

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

ВАЗЫ, НАЙДЕННЫЯ ВЪ КУЛЬ-ОБСКОЙ ГРОБНИЦѢ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ БЕЛАРИНУ.

Форма этихъ вазъ тождественна съ формою сосуда, изображеннаго на предыдущемъ листѣ. Онѣ находились въ Куль-Обской гробницѣ, на одномъ изъ круглыхъ подносовъ, стоявшихъ на полу склепа (Планъ А. фиг. h) и, вѣроятно, служили застольными кубками, которые передавались пирующими изъ рукъ въ руки, ибо, будучи внизу круглы, не могли быть поставлены на столъ.

Ваза No. 4. (см. развернутый сюжетъ ея подъ No. 2.) нѣсколько повреждена окисью. Фигуры и украшения на этой вазѣ выбивной и чеканной работы и исполнены въ весьма широкомъ стилѣ. Дюбуа, издавший эту вазу (Р. XXIII. 4. XXIV. 3.), называетъ животное, схватившее за горло оленя, пожираемаго сзади львомъ, *самкою индѣйскаго ловеца тигра*; другое такое же животное видно и позади льва.

Ваза, изображенная подъ No. 3. и которой сюжетъ представленъ развернутымъ подъ No. 4, также нѣсколько повреждена окисью, но въ счастіе она не тронула фигуръ, которыя выпукло отчеканены и позолочены и такимъ образомъ весьма ясно отдѣляются на матовомъ грунтѣ вазы. Ваза эта по стилю и исполнению стоитъ еще выше первой и изображена на нашемъ рисункѣ Г. Пикаромъ съ удивительною

* Индѣйскій левчій тигръ (*felis jubata*) едва былъ извѣстенъ древнимъ; по Лескиону естественныхъ наукъ (Т. VIII. стр. 213.) онъ водится въ Южной Азій. По отзыву Г. Академика А. Ф. Миддендорфа, на нашей вазѣ изображены левъ, львица и львенокъ или львица, еще не рождавшая. На всѣхъ ихъ мы видимъ пучокъ волосъ на концѣ хвоста, что составляетъ особенность львиной породы.

PLANCHE XXXIV.

OBJETS EN ARGENT.

VASES TROUVÉS DANS LE TOMBEAU DU KOUL-OBA.

GRANDEUR NATURELLE.

Les deux vases qu'offre cette planche se trouvaient sur un des plateaux ronds déposés sur le sol du caveau du Koul-Oba (Plan A. fig. h.). Pareils de forme au vase de planche précédente, ils semblent avoir servi de coupes de festin que l'on se passait de main en main, car n'ayant pas de pied, leur fond arrondi avait besoin d'un appui.

Le No. 1., dont le sujet est déroulé No. 2., a un peu souffert de l'oxyde. Les figures et les ornements, travaillés au repoussé et ciselés, sont d'un très-grand style. Duvois, qui a publié ce vase (Pl. XXIII. 4. XXIV. 3.), désigne comme un *guépard femelle*¹ l'animal qui saisit à la gorge le cerf terrassé par un lion, derrière lequel est une autre figure de guépard.

Le No. 3., dont le sujet est déroulé No. 4., a également un peu souffert de l'oxyde qui a respecté heureusement les figures travaillées au repoussé et dorées, de manière à se détacher avec beaucoup d'effet sur le ton mat de l'argent. Le style et l'exécution en sont encore plus remarquables que dans le vase précédent, et la main habile de Mr. Piccard en a reproduit tous les détails de la manière la plus vraie et

¹ Le *guépard* (felis jubata) ou tigre chasseur qui, suivant le Dictionnaire des sciences naturelles (To. VIII. p. 213), se trouve dans l'Asie méridionale, était à peine connu des anciens. Mr. DE MINDENDORFF a reconnu dans les animaux figurés sur ce vase un lion, une lionne et un lionceau ou une lionne n'ayant pas encore porté. Toutes ces figures d'animaux ont une touffe de poil au bout de la queue, signe caractéristique qui n'appartient qu'au lion.

вѣрностію. Мы видимъ здѣсь три группы животныхъ: дикаго козла,¹ на котораго нападаютъ два грифа; оленя, пожираемаго сзади львомъ, а спереди угрожаемаго, по мнѣнію Дюбуа, самою надѣйскимъ ловчаго тигра,² и наконецъ кабана, терзаемаго львомъ.

Дюбуа говоритъ объ этой вазѣ слѣдующее: «Мы видимъ въ изображеніяхъ этой вазы явный умыселъ художника. Фанагорійскій левъ и Пантикапейскій грифъ не безъ намѣренія представлены вслѣдствіе побѣдителями, тогда какъ Херсонисскій олень и Кубанскій кабанъ всегда ими поражаются.» (Т. V. стр. 206. 207.) Въ выноскѣ же на 207 стр. онъ говоритъ: «Не должно забывать, что древняя Колхидъ, призываемая къ Босфорскому Царству, называлась Кадзарія, именемъ, происходящимъ отъ Кадзаро, что значитъ козель.»

Намъ нечего прибавить къ этому аллегорическому объясненію побѣдъ Левонидовъ надъ ихъ Херсонисскими и Кавказскими врагами, кромѣ развѣ того, что оно по видимому еще подтверждается изображеніемъ на прекрасныхъ медальонахъ изъ сжевой глины, найденныхъ въ 1853 году въ гробницѣ близъ древней Теодосіи, гдѣ по распоряженію Графа Л. А. Перовскаго были произведены раскопанія и найдены древніе памятники, не уступающіе вырѣзкамъ въ Куль-Обскомъ курганѣ.

Этихъ медальоновъ числомъ семь, они служили украшеніемъ гроба. На всѣхъ изображенъ одинъ и тотъ же сюжетъ: всадникъ верхомъ на грифѣ, поражающій оленя. Въ этомъ представленіи можетъ быть заключается намекъ на побѣду Левка надъ Херсонисцами и завладѣніе имъ такимъ образомъ Теодосіею. Херсонисцы же изображены тутъ подъ видомъ оленя, встрѣчаемаго на медальѣхъ древняго Херсона.

Въ нашихъ вазахъ бѣса около 36 золотниковъ въ каждой.

¹ Мы должны обязательному посредству Г. Академика А. Ф. Миддендорфа возможности удостовѣриться въ томъ, что изображенное здѣсь животное по окладу головы и въ особенности по расположенію роговъ совершенно сходно съ породою дикаго козла, называемаго туромъ (aegoceros caucasicus); экземпляръ сего животного, находящійся въ академическомъ зоологическомъ Музѣ, присланъ съ Кавказа.

² Такъ какъ хвостъ этого животного оканчивается пучкомъ волосъ, то ясно, что это левина.

la plus heureuse. On y distingue trois groupes d'animaux: un bouquetin¹ attaqué par deux griffons; un cerf terrassé par derrière par un lion, et attaqué à la gorge par un guépard femelle, suivant DUBOIS²; un sanglier terrassé par un lion.

DUBOIS dit en parlant du sujet de ce vase: *«Il y a intention manifeste dans les reliefs. Le lion de Phanagorie et le griffon de Panticapée ne sont pas représentés toujours victorieux sans intention; tandis que le cerf de Cherson, le bouquetin du Caucase et le sanglier du Kouban sont sans cesse terrassés et vaincus par eux (Tome V. pag. 206, 207)»*. Il dit en note (au bas de la page 207): *«Ne perdons pas de vue que l'antique Colchide, qui fait partie par conquête du royaume du Bosphore, s'appelait Kadzaria, et que ce nom venait de Kadzaro, un bouc»*.

Nous n'avons rien à ajouter à cette interprétation allégorique des victoires des Leuconides sur leurs ennemis de la Chersonèse et du Caucase, que la sagacité de DUBOIS lui suggère, sinon qu'elle nous semble justifiée par l'allégorie qu'offrent les magnifiques médaillons en terre cuite découverts, en 1853, dans un tombeau du sol de l'ancienne Théodosie, où les fouilles entreprises par la sollicitude de S. E. Mr. le COMTE PEROFFSKY ont mis au jour des monuments antiques qui ne le cèdent point à ceux du Koul-Otha, et offrent une nouvelle révélation de l'art grec dans ces contrées.

Ces médaillons, au nombre de sept, formaient l'ornement d'un cercueil. Ils offrent le même sujet: un cavalier monté sur un griffon terrassant un cerf; ce qui pourrait être une allusion aux victoires qui avaient valu à Leucon la conquête de Théodosie enlevée aux Chersonésiens, personnifiés par le cerf qui se voit sur les médailles de Cherson.

Le poids de chacun des vases de cette planche est d'environ 36 zolotniks.

¹ Mr DE MIDDENDORFF a constaté que, par la ressemblance de la tête et surtout par la disposition des cornes, l'animal figuré sur ce vase a tout à fait la physionomie du bel échantillon de l'espèce de bouquetin nommé en russe туръ (aegoceros caucasicus) qui se trouve au Musée zoologique de l'Académie des sciences, et qui y a été envoyé du Caucase.

² La queue de l'animal se terminant par une touffe de poil indique clairement que c'est une lionne.

РИСУНОКЪ XXXV.

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

ВАЗЫ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЙ РЕДАКЦІИ.

Небольшая ваза, изображенная под № 4, несколько попорчена ярью, которая разрушила дно вазы. Фигуры (см. под № 2.) выбитной и чеканной работы въ прекрасномъ стилѣ и украшены позолотою. Онѣ представляютъ дикихъ утокъ, плывущихъ въ водѣ, хватая рыбъ.

Найдена Г. Ашикомъ въ 1835 г., въ плитовой гробницѣ, въ Катермесь. См. описаніе Р. XVIII. 11.

3. Небольшая ваза, подобная предъидущей. Изображенія, находящіеся на этой вазѣ (см. под № 4.) мѣстами разбѣдены ярью. Онѣ представляютъ любопытную сцену Амуровъ, парящихъ въ воздухѣ, играя съ птицами. Можетъ быть художникъ хотѣлъ представить голубей; но въ такомъ случаѣ крылья ихъ слишкомъ коротки, а шея длинна.

Прислана изъ Керченскаго Музея.

Вазу эту можно принять за сосудъ для духовъ (*жосъ-чѣка*), или за брачный сосудъ (*ча-чѣла*), дарившіеся молодымъ замужнимъ дамамъ; либо, наконецъ, за одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые сохранялись въ память по любимомъ человѣкѣ и назывались *ѣвиз*. (См. описаніе Р. XXXVIII.)

5. Ваза, найденная въ Куль-Обскомъ склепѣ.

(См. планъ А. фиг. h. и Введеніе, стр. XX.) Вѣсъ 56½ золотниковъ.

Изображенія, находящіеся на пояскѣ вазы и представленныя развернутыми под № 6, позолочены, какъ и тѣ, которыя мы видѣли на вазѣ № 3 Р. XXXIV; по стилю и украшеніямъ, обѣ вазы эти должно, кажется, приписать одному и тому же художнику.

PLANCHE XXXV.

OBJETS EN ARGENT.

VASES.

GRANDEUR NATURELLE.

Le petit vase No. 1., dont le sujet est déroulé No. 2., a souffert de l'oxyde qui en a détruit le fond. Les figures, travaillées au repoussé et dorées, sont d'une très-belle exécution. On y distingue des canards sauvages faisant leurs évolutions au sein de l'onde, et attrapant des poissons.

Асчик. 1835. Кате́рлесс. Томbeau en dalles. Voir le texte de la Pl. XVIII. 11.

3. Petit vase pareil. Les figures de la panse, déroulées No. 4., ont été mangées en partie par l'oxyde. Elles offrent une scène charmante: des Amours jouant au milieu des airs avec des oiseaux. On est porté à croire que l'artiste a voulu représenter des colombes; mais en ce cas il leur a donné des ailes trop courtes et un cou trop long.

Envoi du Musée de Kertch.

On peut supposer que nous avons sous les yeux de ces vases destinés aux parfums de la toilette (κοσμητικά), ou de ces *vases de noces* (γαμήλια) que l'on donnait aux jeunes mariées, ou enfin de ces objets que l'on conservait, comme don ou souvenir d'affection, sous le nom de ξένα. (Voir plus loin Pl. XXXVIII.).

5. Vase trouvé dans le caveau du Koul-Oba (voir Plan A. fig. h. et notre Introduction, page XXI.). Poids 56½ zolotniks.

Les figures de la panse, déroulées No. 6., en sont dorées comme celles de la coupe de la Pl. XXXIV. 3.; le style et les ornements indiquent, il semble, la main du même artiste.

Ваза эта уже была издава въ сочиненіи Дюбуа;¹ по мнѣнію его, въ числѣ рыбъ, изображенныхъ на этой вазѣ, можно узнать *губана* и *осетра*,² а между птицами *баклана*. Намъ кажется, что всѣ птицы одной и той же породы, именно: что это дикія утки. Онѣ изображены на нашей вазѣ съ большою отчетливостію и въ превосходномъ стилѣ, и отличной чеканной работы.

Яръ слегка тронула эту вазу, а такъ какъ при выполненіи рисунковъ для нашего Атласа принято было за правило дѣлать ихъ со всевозможною точностію, то и эти слѣды яри означены Г. Пиваромъ на рисункѣ съ величайшею вѣрностію.

¹ Duvois: Voyage etc. P. XXIII. fig. 6.

² Г. Академикъ А. О. Миддендорфъ, основываясь на дикій челюсти, доходящей до носа рыбы, принимаетъ ее не за осетра, а за *щуку*: плазательныхъ же перьевъ нѣтъ на ней ни той, ни другой изъ сихъ двухъ породъ. Рыбу, которую мы видимъ подъ четвертою уткою, съ правдоподобіемъ принять можно за *воронку* (*gobius*), весьма обыкновенную въ Черномъ морѣ рыбу, гдѣ ловятъ множество родовъ ея, весьма сходныхъ между собою. Та же рыба, которую мы видимъ близъ щуки, принадлежить, можетъ быть, къ роду *карпа* или *голавлей*; но на ней также нѣтъ плазательныхъ перьевъ, отличающихъ эти двѣ породы рыбъ.

DUBOIS qui a publié ce vase¹, distingue parmi les poissons un *labre* et un *esturgeon*², et parmi les oiseaux un *cormoran*. Il semble que ces derniers sont tous de la même espèce; et que ce sont des canards sauvages dont les figures sont repoussées et ciselées d'une manière admirable.

L'oxyde a légèrement attaqué ce vase. Mr. Piccard en a fidèlement indiqué les traces, pour obéir à ce système de rigoureuse exactitude que nous nous sommes imposé comme une garantie dans la reproduction de tous nos objets; et c'est pour la même raison que nous n'avons pas dissimulé les légers dommages de l'oxyde et les petits accidents qu'offrent les vases de la planche précédente.

¹ DUBOIS. Pl. XXIII. fig. 6.

² Mr. DE MIDDENDORFF croit que le poisson est un *brochet* et non un *esturgeon*, car la mâchoire inférieure s'allonge jusqu'au bout du museau. Il manque à cette figure des nageoires caractéristiques, autant pour un brochet que pour un esturgeon. Sous la quatrième figure de canard, on reconnaît, avec beaucoup de vraisemblance, un *boulereau* (*gobius*), poisson extrêmement commun dans la Mer Noire où l'on en pêche nombre d'espèces qui se ressemblent beaucoup entre elles. Le poisson près du brochet pourrait appartenir à la famille des *carpes* ou des *muges*, s'il ne lui manquait des nageoires qui caractérisent ces deux espèces.

РИСУНОКЪ XXXVI.

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

ВАЗЫ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ ДРЪ ТРЕТИ НАСТОЯЩЕЙ НЕЛАНЧНЫ.

По отъ названіемъ ритона, *ῥιτόν*, Демосеевъ, Атеней и другіе греческіе писатели означаютъ известный родъ сосудовъ для питья, встрѣчаемый на многихъ древнихъ памятникахъ въ многообразныхъ видахъ, указывая симъ именемъ и на самый способъ его употребленія. Онъ назывался и *αἰτός*, *καίτρος*, *ῥιφ* и *πύραυλος*, когда имѣлъ видъ головы орла, кабана, грифа, Пегаса и т. п.¹ Ритоны обыкновенно дѣлались изъ глины. Въ Музеяхъ Европы ихъ множество.² Въ Эрмитажномъ керамографическомъ собраніи есть семнадцать такихъ ритоновъ; да кромѣ того одинъ, уже упомянутый нами (Р. XXXII.), представляетъ негра, пожираемаго крокодиломъ. Обыкновенно пили изъ ритоновъ какъ и изъ всякаго другаго кубка или сосуда для питья; но иногда на нижнемъ, заостренномъ концѣ есть небольшое круглое отверстіе,³ какъ напр. и на обѣихъ ритонахъ, изображенныхъ на этомъ рисункѣ, изъ которыхъ на No. 1. отверстіе это находится на верхней части нижней челюсти бычьей головы, а на No. 5 въ самой пасти льва. Въ такомъ случаѣ вазы эти должно принять за застольные кубки, подавашіеся охотникамъ до утонченнаго наслажденія въ питьѣ; эфебы, которые ихъ подносили, назывались *ριτεραι*.⁴ Наливая въ ритонъ напитокъ, закрывали упомянутое отверстіе пальцемъ, а чтобы пить приподнимали сосудъ надъ ртомъ и, отнявъ палецъ, давали напитку течъ въ ротъ струею. На любопытной картинѣ Неаполитанскаго Музея можно видѣть, какъ струя жидкости вытекаетъ изъ ритона, который имѣетъ сходство съ нашимъ No. 5. этого рисунка.⁵ У Атеней даже описывается шумъ, который дѣлала струя вытекающая

¹ Раножа: *Recherches sur les noms des vases*, стр. 32, 33.

² Museo Borbonico T. IV. P. XXXV., T. V. P. XX.

³ Тамъ же, Т. VIII. P. XIV. Р. XIV. бронзовый ритонъ, въ видъ оленьей головы, съ серебряными глазами.

⁴ Раножа: Тамъ же.

⁵ Zahn: *Die schönsten Ornath. etc.* P. 90.

PLANCHE XXXVI.

OBJETS EN ARGENT.

VASES.

DEUX TIERS DE LA GRANDEUR NATURELLE.

Rhyton est l'équivalent du nom grec *ρυτόν*, employé par DÉMOSTHÈNES, ATHÉNÉE et autres auteurs pour désigner, par la manière même dont la liqueur en découlait, cette jolie espèce de vase à boire qui se voit dans une foule de monuments, sous des formes très-différentes. On le désignait même sous les noms d'*αἰτός*, de *κίπρος*, de *γρύψ*, de *πύλαος*, quand il offrait une tête d'aigle, de sanglier, de griffon, de Pégase, etc.¹ Il est ordinairement en terre cuite. Les musées en Europe en possèdent une foule de cette nature.² Il y en a dix-sept dans la collection céramographique de l'Ermitage. Un dix-huitième que nous avons cité (Pl. XXXII.) offre la figure d'un nègre saisi par un crocodile. On s'en servait ordinairement comme d'une simple coupe à boire; mais quelquefois ces rhytons offrent à leur partie en pointe une petite ouverture ronde³, qui est au haut de la mâchoire inférieure dans le No. 1. de notre planche, et au milieu de la gueule du lion dans le No. 5. Nous croyons qu'alors ces vases étaient des coupes de festin que l'on présentait aux convives qui voulaient se livrer au plaisir raffiné de la boisson. Les éphèbes qui les distribuaient s'appelaient *rhythères*.⁴ Pour en faire usage, on tenait fermée avec le doigt la petite ouverture; on remplissait le vase, on l'élevait au-dessus de la bouche, et, en écartant le doigt, on laissait jaillir le filet de la liqueur. Une peinture très-intéressante qui est au Musée de Naples⁵, montre ce jet s'échappant d'un rhyton semblable de forme au No. 5. de cette

¹ ПАНОВКА: Recherches sur les noms des vases. p. 32. 33.

² Museo Borbonico. IV. Tav. XXXV., V. Tav. XX

³ Ibid. VIII. Tav. XIV. Rhyton en bronze; à tête de cerf, avec des yeux d'argent.

⁴ ПАНОВКА. Ibid.

⁵ ZAHN: Die schönsten Ornamm. etc. Pl. 90.

сосуда.¹ Можно предположить съ большимъ правдоподобіемъ, что въ древности настоящій *ритонъ* всегда имѣлъ означенное отверстіе,² и что ритоны, у которыхъ не было этого отверстія, известны были у древнихъ подъ именами *керась* (*κέρας*) и *дикерась* (*δίκέρας*).

Употребленіе подобнаго рода сосудовъ для питья до нынѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, какъ, напр. въ Испаніи, гдѣ учтивость требуетъ, чтобы при питьи не касались ихъ губами. Въ Грузіи, зажиточные люди, для забавы пьютъ изъ серебрянаго сосуда, известнаго подъ именемъ *кулы*; сосудъ этотъ имѣетъ видъ груши, съ длиннымъ вѣтвѣмъ горлышкомъ, обыкновенно двойнымъ и даже тройнымъ, и наитонкъ, встрѣчая препятствіе свободно выливаться этимъ горлышкомъ, вытекаетъ изъ кулы съ шумомъ.

Прекрасный ритонъ, изображенный на этомъ рисункѣ подъ No. 1, выбитой и чеканной работы и сдѣланъ въ видѣ бычачьей головы, на которой только что пробиваются рога. Изображенное на немъ двойное дѣйствіе представлено на нашемъ рисункѣ развернутымъ подъ No. 2, а маска брадатаго мужнина, находившаяся на задней сторонѣ сосуда ниже ручки, изображена подъ No. 3. Борода, волосы, платье и обувь лица позолочены, также какъ и могилыный памятникъ, раздѣляющій обѣ сцены. Да кромѣ того находится позолота на рогахъ, внутри ушей и кое-гдѣ на пучкахъ шерсти на лбу, впереди глазъ и вокругъ роговъ и наконецъ по краю сосуда, украшенному овами. Уши припаяны къ головѣ и прирѣблены къ ней еще небольшими шпиками, заделанными внутри сосуда.

Разсматривая этотъ ритонъ со вниманіемъ въ отношеніи къ стало работы и рисунку, съ перecto взгляда поражающаго противоположностію между отдѣлкою головы животного и изображенными на ней человѣческихъ фигуръ.

Очерки глазъ, ушей, роговъ, аба и ноздрей бычачьей головы удивительно иѣрны, части эти отдѣланы въ совершенствѣ даже до мелочей, какъ напр. пучковъ шерсти, складокъ кожи и жилъ. Исполненіе этой бычачьей головы обязываетъ въ художникъ точное изученіе природы и полное пониманіе ея красоты.

Нельзя сказать того же объ изображеніяхъ людей на нашемъ сосудѣ: отношенія частей тѣла къ цѣлому невѣрны: голова слишкомъ велика и равняется латой части цѣлыхъ фигуръ; туловище въ нихъ слишкомъ плотно, а члены пухлы и недовольно отчетливо отдѣланы. Глаза у женщинъ, изображенныхъ въ профиль, сдѣланы такъ, какъ будто бы онѣ представлялись впрямь, и отличаются тою миндалевою формою, которая замѣчается на рисункахъ раскрашенныхъ вазъ самаго древняго стиля.

Можно бы подумать, что работою этого ритона занимались два различныя художника; что одинъ изъ нихъ моделировалъ голову тельца съ натуры, въ уменьшенномъ видѣ, твердою рукою отличнаго художника, другой же дѣлалъ человѣческія фигуры на память или по преданію въ какомъ-то первобытномъ и условномъ стилѣ. Но такое предположеніе было бы неправильно; сосудъ этотъ дѣйствительно во всѣхъ частяхъ есть произведеніе одного и того же художника, а замѣчая въ отдѣлкѣ противоположность доказываетъ древность сосуда и что онъ принадлежитъ къ эпохѣ, вѣроятно немногими только годами предшествовавшей Финдіасу, когда уже умѣли вѣрно передавать въ твореніяхъ искусства фигуры животныхъ,

¹ Атеней: XI. 497. b.

² См. въ соч. Беккера: Charikles, T. I. примѣч. къ стр. 55.

planche. Le bruit que faisait la liqueur est même désigné dans un passage cité par ΑΤΗΝΕΪΣ.¹ Il est possible et il est même probable que le vrai *rhyton* a été dans l'antiquité l'espèce de vase percé de la petite ouverture dont nous venons de parler² et qu'il faut désigner sous les noms de *kéras* (κέρας) et de *dikéras* (δίκερας) employés par les auteurs anciens, l'espèce de rhyton qui n'avait pas cette ouverture.

L'usage de cette espèce de vase s'est conservé dans quelques pays d'Europe; en Catalogne par exemple, où la politesse veut qu'on ne le touche pas des lèvres. En Géorgie les gens riches s'amuse à boire avec un vase en argent connu sous le nom de *koula*, qui offre la figure d'une poire avec un long goulot en spirale, ordinairement double ou triple, d'où la liqueur contrariée par ce canal tortueux, s'échappe en murmurant.

Le magnifique rhyton No. 1., qui est travaillé au repoussé et ciselé, offre la tête d'un jeune taureau dont les cornes sont à peine naissantes. Sur le col est figurée une double scène, qui est déroulée fig. 2., et le pied de l'anse est orné d'un masque d'homme barbu, fig. 3. La barbe, les cheveux, les vêtements, la chaussure des personnages sont dorés, de même que le monument funéraire qui sépare les deux scènes. Les cornes du taureau, l'intérieur de ses oreilles et quelques touffes de poil sur le front, au devant des yeux et autour des cornes, le sont également, ainsi que la bordure d'oves de l'ouverture du vase. Les oreilles sont soudées, et sont maintenues d'ailleurs par de petits crampons rivés à l'intérieur du vase.

En examinant avec attention ce rhyton au point de vue du style et du dessin, on est d'abord frappé du contraste qu'il y a entre la manière dont l'artiste a figuré la tête de l'animal et celle avec laquelle il a exprimé le corps humain.

Le dessin des yeux, des oreilles, des cornes, du front, des naseaux de l'animal est d'une vérité parfaite, jointe à une grande finesse d'exécution qui se révèle dans les moindres détails, comme les touffes de poil, les plis de la peau et les veines. C'est une étude exacte faite d'après la nature par un artiste qui en comprenait toute la beauté.

Il n'en est pas de même des figures humaines; les proportions du corps n'y sont pas exactes; la tête est trop grande; elle équivaut au cinquième de la hauteur totale du corps qui est trop ramassé, et dont les membres sont trop épais et pas assez modelés. Les yeux des têtes de femmes qui sont en profil, sont comme dessinés de face, offrant cette figure en amande que l'on remarque dans les peintures des vases de tout premier style.

On dirait que deux artistes différents ont travaillé à ce rhyton; que l'un a modelé la tête du taureau d'après la nature réduite, avec toute la supériorité d'une main sûre et ferme; que le second a fait les figures humaines d'après le souvenir, et dans un style primitif de tradition un peu conventionnel. Ce n'est cependant point le cas; c'est bien un seul artiste qui a exécuté tous les détails de ce vase; et le contraste qu'il offre est une preuve de l'époque reculée à laquelle il appartient, époque un peu antérieure, il semble, à celle de Phidias, et qui indique le temps où l'art avait déjà assez progressé pour reproduire fidèlement la nature dans le corps des animaux; mais où dans la représentation du corps humain il suivait de

¹ ΑΤΗΝΕΪΣ. XI. 497. b.

² Voyez ВЕСКЯ: Charikles. To. I. la note à la page 505.

Expl. des Pl.

но въ изображеніи людей еще придерживались какого-то особеннаго условнаго стиля, не имѣющаго подражанія природѣ основаннаго. Известно, что Фидіасъ первый сбросилъ съ себя въ своихъ произведеніяхъ эти оковы, и сталъ слѣдовать природѣ и въ изображеніяхъ человѣческихъ фигуръ, и что творенія его отличаются такимъ совершенствомъ, что до сего времени никто не превзошелъ сего знаменитаго художника и едва ли кто-нибудь съ нимъ сравнялся.

Можно полагать, что сосудъ нашъ есть произведеніе мастера, жившаго нѣсколько раньше Фидіаса, когда искусство не было еще доведено до той степени совершенства, на которую оно вскорѣ за тѣмъ было имъ поставлено, все таки уже славилось прекрасными произведеніями; можетъ быть дѣлавшій этотъ ритонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ знаменитыхъ художниковъ, предшествовавшихъ Фидіасу или жившихъ въ его время, о которыхъ упоминаетъ Цицеронъ; желая показать успѣхъ, сдѣланные при нихъ искусствомъ, онъ говоритъ: *«Quis . . . non intelligit, Canachi signa rigidiora esse, quam ut imitentur veritatem? Calamidis dura illa quidem, sed tamen molliora, quam Canachi; nondum Myronis satis ad veritatem adducta, jam tamen, quae non dubites pulchra dicere; pulchriora etiam Polycleti, et jam plane perfecta, ut mihi quidem videri solent.»*¹

Плиніи вѣхвалая Поликлета, старшаго изъ числа трехъ лишь сего имени, и сравнивая его съ Фидіасомъ какъ ваятеля и рѣшника, сказалъ: *«Polyclethus judicatur tarentinē sibi erudisse, ut Phidias aperuisse.»*²

Поликлетъ и Миронъ, да вѣроятно и Фидіасъ, были учениками Агеллада. По словамъ Плинія, они процвѣтали въ 87 олимпіадѣ.³

Миронъ былъ особенно искусенъ въ изображеніи животныхъ. Его тѣлца возбуждали общее удивленіе вѣрностію природѣ и древніе писатели отымаются объ этомъ произведеніи съ восторгомъ, который иногда кажется преувеличеннымъ.

*«Ut similis verae vaccae Myronis opus.»*⁴

Авзоній восхитъ эту тѣлку Милона въ одиннадцати эпиграммахъ. Въ первой онъ говоритъ:

«Bucula sum, caelo genitoris facta Myronis

Aerea; nec factam me puto, sed genitam.

Sic me laurus inuit, sic proxima bucula tangit,

Sic vitulus sitiens ubera nostra petit.

Miraris, quod fallo gregem? gregis ipse magister

*Inter pascentes me numerare solet.»*⁵

Въ слѣдующихъ за тѣмъ эпиграммахъ восторгъ все увеличивается и доходитъ наконецъ до гиперболы.

Нашъ ритонъ прасотою своею напоминаетъ эти описанія. Слажемъ теперь наше мнѣніе о двойномъ дѣйстви, изображенномъ на шеѣ ритона.

¹ Цицеро: Brutus. 48.

² Плиніи: Кн. XXXIV. гл. 19.

³ Плиніи: Тамъ же.

⁴ Овидіус: Ex Ponto Lib. IV. Epist. I. ст. 34.

⁵ Авзоніи Epigr. LVIII.

mémoire un type traditionnel. On sait que ce fut le génie de Phidias qui rejeta hardiment cette tradition pour rendre d'après la nature les figures humaines, avec une perfection qui n'a pas été surpassée et à peine égalée.

On pourrait d'après cela en conclure que notre vase est l'œuvre d'un artiste qui aurait brillé un peu avant Phidias, à une époque où l'art allait recevoir de ce maître fameux sa complète expression, mais où il produisait déjà des œuvres d'une grande beauté; et que son auteur est peut-être l'un de ces artistes célèbres qui ont précédé Phidias ou qui étaient ses contemporains, que Cicéron passe en revue en disant, pour exprimer le progrès qu'ils avaient imprimé à l'art: «*Quis non intelligit, Canachi signa rigidiora esse, quam ut imitentur veritatem? Calamidis dura illa quidem, sed tamen molliora, quam Canachi: nondum Myronis satis ad veritatem adducta, jam tamen, quas non dubites pulchra dicere; pulchriora etiam Polycleti, et jam plane perfecta, ut mihi quidem videri solent.*»¹

C'est de ce Polyclète, le plus ancien des trois artistes de ce nom, que PLIN^e dit, en le louant et en le comparant comme sculpteur et ciseleur avec Phidias: «*Polycletus judicatur toreuticen sic erudisse, ut Phidias aperuisse.*»²

Polyclète et Myron (et vraisemblablement Phidias) étaient élèves d'Agéladas. Suivant PLIN^e ils florissaient dans la 37me olympiade.³

Myron excellait dans la représentation des animaux. Il avait fait une genisse en bronze qui avait excité l'admiration générale par sa parfaite vérité, et dont les auteurs anciens parlent avec un enthousiasme qui semble quelquefois mêlé d'exagération:

«*Ut similit veras vacca Myronis opas.*»⁴

AUSONE a consacré onze épigrammes à la louange de cet œuvre de Myron. Il dit dans la première:

«*Bucula sum, caelo genitoris facta Myronis*

Aerea: nec factam me puto, sed genitam.

Sic me iugis inui, sic proxima bucula mugit,

Sic vitulus sitiens ubera nostra petit.

Miraris, quod fallo gregem? gregis ipse magister

Inter pascentes me numerare solet.»⁵

L'admiration va en augmentant et jusqu'à l'hyperbole dans les épigrammes qui suivent celle ci-dessus.

La vue de notre rhyton rappelle par sa beauté ces citations des auteurs anciens. Nous parlerons maintenant de la double scène qui est figurée sur le col du vase.

¹ CICÉRON: BRUTUS. 48.

² PLIN^e. LIV. XXXIV. chap. 49.

³ PLIN^e. Ibid.

⁴ OVIDE: PONT. LIV. IV. Lett. 1 v. 34

⁵ AUSONE: Epigr. LVIII.

Первое действие представляет мужчину, пораженного, кажется, каким-то чрезвычайным чувством или страстью; волосы на голове его стоят дыбом, из правой руки меч и увлеченный восторженным фанатизмом или изверством, злодей этот, кажется, намеревается заколот ребенка, который находится у него на левой руке. Неизнанный мальчик оборачивается назад к женщине, у которой его похитили, и протягивая к ней ручки, молит о помощи. Фигура этой женщины скорее выражает изумление, чем страх. Она изображена в *хитоне*, украшенном строчеными узорами. По правую сторону мужчины, видны памятники, кажется надгробный, и вероятно на нем должно было совершиться жертвоприношение. Во втором действии мы видим того же мужчину; он как бы изнемогает, вспоминая о преступлении, которое он только что совершил; ноги подкашиваются под ним, а лице скорее выражает ужас или поминательство, чем какое нибудь другое чувство. В левой руке держит он ножны кинжала; он, кажется, хотѣлъ вложить его въ ножъ, но не въ силахъ былъ это сдѣлать. Женщина, находящаяся отъ него на право, судя по украшеніямъ ся *хитона*, должна быть та самая, которую мы замѣтили уже въ первой сценѣ, но волосы ея убраны иначе. Она схватила мужчину за лѣвую руку, но не возможно съ достовѣрностію опредѣлить, удерживаетъ ли она его, или только поддерживаетъ, тогда какъ другая женщина, также одѣтая въ *хитонъ*, явно поддерживаетъ лѣвою рукою ослабленнаго мужчину. Правая рука ея поднята, но нельзя сказать, чтобы жестъ этотъ значилъ, что она намеревается отнять у него оружіе, а на лицѣ ея скорее читается выраженіе сожалѣнія и дружелюбнаго состраданія, чѣмъ гнѣва.

Такимъ образомъ сюжетъ, представленный на вазѣ, риторичъ, остается трудно-объяснимымъ загадкой. Если бы художникъ хотѣлъ изобразить религиозное жертвоприношеніе ребенка, предписывавшееся напр. службою Ваалу-Молаху, которому поклонялись Финикіане и еще другіе древніе народы, потому что Ваала, кажется, должно признать за одно божество съ Кроносомъ или Сатурномъ, то одного только ребенка надлежало бы изобразить въ страхѣ, а приносящій жертву, равно и тѣ лица, которыхъ при томъ присутствовали, даже если бы это были родители ребенка, должны были извѣщать радость.¹

По этому, скорее можно будетъ принять всю сѣну за умерщвленіе ребенка въ слѣдствіе какого нибудь страшнаго суетрія, какъ напр. то, которое вооружило руку Аристодема, и что мы видимъ въ лицѣ мужчины можетъ быть отца жертвы, пораженнаго страхомъ при мысли о своемъ преступленіи и уже терзаемаго угрызеніемъ совѣсти.

Къ трогательнѣйшимъ эпизодамъ исторіи разрушенія Трои принадлежитъ повѣствованіе о Полидорѣ, младшемъ сынѣ Приама. По повѣзанію Гомера матерью его была Лаодея, а онъ убитъ былъ Ахилломъ.² Другіе писатели говорятъ, что онъ родился отъ Гекубы³ и вѣрнѣе былъ въ младенчествѣ вмѣстѣ съ его сиротами Оракійскому царю Полиместру, который умертвилъ ребенка завладевъ его драгоценностями;

¹ Плутархъ, въ книгѣ своей о суетріи, говоритъ о народахъ, у которыхъ существовало поклоненіе Ваалу: «Они заповѣдою и хладнокровно умерщвляли своихъ собственныхъ дѣтей. У кого ихъ не было, тотъ покупалъ ихъ у бѣдныхъ родителей и убивалъ какъ чуждыхъ дѣтей. Матери присутствовали при томъ безъ слезъ, безъ вздоховъ. Черезъ малѣйшій знакъ сожалѣнія они лишались бы условленной платы, не спасши ребенка.»

² Илиада. XX. 443.

³ Еврипидъ: Гекуба. ст. 3.

Première scène. Un homme, les cheveux hérissés, le glaive en main, en proie, il semble, à un sentiment extrême, comme celui d'un fanatisme exalté, et comme poussé par une inspiration soudaine, emporte un enfant qu'il paraît vouloir immoler. L'innocente créature tourne les bras vers la femme à laquelle il vient d'être arraché. Cette dernière figure exprime plutôt la stupéfaction qu'un autre sentiment. Elle est vêtue d'un *chiton* orné de broderies piquées. Le monument, peut-être funéraire, qui se voit dans le fond, est, peut-être aussi et même probablement, le lieu où le sacrifice de l'enfant va s'accomplir.

Seconde scène. L'homme paraît affaibli sous l'impression de l'acte qu'il vient de commettre; il fléchit sous lui-même, et son visage exprime plutôt la terreur ou l'égarement qu'un autre sentiment. Il tient de la gauche le fourreau du glaive, et semble avoir voulu y remettre l'arme fatale, mais ne pas en avoir eu la force. La figure de femme à droite est bien la même que dans la première scène, à en juger par sa ressemblance et par les ornements du *chiton*, quoique l'arrangement des cheveux soit différent. Elle a saisi le bras gauche de l'homme, sans qu'on puisse préciser si elle le contient ou si elle le soutient. Quant à la seconde figure de femme vêtue également d'un *chiton*, elle soutient bien évidemment de la main gauche l'homme défaillant. Le geste qu'elle fait avec la droite n'indique pas, il semble, qu'elle veuille lui arracher l'arme fatale; et l'expression de cette figure est plutôt celle de la pitié et d'une compassion affectueuse.

Le sujet figuré sur ce rhyton est une énigme qu'il est difficile d'expliquer. Si c'était le sacrifice d'un enfant, tel que l'ordonnaient les lois d'un culte religieux sanguinaire, comme celui de Baal-Moloch chez les Phéniciens, culte qui paraît avoir été pratiqué ailleurs, car Baal semble être la même divinité que Cronos ou Saturne, aucune autre figure que celle de l'enfant ne devrait exprimer la terreur; car et le sacrificateur et les assistants, lors même que c'étaient les parents de la victime, ne devaient éprouver ou du moins manifester qu'un sentiment de joie.¹

Il semble que la scène est plutôt celle du sacrifice d'un enfant qu'une superstition terrible, comme celle qui arma le bras d'Aristodème, a voué à la mort; et que la figure de l'homme est celle peut-être du père de la victime, terrifié par l'action que le fanatisme lui a fait commettre, et déjà en proie à l'horreur du remords.

Une des histoires les plus touchantes qui se rattachent à la destruction de Troie, est celle de Polydore, le plus jeune des fils de Priam. Suivant HOMÈRE, il avait pour mère Laïoche, et il fut tué par Achille.² Suivant d'autres auteurs, il était fils d'Hécube³, et il fut confié dans son enfance avec de grandes richesses à Polymestor, roi de Thrace, qui égorgea l'enfant et s'appropriâ ses trésors. Hécube se vengea

¹ «C'était en le sachant et de sang-froid qu'ils immolaient leurs propres enfants. Ceux qui n'en avaient pas achetaient les enfants des pauvres, et les égorgeaient comme de tendres agneaux. La mère assistait au sacrifice, sans jeter une larme, ni pousser un soupir. Le moindre signe d'attendrissement lui faisait perdre le prix convenu, et elle ne savait pas son enfant.» PLOTARQUE: De la superstition.

² Iliade. XX. 413.

³ EURIPIDE: Hécube. v. 3.

Expl. des Pl.

Гекуба же отмстила за это тѣмъ, что выколола ему глаза.¹ По Виргилію преступленіе Полимеистра обнаружено было Энеемъ.² Вообще происшествіе это разсказывается различно. Такъ утверждали, будто бы Полидоръ вѣрнѣе былъ сестрѣ его Іліонѣ, супругѣ Троянскаго Царя, которая будто бы выдала его за своего собственнаго сына Диппила, а этого назвала своимъ братомъ и что такимъ образомъ Полимеистръ, введенный въ заблужденіе, умертвилъ своего собственнаго сына.³

По мнѣнію Г. Стефани, художникъ имѣлъ въ виду изобразить въ двойной сценѣ нашего ритона именно преступленіе Полимеистра и миденіе, которое совершила надъ нимъ Гекуба съ помощью другой Троянской женщины. Если это толкованіе справедливо, то должно будетъ придать жестамъ и выраженію лица второй женщины совершенно другой смыслъ чѣмъ тотъ, который мы нашли въ нихъ.

4. 5. Два серебряныхъ ритона, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ (см. Планъ А. фиг. б. и Введеніе, стр. ХУІІ.); они нѣсколько затронуты окисью.

Такой же формы ритонъ, какъ изображенный здѣсь подъ No. 5, мы видимъ на погребальномъ повязѣ, Р. III. 4. Ритонъ этотъ съ золотыми украшениями сванной работы; тонкій ковенъ его весь золотой и сдѣланъ въ видѣ львиной морды, и имѣетъ отверстіе, о которомъ мы упоминали выше. Въ цѣломъ ритонъ этотъ представляетъ видъ рога, почему древніе и означали подобнаго рода сосуды для питья именемъ *керасъ* (*keras*). У Пиндара кентавры пьютъ изъ *серебряныхъ керасовъ*,⁴ а Эсхилъ говорить, что ихъ керасы были съ *золотыми оконечностями*.⁵ Нашъ ритонъ совершенно подходитъ къ такому описанію.

Ритонъ No. 4. представляетъ видъ передней части овна съ поджатыми ногами. На каждой сторонѣ головы, пониже роговъ, сдѣлано по круглой дырочкѣ, совершенно правильнаго вида. Если наполнить сосудъ жидкостью, то этими дырочками будутъ бить двѣ струи, такъ что такимъ образомъ два человека, держа ритонъ между собою, могутъ изъ него пить въ одно время. Поллуксъ упоминаетъ о *дикерахъ* съ *двойными истоками*.⁶ Нашъ ритонъ, которому мы не знаемъ подобнаго, совершенно удовлетворительно поясняетъ это описаніе. Предположить можно, что пирующіе принимались за подобнаго рода ритоны когда веселье ихъ доходило до той степени, что возбуждало между ними соревнованіе въ питьѣ. Ритоны эти, можетъ быть, должно принять за такія же *чаши братства*, какими были русскія братины, которыя пирующіе осушали произнося объѣтъ дружбы, добраго согласія и готовности раздѣлить съ товарищами участь ихъ. Изъ обычаевъ древней жизни видъ перешли же къ намъ весьма много! Мы упоминали выше о грузинскомъ сосудѣ для питья, известномъ подъ названіемъ *кулы*. Снажемъ здѣсь еще объ одномъ туземномъ обычаѣ, о которомъ разсказываетъ Г. Брюсс. Этотъ ученый ориенталистъ, описывая мингрельскіе шеры, на которыхъ пьютъ изъ туряхъ роговъ, говорить: «*рога эти связываютъ*

¹ Еврипидъ: Гекуба. ст. 1049. 1050.

Овидій: Превращенія. Кн. XIII. ст. 430 — 436. 560 — 564.

² Энеида. III. ст. 49 и слѣд.

³ Гораций: Сат. II. 3. ст. 61.

Цацаронъ: Акад. Кн. II. 27. Споры Туск. I. 44.

⁴ Атеней: XI. 476. б.

⁵ Атеней: Тамъ же. 476. с.

⁶ Дикераъ ἢ διχρουνον ριτόν. Поллуксъ: VI. 97.

en crevant les yeux à Polymestor.¹ Suivant VIRGILE, c'est Enée qui découvre le crime.² Il y a d'autres variantes sur cette histoire tragique. Ainsi Polydore aurait été confié aux soins de sa soeur Ilione, femme du roi de Thrace; elle l'aurait fait passer pour Déipyle son propre fils et présenté celui-ci comme son frère; et Polymestor aurait égorgé son propre enfant sans le savoir.³

Mr. STEPHANI pense que l'artiste de notre rhyton a eu peut-être en vue la double scène du crime et de la vengeance qu'Hécube en tire avec l'aide d'une autre troyenne. En ce cas il faut admettre dans l'expression et dans les gestes de la seconde figure de femme une autre signification que celle que nous leur avons donnée.

4. 5. Rhytons trouvés dans le tombeau du Koul-Oba (voir le Plan A. fig. h. et notre Introduction, page XIX.). L'oxyde a légèrement attaqué l'argent.

Le No. 5., dont nous retrouvons la figure sur la plaque du bandeau funéraire de la Pl. III. 4., est enrichi d'ornements en filigrane d'or. L'extrémité, tout en or, offre un mufle de lion, percé d'une ouverture, comme nous l'avons dit plus haut. La forme de ce rhyton est celle d'une corne. C'est pour cette raison que cette espèce de vase à boire est désignée par les auteurs grecs sous le nom de *kéras* (κέρας). PINDARE fait boire les Centaures dans des *kéras d'argent*⁴; ESCHYLE leur donne des *kéras* de même métal, à bout en or.⁵ Notre rhyton convient parfaitement à une pareille désignation.

Le No. 4. offre la partie antérieure de la figure d'un bélier accroupi. Aux deux côtés de la tête, sous les cornes, il existe un trou rond, régulièrement percé. En remplissant le vase avec un liquide, on peut en faire jaillir par ces ouvertures deux jets qui se projettent à une distance suffisante, pour arriver dans la bouche de deux personnes qui se tiendraient, vis-à-vis l'une de l'autre, de chaque côté du vase. Il est fait mention dans un passage de POLLUX d'un *dikéras à double jet*.⁶ Notre rhyton qui, nous le croyons, est une pièce unique, démontre d'une manière bien heureuse la signification de ce passage. Il est probable que cette espèce de vase s'employait lorsque les convives, dans l'animation du festin, arrivaient à ce point de gaité qui provoque le défi chez les buveurs, à qui boira le mieux la même quantité de vin. Peut-être avons-nous sous les yeux une coupe de fraternité, comme la братина russe, que l'on vidait sous l'expression d'un vœu d'amitié, de bonne harmonie, de communauté de sort. Il y a tant d'usages de la vie dans l'antiquité qui sont arrivés jusqu'à nous! Nous avons parlé plus haut du *koula* géorgien. C'est le cas de mentionner encore une coutume qui est rapportée par Mr. BROSSERT. Ce savant dit, en parlant des festins des Mingréliens et des cornes de *toura* dont ils se servent pour boire: «deux, trois et quatre

¹ EURIPIDE: Hécube. v. 1049. 1050.

OVIDE: Métam. Liv. XIII. v. 430—436. 560—564.

² Enéide. III. v. 49 et suiv.

³ HORACE: Sat. II. 3. v. 61.

CICÉRON: Acad. Liv. II. 27. Disp. Tusc. I. 44.

⁴ ATHÉNÉE. XI. 476. b.

⁵ ATHÉNÉE. Ibid. 476. c.

⁶ Δικέρας ἢ διχρουνον ζυγόν. POLLUX. VI. 97.

амьсть по два, по три и по четыре серебряными цыпочками, и столько же приятелей поднявшись, и захватив друг друга под руку, все амьсть в одно время выпивают равное количество добраго вина.»¹ Группа двух Скивов, которую мы видели на нашем рисунке XXX. 10, по всей вѣроятности изображаютъ подобный же обычай. Вѣсь ритона No. 4-го 68 золотниковъ, No. 5-го 75 золотниковъ.

¹ Воссект: Voyage archéologique en Transcaucasie. Septième Rapport, стр. 56.

*cornes sont unies par des chaînes d'argent; deux, trois, quatre amis se lèvent, entrelacent leurs bras, et tous ensemble, au même moment, vident une égale quantité d'un vin généreux.*¹ Le joli groupe de notre Planche XXXII. 10. représente, très-vraisemblablement, un usage pareil. Le poids du rhyton No. 4. est de 68 zolotniks, celui du rhyton No. 5. est de 75 zolotniks.

¹ BROSSET: Voyage archéologique en Transcaucasie. Septième Rapport, p. 56.

РИСУНОКЪ XXXVII.

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

ВАЗЫ.

Изображенные на этомъ рисункѣ въ половину ихъ настоящей величины вазы No. 1. и No. 2, были найдены въ одной гробницѣ съ золотою маскою. (См. описаніе Р. I.)

Первая изъ сихъ вазъ вышивной и чеканной работы; она совершенно хорошо сохранилась, за исключеніемъ только незначительныхъ поврежденій Медузинныхъ головъ. Амуры съ сѣточкомъ и бабочка, послужившіе мотивомъ для украшеній этой вазы, встрѣчаются на римскихъ памятникахъ третьяго столѣтія послѣ Р. X., и, кажется къ этому времени, должно отнести и нашу вазу.

Она сдѣлана въ видѣ круглаго сосуда съ подвижною ручкой, вѣроятно служила для хранения медныхъ драгоценныхъ вещей и принадлежить къ туалетнымъ предметамъ, которыми такъ дорожили древнія женщины. Въ изображеніяхъ ихъ за уборомъ, мы часто находимъ около нихъ подобные сосуды. Ваза, которую мы видимъ на нашемъ серебряномъ ведрѣ (Р. XXXIX.) у ногъ Леды, вѣроятно имѣла подобное же назначеніе.

Судя по Медузиной головѣ, находящейся ниже ручки на вазѣ No. 2 и сдѣланной въ одномъ стилѣ съ такою же головою, изображенною на предыдущемъ сосудѣ, можно приписать оба сосуда тому же художнику. Эту вторую вазу также должно отнести къ числу туалетныхъ принадлежностей: она вѣроятно служила кувшиномъ для мытья рукъ, а найденная въ одной съ нею гробницѣ бронзовая гидрія (см. Р. XLIV. 8.), для запаса воды.

3. Сосудъ въ видѣ корыны съ крышкою; изображеніе въ настоящую величину.

Это, можетъ быть *клизма* (κλίσμα), сосудецъ, служившій для хранения камеди или другихъ пахучихъ веществъ лѣчебнаго свойства, или душистаго порошка, употреблявшагося при туалетѣ древнихъ.

Найденъ въ 1822 году близъ Тамани.

PLANCHE XXXVII.

OBJETS EN ARGENT.

VASES.

es vases No. 1. et 2. de cette planche ont été trouvés dans le tombeau de la reine du masque d'or (voir le texte de la Pl. I.). Ils sont reproduits en demi-grandeur.

Le No. 1. est travaillé au repoussé et ciselé. Sauf de petits accidents soufferts par les têtes de Méduse, il est d'une parfaite conservation. Les figures d'Amours tenant une torche et un papillon sont de charmants motifs, que l'on retrouve dans des monuments romains, et qui peuvent bien se rapporter au troisième siècle de l'ère chrétienne, époque à laquelle cet objet semble appartenir.

Il est à présumer que ce joli vase, de la forme d'une corbeille ronde, avec anse mobile, servait à contenir des bijoux ou autres objets précieux, et que c'était un de ces petits meubles de toilette si chers aux dames dans l'antiquité, et dont nous les voyons si souvent entourées dans les scènes qui les représentent occupées du soin de leur ajustement. Le vase à couvercle figuré près de Lédæ sur notre Planche XXXIX. a vraisemblablement cette destination.

Le No. 2., dont la tête de Méduse qui sert d'ornement au pied de l'anse est du même style que celles du numéro précédent, accuse, il semble, dans l'exécution la main du même artiste. C'était probablement aussi un vase de toilette; vraisemblablement une aiguière qui servait aux ablutions des mains; et l'*hydrie* en bronze (Pl. XLIV. 8.) trouvée dans le même tombeau, a bien pu être destinée à la provision d'eau qu'une suivante, en pareille circonstance, était chargée d'aller puiser.

3. Pyxis ou boîte à couvercle. Grandeur naturelle.

C'était peut-être une *kylichné* (κυλίκχη) destinée à contenir de la gomme ou des parfums d'un usage médical, mais peut-être aussi une poudre de senteur pour la toilette.

Fouille de Taman. 1822.

Киликнем обыкновенно дѣлались изъ сжееной глины или дерева. Въ Эрмитажѣ есть нѣсколько сосудовъ сего рода, деревянныхъ и изъ слоновой кости, они меньше этой киликнеи и явно служили для туалета, потому что въ некоторыхъ еще сохранились румяна и бѣлзла. На одной такой киликнеи изъ слоновой кости рельефно изображена профиль человѣческой головы причудливаго вида.

4. Чашка, 4^а крышка къ ней. Онѣ найдены въ Куль-Обской гробницѣ (см. планъ А. фиг. h.), и изображены на нашемъ рисункѣ въ половину настоящей величины.

На этой чашкѣ вырѣзана, близъ края, надпись **ΕΡΜΕΩ**; это есть іонійская форма родительскаго падежа слова: **ΕΡΜΝΕ**, вмѣсто **ΕΡΜΟΥ**. Надпись эта доказываетъ, что чашка была посвящена Меркурію (см. Введение, стр. XX. и XLVI.). Крышка вызолочена; украшенія, вырѣзанныя иглою, сдѣланы со вкусомъ и въ іонійскомъ стилѣ.

Дюбуа, описывая эту чашку, говоритъ, что на ней двѣ ручки. Мы нашли на ней только одну, но на противоположной сторонѣ чашки есть какъ будто слѣды другой ручки, которая вѣроятно отпала.

Чашка эта, будучи съ ручками, подходит къ *кмиксамъ*, а по неимѣнію ножекъ къ *фиаламъ*. По формѣ своей она можетъ быть сравнена съ *депасомъ* (*δέπας*), о которомъ говоритъ Гомеръ, описывая его въ видѣ чарки для питья,¹ имѣвшейся при кратерахъ, изъ которыхъ черпали вино;² рисунки такой чарки можно видѣть въ сочиненіи Паноффи.³ Эту же форму мы находимъ на памятникахъ древности какъ въ сосудахъ для питья,⁴ такъ и въ сосудахъ для возліяній.⁵ Что касается до нашей чашки, то можно предположить, что она служила для домашняго употребленія, но въ послѣдствіи, по какому-нибудь неизвѣстному намъ обстоятельству, была посвящена Меркурію и что тогда была вырѣзана на ней вышеозначенная надпись. Такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что эта надпись начертана какъ-то грубо и не гармонируетъ съ украшеніями крышки, облачающими въ дѣлавшемъ ихъ искуснаго художника.

5. Серебряный сосудъ; изображеніе въ настоящую величину.

Съ перваго взгляда прелестный сосудъ этотъ кажется лампадою особеннаго, до нынѣ еще не встрѣчавшагося вида. Отверстіе, которое находится въ комической мѣстѣ на переднемъ краѣ сосуда, дѣйствительно могло бы служить горлышкомъ лампы. Но внутри сосуда мы находимъ серебряную блиху съ шестью дырочками, въ видѣ сита, какое устроивается въ вѣшихъ чайникахъ въ началѣ горлышка.

Дабы сосудъ этотъ могъ служить лампадою, должно предположить, что свѣтильная раздѣлялась на шесть нитокъ, и что онѣ проходили чрезъ эти дырочки въ масло; но такое устройство было бы крайне неудобно. При томъ же въ крышкѣ нѣтъ отверстія или отдушныи, для вращенія воздуха, и по сему лампада не могла бы хорошо теплаться.

И такъ мы думаемъ, что этотъ сосудъ скорѣе могъ служить Пантикпейскимъ дамамъ для наставанія какаго нибудь возбуждательнаго напитка, ибо надобно замѣтить, что прелестная утварь сія вмѣстѣ съ No. 1, 3, 4 и 5 слѣдующаго рисунка, по видимому составляла небольшой столовой приборъ,

¹ Илиада. XV. 86.

² Одиссея. XX. 153.

³ Паноффи: Recherches sur les noms des vases. Pl. II. 47.

⁴ Миллинген: Peintures antiques de vases grecs. P. VIII.

⁵ Миллинген: Тамъ же P. XXVI, на фундаментѣ надгробнаго стола.

La *kylix*¹ était ordinairement en terre cuite ou en bois. La collection de l'Ermitage en possède plusieurs en bois ou en ivoire, plus petites que celle-ci, et qui ont évidemment servi à la toilette, car quelques-unes contiennent encore du fard. Sur le couvercle de l'une de ces dernières est figurée en relief une tête grotesque, vue de profil.

4. Tasse avec son couvercle, fig. 4, a., trouvée dans le tombeau du Koul-Oba (voir Plan A. fig. h.): Demi-grandeur.

L'inscription ΕΡΜΕΩ gravée sur le bord du vase, est la forme ionienne du génitif du mot ΕΡΜΗΣ au lieu de ΕΡΜΟΥ; elle indique une consécration à Mercure² (voir notre Introduction, pages XXI et XLVII). Le couvercle est doré; les ornements, finement gravés à la pointe, sont de style ionien.

DUBOIS qui a publié ce vase lui donne deux anses. Nous ne lui en avons trouvé qu'une; mais quelques traces qui existent au côté opposé à celui de cette anse, semblent indiquer la place de la seconde, qui se sera peut-être détachée.

Cette tasse ou coupe participe de la nature de la *kylix*, par les anses, et de la nature de la *phiale*, par l'absence de pied. Par sa forme elle peut être assimilée au *dépas* (δέπας) dont il est fait mention dans HOMÈRE comme d'une coupe à boire³, qui accompagne les crânes où l'on puisait le vin⁴, et dont ΠΑΝΟΦΑ nous donne le dessin.⁵ On retrouve cette forme dans les monuments antiques, et parmi les coupes à boire⁶, et parmi les coupes à libation.⁷ On peut admettre que c'était une coupe d'un usage domestique qui par quelque circonstance que nous ne pouvons expliquer aura été consacrée plus tard à Mercure, et aura reçu alors l'inscription qu'elle porte; ce que semble indiquer une certaine rudesse grossière dans les caractères qui n'est pas en harmonie avec la manière délicate dont la main sûre de l'artiste a tracé les ornements du couvercle.

5. Vase. Grandeur naturelle.

Au premier aspect on croit voir dans ce vase précieux une lampe d'une forme inconnue jusqu'à ce jour. Le masque comique qui est sur le devant est percé d'une ouverture qui convient bien au bec d'une lampe; mais dans l'intérieur se trouve adaptée une plaque d'argent percée de six trous, comme l'est la grille que l'on met au bas du goulot d'une théière ou d'une cafetière de nos jours.

Pour que ce fût une lampe, il faudrait admettre que la mèche se subdivisait en six brins qui plongeaient par les trous dans l'huile, ce qui aurait été peu pratique; puis le couvercle n'étant pas percé de l'ouverture ou évent nécessaire au passage de l'air qui active la combustion, il s'ensuit un nouvel argument contre l'admission de l'idée d'une lampe.

Nous sommes donc porté à croire que nous avons sous les yeux un vase à infusion, pour la préparation de quelque boisson excitante qui était peut-être en usage chez les dames de Panticapée; car il ne faut pas oublier que ce joli ustensile semble avoir composé avec les vases No. 1. 3. 4. 5. de la

¹ Iliade. XV. 86.

² Odyssée. XX. 153.

³ ΠΑΝΟΦΑ: Recherches sur les noms des vases. Pl. II. 47.

⁴ MILLINGEN: Peintures antiques de vases grecs. Pl. VIII.

⁵ MILLINGEN: Ibid. Pl. XXVI. sur le soubassement d'un cippe funéraire.

⁶ Expl. des Pl.

употреблявшийся, может быть, для наслаждений дружескаго женскаго кружка. По удостоверенію Г. Ашкина, въ этомъ сосудѣ находились два куриныхъ яйца, которыя распались въ пыль, когда къ нимъ дотронулись.

Утварь сія украшена двумя руками въ видѣ Сатира, можетъ быть бога Пана, играющаго на свирѣли. На верхней части сосуда изображенъ Амуръ (на рисункѣ онъ вполнѣнъ закрытъ выступомъ маски), обхватывающій трубку (μύζα) лампы, если это точно была лампада, но которую мы принимаемъ за горлышко сосуда. Оно сдѣлано въ видѣ двухъ масокъ, одной надъ другой, изъ которыхъ верхняя комическая, а нижняя трагическая, что совершенно соответствуетъ украшенію сей части утвари, состоящему изъ вязы виноградныхъ листьевъ, окаймляющей ея верхній край. По серединѣ вязы, на сторонѣ вазы, противоположной горлышку, изображенъ другой Амуръ, держащій обѣими руками вазу.

На виноградной вязы и украшенияхъ ножки еще видны слѣды позолоты. Тоже самое замѣчается и на вазахъ No. 1, 3, 4 и 5 слѣдующаго рисунка (XXXVIII).

Въ рисунокѣ фигуръ и украшеній какъ этого, такъ и вышеозначенныхъ сосудовъ, замѣтна нѣкоторая жесткость, впрочемъ полная характера, по которой, кажется слѣдуетъ ихъ отнести къ одному и тому же времени съ ратонами Р. XXXVI.

planche suivante, avec lesquels il a été trouvé, un petit service de table, destiné peut-être aux plaisirs de l'intimité féminine. Au dire de Mr. ASCHIK, il y avait dans l'intérieur de ce vase deux oeufs de poule qui tombèrent en poussière au premier attouchement.

La jolie ornementation de ce vase offre la figure cambrée d'un Satyre, peut-être du dieu Pan, jouant de la syrinx, et une figure d'Amour (elle est cachée en partie dans le dessin par le relief du masque) tenant entre ses bras ce qui serait la *muxa* (μύξα) ou le bec, si c'était une lampe, mais ce que nous nommerons l'orifice du goulot. Cet orifice offre deux masques superposés, l'un comique (le supérieur), l'autre tragique; charmante combinaison qui se marie bien avec le motif de la guirlande de pampres qui forme l'enroulement de la partie supérieure de la cuve. Au milieu de cette guirlande, au point opposé à l'orifice, est une autre figure d'Amour tenant des deux mains un vase.

Par des traces bien visibles encore, on peut se convaincre que la guirlande de pampres et les ornements du pied de ce vase étaient en partie dorés. Il en est de même des vases No. 1. 3. 4. 5. de la Planche XXXVIII.

Le dessin des figures et des ornements offre une certaine rudesse, remplie de caractère et de verve, que nous retrouvons dans les autres vases; et il nous semble que l'on peut reporter ces objets à l'époque que nous attribuons au rhyton No. 1 de la Planche XXXVI.

РИСУНОКЪ XXXVIII.

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

ВАЗЫ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ БЪ ДВѢ ТРЕТИ НАСТОЯЩІЙ ВѢКНЧИНЪ.

Вазы, изображенныя на этомъ рисункѣ, съ правдоподобностію принять можно за роскошную домашнюю утварь жилищныхъ жителей Пантикапей, можетъ быть онѣ принадлежали къ числу тѣхъ драгоценностей, которыя подъ названіемъ *кселій* (*ξέλια*) сохранились въ видѣ подарковъ или *сецел*, данныхъ въ память, какъ украшеніе жилищъ въ шкапахъ особаго рода, называвшихся *киликелами*¹ (*κίλικα*), потому что въ нихъ по большей части ставили вазы въ родѣ *киликсей*. Вазы сіи бывали изъ серебра² и золота, и потому удобно могли служить украшеніемъ жилищъ, которое у древнихъ, одаренныхъ тонкимъ вкусомъ, безъ сомнѣнія, отличалось большою изысканностію. Раскрашенныя вазы ихъ, устанавливавшіяся на подставкахъ или въ шкапахъ лицевою стороною къ зрителю, которая по этому всегда тщательно отдѣлывалась, служатъ явнымъ тому доказательствомъ. При разнообразіи формъ и цвѣта этихъ вещей, ярко отдѣлявшихся на стѣнахъ, онѣ должны были составлять весьма живописное комнатное украшеніе.

1. Чаша о двухъ ручкахъ, въ родѣ *киликсей*.³

Украшенія этой чаши, сдѣланныя въ весьма хорошемъ стилѣ, гравированы и вызолочены. Мотивъ ихъ, состоящій въ вазѣ, висящей отъ одной ручки до другой, часто встрѣчается на Пантикапейскихъ древностяхъ. Мы находимъ его, между прочимъ, на ожерельѣ съ подѣсками, изображенномъ на рисункѣ IX. 1.

¹ Аттвей: XI. 480. d. 480. b. Ussing: De nom. vas. disputatio стр. 140.

² Ussing: Тамъ же, въ разн. мѣст.

³ Имя *киликсе* давно было сего рода чашамъ по ихъ круглой формѣ. Ни Гомеръ, ни Гезіодъ не упоминають о *киликсе*, но у Додона въ именемъ весьма часто назывался сосудъ для питья; отсюда выраженіе *κίλικυρσεύ* «*inter pocula disserere*» Аттвей: XI. 480. b.

PLANCHE XXXVIII.

OBJETS EN ARGENT.

VASES

DEUX VINS DE LA GRANDEUR NATURELLE.

On peut admettre que les vases qu'offre cette planche étaient des ustensiles de luxe, qui servaient aux usages habituels de la vie chez les gens riches à Panticapée, ou de ces objets de prix que l'on conservait sous le nom de *xénia* (ξένια), comme *dons* ou *souvenirs d'affection*, et comme ornements d'appartements, comme cela se pratique de nos jours, dans des armoires que l'on appelait *kylikéia*¹ (κυλίκεια), parce qu'elles renfermaient surtout des vases de la nature des *kylix*. Ces objets de prix, souvent en or ou en argent², étaient bien propres au décor des appartements qui a dû être chez les anciens le sujet d'une étude infinie pour leur goût délicat. Leurs vases peints qu'ils disposaient sur des stèles ou dans des armoires le long des murs, ou ils n'offraient aux yeux que leur avers, toujours pour cette raison soigneusement achevé, en sont une preuve évidente. La diversité du galbe et des couleurs dans ces sortes d'objets devait, par la vive opposition des formes et des nuances, en se détachant sur les murs, constituer une ornementation très-pittoresque.

1. Tasse à deux anses, de la forme d'une *kylix*³.

Les ornements, d'un très-bon style, sont gravés et dorés. Le motif de la guirlande qui va, de chaque côté, d'une anse à l'autre, se rencontre fréquemment à Panticapée. Nous le retrouvons dans le collier à pendeloques de la Pl. IX. 1.

¹ ATHÉNÉE. XI. 460. d. 480. b. USSING: De nom. vas. graec. disputation. p. 140.

² Voyez USSING. Ibid. passim.

³ La *kylix* (κύλιξ) ainsi nommée de sa forme ronde, n'est mentionnée ni dans HOMÈRE, ni dans HÉSIODE; mais chez les Athéniens ce nom est fréquemment employé pour désigner un vase à boire; de là l'expression κύλικι γορεῖν «inter pocula disserere». ATHÉNÉE. XI. 480. b.

Чаша эта была найдена вмѣстѣ съ сосудами № 3, 4 и 5. этого же рисунка и № 5 предыдущаго, въ плитовой гробницѣ, вмѣщавшей въ себѣ оставъ женщины съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ (см. Введение стр. LXII). Всѣ они, вѣроятно, составляли дамской столовой приборъ.

Въ нашемъ Музѣ есть еще нѣсколько чашъ подобной же формы.

2. Ваза; она украшена по окружности жолобками выбивной работы.

Верхняя часть этой вазы, и въ особенности ручки, сильно повреждены окисью. Она, вѣроятно, служила срединкомъ для стола. На стѣнной живописи, найденной въ Помпей, изображающей пиръ Амуровъ и Психеи, различить можно въ числѣ серебряныхъ вещей на столѣ, двѣ вазы, сходныя съ нашею¹.

Вазы эта была найдена въ 1834 году Г. Карейшею, въ плитовой гробницѣ, въ курганѣ близъ Карантиннаго поссе. См. Введение, стр. LXIV.

3. Ваза. По виду своему она, кажется, подходит къ *oilem* (ελκτῆ или ελκτῆς), сосуду, служившему для разливанія вина въ чаши, а также для храненія масла, безъ сомнѣнія душистаго². Эвекритъ упоминаетъ о *серебряной oilem*³.

Въ Эрмитажѣ есть двѣ такія вазы, совершенно одинаковыя, и съ тѣми же украшеніями, выгравированными и позолоченными. Възъ изъ виноградныхъ лозъ съ гроздями, изображенная по окружности вазы, самой вѣтливой работы; тоже должно связать и о головѣ Сатиры, украшающей нижнюю часть ручки и выдавленной рельефомъ. Если сосуды сіи, какъ полагаютъ должно, дѣйствительно служили для вина, то они, по малости своей, какъ нельзя лучше принаровлены были къ употребленію дамами.

4. Сосудъ, который принять должно за солонку.

Украшенія въ видѣ жолобковъ, находящіеся на ножкѣ его, выбивной работы. Подобный же сосудъ но съ крышкою, найденный въ одной гробницѣ съ нашею, былъ изданъ Ашикомъ⁴. Въ Эрмитажѣ есть подобный же съ крышкою сосудъ, но меньшій и безъ жолобковъ на ножкѣ и сильно попорченный яремъ и еще третій сосудъ, сходный съ изображеннымъ на этомъ рисункѣ, но хуже его сохранившійся. Что на нашею сосудѣ нѣтъ крышки, это еще не доказываетъ, чтобы онъ не могъ служить солонкою или для какихъ-нибудь другихъ приправъ яства.

5. Чаша, формою своею, кажется подходящая къ *petaschnu* (πετάσχνον); послѣдній иногда дѣлался изъ серебра и сходенъ съ патерою и *phialeu*⁵.

У насъ двѣ такія чаши, совершенно одинаковыя. Кругомъ, изображенный на нашею рисунокѣ надъ чашею, совершенно прикрываетъ дно ея. Не видно, чтобы онъ былъ къ нему припаянъ, а потому

¹ Zant: Die schönsten Ornate. III. etc. P. 51.

² Атинскій: X. 425. d. XI. 495. b.

³ Эвекритъ: XVIII. 45

⁴ Annali dell' Inst. di corr. arch. T. 12 P. C. фиг. 9.

⁵ Атинскій: III. 425. f.

Cette jolie tasse trouvée avec les No. 3. 4. 5. de cette planche et avec le No. 5. de la planche précédente, dans un tombeau en dalles renfermant un squelette de femme dont la tête était ornée d'une couronne de laurier en or (voir notre Introduction, page LXIII), a pu constituer avec les autres vases un petit service de table à l'usage d'une dame.

Notre musée possède plusieurs autres tasses de forme pareille.

2. Vase orné de cannelures travaillées au repoussé.

Il nous semble que ce vase, dont l'oxyde a assez fortement attaqué la partie supérieure et surtout les anses, était destiné à figurer comme ornement sur une table. Dans une peinture murale à Pompéi, offrant un repas d'Amours et de Psychés, on distingue parmi les objets en argent placés sur la table, deux vases qui ont assez d'analogie avec le nôtre¹.

KARISCHKA. 1834. Tombeau en dalles, voisin de la Chaussée de la Quarantaine. Voir notre Introduction, page LXV.

3. Vase dont la forme est peut-être celle de l'*olpé* (ὀλπή ou ὀλπίς) dont on se servait pour verser le vin dans les coupes, mais pour contenir aussi de l'huile, sans doute parfumée². THÉOCRITE parle d'un *olpé en argent*³.

Il y en a deux, absolument pareils, offrant les mêmes ornements gravés et dorés. La guirlande de vigne est d'une remarquable finesse d'exécution, de même que la tête de satyre, travaillée en ronde-bosse, qui décore le pied de l'anse. La petite dimension de ces vases, si l'on admet qu'ils aient servi, ce qui est probable, à contenir du vin, était bien appropriée à l'usage d'une dame.

4. Salière, il semble.

Les ornements cannelés de la base sont travaillés au repoussé. Mr. ASCARI a publié un vase tout semblable, mais ayant un couvercle⁴, et que l'on aurait trouvé dans la même sépulture que le nôtre. Il y a à l'Ermitage un vase pareil plus petit, avec couvercle, mais sans cannelures au pied et très-endommagé par l'oxyde, et un troisième vase presque pareil à celui que nous publions, mais moins bien conservé. La présence ou l'absence du couvercle n'infirme pas l'idée d'une salière ou d'un autre ustensile de cette nature, destiné à contenir quelque assaisonnement pour les mets.

5. Tasse, de la forme peut-être du vase que les anciens désignaient sous le nom de *péachnon* (πετάχνον), qui était quelquefois en argent, et qui participait de la nature de la patère et de la *phiale*⁵.

Il y en a deux absolument pareilles. Le disque qui est figuré dans notre planche au-dessus du vase, recouvre exactement le fond de la tasse où il ne paraît pas avoir été fixé par la soudure; il est donc à

¹ ZAHN: Die schönsten Ornament. etc. III. 51.

² АΥΘΗΝΕΣ. X. 425. d. XI. 495. b.

³ ΤΗΟΚΡΙΤΗΣ. XVIII. 45.

⁴ Annali dell' Inst. di corr. arch. To. 12. Tav. C. fig. 9.

⁵ ΑΥΘΗΝΕΣ. III. 125. f.

вѣроятно, что въ случаѣ надобности, его вынимали. Фигуры и украшенія на этомъ кружкѣ выгравированы и позолочены. Мы видимъ на немъ лучезарнаго Геліуса на четырехконной колесницѣ, съ вѣтомъ въ рукѣ, погоняющаго своихъ коней. Колесница подымается съ горизонта ровной мѣстности, усыпанной цвѣтами. Это восходящее Солнце, готовое разсвѣтать на землю дары свои.

Формою своею ваза наша подходитъ къ *клизмис* и *патерѣ*: мы находимъ подобный родъ вазъ на нѣкоторыхъ памятникахъ то въ видѣ сосудовъ для питья¹, то въ видѣ чашъ для возліаній², и посему наша ваза, можетъ быть служила для того и для другаго употребленія. Предполагать можно, что когда возліаніе дѣлалось въ честь Аполлона, то вставляли въ нее описанный нами кружокъ.

¹ MILLINGEN: *Peint. ant. de vases grecs*. P. VIII.

² MILLINGEN: Тамъ же, P. XXVI.

croire qu'il s'enlevait à volonté. Les figures et les ornements de ce disque sont gravés et dorés. Il offre Hélios, la tête rayonnante, la main armée de son fouet et pressant l'allure de ses chevaux. Le quadrigé s'élève de l'horizon d'une plaine émaillée de fleurs. C'est le Soleil, à son apparition au-dessus de la terre qu'il va réjouir de ses bienfaits.

Cette tasse, qui participe par sa forme de la nature de la *kylix* et de celle de la patère, et qui figure dans quelques monuments comme vase à boire¹, et comme coupe à libation², pourrait bien avoir servi à l'un et à l'autre usage; et on pourrait admettre que dans ce dernier cas, on plaçait le disque sur le fond de la tasse, lorsque l'on voulait faire une libation en l'honneur d'Apollon.

¹ MILLINGEN: *Peint. ant. de vases grecs*. Pl. VIII.

² MILLINGEN: *Ibid* Pl. XXVI.

РИСУНОКЪ XXXIX.

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

Издаваемый нами на этомъ рисункѣ серебряный сосудъ¹ въ видѣ ведра уже болѣе двадцати лѣтъ какъ найденъ въ Молдавіи, въ Дорогойскомъ округѣ, на правомъ берегу Прута, въ селеніи, принадлежащемъ Ионицѣ Юмандуну. Вышина этого сосуда $5\frac{1}{4}$ вершковъ, вѣсъ 9 фунтовъ. Ваза эта довольно тщательной оброчной работы, требующей большого труда и вообще рѣдко употреблявшейся². Впрочемъ отдѣлка этого сосуда въ стилѣ произведеній второго вѣка нашего лѣтосчисленія. На нижней сторонѣ два изчертаны точками слѣдующія буквы:

ΣΡΡΧΥ

На окружности своей сосудъ украшенъ барельефомъ, представляющимъ три эротическія сцены изъ греческой мифологіи: Гилу между Нимфами, Дафну, преслѣдуемую Аполлономъ и Леду съ лебедемъ. Баснь о Гилѣ, судя по весьма малому числу памятниковъ этого рода до насъ дошедшихъ³, рѣдко избираема была греческими художниками предметомъ ихъ произведеній, тогда какъ басни о Дафнѣ⁴

¹ Сосудъ этотъ уже прежде былъ опубликованъ Ратль-Рошеттомъ въ *Choix de peintures de Pompéi*, стр. 199, и Г. Кёне въ *Zeitschrift f. d. Arch. u. d. Kunstgesch.* Т. II. Р. VIII.

² Въ Эрмитажномъ Музее есть однако два серебряныхъ блюда оброчной работы; изъ нихъ одно относится къ римской эпохѣ, другое ко времени Сасанидовъ.

³ Къ памятникамъ, описаннымъ Ратль-Рошеттомъ въ вышеозначенномъ сочиненіи, должно еще присовокупить картину, упоминаемую Патроніемъ: *Сатир.* гл. 83, и верхній край колодезя, въ послѣдній разъ опубликованный Визьякомъ: *Die Nympe Echo* 1844.

⁴ Ратль-Рошеттъ въ своемъ сочиненіи *Choix de peintures de Pompéi* собралъ памятники съ изображеніями этой басни. Но объясненіе его о рѣзномъ являть съ именемъ Милона уже не можетъ быть вѣрно удержано. См. что объ этомъ сказано пишущимъ эти строки, въ его статьѣ: *Ueber einige angebliche Steinschneider, Mém. de l'Acad. Imp. des sciences, Série VI. T. VIII. стр. 247.* Слѣдуетъ еще упомянуть о статуѣ, описанной въ латинской эпитаграммѣ сборника *Antologia Latina*, No. 681 ed. Мюллера, и о стѣнной картинѣ, найденной въ Помпеи, *Bull. dell' Inst. arch.* 1847. стр. 132. Но чтобы небольшую мраморную статую, изданную въ *Archaeologische Zeitung* 1849. Р. 4, точно можно было признать за Дафну, какъ полагали (*Archaeologische Zeitung* 1851. стр. 319.), то съ этимъ трудно согласиться.

PLANCHE XXXIX.

OBJETS EN ARGENT.

I l y a plus de vingt ans que le seau en argent, richement décoré, que nous publions ici¹, a été trouvé en Moldavie, dans le district de Dorohôu, sur la rive droite du Pruth, dans un village appartenant à Jonize Jamandiu. La hauteur en est de cinq vershoks et un quart, le poids de neuf livres; le travail, bien soigné, se distingue en ce que les figures sont champléevées, opération fort difficile et employée très-rarement². Du reste le style est celui du second siècle de notre ère. Sous le fond se voient les lettres pointillées suivantes:

256 208 51

Le bas-relief, dont la circonférence du vase est orné, représente trois scènes érotiques tirées de la mythologie grecque: Hylas ravi par les Nymphes, Daphné poursuivie par Apollon, et Leda avec le cygne. La fable d'Hylas, à en juger par le nombre très-restreint des monuments de ce genre conservés jusqu'à nos jours³, a rarement exercé le talent des artistes anciens, mais très-fréquemment celles de Daphné⁴

¹ Il a été édité aussi par RAOUL-ROCHETTE: Choix de peintures de Pompéi p. 199 et par Mr. КÖHNIG dans les Mém. de la Soc. Archéol. de St. Pétersbourg To. I. Pl. 1.

² Notre musée possède pourtant deux plats d'argent exécutés de cette manière dont un de l'époque romaine et l'autre de celle des Sassanides.

³ A tous ceux recueillis par RAOUL-ROCHETTE au lieu cité il faut ajouter encore la peinture mentionnée par PÉTRONE: Satyr. ch. 83 et la margelle d'un puits en dernier lieu publiée par WISELER: Die Nymphen Echo, 1844.

⁴ RAOUL-ROCHETTE: Choix de peintures de Pompéi p. 59 a réuni les monuments de ce genre. Pourtant ce qu'il a dit sur la pierre gravée, avec le nom de Niron, ne s'aurait plus être maintenu. Voyez ce que l'auteur de ces lignes a remarqué à ce sujet dans son Mémoire: Ueber einige augebliche Steinschneider, Mém. de l'Acad. Imp. des sciences. Sér. VI. To. VIII. p. 217. Il faut encore mentionner la statue décrite dans une épigramme de l'Anthologia Latina No. 681 éd. MEYER, et une peinture murale trouvée à Pompéi, Bull. dell' Inst. arch. 1847. p. 132. Qu'une petite figure en marbre, publiée dans l'Archaeologische Zeitung 1849. Pl. 1, soit une Daphné, comme on l'a supposé (Archaeologische Zeitung 1851. p. 349.), c'est ce, qu'il est difficile d'admettre.

и Ледъ изображались ими весьма часто¹. Что касается до нашего ведра, то оно отличается отъ всѣхъ прочихъ подобныхъ ему памятниконъ особенностію, съ какою эти три баса на немъ изображены.

По разсказу древняго баснословія Гила, любимецъ Геркулеса и спутникъ его въ походы Аргонавтовъ, нагнулся къ рѣкѣ Асканію дабы почерпнуть воды и утолить жажду. Нимфы рѣи, пораженные красотою этого юноши, увлекли его въ струю и удерживали тамъ не смотря на его сопротивленіе². Между тѣмъ Геркулесъ сталъ искать его и громко звать по имени, но ему оторило только эхо. На нашемъ сосудѣ не представлено самой рѣи, которую мы видимъ на другихъ памятникахъ, но изображены четыре Нимфы, украшенныя какъ и прочія женщины, представленныя на ведрѣ, двумя кольцами на каждой рукѣ и ожерельемъ на шеѣ³. Нимфы вышли изъ рѣи и обливаются водою изъ гидрій. Опечаленный Гила, повинуясь головою и скрестивъ ноги⁴, стоитъ между этими молодыми дѣвами и опираясь лѣвою рукою на гидрію, другою отклоняетъ отъ себя ласки Нимфы, старающейся склонить его въ удовлетворенію своей страсти. И такъ здѣсь представленъ не самый моментъ похищенія Гилы, но нѣсколько позднѣйшая сцена. Онъ уже поставленъ въ невозможность бѣжать и подчинился необходимости остаться съ Нимфами, но опечаленный тѣмъ чего лишился, не можетъ поддаться побужденіямъ молодой дѣвы. По этой причинѣ Гила не изображенъ здѣсь въ сопровожденіи Амура, какъ тѣ два страстные бога, которыхъ мы видимъ въ остальныхъ группахъ нашего ведра.

¹ Смори о Ледѣ и значительномъ числѣ памятниковъ, на которыхъ она изображена, Ланя: *Archaeologische Beiträge* стр. 1, *Sitzungs-Berichte der kön. Sächs. Gesellsch. der Wissensch.* 1852. стр. 47, 1853. стр. 14. Мы присовокупимъ къ этому знаменитую вазу Ватиканскаго Музея, *Monum. pubbl. dall' Inst. arch.* T. II. P. 22; барельефъ, украшающій потолокъ древнихъ триумфальныхъ воротъ въ Реймсѣ, *Lavoye: Monuments de la France* T. I. P. 112; барельефы на двухъ надгробныхъ столбахъ, изъ коихъ одинъ находится въ Виенскомъ Музее, *Lavoye: Monuments de la France* T. I. P. 72, другой въ Бордоскомъ, *Revue archéol.* T. X. стр. 271; обложку барельефа, въ послѣднее время найденный въ Шпальбѣ, *Revue archéol.* T. VIII. стр. 189; бронзовую группу, названную Боргоми: *Collect. Antiq. Rom.* P. 27; мозаику, вырытую изъ земли въ Ксентѣ, Мувелл: *Handbuch.* стр. 521, 3-е изд.; стѣнную картину въ Помпеи, *Bullett. Napolet. Nuv. Ser.* T. I. стр. 29; двѣ лампы, видныя авторомъ этого описанія въ Мюнхенскомъ Королевскомъ Музее; третью Ватиканскаго Музея, *Pistolsky: Il Vaticano descritto* T. III. P. 46; два камня и два разбитыхъ злугубъ камня Императорскаго собранія; еще другой мѣталъ, изданный Филлеромъ: *Denkm. von Castra Vetera* P. 42. No. 22, и *Erotische Bildw.* P. 4. No. 4. и наконецъ сердоликъ Дюранденаго собранія, въ Witt: *Collection Durand* стр. 502. No. 2605. Но весьма невѣроятно, чтобы доиневская живопись, названная въ Mus. Borbon. T. I. P. 24., также относилась къ баснѣ о Ледѣ

² Овокрытъ: Идилліи 13, 53.

*Nimphi rēn ophēterōis epī yōunasi kōidōn ēxōntai
daihrōēnt', ayanōtai parēphōnt' ēpēssōn*

«Впрочемъ Нимфы посадили плачущаго юношу къ себѣ на колѣна и старались успокоить его ласковыми речами.»

³ На одной Нимфѣ и на Ледѣ кромѣ того повязка ниже груди, какую носили женщины въ древности, чтобы быть привлекательнѣе. Векск: *Charikles* T. II. стр. 329.

⁴ Такое положеніе ногъ выражаетъ печаль, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ Филострата Старшаго: II 7. Καὶ ἡ στρατιὰ πενθεῖ τὸ μερμήριον, περιστάσθαι αὐτὸ τέρψιν ἄρα. Πήξαντες δὲ τὰς αἰχμὰς ἐς τοῦθαρος ἐλλαλάττουσι τὸ πόδες, καὶ στρεφόμεναι ἐπὶ τῶν αἰχμῶν, ἀπερείσαντες οἱ πλείστοι δυσφρονοῦσας τὰς κεφαλὰς τῷ ἄρτι. «Воинско оплакиваетъ молодого человека, окружаетъ его, испуская рыданія. Воины оползая копыя свои въ землю, и опираются на нихъ скрестивъ ноги, и большая часть изъ нихъ принимаетъ къ нимъ головою отчаянное печалью.» Сравни Старшаго: *Der anruhende Herakles* въ *Mém. de l'Acad. Imp. des sciences.* Sér. VI. T. VIII. стр. 425 (173).

et de Lédæ¹. Quant à notre seau, il se distingue de tous les autres monuments analogues par l'originalité avec laquelle les trois fables y sont traitées.

Hylas, le favori d'Hercule et son compagnon dans l'expédition des Argonautes, ainsi le raconte l'antiquité, s'étant baissé près du fleuve Ascanios, pour y puiser un peu d'eau et se désaltérer, les Nymphes du fleuve, frappées de la beauté du jeune garçon, l'entraînèrent dans les ondes et l'y retinrent par force, malgré toute sa résistance². Hercule, qui le cherchait et l'appelait à grands cris, n'entendait rien que son nom répété par l'écho. Ici l'on ne voit pas le fleuve même, ainsi qu'il arrive sur d'autres monuments, mais quatre Nymphes, ornées, comme toutes les autres femmes représentées sur notre vase, de deux bracelets à chaque bras et d'un collier³. Elles sont sorties des ondes et occupées à des ablutions, au moyen d'hydries, pleines d'eau. Hylas attristé, baissant la tête et croisant les pieds⁴, est debout au milieu des jeunes filles, et posant le bras gauche sur l'hydrie d'une des Nymphes, repousse les caresses par lesquelles elle cherche à le faire condescendre à ses desirs. Ce n'est donc pas le moment même où Hylas est enlevé, mais un moment un peu postérieur. La fuite lui est déjà interdite; il s'est soumis à la nécessité de rester chez les Nymphes, mais le chagrin de ce qu'il a perdu ne lui permet pas de se rendre aux douces invitations de la jeune fille. C'est pourquoi il n'est pas, comme les dieux passionnés que l'on voit dans les deux autres groupes de ce bas-relief, accompagné par un Amour.

¹ Quant à Lédæ et aux nombreux monuments qui la concernent, voir JAHN: *Archaeologische Beiträge* p. 1, *Sitzungs-Berichte der kön. Sächs. Gesellsch. der Wissensch.* 1852. p. 47, 1853. p. 14. Nous ajouterons à ce sujet le vase célèbre du musée du Vatican, Monum. pubbl. dall' Inst. arch. To. II. Pl. 22.; le bas-relief qui orne le plafond de l'arc-de-triomphe antique, à Rheims, LABORDE: *Monuments de la France* To. I. Pl. 112.; ceux de deux cippes, l'un du musée de Vienne, LABORDE: *Monuments de la France* To. I. Pl. 72., l'autre du musée de Bordeaux, *Revue archéol.* To. X. p. 274.; le fragment d'un bas-relief trouvé dans les dernières années à Champieu, *Rev. archéol.* To. VIII. p. 189.; un groupe en bronze publié par BONIOMI: *Collect. Antiq. Rom.* Pl. 27.; une mosaïque exhumée à Xanthos, MÜLLER: *Handbuch* p. 521. 3ème éd.; une peinture murale de Pompéi, *Bullett. Napolet. Nuov. Ser.* To. I. p. 29.; deux lampes, que l'auteur de cet article a vues au musée royal de Munich, une troisième du musée du Vatican, PISTOLESI: *Il Vaticano descritto* To. III. Pl. 46.; deux camées et quatre intailles de la collection IMPÉRIALE, une autre intaille publiée par FIEDLER: *Denkm. von Castra Vetera* Pl. 42. No. 22. et *Erotische Bildw.* Pl. 4. No. 4. et une cornaline de la collection Durand, DE WITTE: *Collection Durand* p. 502. No. 2605. Ce qui est très-problématique, c'est que la peinture de Pompéi publiée dans le Mus. Borbon. To. I. Pl. 24. se rapporte à Lédæ.

² THÉOCRITE: *Idyll.* 13, 53.

Νύμφαι μὲν σφετέραις ἐπὶ γούνασι κοῦρον ἔχουσαι
δακρυέοντ', ἀγανοῖσι παρεφύχοντ' ἐπέεσσιν.

«Les Nymphes cependant tenaient sur leurs genoux le jeune garçon en pleurs et tâchaient de relever son courage par d'aimables propos».

³ Une de ces Nymphes et Lédæ portent outre cela, sous le sein, la ceinture par laquelle les femmes de l'antiquité tâchaient de se rendre plus attrayantes. BECKER: *Charities* To. II. p. 329.

⁴ Cette position comme marque de tristesse est indiquée dans un passage de PHILOSTRATE l'Ancien: II, 7 *Καὶ ἡ στρατιά πένθει τὸ μεσάκιον, περιστάτες αὐτὸ ἑρῆνῃ ἄμα. Πηῆξαντες δὲ τὰς αἰχμὰς ἐς τοῦδαρος ἐναλλάττουσι τὸ πόδε, καὶ στήριζονται ἐπὶ τῶν αἰχμῶν, ἀπερείσαντες οἱ πλείστοι θυπορούσας τὰς κεφαλὰς τῷ ὄχει. «Et l'armée pleure le jeune homme, elle l'environne en poussant des sanglots. Les guerriers enfoncent leurs lances dans le sol, s'y appuient en croisant la jambe, et la plupart y posent leurs têtes appesanties par la douleur».* Comparez STEPHANI: *Der ausrühende Herakles* dans les *Mém. de l'Acad. Imp. des sciences. Sér. VI.* To. VIII. p. 425 (173).

Во второй группѣ представлена Дафна, пришедшая къ рѣкѣ почерпнуть воды и умыться, и потому она изображена совершенно нагою съ гидріею въ рукѣ. Рѣка эта либо Ладонь въ Аркадіи, либо Амнявъ въ Лаконіи, либо Пеней въ Фессаліи и означена на нашемъ сосудѣ въ видѣ сидящей Нимфы, облачающейся на вазу, изъ которой течетъ вода. Дафна уже наполнила свою гидрію водою и стоя на одномъ колѣнѣ, собирается поднять ее, но въ то самое время подходитъ къ ней богъ музыки, котораго личность означена здѣсь лирою и молчаномъ. Сопровождаемый богомъ-малюткою любви онъ изъясняется ей въ своихъ вѣжныхъ чувствахъ. Скромная молодая дѣва, испуганная его неожиданнымъ появленіемъ, роняетъ изъ рукъ своихъ гидрію и силится оттолкнуть правою рукою воспламененнаго страстію бога. Последствіе встрѣчи его съ Дафною означено здѣсь болѣе тонкимъ и изящнымъ образомъ, чѣмъ на другихъ памятникахъ, лавровыми вѣтвями, которыя мы видимъ въ рукахъ у Аполлона и у Нимфы.

Подобно Дафнѣ и Леда была занята своимъ купальнымъ уборомъ. На возвышеніи видна небольшая ваза, вѣроятно съ благоуханіями или предметами убранства. Сама Леда только-что хотѣла сбросить съ себя покрывало, когда царь боговъ, превращенный въ лебедя и несомый на спинѣ маленькимъ Эротомъ, приблизился къ Ледѣ, дабы подъ этимъ видомъ насладиться ея любовно. Молодая дѣва не уступаетъ желаніямъ бога и старается оттолкнуть отъ себя лѣвою рукою распаленнаго страстію лебедя, тогда какъ Эротъ представляетъ ей габюсъ, символъ вселивной, давая тѣмъ замѣтить, что лебедь этотъ не только птица, но и властелинъ земли. Известно, что Юпитеръ, также какъ и другія божества, часто изображался съ подобнымъ символомъ¹ и не менѣе достоверно, что этотъ круглый предметъ не можетъ быть ни яйцомъ, ни зеркаломъ, за которыя его принимали, потому что яйца меньше и имѣютъ овальную форму, а не круглую, круглая же зеркала дѣлались съ рукою и не походятъ на шаръ, какъ изображенный здѣсь предметъ. Впрочемъ подносимый Эротомъ шаръ можетъ быть и простая игрушка, какъ мы видимъ это на другихъ памятникахъ². Но судя по тому какъ Эротъ показываетъ этотъ шаръ Ледѣ, намѣреніе, приписываемое нами художнику, оказывается болѣе правдоподобнымъ.

¹ Сравни, для примѣра, ЛЕНОРМАТ: Nouvelle Gal. Mythol. P. 8. No. 4.

² См. САМРАНА: Opere in plastica P. 54. Reale Galleria di Firenze V-a Copia. P. 29. No. 3.

Le second groupe montre Daphné, qui est venue près d'un fleuve, soit le Ladon en Arcadie, l'Amyclas en Laconie ou le Pénée en Thessalie, pour puiser de l'eau et procéder à sa toilette. C'est pourquoi elle est représentée entièrement nue et tenant une hydrie. Le fleuve est indiqué par une Nymphe assise, les bras posés sur un vase, d'où coule de l'eau. Daphné, un genou en terre, est sur le point d'enlever l'hydrie déjà pleine, quand le dieu de la musique, caractérisé par le carquois et la lyre, vient vers elle. Accompagné du petit dieu de l'amour, qui tient un flambeau, il lui fait un tendre aven. La chaste jeune fille, épouvantée de cette apparition inattendue, laisse tomber son vase et tâche de repousser de la main droite le dieu transporté d'amour. Le résultat de cette rencontre, la métamorphose de la jeune fille, est indiqué d'une manière plus délicate et plus convenable aux règles du beau que dans d'autres monuments antiques, par les branches de laurier, qu'Apollon et la Nymphe tiennent dans leurs mains.

Comme Daphné, Lédä est occupée de sa toilette de bain. Sur une élévation se voit un petit vase, sans doute rempli de parfums ou d'objets de parure. Elle-même va déposer son vêtement, quand le roi des dieux, métamorphosé en cygne et porté sur le dos d'un petit Eros, s'approche pour obtenir sous cette forme les faveurs de l'amour. La jeune fille, loin de céder, tâche d'écarter de la main gauche l'oiseau, qui résiste vivement. Mais Eros lui présente de la main droite une boule, symbole du monde, pour lui faire comprendre que le cygne qu'elle voit n'est pas un simple oiseau, mais réellement le maître de l'univers. Il est bien connu que les représentations de Jupiter, ainsi que d'autres divinités, sont souvent accompagnées d'un pareil symbole¹, et il n'est pas moins certain que l'objet en question ne peut être, comme on l'a supposé, ni un oeuf, ni un miroir; car les oeufs sont plus petits et de forme ovale, non circulaire, tandis que les miroirs ronds ont un manche et ne ressemblent pas à un globe, comme l'objet ici représenté. Pourtant la boule portée par Eros pourrait être aussi un simple joujou, ce que l'on voit ailleurs². Mais par la manière dont il la montre à Lédä, l'intention que nous supposons à l'artiste paraîtra plus vraisemblable.

¹ Comparez par exemple LENOIR: Nouvelle Gal. Mythol. Pl. 8. No. 4.

² Voyez CAMPANA: Opere in plastica Pl. 54. Reale Galleriä di Firenze Ser. V Pl. 29. No. 3.

РИСУНОКЪ XL—XLII.

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ.

Тамъ же, гдѣ былъ найденъ предыдущій сосудъ, и въ то же время была открыта серебряная, мѣстами вызолоченная ваза, которую мы предлагаемъ читателю на рисункахъ XL—XLII¹. Вышина ея 10 вершковъ, вѣсъ 12 фунтовъ. Хотя она по количеству металла драгоцннѣе того сосуда и вообще великолнпнѣе его, но отдѣлка ея грубѣе, не смотря на то, что частности весьма тщательно выработаны; форма же этой вазы совершенно необыкновенная. Вѣсь этотъ сосудъ сдѣланъ изъ одного куска, за исключеніемъ кентавровъ и небольшого наставленнаго вверху цилиндра, украшеннаго чешуями и не имѣетъ другаго отверстія, кромѣ проходящаго чрезъ этотъ цилиндръ. Кентавры, служаще вмѣсто ручекъ и изъ которыхъ одинъ держитъ въ рукахъ вазу, подобную этой, а другой амфору, внизу остроконечную, равно какъ и наставной цилиндръ работы того же художника, который дѣлалъ самую вазу, но они не изъ одного съ нею куска, а придѣланы снаружи. По стилю своему всѣ сн части вазы совершенно соотвѣтствуютъ одна другой.

На верхней части вазы представлена охота въ двухъ группахъ, раздѣленныхъ деревьями, кажется кипарисомъ. Въ первой группѣ мы видимъ кабана, на котораго нападаютъ два охотника и три собаки; во второй охотника, загоняющаго помощью собаки оленя и самку оленя въ сѣти; у сѣтей поставленъ сторожемъ мальчикъ, замѣчательный канишономъ, покрывающимъ его голову и плечи. Это родъ *δρυφῆρα*² или *sicullus*³, вазу мы обыкновенно находимъ на крестьянскихъ мальчишках⁴.

¹ Часть рельефныхъ изображеній, входящихъ на этой вазѣ, уже была описана Г. Кёна въ Запискѣ С. Петерб. Археол.-Нумизм. Общества. Т. II. Р. IX.

² Пеллакъ: VII, 70. *Δρυφῆρα δὲ στεγαστόν; ὑπὸν ἐπὶ κρανίου ἔχον.* «Дрифтера есть верхній хитонъ со канишономъ.»

³ См. ВАСКЕН: Gallus T. III. стр. 127.

⁴ Нанр. Spon: Miscell. erud. antiq. стр. 308. Museo Borbonico T. IV. P. 54. PERROT: Histoire des antiquités de la ville de Nîmes No. 27. LANTINO: Campo santo di Pisa P. 135. CLARAC: Musée de Sculpture P. 151bis. No. 794. GRIVAUD DE LA VINGELLE: Recueil de monum. P. 41. Bull. dell' Inst. archeol. 1846. стр. 404. Bull. archeol. Napolet. 1848. T. VI. P. 4. No. 4. Archaeol. Zeitung 1848. стр. 302.

PLANCHE XL—XLII.

OBJETS EN ARGENT.

aux mêmes temps et lieu, que le monument précédent, a été trouvé un autre vase d'argent, doré en partie, que nous publions sur les Planches ici indiquées¹. La hauteur en est de 10 verchoks, le poids de 12 livres. Si au point de vue matériel il a plus de valeur, et si dans l'ensemble il est plus imposant que le précédent, l'exécution, quoique très-détaillée et très-soignée, en est pourtant beaucoup plus grossière encore et la forme tout-à-fait extraordinaire; car le tout, à l'exception des Centaures et du petit cylindre orné d'écaillés superposées, est d'une pièce et n'a d'autre ouverture que celle du cylindre. Les Centaures, qui servent d'anses et dont l'un porte un vase semblable à celui-ci même, l'autre une amphore terminée en pointe, proviennent du même artiste, ainsi que le cylindre; toutefois ils ne sont pas de la même pièce que le reste du vase, mais y sont rapportés et attachés. Les styles se correspondent parfaitement.

La partie supérieure du vase offre la représentation d'une chasse, en deux groupes séparés par un arbre, qui semble être un cyprès. Le premier groupe fait voir un sanglier attaqué par des chasseurs et trois chiens; l'autre, un homme qui, aidé d'un chien, chasse un cerf et sa femelle vers des filets, gardés par un jeune garçon, remarquable par le capuchon qui couvre sa tête et ses épaules. C'est une espèce de διφθέρα² ou cucullus³ que l'on trouve porté particulièrement par des paysans⁴.

¹ Une partie des reliefs dont il est orné, a été déjà éditée par Mr. KÖHNÉ dans les Mém. de la Société Arch. de St. Pétersbourg To. I. Pl. 2.

² POLLUX: VII, 70. Διφθέρα δὲ στεγαστὲς χιτὼν ἐπίκρανον ἔχων. «Diphitéra est un chiton placé en dessus et garni d'un capuchon».

³ Voyez BECKER: Gallus To. III. p. 127.

⁴ P. e SPON: Miscell. erud. antiq. p. 308. Museo Borbonico To. IV. Pl. 54. PERROT: Histoire des antiquités de la ville de Nîmes No. 27. LASINIO: Campo santo di Pisa Tav. 135. CLARAC: Musée de Sculpture Pl. 151bis. No. 794. GRIVAUD DE LA VINCELLE: Recueil de Monum. Pl. II Bull. dell' Inst. archeol. 1846. p. 101. Bull. archeolog. Napolet. 1848. To. VI. Pl. I. No. 4. Archaeol. Zeitung 1848. p. 302.

Средній барельеф вазы представляет бой между Греками и Амазонками. Въ немъ можно различить три группы, изъ которыхъ одна состоитъ изъ двухъ Амазонокъ и одного Грека. Грекъ собирается проволоть копьемъ упавшую съ лошади Амазонку, но въ то же время другая Амазонка на конѣ приспѣваетъ къ ней на помощь и угрожаетъ умертвить воина сѣкирою. Во второй группѣ мы видимъ Амазонку на конѣ, на которую нападаютъ два Грека, одинъ въ полномъ вооруженіи, другой только въ хламидѣ и съ мечемъ въ рукѣ. Третья группа представляетъ бой конной Амазонки съ пѣшимъ Грекомъ. Мѣстность, въ которой происходитъ эта борьба означена нѣсколькими цвѣтками и деревьями, похожими на кипарисовыя. Одежда сражающихся и сбруя лошадей необыкновенно богато украшены.

Наконецъ, на нижней части вазы изображены три морскихъ чудовища въ видѣ коня, барса и козла; на каждомъ изъ нихъ по Неридѣ, почти совершенно нагой и съ ожерельемъ на шеѣ, на которомъ виситъ амулетъ. Одна изъ Неридъ причесываетъ волосы, двѣ другія держатъ шарфы, надуваемый вѣтромъ. Между двумя изъ этихъ группъ видна двойная раковина.

Le relief au milieu du vase représente un combat entre des Grecs et des Amazones. On y distingue trois groupes, dont un est formé de deux Amazones et d'un Grec. Ce dernier est sur le point de percer de sa lance une Amazone tombée à terre, tandis qu'une autre accourt à cheval et menace le guerrier de sa hache. Le second groupe fait voir une autre Amazone à cheval, attaquée par deux Grecs à pied, l'un complètement armé, l'autre ne portant que la chlamyde et le glaive. Le troisième représente le combat d'une Amazone à cheval contre un Grec à pied. Le lieu de la lutte est indiqué par quelques fleurs et par des arbres ressemblant à des cyprès. Les vêtements des combattants, ainsi que les harnais des chevaux, sont embellis d'ornements singulièrement riches.

Enfin sur le bas de la panse sont représentés trois monstres marins, en forme de cheval, de panthère et de bouc, portant chacun une Néréide, presque nue et ornée d'un collier, d'où pend un amulette. L'une est occupée à mettre en ordre sa chevelure; les deux autres tiennent une écharpe gonflée par le vent. Entre deux de ces groupes se voit une coquille bivalve.

РИСУНОКЪ XLIII.

БРОНЗОВЫЯ ВЕЩИ.

К числу предметовъ, найденныхъ въ гробницѣ, показанной на Планѣ С No. 5', принадлежитъ и бронзовый медальонъ, изображеніе котораго мы представляемъ здѣсь въ настоящую величину. Хотя назначеніе этого медальона остается сомнительнымъ, но онъ тѣмъ не менѣе замѣчательнъ граціозностію своего сюжета, выполненнаго въ весьма хорошемъ стилѣ. Этотъ медальонъ состоитъ изъ двухъ круговъ, одинъ въ другой вкладывающихся. Верхній кругъ снимается и украшенъ выпуклыми изображеніемъ, залитымъ снизу какимъ-то веществомъ, составъ котораго нѣтъ трудно опредѣлять. На этомъ веществѣ изображеніе оттиснулось съ такою полнотою, что на немъ отпечатались даже самыя легкія черты оригинала, какъ это видно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ металлъ истребился. На виднѣмъ краѣ медальона видна шапочка или головня гвоздя, вбитаго въ медальонъ, но съ какою именно цѣлю — сказать трудно.

Медальонъ представляетъ молодого бога вина, сидящаго на куцѣ булыжнаго камня съ тирсомъ въ правой рукѣ, часть котораго отломлена. Передъ нимъ сидитъ на заднихъ лапахъ барсъ; нѣсколько пониже Вакха мальчикъ безъ крыльевъ, можетъ быть Амуръ. Позади, на одной высотѣ съ Вакхомъ, сидитъ Ариадна или какая нибудь другая женщина изъ вакхическаго тіаса; она опрокинулась назадъ и страстно обнимаетъ бога. Уста ея жаждутъ поцѣлуя. Правую рукою она обхватила стѣну любовника, а лѣвою старается набросить на него свою широкую одежду и такимъ образомъ укрыть сладостныя тайны любви отъ нескромныхъ взоровъ.

См. Введеніе стр. LXII.

PLANCHE XLIII.

OBJETS EN BRONZE.

Aux objets dont le tombeau dessiné sur le Plan-C No. 5 a enrichi notre collection¹ appartient aussi le joli médaillon en bronze que nous reproduisons ici de grandeur naturelle.

Quoique la destination en reste douteuse, il n'en est pas moins remarquable par une gracieuse composition, d'un très-bon style. Il consiste en deux plaques, dont l'une entre dans une rainure pratiquée dans la seconde. La supérieure, qui peut s'enlever, est ornée d'un haut relief, obtenu au repoussé et rempli par-dessous d'une matière dont aujourd'hui il est difficile de déterminer la nature. Cette matière s'est moulée sur tous les creux avec tant d'exactitude, qu'elle a parfaitement conservé les traits les plus délicats de l'original, dans les endroits où la feuille métallique a disparu. Au bas du dessin on voit un bouton ou tête de clou, enfoncé dans la partie inférieure du médaillon, mais dont l'emploi n'est pas facile à préciser.

Sur une élévation, consistant en pierres brutes, s'est placé le jeune dieu du vin, tenant de la main droite un thyrsé, dont une partie est cassée. Devant lui est accroupie une panthère; près de lui, plus bas, est un jeune garçon sans ailes, peut-être l'Amour; derrière Bacchus et sur la même élévation que lui est assise Ariadne ou une autre femme du thiasé bachique, qui, se renversant en arrière, l'embrasse avec transport. Ses lèvres cherchent celles de son amant; du bras droit elle enveloppe sa taille, tandis que de la main gauche elle s'efforce de ramener sur lui son vêtement aux plis nombreux, afin de dérober aux yeux profanes les doux mystères de l'amour.

¹ Voyez l'Introduction p. LXIII.

РИСУНОКЪ XLV.

БРОНЗОВЫЯ ВЕЩИ.

РАЗНАЯ УТВАРЬ.

МАСШТАБЪ ОЗНАЧЕНЪ ВЪ ВЕРХКАХЪ.

Змѣя изъ литой бронзы, No. 1.

Змѣя эта, за исключеніемъ головы и шее, внутри пуста, въ ней еще сохранилась часть мастины, которую она была наполнена. Если разсматривать эту змѣю снизу, то по расположенію колецъ ее кажется, что она была закрѣплена на какомъ-нибудь выпукломъ предметѣ, и вѣроятно составляла ручку вазы, можетъ быть мраморной. Однако съ большимъ правдоподобіемъ предположить можно, что эта змѣя принадлежала къ числу эмблемъ, ставившихся древними въ могильныхъ склепахъ и составлявшихъ какъ бы ихъ геніевъ-хранителей, какъ объясняетъ Вервилюинъ, говоря о эмѣяхъ съ хребтомъ на головѣ, которыхъ нашли прикрѣпленными къ стѣнамъ гробницъ, открытой въ Перуджин¹. Въ такомъ случаѣ должно будетъ предположить, что наша змѣя находилась установленною на надгробномъ столбѣ, или саркофагѣ, такъ что голова ее торчала впередъ, или повышенною на стѣнѣ головою внизъ. Вопросъ этотъ мы оставимъ нерѣшеннымъ, но замѣтимъ, что змѣя эта изображена такъ вѣрно природѣ, что натуралистъ найдетъ въ ней большое сходство съ *четыреглазнымъ ужемъ* (*coluber elaphis*, Schaw.) или *змѣею Эскулана* (*coluber Aescularii*, Schaw. Lacép.); оба породы которыхъ водятся на Югѣ Европы.

Прислана изъ Керченскаго Музея.

2. Большая лохань, найдена въ гробницѣ Царина съ золотомъ масною. См. описаніе Р. 1.

Лохань эта какъ снаружи, такъ и внутри вызолочена. Значительный размѣръ ея и прекрасная форма, совершенно соответствующая ея украшеніямъ, состоящимъ въ двухъ ручкахъ въ видѣ Медузинныхъ головъ, придаютъ ей характеръ особеннаго великолѣтія. Хотя въ вѣскольныхъ мѣстахъ ярь и пробилась сквозь позолоту, но въ другихъ она осталась совершенно невредимою.

¹ Verwilt: Il sepolcro dei Volanni и т. д. стр. 46. Р. II и VIII.

PLANCHE XLIV.

OBJETS EN BRONZE.

INSTRUMENTS ET USTENSILES.

L'ÉCHELLE EST EN VERGUES Russes

Serpent en bronze coulé. No. 1.

Le corps du reptile est creux, sauf la tête et le cou; il contient encore des restes de mastie, et la disposition des lignes qui forment ses anneaux, vus en dessous, indique que l'objet a dû être fixé à un corps arrondi. L'idée de l'anse d'un vase, peut-être en marbre, s'offre tout d'abord à l'esprit. Mais on peut admettre, avec plus de vraisemblance, que c'était un de ces emblèmes que l'on plaçait dans les caveaux funéraires et qui en étaient comme les génies tutélaires, ainsi que l'explique VERMIGLIOLI en parlant des figures de serpents, à tête ornée d'une crête, que l'on trouva fixées au mur dans un tombeau découvert à Perugia¹. En ce cas il faut que le lecteur se représente notre serpent, soit posé sur un cippe ou sur un sarcophage, la tête dressée en avant, soit fixé à un mur, la tête en bas. C'est une question que nous laissons indécise, en ajoutant que l'exécution de cet objet est d'une assez grande vérité pour qu'un naturaliste ait pu y reconnaître la *couleuvre à quatre raies* (coluber elaphis, Shaw.) ou celle dite *serpent d'Esculape* (coluber Aesculapii, Shaw. Lacép.), toutes deux habitant le sud de l'Europe.

Envoi du Musée de Kertch.

2. Bassin ou grande jatte trouvée dans le tombeau de la reine du masque d'or. (Voir le texte de la Planche I.).

Son diamètre considérable et ses belles proportions, en harmonie avec les deux anses à tête de Méduse qui en composent l'ornementation, donnent à cette jatte, qui est dorée intérieurement et extérieurement, un grand caractère de beauté. L'oxyde a percé par places la couche du métal précieux, mais dans beaucoup d'endroits elle est restée intacte.

¹ VERMIGLIOLI: Il sepolcro dei Volunni, etc. p. 46. Pl. II et VIII.

Мы находим лохань подобной формы въ Бурбонскомъ Музее¹, и сходную съ ней по очертанію² въ рукахъ у мраморной статуи, найденной на мѣстѣ древняго форума въ Пренестѣ и представляющей или Нимфу, оплакивающую смерть Марсіа, или одну изъ Данадъ. Спрашивается на что употреблялась наша лохань? Не слѣдуетъ ли ее признать за *арданіонъ* (*ardanon*) т. е. вазу, ставившуюся съ иллюстраціонною водою у дверей дома покойника, въ которой прощающіеся съ нимъ обмывались по выходѣ, равно употребляющуюся и для водопоя скота. Предположеніе правдоподобное; а когда мы вспомнимъ то, что выше сказано нами о гробницѣ, въ которой была найдена эта лохань, сѣтованіе, предметовъ котораго безъ сомнѣнія была кончина Париса и что въ той же гробницѣ была найдена и козья сѣрка (Р. XXIX.), то можно будетъ согласиться, что лохань имѣла или то, или другое употребленіе. Къ подтвержденію послѣдняго изъ сихъ предположеній мы замѣтимъ, что на одномъ изъ кусковъ лиры (Р. LXXIX фиг. 14), сохранилась часть фигуры человѣка, пощаго коней изъ такой же вазы, какъ описанный здѣсь сосудъ.

3. Обломокъ вазы, составляющій верхнюю часть ея.

По извѣстію стѣла ручки этой вазы, украшенной на нижней своей части изображеніемъ, кажется, гарпіи, можно судить о великолѣпіи всей вазы, которая по окружности своей, можетъ быть, представляла рельефныя фигуры, подобныя изображенной подл. No. 3 этого же рисунка.

Въ нашемъ Музее есть два бронзовыхъ сосуда о трехъ ручкахъ такой же формы какъ на No. 7; на одномъ, неполномъ, онъ изукрашенъ, на другомъ, позолоченномъ и съ плоскою крышкою какъ на No. 7, и потому вѣроятно также служившемъ пещельною урною, ручки гладкія; окружность же всѣхъ этихъ сосудовъ едва держится. Высота ихъ 40 вершковъ, и такой же величины, вѣроятно, былъ и сосудъ, которому принадлежитъ этотъ обломокъ.

Присланъ изъ Керченскаго Музея.

4. Обломокъ деревянной палки, обернутой въ видѣ спирали двумя толстыми проволоками, между которыми сохранились отъ дерева только небольшія частички.

На верхней части этой палки видѣнъ резецъ съ орломъ между рогами. Мы не знаемъ какое назначеніе она могла имѣть, но издаемъ ее въ надеждѣ, что, можетъ быть, со временемъ представится случай, который послужитъ къ ея объясненію.

Найдены Г. Карейшею въ 1839, въ плитовой гробницѣ близъ Карантиннаго шоссе, вмѣщавшей въ себя кромѣ того нѣсколько золотыхъ вещей, игральную кость и т. п.

5. Обломокъ группы, изображающей часть женской фигуры, вѣроятно Нимфы, въ объятияхъ мужчины, отъ котораго сохранились только туловище и лѣвая рука. Обломокъ этотъ, сдѣланный въ превосходномъ стилѣ, вѣроятно, составлялъ украшеніе бронзовой вазы съ рельефными изображеніями. Въ одномъ изъ рапортовъ своихъ Г. Ашикъ упоминаетъ о подобной вазѣ, но она, вѣроятно, вся разрушилась отъ окисл.

Присланъ изъ Керченскаго Музея.

6. Гидрія объ одну ручку.

Найдена Карейшею, въ 1840 году въ курганѣ неподалеку отъ Аджи-Мухалъ.

¹ Museo Borbonico. T. IV. P. LXIII.

² Visconti: Musée Pie-Clem. T. II. P. 2; но должно замѣтить, что эта ваза есть реставровка новѣйшаго времени.

Le Musée Bourbon possède une jatte de forme semblable¹. Une statue en marbre trouvée sur l'emplacement du forum de l'ancienne Préneste et représentant soit une des nymphes qui pleurèrent la mort de Marsyas, soit une Danaïde, tient un vase à peu près pareil². Quel pouvait être l'usage du nôtre? Était-ce un vase pour l'eau lustrale que l'on plaçait devant la porte de la maison d'un mort, afin que ceux qui lui faisaient la dernière visite s'y purifiassent en sortant, et que l'on nommait *ardanion* (ἀρδάνιον), vase que l'on employait aussi pour abreuver les animaux? Cela est probable; et l'on peut admettre l'un ou l'autre de ces emplois, en se rappelant tout ce que nous avons dit sur la sépulture de la reine et sur le deuil dont elle paraît avoir été l'objet, et que le harnais de cheval figuré sur la Planche XXIX. a été trouvé dans son tombeau. A l'appui de l'idée du dernier emploi, nous ferons observer que sur l'un des fragments de la lyre (Pl. LXXIX. fig. 14.) on distingue les restes d'une figure humaine tenant un vase de forme pareille, devant l'attelage d'un quadrigé, dans l'attitude d'un homme qui abreuve un cheval.

3. Partie supérieure d'un vase.

La beauté du style de l'anse dont le pied est orné de la figure d'une harpie, il semble, donne l'idée de la magnificence du vase dont la panse était peut-être ornée de figures en relief, semblables à celles du fragment No. 5. de cette planche.

Notre musée possède deux vases en bronze, à trois anses de forme pareille à celles du No. 7., ornées dans l'un, qui est fragmenté, unies dans l'autre, qui est doré et muni d'un couvercle plat comme le No. 7, ce qui peut faire supposer qu'il a eu la même destination. Leur hauteur est de 10 verchoks, dimension que devait avoir le vase dont nous n'offrons que le fragment.

Envoi du Musée de Kertch.

4. Baguette formée de deux gros fils tordus en spirale autour d'un morceau de bois dont des fragments sont restés engagés entre les fils.

Il est difficile de déterminer l'usage de cet objet dont la partie supérieure offre la figure d'un taureau, avec celle d'un aigle posé entre ses cornes. Nous le publions dans l'espoir que quelque circonstance fortuite aidera à en expliquer la signification.

KAREISCHA. 1839. Chemin de la Quarantaine. Tombeau en dalles renfermant en outre quelques bijoux en or, un dé à jouer, etc.

5. Groupe fragmenté offrant le corps d'une femme nue, celui d'une nymphe probablement, dans les bras d'un homme dont on n'aperçoit plus que le torse et la main gauche. Ce fragment, qui est d'un très-beau style, appartenait vraisemblablement à l'ornementation d'un vase en bronze enrichi de reliefs. Mr. Aschik mentionne dans un de ses rapports un vase de cette nature que l'oxyde a dû détruire.

Envoi du Musée de Kertch.

6. Hydrie à une anse.

KAREISCHA. 1840. Tumulus près de Hadji-Mouschkaï.

¹ Museo Borbonico. IV. Tav. LXIII.

² VISCONTI: Musée Pie-Cléin. To. II. Pl. 2. Le vase, il est vrai, est une restauration moderne.

Сосудъ этотъ, вѣроятно, не иное что какъ кружка. Известно, что древнія гидріи представляютъ большое разнообразіе формъ, какъ мы это видимъ и на прекрасномъ барельефѣ съ изображеніемъ Давидъ¹ и многихъ другихъ памятникахъ древности. Онѣ бывали то съ одною², то съ двумя руками³, иногда же не имѣли ихъ вовсе⁴.

Хотя древнія кружки вообще и принято называть *гидріями*, но онѣ известны были и подъ другими наименованіями: такъ Теокрытъ называетъ *кроссомъ* (*κροσσός*) бронзовую вазу, съ которою Гила ходилъ почерпнуть воды изъ источника, когда Нимфы увлекли его въ пучину⁵.

8. Гидрія, найденная въ гробницѣ Царицы съ золотою маскою. Гидрія эта снабжена крышкою, на которой изображена птица. Мы уже выше сказали предположеніе наше, что этою гидріею вѣроятно черпали воду для серебрянаго кувшинчика Р. XXXVII. 2, который съ правдоподобіемъ можно отнести къ туалетнымъ вазамъ Царицы. Цицеронъ упоминаетъ о гидріяхъ изъ серебра⁶ и изъ коринской бронзы⁷.

7. 11. 12. 13. Сосуды, найденные въ Куль-Обской гробницѣ. (См. Планъ А. g. q.)

Сосудъ No. 7 съ тремя ручьями, передняя изъ нихъ украшена изображеніемъ гарпіи. Крышка въ видѣ плоскаго, тонкаго кружка плотно закрываетъ отверстіе, и еще донынѣ сохранились три винта, на которыхъ она была къ нему прикрѣплена. Этотъ великолѣпный сосудъ нѣкогда былъ весь позолоченъ, и на нашемъ рисункѣ означены мѣста, гдѣ ярь пробилась сквозь золото. Въ Февралѣ 1854 г. поступилъ въ Эрмитажъ отъ Графа Л. А. Перовскаго точно такой же сосудъ, также позолоченный. Онъ имѣлъ въ себѣ пещель, при вырѣтн же его изъ кургана близъ Керчи, въ которомъ онъ былъ найденъ въ присутствіи Графа, еще можно было замѣтить на горлышкѣ сего сосуда остатки вѣнка изъ натуральныхъ цвѣтовъ, совершенно высохшихъ, но которые еще можно было узнать.

Изображенная здѣсь ваза была пуста, когда ее привезли въ Эрмитажъ, и ни въ одномъ рапортѣ о разрытій Куль-Обскаго кургана не упоминается, чтобы въ ней находилась пещель, но судя по винтамъ, на которыхъ была прикрѣплена къ вазѣ крышка, видно что они были отвинчены съ усиліемъ и потому опять вставлены на свои мѣста, ибо на винтахъ замѣтны слѣды отвертки.

Древніе означали пещельныя урны различными наименованіями. Атений называетъ ихъ гидріями (*υδρία*)⁸. Мосхъ упоминаетъ о *золотомъ кроссѣ*, для храненія пепла⁹. Алебастровая же урна, въ которой хранился пепелъ Септимія Севера названъ у Геродіана *калпсомъ* (*καλπς*)¹⁰.

Сосудъ No. 12 имѣетъ обыкновенную форму амфоръ для вина и вѣроятно служилъ для этого употребленія, потому что онъ внутри и снаружи позолоченъ. Гомеръ упоминаетъ о золотыхъ амфорахъ¹¹, а skoliasъ Пиндара о бронзовыхъ¹². Обыкновенно же, какъ известно, амфоры дѣлались изъ глины.

Сосуды No. 11 и 13 имѣютъ овальную форму, по удостовѣренію Дюбрюкса они были наполнены овечьими костями (см. Введеніе стр. XXVI). Мы уже привели выше (см. описаніе Р. V. 1) замѣтельное свидѣтельство Луціана о вѣрованіи древнихъ въ продолженіе матеріальной жизни за гробомъ. И такъ въ этихъ сосудахъ вѣроятно хранились жизненные припасы Царя, тогда какъ въ четырехъ глиняныхъ амфорахъ, стоявшихъ вдоль Западной стѣны склена (см. Планъ А. f.) находился запасъ вина.

Сосудъ No. 11 имѣетъ въ вышину и самомъ большемъ своемъ поперечникѣ болѣе 12 вершковъ и принадлежитъ къ значительнѣйшей по своему размѣру утвари, дошедшей до насъ отъ древнихъ временъ;

¹ VISCONTI: Musée Pie-Clém. T. IV. P. 36 ² PASSERIUS: Piet. Etrusc. T. I. 28. STACKELBERG: Die Gräber der Heil. XVI. ³ MILLINGEN: Uned. Mon. I. 27. ⁴ См. Р. XXXIX нашего Атласа. ⁵ Теокрытъ: XIII. 39. 46.

⁶ CICERO: in Verrem II. 19. ⁷ CICERO: Тамъ же, IV. 44. ⁸ Атений: X. 413. b. ⁹ Мосхъ: Идил. IV. ст. 34.

¹⁰ Геродіанъ: III. 15. IV. 1. ¹¹ Гомеръ: Ил. XXIII. 92. ¹² SCHOL. ad PIND. Nem. X. 67.

Il n'est pas à supposer que ce vase ait eu une autre destination que celle d'une aiguière. La forme de l'hydrie offrait beaucoup de variétés, comme nous le voyons dans le beau bas-relief des Danaïdes¹, et dans bien d'autres monuments antiques. Elle avait tantôt une anse²; tantôt deux anses³; tantôt point d'anse⁴.

Le mot *hydrie* employé en général pour désigner une aiguière, n'est pas le seul nom dont les anciens se servaient pour cela; car THÉOCRITE donne celui de *krossos* (κρῶσσος) au vase en bronze avec lequel Hylas va puiser de l'eau à la source où les nymphes l'entraînèrent au sein de l'onde⁵.

8. Hydrie trouvée dans le tombeau de la reine du masque d'or. Elle est munie d'un couvercle orné de la figure d'un oiseau. Nous avons exprimé ailleurs notre opinion que cette hydrie avait pu servir à puiser l'eau destinée à l'aiguière en argent de la Pl. XXXVII. 2. qui avait été vraisemblablement un des vases de toilette de la reine. CICÉRON parle d'hydries en argent⁶, et en bronze de Corinthe⁷.

7. 11. 12. 13. Vases trouvés dans le tombeau du Koul-Oba. (Voyez Plan A. g. q.).

Le No. 7. a trois anses; celle de devant est ornée d'une figure de harpie. Un couvercle plat et mince, en forme de disque, en ferme l'orifice sur lequel il était maintenu par trois vis qui existent encore. Ce vase magnifique était entièrement doré. Notre planche indique les places où l'oxyde a percé et envahi la couche du métal précieux. Mr. le COMTE PEROFFSKY a envoyé à l'Ermitage (février 1854) un vase presque pareil, entièrement doré. Il renfermait des cendres; et quand on l'exhuma en sa présence du tumulus qui le recélait, aux environs de Kertch, on constata sur le col de ce vase les débris tout desséchés, mais encore reconnaissables, d'une couronne de fleurs naturelles.

Lorsque notre vase arriva à l'Ermitage, il était vide; et, nulle part, dans les rapports concernant la découverte du Koul-Oba, il n'est fait mention que ce vase ait renfermé des cendres; mais on peut constater par l'état des vis qu'elles avaient été enlevées puis replacées, car leurs têtes portent les traces de l'action d'un instrument et de la force qu'on employa pour dévisser le couvercle.

Les urnes cinéraires sont désignées chez les anciens par différents noms. ATHÉNÉE emploie le mot *hydria* (ὑδρία)⁸. MOSCHUS parle d'un *krossos en or*, destiné à cet usage⁹. L'urne cinéraire en albâtre de Septime Sévère est désignée chez HÉRODIEN par le mot *kapis* (κάπις)¹⁰.

Le No. 12., de la forme ordinaire des amphores à vin, a pu servir à cet usage; car ce vase est doré intérieurement et extérieurement. HOMÈRE parle d'amphores en or¹¹; le scholiaste de PINDARE, d'amphores en bronze¹². On sait que leur matière ordinaire était l'argile.

Les No. 11 et 13. qui sont de forme ovale, étaient remplis d'os de mouton, suivant le rapport de DUBRUX (voyez Introduction, page XXVII.). Nous avons cité ailleurs (texte de la Pl. V. 1.) le passage significatif de LUCIEN, sur la croyance des anciens aux besoins matériels dans une autre vie. Ces vases renfermaient donc vraisemblablement les provisions de bouche du roi, comme les quatre amphores en terre placées le long de la muraille occidentale du tombeau (Voyez Plan A. f.) renfermaient sa provision de vin.

La hauteur et le grand diamètre du No. 11 mesurent plus de 12 verchoks. C'est un des plus grands ustensiles que l'antiquité nous ait légués; car s'il n'a pas la dimension d'un de ces vases ou

¹ VISCONTI: Musée Pie-Cléme. To. IV. Pl. 36. ² PASSERIUS: Pict. Etrusc. I. 28. STACKELBERG: Die Gräber der Hell. XVI. ³ MILLINGEN: Uned. Mon. I. 27. ⁴ Voyez notre Planche XXXIX. ⁵ THÉOCRITE: XIII. 39. 46.

⁶ CICÉRON: Verr. II. 19. ⁷ CICÉRON: Ibid. IV. 44. ⁸ ATHÉNÉE: X. 413. b. ⁹ MOSCHUS: Idyll. IV. v. 34.

¹⁰ HÉRODIEN: III. 15. IV. 1. ¹¹ HOMÈRE: II. XXIII. 92. ¹² SCHOL. AD PIND.: Nem. X. 67.

ибо хотя его не возможно сравнить по величинѣ съ сосудами или бочками, известными подъ именемъ *писосов* (πίσος) и *писаклей* (πισάκην), въ которыхъ могъ спрятаться человекъ, но все таки онъ напоминаетъ сосуды, называемые древними писателями *стамнами* (στάμνος) и *виками* (βίκος)¹, служившіе для храненія запасовъ вина, растительнаго масла, финг² и соленой провизіи³, сосуды безъ сомнѣнія меньше противъ вышеозначенныхъ, во которыхъ вида и вмѣстимости положительно мы не знаемъ.

9. *Симпулумъ* (συνήμιον). Найденъ Г. Карейшею въ 1843 году, въ курганѣ близъ Конь-Такия. После окончанія этого рисунка поступило въ Эрмитажъ нѣсколько подобныхъ этому бронзовыхъ орудій, совершенно цѣльныхъ.

10. Зеркало; ручка его разломана. На этомъ зеркалѣ еще сохранились слѣды позолоты, которою оно было покрыто. Оно украшено гравировкою, изображающею двухъ львовъ.

Найдено Г. Ашиномъ въ 1833 г., въ курганѣ на Митридатовой горѣ, въ плитовой гробницѣ, вмѣщавшей въ себѣ разрушившійся гробъ изъ кипарисоваго дерева, въ которомъ находились два оства, двѣ глиняныя и одна небольшая раскрашенная вазы, чаша и это зеркало.

14. Стрижиль. Найденъ Г. Ашиномъ въ 1844 г. въ курганѣ близъ Карантинной слободки, въ которомъ кромѣ того находились два золотыхъ кольца и нѣсколько другихъ мелкихъ вещей.

15. Родъ пилластра, изъ литой бронзы, въ серединѣ пустаго, на передней сторонѣ фигура, кажется, молодаго Вакха, прислоненнаго къ лѣвѣй плечу и изображеннаго въ легкой мантии, ниспадающей съ плечъ и сдерживаемой на груди кольцомъ, и обутого въ полусапожки. Трудно опредѣлять назначеніе этого предмета. Судя по двумъ скобкамъ на задней сторонѣ, полагать должно, что онъ укрѣплялся въ стѣнѣ.

Найдены въ гробницѣ Царицы съ золотою маскою.

¹ Ussing: De pom. vas. graec. disputatio, въ разн. мѣст. ² Luc: Mer. dial. 44 ³ Атеней: III. 446. f.

Мы предлагаемъ здѣсь, какъ заключительный вынѣтъ, два замѣчательныхъ барельефа. Первый найденъ былъ въ Недвиговѣ (см. Надписи No. LXXVII) и представляетъ всадника въ такомъ же чешуйчатомъ доспѣхѣ, каковъ описанъ нами выше (см. Р. XXVII). Другой присланъ изъ Керченскаго Музея и есть обломокъ надгробнаго камня, посвященнаго памяти лица, бывшаго въ одно время стихотворцемъ и воиномъ, какъ заключить можно по лирѣ и оружію, изображеннымъ на этомъ камнѣ.

tonneaux nommés *pihos* (πίθος) et *pihaenè* (πιθάεινη) qui étaient assez grands pour cacher un homme, il fait songer du moins à ces vases d'une dimension moindre, nommés *stamnos* (στάμνος) et *bikos* (βίκος) dont il est fait mention dans les auteurs anciens¹, comme destinés à conserver des provisions de vin, d'huile, de figes², de salaisons³, mais dont la vraie forme et la capacité réelle nous sont inconnues.

9. *Simpulum* (σῆμαλον). KAREISCHA. 1843. Tumulus près de Kop-Takil. Depuis la confection de cette planche, l'Érmitage a reçu plusieurs ustensiles en bronze tout à fait pareils et intacts.

10. Miroir. Le manche est fragmenté. Ce miroir conserve encore des traces de la dorure qui le recouvrait. On y distingue deux figures de lions, gravées au trait.

ASCHIK. 1833. Tumulus sur le Mont Mithridate. Tombeau en dalles renfermant un cercueil en bois de cypres (il n'a pu être conservé) qui contenait deux squelettes, deux vases en argile, un petit vase peint, une coupe et le miroir ci-dessus.

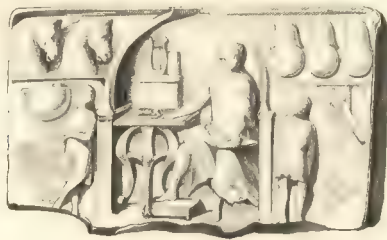
14. Strigile. ASCAIK. 1841. Tumulus près de la Slobodka Quarantinaia, renfermant en outre deux bagues en or et quelques autres objets. Notre musée possède plusieurs strigiles pareilles.

15. Objet en forme de pilastre creux, en bronze coulé, offrant la figure de Bacchus, il semble, couvert d'une draperie légère tombant de ses épaules, fixée sur la poitrine par un anneau, les pieds chaussés de brodequins, et appuyé contre une branche de lierre. Il est difficile de déterminer la destination qu'a eue cet objet. Les deux tenons dont il est muni semblent indiquer qu'il était fixé à une muraille.

Tombeau de la reine du masque d'or.

¹ Ussing. De nom. vas. graec. disputat. passim. ² Lucien: Dial. des court. 14. ³ Athénée: III. 116 f.

Nous offrons en culs-de-lampe à la fin de ce volume, deux bas-reliefs intéressants. Le premier, trouvé à Nedvigovka (voyez Inser. No. LXXVII), offre un cavalier couvert d'une armure en écailles dont la disposition rappelle celle que nous avons expliquée dans le texte de la Pl. XXVII. Le second, provenant du Musée de Kertch, est un fragment d'une pierre tumulaire consacrée à la mémoire d'un homme, à la fois poète et guerrier, il semble, à en juger par la lyre et les armes qui décorent le monument.

ПОПРАВКИ.

Стр.	строка	напечатано:	читай:
XXXIV,	41	<i>У ногъ замѣчено было</i>	— У ногъ Царя замѣчено было
XL,	2	<i>Аустоъ</i>	— Журавлей
L,	16		
LXIV,	12		
	связу		
LX,	47	<i>Замостскаго Карантина</i>	— Замостскаго Кордона
CX,	17 связу	<i>Гармонассою</i>	— Гармонассою
CXXXIV,	4, 8, 13	<i>Узуларекаю</i>	— Узуларекаго
CL,	24	<i>нмъ</i>	— нмъ
22,	Примѣч. 1	<i>Chariclès</i>	— Charikles

CORRECTIONS

Page	ligne	lisez:
XXI,	47	<i>était placé</i> — étaient placés
LXXXIII,	38	<i>perprétation</i> — perpétration
CXLIII,	8	<i>du muraille</i> — de muraille
23, Note 4		<i>Chariclès</i> — Charikles
99,	21	<i>bien harmonie</i> — bien en harmonie
167,	5	<i>repousé</i> — repoussé
177,	19	<i>un une espèce</i> — une espèce
204,	6	<i>dane</i> — dans
219, Note 3		<i>ddte</i> — pâte

